

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия:
проблемы
государственности
на Балканах
(конец XVIII–XXI вв.)

МОСКВА
2020

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Авторы:

О.И. Агансон, И. Баева, Я.В. Вишняков, Т.В. Волокитина, Д. Григорова,
Н.С. Гусев, С.И. Данченко, П. Димитрова, С. Елдаров,
П.А. Искендеров, Каори Кимура, Е.С. Киреева, З.В. Клименко,
Е.П. Кудрявцева, А.А. Леонтьева, И. Марчева (Атанасова),
К.В. Мельчакова, О.Е. Петрунина, О.В. Соколовская, Т. Стоилова,
Н.Г. Струнина-Бородина, А.С. Стыкалин, М.М. Фролова,
В.Б. Хлебникова, К. Цуркан, И.В. Чуркина

Редакционная коллегия:

С.И. Данченко (отв. ред.),
Т.В. Волокитина,
П.А. Искендеров,
Н.Г. Струнина-Бородина,
М.М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. О.А. Дубовик,
к. и. н. Л.А. Кирилина

Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах
С47 (конец XVIII–XXI вв.). Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. —
М.: Институт славяноведения РАН, 2020. — 526 с. — (Никитинские
чтения «Славяне и Россия»).

ISBN 978-5-7576-0445-9

DOI 10.31168/2618-8570.2020

Настоящая коллективная монография представляет собой первое комплексное исследование проблематики генезиса государственности у славянских народов Балканского полуострова в российской историографии. Вошедшие в нее очерки подготовлены профессиональным коллективом авторов на основе использования архивных документов с учетом новейших достижений отечественной и зарубежной историографии. В процессе работы использованы самые современные методы исторических и междисциплинарных исследований.

Коллективная монография «Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.)» предназначена как для профессиональных историков-славистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей Балканского региона.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

ISBN 978-5-7576-0445-9
ISSN 2618-8570
DOI 10.31168/2618-8570.2020

© Коллектив авторов, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020

Содержание

Предисловие (<i>П.А. Искендеров</i>)	5
Россия, Высокая Порта и православные подданные султана после Кючук-Кайнарджийского мира (1774—1787 гг.) (<i>Т. Стоилова</i>)	9
Еврейское население Софии XVIII в. (по документам кадийского суда) (<i>А.А. Леонтьева</i>)	25
Представления о собственном государстве у греков в конце XVIII — первой трети XIX вв. (<i>О.Е. Петрунина</i>)	35
Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.) (<i>Е.П. Кудрявцева</i>)	45
Из истории Герцеговины в 1833—1851 гг. Али-паша Ризванбегович: опыт самостоятельного управления краем (<i>К.В. Мельчакова</i>)	61
Отражение в румынской историографии проблемы объединения Румынских княжеств в 1859 г. (<i>К.В. Цуркан</i>)	75
Русские панслависты 1860—1870-х годов (<i>И.В. Чуркина</i>)	85
Русское гражданское управление в Болгарии и проблема болгарских беженцев в свете становления болгарской государственности (1877—19.02.1878 гг.) (<i>М.М. Фролова</i>)	106
К вопросу о роли «русского фактора» в развитии сербской государственности (1878—1903 гг.) (<i>С.И. Данченко</i>)	151
Борьба Сербии за экономическую независимость в конце XIX — начале XX вв. (<i>Е.С. Киреева</i>)	170
Сербская государственность в 1903—1914 гг. Миф о «эре Перикла» (<i>Я.В. Вишняков</i>)	185
Черногорская правящая династия Петровичей-Негошей и формирование национальной государственности (<i>Н.Г. Струнина-Бородина</i>)	214
Внешний фактор в становлении албанской государственности (1878—1914 гг.) (<i>П.А. Искендеров</i>)	233
Особенности политического процесса в Болгарии глазами русских (конец XIX — начало XX вв.) (<i>Н.С. Гусев</i>)	252

Проблема изучения черногорского законодательства начала XX в.: нормативный и социологический подходы (<i>В.Б. Хлебникова</i>)	267
Высшие чиновники МИД России о Греции в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. (По новым материалам МИД РФ) (<i>О.В. Соколовская</i>)	283
Почему 27 ноября? К предыстории Нейкинского договора 1919 г. (<i>С. Елдаров</i>)	302
На службе у идеологического противника своей страны. Болгары, сотрудничавшие с советской разведкой во время Второй мировой войны (<i>И. Баева</i>).....	319
На пути к сферам влияния и конец «балканской полифонии»: Юго-Восточная Европа в стратегических расчетах Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны (<i>О.И. Агансон</i>)	339
Экономическое развитие Болгарии в 60-е годы XX в. глазами советских дипломатов (по документам Архива внешней политики Российской Федерации) (<i>Т.В. Волокитина</i>)	356
Югославский социализм: взгляд из Венгрии (1956 г.) (<i>Каори Кимура, А.С. Стыкалин</i>)	390
Между «двойным освобождением» и оккупацией: болгарское общество об итогах Второй мировой войны (<i>П. Димитрова</i>)	410
Болгаро-советское научное сотрудничество во второй половине XX в. как форма «народной дипломатии» (на примере исторической науки) (<i>И. Марчева (Атанасова)</i>)	434
«Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах (<i>Д. Григорова</i>)	456
Роль албанской общины в восстановлении и развитии государственности Черногории в начале XXI в. (<i>З.В. Клименко</i>)	473
Заключение (<i>П.А. Искендеров</i>)	493
Резюме	495
Summary	509
Сведения об авторах	523

Предисловие

Представленная вниманию читателей коллективная монография «Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII — XXI вв.)» — новое слово в отечественной славистике и балканистике. Ее авторы поставили перед собой амбициозную цель: в виде научных очерков проанализировать ключевые проблемы балканской государственности сквозь призму взаимоотношений России и СССР со славянским населением региона. Это позволяет не только по-новому рассмотреть важнейшие аспекты борьбы балканских славян за национальное освобождение и формирования у них государственных и общественных институтов, но и сформулировать основанные на фактах и неопубликованных архивных документах модели российского содействия данным процессам, опровергнуть тенденциозные и антинаучные представления о якобы стремлении России закабалить славянские народы и использовать их в собственных военно-политических целях, а также вычлнить подлинные причины сложностей во взаимоотношениях Петербурга и балканских народов и государств, проистекавших в том числе из имевшей место, начиная с XVIII в., «противоречивости взаимных ожиданий» России и славянского населения Балканского полуострова. Кроме того, впервые в российской историографии максимально подробно и объективно рассматриваются такие противоречивые и деликатные вопросы балканской истории, как исторические корни современной приднестровской проблемы, роль еврейского населения в истории Балкан, «русский фактор» в становлении государственности у сербов и других балканских народов, генезис и сущность панславизма, теория и практика «русского мира».

Научные очерки, представленные в формате нынешней коллективной монографии, могут быть объединены в несколько тематических кластеров. Это межнациональные отношения на Балканах, специфика балканской государственности как теоретического

понятия и практической категории, историческая роль России в освобождении славян Балканского полуострова, влияние внешнего фактора в истории региона.

Различные аспекты межнациональных отношений на Балканах в XVIII — начале XXI вв. рассматриваются в разделах, авторами которых являются Т. Стоилова [«Россия, Высокая Порта и православные подданные султана после Кючук-Кайнарджийского мира (1774–1787 гг.)»], А.А. Леонтьева [«Еврейское население Софии XVIII в. (по документам кадийского суда)»], З.В. Клименко («Роль албанской общины в восстановлении и развитии государственности Черногории в начале XXI в.»).

Теоретические и практические аспекты балканской государственности представлены в очерках, которые подготовили К.В. Мельчакова («Из истории Герцеговины в 1833–1851 гг. Али-паша Ризванбегович: опыт самостоятельного управления краем»), О.Е. Петрунина («Представления о собственном государстве у греков в конце XVIII — первой трети XIX вв.»), М.М. Фролова [«Русское гражданское управление в Болгарии и проблема болгарских беженцев в свете становления болгарской государственности (1877–19.02.1878)»], Я.В. Вишняков («Сербская государственность в 1903–1914 гг. Миф о “эре Перикла”»), Н.Г. Струнина-Бородина («Черногорская правящая династия Петровичей-Негошей и формирование национальной государственности»), В.Б. Хлебникова («Проблема изучения черногорского законодательства начала XX в.: нормативный и социологический подходы»).

Роль России в становлении государственности у балканских славян всесторонне проанализирована в разделах Е.П. Кудрявцевой [«Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.)»], С.И. Данченко [«К вопросу о роли “русского фактора” в развитии сербской государственности (1878–1903 гг.)»], О.В. Соколовской [«Высшие чиновники МИД России о Греции в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. (По новым материалам МИД РФ)»], П. Димитровой («Между “двойным освобождением” и оккупацией: болгарское общество об итогах Второй мировой войны»), И. Марчевой (Атанасовой) [«Болгаро-

советское научное сотрудничество во второй половине XX в. как форма “народной дипломатии” (на примере исторической науки)»].

Ряд очерков непосредственно посвящены столь актуальной в современной балканской и мировой историографии проблеме, как подлинная и мнимая роль внешнего фактора в истории Балкан. В этой связи следует отметить соответствующие тематические разделы, которые подготовили П.А. Искендеров [«Внешний фактор в становлении албанской государственности (1878–1914 гг.)»], С. Елдаров («Почему 27 ноября? К предыстории Нейского договора 1919 г.»), И. Баева («На службе у идеологического противника своей страны. Болгары, сотрудничавшие с советской разведкой во время Второй мировой войны»), О.И. Агансон («На пути к сферам влияния и конец “балканской полифонии”: Юго-Восточная Европа в стратегических расчетах Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны»).

Большое внимание авторы представленной вниманию читателей коллективной монографии уделили экономическим сюжетам и проблемам. Это относится к разделам, которые подготовили Е.С. Киреева («Борьба Сербии за экономическую независимость в конце XIX — начале XX вв.»), Т.В. Волокитина [«Экономическое развитие Болгарии в 60-е годы XX в. глазами советских дипломатов (по документам Архива внешней политики Российской Федерации)»].

Важным вкладом в отечественную славистику и балканистику является всестороннее рассмотрение авторским коллективом различных аспектов имагологической проблематики, связанной со взаимным восприятием национальной истории друг друга различными народами и государствами. Этой крайне актуальной и многофакторной тематике посвящены очерки К.В. Цуркан («Отражение в румынской историографии проблемы объединения Румынских княжеств в 1859 г.»), Н.С. Гусева [«Особенности политического процесса в Болгарии глазами русских (конец XIX — начало XX вв.)»], К. Кимура и А.С. Стыкалина [«Югославский социализм: взгляд из Венгрии (1956 г.)»].

Следует особо отметить два очерка, которые подготовили И.В. Чуркина («Русские панслависты 1860–1870-х годов») и

Д. Григорова («Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах»). Они посвящены вопросам политики России в отношении государств Юго-Восточной Европы с использованием методов, получивших в настоящее время наименование «мягкая сила». Это — контакты в общественной, научной, гуманитарной сферах, развитие системы институтов, занимающихся изучением и продвижением проблематики двустороннего сотрудничества России и славянских государств.

Все очерки, вошедшие в настоящую коллективную монографию, подготовлены с использованием новейших методов исторических исследований. Их авторы вводят в научный оборот десятки и сотни неопубликованных документов из российских и зарубежных архивов, а также досконально и объективно анализируют самые современные историографические течения и концепции, существующие в отечественной исторической литературе, трудах историков балканских стран, западноевропейских государств и США.

Представленная коллективная монография, безусловно, вызовет интерес не только среди профессиональных историков-славистов и балканистов, но и у широких кругов читателей, интересующихся актуальными проблемами истории России, Балкан и Европы в целом.

Россия, Высокая Порта и православные подданные султана после Кючук-Кайнарджийского мира (1774–1787 гг.)*

Подписанный 10 (21) июля 1774 г. в Кючук-Кайнарджи договор принуждает Османскую империю принять предложенные Россией условия мира, которые расширяют ее границы на юг¹, уничтожают многовековое господство турок в Черном море и их абсолютный контроль над Проливами². Следствием договора является развитие наступательной политики, в результате которой Петербург добивается исключительных территориальных и стратегических позиций.

После заключения договора 1774 г. в отношениях России с Османской империей возникают несколько проблем, которые определяют политику обеих империй в 70-х и 80-х годах XVIII в. За договором следует конвенция, подписанная в султанском дворце Айналы Кавак в 1779 г.** , и несколько дополнительных договоренностей 1783 г.: торговый договор, договор о присоединении Крыма к России и Георгиевский договор*** , который

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Болгарии, проект ДНТС/Русия 02/17, ФНИ «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

** Айналы-Кавакская (или Константинопольская) конвенция 1779 г. — соглашение между Российской и Османской империями, касавшееся в основном проблемы Крыма. Помимо прочего, конвенция предоставляла российским торговым судам такого же тоннажа, как французские и английские, право прохода через Проливы (Прим. ред.).

*** Торговый договор был подписан 10 июня 1783 г. и вступил в силу 21 сентября 1783 г. после обмена ратификационными документами.

8 (19) апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест о включении Крымского ханства, Таманского полуострова и Кубани в состав Российского государства.

28 декабря 1783 г. (8 января 1784 г.) Россия и Турция подписали «Акт о мире, торговле и границах обоих государств».

Георгиевский трактат 1783 г. — договор о покровительстве и верховной власти Российской империи с объединенным восточно-грузинским царством Картли-Кахети (Восточная Грузия) о переходе Грузии под протекторат России. Заключен в крепости Георгиевск (Северный Кавказ) (Прим. ред.).

решает проблему Грузии в пользу России. Тем не менее, формальное решение основных проблем во взаимоотношениях не устраняет недоразумений и взаимных претензий. Потерянные территории и позиции в Черноморском бассейне являются причиной постоянных жалоб со стороны Порты, возникновения множества препятствий на пути к осуществлению соглашений, что логически ведет к окончанию мирного периода.

Основные проблемы в отношениях двух Империй, связанные с положением православных подданных султана в период между войнами, касаются, прежде всего, права России покровительствовать православным в Османской империи³ и связанной с ним амнистии участников русско-турецкой войны, исполнения условий по восстановлению православных церквей, русской поддержки высшего православного духовенства, а также строительства русской церкви в Константинополе в районе Пера. Особенно значимой и трудной при решении оказывается проблема, связанная с правами турецких подданных использовать российский торговый флаг или переселяться в Россию, не порывая при этом торговых связей между двумя Империями. Важной составляющей в русско-турецких отношениях остается политика Петербурга в Дунайских княжествах, Черногории, на Адриатике. Многие проблемы берут свое начало в 1760-е годы, включая русско-турецкую войну 1768–1774 гг.

Вывод русских военных кораблей из турецких вод после подписания Кючук-Кайнарджийского договора оказывается неблагоприятным для *греческих капитанов, которые принимают участие в войне на русской стороне и, следовательно, под российским флагом*. Хотя многие из них жалуются на опасности, которые их ожидают, несмотря на согласованную между Империями амнистию*, на самом деле их беспокоит возможное ограничение свободы действий, допустимой во время войны. Привычная для греков вольница доставляет немало хлопот российскому посланнику в Константинополе: плавающие под российским флагом греческие суда могли нанести вред достоинству Андреевского флага и русских моряков. Полномочный послан-

* Имеется в виду амнистия по воинским преступлениям, предусмотренная статьей 1-й Кючук-Кайнарджийского мирного договора (Прим. ред.).

ник Российской империи в Константинополе князь Н.В. Репнин опасается, что неправомерные действия греков могут войти в привычку и их трудно будет искоренить⁴. Приказ императрицы Екатерины II в связи с этим категоричен: изъять флаги у капитанов кораблей, не находящихся на службе России после окончания войны и не имеющих намерения стать русскими подданными⁵.

В Петербурге приветствуют решение некоторых бывших греческих капитанов переселиться в Россию, где они могли бы приносить пользу российскому флоту. В XVIII веке эмиграция — доступный и распространенный способ получения покровительства со стороны России⁶. В то же время переселение устраняло опасность дополнительных осложнений в отношениях с Портой, против которой эти капитаны, ее подданные, воевали⁷.

Вопросы, непосредственно затрагивающие религию, свя-заны со строительством русской церкви, с обновлением православных церквей в Османской империи, а также с желанием русских представителей в Константинополе быть полезными высшему православному духовенству. Возникавшие трудности были связаны как с нежеланием Порты, так и с недостаточно настойчивыми, как представляется, действиями русской стороны. Так, например, вопрос с покупкой земли под строительство русской церкви занял слишком много времени⁸.

Часто оказывается невозможным достичь результатов по независящим от Порты причинам. Были, в частности, случаи, когда «спонтанное» противодействие оказывалось уже принятому ею, причем ранее согласованному с местными властями, решению. Например, в конце 1775 г. султан разрешает восстановление и обновление церквей, что вызывает, однако, негодование «турецкого простонародья». Разрешение отменяют, а толпа уничтожает часть уже проделанной работы. В 1781 г. султан решает удовлетворить просьбу о восстановлении сгоревшей армянской церкви в Галате, но из-за возражений муллы вопрос остается нерешенным⁹.

Российские дипломаты в Константинополе также следят за отношениями православных священников, как с турецкими властями, так и между собой. В июне 1776 г. посланник А.С. Стахийев (1775–1781 гг.) сообщает в Петербург о попытках

собранных в Константинополе митрополитов и других архиереев свергнуть патриарха. Осуществить намеченное помешала борьба нескольких кандидатов, претендовавших на патриарший трон. Во главе заговора против патриарха стоит афинский митрополит, который категорически отказывается покинуть столицу, вопреки угрозам Синода выдворить его из города принудительно, с помощью янычар. Впоследствии, сообщает Стахийев, митрополит поселяется на о. Халки и не желает возвращаться в свою епархию, где, оказывается, его не особо любят. Позже становится известно, что миряне также не выказывают недовольства по поводу намерения сменить патриарха. В реляции от 29 декабря 1779 г. Стахийев информирует Петербург о связях Константинопольского патриарха Серафима со столичными жителями. Оказывается, многие из них являются его должниками, а отправленные в 1776 г. собирать долги архимандрит Косма и армейский прапорщик Лампро Николаев, племянник патриарха, не добившись результата, обращаются за помощью к Стахийеву. Два меморандума российского посланника на имя Порты не только не помогают, но становятся поводом для требования Порты от Петербурга запретить бывшим турецким подданным, переселившимся в Россию, возвращаться обратно в турецкие пределы¹⁰.

Беспокойство посланника о русских паломниках в Святые места, вероятно, не особенно велико. Но в одном сообщении 1781 г. говорится о наличии охраны, которая сопровождает их до Иерусалима¹¹.

Статья 11 Кючук-Кайнарджийского договора способствует развитию *русской торговли в южном направлении*. Российские подданные получают право торговать в османских владениях на суше и по морю, а также и по р. Дунай, пользуясь теми же привилегиями, какие предоставлены капитуляциями* французам и англичанам. Российским торговцам гарантируются безопасность, свобода и неограниченное время пребывания в турецких владениях. Право торговать в русских землях с привилегиями,

* Капитуляции Османской империи — двусторонние акты, закреплявшие договоренности султанов с христианскими государствами. Последним предоставлялись права и привилегии в отношении их подданных, проживающих или осуществляющих торговлю на территории Империи (Прим. ред.).

которыми пользуются находящиеся в наиболее дружественных с Россией отношениях народы, и «с уплатой обычных пошлин» получают и турецкие подданные¹².

Исходя из экономических интересов, русская сторона предоставляет желающим осуществлять коммерческие операции подданным султана свой *торговый флаг*, что обеспечивает им свободу плавания в Черном и Эгейском морях и беспрепятственный проход через Проливы. Торговлю России с Грецией в основном ведут греки-переселенцы, плавающие под русским флагом¹³. Тем не менее, имеют место и случаи мошенничества при использовании российского торгового флага, что является серьезной причиной беспокойства Петербурга, поскольку Порта могла бы потребовать объяснений ввиду нарушений ст. 11 Кючук-Кайнарджийского договора¹⁴. Дополнительные осложнения вызывает незаконное использование греками паспортов, выданных магистратом г. Нежина, что предоставляло им привилегии нежинских торговцев¹⁵. Конечно же, бывали случаи, когда греческие капитаны оказывались в трудном положении. Так, в 1779 г. посланник А.С. Стахивев сообщал в Петербург о греках, участниках русско-турецкой войны, которые в течение четырех лет находились в «адмиралтейской темнице». По случаю торжественного обмена ратификационными грамотами Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. Стахивеву удалось освободить всех российских подданных и 17 христиан других народов. Порта, однако, отказывается освободить около 60 греков, обвиняемых в преступлениях на островах, совершенных ими после восстановления мира¹⁶.

В первые годы после Кючук-Кайнарджийского мира Петербург предпринимает усилия по законодательному урегулированию торгового присутствия России в Черном и Средиземном морях, а также русско-турецких торговых отношений. Первым шагом на этом пути становится открытие российского консульства в Архипелаге и в основных торговых центрах вдоль побережья Эгейского моря. Российскими консулами на населенных греками островах назначены греки, которые во время войны были на российской военной службе¹⁷. Айналы-Кавакская конвенция 1779 г. стала первым документом в ряду необходимых

для торговли законов, тарифов и указов. Торговый договор 1783 г. становится важным рубежом, хотя и формальным, в развитии не только российско-турецкой торговли, но и отношений России со средиземноморскими государствами. Уточненные договором положения о развитии торговли позволяют выработать комплексную программу российского продвижения на юг. В результате этого появляются договоры России со странами Средиземноморья. Коммерческие по форме и, в значительной степени, по содержанию, они преследуют и политические цели, связанные со стремлением Империи доминировать на европейской политической сцене¹⁸.

Результатом достигнутых договоренностей стали рост объема торговли в Черном море и благоприятные для российских судов условия в этих водах. Как следствие, растет число торговцев, которые хотят плавать под российским флагом¹⁹. Посланник следит за тем, как себя ведут экипажи русских кораблей, за имевшими место злоупотреблениями, настаивает на контроле, который должен осуществляться российскими представителями на островах²⁰, и таким образом обосновывает необходимость быстрого назначения консулов²¹. Он регулярно высылает в Петербург отчеты и ведомости о прибывающих и отплывающих торговых судах под российским флагом и о турецких кораблях с товарами русских торговцев, о товарах из и для России. Российские черноморские порты, которые фигурируют в ведомостях 1780-х годов, — это Херсон, Таганрог, Еникале (ныне находится в черте г. Керчь), Севастополь, а также вся Таврическая область в целом²².

В российско-турецких отношениях в первые годы мира основной проблемой являются *морейское и архипелагское население и амнистия*, относительно которой Порты упорно отказывается выполнять свои обязательства. Российские представители в Константинополе и Средиземноморье сообщают о многих случаях, когда, как Порты, так и православное население островов и Мореи, не соблюдают договоренностей. Турецкая сторона пытается откладывать решение проблемы. По мнению рейс-эфенди, морейские жители истязали и грабили турецкое население, и для Порты предпочтительнее не выполнить обещанное, чем вызывать новые недоразумения. У нее есть и другое объяснение: эти

провинции Турция вернула себе во время войны с помощью оружия, а не на основании мирного договора, поэтому они не подпадают под действие ст. 17 договора. Кроме того, в тот момент в Морее подняли бунт арнауты, жители разорены полностью, а Порта, как сообщает 24 июля 1777 г. Стахивев, не может в полной мере применить там свою власть. Но посланник продолжает ходатайствовать перед Портой о правах морейских жителей. В 1779 г. особую озабоченность России вызывает экспедиция капитан-паши (командующего турецким флотом) Хасана Джезаирли против мятежников. И хотя вопрос урегулирован в 1781 г., когда по фирману православным в Морее возвратили земли, в начале следующего года российский посланник в Константинополе Яков Булгаков ставит под сомнение эффективность мер, предпринятых Портой для прекращения волнений и бегства ее подданных. По его словам, и в этом случае, как всегда, благие намерения правителя окажутся вредными и вместо пользы скорее приведут к разорению населения²³.

В 1780-х годах увеличивается число греков, получивших русское покровительство с помощью выдачи бератов и фирманов, которые Порта предоставляет иностранным консульствам в Империи²⁴.

Надежды на русское покровительство неоднократно выражали *дунайские господа*. Статья 16 Кючук-Кайнарджийского мирного договора, подтвержденная статьей 7 Айналы-Кавакской конвенции, регулирует отношения Дунайских княжеств с Портой, что также предусматривает и различное по характеру покровительство со стороны России. Российский посланник получает полномочия защищать их права²⁵. Молдавские депутаты в Петербурге (нет информации об их именах) надеются на русскую помощь и против австрийских претензий. В Константинополе греки Фанара ходатайствуют перед российским посланником о валахах и молдаванах и в то же время о строительстве церкви²⁶. Возникающие вопросы настолько тесно переплетены, что всё труднее становится расставлять приоритеты. Часто российскому посланнику приходится выбирать первоочередные, руководствуясь конкретной ситуацией, — возможностями их решения в данный момент. При этом вопросы решаются частич-

но, многие из договоренностей не имеют практического приложения или даже становятся причиной ухудшения отношений и очередной русско-турецкой войны.

Необходимость получения систематической информации о Молдавии и Валахии, а также соображения экономического, политического и стратегического характера, касающиеся интересов России в Юго-Восточной Европе, побуждают российское правительство поставить вопрос о целесообразности учреждения консульства в Княжествах еще в 1775 г. Открытие его становится еще более актуальным к началу 80-х годов XVIII в. в связи с конкретными целями и мерами по присоединению Крыма²⁷.

О значении Княжеств для российской политики свидетельствует тот факт, что формальным поводом смены российского посланника в Константинополе А.С. Стахиева становятся возникшие трения в связи с вопросом о месте резиденции русского генерального консула. Стахиев долго и упорно сопротивляется требованию Порты разместить консульство в Силистре²⁸, а после его согласия в Петербурге решают, учитывая проблемы Крыма, Кавказа, торговли и судоходства в Черном и Средиземном морях, что в турецкую столицу следует направить дипломата, который смог бы более эффективно противостоять Порте. Обстановка в Дунайских княжествах часто становится поводом разногласий нового российского посланника Я.И. Булгакова (1781–1789 гг.) с Портой. Удачным началом решений накопившихся проблем становится аккредитация в конце 1781 г. С.Л. Лашкарева, генерального консула России в Бухаресте (1780–1782 гг.)²⁹.

В 1783 г., сразу после издания манифеста о присоединении Крымского ханства к Российской империи, Булгаков инициирует переговоры по вопросам, касающимся положения Молдавии и Валахии. В это время Лашкарев аккредитирован в качестве резидента при последнем крымском хане Шагин-Гирее, а генеральным консулом в Дунайские княжества отправлен И.И. Северин³⁰.

Результатом эффективной деятельности российского посланника становится Акт о Княжествах — сенед, который ему вручает великий визирь 28 декабря 1783 г., в полном соответствии с тем проектом, который Булгаков предлагал Порте. Турция обязуется соблюдать условия Кючук-Кайнарджийского догово-

ра и Айналы-Кавакской конвенции 1779 г., а также принимает предложения Булгакова о размере налога, уплачиваемого Княжествами, и о несменяемости господарей, за исключением тех случаев, когда их преступление доказано³¹. То, как они смогут воспользоваться полученными выгодами, по мнению Булгакова, зависит от самих Княжеств. Посланник добавляет: как нынешние жители, так и будущие поколения должны быть благодарны русской императрице³². Хатти-шериф султана подтверждает Акт и советует господарям привлекать к управлению местных бояр. Приказы турецким начальникам в соседних с Валахией и Молдавией областях соблюдать установленные хатти-шерифом правила³³ должны гарантировать их выполнение на практике. Но основные проблемы, связанные со сменой господарей, остаются. Булгаков отмечает незаконные действия для удовлетворения личных интересов высокопоставленных служителей Порты, которые стремятся занять место господарей, что противоречит договоренностям между двумя Империями о как можно более редких сменах правителей, которые всегда оканчиваются большими денежными потерями для обоих Княжеств³⁴.

В 1785–1787 гг. русско-турецкие противоречия усугубляются³⁵. В начале 1787 г. Булгаков сообщает Северину об ужесточении турецкой позиции в вопросе о Княжествах. Порты демонстрирует формальное согласие выполнить все требования посланника, но отказывается сменить господаря Валахии Николая Маврогени, бывшего драгомана капитан-паши, назначенного по настоянию последнего валашским правителем. Более того, Порты очевидно опасается, что смена Маврогени может быть истолкована как проявление зависимости ее политики в Дунайских княжествах от России. В то же время она не отрицает, что из-за недостойного поведения господарь заслуживает отставки³⁶.

К трениям в отношении Дунайских княжеств приводят и действия вице-консула в Яссах И.Л. Селунского (1785–1787 гг.), на которого российскому посланнику в Константинополе жалуется рейс-эфенди³⁷.

Ухудшение отношений между Россией и Турцией, которое всё определеннее указывает на приближение разрыва, заставляет Петербург переключить внимание на Княжества. Генеральный

консул Северин вызван в столицу для личной встречи с императрицей. Он сопровождает Екатерину II во время ее поездки в Крым, после чего возвращается в Бухарест с письмами и подарками для видных бояр и духовенства³⁸.

По просьбе интернунция барона Герберта Булгаков выступает перед Портой против назначения прусского консула в Дунайские княжества. Поскольку Пруссия не является соседом Турции и не имеет торговых интересов в Княжествах, прусский консул, по мнению австрийской стороны, будет лишь стремиться привлекать людей и вывозить коней для прусской армии, плести интриги между соседями и использовать в своих интересах возникнувшие между ними недоразумения. Поэтому Порте не следует поддаваться внушениям относительно консула и о заключении договора с прусским королем Фридрихом II (1740–1786 гг.), что не пойдет на пользу Турции. Бейликчи* и рейс-эфенди пытаются успокоить Булгакова, заявив, что не позволяют Пруссии обмануть их³⁹.

Русское влияние на юге также ощущается и по *новым отношениям, которые русские представители поддерживают с местным населением*. Новости приходят в основном из Черногории, но также и из Сербии и Венецианских областей. То есть, интересы балканского населения не обязательно зависят от его подданства. Оказывается, однако, что в этих отношениях существенное значение имеет религия. Например, жалоба сербского народа, переданная через его посланцев Симеона Рашковича и Дмитрия Юрговича по окончании войны, в которой они были готовы участвовать в надежде на свое освобождение, объясняет, что турки нападают на них из-за сходства языка и веры с русскими. При этом сербы недвусмысленно подчеркивают, что их

* Бейликчи (или беглекчи) — начальник канцелярии Бейликчи (дивана), учреждения, которое хранило решения дивана, направляло документы по инстанциям, составляло тексты повелений, манифестов и посланий султана, постановлений, ферманов. В ведении канцелярии были подготовка воинских и земельных уставов и законов, хранение договоров, заключенных с иностранными государствами. Здесь также хранились важные секретные документы, послания султанов, тексты договоров, документы о предоставлении капитуляций, о пожаловании земель, о высших церковных чинах и т.п. См.: История османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. / Под ред. Э. Исханоглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); Перевод с турецкого В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 140 (Прим. ред.).

самыми большими врагами являются турки-бошнаки, с которыми они общаются на одном языке и которые ранее исповедовали православие⁴⁰.

Положение в Черногории еще более тревожное. Внутренние отношения и борьба за власть осложняются продвижением турецких войск к ее землям. После смерти последнего митрополита 15 мая 1785 г. черногорский архиерей Петр Пётрович Негош заявляет о своей приверженности петербургскому двору и напоминает о помощи черногорцев во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Но он не полагается исключительно на Петербург. В России становится известно, что он также ездил с подарками в Австрию, где просил поддержки в свою пользу. Чтобы обратиться за помощью к России, в Петербург прибывает Давид Неранчич, который, по словам его противников, стремится с русской помощью стать королем Черногории. В письменном обращении к российскому правительству от 28 октября 1785 г. он подчеркивает возможность для христианских народов оказать услугу русскому оружию путем совершения диверсий. Местное население может быть привлечено на сторону России по многим причинам. Одна из них — принадлежность к одной вере⁴¹.

Сведения российского консула в Далмации А. Палладоклиса летом 1785 г. подтверждают то, что уже известно о ситуации на Балканах. Скутарский паша пересекает границы своего пашалыка и орудует в Черногории, откуда, вероятно, попытается осуществить свои намерения в отношении Рагузы (Дубровника) и Венецианской Албании. Там надеются на австрийскую помощь. Интерес вызывает сообщение о том, что скутарский паша не грабит только Прасковицкий монастырь, который, как считается, находится под покровительством России. Что касается наличия албанцев-христиан в армии скутарского паши, то Палладоклис отмечает, что их к этому принуждают⁴². Положение в Черногории осложняется после того, как становится известным, что с 1 марта 1786 г. паши Скутари, Берата и Боснии приступают к военной подготовке, а австрийские войска и вооружение французских военных кораблей умножаются. В конце 1786 г. Булгаков сообщает о бунтах черногорского населения, вызванных, как считают в Константинополе, русскими эмиссарами, многие из

которых — священники. Великий визирь пытается доказать, что информация поступает отовсюду, и он даже запросил сведения о том, давались ли фирманы Черногории по требованию Булгакова. Проверка проведена, и хотя фирманы не найдены, подозрения турецкой стороны относительно русского участия в черногорских событиях остаются⁴³.

Русская пресса сообщает о предстоящих реформах в Турции, среди которых упоминается и введение свободы вероисповедания. Предусматриваются беспрепятственное строительство церквей и колокольный звон на территории всей Османской империи. Информация считается неточной, но приемлемым является объяснение благих намерений: стремление увеличить население и прекратить переселение христиан за границу⁴⁴. Не прекращается и поток информации о волнениях в Османской империи⁴⁵.

Летом 1787 г. Булгаков проводит неудачные переговоры с Портой. После встречи 15 июля, которая длится семь часов, он сообщает в Петербург о «безумии», охватившем Порту, что будет иметь, по его мнению, очень важные последствия. Рейс-эфенди требует от России решить в положительном смысле несколько болезненных для Порты вопросов: о выдаче господаря А. Маврокордата*, что предусмотрено ст. 2 Ключук-Кайнарджийского договора; о прекращении переселения / перемещения турецких подданных на русские земли и о возвращении обратно уже перемещенных и уже переселившихся; о том, чтобы не принимать и возвращать обратно пленников, среди которых и грузины, просившие убежище в русском посольстве; о разрешении осматривать русские корабли, плавающие в Черном море, с целью не допускать более подобных нарушений⁴⁶.

Конечно же, основными причинами войны являются не попытки России воспользоваться привилегиями, предоставленными договорами в отношении православных подданных султана, и возможностями восстановления старых и постройки новых

* Александр II Маврокордат, господарь Молдавского княжества в 1785–1786 гг., прозванный Фирарис, то есть «беглец», вступил в тайные переговоры с Россией, предлагая переход своего государства под ее сюзеренитет. В феврале 1787 г. он испугался разоблачения и тайно бежал в Россию, где был милостиво принят императрицей Екатериной II. После его бегства на княжеский престол вступил Александр Ипсиланти. В июне 1787 г. Порта потребовала выдачи господаря, но он остался в России (Прим. ред.).

церквей. Эти попытки являются лишь частью общей ситуации, которую они формируют и от которой зависят. Болезненные для Порты вопросы связаны, прежде всего, с новой ситуацией, сложившейся в Черноморском бассейне, с открытием Проливов для торговых судов под российским флагом, с присоединением Крыма к Российской империи, с постепенно освобождающимися от власти Константинополя Дунайскими княжествами. Война становится неизбежной, но и фатальной для Османской империи.

Примечания

- ¹ См.: Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской Империи землям, 1774 года. // Записки Одесского общества истории и древностей (далее — ЗООИД). Т. 7. 1868. С. 166–198. В описании представлена не только территория, но и природные особенности, рельеф, водные ресурсы, флора и фауна, климат, население, города и т.д.
- ² Об османском господстве в Черном море и установленном режиме доступа для иностранцев см.: *Попеску А.* «Османското» Черно море: Mare clausum? Mare Apertum? // Историческо бъдеще. 2011. № 1–2. С. 140–161.
- ³ А.П. Бажова предлагает удачную интерпретацию этой проблемы: «Неотчетливо сформулированное (думается, не случайно) право защищать интересы христианской религии и церкви в Турции стало толковаться расширительно и давало повод в будущем выдвигать перед Портой требования об улучшении общественно-политического положения ее христианских подданных, о реформах» // История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Международные отношения, 1998. С. 124 (*Бажова А.П.* Глава III. Дипломатия при Екатерине II и Павле I (1762–1801 гг.): в горниле войн и революционных потрясений).
- ⁴ Князь Н.В. Репнин — Н.И. Панину, 11 октября 1775 г. // Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 15. СПб, 1875. С. 434–435.
- ⁵ Рескрипт Екатерины II, полученный от князя Репнина 29 декабря 1775 г. // Сб. РИО. Т. 15. С. 604.
- ⁶ *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.: Индрик, 2013. С. 71; См. напр.: Эпоха прочного водворения Архипелажских греков в Таганроге, в Керчи и Балаклаве // ЗООИД. Т. 1. 1844. С. 205–238; *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год (Ордер барону Игельштруму, 1784) // ЗООИД. Т. 12. 1881. С. 307.
- ⁷ Приложение Д к реляции 27, 1775 г.: Генеральные предположения о капитанах корабельных подданных турецких и вольных, тоже о морейтах и о протчих албанцах и греках // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СРТ. Д. 446. Л. 25–27; Д. 450. Л. 19; Сб. РИО. Т. 15. С. 441.
- ⁸ Сб. РИО. Т. 15. С. 444; АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 534. Л. 12–13; Д. 537. Л. 6–7.
- ⁹ Сб. РИО. Т. 15. С. 601; АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 589. Л. 19.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 473. Приложение к реляции 15 от 1 июня 1776 г. Л. 24–24 об.; Д. 540. Реляция 33, 29 декабря 1779 г. Л. 40.

¹¹ Там же. Д. 589. Л. 13.

¹² *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (Его подготовка и заключение). М., 1955. С. 352–353; Под стягом России. Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 83.

¹³ *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 60–61, 115–119; Возможность плавать под российским торговым флагом как награду за участие в русско-турецкой войне получают и венецианские подданные // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. ВУА. Д. 192 (1777 г.). Л. 115. В 1787 г. император Иосиф II, посетивший Крым вместе с российской императрицей, отмечает, что под российским торговым флагом плавают корабли далматинцев и греков Корфу и Кефалонии, которые являются венецианскими подданными // Иосиф II фельдмаршалу графу Ласси, Бахчисарай, 5 июня 1787; Старо-Крым, 8 июня 1787. — *Arneth A.R. von.* Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869. Anhang. Briefe Josephs II. an den Feldmarschall Grafen Lascy über seine Reise nach Cherson und der Krim im Jahre 1787. S. 365, 370.

¹⁴ Но стремление России поощрять развитие торговли под российским флагом остается. В 1785 г., например, князь Г.А. Потемкин отправляет российскому посланнику Якову Булгакову в Константинополь 12 русских торговых флагов и патентов, которые тот мог бы предоставить торговцам, желающим торговать под российским флагом в Черном море. Возможно, это решение Потемкина является результатом и предложений французского купца Антуана, сделанных в 1781 г. // *Мурзакевич Н.* Распоряжения... С. 327; [*Anthoine, Antoine-Ignace*]. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire ou voyage et entreprises pour établir des rapports commerciaux et maritimes entre les ports de la Mer-Noire et ceux de la Méditerranée. A Paris, 1805; Seconde édition, Paris, 1820. P. 56–58; *Юрченко П.* Историко-статистический очерк торговли Херсона // ЗООИД. Т. 13. 1883. С. 166–167. В 1784 г. торговых судов, обслуживающих русскую торговлю в Черном и Эгейском морях под российским флагом, было 12–14 %, а в 1804 г. — 31–32 % // *Шеремет В.И.* Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Балканские исследования. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1984. С. 76.

¹⁵ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 475. Реляция 42, 15 ноября 1776 г. Л. 37–38, 41.

¹⁶ Там же. Д. 536. Л. 24; Д. 537. Л. 4–6.

¹⁷ *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 53–55.

¹⁸ См. напр.: Договор, заключенный с королем Обеих Сицилий. О взаимной дружбе и о торговле, 6/17 января 1787 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. СПб., 1830. С. 790–800; *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М.: Наука, 1981. С. 47. Без торгового договора, но благодаря усилиям обеих сторон, в 1770–1780-х годах расширяются торговые связи России с Испанией. Но оформление договора задерживается по политическим причинам (*Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: Становление испано-русских отношений. М.: РУДН, 2011. С. 407–425). Хотя у Португалии нет выхода к Средиземному морю, в серии торговых договоров также хотелось бы упомянуть и договор о дружбе и торговле с Португалией 1787 г., регламентировавший, помимо упрощения торговли, отношения во время войны, в которой одна из договаривающихся сторон принимает участие. Учитывая тот факт, что в Средиземном море входит Балтийский флот России, важными являются не только те статьи, которые регулируют торговые отношения, но и те (напр., ст. 29), которые регламентируют отношения в военное время: завидев у своих берегов находящиеся в опасности корабли союзника, помогать без оплаты // *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800). Ч. 3. М., 1897. С. 301–303.

- 19 *Мурзакевич Н.* Распоряжения... С. 327. В связи со льготными пошлинами, которые российский торговый флаг предоставляет торговцам независимо от их национальности, Е.И. Дружинина уточняет значение этой привилегии для развития торговли России, которая в то время не могла рассчитывать на достаточное количество собственных кораблей, и торговцы были вынуждены использовать чужие. Таким образом, создаются благоприятные условия и для иностранных торговцев, чье присутствие на российском рынке крайне важно для его развития // *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Академия наук СССР, 1959. С. 183–184.
- 20 Реляция 27, 15(26) мая 1784 // АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 638. Л. 101–102 об.
- 21 О трудностях, которые Булгакову приходится преодолеть в связи с консульским назначением, см.: *Стоилова Т.* Третият Рим. Мирните решения на руската имперска политика в Югоизточна Европа през XVIII век. София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 302–320.
- 22 АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 638. Л. 65 об.–66, 97 об.–98 об.; Д. 639. Л. 26 об.–27, 47–47 об., 97; Д. 640. Л. 43–43 об., 82; Д. 641. Л. 66–67; Д. 642. Л. 119 об.; Д. 649. Л. 75–81 об.; Д. 653. Л. 27–28; Д. 654. Л. 27 об.–28; Д. 656. Л. 69 об.–70; Д. 657. Л. 37 об. и т. д. за каждый месяц.
- 23 Сб. РИО. Т. 6. СПб., 1871. С. 321; Т. 15. С. 459–461; АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 450. Л. 3–5; Д. 474. Л. 49; Д. 496. Л. 11–12. Фирман является также и объяснением нежелания Порты вернуть земли морейским жителям // АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 578. Л. 14–15: Приложение 2; Санкт-Петербургские ведомости. № 40. 17 мая 1779 г.; Московские ведомости. № 43. 29 мая 1779 г. Турция. Константинополь, 3 апреля; Московские ведомости. № 61. 31 июля 1779 г. Италия, Пагуза, 28 мая; Д. 598. Реляция 5, 1 (12) января 1782. Л. 14.
- 24 О понятии «баратеры» и о предоставлении бератов и фирманов см.: *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 70–71.
- 25 *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир, Приложения. С. 354–355, 364. О меняющемся статусе Княжеств в XVII–XVIII вв. см.: История на Османската империя. Под редакцията на *Робер Мантран*. София: Рива, 1999. С. 322–329.
- 26 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 160. Ч. 2. Л. 72; АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 464. Л. 2; Д. 474. Л. 49–49 об.; Д. 498. Л. 6.
- 27 *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время). М.: Наука, 1987. С. 101.
- 28 Проблема с выбором места, где можно было бы открыть консульство, необходимое «по причинам торговли», — условие, которому Силистра не отвечает, разработана в: *Стоилова Т.* Указ. соч. С. 296–300.
- 29 *Кессельбреннер Г.Л.* Указ. соч. С. 94–96; *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России. 1772–1806. Кишинев: Штиинца, 1975. С. 79–80.
- 30 *Кессельбреннер Г.Л.* Указ. соч. С. 103; *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 80.
- 31 *Семенова И.В.* Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига в конце XVIII в. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 63–64; *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 84.
- 32 Булгаков — Екатерине II, 28 декабря 1783 // Сб. РИО. Т. 47. СПб, 1885. С. 99.
- 33 АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 637. Рел. 12, 1 (12) марта 1784. Л. 1–2; *Семенова И.В.* Указ. соч. С. 64.
- 34 АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 640. Рел. 44, 1 (12) сентября 1784. Л. 46; Д. 654. Рел. 38, 1 (12) июня 1785. Л. 29–30; Д. 659. Рел. 94. 1 (12) ноября 1785. Л. 17–18; Д. 672. Донесение от 1 (12) июня 1786. Л. 36 об.; Булгаков — российскому послу в Париже Ивану Симолину // Documente privitoare la Istoria Românilor culese din Arhivele Ministeriului Afacerilor Străine din Paris de A. I. Odobescu. Volumul II. 1781–1814. Bucuresci, 1885. P. 44.

- 35 О событиях в обоих княжествах см.: *Гирс А.А.* Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906. С. 23–35; *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 88. Нарушения, которыми Порта попирает установленные для Дунайских княжеств правила, И.В. Семенова объясняет потерей Крыма и Восточной Грузии и страхом перед растущим влиянием Петербурга в Молдавии и Валахии, которые Порта не хочет уступать // *Семенова И.В.* Указ. соч. С. 64–65.
- 36 Реляция 6. 15 (26) января 1787 // АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 686. Л. 8–8 об.; Реляция 9. 1 (12) февраля 1787 // Там же. Д. 687. Л. 2 об.–3; *Гирс А.А.* Указ. соч. С. 38.
- 37 *Гирс А.А.* Указ. соч. С. 40–42.
- 38 *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 89–90.
- 39 Реляция 12. 15 (26) января 1786 // АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 667. Л. 41 об.–42. Всё же консул назначен, и одной из его задач в начале 1787 г. является выяснить, какие русские войска находятся в Польше и около турецкой границы. — Реляция 6. 15 (26) января 1787 // Там же. Д. 686. Л. 10. Посол Франции в Константинополе Шуазель-Гуфье уточняет, что после того, как Порта дает свое согласие назначить в Молдавию прусского консула, она признает в качестве такового отправленного туда три года назад агента // *Documente privitoare*. P. 42.
- 40 Екатерине II по поводу ходатайства обер-князя Семена Рашковича и князя Дмитрия Юрговича, подписанного шестью князьями. Нови Варош, февраль 1784 г. // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 15. Ед. хр. 215. Л. 1–2. В том же духе, с просьбой о помощи и готовностью поддержать Россию, имеется еще одно письмо светлейшему князю // Там же. Л. 4–6.
- 41 РГАДА. Ф. 15. Ед. хр. 217. Л. 1, 8, 11–14.
- 42 Палладоклис, консул в Далмации и надзорный советник, — Государственной коллегии иностранных дел, 30 июня 1785 г. // РГАДА. Ф. 15. Ед. хр. 217. Л. 2–6.
- 43 Палладоклис — Коллегии иностранных дел, 1 марта 1786 г. // РГАДА. Ф. 15. Ед. хр. 217. Л. 22–23; Реляция 99. 15 (26) декабря 1786 г. // АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 678. Л. 36.
- 44 Московские ведомости. № 15. 19 февраля 1785 г.
- 45 В 1786 г. травникский паша ведет своих боснийцев против скутарского, а к ним присоединяются 10 тыс. сербов. Но скутарский паша Махмуд опережает боснийского и захватывает город Преизерено (вероятно, речь идет о Призрене), находящийся на границе между Сербией и Албанией. Он истребляет турок, но к христианам относится как к друзьям и с богатой добычей возвращается в Албанию. Ходит слух, что к нему присоединились многие христиане из Боснии. Большое количество оружия скапливается у черногорских жителей. От греческой торговой компании в Триесте ожидается доставка большого количества пороха, а под неназванным республиканским флагом доставлено значительное количество пушек и ядер для них // Московские ведомости. № 38. 13 мая 1786 г., из Турции, 2 апреля; из Вены, 12 апреля; № 44. 3 июня 1786 г., из Турции, 26 апреля.
- 46 АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 691. Л. 31–32.

Еврейское население Софии XVIII в. (по документам кадийского суда)*

Евреи были одной из самых многочисленных этнических групп среди городского населения балканских провинций Османской империи, а еврейская община Болгарии — одной из старейших в Европе. Этим можно объяснить интерес исследователей к положению евреев в Османской империи. Им посвящено большое число обобщающих трудов зарубежных исследователей¹. В Болгарии, помимо отдельных статей² и тематических сборников³, были опубликованы переводы еврейских документов⁴. В отечественной историографии следует выделить труды И.Л. Фадеевой⁵ и И.Ф. Макаровой⁶.

Источником для данного исследования послужили документы кадийских судов Софии — наследственные протоколы и документы купли-продажи недвижимости. Они содержат широкий круг сведений — подробные описи имущества умерших, круг их наследников и кредиторов, детальные описания местонахождения продаваемой недвижимости и многое другое. Анализ этих данных позволяет составить представление о положении представителей еврейской общины в Софии в рассматриваемый период.

Классический ислам не учитывает национальных различий, разделяя людей на три основных категории по религиозному признаку. К первой из них относятся мусульмане. Евреи, наряду с другими немусульманскими народами, принадлежат к категории *зимми*. Согласно Корану, это община, которая находится под защитой мусульман и их покровительством. В Коране они именуется также «людьми Писания» — те, кому дано было Писание — христиане и иудеи, позже к ним стали относить также зороастрийцев⁷.

* Материал написан при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом №18-59-18002 Болг_а. «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

В соответствии с исламской догматикой, когда какая-либо страна оказывалась завоеванной мусульманами, проживающие там немусульмане должны были либо покинуть эти земли, либо остаться на условии заключения договора — *зиммет*, по которому зимми могли продолжать исповедовать свою веру, а исламское государство брало на себя обязанность защиты их жизни и имущества. Вместо исполнения военной службы зимми были обязаны платить подушную подать — *джизье*. Шариат — мусульманское право — регулировал только отношения мусульман с этими общинами; признаваемая за немусульманами свобода религии и убеждений предоставляла им не только свободу веры и исполнения обрядов, но и право жениться, разводиться, наследовать на основании своих правовых норм⁸. К третьей категории населения (после мусульман и зимми) относились язычники, которых следовало исламизировать.

В многонациональной Османской империи сосуществование представителей различных религий определялось системой *миллетов*⁹, воспринятой турками-османами от других мусульманских государств¹⁰ и сложившейся на начальном этапе существования Империи. Она предполагала определенную автономию религиозных общин. Принято считать, что султан Мехмед II в XV в., наряду с греко-православным и армяно-григорианским миллетами, создал Иехуди миллети — общину с центром в Константинополе, руководителем которой являлся главный раввин¹¹. Однако, согласно последним исследованиям, иудейский миллет появился значительно позже¹².

Еврейская община на Балканах сложилась задолго до османского завоевания полуострова — в XI в. и к моменту установления в этих землях османской городской структуры уже являлась оформившейся общиной¹³. Изначально, особенно после переселения на Балканы евреев с Пиренейского полуострова в XV в., еврейское население Османской империи представляло собой объединенные в формально единую общину разные ветви еврейского народа. Сложение гомогенной этнической общности исследователи относят к XVII в., когда постепенно сгладились различия между тремя основными группами евреев — романьотами, жившими на Балканах со времен Римской империи, аш-

кенази — переселенцами из Центральной и Западной Европы в XII–XIV вв. и сефардами, переселившимися из Испании и Португалии. В силу численного превосходства костяк единой этнической общности составили именно выходцы с Пиренеев, передав ей и свое название — сефарды (Сефарад на иврите означает Испания)¹⁴.

В Софии в XVII в. численность еврейской общины составляла около 15000 человек. Этот город был первым по численности еврейского населения в болгарских землях. Далее, по данным Н. Тодорова, следовали Пловдив (300 хозяйств), Никопол (205 хозяйств) и Видин (50 хозяйств)¹⁵.

Как отметила И.Л. Фадеева, «положение евреев в Османской империи в XV–XVI вв. юридически, а подчас и практически было лучше, чем в большинстве стран Европы, где они подвергались религиозному преследованию»¹⁶. По ее оценке, в османском государстве не существовало еврейских гетто, а также запретов селиться во многих городах и землях, как в Европе; на «территории Болгарии не происходили такие погромы, как на украинских землях и в других частях Российской империи. У болгар не было столь ожесточенного соперничества с евреями, как у греков»¹⁷.

Как и в других городах Османской империи, в Софии существовала традиционная для исламского мира «церковно-квартальная» организация населения¹⁸. Минимальной административно-территориальной единицей в городах являлась *махала**, которая, как отмечают исследователи, по своему характеру имела много общего с сельской общиной¹⁹. И.Ф. Макарова отметила замкнутость и полуавтономное существование иудейских кварталов в балканских городах: еврейские кварталы формировались вокруг синагоги, соблюдались принципы конфессионально-юридической автономии. Контакты с мусульманами и христианами сводились до минимума благодаря четко организованной системе товариществ и корпораций, комплектуемых строго по этнорелигиозному признаку²⁰. Однако сведения таких источников, как документы купли-продажи недвижимости, позволяют говорить об активном участии евреев в подобных сделках, а также о по-

* Тур. Mahalle — квартал, район города.

степенном сглаживании этнической замкнутости городских кварталов. Что касается карты расселения евреев в Софии, исследователи отмечают, что они концентрировались преимущественно в историческом центре города²¹.

В документах вышеуказанного типа они фигурируют не только в качестве участников сделки — продавцов или покупателей недвижимости, но и как собственники граничащих с продаваемой недвижимостью участков. Это позволяет сделать вывод, что проживание евреев в городе не ограничивалось одной «еврейской махалой». В то же время можно предположить, что внутри христианских или мусульманских кварталов они нередко предпочитали селиться компактно. В 1722 г. в христианской махале Калоян* еврей Майер купил у некоего Стояна дом, находившийся между православной церковью и «еврейским домом» — т.е. зданием с торговыми лавками²². К 1723 г. относится сделка между тремя евреями — Самуилом, с одной стороны, и братьями Моисом (Моисеем?) и Давидом, с другой. Речь идет о продаже Самуилом дома в изначально христианском квартале Поп Милош. О компактном проживании евреев внутри этой махалы говорит состав соседей продаваемого участка: с трех сторон он окружен именами евреев Ашера, Исаака и Лиджи, с четвертой стороны ограничен дорогой. И в числе свидетелей этой сделки, чьи имена указаны в конце документа, фигурируют два еврея — Шемал и Илья, сын Ашера (возможно, одного из соседей). Это большая редкость — как правило, среди свидетелей фиксируются мусульмане, поскольку свидетельство мусульманина приравнивается к свидетельству трех немусульман.

Махала Калоян является наиболее часто упоминаемым христианским кварталом. Однако в протоколе 1726 г.²³ зафиксирована продажа дома в этом квартале мусульманином Эссеидом Ахмедом Беше двоим евреям — Аврааму и Давиду. С разных сторон земельный участок купленного дома граничит с усадьбой еврея Халимоглу Соломона, с «церковью стамбульского общества» (неизвестно, что имеется в виду) и с церковью неверных²⁴. Таким образом, мы видим, что еще до этой сделки в изначально

* Махала Калоян находилась на месте современных бульвара Витоша, площади Независимости и улиц Алабин и Калоян в Софии.

христианском квартале была усадьба еврея, чьим соседом был мусульманин, а теперь станут Авраам и Давид.

Обратная ситуация зафиксирована в протоколе 1727 г.: покупка дома в той же махале Калоян мусульманином Мустафой агой у еврея Йасифко; причем купленный дом «граничил с четырех сторон с землей еврея Самуила»²⁵.

Помимо продажи жилых домов, в источнике также зафиксированы сделки по продаже лавок и хозяйственных помещений. К 1721 г. относится продажа лавки «на базаре кожевенников» еврею Ханане мусульманином²⁶. У лавки имеется два прилавка и склад, а граничит она с одной стороны со складом ее бывшего собственника, продавца Исмаила Беше, с другой — с собственностью другого еврея, по имени Зирия, а с третьей — с собственностью покупателя в этой сделке, еврея Ханане. То есть в данном документе мы видим расширение евреем Ханане своего дела, связанного с кожевным ремеслом, а также можем говорить о существующей чересполосице на базарах между лавками ремесленников различных вероисповеданий.

В 1725 г. дочь Абдуллаха Фатьма-хатун продала еврею Давиду лавку на одном из базаров города²⁷. К сожалению, в данном случае установить, каким именно ремеслом занимался Давид, не представляется возможным.

Как православная церковь посредством низшего духовенства играла народно-представительскую роль и в рамках Константинопольской патриархии представляла православное население, так и раввин регулировал взаимоотношения внутри еврейской общины, отстаивая права евреев перед властью.

Болгарская исследовательница С. Панова отметила, что, если изначально еврейская община представляла собой свободную группу, члены которой добровольно исполняли те или иные обязательства, а введение или отмена ограничений принимались путем голосования, то со временем этот принцип был нарушен и всё большую значимость стала приобретать фигура раввина²⁸. В его компетенцию входили: выработка правил поведения членов общины в соответствии с нормами средневекового еврейского права, решение имущественных споров, ведение бракоразводных и наследственных дел²⁹. По данным некоторых источников ис-

следователи также предполагают, что главы религиозных общин, в том числе раввины, имели полномочия для наказания и за уголовные преступления, о чем говорит, например, наличие небольших полицейских сил у главного раввина³⁰. Внутри еврейской общины действовал собственный религиозный суд *бейт-дин*, с помощью которого решались гражданские дела. Обращение представителей еврейской общины по вопросам, находившимся в его компетенции, в шариатские суды, еврейский религиозный суд запрещал. Однако, если сторонами в правовом споре являлись зимми и мусульманин, то спор безоговорочно должен был рассматриваться в шариатском суде с применением норм исламского права³¹.

В то же время, в силу ограниченности решаемых в раввинате вопросов, в некоторых ситуациях евреи всё же обращались к кадию, но решение шариатского суда, видимо, не всегда могло считаться окончательным в еврейской общине. Так, в источниках зафиксирован случай имущественного спора между вдовой и братьями ее покойного мужа: в результате раздела наследства в шариатском суде ей причиталась определенная доля наследства мужа. Однако раввинат женщине в этом отказал, посчитав, что документ шариатского суда не имеет силы, поскольку «судьи Османской империи известны тем, что смотрят сквозь пальцы на лжесвидетельства, берут взятки и нередко толкуют собственные законы, как им заблагорассудится»³².

Однако, как уже говорилось выше, в случаях, когда затрагивались интересы мусульман, представители иных религий волеиневолей должны были участвовать в разбирательстве в кадийском суде по законам шариата. К подобным случаям относятся распределения наследств ремесленников-банкротов, чьи долги превышали общую стоимость наследства. Ярким примером подобной ситуации является протокол о распределении наследства трактирщика еврея Авраама³³. Общая стоимость его имущества была определена как 31185 акче. Однако он оказался должен кузнецу мусульманину Хюсейну Беше 50880 акче. Таким образом, его наследники — вдова и четверо детей — ничего не получили, а кредитор-мусульманин получил 31185 акче (годом ранее в 36000 акче был оценен дом в том же квартале³⁴).

Еще один случай банкротства еврея и распределения его наследства между кредиторами относится к значительно более позднему периоду — к 1813 г. Судя по составу имущества (различные виды тканей, ниток, головные уборы), покойный Каракаш Самуил³⁵ был галантерейщиком. В состав его кредиторов входили христиане и мусульмане, мужчины и женщины. В большинстве случаев в документе не указано, за что именно был должен покойный, но известно, что некоторые из указанных кредиторов поставляли ему рубашки, ткани и штаны. Отличительной чертой этого протокола является то, что в данном случае вдова покойного не осталась без наследства, несмотря на то, что муж оказался банкротом. Она также фигурирует в числе кредиторов, поскольку ей причитался «долг супруге, оговоренный при бракосочетании». Речь идет о *мехре*³⁶ — обязательном даре жениха при бракосочетании по мусульманскому обряду, который в будущем должен был быть компенсацией для супруги в случае развода или вдовства. Выплата меха для немусульман, естественно, не была обязательной в исламском праве и османском обществе, но, как отметил турецкий исследователь И. Ортайлы, при желании при заключении брака у немусульман была такая возможность, что фиксировалось в документах шариатского суда³⁷. Упоминание подобного «дара» в случае еврейской семьи кажется странным, что можно оценить как использование мусульманской традиции в меркантильных целях для гарантии благополучия супруги.

Поскольку в шариатский суд евреи обращались гораздо реже, чем христиане, значительно чаще можно наблюдать обратную ситуацию — когда евреи, напротив, выступали в качестве кредиторов и поставщиков, которым остался должен покойный. Таким образом, анализ документов кадийского суда, связанных с делами представителей других конфессий, позволяет сделать ряд выводов об их занятиях и степени интеграции в городское общество Софии, а анализ списков людей, которым при распределении наследств причитались долговые выплаты, позволяет выявить род занятий представителей еврейской общины.

Как правило, суммы, выданные кредиторами-евреями покойным, достаточно значительны и выделяются на фоне иных долгов умершего. В источнике они обозначаются как заем, при

этом нередко фиксируется, что он был выдан под расписку или под проценты.

Долги евреям-торговцам, выступавшим в качестве поставщиков в основном для галантерейщиков, трактирщиков и крупных землевладельцев, как правило, обозначаются в документах как «долг за вещи», что не дает возможности определить, чем именно они торговали. Однако в некоторых случаях указывается, за поставки какого товара остался должен умерший. Так, к 1750 г. относятся упоминания долгов еврею Ашеру за 100 листов стекла и розовое варенье (его объемы не указаны)³⁸; еврей Захерия поставлял сахар и шелковые нити³⁹; Алсафан — сахар и зерно⁴⁰. К 1726 г. относится судебный иск⁴¹ о взимании долга христианина казанджии (котельщика) Петра за купленную медь. Поручительницей Петра выступила его супруга Николица. Поскольку Петр сбежал, еврей Моис, как указано в документе, член «товарищества торговцев» Софии, предъявил иск о возвращении долга Николице. В итоге судебного разбирательства, при свидетельстве двух евреев, подтвердивших долг, кадийский суд обязал Николицу выплатить Моису долг супруга в 162 и ¼ куруша, что сопоставимо со стоимостью дома: к тому же году относятся сделки по продаже домов стоимостью от 50⁴² до 200⁴³ курушей.

Эти примеры свидетельствуют об отсутствии четкой специализации среди торговцев. Можно полагать, что определяющим фактором являлись налаженные торговые связи поставщика в том или ином регионе.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: вопреки возможности представителей зимми решать ряд вопросов внутри своей общины, не прибегая к услугам кадия, их «след» в документах шариатских судов достаточно значителен, что делает этот источник крайне интересным для изучения взаимоотношений представителей различных религий и этносов в османском обществе. Проведенный анализ документов позволяет опровергнуть тезис И.Ф. Макаровой о полуавтономном существовании иудейских кварталов в балканских городах⁴⁴. Напротив, можно говорить о размывании этнической замкнутости мест проживания евреев в Софии и их активном заселении, в первую очередь, традиционно христианских кварталов. Анализ источника позво-

ляет сделать вывод о том, что евреи активно взаимодействовали с представителями других религий, участвуя в сделках по продаже имущества с мусульманами, при этом нередко речь шла не столько о продаже жилых домов, сколько о вложении капитала. Большое число сделок по продажам лавок свидетельствует об активной деловой жизни членов еврейской общины.

Примечания

- ¹ *Shaw R.* The Jews of the Ottoman Empire and the Turkish Republic. New York, 1991; *Levy A. ed., The Jews of the Ottoman Empire* Princeton, N.J.: Darwin Press, 1994; *Lewental D.G.* Bulgaria // Encyclopedia of Jews in the Islamic world. Vol. 1. Leiden-Boston, 2010. P. 511–517 и др.
- ² *Gradeva R.* Jews and Ottoman authority in the Balkans: the case of Sofia, Vidin and Rusçuk, 15th–17th centuries // Ibid. Rumeli under the Ottomans, 15th–18th centuries: institutions and communities. Istanbul, 2004. P. 225–285.
- ³ Проучвания за история на еврейското население в българските земи, XV–XIX вв. София, 1980.
- ⁴ Ottoman documents on Balkan jews. XVIth–XVIIth centuries. Sofia, 1990; Еврейски извори за общественно-икономическото развитие на балканските земи. Т. I–II. София, 1958–1960.
- ⁵ *Фадеева И.Л.* Еврейские общины в Османской империи. Страницы истории. М., 2012.
- ⁶ *Макарова И.Ф.* Проблемы этногенеза евреев в болгарских землях и особенности межэтнического взаимодействия в XV–XVII вв. // Славяне и их соседи. Выпуск 5. Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века — новое время. М., 1994. С. 114–122.
- ⁷ *Журавский А.В.* Введение в ислам: 12 лекций для проекта Магистерия. М., 2019. С. 91.
- ⁸ История османского государства, общества и цивилизации. Под. ред. Ихсаноглу Э. М., 2006. С. 357.
- ⁹ *Millet*, от арабск. *Милля* — «нация». К.А. Панченко отмечает, что термин «система» в применении к миллетам не совсем корректен, поскольку они создавались в результате ряда разрозненных законоположений в разные годы. (См.: *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012. С. 97)
- ¹⁰ Подробнее см.: *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 97–98.
- ¹¹ *Тодоров Н.* Еврейското население в балканските провинции на Османската империя през XV–XIX вв. // Проучвания за история на еврейското население в българските земи, XV–XIX вв. София, 1980. С. 12.
- ¹² История османского государства, общества и цивилизации. С. 360.
- ¹³ *Панова С.* Еврейска община в българските земи през XVI–XVIII в. // Проучвания за история на еврейското население в българските земи, XV–XIX вв. София, 1980. С. 22.
- ¹⁴ Подробнее об истории складывания единой еврейской общины в болгарских землях см.: *Макарова И.Ф.* Проблемы этногенеза евреев в болгарских землях и особенности межэтнического взаимодействия в XV–XVII вв. С. 114–122.

- 15 *Тодоров Н.* Еврейското население в балканските провинции... С. 11.
- 16 *Фадеева И.Л.* Еврейские общины в Османской империи. С. 21.
- 17 Там же. С. 201.
- 18 *Димитров Стр.* Занаяти и търговия в София през XVIII век // *София през вековете*. Т. I. София, 1989. С. 95.
- 19 См.: *История на България*. Т. 2. София, 1999. С. 173–178; *Иванова Св.* Институтът на колективната отговорност в българските градове през XV–XVIII в. // *Исторически преглед*. 1983. № 1. С. 33–44.
- 20 *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв.: этнокультурное исследование. М., 2005. С. 74–75.
- 21 *Gradeva S.* Jews and Ottoman authority in the Balkans: the case of Sofia...
- 22 *Турски извори за българската история (далее — ТИБИ)*. Т. 6. София, 1977. С. 298–299.
- 23 Там же. С. 318.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 329–330.
- 26 Там же. С. 296.
- 27 Там же. С. 312.
- 28 *Панова С.* Еврейска община в българските земи... С. 23.
- 29 *Тодоров Н.* Указ. соч. С. 12–13.
- 30 *История османского государства*... С. 361.
- 31 Там же. С. 359.
- 32 *Еврейски извори за общественно-икономическото развитие на балканските земи*. Т. II. XVII в. София, 1960. С. 158.
- 33 ТИБИ. Т. 6. С. 94.
- 34 Там же. С. 77.
- 35 Там же. С. 155.
- 36 *Мехр* — тур. mehr, осм., арабск. *ص*.
- 37 *Ortaylı İ.* Osmanlı toplumunda aile. İstanbul, 2009. S. 105. См. также: *Akgündüz A.* Şer'iyeye Sicilleri I. // *Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı*. İstanbul 1988. S. 26; *Kıprık C.* 1830 No'lu Şer'iyeye Siciline Göre (1633–1644) Trabzon Toplumunda Kadın // *Trabzon Tarihi İlmî Toplantısı*. Trabzon, 2000. S. 271; *Turan A.* 1815 numaralı Trabzon şer'iyeye siciline göre hukuki hayatta kadın (1554–1558) // *İnönü Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi Özel Sayı Cilt:1, Yıl 2015*. S. 379–428.
- 38 ТИБИ. Т. 6. С. 54–55.
- 39 Там же. С. 56.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 324.
- 42 Там же. С. 323.
- 43 Там же. С. 325.
- 44 *Макарова И.Ф.* Болгарский народ... С. 74–75.

Представления о собственном государстве у греков в конце XVIII — первой трети XIX вв.

Конец XVIII века — это время, когда у многих балканских народов начались процессы национального возрождения. В этот период у них возрос интерес к национальной и европейской культуре, расширилась сеть школ и стал повышаться уровень образования, росло количество книг на национальных языках. Одним из важнейших следствий этих процессов было развитие политической мысли и национального сознания, в ходе которого у балканских интеллектуалов, чьи народы несколько столетий жили под властью османских султанов, появлялись идеи не только развития национальной культуры, но и возрождения государственности. Греки пошли по этому пути одними из первых: они сознательно подготовили и в 1821 г. подняли национально-освободительное восстание, переросшее в многолетнюю войну за независимость.

К началу XIX века большинство греческих интеллектуалов в своих сочинениях и практической деятельности так или иначе касались вопроса о возможности воссоздания греческой государственности. Однако единой точки зрения на то, каким будет это государство и каким путем его создать, у них не сформировалось.

В греческой общественно-политической мысли этого времени можно выделить несколько направлений: традиционно-просветительское, умеренно-просветительское и радикально-просветительское. Все принадлежавшие к ним интеллектуалы предлагали разные пути решения этих вопросов.

Традиционно-просветительское направление по ценностным ориентирам сознательно противопоставляло себя европейскому Просвещению и было своего рода Анти-Просвещением. К нему принадлежали преимущественно представители духовенства, получившие образование по программам, восходящим к византий-

ской традиции, которые основывались на изучении грамматики классического греческого языка и древних авторов, а также на православных ценностях. Поэтому в центре внимания греческих интеллектуалов этого направления находились этические и культурные вопросы: они стремились к исполнению евангельских заповедей, а также к повышению уровня образования соплеменников, для чего открывали школы и преподавали в них, сами составляли учебные пособия. Политические вопросы их мало интересовали. Более того, идей европейского Просвещения они не разделяли и даже считали их вредными, а для борьбы с ними создали «Добротолубие» — энциклопедию христианской жизни, представлявшую собой пятитомный компендиум святоотеческой традиции¹, своего рода ответ на выход «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера (начала выходить в 1751 г.). Яркими представителями этого направления были Никодим Святогорец (1749–1809), Макарий Нотарас (1731–1805), Косьма Этолийский (1714–1779), Афанасий Паросский (1721–1813).

Представления о греческой государственности в этой среде нашли выражение в пророческой литературе — пророчествах о грядущем восстановлении христианского царства на Босфоре. Такие пророчества начали появляться еще в поздневизантийскую эпоху. Со временем они менялись, постепенно придавая этой разновидности апокалиптического жанра черты исторической литературы: в них всё больше появлялось достоверных исторических фактов, на основе которых строились предположения о будущем. Однако главная идея пророчеств — возрождение Византийской империи — оставалась неизменной. Согласно поздним редакциям, оно должно было произойти при помощи России, что подогревало в нашей стране интерес к такого рода сочинениям². Роль самих греков в процессе возрождения Византии авторам пророчеств виделась скорее пассивной. Что касается организации возрожденной Византии и ее границ, то представления об этом у авторов пророчеств были довольно туманными: кроме утверждений о том, что государство будет христианским, а мусульмане будут изгнаны, больше ничего конкретного об этом не говорилось³. Тем не менее, греческий исследователь М. Хадзопулос справедливо полагает, что пророческая литература сыграла

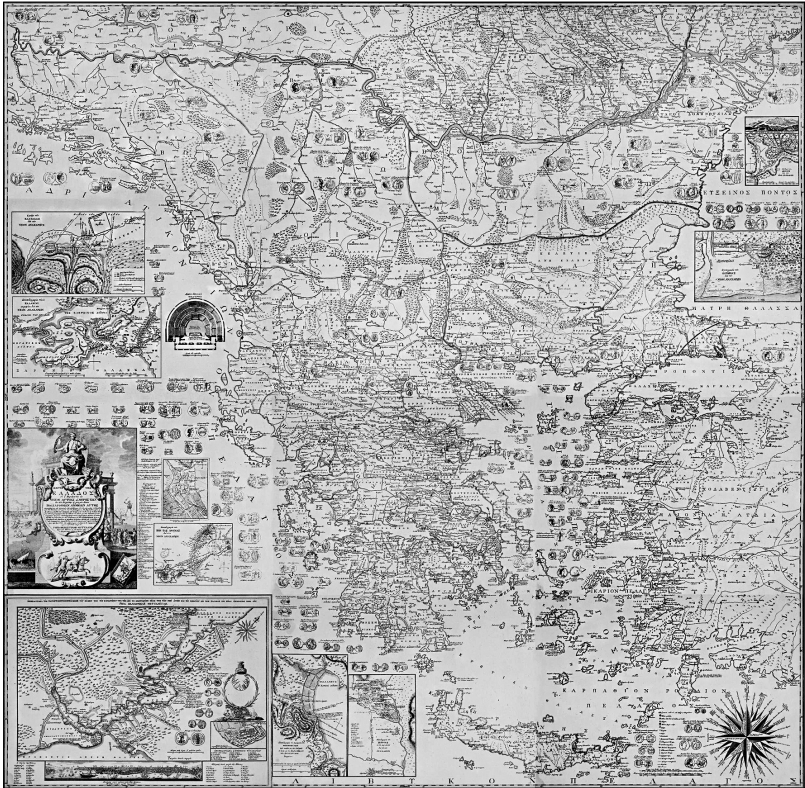
заметную роль в идейной подготовке разрушения Османской империи⁴.

Умеренно-просветительское направление греческой общественно-политической мысли того времени составляли интеллектуалы совершенно иного типа. Многие из них получили светское образование, но были и представители духовенства. К этому направлению принадлежали Иосип Моисиодакс (1725–1800), Димитриос Катардзис (ок. 1730–1807), архиепископ Евгений Вулгарис (1715–1806), крупнейший греческий просветитель Адамантиос Кораис (1748–1833) и др. Всех их отличало знакомство с идеями европейского Просвещения и осмысление их применительно к греческим реалиям. Особенное внимание они, как и традиционные просветители, уделяли вопросам образования и просвещения соплеменников, но, в отличие от них, ориентировались при этом не на византийские, а на западноевропейские образцы. В среде этих интеллектуалов зрела мысль о том, что греки живут под игом, от которого необходимо освободиться. Роль самих греков в процессе освобождения они видели более активной, чем традиционные просветители: пропагандировали идею возрождения греческой нации через образование и культуру и сами вели активную преподавательскую и просветительскую работу. Так, А. Кораис писал о том, что всеобщее просвещение в Османской империи дало бы возможность мирно забрать власть у невежественных тиранов-султанов. Просвещенные турки вообще перестали бы угнетать греков, а преобразование Османской империи в пользу греков прошло бы мирным путем. Но поскольку надежды на это не было, Кораис предлагал обратиться за помощью к находившейся в зените своего могущества наполеоновской Франции⁵. К идее революции Кораис, ставший очевидцем революционных событий во Франции, относился сдержанно, видя в них и положительные, и отрицательные стороны. Как и традиционные просветители, Кораис и другие интеллектуалы этого направления имели лишь общую идею о возрождении греческой государственности, но не имели конкретной политической программы. С традиционными просветителями их объединяло представление о том, что будущее государство охватит территорию Византийской, а затем Османской империй.

О том, каковы могли бы быть границы будущего греческого государства, дают представление созданные в самом конце XVIII столетия в греческой среде карты Греции. Важно отметить, что появление сразу двух карт, созданных разными греческими интеллектуалами — Ригасом Велестинлисом и Анфимом Газисом, не было случайным совпадением. Это — первые в греческом мире Нового времени картографические изображения Греции, появление которых было вызвано не географическими или хозяйственными нуждами, а потребностью проиллюстрировать новые политические идеи, набиравшие популярность среди османских греков.

В 1796–1797 гг.⁶ в Вене греческий просветитель радикального направления Ригас Велестинлис опубликовал в виде собрания из 12 листов созданную им карту Греции, примечательную во многих отношениях.

Прежде всего, она давала визуальное представление о том, что ее автор и греческие интеллектуалы, на трудах которых он основывался, включали в понятие «Греция», ведь государства с таким названием никогда прежде не существовало. Регион, который охватывает карта Ригаса — Балканский полуостров, а также западная часть Малой Азии, входил в понятие «Греция» на карте поствизантийского книжника Николаоса Софьяноса, впервые изданной в Риме в 1540 г. и пользовавшейся популярностью во второй половине XVI в.⁷ Правда, на карте Ригаса он показан несколько шире, особенно это касается северной части Балкан. Интересно, что творение Софьяноса, неоднократно переиздававшееся в Европе, было рассчитано на европейцев. Для греков, живших под властью султана, понятие «Греция» потеряло актуальность. Ригас стремился его возродить. Хотя карта была впервые опубликована в Австрии, поскольку в Османской империи не было даже технической возможности это сделать, она была рассчитана на греков. Действительно, как свидетельствуют недавние исследования, в скором времени вышло второе издание карты Ригаса⁸, которая была известна не только среди греческой диаспоры в Вене и Триесте, но также среди греков Молдавии и Валахии; греческие купеческие суда доставили ее и в Смирну⁹. Некоторые исследователи отмечают, что включение в карту Мол-

*Карта Греции
Ригаса Велестинлиса*

давии и Валахии соответствует представлениям фанариотов¹⁰: пользуясь предоставленной им возможностью занимать посты господарей этих Княжеств, фанариоты уже считали их своими¹¹.

Сам автор представил свое творение как иллюстрацию к чрезвычайно популярной тогда в Европе книге Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788), в которой описывается общественная жизнь древних греков. Казалось бы, и в этом отношении Ригас повторял Софьяноса, но это не так. Карта Софьяноса справедливо считается чисто исторической¹², чего нельзя сказать о карте Ригаса: она содержала как историче-

ские, так и актуальные на тот момент данные стратегического характера, к примеру, размещение турецких военных крепостей. Ранее считалось, что в 1800 г. карта Ригаса была переиздана другим греческим просветителем, Анфимом Газисом, но современные исследования показали, что карта Газиса представляет собой самостоятельное произведение, хотя и находящееся под сильным влиянием карты Ригаса¹³.

Помимо того, что карта Ригаса представляла собственно картографическую ценность, автор включил в нее массу дополнительного материала, который придает всему его творению характер уникального в своем роде историко-географического компендиума. Художественные особенности карты, история ее создания и переизданий тщательно изучались греческими исследователями, обратившими внимание и на аллегорический характер многих изображений на ней¹⁴.

Нам представляется, что содержащиеся в карте текстовые и графические сведения (планы городов, изображения монет, справочник по географическим названиям и др.) призваны решить весьма непростую задачу: создать представление о Греции сразу в двух измерениях — пространственном и временном. Очерчивая географические границы Греции, Ригас одновременно дает их историческое обоснование. Множество деталей карты указывает на единство греческой истории с мифических времен до современности. Так, в Фессалии указано место обитания кентавров; наряду с планом античных Афин, карта имеет подробный план Константинополя; в каталоге географических названий собраны не только современные, но и исторические названия многих топонимов, для некоторых из которых указано несколько названий, употреблявшихся в разные эпохи. Кроме того, Ригас составил список правителей, включающий в себя древних царей, византийских императоров и османских султанов. Он начинается Александром Македонским и заканчивается Селимом III. Все эти детали должны были убедить читателей карты в том, что Греция сохранила свое единство, невзирая на смены религий и цивилизаций.

Интерес Ригаса к сочинению Ж.-Ж. Бартеlemi тоже нельзя назвать случайным: в Европе того времени было распространено

представление о том, что турки происходят от скифов¹⁵, скифом был и полумифический царевич Анахарсис. Обращаясь к этому произведению, Ригас дополнительно подчеркивал не только общность греческой и турецкой истории, но и демонстрировал огромное культурное превосходство древних греков над варварами-скифами, считавшимися предками турок. Тем самым право греков на освобождение получало дополнительное обоснование.

Наложение нескольких исторических пластов, которое с успехом осуществил автор карты, дало ему возможность достичь не только чисто информационных, но и политических целей: пробудить у соплеменников национальные чувства, а также заявить о них международному сообществу.

Подробное знакомство с картой Ригаса позволяет сделать вывод о том, что ее позиционирование в качестве иллюстрации к политически нейтральному сочинению Бартеlemi было всего лишь ширмой, призванной скрыть ее истинную цель — дополнить революционный проект Ригаса по переустройству Османской империи. Этот проект сформулирован в нескольких его сочинениях под общим названием «Новое политическое правление жителей Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Молдавии и Валахии». В него вошли «Революционное воззвание», «Права человека», «Конституция Греческой республики» и «Военный гимн». Само название этого корпуса революционных сочинений очерчивает границы будущего государства, и они совпадают с территорией, вошедшей в карту.

Политическое устройство будущего государства, которое должно было прийти на смену Османской империи, Ригас изложил довольно подробно. Как справедливо заметил отечественный исследователь Г.Л. Арш, в основу проекта положена французская конституция 1793 г., некоторые статьи взяты из конституции 1795 г.¹⁶ Но Османская империя, в отличие от Франции, была многонациональным государством. Поскольку Ригас задумал реформировать ее целиком, ему пришлось внести в свой проект некоторые коррективы. Новое государство, по мысли Ригаса, тоже должно стать многонациональным, поэтому все его граждане наделяются политическими правами, вне зависимости от национальности и вероисповедания (ст. 1, 2, 4, 7 «Конститу-

ции»). Формулируя это положение, отвечавшее интересам всех балканских народов, Ригас стремился привлечь их к борьбе за освобождение от власти деспота-султана. При этом, как справедливо отмечают исследователи, будущее государство должно было носить греческий характер¹⁷. Действительно, оно должно было называться Греческой республикой, государственным языком должен был стать греческий (ст. 53), а все граждане называться греками (ст. 4). Государство Ригаса предполагалось по форме унитарным. Болгарский писатель и дипломат К. Топалов указал на очевидное противоречие, игнорируемое греческими авторами: многонациональный и одновременно греческий характер будущего государства¹⁸. Таким образом, вопрос о правах других балканских народов в Греческой республике остался непроработанным. Скорее всего, это произошло потому, что для Ригаса, которого интересовало, в первую очередь, преобразование политического строя, вопрос о национальной самоидентификации не имел большого значения. Ему представлялось вполне естественным, что другие народы согласятся с таким положением. Фактически Ригас задумал воссоздать Византийскую империю, но с новым политическим устройством, основанным на принципах общественного договора и идеалах Французской революции.

Интересно, что последователи Ригаса сделали упор только на греческую национальную составляющую его проекта, совершенно исключив возможность создания многонационального государства на Балканах. Начиная с автора анонимного памфлета «Греческий правопорядок или Слово о свободе»¹⁹, опубликованного в Италии в 1806 г., и вплоть до современности в греческой среде Ригас воспринимается как теоретик греческой национальной государственности. Идея создания государства, в какой-либо форме объединяющего все или несколько балканских народов, в греческой общественной мысли исследуемого периода больше нигде не встречается. Ни у кого из греческих интеллектуалов до начала войны за независимость нет столь четких, пусть и утопических, представлений о будущем греческом государстве.

Автор «Греческого правопорядка» хорошо знаком с проектом Ригаса и неоднократно на него ссылается. Он вполне разделяет географические представления Ригаса: с его точки зрения, вся

европейская часть Османской империи населена христианами, то есть греками²⁰. С энтузиазмом призывая своих читателей к восстанию против деспотизма и тирании, автор, однако, не может предложить конкретной политической программы. Практически всё его сочинение представляет собой изложение принципов общественного договора и соотнесения их с греческой историей.

Таким образом, можно сказать, что в конце XVIII — первой трети XIX вв. большинство греческих интеллектуалов не имели четких представлений о будущем греческом государстве. Все они полагали, что оно должно охватывать территорию Османской империи или значительной ее части — этим их представления и исчерпывались. Четкая политическая программа и проект государственного устройства освобожденной Греции имелись только у самого яркого представителя радикально-просветительского направления — Ригаса Велестинлиса.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Православная церковь в формировании концепции нации и подготовке освобождения греков от османского ига (XVII–XIX века) // Религии мира: история и современность. 2003. М., 2003. С. 135–153.
- ² Русский перевод одного из наиболее популярных пророчеств см.: *Петрунина О.Е.* А.С. Норов и пророчества о возрождении Византии // Православный Палестинский сборник. Вып. 116. М.: Индрик, 2019. С. 229–260.
- ³ *Мисюрович О.Е.* «Русская партия» и развитие национальной идеологии в Греции (Пророчества о восстановлении Византийской империи в 1840 году) // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1997. № 6. С. 76–88.
- ⁴ *Hatzopoulos M.* Oracular Prophecy and the Politics of Toppling Ottoman Rule in South-East Europe // *Historical Review*. 2011. Vol. VIII. P. 95–116.
- ⁵ [*Κοραΐς Α.*] Τί πρέπει νὰ κάωσιν οἱ Ἕλληνες εἰς τὰς παρούσας περιστάσεις, Διάλογος δύο Γραικῶν κατοίκων τῆς Βενετίας, ὅταν ἤκουσαν τὰς λαμπρὰς νίκας τοῦ Αὐτοκράτορος Ναπολέοντος. Εἰς τὴν Βενετίαν: ἐκ τῆς τυπογραφίας Χρυσίππου τοῦ Κριτοβούλου, 1805. Σ. 11–12, 35 κ.α.
- ⁶ Карта публиковалась отдельными листами.
- ⁷ *Tolias G.* Nikolaos Sophianos's Totius Graeciae Descriptio: The Resources, Diffusion and Function of a Sixteenth-Century Antiquarian Map of Greece, *Imago Mundi*. The International Journal for the History of Cartography 2006. Vol. 58. No 2. P. 150.
- ⁸ *Livieratos E.* On the unveiling of two versions of Rigas Velestinlis Charta // *e-Perimetreon*. Vol. 3. No. 3. 2008. P. 183–190.
- ⁹ *Παζαρλή Μ.* Ρίγα Βελεστινλή Χάρτα της Ελλάδος: Μιά χαρτογραφική προσέγγυση. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2014. Σ. 33–34.
- ¹⁰ Фанариоты — греческая элита османского периода, проживавшая в Константинополе и имевшая доступ к важным государственным должностям.

- 11 *Guiomar J.-Y., Lorain M.-T.* La carte de Grèce de Rigas et le nom de la Grèce // *Annales historiques de la Révolution française*. 319, janvier-mars 2000. P. 103–104.
- 12 *Tolias G.* Nikolaos Sophianos's Totius Graeciae Descriptio... P. 168.
- 13 *Παζαρλή Μ.* Ρήγα Βελεστινλή Χάρτα της Ελλάδος... Σ. 259–306.
- 14 См., напр.: *Καραμπερόπουλος Δ.* Το «ρόπαλο του Ηρακλέους» στους χάρτες του Ρήγα. Νέες έρευνες. Αθήνα: Επιστημονική εταιρεία μελέτης Φερών – Βελεστίου – Ρήγα, 2010. Там же см. и библиографию по этой теме.
- 15 См., напр.: [*Κοραής Ά.*] Τί πρέπει να κάμωσιν... Σ. 12–13.
- 16 *Арш Г.Л.* Великая французская революция и Греция (Политическая программа Ригаса Велестинлиса) // *Европа в новое и новейшее время*. Сб. ст. памяти академика Н.М. Лукина. М., 1966. С. 151–152. Подробный анализ проекта Ригаса с государственно-правовой точки зрения см.: *Πανταζόπουλος Ν.* Μελετήματα για τον Ρήγα Βελεστινλή. Αθήνα: Επιστημονική εταιρεία μελέτης Φερών – Βελεστίου – Ρήγα, 1998. Σ. 35–47.
- 17 *Μάνεσης Α.* Η πολιτική ιδεολογία του Ρήγα // *Τιμή στον Ρήγα Βελεστινλή. Εργασίες της Διεθνούς Διημερίδος για την επέτειο των 200 χρόνων από τον θάνατο του Ρήγα Βελεστινλή (Αθήνα, 21-22 Σεπτ. 1998)*. Αθήνα: Ακρίτας, 2002. Σ. 17.
- 18 *Топалов К.* Раковски και Ρήγας στα πολιτισμικό-ιστορικά πρότυπα της αναγέννησης των Βαλκανίων. Αθήνα: Επιστημονική εταιρεία μελέτης Φερών – Βελεστίου – Ρήγα, χ.χ. Σ. 31–33. (Оригинальное болгарское издание: *Топалов К.* Раковски и Ригас в културно-историческите модели на Балканското възраждане. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2003).
- 19 *Ἀωνόμου τοῦ Ἑλληνο*. Ἑλληνική Νομαρχία, ἤτοι Λόγος περὶ ἐλευθερίας. Ἀθήνα: Κάλβος, 1968.
- 20 *Ἀωνόμου τοῦ Ἑλληνο*. Ἑλληνική Νομαρχία... Σ. 85–86.

Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.)

Азиатский департамент российского МИД был создан в 1819 г. в связи с непреходящей важностью восточного направления для русской внешней политики и обострившегося к концу 1820-х годов Восточного вопроса. Это подразделение министерства, наряду с департаментом внешних сношений, ведало политической перепиской. Имея не столь обширные штаты в 96 человек, Азиатский департамент пользовался самым большим содержанием в 217 тыс. руб. ежегодно. Это объяснялось тем, что именно в этом подразделении служили многочисленные переводчики (драгомань), которые были необходимы для ведения дел на турецком, китайском и других редких языках. Департамент занимался политическими делами, связанными со странами Востока, и имел три отделения.

Продолжительное время Азиатский департамент возглавлял тайный (а с 1835 г. — действительный тайный) советник Константин Константинович Родофиникин (1760—1838). В Коллегию иностранных дел Родофиникин пришел в 1803 г. и пользовался расположением четырех министров — графа А.Р. Воронцова, барона А.Я. Будберга, графа Н.Н. Румянцева, а затем и К.В. Нессельроде. Он являлся бессменным директором департамента с 1819 по 1838 гг., иногда подолгу замещая Нессельроде на посту управляющего МИД, — такие периоды случались в 1832, 1833, 1835, 1837 и 1838 гг. После реорганизации МИД в 1832 г. Родофиникину было назначено жалование «по званию сенатора». К мнению Родофиникина, который в сущности исполнял обязанности товарища министра, не имея формально такого назначения, внимательно прислушивался Нессельроде; считалось, что

Родофиникин один из немногих имел влияние на вице-канцлера. При этом он отличался мягким характером и на одном своем юбилее получил от подчиненных в подарок вазу с надписью «Доброму начальнику»¹. Вице-директором Азиатского департамента был назначен К.Ф. Остен-Сакен, а два отделения возглавлялись А.К. Родофиникиным (сыном) и К.П. Безаком.

Отношениями с Турцией, Персией и горскими народами ведало первое отделение департамента. Оно подразделялось на два стола. Первый стол занимался торговыми делами с Турцией, приемом и увольнением чиновников Константинопольской миссии и переводом официальных бумаг на турецкий, греческий, молдавский и еврейский языки². Второй стол ведал вопросами торговли с Персией, приемом персидских посланников, связями с черкесами, отношениями с Грузией, а также переводами с персидского, грузинского и армянского языков. Сношениями с кочевыми народами, государствами Средней Азии и Китаем занималось второе отделение, также подразделявшееся на два стола. В ведении первого находились политические и торговые отношения с Китаем, дела киргиз-кайсацких орд, деятельность Пекинской духовной миссии, а также Коканд, Хива и Бухара. Здесь переводились документы с татарского, маньчжурского и китайского языков. Второй стол занимался административно-хозяйственными делами: приемом на службу и увольнением чиновников Азиатского департамента³. Руководство двумя этими отделениями было возложено на Е.Ф. Тимковского — опытного востоковеда, возглавившего в 1820 г. Духовную миссию в Пекин и издавшего в 1824 г. три тома своих заметок «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.». Всего в штатах Азиатского департамента состояли: директор К.К. Родофиникин, два начальника отделений — Е.Ф. Тимковский и Ф.П. Аделунг, 4 столоначальника, 4 помощника, 4 канцелярских чиновника, начальник Архива, журналист и 15 переводчиков с 11 языков. К третьему отделению принадлежало Учебное отделение восточных языков.

Набор чиновников для работы в Азиатском департаменте подразумевал сдачу экзаменов и владение несколькими иностранными языками, в том числе и восточными. Процедура была утверждена на основании приказа государственного канцлера.

Экзамен проходил в несколько этапов: по ознакомлению с документами следовало изложить суть «тяжебных дел» иностранных подданных — к российским, или российских купцов — к иностранным. Второй этап включал в себя изложение прочитанных дипломатических документов на французском языке по каким-либо спорным политическим вопросам. Комиссия давала заключение о качестве ответов испытуемых и возможности их «принятия на службу по ведомству МИД с причислением к Азиатскому департаменту»⁴.

С января 1825 г. при Азиатском департаменте выходила газета на французском языке — «Conservateur Impartial», позже преобразованная в «Journal de St.Petersbourg, politique et littéraire»⁵. Газета выходила три раза в неделю и содержала новости как зарубежные, так и отечественные. Более 30 лет редактором газеты являлся чиновник кабинета е.и.в. граф Э. Сансе⁶.

В 1822 г. Нессельроде поручил статскому советнику А.А. Фонтону — первому драгоману министерства, знатоку турецкого языка — разработать проект создания при Азиатском департаменте Учебного отделения, где можно было бы получить знания восточных языков⁷. В представленной Фонтоном записке говорилось: «В России более, чем где-либо, ощущается необходимость института для подготовки учеников для восточной дипломатии. МИД ощущает нехватку в служащих, способных занимать важные места в восточной дипломатии. У нас нет драгоманов в Леванте, в Молдавии и Валахии, в Персии». 29 мая 1823 г. специальный указ Коллегии иностранных дел учредил Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте. Все дальнейшие изменения и дополнения в штатах и расписании Учебного отделения вводились специальными распоряжениями директора Азиатского департамента.

С 1824 г. начальником Учебного отделения был назначен Ф.П. Аделунг. В 1825 г. он добился введения преподавания древней и новой истории, географии Азии, а также французского языка. Изучаемые предметы были ориентированы на знание Востока: с 1834 г. преподавались нумизматика и история Азии; в дальнейшем к ним прибавились новогреческий, татарский и английский языки, а также мусульманское и международное право.

Преподавание в Учебном отделении велось на самом высоком уровне, преподавателями были известные отечественные востоковеды, авторы научных исследований и собиратели восточных рукописей. В библиотеке существовала богатая коллекция редких книг на восточных языках и нумизматические редкости, которые хранились в музее отделения. Для более глубокого знакомства студентов с восточными окраинами Российской империи директор департамента Родофиникин использовал весьма необычные способы наглядного обучения своих воспитанников. Так, в 1829 г. он направил Иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейтлеру просьбу прислать в Азиатский департамент две коллекции рыб, обитающих в озере Байкал и Охотском море, что и было исполнено в 1831 г.⁸.

20 ноября 1835 г. Учебное отделение восточных языков было причислено к высшим учебным заведениям Российской империи. Его выпускники направлялись в российские миссии и консульства на Ближнем Востоке, где служили драгоманами и секретарями. Многие из них связали свою судьбу с этими подразделениями заграничной службы МИД, в которых занимали видное положение консулов и генеральных консулов, а затем и сотрудников Азиатского департамента. Учебное отделение восточных языков просуществовало вплоть до 1917 г.

Одним из наиболее важных направлений деятельности Азиатского департамента в период правления Николая I были отношения России с Османской империей, включая ее балканские провинции и Средний Восток. На Балканах Россия с сочувствием относилась к освободительным движениям славянских и православных народов, населявших Сербию, Черногорию, Грецию, Боснию и Герцеговину, на Среднем Востоке поддерживала православные патриархаты в Сирии и Палестине. Кроме того, российское правительство и Святейший Синод регулярно оказывали материальную помощь православным храмам и монастырям на всей территории Османской империи, не только в ее европейских, но и североафриканских владениях, а также на островах Леванта и в Южном Причерноморье.

Азиатский департамент контролировал, прежде всего, дипломатическую деятельность российских миссий и консульств

на Балканах. А центром политического присутствия России на Ближнем Востоке и Балканах, куда стекались сведения политического и экономического характера со всей широко раскинутой по территории Османской империи российской консульской сети, было Константинопольское посольство. Константинопольский посланник входил в число наиболее значимых зарубежных представителей России, к нему поступала обширная информация о европейской международной политике, в зависимости от перипетий которой он должен был выстраивать взаимоотношения с Портой и своими европейскими коллегами, представителями великих держав на берегах Босфора. Именно в Константинополе зачастую принимались важнейшие внешнеполитические решения западной дипломатии; здесь же находился своеобразный международный политический центр, от которого концентрическими кругами расходились отклики на предпринятые шаги и международные соглашения, имевшие огромный резонанс для политической жизни всей Европы.

Миссию в Константинополе возглавляли дипломатические представители в ранге посланников. Во второй четверти XIX в. это были А.И. Рибопьер, А.П. Бутенев, В.П. Титов, а также А.Ф. Орлов, представлявший Россию на короткий период сразу по завершении русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Перед посланниками России в Османской империи стояли разные по степени сложности, но одинаково ответственные конкретно-исторические задачи по урегулированию политических и экономических отношений с правительством Турции. Всех их объединяло одно: от профессионализма российских дипломатов зависело не только решение узких, специальных вопросов двусторонних русско-турецких отношений, но и зачастую стабильность европейского мира. Эта стабильность базировалась на международных соглашениях, включавших статьи по режиму Черноморских проливов, статусу Балканского региона и Ближнего Востока, т.е. на приемлемом для всех заинтересованных участников международной жизни решении общих вопросов. Следование принципам «равновесия» и «баланса сил», провозглашенных основными постулатами международных отношений в Европе, в значительной степени зависело от позиции Порты по тем или иным вопросам. Османская

империя, таким образом, не только вошла в общеевропейские международные отношения, но играла в них одну из центральных ролей стабилизационного характера.

Внешнеполитическое ведомство России внимательнейшим образом следило за обстановкой на Балканах. Азиатский департамент, в ведении которого находился этот регион, получал подробные и регулярные отчеты обо всех важнейших событиях, происходивших в провинциях Турции, населенных православными южнославянскими народами, их настроениях и отношении к турецким властям. В каждом из регионов проживания православных подданных на территории Османской империи имелись свои особенности и отличительные черты социально-экономической жизни. Они проявлялись как в организации местной власти и ее взаимоотношений с Портой, так и в степени развития политических связей с Россией. В Балканском регионе наиболее самостоятельными игроками на поле европейской политики в этот период выступали Сербское княжество, получившее права автономии по условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г., и Греция, ставшая независимой в 1830 г. В Сербии в 1838 г. было открыто первое российское консульство, а в Греции — миссия с российским посланником во главе.

Наибольшей устойчивостью и традиционностью отличались русско-сербские связи. Именно Сербия, обладая самым высоким среди балканских славян уровнем самостоятельности, привлекала внимание российского правительства. В Сербии шла интенсивная внутривластная жизнь, велась переписка сербских депутатов и сербского князя Милоша Обреновича с российскими посланниками, а позже составлялись планы по принятию Устава, своего рода сербской конституции. Вожди сербской оппозиции также имели налаженные связи с российским посольством. Всё это, безусловно, выводило сербскую тематику в первые строчки политических отчетов, ложившихся на стол российского императора. Именно Сербия стала на долгие годы «яблоком раздора» на Балканах, поскольку ведущие европейские державы стремились укрепиться в регионе и опасались, что активизация России в этом направлении составит реальную угрозу целостности Османской империи. Со своей стороны, Россия была крайне заинтересована

упрочить свое влияние в важнейшем для международной жизни регионе Черноморских проливов и не имела планов по разрушению Турции. На протяжении всего периода с начала XIX в. и до начала Крымской войны Сербия находилась в фокусе российских интересов.

Военное содружество в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., поддержка российскими властями сербских требований к Порте во время Первого (1804–1813 гг.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний, включение в текст Бухарестского мирного договора условий о предоставлении Сербии прав автономного управления в 1812 г. и подтверждение их в Аккерманской конвенции 1826 г. привели к включению пункта о сербской автономии в Адрианопольский мирный договор по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Опираясь на его статьи, Порта была вынуждена издать хатт-и-шерифы 1830 и 1833 гг., признававшие автономию Сербии и ее князя Милоша Обреновича. Все этапы этого продолжительного и трудного пути — переписка российских посланников с сербскими депутатами и лидерами освободительного движения, выработка статей будущей сербской конституции, составление многочисленных нот турецкому правительству, в которых содержались требования безусловного и скорейшего исполнения достигнутых ранее договоренностей, — вся эта работа ложилась на российское представительство в турецкой столице и требовала постоянной координации планируемых выступлений с руководством Азиатского департамента⁹.

Именно Азиатский департамент выступал инициатором всех специальных миссий политического характера, предпринятых от российского МИД на Балканы. В Сербии их было несколько — миссии В.К. Ливена, В.А. Долгорукого и П.И. Рикмана. Все прибывающие в Белград представители России имели свои конкретные задачи, которые сводились к одному — внушить сербскому руководству мысль о том, что только следуя в русле русской политики, Сербское княжество может достичь благополучия и процветания. В Черногорию также посылались представители Азиатского департамента со специальными миссиями — в 1830-е годы это были миссии Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского. Они имели задание поближе познакомиться с экономическим

и политическим положением края, проведением реформ и распределением денежных сумм, присылаемых из России. В 1841 г. Азиатский департамент направил своего представителя в болгарские земли — это была миссия Д.Ф. Кодинца, которому «поручено было собрать сколь можно точнейшие сведения о положении христиан, разведать, до какой степени справедливы их жалобы на притеснения и насилия... и сообразить, какими именно мерами следовало бы Порте оградить на будущее время личную безопасность и права собственности подданных ее»¹⁰. Эта миссия была вызвана огромным числом жалоб болгарских общин на произвол турецких властей и прошений на имя российского императора распространить свое покровительство и на болгарские земли.

Одной из функций Азиатского департамента был прием делегаций и отдельных представителей балканских провинций. Важнейшим из них был прием черногорского правителя Петра II Петровиича Негоша. Впервые он посетил Петербург в 1833 г., где был посвящен в сан епископа. Второй визит Негоша был осложнен политическими обстоятельствами, поскольку российские власти заподозрили черногорского владыку в желании обратиться за помощью к Франции. Уделялось внимание и визитам сербских делегаций, которые были приняты не только правительством, но и радушно встречены в высшем обществе Петербурга, где обсуждалась возможность принятия в Сербии конституции. Через Азиатский департамент выплачивалась многолетняя стипендия выдающемуся сербскому лингвисту и литератору Вуку Караджичу. Следует отметить, что несколько прошений от имени сербского князя Милоша Обреновича посетить Петербург не были поддержаны российским правительством и всякий раз в мягкой форме отвергались. В 1847 г. состоялся визит в Петербург болгарина Александра Экзарха (Стойловича), его проект преобразований был представлен Николаю I. В 1849 г. в Петербург прибыл архимандрит монастыря Св. Иоанна Рыльского Стефан Ковачевич — «для сбора подаяний в пользу сей общины». Он привез с собой целую программу преобразований не только своего монастыря, но всей церковной системы в Болгарии — это была программа учреждения независимой болгарской церкви по примеру сербской митрополии¹¹. Все эти делегации требова-

ли определенных средств для достойного приема и выделения дополнительной денежной помощи в ответ на принесенные на высочайшее имя прошения, что также исполнялось штатом департамента.

Константинопольской миссии России были подотчетны многочисленные консульские агентства на Балканах, в Малой Азии и Средиземноморье; важнейшим из них стало консульство в Белграде. Следует подчеркнуть, что через него осуществлялись связи российского правительства с другими православными народами Балкан, не имевшими в это время представительств России на своей территории. Болгары часто обращались к российскому консулу в Белграде, а позже в консульства в Адрианополе, Варне и Сливене, куда был переведен из Сербии Г.В. Ващенко. В белградское консульство поступали многочисленные обращения от болгарского населения, подвергавшегося насилию после ряда вспыхнувших восстаний начала 1840-х годов. Российский консул в Сербии сообщал в Петербург, что сербский князь Михаил приказал принимать беженцев из Болгарии в то время, как Россия не осмеливалась выступить перед Портой в защиту болгар¹². В Белград приходили посланцы из Боснии с жалобами на произвол мусульман и просьбами распространить свое покровительствующее влияние на боснийских христиан. А обязанности российских консулов в Османской империи существенно отличались от обязанностей их коллег в европейских державах и не ограничивались надзором торгово-экономической сферы. Официальные документы МИД, каковым, например, являлся консульский устав 1820 г., признавали за своими консулами в Балканском регионе преимущественно политическое значение их миссии в качестве полноценных дипломатических представителей России. Не подлежит сомнению и тот факт, что консульские работники, кроме исполнения своих прямых обязанностей по способствованию развитию экономических связей подведомственного им региона с Россией, имели и другие функции, а именно: наблюдение за внутренней ситуацией, настроениями и политическими симпатиями местного населения.

Согласно расписанию штатов российской миссии в Константинополе, принятому в 1818 г., Россия имела на тот момент на

территории Османской империи пять генеральных консульств: в Дунайских княжествах (генеральный консул Пини), Трабзоне (Рубо де Понтеве), Смирне (Дестуни), Египте (Чивини), Морее (Власопуло); консульства в Молдавии (Пизани) и Салониках (Рубо де Понтеве); вице-консульства в Синопе (П. Джани), на о. Хио (Милонас), в Дарданеллах (Мустоксиди); агентов на Эносе (Кессен) и в Адрианополе (И. Фонтон), а также двух вице-консулов без жалования — в Алеппо (Пиччиотто) и Сен Жан Дакре (Катафачо). Со временем количество консульств изменялось — открывались новые представительства, ликвидировались старые. В частности, большие перемены произошли после того, как Греция получила независимость в 1830 г. и Россия учредила здесь свою миссию. Одновременно исчезали некоторые представительства, выполнявшие в Леванте чисто торговые функции и признанные неэффективными¹³. Так, с 1 апреля 1830 г. было ликвидировано вице-консульство в Хио, а 11 февраля того же года открыто консульство в Сливно. Его появление было признано необходимым для защиты от турецких репрессий болгарских жителей, бежавших после русско-турецкой войны в Россию и теперь возвращавшихся домой. По словам российского посланника А.П. Бутенева, оно стало необходимым «для защиты христиан и упрочения спокойствия»¹⁴. Учреждение новых дипломатических представительств России в европейской части Османской империи было связано с потребностями расширения разнообразных связей с балканским населением Турции, развитием торговли, как сухопутной, так и через Дунайские порты.

К началу 40-х годов XIX в. произошли некоторые изменения в структуре консульской сети, подведомственной Константинопольскому посольству. По-прежнему существовали пять генеральных консульств: в Сербии, Бухаресте, Смирне, Египте и Трабзоне; пять консульств: в Яссах, Эрзуруме, Салониках, Бейруте и Кандии (на Крите). В Дарданеллах и Яффе функционировали вице-консульства, а в Галаце и Адрианополе — торговые агентства¹⁵. Консулы обязаны были сообщать посланнику о важнейших событиях на местах, торговле своего края, настроениях местного населения и их взаимоотношениях с турецкими властями. Все консульские донесения шли в Константинополь «под открытой

печатью, дабы министр его императорского величества мог иметь полное сведение и наблюдение за течением и производством дел, вверенных подчиненным ему консулам»¹⁶.

Вступление в консульскую должность предполагало соблюдение определенных формальностей. Будущий генеральный консул, консул, вице-консул или торговый агент получали патент на исполнение своих обязанностей, снабженный высочайшей подписью. Кроме того, предполагалось, что некоторых вице-консулов и агентов может назначать сам константинопольский посланник, однако в этом случае им не полагалось жалования от МИД. Консулы не могли состоять на службе других держав (в отличие от нештатных консулов) и даже вступать в брак «без позволения министерства».

Генеральные консулы и консулы были уполномочены «производить в подведомом им округе суд по трактатам и существующим обычаям». Для этого «при каждом консульстве должно быть по одному экземпляру всех трактатов, существующих с тою державою, где оное находится, а также и тарифа таможенных пошлин»¹⁷. О том, что это правило выполнялось далеко не всегда, говорят многочисленные просьбы консулов о присылке им копий трактатов и договоров, без которых они не могли должным образом исполнять свои обязанности. Ф.Ф. Маргенс в своем труде «О консульской юрисдикции на Востоке» обращал внимание на то, что полномочия российских консулов в странах Востока были существенно расширены по сравнению с полномочиями их коллег в Европе и Америке. Исполнение судебных функций было одной из важнейших обязанностей консулов именно в этом регионе, поскольку «ни законодательства восточных стран, ни их судебные и исполнительные власти не предоставляли достаточных гарантий для обеспечения безопасности личности и собственности русских подданных»¹⁸.

Ежегодно консулы представляли в министерство отчеты «о мореходстве и торговле российских подданных в округе их», в которых не только свидетельствовали о состоянии торговых дел, но и высказывали свои предложения «для достижения российской торговле и мореплаванию всяких выгод и распространения». Сведения об экономическом развитии Средиземно-

морских регионов и состоянии торговли в них являлись важной информацией для российского купечества, осуществлявшего черноморскую торговлю. В 1819 г. херсонский военный губернатор А. Ланжерон обращался к статс-секретарю по иностранным делам с просьбой о том, чтобы «консула наши и агенты, в иностранных портах находящиеся, постановлены были в обязанность извещать купечество здешнее о делах торговли в тех местах»¹⁹. Самим консулам запрещалось заниматься торговлей и «принимать от иных держав какие-либо консульские звания». Этот запрет распространялся и на драгоманов, которые к тому же не должны были исполнять поручения частных лиц. Как правило, второй драгоман консульской миссии исполнял обязанности письмоводителя. Все внутренние протоколы консульства составлялись на русском языке, особенно строго это предписание исполнялось в отношении «тяжебных», т.е. судебных, дел во избежание путаницы. Консульские донесения в посольство могли быть как на русском, так и на французском языках, тогда как все официальные бумаги Константинопольской миссии, направляемые в Петербург, были составлены по-французски и переписаны каллиграфическим почерком секретарей или письмоводителей.

Следует подчеркнуть роль Азиатского департамента в установлении и осуществлении непосредственных связей русской церкви с балканскими православными учреждениями, проходивших посредством Константинопольской миссии. Через российских посланников в турецкой столице пересылались денежные средства, направлявшиеся Святейшим Синодом православным обителям почти на всей территории Балкан (кроме Цетинской митрополии). Именно через посольство осуществлялись контакты как отдельных церквей, так и руководства Константинопольской патриархии с духовными учреждениями в Российской империи. В посольство присылались церковные книги, сюда же прибывали специалисты для налаживания преподавания русского языка и священной истории в отдельных частях Османской империи. Наконец, российское посольство имело свои средства, которыми оно распоряжалось по своему усмотрению и которые часто направлялись на оказание помощи православным учреждениям и отдельным священнослужителям без надлежащей на

то санкции властей из Петербурга. Всё это делало российское представительство в Константинополе важным центром влияния на православные общины и духовные центры на Балканах.

В 1735 г. в России был утвержден список, получивший название Палестинского штата, по которому целому ряду православных обителей на территории Османской империи назначались строго определенные ежегодные «милостинные дачи» для поддержания православия среди мусульманской культуры Турции. В этот список вошли 53 зарубежных православных монастыря, на финансирование которых ежегодно из Государственного казначейства выделялась сумма в 4031 руб. 66 ½ коп. серебром²⁰. Эти деньги распределялись среди «заграничных единоверных духовных особ и монастырей», из которых первой строкой упоминались четырехпрестольные патриархи: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Затем шли митрополиты: Черногорский, Халкидонский и Белградский; архиепископы: Архидонский, Македонский и Синайский, а также три епископа. Монастыри, включенные в Палестинский штат, находились на Балканах, в Малой Азии, на Афоне, в Трапезунде, на о. Корфу и Крите, в Далмации, в Валахии и Молдавии, на Синае и на Принцевых островах.

Суммы выплат не изменялись с 1735 г.: монастыри получали по 35 руб. серебром ежегодно, Константинопольскому патриарху полагалось 1 тыс. руб., а трем остальным лишь по 100 руб.; всем митрополитам и епископам 560 руб. за три года вместе, или по 166 руб. 66 ½ коп. ежегодно²¹. Среди монастырей были исключения: особые суммы получали Солунский (50 руб.), Ватопедский Афонский (100 руб.), Троицкий (Есоптр) на о. Халки (50 руб.) и Цетинский черногорский (166 руб. 66 ½ коп.) монастыри, а также церковь Св. Спиридона на о. Корфу (125 руб.)²². Это было связано с тем, что некоторые монастыри особо почитались русской церковью за их заслуги, в основном за преподнесенные в дар русской церкви Святые мощи, ранее хранившиеся в этих обителях с византийских времен.

Во внушительном списке православных монастырей на Балканах, пользовавшихся «милостинными дачами» по Палестинскому штату, особое место отводилось обителям Афонской

горы, традиционно почитаемым русской церковью. 12 афонских монастырей получали ежегодное пособие по списку. Это были монастыри: Введенский Хилендарский, Георгиевский Зографский, Благовещенский Филофеев, русский Пантелеймоновский, Благовещенский Ватопедский, Предтеченский Дионисиев, Георгиевский Павловский, Иверский, Вознесенский Евсигманский, Троицкий Алембасов и Большой Лавры. Из них Благовещенский Ватопедский получал по 100 руб. за присланные святыни — Животворящий крест Господень, сооруженный Константином, и главу Иоанна Златоуста²³.

Российские посланники в Константинополе были обязаны посылать руководству Азиатского департамента свои донесения, докладные записки, а также извещать начальство обо всех заслуживающих внимания событиях, происходивших в Османской империи. Ежегодно миссия отправляла в Петербург большой отчет о проделанной работе, политической обстановке в балканских провинциях Османской империи, о расходах миссии, в том числе и «чрезвычайных», которые могли включать в себя помощь российским морякам, потерпевшим бедствие, деньги на починку судов, материальную поддержку бедствующим православным священникам и храмам. На основании всех поступающих из российских миссий на Востоке данных составлялся общий отчет по Азиатскому департаменту, который предоставлялся управляющему МИД к 20 января ежегодно. Начиная с 1826 г., министерство иностранных дел должно было предоставлять годовой отчет о деятельности ведомства императору. Указ об этом последовал 30 сентября 1826 г.²⁴. На заседании Комитета министров 5 октября того же года было принято решение о том, чтобы главы всех ведомств «представили Его Императорскому Величеству ... к 1-му января 1827 г. годичный за 1826 год отчет каждый по своей части с приложением счетов денежных сумм, распоряжению их вверенных»²⁵. С тех пор вплоть до 1916 г. министерство ежегодно готовило подробный отчет о политических отношениях России с иностранными государствами. Постепенно сложилась структура отчета. В первую очередь разбору подлежали главные политические события под грифами «Дела Востока» и «Дела Запада». Затем шел раздел о взаимоотношениях России

с отдельными государствами «1-го и 2-го разряда». К первым принадлежали Австрия, Англия и Франция, ко вторым — все остальные; замыкали список Соединенные Штаты Америки. Отчет составлялся на французском языке и имел подпись вице-канцлера. В отличие от основного текста раздел «О занятиях по Азиатскому департаменту» готовился на русском языке и был посвящен отношениям России с Турцией и Персией, а также торговым делам с государствами Средней Азии, Китаем и кочевыми народами. В отчете по Азиатскому департаменту подробно освещались отношения России с Османской империей, а также имелись специальные разделы, посвященные Сербии, Дунайским княжествам, Черногории, Греции. Здесь же сообщалось об открытии новых консульских постов России на территории Турции и преобразовании уже существовавших. Все данные отчета являлись производными от докладов и аналитических записок, которые составлялись российскими посланниками в турецкой столице и регулярно присылались в Петербург.

Азиатский департамент МИД, наряду с существовавшим до 1838 г. департаментом внешних сношений, был одним из важнейших подразделений российского министерства иностранных дел. В его ведении находились все внешнеполитические связи России с Турцией, Персией и степными окраинами Империи. Во взаимоотношениях с Османской империей Азиатский департамент выступал куратором не только российской политики, но и морской торговли через Черноморские проливы, а также связей Святейшего Синода с православными обителями Балкан, Афона и Иерусалима. Все эти контакты осуществлялись через российскую миссию в Константинополе, которая в своей ежедневной работе выполняла обширную программу по поддержанию русско-турецких отношений, включавших многочисленные аспекты политической, экономической и конфессиональной жизни двух причерноморских Империй.

Примечания

¹ Русский биографический словарь. Обезьянинов-Овечкин. СПб., 1913. С. 318.

² Лобынцева М.А. К вопросу о создании Азиатского департамента Министерства иностранных дел России // Иран. М., 1971. С. 86.

- ³ Там же. С. 87.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СПб ГА IV—1. Оп. 118. Д. 1 (1875). Л. 1.
- ⁵ Газеты на иностранных европейских языках в фондах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Алфавитный каталог. М., 1985. Ч. I. С. 183.
- ⁶ *Голиков А.Г.* «Journal de St.-Pétersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2003. № 2. С. 5.
- ⁷ Подробнее о Фонтонах см.: *Кудрявцева Е.П.* От Коллегии к Министерству: реформирование российского МИД в 30-е годы XIX века // Европейский альманах. М., 2002. С. 138–139.
- ⁸ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 479/4. Д. 462. Л. 1 об. К.К. Родофиникин иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейтлеру. Б/д.
- ⁹ См. подробнее: *Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1841. Л. 282 об.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. ГА 1—1. Д. 25. Л. 60–61.
- ¹² АВПРИ. Ф.ГА1—9. Оп. 8. Д. 7 (1). 1839–1860. Л. 483. Донесение Г.В. Ващенко в Азиатский департамент. 14 апреля 1841 г.
- ¹³ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV—7. Оп. 126. Д. 3 (1818–32). Л. 9–10.
- ¹⁴ Там же. Ф. ГА IV—2. Д. 5 (1832). Л. 2 об. А.П. Бутенев — К.В. Нессельроде. 6 августа 1832 г.
- ¹⁵ Там же. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 852. Л. 12; Там же. Ф. СПб ГА V—2. Оп. 119. 1833–56. Д. 10. Л. 1,7 об., 13 об., 14–15.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Ф. СПб ГА IV—2. Оп. 119. 1828–30. Д. 10. Л. 23. Выписка из «Правил, служащих в руководство российским консулам при исполнении должности их».
- ¹⁷ Там же. Л. 22.
- ¹⁸ *Мартенс Ф.Ф.* О консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873. С. 189.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА II—3. Оп. 34. Д. 2 (1819). Л. 1. А. Ланжерон — К.В. Нессельроде. 3 декабря 1819 г.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. СПб ГА II—9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 17–21. Указ Николая I от 27 января 1826 г.; Там же. Д. 2. Ч. 7. Л. 1–8. П. Мещерский — К. В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.
- ²¹ Там же. Д. 2. Ч. 1. Л. 17. Указ Николая I.
- ²² Там же. Л. 18 об.
- ²³ *Каптерев Н.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 65.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2999. Л. 46.
- ²⁵ Там же. Л. 45. Ф. Гежелинский — К.В. Нессельроде. 5 октября 1826 г.

Из истории Герцеговины в 1833–1851 гг. Али-паша Ризванбегович: опыт самостоятельного управления краем*

В 1857 г. первый российский консул в Сараеве, славист Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) побывал в главном городе Герцеговины Мостаре¹. Там он познакомился с архимандритом Иоанникием Памучиной и иеромонахом Прокопием Чокорило. Оба произвели на него хорошее впечатление — они увлекались литературным творчеством, были образованны. Гильфердинг намеревался составить и опубликовать труд о своем пребывании в Боснии и Герцеговине², и у него возникла идея дополнить рассказ работами боснийцев и герцеговинцев по истории края. По просьбе русского слависта Памучина и Чокорило³ составили небольшие сочинения, которые впоследствии были переведены на русский язык и опубликованы в России.

Памучина озаглавил свою работу «Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского»⁴, а Чокорило — «Летопись Герцеговины. 1831–1857»⁵. Главным героем обоих авторов стал Али-паша Ризванбегович. Следует отметить, что деятельность Ризванбеговича неоднократно становилась предметом изучения боснийских историков⁶. В отечественной же литературе упоминания о герцеговинском паше встречаются редко⁷.

Дорога к власти

Али-паша Ризванбегович (1783–1851) оставил заметный след в истории Герцеговины. Эта была яркая и противоречивая личность. Он родился в городе Столац в семье потурченцев. Его отец управлял Столацким кадилуком (уездом). В семье было шесть

* Раздел написан при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

братьев от одного отца и двух матерей (они были родными сестрами. — *К. М.*). От первой жены родились Мустафа-капетан и Хаджи-бег. От второй — Али-ага, Халил-ага, Омер-бег и Дервиш-бег⁸.

Дервиш-бег погиб в молодости⁹. Остальные братья после смерти отца начали борьбу за власть над Столацким кадилуком. В результате этой распри младший из них, Омер-бег, стал муселимом столацким (воевода, исполняющий приговоры кади, позже — мудир. — *К. М.*)¹⁰. Впоследствии он был отравлен боснийским визирем вместе с другими видными герцеговинскими правителями. По Герцеговине ходили слухи, что Али-ага способствовал устранению брата¹¹. После смерти последнего между оставшимися братьями вновь разгорелась борьба за владение Столацем. Победителем вышел Али-ага. Хаджи-бег, который имел дурную славу человека жестокого и развратного, был изгнан в Почительский округ, а спустя некоторое время зарезан Али-агой¹².

Получив власть над Столацем, Али-ага начал распри с Гавран-капетаном Почительским. В 1829 г. он захватил у него ряд территорий (Расно, Габелла, Дубрава), в том числе и монастырь Житомышлич, после чего самовольно провозгласил себя муселимом Герцеговины.

1820–1830-е годы XIX в. для Боснии и Герцеговины — это время, когда исламизированная местная знать (беговат, аги и беги) оказывала всяческое сопротивление султану, стараясь самостоятельно управлять угодьями, не допуская вмешательства правительства.

В 1831 г. султан Махмуд II (1785–1829 гг.) издал указ о проведении переписи населения в Боснии и Герцеговине и нововведениях, ограничивающих власть управленцев на местах. Это раскололо правителей региона на два лагеря. Боснийцы и часть герцеговинцев выступили против султана, а пять герцеговинских муселимов оказались на стороне Махмуда II. Среди последних был и Али-ага.

Эти события носят название Боснийского восстания, возглавил которое Хусейн Градашчевич, именуемый народом «Дракон из Боснии» (1802–1834). Своего рода это было движение за автономию¹³. Кровавая борьба, полная жестокости и предательств,

окончилась победой сторонников султана. В ходе этих событий Ризванбегович объявил себя герцеговинским пашой. Следует отметить, что во время восстания большая часть поселян Герцеговины (кметов) сражалась на стороне султана.

Доказав свою верность падишаху, Али-паша Ризванбегович направился в Константинополь. Он небезуспешно поучаствовал в турецко-египетском конфликте на стороне правителя. Памучина пишет: «Султан <...> удвоил свои милости и предложил ему быть визирем, где захочет; но, благодаря султана за все милости, Али-паша умолял его только, чтобы он отделил Герцеговину от Боснии и в первой дал ему наследственное господство. Охотно согласился на это султан, отделил от Боснии Герцеговину <...>, наименовал его визирем и прибавил титул “непобедимый” (галит)»¹⁴.

Портрет

История сохранила несколько словесных портретов Али-паши. Один из них дает Прокопий Чокорило: «Али-паша Ризванбегович Стольчанин был человек большого роста, с редкими, у кожи остриженными, волосами; он был толст и тяжел: мало было в Герцеговине лошадей, которые могли бы носить его; голос у него был громкий и грубый, он ни с кем не брезговал говорить и всякого, бывало, расспрашивал, хотя бы о самом ничтожном деле»¹⁵. Его увлекала медицина, он постоянно раздавал людям лекарства и помогал избавиться от недугов. Сам Али-паша страдал от боли в ноге, у него была неизлечимая рана (живина), поэтому он хромал и получил прозвище «Топал» (хромой. — *К. М.*). Приглашал в Герцеговину ученых врачей из Константинополя и Австрии. Другой портрет дает чиновник из Дубровника барон Фердинанд фон Шаллер. В 1836 г. Али-пашу он описывал как высокого, сильного человека импозантного вида, который носил традиционную низамскую одежду, османский орден Ифтикар (Орден Славы. — *К. М.*) с бриллиантами. Кабинет в его резиденции с раннего утра был открыт. В разговоре суровый и решительный, он был нетерпелив и не выносил, если кто-то оказывал ему сопротивление. Его все боялись¹⁶.

Вот вам и царь в Мостаре...

В мае 1833 г. Али-паша победно вернулся в Мостар, встреча проходила торжественно. Участниками и очевидцами этого события были Чокорило и Памучина. Оба они описали его в своих сочинениях. В них присутствует ряд разночтений, что вполне объяснимо, ведь прошло более 20 лет, но общая канва повествования совпадает.

В Мостаре собрались улемы (книжники, начитанные законники) со всей Герцеговины. И. Памучина в своем сочинении передает речь Ризванбеговича, обращенную к народу: «Любит меня честный царь наш, сердечно любит, и потому посадил третьим по себе; предлагал он мне быть визирем в каком угодно мне пашалыке, но я не пожелал этого, и только попросил его для меня отделить эту Герцеговину от Боснийского пашалыка, а это по порядку ее 15 округов <...>. Это всё дано мне, да начальствую всем этим я, и мои дети, и мой род: а всё это устроил я для того, чтобы в нашу Герцеговину не совался какой-нибудь дрянной паша. Я рассудил, что, как домородцу, заведовать краем гораздо лучше мне, чем кому чужому: своему дому никто не злодей»¹⁷. Али-паша обещал простить всех мусульман, которые выступали против него, судить «по чистой правде», разбойникам «голову долой», а «правому человеку», будь то турок или райя, сулил место подле себя. Он освободил от податей всех мусульман, живущих в городе, турок-земледельцев же обязал платить только харач (подушную подать) наравне с остальными жителями Империи. Немусульманам полагалось платить харач и по 1 флорину в год с каждого дома лично Али-паше (примерно 60 коп. серебром. — К. М.).

В сообщениях Чокорило и Памучины есть расхождения в том, что говорил Али-паша народу, но смысл один:

«Никому с этого дня не нужно ходить ни к царю, ни в Стамбул: вот вам Стамбул — Мостар, а вот вам и царь в Мостаре. У меня не нужно вам ходатаев, которые бы допускали вас ко мне за деньги, а будет кому нужда

«Султан государь пожаловал меня: дал мне Герцеговину и сделал меня в ней пашой, и отделил ее для меня от Боснии <...>. Султан дал мне власть, чтобы всё шло через мои руки: кто хочет жаловаться в Травник, вот ему Травник; кто

какая, — свободно, в опанках (лап-
тях), иди без спроса прямо ко мне
и высказывай свою неволю. Я тот
самый Али-ага как прежде, я сам
обуюсь в опанки, оденусь в гунцы¹⁸
да и пойду пешком куда захочу»¹⁹.

хочет жаловаться в Стамбул,
вот ему Стамбул»²⁰.

— Чокорило

— Памучина

Чокорило пишет: «Так началось и возвестило себя новое правление в Герцеговине. Правитель ее всё говорил народу одно, а думал и делал другое. Отселе пошли времена всё хуже и хуже...»²¹. Приметами нового порядка стали грабежи, налоговые поборы, страх и убийства.

Герцеговина попала под управление Али-паши и получила особый статус, который утратила только в 1851 г. В состав владений вошли следующие округа: Благайский, Гацкий, Дувненский, Любино-Требинский, Мостарский, Невесинский, Никшичский, Коницкий (половина), Почительский, Препольский, Столецкий, Таслиджинский, Фочинский, Чайницкий.

Обещанных мостарцам клятв Али-паша не исполнил. Его внутренняя политика была нацелена на устранение конкурентов, усиление и укрепление личной власти и увеличение собственного имущества.

Али-паша намеревался сделать Герцеговину наследственной вотчиной своего семейства. Он активно отбирал земли у поверженных и ослабленных агов, постоянно преумножая свое богатство.

Наследники

О семье Али-паши известно немного. Женат он был один раз²². В его гареме находилось также пять рабынь²³. У него родилось, как минимум, шесть сыновей. В источниках встречаются упоминания о Навиз-паше, по прозвищу «Зулфо» (кудрявый. — К. М.) и миралайе (полковнике), женатом на рабыне из Константинополя, Зулфикар-беге (ум. в 1851 г.). Возможно это одно лицо. О сыне Али-аге практически ничего неизвестно. Сын Ризван-бег был женат на дочери невесинского муселима Баш-аги. От рабыни был рожден сын Али-паши Мегмет-али. Интересно, что его нарекли

в честь боровшегося за независимость от Османской империи египетского паши Мухаммеда Али (1769–1849). Это отлично характеризует личность Али-паши, который некогда сражался на стороне султана против Мухаммеда Али. Еще один сын, Рустем-бег (в других источниках Рустан-бег), взял в жены рабыню из Константинополя. О последнем известном сыне Хафиз-паше будет сказано ниже. Так выглядел список потенциальных наследников Герцеговины.

Новый порядок

Получив власть над Герцеговиной, Али-паша приступил к наведению порядка в крае. В те времена область была наводнена разбойниками, ускоками. С ними началась борьба, под предлогом которой пострадало много невинных людей. Головы рубили по наветам без судебных разбирательств. Многих христиан сажали на кол, вешали. По разным подсчетам, Али-паша погубил около 1000 невинных христиан. Но, вместе с тем, и цель была достигнута. Памучина писал: «Все дороги по Герцеговине очистились тогда от грабительства, и всякий мирно проходил по ним»²⁴.

Строительство

Али-паша намеревался превратить Мостар в «столицу». Для себя и своих наложниц он построил в городе резиденцию, дворец для судебных заседаний, мечеть, хан (гостиницу), обустроил семейное кладбище и переместил в Мостар муфтия Мустафу-эфенди Сарайлича.

Христианам, мостарским торговцам и ремесленникам было приказано доставлять камни, песок, известь и бревна для строительства. По воскресеньям кавазы (вооруженная охрана) нарочно поджидали православных мостарцев у церкви и заставляли их таскать стройматериалы, пачкая нарядные одежды²⁵.

Справедливости ради сто́ит сказать, что при Али-паше была выстроена и православная церковь в Мостаре, хотя улемы просили пашу не допустить ее появления в городе. Православная община на тот момент уже получила фирман на строительство от султана и разобрала старую церковь. Али-паша разрешил мостарцам воздвигнуть храм, но не шире, не выше и не длиннее,

чем был прежний²⁶. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы²⁷ строилась в 1833–1835 гг. В 1835 г. при ней и оказались Иоанникий Памучина и Прокопий Чокорило.

На берегах реки Буны Али-паша выстроил несколько увеселительных дворцов и прекрасную мечеть, которая сохранилась и по сей день. В родном Столаце он восстановил крепость, уничтоженную пожаром, увеличив ее вдвое. Также он начал строить большие дома на берегу реки Брегава (этого не удалось осуществить. — *К. М.*), башни и другие здания по всей Герцеговине.

Аграрные новшества и экономика

Большой интерес Али-паша проявлял к сельскому хозяйству. Он первым стал сеять пшено в Герцеговине²⁸. В долине реки Буны развивал шелководство, посадил много тутовых деревьев и маслин²⁹. По его приказу в Герцеговине стали активно выращивать табак, рис, рожь, персики, виноград, миндаль, цитрусовые и овощи³⁰. Известен случай, когда в 1834 г. Али-паша повелел засеять равнину у местечка Любушки рисом. Местные жители очень сопротивлялись этому нововведению, но он заставил их силой. А позже рис в этих краях по качеству превосходил привозной³¹.

В Герцеговине велась вырубка дубовых лесов. На их месте разбивались поля. Цель у этих мероприятий была благородная — обезопасить регион от голода, но это привело к экологической катастрофе, последствия которой ощущаются и по сей день — вместо плодородных земель появились труднообрабатываемые каменистые пустоши. В 1845 г. у истока реки Буны была открыта первая в Герцеговине лесопильня.

Али-паша активно раздавал земли верным ему агам. Это также имело последствия. К примеру, им были подарены участки около Габеллы (на границе с Австрией). Местности эти считались пригодными для земледелия, но большую часть года были покрыты водой и никогда не обрабатывались. Землевладельцы не проявляли к ним никакого интереса. Тогда живущие неподалеку кметы осушили часть этих земель и начали их возделывание. Когда же они в этом преуспели и угодяя начали приносить доход, явились законные владельцы аги и потребовали отдавать им по 1/4 части от заработанного. Кметы исправно платили долгое

время, хоть и были возмущены поборами. Это привело к тому, что в 1865 г. начался судебный процесс между землевладельцами и поселянами, благоустроившими земли. Суд вынес решение в пользу первых³².

Сношения с соседями

Ризванбегович установил дружеские связи с австрийскими властями, неоднократно принимал от них подарки, был в хороших отношениях с далматинским губернатором³³. Известно о том, что он и его сыновья несколько раз посещали Дубровник.

Совсем иначе обстояли дела с Черногорией, с которой в 1836 г. начались военные столкновения. Камнем преткновения стал округ Грахово. Эти территории находились под юрисдикцией герцеговинского управителя. Черногорский владыка Петр II Петрович Негош встал на защиту жителей области от налоговых поборов Али-паши. В результате препирательств и конфликтов Петра Негоша и Али-паши, Грахово было сожжено до тла. Черногорцы при этом прикрывались именем России. Негош посылал Али-паше письма с угрозами. Конфликт длился до тех пор, пока МИД России настоятельно не рекомендовал черногорскому владыке прекратить вести «подобную дипломатию» и всячески стараться установить мир в регионе³⁴.

Мирный договор между Черногорией, Боснийским и Герцеговинским пашалыками был заключен 20 октября 1838 г., но столкновения периодически случались³⁵, что было на руку Али-паше.

Танзимат

С провозглашением Гюльханейского хатт-и-шерифа 1839 г. в Османской империи начался период танзимата³⁶. На этот раз Али-паша стал скорее противником преобразований, чем слугой нового султана Абдул-Меджида I (1839–1861 гг.). Так, он отказался проводить перепись населения Герцеговины. Его самовластие привело к тому, что борьбу с ним начали несколько представителей видных мусульманских семей края. Они инициировали отправку жалобы Константинопольскому патриарху с просьбой хлопотать перед султаном об удалении Али-паши.

В 1841 г. несколько раз Ризванбегович проигнорировал призыв властей явиться в Константинополь³⁷. Конфликты с Черногорией зачастую служили для него прикрытием перед Портой за неисполнение нововведений танзимата.

По сообщениям Памучины, Али-паша притеснял всех, и турок, и христиан, — «каждый молил Бога о его смерти»³⁸. В провинции царил грабёж населения. Молва приписывала Али-паше выражение: «На влахов нужно глядеть сквозь пальцы и держать, как дойную корову...»³⁹.

В рассказах Чокорило и Памучины Али-паша предстает настоящим кровопийцей, для которого истинным увеселением и наслаждением было созерцание отрубленных голов, насаженных на забор его резиденции в Благае⁴⁰.

Утратив доверие практически всего населения Герцеговины, Ризванбегович попал под влияние одиозной фигуры по имени Секирица. Последний провозгласил себя пророком, святым и величайшим шейхом во всей «Туречине»⁴¹. Родственники Али-паши, а также приближенные к нему беги ежегодно ходили на поклонение к боснийскому «пророку». Тот обосновался в городе Высоко, окружив себя дервишами. Под влиянием Секирицы Али-паша и сам стал дервишем. В Мостар начали стекаться юродивые и мошенники. Таким образом, Ризванбегович настроил против себя и улемов.

Омер-паша

В 1849 г. в Боснийской Крайне разразилось восстание против Османской империи. Поскольку местные власти не могли справиться с волнениями, султан направил в регион военачальника сербского происхождения Омер-пашу (Михаила Латаса). Его появление в Боснии и Герцеговине в 1850 г. было встречено простым населением с большой радостью — люди надеялись наконец-то избавиться от самовольного управления местной знати⁴².

Омер-паша велел явиться в Сараево наместникам всех областей Боснии и Герцеговины, в том числе и Али-паше. Встреча герцеговинского визиря проходила торжественно⁴³. Ризванбегович произвел хорошее впечатление на военачальника.

Недовольные таким развитием событий герцеговинцы направили в Вену к протоиерею русской посольской церкви М.Ф. Раевскому депутацию с прошением оказать содействие в смещении «жестокého» Али-паши⁴⁴. Но вскоре и Омер-паша разгадал двуличность натуры герцеговинского «правителя». Находясь в Сараеве, Али-паша Ризванбегович, наиболее влиятельный человек в Посавине Мехмед-паша Тузлич и ряд других видных мусульман сговорились спровоцировать одновременно волнения в своих областях и изгнать Омер-пашу из Боснии и Герцеговины⁴⁵.

Али-паша вернулся в Мостар, где намеревался разыграть свою «шахматную партию». Формально он следовал приказу султана, принявшись готовить Герцеговину к размещению в ней войск⁴⁶. Однако ряд указов, изданных им по этому случаю, вызвал гнев мусульман, подвигнув их на выступление против власти. Сделано это было намеренно. Параллельно восстания вспыхнули в Посавине и Тузле.

Мостарцы взбунтовались. Али-паша укрылся в родном Столаце. По поручению султана для усмирения герцеговинцев был отправлен военачальник Скендер-бег, который успешно справился с задачей. К тому моменту Омер-паша узнал о сговоре, состоявшемся в Сараеве. Али-пашу обманом выманили в Мостар, где он и вся его семья были схвачены.

Покидал Али-паша Мостар хромоногим стариком, опираясь на палку, под надзором стражи. За знаменитым мостом его посадили на исхудалого мула. Народное предание гласит, что, не выдержав унижения, он начал ругать и оскорблять Омер-пашу, обзывал его «влашским сыном». Ризванбегович был готов предстать только перед судом султана. Но ночью раздался выстрел... Омер-паше доложили, что ружье выстрелило случайно, и пуля совершенно случайно попала прямо в голову Ризванбеговичу⁴⁷. По Герцеговине ходили слухи, что это было сделано по указанию самого Омер-паши. Похоронили Али-пашу в Баня-Луке.

Ризванбеговичи

Сыновья Али-паши, Зулфикар-бег и Али-ага, скончались в 1851 г. В июле Омер-паша причислил двух других братьев, Хафиз-пашу и Рустем-пашу, к опальным и отослал их в Конс-

тантинополь. О судьбе Мегмет-Али ничего неизвестно. Гарем Ризванбеговича отправили из Столаца в Травник. Там умерла его старшая жена и двое детей, родившихся от рабынь. 8 мая 1852 г. гарем был послан в Бурсу (Анатолия). Так в Герцеговине не осталось никого из Ризванбеговичей⁴⁸.

В 1874 г. сын поверженного визиря Хафиз Ризван-паша стал первым после отца уроженцем края, который занимал управленческий пост мутешерифа в Герцеговине. Российский вице-консул в Мостаре Я.П. Славолубов (1872–1875 гг.) описывал его как слабого чиновника, покрывающего преступления мусульман. Срок его службы составил всего четыре месяца⁴⁹.

Полунезависимому правителю Али-паше действительно удалось почти на два десятилетия объединить Герцеговину под своей властью, а вот удержать эту власть он не смог. Как в обретении господства, так и в падении большую роль сыграли личные качества Али-паши. Хитрость, беспринципность, изворотливость, жестокость сочетались в нем со стремлением добиться процветания края. В реалиях времени этого действительно можно было добиться, лишь сконцентрировав власть в одних руках. Так или иначе, Али-паша Ризванбегович — ярчайший представитель герцеговинского беговата, который представлял реальную угрозу для центральной власти. До тех пор, пока он не выступал против султана, ему удавалось управлять регионом по своему усмотрению. Он планомерно готовил Герцеговину к обретению ею статуса автономии, управление которой, по его замыслу, должно было быть сосредоточено в руках его семьи. Появление Омер-паши перечеркнуло эти планы. 68-летний Али-паша переоценил свои возможности и, хоть и неявно, выступил против воли султана, за что и поплатился жизнью.

Как бы это парадоксально ни звучало, не питающий никаких трепетных чувств к Али-паше Прокопий Чокорило в 1857 г. в своей «Летописи» упомянул о нем следующее: «Но всё-таки большая часть народа в Герцеговине теперь жалеет его, при нынешнем управлении»⁵⁰.

Примечания

- 1 О пребывании Гильфердинга в Боснии и Герцеговине см.: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 65–101.
- 2 В 1858–1859 гг. заметки Гильфердинга о путешествии по землям Боснии и Герцеговине публиковались на страницах журнала «Русская беседа»: *Гильфердинг А.Ф.* Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // *Русская беседа*. 1858. Кн. I. Смесь. С. 54–76; Кн. II. Смесь. С. 65–92; Кн. III. Смесь. С. 64–97; Кн. IV. Смесь. С. 51–80; 1859. Кн. I. Смесь. С. 125–132; Кн. II. Смесь. С. 57–104. После нескольких переизданий работа вошла в третий том собраний сочинений слависта: *Собрание сочинений А. Гильфердинга*. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873.
- 3 Чокорило надиктовал свой рассказ под запись.
- 4 *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского // *Собрание сочинений А. Гильфердинга*. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 329–378.
- 5 *Прокопий (Чокорило), иеромонах.* Летопись Герцеговины. 1831–1857 // *Русская беседа*. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121; *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857 // *Собрание сочинений А. Гильфердинга*. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 499–525 (далее сноски по этому изданию).
- 6 См., напр.: *Kapidžić H.* Ali-paša Rizvanbegović i njegovo doba. Sarajevo, 2001; *Šljivo G.* Omer-paša Latas u Bosni i Hercegovini 1850–1852. Sarajevo, 1977.
- 7 См., напр.: *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006. С. 54–61.
- 8 *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского. С. 332.
- 9 О Дервиш-беге Памучина писал следующее: «Этот Дервиш-бег был изо всех братьев лучший человек, и за это, видно, еще в молодости убил его гром <...>. Когда сербу хвалят какого-нибудь турка, что он будто бы добр, так серб обыкновенно отвечает: “Дай-то Бог, чтобы лучшего турка гром убил!”» // См.: *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского. С. 332.
- 10 *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского. С. 332.
- 11 Там же. С. 333.
- 12 *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 504.
- 13 Требовали: отмены привилегий, предоставленных Сербии и, в частности, возвращения шести старых боснийских районов; прекращения военных реформ; прекращения прямого управления Боснией и создания автономного боснийского правительства во главе с местным лидером. В свою очередь, Босния обязывалась платить ежегодную дань султану // См. подробнее: *История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны)* / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012. С. 344; *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. С. 51–59.
- 14 *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского. С. 350.
- 15 *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 528.

- 16 *Pederin I. Oblici otpora balkanskih muslimana reformama iz Carigrada (prema spisima zadarske pismohrane) // Radovi leksikografskoga zavoda "Miroslav Krleža". Knj. 4. Zagreb, 1995. S. 208–209.*
- 17 *Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 352.*
- 18 Простое деревенское платье.
- 19 *Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 352–353.*
- 20 *Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 506.*
- 21 *Там же. С. 507.*
- 22 В литературе упоминаются несколько жен. Возможно, имеются в виду рабыни.
- 23 Все они были грузинками необыкновенной красоты. По сообщениям Чокорило, с тех пор по Герцеговине пошло выражение: «Хороша, как Георгианка» // *См.: Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 509.*
- 24 *Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 359.*
- 25 *Там же. С. 357.*
- 26 *Там же. С. 352–354.*
- 27 Фото Церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Мостаре «Старая церковь в Мостаре» в: *Knjiga o Mostaru. Beograd, 2006. S. 19.*
- 28 *Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 354.*
- 29 *Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 508.*
- 30 *Zulfikarpašić A. in dialogue with Djiala M., Gaće N. The Bosniak. London, 1998. P. 17.*
- 31 *Šljivo G. Omer-paša Latas u Bosni i Hercegovini 1850–1852. S. 12.*
- 32 *Донесение российского консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева Н.П. Игнатьеву. 1868 г. // См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. Документы. 1865–1875. М., 1988. С. 111.*
- 33 *Pederin I. Oblici otpora balkanskih muslimana reformama iz Carigrada. S. 209–210.*
- 34 *Петр II Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М., 2013. С. 287–294, 307–309, 365–370.*
- 35 *Там же. С. 483–486, 523–525, 529–544.*
- 36 *См.: Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1994.*
- 37 *Pederin I. Oblici otpora balkanskih muslimana reformama iz Carigrada. S. 210.*
- 38 *Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 362.*
- 39 *Там же. С. 357.*
- 40 *Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 509.*
- 41 *Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 364.*
- 42 *См., напр.: Jukić I.F., Martić G. Slavodobitnica Omer paši // Bosanski prijatelj. Svezak II. Zagreb, 1851. S. 1–21.*
- 43 *Šljivo G. Omer-paša Latas u Bosni i Hercegovini 1850–1852. S. 69–70.*
- 44 *Письмо М.Ф. Раевского обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову. 16 (28) октября 1850 г. Вена // См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. Документы. 1850–1864. М., 1985. С. 11.*

- 45 *Šljivo G.* Omer-paša Latas u Bosni i Hercegovini 1850–1852. S. 79.
- 46 *Ibid.* S. 76.
- 47 *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского. С. 378; *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 517.
- 48 *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 519–520.
- 49 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 127–128.
- 50 *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857. С. 517.

Отражение в румынской историографии проблемы объединения Румынских княжеств в 1859 г.

Настоящее исследование — это составная часть более обширного научного проекта, задачей которого являются анализ и интерпретация материалов Архива внешней политики Российской империи¹, с акцентом на дипломатическую переписку, отражающую участие русских консулов в реорганизации Румынских княжеств в 1858–1862 гг. В центре нашего внимания — ключевые проблемы румынской истории указанного периода, преломленные в российских дипломатических документах. Речь идет о признании великими державами двойного избрания Кузы (т.е. избрания его в 1859 г. господарем как Молдовы, так и Валахии), о последовавшей затем политико-административной реорганизации румынских провинций, о судьбе монастырских земельных владений и о связанных с этим отношениях между румынскими властями и греческим духовенством.

Правление А.-И. Кузы (1859–1866 гг.), независимо от роли российских дипломатических представителей в Княжествах, это период коренной трансформации в истории румын, ознаменовавший собой переход от средневекового к современному обществу, победу нового, либерального и демократического направления во внутриполитической жизни, а во внешнеполитическом плане — установление с другими странами дипломатических отношений нового типа. Преобразование Румынских княжеств в единое государственно-политическое целое происходило в духе августовской Конвенции 1858 г. Именно тесный союз двух Княжеств, возникший с приходом к власти в каждом из них господаря А.-И. Кузы, явился решающим моментом в процессе формирования унитарного национального государства. При этом историкам еще предстоит полнее изучить роль России в происходивших событиях, дав ответ на целый ряд вопросов: Какова и насколько

неизменна была позиция Российской империи по вопросу румынского объединения? Как она была связана с более общими интересами России в регионе? В какой степени Россия была заинтересована в создании целостного, более сильного румынского государства? Насколько реализация румынских национальных идеалов соотносилась с достижением официальным Петербургом определенных геополитических целей в регионе? Для ответов на все эти вопросы необходимо проанализировать дипломатическую деятельность русских консулов Н.К. Гирса и С.И. Попова в Румынских княжествах.

В центре нашего внимания находится вопрос об отражении в румынской историографии проблемы объединения Румынских княжеств в 1859 г., имеющие как внутривосточные (с точки зрения ситуации в Дунайских княжествах), так и внешнеполитические аспекты. К первым относятся прежде всего отношения между сторонниками объединения (унии) в самих Княжествах и их противниками (так называемыми антиунионистами). К числу вторых — роль великих держав, отношение их лидеров, дипломатов, политических элит к перспективе объединения Валахии и Молдовы. Необходимо иметь в виду, что политический процесс, который в конце концов привел к образованию единого румынского государства, не мог бы осуществиться без того, что происходило в канцеляриях великих держав (в Лондоне, Париже, Вене, Константинополе, Санкт-Петербурге, Берлине), с учетом избранных ими внешнеполитических целей и тех противоречий, которые существовали между этими державами.

Как известно, в 1848–1849 гг. Европе пришлось пройти через целую серию революционных конвульсий, угрожавших существованию всей системы международных отношений. Хотя эта система устояла, вскоре ей пришлось столкнуться с новым вызовом — Восточным кризисом, спровоцированным Крымской войной 1853–1856 гг. В результате его урегулирования на Парижском конгрессе 1856 г. России были навязаны обременительные условия: ее лишили права держать флот на Черном море, от неё была отторгнута и присоединена к Молдове Южная Бессарабия, уменьшились присутствие России на Балканах и ее права защищать христианские народы. Вместе с тем державы, диктовавшие

Петербургу свои условия, стояли перед необходимостью поддерживать баланс на международной арене и избегать тех конфликтов на европейском континенте, которые бы могли расшатать существующую систему международных отношений.

Сложившаяся ситуация создала благоприятные условия для начала нового этапа в борьбе румынского народа за национальное единство в сочетании со стремлением к социальной свободе и независимости. Объединение Румынских княжеств явилось первым шагом на пути реализации главной цели национального движения румын — образования румынского национального государства. Речь шла не только о двойном избрании А.-И. Кузы на престол в обоих Княжествах, но и о том, чтобы сам этот факт получил признание великими державами.

Итак, какое отражение весь этот комплекс вопросов нашел в румынской историографии?

В истории объединения Румынских княжеств внимание исследователей привлекли две ключевые темы, одна из которых раскрыла значение момента объединения именно с точки зрения построения единой нации, вторая же касается международного значения объединения Румынских княжеств. Первым крупным румынским историком, попытавшимся осмыслить процесс объединения Княжеств в контексте всей многовековой истории страны, был А.Д. Ксенопол, сделавший это в работе «История румын из Дачии Трэянэ, в царствование Куза Водэ 1859–1866 г.»², написанной в период 1888–1893 гг. Д.А. Стурдза на рубеже XIX–XX вв. предпринял первую публикацию документов в рамках серии «История эпохи Возрождения Румынии»³. Тома VIII и IX этого многотомного документального собрания включают материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду. Позже к этой теме обратился великий румынский историк Николае Йорга в IX томе своей многотомной «Истории румын», опубликованном в 1938 г. Этот том носит название «Творцы унии». За этим последовало, уже в послевоенный период, монографическое исследование К.К. Джуреску «Жизнь и деятельность Куза Воде»⁴ (1966 г.). В конце 1980-х годов историк Дан Бериндей ввел в научный оборот коллекцию новых документов, касающихся правления Александра Иоана Куза и относящихся к 1859–1861 гг.⁵

Вторая тема посвящена изучению внешнеполитических последствий объединения Румынских княжеств. Это находит отражение у Р.В. Босси в работе «Дипломатическое агентство в Париже и франко-румынские политические связи при Куза-Воде»⁶ (1937 г.) и у В. Слэвеску в книге «Принц/Князь Куза и Виктор Плейс»⁷ (1942 г.). В обоих названных трудах акцент делается на франко-румынских отношениях. Позже, в послевоенный период, к этой теме обращались также: Н. Кориван в книге «Некоторые разъяснения относительно выборов Ал. И. Куза как правителя Молдовы»⁸; А. Оцетя, опубликовавший в юбилейном 1959 г. выявленные и прокомментированные им «Документы об объединении княжеств» (Том II)⁹; Г. Платон в монографии «Международное эхо Объединения румынских княжеств»¹⁰; Л. Бойку в работе «Из истории европейской дипломатии, 1859 год для румын»¹¹; Б. Маринеску, подготовивший VII том «Документов об объединении княжеств», включивший в себя дипломатическую переписку на английском языке (1856–1859)»¹²; Г. Кливети в работе «Румыния и гарантийные права 1856–1878»¹³, а также современный автор М. Кожокару в книге «Бизон и орел. Исследование об объединении княжеств»¹⁴.

А.Д. Ксенопол посвятил Кузе целую монографию (14-й том своего многотомного издания), раскрывающую позиции европейских держав относительно процесса объединения Княжеств и их консолидации на международной арене. Монография основана на документах, к которым он имел в то время доступ. К.К. Джуреску разделил свою вышеупомянутую работу 1966 г. на две главы: первая представляет собой биографию Кузы в контексте эпохи. В ней отражены весь его жизненный путь и становление как крупного политика. Во второй главе основное внимание уделено отклику (как внутри Княжеств, так и международному) на двойное избрание Кузы господарем. Историк на основе документов пришел к выводу о том, что иностранные консулы, аккредитованные в Румынских княжествах, с некоторым удивлением восприняли результаты двойных выборов. При этом Джуреску попытался провести своего рода «классификацию» сторонников и противников румынской унии в правительственных кабинетах европейских столиц и, кроме того, показал, какие действия были

предприняты румынским правителем в его отношениях с державами, подписавшими Парижский мирный договор, с тем, чтобы добиться от них признания итогов своего восшествия на престол сразу в обоих Княжествах.

В середине XX в. историк Андрей Оцетя внес свой вклад в изучение проблемы румынского объединения, в том числе международного аспекта. При этом он попытался сгруппировать европейские державы — в зависимости от того, как их правящие элиты относились к румынской унии, — были за или против объединения.

Историк более позднего поколения Леонид Бойку поставил Румынские княжества в более широкий контекст европейских политико-дипломатических отношений, при этом 1859 год им также рассматривался как определенный, и при этом ключевой, момент в динамике развития социальных и национальных отношений в современной истории румын. На основе источников автор пришел к выводу о неудовлетворенности румынского общества отказом властей утвердить посредством августовской Конвенции политическую программу специально созданных в обоих Княжествах Ассамблей, которым предстояло решить вопрос об унии, автономии и нейтралитете, выборе иностранного князя и конституционном правительстве.

Ко второй половине XX в. относятся сборники документов, касающихся правления Кузы, объединения Княжеств под его скипетром, позиций великих держав — Англии, Франции, Австрии, России, Пруссии — по вопросу международного признания унии. Опубликованные материалы охватывают главным образом период 1859–1861 гг. и показывают те политические реалии, в которых румыны боролись за автономию своих Княжеств от Османской империи, основанную на гарантированных правах, которые были бы признаны на международном форуме.

Если румынская историография межвоенного периода дала только несколько ценных работ, то применительно к послевоенному периоду мы наблюдаем растущий интерес румынских историков к теме «Малого объединения» и его значения в контексте международных отношений (под «Малым объединением» понимается формирование современного румынского национального

государства в 1859 г., что было одним из предварительных этапов в процессе реализации Великой унии 1918 г.). При этом историки шире и более систематически обращаются к зарубежным архивным источникам, что предоставляет новые возможности для создания объективного и всестороннего анализа событий.

В 1960–1980-е годы румынские ученые не только поставили объединение Княжеств в общеевропейский исторический контекст, но также провели параллели между объединением румынских земель и происходившими в те же годы объединительными процессами в германских и итальянских землях. В этот период были изданы: труд Дана Бериндея «Конституция румынского национального государства в европейском контексте и Куза Воде»¹⁵; подготовленная Корнелией Бодя «Внутриполитическая переписка (1855–1859)»¹⁶; «Французская дипломатическая переписка 1856–1859 гг. по вопросам объединения княжеств»¹⁷, подготовленная Валентином Костаке; и книга Василе Мачу «Борьба румынского народа за объединение и объединение Италии»¹⁸.

Работы таких авторов как Георгий Платон, Думитру Витку («Дипломаты унии»¹⁹), Беатрис Маринеску, Леонид Бойку, на основе введенных в оборот новых источников, еще раз подтверждают масштаб и важность унии 1859 г. Публикацию документов из бельгийских архивов, относящихся к периоду правления князя Кузы, осуществил Георг Платон²⁰, поставивший в центр внимания донесения генерального консула Бельгии в Бухаресте — Жака Пумаи, сделавшего выводы относительно трудностей, создаваемых Княжествам гибридным режимом, навязанным Парижской конвенцией 1858 г., а также о необходимости упростить правительственный механизм в плане создания единого для обоих Княжеств правительства и единого собрания как выборного совещательного органа.

В посткоммунистический период румынские историки, в сравнении с эпохой Чаушеску (1965–1989 гг.), получили больше возможностей работать в западных архивах, и румынская историография пополнялась серьезными работами. Среди них — сборник документов, подготовленный Думитру Иванеску и Вирджинией Исак, «Французские документы о завершении объединения румынских княжеств (1860–1861)»²¹. Беатрис Маринеску

опубликовала также английскую дипломатическую переписку в связи с начальным этапом румынской внешней политики (1859–1862 гг.)²². Были изданы документы, в которых эпоха первой румынской унии нашла отражение в иностранных архивных источниках, в частности, в донесениях русского, австрийского, французского и английского происхождения.

Из великих держав, ведущих игроков на международной арене, Франция была наиболее последовательным сторонником объединения румынских земель, так же, как и в случае итальянского объединения, — и то, и другое относилось к числу приоритетных проектов Наполеона III. Политика британского кабинета во время событий 1859 г. характеризовалась главным образом поддержкой целостности с каждым новым десятилетием ослабевавшей Османской империи. Что же касается присоединения России к позиции Франции в румынском вопросе, то оно, как показывают историки, носило «замаскированный»²³ характер, с учетом ее статуса побежденной державы, которой после поражения в Крымской войне победителями были навязаны определенные условия мира.

С другой стороны, Леонид Бойку обрисовывает позицию противоборствовавших объединению Румынских княжеств сил: «Для Австрии объединение княжеств явилось вопросом жизни и смерти при нынешнем состоянии ее отношений с Россией»²⁴. Бойку одним из первых среди румынских историков обращался к русским архивным документам, чтобы изложить мнение о Кузе, сформировавшееся у русских консулов (т.е. в российских дипломатических кругах). Он ссылался на С.И. Попова (российский консул в Яссах), который писал Н.К. Гирсу (российский консул в Бухаресте) 16 (28) января 1859 г.: «Если валахи выбрали такого человека, как Ал.И. Куза, то какой это провал для Австрии! Признаюсь вам, что новый господарь покорил меня, и мои отношения с ним будут, я надеюсь, очень приятными, он искренний, очень открытый человек, с едким и проницательным умом»²⁵. Приход к власти в обоих Румынских княжествах Кузы действительно стал для венского двора серьезной внешнеполитической неудачей.

В то же время Дан Бериндей считает, что при обращении к теме объединения Княжеств следует помнить об имевшихся сложностях и противоречиях, обусловленных рядом факторов.

Среди них — получение от Турции фирмана для проведения в обоих Княжествах особых собраний; позиция Англии, которая считала объединение Румынских княжеств угрозой для Турции; а также задержка Габсбургской монархии с выводом своих войск из Княжеств, введенных туда во время Крымской войны в целях недопущения там российского влияния. По мнению Д. Бериндея, легализацию (т.е. признание) избрания Кузы главой обоих Княжеств можно расценить, с учетом международного контекста, «как новый этап в истории Румынии, в борьбе за завершение ее политико-административного объединения»²⁶.

Думитру Ивэнеску в работе на французском языке «Франция и создание современного румынского национального государства»²⁷ ссылается на заявления петербургского кабинета о том, что уния Молдовы и Валахии явилась успехом франко-русской политики на Востоке и создала для России возможность в условиях, сложившихся после ее поражения в Крымской войне, установить новый, более выгодный для нее баланс в отношениях с другими европейскими державами. С другой стороны, Михай Димитрие Стурдза в монографии «Румыны между страхом перед Россией и любовью к Франции» (2006 г.)²⁸ подчеркивал изменение отношения официальной России к «румынскому делу» по мере консолидации единого румынского государства, сделав при этом акцент на свержение Кузы в 1866 г. Используя пропагандистские методы, Петербург пытался убедить европейское общественное мнение в том, что единой румынской нации не существует, а отношения между молдаванами и валахами таковы, что исключают их пребывание в едином государстве.

Следует также отметить, что в румынской историографии до сих пор нет работ, специально посвященных проблеме русско-румынских отношений в 1859–1866 гг.; дело ограничивается ссылками на некоторые архивные фонды из коллекции российских микрофильмов²⁹, хранящихся в Центральном национальном историческом архиве Румынии, а также указаниями работ русских и советских авторов и фондов, с которыми те знакомились. В этой связи необходимо упомянуть опубликованные за пределами Румынии труды: книгу Е.Е. Чертана «Русско-румынские отношения в 1859–1863 годах»³⁰, работы американской ис-

следовательницы Барбары Елавич «Россия и двойные выборы Александра Кузы, 1858–1859 гг. Письма С.И. Попова Н.К. Гирсу»³¹, а также монографии российских ученых: В.Н. Виноградова «Россия и объединение Румынских княжеств»³², В.М. Хевролиной «Российская дипломатия на Балканах в первые годы после Крымской войны (1856–1875)»³³ и Е.В. Софроновой «Русская консульская служба в XIX веке. Генезис российской сети консульских учреждений»³⁴. В этих трудах нашли отражение позиция России по румынскому вопросу, деятельность российских консульских сетей в Княжествах и на Балканах, и, самое главное, в них используется дипломатическая переписка между российским МИД и консульствами в Яссах и Бухаресте.

По нашему мнению, дальнейшее глубокое изучение деятельности русских консулов в Румынских княжествах в 1858–1862 гг. в условиях борьбы румын за преобразование личной унии в политико-административное объединение стало бы реальным успехом и вкладом в современную румынскую историографию. Кроме того, в Архиве внешней политики Российской империи содержится внушительное число писем и докладов по теме, которые еще не были подробно проанализированы российскими и зарубежными историками.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия), Ф. 161/1 (СПБ-Главный Архив). Ф. 159 ДЛС и ХД. Ф. 312 (Консульство в Яссах). Ф. 219 (Консульство в Бухаресте).
- ² Xenopol A.D. Istoria Românilor din Dacia Trăiană, Domnia lui Cuza Vodă 1859–1866. Vol. XIII. Editura. «Cartea Românească». București, 1925.
- ³ Sturdza D.A. Istoria Renascerei României 1858–1859. București, 1900–1901.
- ⁴ Giurescu Constantin C. Viața și opera lui Cuza Vodă, Editura Științifică. București, 1970.
- ⁵ Berindei D., Oprescu E. Documente privind domnia lui Al. Ioan Cuza. Vol. I (1859–1861). Ed. Academiei Române, 1989.
- ⁶ Bossy R.V. Agenția diplomatică la Paris și legăturile politice franco-române sub Cuza Vodă. București, 1937.
- ⁷ Slăvescu V. Domnitorul Cuza și Victor Place, Editura Cartea Românească. București, 1942.
- ⁸ Corivan N. Câteva precizări cu privire la alegerea lui Al. I. Cuza ca domn al Moldovei // Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A.D. Xenopol». Iași, IV(1967).
- ⁹ Oțetea A. Documente privind Unirea Principatelor. Vol. II. București, 1959.

- 10 *Platon Gh.* Ecol internațional al Unirii Principatelor Române // *Cuza Vodă*. In *Memoriam*. (coord. L. Boicu). Editura Junimea, Iași, 1973. S. 495–498.
- 11 *Boicu L.* Din istoria diplomației europene, anul 1859 la români. Institutul European. Iași, 1996.
- 12 *Marinescu B., Costaki V.* Documente privind Unirea Principatelor. Vol. VII. Corespondența diplomatică engleză (1856–1859). DGAS. București, 1984.
- 13 *Cliveti Gh.* România și Puterile Garante 1856–1878. Editura Universitatea «Al.I.Cuza». Iași, 1988.
- 14 *Cojocariu M.* Zimbrul și Vulturul. Cercetări privitoare la unirea Principatelor. Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza». Iași, 2010.
- 15 *Berindei D.* Constituirea statului național român în context european, în *Cuza Vodă*. In *Memoriam* (coord. Boicu L.). Iași, 1973.
- 16 *Bodea C.* Corespondența politică (1855–1859). Editura Academiei. București, 1963.
- 17 *Costaki V., Chiriță G.* Documente privind Unirea Principatelor. Vol. VI. Corespondența diplomatică franceză 1856–1859, DGAS. București, 1980.
- 18 *Maciu V., Bugnariu T.* Lupta poporului român pentru unire și unirea Italiei. Studii, XIV. 1961. S. 129–130.
- 19 *Vitcu D.* Diplomații Unirii. București, 1979.
- 20 *Platon Gh.* Din domnia lui Alexandru Ioan Cuza, documente din arhivele belgiene. Extras din anualul Institutului de istorie și arheologie «A.D.Xenopol». IX. Iași, 1972. S. 495–498.
- 21 *Ivănescu D., Isac V.* Documente franceze despre desăvârșirea unirii principatelor române (1860–1861) // *Anuarul Institutului de Istorie «A.D.Xenopol»*. Vol. XXIX. 1992. S. 381.
- 22 *Marinescu B., Costaki V.* Documente privind Unirea Principatelor. Vol. VII. Corespondența diplomatică engleză (1856–1859), DGAS. București, 1984.
- 23 *Cliveti Gh.* România și Puterile Garante 1856–1878. Editura Universitatea «Al.I.Cuza». Iași, 1988. S. 309.
- 24 *Boicu L.* Din istoria diplomației europene, anul 1859 la români. Institutul European. Iași, 1996. S. 185.
- 25 *Ibid.* S. 91.
- 26 *Berindei D.* Constituirea statului național român în context european, în *Cuza Vodă*. In *Memoriam* (coord. Boicu L.). Iași, 1973.
- 27 *Ivănescu D.* La France et la création de l'Etat national roumain moderne // *La politique extérieure de Napoléon III* (ed. Leanca G.). Editura L'Harmattan. Paris, 2011. S. 135–147.
- 28 *Sturdza M.D.* Româniilor între frica de Rusia și dragostea de Franța. Editura «Roza Vânturilor». București, 2006.
- 29 Центральный национальный исторический архив Румынии. Коллекция микрофильмов Россия. Карт. 67, 68, 69, 70. Ф. Канцелярии. Ф. Консульства Бухареста. Ф. Консульства Яссы. Ф. Политического архива I–IX.
- 30 *Чертан Е.Е.* Русско-румынские отношения в 1859–1863 годах. Кишинев, 1968.
- 31 *Jelavich B.* Russia and the Double Election of Alexander Cuza. 1858–1859. The letters of S.I. Popov to N.K. Giers. Bloomington, Indiana, 1965.
- 32 *Виноградов В.Н.* Россия и объединение Румынских княжеств. М., 1961.
- 33 *Хевролина В.М.* Российская дипломатия на Балканах в первые годы после Крымской войны (1856–1875). М., 2009.
- 34 *Софронова Е.В.* Русская консульская служба в XIX веке. Генезис российской сети консульских учреждений. СПб., 2002.

Русские панслависты 1860–1870-х годов

Вопрос о панславизме вновь привлекает внимание историков, хотя, казалось бы, всё о нем уже сказано и мировая историография поставила решительную точку, объявив его реакционным учением. Однако современным ученым этот вывод кажется слишком однозначным и требующим определенного пересмотра. Примером вновь возрождающегося интереса к панславистским теориям может послужить проведение в 2012 г. Естественно-гуманитарным университетом в польском городе Щедлице конференции «Панславизм вчера, сегодня, завтра». Да и в отечественной историографии стали появляться труды, которые так или иначе корректируют прежние представления о российском панславизме.

В историографии стало укрепляться мнение, что российский панславизм не был единым, что он имел, по крайней мере, два направления — правое, выражавшее интересы правящих кругов России, тесно связанных с царем и его окружением, и левое, представлявшее определенные левые круги российского общества. К числу левых кругов, не связанных ни с революционной демократией, ни с прозападными либералами, принадлежали в 1850–1870-е годы XIX в. и славянофилы, которых в марксистской историографии принято было считать консерваторами. Главным доводом, подкреплявшим это утверждение, был тот факт, что они являлись сторонниками монархии и противниками немедленного введения конституции в России.

Панславистские программы появились в России в 1850-е годы, накануне и во время Крымской войны. Наибольшее влияние на них оказали идеи европейских либералов, особенно широко распространившиеся в Европе во время и после революции 1848–1849 гг., — требование объединения немецких, итальянских

и других территорий по этническому принципу в одно административное или государственное целое.

Первыми в России создали панславистские программы М.П. Погодин и К.С. Аксаков. Программа Погодина провозглашала, что объединение славян под властью царя станет первым шагом к дальнейшему распространению владений России в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Программа К.С. Аксакова носила либерально-демократический характер и предполагала создание славянской федерации с значительной самостоятельностью ее автономных частей.

Поражение России в Крымской войне на время прервало создание панславистских программ. Однако уже в конце 50-х–60-е годы XIX в. политическое положение Империи укрепилось. В Европе тоже вновь появились условия для возрождения революционных лозунгов. Но если во время революции их выдвигали демократические и либеральные деятели, то в послереволюционный период к ним примкнули и представители правящих кругов некоторых государств, в частности, Пруссии, Пьемонта и России. Благодаря этому в 1859 г. произошло объединение Италии, в 1866 г. Австрия потерпела поражение в войне с Пруссией, в результате которого в 1867 г. была образована Австро-Венгрия, а для Пруссии открылся путь к основанию в 1870 г. единой Германии. Для России особое значение имело празднование в 1862 г. Тысячелетия России и особенно проведение в 1867 г. в Москве Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда.

Накануне этих двух событий известным ученым-славистом В.И. Ламанским была опубликована программа словацкого национального деятеля Людовита Штура, которая оказала большое влияние на русскую общественность.

Людовит Штур (1815–1856), выдающийся словацкий политик, лингвист, поэт, ученый, во время революции 1848–1849 гг. активно боролся за права словацкого народа, занимая радикальные позиции. В это время он отрицательно относился к России. Еще в начале революционных событий Штур выражал убеждение, что она является «самым большим неприятелем славян Центральной Европы»¹. Однако после поражения революции, когда национальное положение словаков не улучшилось и их

по-прежнему угнетали как австрийские власти, так и венгерские националисты, Штур стал искать новые пути для успешного развития своего народа. Его взор обратился к России, тем более, что именно русские войска в 1849 г. разбили венгров, главных угнетателей словаков. В это время Штур особенно близко сошелся с М.Ф. Раевским, священником русской посольской церкви в Вене, чьи убеждения, несомненно, оказали на него большое влияние. В одном из писем начала 1850-х годов к графине А.Д. Блудовой Раевский рассказывал о своих встречах со словацкими национальными деятелями Ходжей, Праусом и Штуром: «Много было споров, наконец, друзья мои убедились, решительно убедились, что без русского сердца, без русского правительственного начала нет славянам спасения [...] И все признали, что самодержавие и православная церковь одни могут спасти славян, они одни могут сделать какое-либо политическое целое из славянства»².

После революции Штур занялся журналистской и научной деятельностью. Он писал статьи в словацкие журналы, издавал сборники своих стихов. Особое внимание он уделял созданию научного труда «О народных песнях и сказках славянских народов». Трактат «Славянство и мир будущего» (на немецком языке) должен был стать одной из глав этого труда. Штур писал его тайно. Но в связи с ранением, полученным им на охоте и повлекшим за собой его раннюю смерть, Штур передал трактат Раевскому, с просьбой вручить его русскому великому князю Константину Николаевичу, которого считали человеком, сочувствующим славянам³. В конце концов трактат попал в руки В.И. Ламанского, который перевел его на русский язык и напечатал в 1867 г.⁴.

В трактате «Славянство и мир будущего» Штур отмечал прежде всего положительные качества славян: чистоту нравов, гостеприимство, гуманность, терпимость и др. Он указывал, что они являются осколками одного народа и только Россия предназначена их объединить. Но для этого Россия должна измениться сама. В ней должно быть отменено крепостное право, узаконены крестьянская община, самоуправление и неделимость ее земли. Шляхта (дворянство) должна отказаться от своих привилегий. Предполагался созыв Национального собрания, в которое были бы избраны представители всех жуп (административных райо-

нов. — *И. Ч.*) и которое бы стало совещательным органом при императоре. Славяне со своей стороны должны были принять православие (греко-славянскую церковь), а также сделать русский язык общеславянским⁵.

Русский демократ, славист А.Н. Пыпин так оценивал трактат Штура: «Из западнославянских публицистов едва ли не один Штур имел о славянском вопросе понятия, очень близкие к понятиям наших славянофилов; он даже полнее и яснее, чем они, высказал свои планы славянского объединения»⁶. Именно близость идей Штура к славянофильским привлекла к его труду внимание русской общественности.

Накануне и во время проведения Этнографической выставки панславистские программы публиковались в некоторых русских газетах, в том числе в либеральных «Голосе», «Биржевых ведомостях» и др.

Более полную программу панславизма дал в своей книге «Мнение о восточном вопросе» (1870) русский генерал кавказской боевой школы Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883). Его отец А.М. Фадеев в 1840-е годы был губернатором Саратовской губернии, затем членом Совета главного управления Закавказского края; мать происходила из знатной семьи Долгоруких. Р.А. Фадеев сделал карьеру на Кавказе, участвовал в Крымской войне, получил несколько боевых наград. В 1856–1862 гг. он являлся сотрудником кавказского наместника князя А.И. Барятинского.

Барятинский проводил новую политику умиротворения Кавказа. Он предлагал перестроить гражданское и военное управление на Кавказе, построить железную дорогу между Каспийским и Черным морями, тем самым способствуя экономическому развитию края. В славянском вопросе он считал необходимым поддерживать национальные движения славян, дать независимость Польше⁷. Фадеев разделял взгляды Барятинского, при поддержке которого активно занялся журналистской деятельностью, написал несколько трудов о положении на Кавказе. В своей записке «Местное военное управление покоренными племенами Кавказа» Фадеев призывал проводить реформы в регионе осторожно, говорил о необходимости гражданского благоустройства и образования, об улучшении материального и нравственного быта

местного населения. Он считал необходимым заменить военное управление на Кавказе гражданским, привлекая к последнему местную знать. По поручению Барятинского Фадеев написал книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны», изданную в 1860 г. В ней он обосновывал необходимость для России завоевания Кавказа, указывая, что это будет способствовать ее политическому и экономическому развитию, а также оказанию помощи христианской Грузии. Книгу приветствовали крупные российские военачальники: Д.И. Скобелев, А.П. Ермолов, П.Е. Коцебу. За нее в 1860 г. Фадеев был избран членом императорского Русского географического общества⁸.

В 1870 г. вышла книга Фадеева «Мнение о восточном вопросе», в которой он высказал свое понимание желательного направления внешней политики России. Оно исходило из его убеждения о вражде западных держав к России, происходившей из-за их недоверия к многочисленному народу, который имеет другие взгляды на общественные порядки и среди которого распространена религия, одинаково враждебная католичество и протестантизму. Русские и другие славяне чужды Западной Европе, поэтому для России невозможно установить прочные и устойчивые союзы с европейскими государствами, а только временные соглашения с отдельными из них. Единственно возможные союзники России — славяне. Фадеев был убежден, что главными врагами для них являются немецкие государства Австрия и Пруссия. «Когда закончится объединение германской породы в пределах, гордо ею назначаемых для себя, и она примется онемечивать славян прусскими мерами, будет уже невозможно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвой. Надо спешить и помнить, что главная препона в славянском вопросе — Австрия; Франция и Англия лишь союзники Австрии. И в решении славянского вопроса в Турции главный враг тоже Австрия, которая не желает видеть по соседству со своими славянскими областями создание свободного славянского государства». И далее Фадеев делал вывод: «Турецко-славянские и австрийско-славянские дела переплелись в такой безвыходный клубок, что нет никакой возможности расплести одну его сторону, не трогая другой»⁹. Фадеев утверждал, что Австрия превратилась в оплот Европы

против Востока, а под Востоком Европа подразумевает не Турцию и мусульманство, а Россию и славян.

Славяне могут устоять перед натиском с Запада только объединившись. «Без внешнего объединения, — указывал Фадеев, — огромная масса славянского и православного мира бессильна, собранная вокруг общего устоя, она неодолима»¹⁰. Славяне должны стремиться к двум целям: каждый народ к самостоятельной политической и общественной жизни и все вместе к племенному союзу во главе с Россией в военном и международном отношениях. «Каждому племени нужен свой государь для домашних дел и великий славянский царь для дел общих». Каждую автономную единицу возглавлял бы представитель династии Романовых, а русский царь возглавил бы всю федерацию. Без объединения с Россией славяне, добившись самостоятельности, сразу же ее потеряют. Поскольку главными врагами славян Фадеев считал Австро-Венгрию и Пруссию, он полагал, что для объединения славян необходимо прежде всего разгромить эти государства¹¹.

Чтобы создать славянскую федерацию, Россия должна добиться поддержки славян. Фадеев предлагал для этого следующие меры: обеспечить помощь гонимым славянским деятелям; распространять русскую литературу среди славян и славянскую — среди русских; предоставить славянам возможность поступать в России на службу, особенно военную¹².

Фадеев был убежден, что дворянство России должно занимать ведущие позиции в управлении страной. «С признанием русского дворянства [...] государственным сословием, — писал он, — оно должно стать сословием обязательно служилым». Фадеев предлагал также облегчить переход крупного купечества в дворянское сословие¹³. Помимо этого, он считал, что в его ряды можно принимать самых способных людей из разночинцев.

В России книга Фадеева получила отрицательные отзывы со стороны либералов. Так, «Вестник Европы» рассматривал ее как политический манифест тех политических сил, которые стремятся «совлечь русское правительство с пути реформ на ложный путь реализации химерических проектов всеславянской федерации». «Вестник Европы» поддержали «Отечественные записки»¹⁴. Но у славян книга Фадеева имела определенный успех.

Она была переведена на чешский, сербский, польский и немецкий языки. Зарубежных славян привлекала в ней прежде всего антинемецкая направленность. Хорватский либерал П.П. Томич писал известному славянскому деятелю Н.А. Попову: «Не могу описать словами радость, с какой читал “Мнение о восточном вопросе” Р. Фадеева». Томич был убежден, что Россия должна завершить свою миссию на Балканах. Чешский профессор Й. Перфольф сообщал Н.А. Попову, что брошюра Фадеева логична и убедительна, и она произвела впечатление¹⁵.

Большинство панславистских программ создавались журналистами, политиками, учеными-гуманитариями. Но за год до выхода в свет программы Фадеева была издана панславистская программа крупного ученого широкого профиля Н.Я. Данилевского (в журнале «Заря»).

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) родился в семье заслуженного русского генерала Якова Ивановича Данилевского, участника Отечественной войны 1812 г., особо отличившегося в битве при Лейпциге. Его сын Николай получил блестящее образование, окончив Царскосельский лицей и физико-математическое отделение Петербургского университета. Во время учебы Н.Я. Данилевский, помимо физико-математических наук, активно изучал естествознание, историю, социологию. Особенно его увлекло учение утописта-социалиста Ш. Фурье. В студенческие годы Данилевский подружился с братьями Семеновыми. Старший из них, Николай Петрович, стал впоследствии сенатором, членом Редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы 1861 г., а младший, Петр Петрович, с которым Данилевского связывала особенно тесная дружба, прославился как знаменитый путешественник, получивший прозвище Тянь-Шаньский. В Петербурге же Данилевский познакомился с Ф.М. Достоевским и вместе с ним посещал кружок М.В. Петрашевского, где молодые люди обсуждали вопросы освобождения крестьян, теории утопистов-социалистов. Одновременно Данилевский подготовил диссертацию «Орловская флора». Вместе с П.П. Семеновым они составили план трехлетней экспедиции по определению границ черноземной полосы России. Этот план был одобрен Вольным экономическим обществом, и за него Данилевский и П.П. Се-

менов были избраны членами этого общества. Молодые ученые успели осмотреть Рязанскую и Тульскую губернии, но их дальнейшая деятельность была прервана в июне 1849 г. арестом Данилевского по делу кружка М.В. Петрашевского. Данилевского обвинили в распространении учения Ш. Фурье, и он 100 дней просидел в Петропавловской крепости. Затем он был отправлен в ссылку под надзор полиции сначала в Вологду, а с 1853 г. — в Самару, где работал в канцелярии губернатора. П.П. Семенов в своих мемуарах вспоминает о взглядах Данилевского в то время. По его словам, тот признавал в учении Фурье прекрасную, но неосуществимую теорию, «однако остался верен своим великодушным стремлениям к улучшению быта народных масс и освобождению их от крепостной зависимости»¹⁶.

Наряду с исполнением чиновничьих обязанностей, Данилевский занимался и научной деятельностью. За труды «О движении народонаселения России» (СПб., 1851) и «Климат Вологодской губернии» (СПб., 1853) он получил две премии Русского географического общества. В 1853 г. Данилевского командировали в научную экспедицию под руководством К.Э. Бэра, исследовавшую рыболовство на Волге и Каспийском море. С тех пор в течение 18 лет, вплоть до 1871 г., Данилевский занимался ихтиологией. Он возглавил ряд экспедиций, определявших рыбные запасы и рыбные промыслы большинства водоемов Европейской России. Его деятельность была оценена правительством, и в 1874 г. он получил звание тайного советника.

Наряду с этим Данилевский продолжал изучать те области науки, которые его интересовали. Так, он уделил большое внимание лингвистике и опубликовал работы «Несколько мыслей о русской географической терминологии» и «Дополнение к опыту областного великорусского словаря», за которые его избрали в 1876 г. членом Общества любителей российской словесности. Одновременно Данилевский изучал маршрут переселения угорских племен из прародины (Вятская и Пермская губернии) в Лебедию (земли между низовьями Дона и Днепра), исследовал теорию Ч. Дарвина, против многих положений которой он выступал. Данилевский писал и статьи по внешней политике России, полемизировал с русским философом В.С. Соловьевым, доказывая пре-

имущество православной церкви перед католической. В газете И.С. Аксакова «Русь» в конце 1884 г. Данилевский опубликовал статью о русском нигилизме, указывая, что он явился реакцией на опошление христианских идеалов. «Обожание материализма, — писал он, — особенно пришлось по вкусу всем вора́м и мерзавца́м». В результате этого распространились «апатия и бессилие людей честных, смелость и нахальство мошенников, разгул животных вожделений»¹⁷. По своим взглядам Данилевский был близок славянофилам аксаковского толка.

Как можно видеть, сфера интересов ученого была достаточно широкой: филология, история, география, естественные науки. По свидетельству современников, знания его по всем этим предметам отличались глубиной.

В 1871 г. Данилевский опубликовал главный труд своей жизни «Россия и Европа», в котором опирался на новейшие научные достижения того времени, в частности, на учение естествоиспытателей Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина. Свое сочинение он писал в 1863–1868 гг., когда в Европе происходили знаменательные события: польское восстание 1863–1864 гг., прусско-австрийская война 1866 г., образование Австро-Венгрии (1867), создание Германской империи (1870), Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. и др.

Данилевский исходил из убеждения, что Европа, под которой он подразумевал германские и романские народы, враждебна России и славянам, ибо чувствует в них чуждую силу. Ее политика по отношению к ним всегда была маккиавелистской и агрессивной. Сущность Восточного вопроса Данилевский видел в борьбе между романо-германским и славянским культурно-историческими типами. Эта борьба началась со времен Карла Великого, и вплоть до Екатерины II побеждали романо-германцы. Но со времени ее царствования усилился отпор православного Востока католическо-протестантскому Западу. Именно в это время Европа, особенно Англия, заполнилась туркофилами, которые видели своих врагов не в мусульманском мире, а в России и славянах.

Европа справедливо боится России, так как Россия уже по своим размерам нарушает равновесие в ней. «Россия слишком велика и могущественна, — писал Данилевский, — чтобы быть только

одной из великих европейских держав»¹⁸. Европа подразумевает под европейской цивилизацией исключительно культуру романо-германских народов, в которую не входят другие европейские народы, в частности, славяне. Славян романо-германская Европа ненавидит, так как чувствует в них зарождение новой цивилизации. Особенно ей ненавистна Россия, которая обрела самостоятельность, создала прочную государственность, превратилась во влиятельную мировую державу, способную объединить весь славянский мир. Помимо этого, Европа чувствует несовместимость своего и славянского культурно-исторических типов¹⁹.

Западные ученые стремятся унижить Россию, изображая ее врагом свободы и просвещения. Они, прежде всего немцы, много говорят о неполноценности славян по сравнению с романо-германскими народами и этим обосновывают немецкий «Дранг нах Остен», якобы призванный нести славянам высшую культуру. Французы хвалят славян, но русских объявляют не славянским, а туранским племенем.

Ни один из русских теоретиков панславизма так полно не обосновывал мнение о враждебности Европы по отношению к России и славянам как Данилевский, который посвятил этому вопросу целую главу своего труда.

Многие русские образованные люди, указывал Данилевский, считают европейскую цивилизацию «единственной и нескончаемой» и не видят ее односторонности. Они убеждены, что она прогрессивна, и стараются ей подражать. Данилевский решительно это осуждал. Так, оценивая реформы Петра I, он приветствовал его государственную деятельность, но осуждал за реформирование русского быта и обычаев, что принесло большой вред русскому народу. С этого времени в России развилась болезнь «европейничания», которая захватила высшие классы. Они считают всё русское плохим, пытаются перенести в Россию европейские обычаи и учреждения. В то же время низшие классы придерживаются старых обычаев. Данилевский положительно оценил реформы 1860-х годов, однако указывал, что они вовсе не повторяют европейские. По его мнению, например, «свобода слова не есть право или привилегия политическая, но право естественное» (одним из важнейших требований славянофилов

было установление свободы общественного мнения. — *И. Ч.*), следовательно, она не является «европейничанием», а вот цензура была привнесена из Европы. В настоящее время в России существуют «европействующие» аристократы и «европействующие» демократы. Среди последних — автор статьи «Национальная бестактность» (т.е. Н.Г. Чернышевский). Их Данилевский оценивал отрицательно, осуждая антирусскую направленность их взглядов²⁰. Он был убежден, что прививка европейской цивилизации к русской дала «ублюдков самого гнилого свойства», а именно нигилизм, сепаратизм, бюрократизм²¹.

По мнению Данилевского, общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать. Он решительно выступал против теорий европоцентризма, популярных у европейских ученых. Всего в мире существовало и существует несколько культурно-исторических типов или цивилизаций, полагал Данилевский. Каждый культурно-исторический тип в разных районах мира развивается по-своему и не передает свои достижения другим, более поздним. Всего Данилевский насчитывал 10 культурно-исторических типов: 1) египетский; 2) китайский; 3) древне-семитический (ассирийско-вавилонско-финикийско-халдейский); 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический (аравийский); 10) романо-германский или европейский. Каждый культурно-исторический тип развивается самостоятельно. Сначала он переживает этнографический период, продолжающийся не менее 1000 лет. Затем наступает эпоха цивилизации (цветение и плоды), которая охватывает примерно 600 лет, а потом наступает угасание данной цивилизации. Один культурно-исторический тип может быть удобрием для последующего культурно-исторического типа или может быть пересажен с одного места на другое (европейский культурно-исторический тип в Америку и Австралию). Данилевский утверждал, что деление истории, которое придумали европейские ученые: Древний мир, Средние века и Новейшая история, не соответствует мировому историческому процессу, а верно только для Европы²².

Б.П. Балуев, современный исследователь теории Данилевского, подчеркивает, что он первым заявил о мультилинейном разви-

тии мира²³. Однако это утверждение требует уточнения. Впервые о мультилинейном развитии мира упомянул К.С. Аксаков. Он критиковал европейских идеологов, утверждавших, что европейская цивилизация превосходит все остальные, что западная культура является общечеловеческой и на нее должны равняться все другие народы. Общечеловеческая культура, считал К.С. Аксаков, это сумма самобытных культур разных народов. Он осуждал методы, которыми европейцы распространяли свою цивилизацию, «с истреблением народностей, с дикими бесчеловечными мерами»²⁴. Однако подробно свои идеи К.С. Аксаков не развивал.

Данилевский считал, что славяне находятся только в начальном периоде создания своего культурно-исторического типа. Но чтобы он сформировался, необходимы следующие условия: 1) этническая группа должна иметь один или несколько близких языков; 2) народы, принадлежащие к данному культурно-историческому типу, должны быть независимы; 3) принципы культурно-исторического типа не передаются от одного типа к другому, но влияние может иметь место; 4) каждый из представителей культурно-исторического типа пользуется независимостью, но вместе они составляют федерацию; 5) время формирования или роста культурно-исторических типов продолжительно, но время цветения и плодоношения кратко. Славяне видят для себя опасность в Западе, и именно это заставляет их стремиться к объединению под политическим руководством России²⁵.

Данилевский был убежден, что для всякого славянина «после Бога и его святой церкви — идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»²⁶. В создании всеславянского культурно-исторического типа Данилевский видел самое верное решение славянского вопроса.

Для того, чтобы противостоять Европе и образовать свой культурно-исторический тип, славяне должны объединиться. «Все-славянская федерация, — согласно Данилевскому, — единственно разумное, а потому и единственно возможное решение восточного вопроса». В нее должны войти: 1. Россия с Галицией и Угорской Русью; 2. Королевство Чехо-моравско-словацкое; 3. Королевство Сербо-хорвато-словенское с Каринтией и Триестом; 4. Королевств-

во Болгарское с Македонией; 5. Королевство Румынское (Валахия, Молдавия, часть Буковины, половина Трансильвании); 6. Королевство Эллинское; 7. Королевство Мадьярское; 8. Царьградский округ. Данилевский полагал, что и поляки должны образовать свою государственную единицу. Слияние их с русскими не желательно. Нужно очистить поляков от чужеродных привычек и затем принять их на равных основаниях в славянскую федерацию²⁷. В нее, кроме славян, должны были войти румыны, греки, венгры и Константинопольский округ Османской империи. Основой славянского культурно-исторического типа должны стать «православие, славянство, крестьянский надел». Данилевский, в отличие от Фадеева, не упоминал о самодержавии и дворянстве и считал целью славянского культурного типа «удовлетворительное решение общественно-экономической задачи»²⁸. Он указывал, что славянская федерация выгодна для всех славян, так как они в ней будут защищены от своих врагов: чехи от немцев, словаки от мадьяр, словенцы от немцев, сербы и хорваты от немцев и итальянцев, русские в Галиции от поляков. Да и славяне вне союза спорили бы друг с другом: сербы с хорватами и болгарами, чехи со словаками и т.д.²⁹. Славянский союз никому бы не угрожал и не стремился к мировому владычеству, наоборот, он стал бы преградой к господству Европы над всем миром³⁰.

Как сторонники, так и противники взглядов Данилевского отмечали связь его теории со славянофильскими воззрениями. Об этом писал главный славянофильский идеолог того времени И.С. Аксаков, признавший, что книга Данилевского есть явление славянофильской мысли, где автор «совершенно самобытным путем пришел к тождественному учению с Хомяковым (один из основателей славянофильского движения. — *И. Ч.*) и Аксаковым»³¹. Историк и либеральный политический деятель П.Н. Миллюков считал книгу Данилевского новым этапом в развитии славянофильства. Его теория о культурно-исторических типах, по мнению Миллюкова, имела практическую задачу, а именно — представить проект объединения славян во главе с Россией³². По словам современного польского историка А. Валицкого, книга Данилевского является «первым и единственным в своем роде систематическим изложением панславизма»³³.

Вначале, после выхода в свет, книга «Россия и Европа» не имела успеха. Первое ее издание (1200 экземпляров) разошлось за 15 лет³⁴. Но постепенно интерес к книге возрастал, прежде всего в рядах интеллигенции. Она была издана в 1888, 1889, 1895 гг. и достаточно успешно распродана.

Идеи Данилевского оказали влияние на зарубежных ученых³⁵. Его обоснованно считают предшественником теорий немецкого философа и публициста О. Шпенглера, британского историка и социолога А. Дж. Тойнби, российского и американского социолога, культуролога и криминалиста П.А. Сорокина³⁶. Новосибирский профессор А.П. Дубов указывает, что в настоящее время Данилевский в научном мире рассматривается как «признанный предшественник Шпенглера, Тойнби и Сорокина», а его вклад в мировую философию истории и культурологию считается неоспоримым.

Из вышеназванных ученых особое значение для развития мировой историографии имели труды профессора Тойнби, чья популярность среди историков была чрезвычайно велика вплоть до 1960-х годов, а сочинения издавались миллионными тиражами. В своем главном труде «Постижение истории», вышедшем в 12 томах в 1934–1961 гг., он утверждал, что в мире существовала 21 цивилизация. В их числе он рассматривал русско-православную цивилизацию, которая, по его мнению, развивалась под непрерывным внешним давлением сначала с Востока, а затем, с XVII в., — с Запада. Тойнби был убежден, что в XXI веке определять мировую историю будут Россия, Китай и исламский мир.

О. Шпенглер прославился после издания труда «Закат Европы» (1918). Как и Данилевский, он полагал, что каждая культура переживает ряд стадий: рождения, развития и цветения и умирания. По Шпенглеру, всякая культура заканчивается цивилизацией, которая является ее завершением. Последняя стадия развития античной культуры (римская) отличалась стремлением к наживе и расширению для этого своей территории. В то же время для нее были характерны бездушие, отсутствие способности к философии, истории и искусству. У римлян это особенно четко проявилось в IV в. Романо-германская культура, по мнению Шпенглера, подошла к своей конечной стадии в XIX в. Время ее существо-

вания он определял X–XX вв. Эта культура не знала истинного христианства, для нее был характерен пафос свободной деятельности человека. В то же время Шпенглер утверждал, что истинное христианство (Иоанново) характерно для русской культуры, и глашатаем его является Ф.М. Достоевский, которого Шпенглер называл святым. Немецкий мыслитель полагал, что русская культура подходит к стадии своего расцвета. Теория Шпенглера вызвала интерес ряда современных ученых. Так, работу о нем написал российско-американский философ Б.М. Парамонов, отметив в 2018 г. столетие со дня выхода книги «Закат Европы».

Книгу Данилевского пропагандировали русские философы К.Н. Леонтьев и В.А. Розанов. Профессор русской истории в Петербургском университете, создатель знаменитых Бестужевских женских курсов К.Н. Бестужев-Рюмин писал в некрологе на смерть Данилевского, что «он был человек гениальный», а его книга «Россия и Европа» — «одна из тех книг, значение и смысл которых уясняется временем»³⁷. К.Н. Бестужев-Рюмин указывал, что она является систематизацией славянофильского воззрения, что ее цель — доказать возможность славянской культуры и особую историческую роль славянства. «На пути к решению этой задачи стоит предрассудок, который надо победить: в Европе, как и у нас, все уверены в том, что культура только одна непрерывно развивающаяся, причем, все прежние культуры являются лишь ничем иным, как ступеньками этого развития»³⁸, — писал он.

В России наиболее последовательным сторонником Данилевского являлся Николай Николаевич Страхов (1828–1896), философ, зоолог, математик, литературный критик. Он был учителем гимназии, преподавал физику, математику, зоологию. В 1889 г. Страхов получил звание члена-корреспондента Петербургской академии наук. Последняя его должность — библиотекарь Императорской публичной библиотеки. Страхов опубликовал очерки о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Н.В. Гоголе, И.С. Тургеневе. С Достоевским Страхов был особенно близок. Он не только преклонялся перед талантом писателя, но и активно участвовал в журналах «Время» и «Эпоха», которые издавались братьями Ф.М. Достоевским и М.М. Достоевским. Страхов сотрудничал и в изданиях И.С. Аксакова. Сравнивая европейскую и славянскую

цивилизацию, он пришел к выводу, что европейская цивилизация представляет собой «вершину человечества», в то время как «наша нынешняя цивилизация [...] едва имеет историю». «Мы не можем похвалиться нашим развитием, — утверждал он, — и не смеем ставить себя наряду с другими, более счастливыми племенами». Вместе с тем Страхов был уверен: «Наша культура, хотя менее развитая и определенная, носит в себе залогов такой крепости и такого глубокого и далекого развития, каких может быть не имеет никакая другая культура»³⁹. В отличие от Данилевского, Страхов считал, что славянская цивилизация уже существует, и ей принадлежит будущее. Доказательство этого он видел в том, что русский народ сохранил народный дух, который отталкивает «всякое влияние, мешающее его самобытному развитию», а также в создании русскими могущественного государства⁴⁰. Страхов написал предисловие ко второму изданию книги Данилевского, в котором назвал ее «кодексом или катехизисом славянофильства». Он считал ее главным выводом положение о том, что славяне представляют собой только особый культурно-исторический тип, рядом с которым могут существовать и развиваться другие культурно-исторические типы⁴¹.

Сочувствовал идеям Данилевского и великий русский писатель Ф.М. Достоевский. Они познакомились в кружке М.В. Петрашевского, однако Достоевский понес от правительства более суровое наказание: четыре года он пробыл на каторге в Омске, потом был солдатом в Семипалатинске. В 1856 г. его помиловали вместе с другими петрашевцами и декабристами в связи со вступлением на престол Александра II. В 1857 г. Достоевский получил полное помилование, включавшее право публикации своих трудов, а в 1859 г. смог вернуться в Петербург. Но только в 1875 г. писатель был полностью освобожден от надзора полиции.

Вместе с братом М.М. Достоевским он издавал журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1863–1865). Во «Времени» он вполне дружелюбно отзывался о газете «День» И.С. Аксакова, с сочувствием писал о славянах, указывал, что Турция должна погибнуть, так как она отжила свой век. Но Достоевский при этом справедливо замечал, что «великие державы этого не желают и пуще всего боятся, чтобы угнетенное славянское население

не взяло верх над угнетателями». Он так объяснял это: «Европейские христиане в Турции принадлежат к одной церкви с нами и к одному с нами славянскому племени, стало быть тяготеют к России, а это не нравится западным державам»⁴². Во время поездки за границу в 1862 г. (он побывал в Германии, Франции, Италии, Англии, Швейцарии, Австрии) Достоевский познакомился с буржуазными порядками, утвердившимися там. Они вызвали у него неприязнь, а идеи утопического социализма, которым он сочувствовал в молодости, его разочаровали. Свои политические взгляды он выразил в серии статей «Дневник писателя», которые публиковал с 1873 г. сначала в журнале «Гражданин» князя А.П. Мещерского, а затем и в других изданиях вплоть до 1881 г.

В статье 1877 г. Достоевский четко выразил свои политические взгляды, которых он придерживался в то время: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя может быть и не совсем славянофил». Достоевский различал три вида славянофильства. Первый вид, который, по его мнению, подразумевал В.Г. Белинский, означал «лишь квас и редьку». «Для других, — продолжал он, — (и заметим, для весьма многих, чуть не большинства даже самих славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим. И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и включает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и во истину уже в соединении всего человечества новым братским всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я»⁴³. Достоевский был уверен, что освобожденные Россией славяне

вскоре «с упоением» кинутся к Европе и заразятся европейскими политическими и социальными формами. Они должны будут пережить длинный период европеизма, прежде чем поймут хотя бы что-нибудь в призвании славянства в среде человечества. Но когда придет минута какой-нибудь серьезной беды, славяне непременно обратятся к России⁴⁴.

Одновременно теория культурно-исторических типов вызвала критику ряда российских ученых. Так, против нее выступил известный философ В.С. Соловьев, который в статье «Россия и Европа» писал, что Данилевский «стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора». Вместе с тем в личном письме к Страхову от 10 ноября 1887 г. он признавался, что так горячо выступает против Данилевского потому, что тот «соорудил некоторое неуклюжее здание, которое стоит на моей дороге»⁴⁵. Скорее всего здесь Соловьев имел в виду свои глобалистские идеи, а именно создание единой христианской церкви под руководством Папы Римского. Его точку зрения поддерживал В.П. Безобразов, указывавший, что «идти дальше в развитии крайностей славянофильского учения и также в национальном самообольщении невозможно»⁴⁶.

Взглядам Данилевского уделяют внимание и современные ученые: американец Р. Мак Мастер («Н.Я. Данилевский — русский тоталитарный мыслитель», 1967), русский историк Б.П. Балуев, польский ученый А. Валицкий и др. Отечественные исследователи, не касаясь подробно взглядов Данилевского, высказывают о них любопытные замечания. Так, С.А. Никитин, подробно изучивший панславистские теории в России, полагал, что «наиболее интересно у Данилевского именно политическое содержание его доктрины, так как вся его книга — политический трактат»⁴⁷.

В.М. Хевролина не считала Данилевского теоретиком воинствующего панславизма и российского империализма. По ее мнению, объединение славян, провозглашаемое им, имело своей целью не наступление, а оборону. Кроме того, у теории Данилевского имелось свое рациональное зерно — стремление доказать жизнеспособность и культурную значимость славянства, прогрессивную роль национального фактора в деле славянского единства⁴⁸.

В.Н. Хачатурян отмечает положительные моменты теории Данилевского. Он, по мнению исследовательницы, является «одним из первых российских историков, кто стремится представить всемирно-исторический процесс как органическую систему, все звенья которой являются самобытными и вместе с тем взаимодействующими культурными единицами. Данилевский указывал, что цивилизация не только искусство, философия, религия, но и социально-экономические отношения». Исследуя последние, он «развивает идеи, близкие утопическому социализму». Хачатурян подчеркивает, что книга Данилевского была направлена против европейских историков и философов, рассматривавших славян как второстепенные народы. Так, француз Ф. Гизо не включал их в европейскую цивилизацию, Г. Гегель отводил большинству из них роль неисторических народов, Г. Вебер считал славян способными занимать только место низших классов, призванных находиться в подчинении другим народам. Данилевский выступал против евроцентризма, указывает Хачатурян, признавая важность и других цивилизаций: китайской, американской, индусской и др.⁴⁹

Если сравнить высказывания о монографии Данилевского российских авторов и авторов из Европы и Америки, то можно видеть, какие его выводы привлекали их внимание. Российские авторы отмечали прежде всего те положения его труда, которые касались России и славян, их будущего, их значения в истории человечества. Европейских ученых привлекала в работе Данилевского та ее часть, в которой он обосновывал существование множества мировых культур, каждая из которых имеет свои преимущества, его отрицание того, что только европейская (романо-германская) культура является высшим достижением человечества и только на нее должны ориентироваться другие народы, стремясь принять ее добровольно или через насилие.

И в настоящее время взгляды Данилевского представляют интерес, ибо до сих пор в политических кругах Запада далеко не изжито убеждение в том, что именно их культура является высшим достижением человеческого развития и именно на нее должны равняться все остальные народы. И стремлением распространить эту культуру они оправдывают свою экспансию в отношении народов, которые не входят в ее орбиту.

Примечания

- ¹ *Рокина Г.В.* Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 80.
- ² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Д. 2424. Л. 170.
- ³ *Матула В.* Людовит Штур и Россия // Ludovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 367.
- ⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Т. III. Кн. 1-3. М., 1867. С. 1–191.
- ⁵ *Матула В.* Указ. соч. С. 372–380.
- ⁶ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. СПб., 1877. Кн. 9–12. С. 773.
- ⁷ *Кузнецов С.В.* Р.А. Фадеев. Генерал и публицист. Волгоград, 1997. С. 25, 26.
- ⁸ Там же. С. 11–13.
- ⁹ *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870. С. 28.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ Там же. С. 5–98.
- ¹² Там же. С. 50, 51.
- ¹³ *Кузнецов С.В.* Указ. соч. С. 20, 40, 86.
- ¹⁴ Там же. С. 42–44.
- ¹⁵ *Никитин С.А.* Панславистские теории конца 60-х годов // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 322.
- ¹⁶ *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 22.
- ¹⁷ Там же. С. 39.
- ¹⁸ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1888. С. 435.
- ¹⁹ Там же. С. 50.
- ²⁰ Там же. С. 285–300, 314.
- ²¹ Там же. С. 132.
- ²² Там же. С. 91, 92.
- ²³ *Балуев Б.П.* Указ соч. С. 70.
- ²⁴ Молва. Москва. 5.07. 1857.
- ²⁵ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 95, 96.
- ²⁶ Там же. С. 423, 494.
- ²⁷ Там же. С. 420–428.
- ²⁸ Там же. С. 512, 556.
- ²⁹ Там же. С. 390–392.
- ³⁰ Там же. С. 448, 449.
- ³¹ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX века. М., 1986. С. 90, 91.
- ³² *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 284, 285.
- ³³ Цит по: *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С.25.
- ³⁴ *Страхов Н.* Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. XIX.

- ³⁵ См.: *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России. С. 6.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 78, 79.
- ³⁸ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 264.
- ³⁹ *Страхов Н.Н.* Письмо к редактору «Дня» // *День*. 22.06.1863.
- ⁴⁰ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 279, 280.
- ⁴¹ *Страхов Н.Н.* Предисловие. С. XX, XXV.
- ⁴² *Время*. 1861. Кн. 3. С. 2, 3, 9.
- ⁴³ Цит. по: *Тулаев П.В.* Первые славянофилы и их съезды. М., 2017. С. 153.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Балуев Б.П.* Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁶ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 279, 280.
- ⁴⁷ Там же. С. 288.
- ⁴⁸ *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894. М., 1999. С. 140, 141.
- ⁴⁹ *Хачатурян В.Н.* Н. Данилевский. Европейская цивилизация и Россия // *Европейский альманах*. М., 1992. С. 65–67.

Русское гражданское управление в Болгарии и проблема болгарских беженцев в свете становления болгарской государственности (1877–19.02.1878 гг.)

После начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в звании к болгарам от 10 июня 1877 г., подписанном Александром II, провозглашалась замена турецкой власти «правильным управлением» и было обещано, что к «деятельному участию в нем будут немедленно призваны местные жители под высшим руководством установленной для сего власти»¹. Еще осенью 1876 г. на совещаниях в Ливадии, в летней резиденции императорской семьи, при проработке вопроса о возможности вступления России в войну с Османской империей, обсуждались будущее болгарского народа и создание Временного русского гражданского управления на освобожденной территории. 16 ноября* 1876 г. была утверждена должность заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армии, на которую был назначен князь В.А. Черкасский (1824–1878), приобретший известность своей деятельностью в осуществлении крестьянской реформы в России и решении крестьянского вопроса в Царстве Польском (наделение крестьян землей и избавление их от гнета панов), а также на посту московского градоначальника (1869–1871 гг.). Должность заведующего гражданскими делами была приравнена к должности начальника полевого штаба, так как только эти два лица имели право на личный доклад у главнокомандующего.

* Даты даны по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

Несмотря на огромные трудности военного времени, вызванные, прежде всего, временными неудачами русской армии на Балканском фронте, князь Черкасский сумел в короткие сроки осуществить замену турецкой администрации новым аппаратом в освобождаемых землях, создав систему местных административных и судебных советов. Он исходил из того, что многие законы Османской империи, например, закон о вилайетах 1867 г., были удовлетворительными, но никогда не приводились в исполнение местной властью. Не ломая существовавших учреждений, Черкасский прекратил прежний произвол в отношении христиан и привлек к управлению представителей болгарского населения, призвав их «к новой деятельности под надзором русских чинов, но среди обстановки вполне всем знакомой»².

Было сохранено территориально-административное деление освобожденных земель, на которых к 19 февраля (3 марта) 1878 г. образовали 8 санджаков или губерний, включавших 56 каз, или округов. Начальниками (каймакамами) городов и округов, а также полицмейстерами назначались русские офицеры за небольшим исключением (в Систово губернатором стал болгарин Н. Геров, в Сливене — болгарин И. Иванов). Все прочие должности заняли болгары, в первую очередь, те из них, которые получили образование в русских учебных заведениях. Списки болгар, учившихся в России на казенный счет и на средства славянских комитетов и могущих быть полезными для гражданского управления за Дунаем, а также сведения о них князь Черкасский получил по своему запросу от управляющего Азиатским департаментом МИД России Н.К. Гирса, от председателей Петербургского и Московского славянских комитетов — соответственно А.И. Васильчикова и И.С. Аксакова³, из Одесского болгарского настоятельства, которое предложило еще и список болгар, известных членам настоятельства «по своей благонамеренности, как лиц, которым князь Черкасский мог давать поручения в Болгарии»⁴. Прибегали и к другим источникам получения нужной информации о возможных кадрах для администрации гражданского управления и, следовательно, будущего государства⁵.

Городским и сельским обществам предоставлялось полное самоуправление посредством административных советов, со-

стоявших из выборных лиц без различия народностей и вероисповедания. Судебные советы, таможенные учреждения наполнялись местными уроженцами, каковыми являлись и сборщики податей. Князь Черкасский облегчил налоговое бремя, отменив ненавистный болгарам бедель (подушный налог с христиан за освобождение от военной службы), изменив порядок взимания десятины (отмена ильтизама, т.е. откупа на сбор налогов) и заменив с 1878 г. десятину на поземельный денежный налог. Гражданское управление в Болгарии направляло свои усилия на обеспечение нужд русской армии, сохранение порядка на местах и на уменьшение бедствий войны для самого болгарского населения, в первую очередь, оказанием помощи беженцам из-за Балкан.

И.С. Аксаков точно определил характер деятельности Черкасского, ее «исполинский объем»: «Предстояло вводить гражданский строй в страну политически не существовавшую, которая даже не имела и признанных географических очертаний, которая была дотоле не более, как этнографическим термином...; здесь же совершался целый социальный переворот, перемещение слоев населения. Весь верхний, правящий слой — турецкий — снимался или уничтожался; с появлением русского войска бежало всё, от паши до последнего каваса, рушился весь административный порядок: надлежало вновь созидать всё, сверху до низу, спешно, без малейшего промедления. ...введением же гражданской организации Россия заявила, что призывает Болгарию к немедленному самостоятельному бытию. И князь Черкасский... с замечательным искусством решил эту, по-видимому, неразрешимую задачу»⁶.

Удивительно, но такой важной исследовательской проблеме как деятельность русского гражданского управления в Болгарии в 1877–1878 гг. (до Сан-Стефанского мирного договора) посвящено небольшое число работ. Их список открывает статья Д. Георгиевского «Гражданское управление в Болгарии в 1877–1879 гг.», появившаяся на страницах журнала «Наблюдатель» в 1882 г. как ответ, по словам автора, на «рассказы разных туристов, черпающих часто свои сведения из источников сомнительного свойства». Он достаточно кратко охарактеризовал основную деятельность князя Черкасского и гражданского управления и в качестве вывода повторил заключение генерал-лейтенанта Д.Г. Анучина

из его «Записки об основных принципах деятельности русского гражданского управления в Болгарии» от 28 февраля 1878 г. (Сан-Стефано): «...слова государя императора “задача России создавать, а не разрушать” получили полное применение в основных началах, принятых князем Черкасским для установления управления Болгарией»⁷. Впрочем, пристальное внимание Георгиевского было обращено на период, последовавший после подписания Сан-Стефанского мира и связанный с именем генерал-адъютанта, генерала от кавалерии князя А.М. Дондукова-Корсакова, получившего после заключения Берлинского мирного договора титул Верховного комиссара.

Несправедливые обвинения в адрес князя Черкасского, высказанные в заметке князя В.Д. Дабижа* на страницах журнала «Русская старина» (1888 г.), заставили генерал-лейтенанта Д.Г. Анучина, во время войны ближайшего сподвижника Черкасского по должности помощника заведующего гражданскими делами в Болгарии, выступить со статьей «Князь В.А. Черкасский как устроитель Болгарии», напечатанной в том же журнале. Через семь лет Анучиным была опубликована весьма обстоятельная работа «Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг.». В ее основу были положены дневник автора, состоявший из ежедневных и подробных писем (03.05.1877–02.04.1878 гг.), архивные документы и опубликованные материалы, ставшие библиографической редкостью. В нее также вошли сведения, представленные в предыдущей статье. Анучин осветил деятельность Черкасского по «восстановлению и поддержанию порядка в тылу армии», «в пересоздании всего административного строя страны и в подготовке ее к само-

* Князь В.Д. Дабиж (1823–1902), закончивший юридический факультет Киевского университета, служивший по Киевскому учебному округу и затем по министерству народного просвещения, с 1878 г. — тайный советник, прибыл в Сан-Стефано в феврале 1878 г. Он не был знаком с В.А. Черкасским и писал о нем и его деятельности со слов неких современников, имена которых не указал. См.: *Дабиж В.Д.* Сан-Стефано и Константинополь в феврале 1878 г. Заметки кн. В.Д. Дабижа // *Русская старина*. 1888. № 5. С. 483–487. Н.Р. Овсяный, разбирая личный архив князя Черкасского в Московском Румянцевском музее, нашел в пачке прошений о приеме на службу по гражданскому управлению в Болгарии и просьбу князя Дабижа, которая была отклонена. Овсяный полагал, что «личное неудовольствие вдохновляло» Дабижа, когда он писал свою статью о Черкасском. См.: *Овсяный Н.Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // *Русская старина*. 1909. № 4. С. 369.

стоятельной деятельности в качестве свободного государства»⁸, проанализировал проекты князя, остановился на некоторых чертах его характера, раскрыл его взаимоотношения со многими чинами Главной квартиры Дунайской армии. Статья Анучина являет собой синтез важнейшего источника мемуарного плана и вдумчивого исследования о роли князя Черкасского в становлении болгарской государственности.

Следующий труд, «Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг.», вышел из-под пера военного историка Н. Г. Овсяного (1847–1913), генерал-майора (1909 г.), служившего временным губернатором г. Кюстендила (с февраля 1878 г. по апрель 1879 г.) и знавшего поэтому проблему глубоко и изнутри. В первой части сочинения — «Заведывавший гражданскими делами при главнокомандовавшем действующей армией д. с. с. князь В. А. Черкасский» (СПб., 1906) — автор, широко используя работу Анучина, привлек также документы из личного архива Черкасского, многие из которых опубликовал в приложении. Овсяный более подробно остановился на организации гражданского управления в Болгарии, разобрал ошибочное мнение о Черкасском главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, несправедливые суждения недоброжелателей Черкасского и привел высокую оценку его деятельности на этом поприще, прозвучавшую в речи И. С. Аксакова на торжественном заседании Московского славянского комитета 5 марта 1878 г. В 1909 г. на страницах журнала «Русская старина» была напечатана статья Овсяного «Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин», в которой содержались некоторые новые сведения о князе Черкасском⁹.

В 1958 г. увидела свет монография болгарского историка Г. Д. Тодорова «Временное русское управление в Болгария през 1877–1879 гг.», по существу ставшая последней фундаментальной работой по этой проблематике, причем и здесь большая часть исследования была посвящена деятельности русского управления в Болгарии после Сан-Стефанского договора. Тодоров, на основе указанных трудов предшественников и опубликованных документов в шести выпусках «Сборника материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг.» под редакцией Н. Г. Овсяного, рассмотрел деятельность гражданского

управления и воссоздание органов управления болгарского государства в свете марксистского учения и используя его методологию.

В дальнейшем вопросы, касавшиеся деятельности русского гражданского управления в период войны, освещались в формате статей, авторы которых, как правило, уделяли больше внимания раскрытию следующего периода в его истории и становлению болгарской государственности (Хр. Гандев, С.А. Никитин, В.М. Хевролина и др.)¹⁰. До сих пор нет монографического исследования о жизненном пути князя В.А. Черкасского, в которое был бы включен всесторонний анализ его работы на поприще строительства нового государства в сложнейших военных условиях. Без сомнения, требуются новые скрупулезные поиски в архивах, прежде всего, в Российской Федерации, поскольку, как известно, весь архив канцелярии князя Дондукова-Корсакова, сохранявшийся в Софии, сгорел во время бомбардировок столицы Болгарии в 1944 г.¹¹.

Задача данной работы достаточно скромная — рассмотреть проблему болгарских беженцев, которую следует изучать не на локальном уровне, т.е. какого-либо города, например, г. Ловчи (совр. Ловеч), а в контексте всех мероприятий русского гражданского управления в Болгарии. Необходимо отметить, что в дореволюционной и марксистской историографии этот вопрос освещался достаточно схематично¹², поскольку не признавался особо актуальным. Привлечение опубликованных документов, писем и воспоминаний позволяет раскрыть указанную тему более глубоко в плане становления болгарской государственности.

Любая война несет неисчислимые бедствия мирным жителям, на территории проживания которых происходят сражения. Потоки беженцев — это скорбное лицо войны. В 1877–1878 гг. массовый исход болгар провоцировался не столько военными действиями, сколько стремлением болгар спастись от возмездия турок. Дело в том, что при приближении русских войск мусульманское население поспешно покидало свои дома и нередко «ознаменовывало свое бегство резней и грабежами»¹³. «Болгары, столь долгое время бывшие безответными рабами турок, увидя их разбитыми и униженными, с неудержимой ненавистью и ме-

стью набросились на тех мусульман, что не успели бежать с войсками. Турецкие дома были разграблены, мечети разрушены, а множество турок перебито самым безжалостным образом. Расправа народной Немезиды была ужасна»¹⁴, — писал Д.Г. Анучин.

Русские власти старались сдерживать болгар и сохранять всюду порядок. Но во время первого забалканского похода генерал-лейтенанта И.В. Гурко это удавалось только в городе, констатировал начальник штаба Передового отряда полковник Д.С. Нагловский. В окрестностях г. Эски-Загры (совр. Стара-Загора) запылали турецкие чифтлики* и турецкие деревни. Кроме того, «во время движения кавалерийских полков к линиям дороги большие толпы болгар следовали за полками, резали и грабили в тылу полков мусульманское население и предавали огню его имущество»¹⁵. Временное возвращение турок в Долину роз сопровождалось «невообразимыми истязаниями и ужасной резней». «Только быстрое и неожиданное занятие городов, как, например, Систово, Тырново, Софии, Филиппополя (совр. Пловдив. — *М. Ф.*) и др., спасало и от неизбежных зверств и разорения. Сладить с диким необузданным фанатизмом мусульман и с весьма понятными вспышками мести болгар не было никакой возможности»¹⁶, — свидетельствовал Нагловский.

В литературе распространено мнение, что турки жестоко расправлялись с болгарами за их радушный прием русских войск, но всё же главной причиной террора являлась реакция турок на погромы болгар их имущества и убийства мусульман, что убедительно доказывает пример Ловчи. (Город был освобожден от турок 5 июля 1877 г., а через 10 дней туда вошел сильный отряд Рифат-паши.) Профессор д-р Ст. Петков, спустя 50 лет, сетовал: «Никто не знал, что это взятие Ловчи было лишь актом рекогносцировки, но не длительное освобождение. Никто не догадался предупредить население, чтобы оно воздержалось грабить турецкие дома и лавки. Никто не вспомнил, что накануне появления

* Чифтлик — феодальное земельное владение, первоначально — пожалование, предоставлявшееся феодалам при условии уплаты ими десятины в казну или посылки одного воина для султанской армии. С конца XVI в. — это наследственное владение. В первой половине XIX в. чифтликом называлось крупное помещичье хозяйство. В воспоминании Нагловского чифтлик — это усадьба турецкого землевладельца.

русских турки не стали резать болгар и, убегая, ни на кого не посягнули, оставляя свое имущество на благоволение болгар». Он полагал, что турки при своем возвращении были бы милостивее к болгарам и оплатили бы той же мерой, если бы нашли свои дома и лавки в целости и сохранности¹⁷. Важно, что Рифат-паша остановил насилия над христианами города, когда его убедили в том, что преступления по отношению к туркам 5 июля вершили не жители Ловчи, а пришедшие с казаками болгары из Сельви (совр. Севлиево) и Тырново¹⁸.

Первый раз русские офицеры столкнулись с потоком беженцев после захвата турецким отрядом г. Ловчи 15 июля, когда толпы болгар, спасавшихся от турецкой мести, устремились в Сельви, Тырново и другие ближайшие города и селения. Генерал-майор Д.Г. Анучин тогда констатировал, что беглецов из Ловчи в Тырново было немного, и «последствия ловченской резни были скорее нравственные. Мы впервые убедились, что возвращение турок в оставленные было ими места губельны для христианского населения»¹⁹.

Совсем иной ситуация была после отступления Передового отряда Гурко из Долины роз летом 1877 г., куда вошло войско Сулейман-паши, возвестившее о себе пожарами, насилием и убийствами христиан. Беженцы из Иени-Загры (совр. Нова-Загора), Эски-Загры, Казанлыка и других городов и селений Забалканской Болгарии хлынули через Шипкинский перевал в Придунайскую Болгарию. Солдаты, стоявшие на перевале, сострадая несчастным, помогали им, чем могли, делились с ними сухарями и хлебом, специально запасали много воды, чтобы раздавать ее для утоления жажды утомленных крутым подъемом людей. «Беглецы благословляли солдат»²⁰. Поручик М. Чичагов, находившийся при Драгунской бригаде герцога Е.М. Лейхтенбергского, рассказал, как временно командовавший 36-м пехотным Орловским полком подполковник Линдстрем, выйдя на шоссе, увидел, что его солдаты предлагали свои миски с кашицей и щами проходившим болгарам. Подполковник заметил орловцам, что они останутся без обеда. А те отвечали: «Нам каждый день государь император еду отпускает: мы завсегда сыты будем. А им, беднягам, неоткуда получить. Уж дозвольте, Ваше благородие, им

отдать». Линдстрем сказал: «Это — ваше дело, как знаете, запретить я вам не могу, а напротив, похвалю. Солдат должен быть не только храбрым и молодцом на службе, но человеком с душой. Таким поступком вы заставляете себя любить и уважать. Эти бедные люди будут вас благословлять, а я от себя скажу, что вы составляете гордость нашего государя и всей России. Спасибо вам, славным молодцам, спасибо не только от себя, а от всякого русского человека»²¹.

Капитан Орловского полка Скварковский также подтверждал, что солдаты уступали часть своего обеда, «а ужин обыкновенно весь шел в пользу беглецов». Однако «при всем искреннем желании не было никакой возможности удовлетворить голод этой громадной толпы, и многие должны были идти далее голодные и изнуренные». Капитан сообщал, что многие матери «бросали своих детей русским, а сами скрывались, зная, что дети их, по крайней мере, не умрут голодной смертью»²². Но впоследствии, из-за затруднений с подвозом продовольствия, «снабжение болгар сухарями было воспрещено»²³. Переселение беженцев с каждым днем принимало всё большие размеры. Штабс-капитан 5-й батареи 9-й артиллерийской бригады И.С. Поликарпов писал: «Быть может, эта раздирающая картина придавала нам сил, решимости лечь до последнего, но не пустить врага далее!»²⁴

Рядом со штабом Шипкинского отряда доктора делали перевязки раненым болгарам. Полковник Ф.М. Депрерадович, командир 1-й бригады Болгарского ополчения, рассказал о нескольких раненых, в том числе 10-летнем мальчике, порубленном шашками, и молоденькой девушке, раненной в ногу. «Прискорбнее всего при этих сценах было то, что мы, русские, гораздо более сочувствовали пострадавшим, чем их же единоплеменники», — писал полковник. Ему пришлось «просто заставить проезжавшего мимо болгарина принять к себе на очень мало нагруженную подводу двух раненных мальчиков»²⁵.

Генерал-лейтенант инженерных войск В.Д. Кренке в своих мемуарах отмечал, что с 21 по 23 июля через Шипкинский перевал прошло «более 30000* болгарского народа с семьями и

* Подпоручик Болгарского ополчения Кисов писал, что 21 июля 1877 г. не только дорога, но и склоны южных Балкан были покрыты народом, который как муравьи

домашним скарбом»²⁶. Болгары были одеты «в лучшие платья, очевидно, с целью спасти их, но женщины шли босыми, ноги их по каменной дороге были изрезаны до крови, большинство из них голодало; солдаты наши делились с ними последним сухарем». «Мы, строители дороги на Балканы, бывшие свидетелями этого ужасного бегства народа, сознавали, что обаяние имени русского будет потеряно для болгар, так как русский отряд не мог защитить их от ярости турок», — писал Кренке. Он рассказал о том, как 22 июля он встретил «одну молодую болгарку, одетую хорошо, но усталую, изнуренную, голодную, с окровавленными ногами и несущую грудного ребенка; от голода и усталости у нее запеклись губы, иссякло молоко, и она едва была в состоянии произнести несколько слов». Русский генерал посадил ее в свой экипаж, дал «стакан красного вина, булку, рубль денег и подвез до той партии, от которой она отстала; проговорить благодарность она не могла, а только плакала». Через шесть месяцев, 13 января 1878 г., и почти на том же месте Кренке вновь повстречал эту женщину: она возвращалась домой, веселая, счастливая. Болгарка узнала генерала, «приостановилась, усердно кланялась и опять заплакала». Кучер Кренке заметил, что «это добрая встреча, что и мы, Бог даст, благополучно возвратимся домой»²⁷.

Беженцы из Ловчи не создали проблемы такого масштаба, как исход беженцев из-за Балкан несколькими днями позже. Весть о том, что турки режут болгар за р. Тунджей, 22 июля привез в Тырново, где находился в то время князь Черкасский, адъютант главнокомандующего штабс-капитан Е.М. Бибиков. Он сообщил также, что на Шипке невообразимый хаос от обозов и транспортов, и все окрестные поля по дороге от Балкан на Габрово и к Тырново опустошались беженцами²⁸. В тот же день русское гражданское управление выслало в Габрово на первоочередные расходы для беженцев 3.000 руб. Кроме того, директор дипломатической канцелярии А.И. Нелидов пожертвовал 500 лир; князь Черкасский, генерал-майор Анучин, тырновский губернатор ге-

полз по покатосям и скалам; всего народа было не меньше 250 тыс. человек // *Кисев С.И.* Из боевой и походной жизни 1877–1878 гг. Воспоминания полковника запаса болгарской армии. Перевел со 2-го испр. и доп. болг. изд. М. Горюнин [Предисл. «От переводчика»]. София: Придворная печатня братьев Прошек, 1903. С. 207.

нерал-майор М.А. Домонтович, тырновский полицмейстер капитан Генерального штаба Сухомлинов, правитель гражданской канцелярии полковник Л.Н. Соболев и некоторые другие лица собрали сумму в 31½ полумпериал²⁹.

23 июля габровский окружной начальник капитан Туркестанского стрелкового батальона М.Н. Маслов телеграфировал тырновскому губернатору о том, что город полон беженцев, и он отправляет их далее; постоянно прибывают раненные, а перевязочных средств не было, хлеба нет. «Город помогает насколько возможно. Утром кормили беглых. Приказал захватить частные склады»³⁰.

Раненных болгар (60 человек) поместили в два небольшие здания. Капитан Маслов писал князю Черкасскому 25 июля, что он привлек монахинь и горожанок, и они «живо притащили всё необходимое и ухаживают за ранеными». Капитан уверял, что на первое время они обеспечены, а затем он заставит город организовать постоянную больницу. При этом ему очень помогали габровский доктор Христов и доктор 5-й болгарской дружины Попов³¹.

Воспоминания русского врача П.Я. Пясецкого о положении дел с болгарской больницей в Габрово несколько отличаются от вышеуказанного письма капитана Маслова. По словам Пясецкого, раненных болгар (25 июля их было уже 70 человек) поместили в здании женского училища. Ввиду большого количества тяжелораненных, Пясецкий предложил свою помощь городскому врачу А. Христову, получившему образование в России. А тот попросил русского доктора принять заведование этой больницей, которую еще надо было устроить, а ему, как габровцу, это было очень сложно в силу известного изречения «Нет пророка в своем Отечестве». «У нас же эта истина имеет двойную силу, — с грустью говорил он. — Вы ведь видите уровень образования нашего общества...»³².

Болгарские раненные имели только крышу над головой и пищу, которую поставлял город. Нужны были лекарства, перевязочные средства, инструменты, кровати, белье, прислуга и многое другое. Город прислал прислугу, некоторые дамы и барышни, по преимуществу из учительниц, изъявили готовность помогать при уходе за ранеными. Поп Стефан взял на себя обязанности смотрителя и казначея. Агент Славянского комитета А.А. Нарышкин

занимался устройством детского приюта, а уполномоченный Общества Красного креста В.П. Глебов разрешил воспользоваться некоторыми необходимыми предметами из габровского склада при военном лазарете. 22 июля из Тырново в Габрово русским гражданским управлением, как отмечалось выше, были высланы 3 тыс. руб. на первоочередные расходы для беженцев³³.

В.А. Черкасский был глубоко убежден в том, что принять «беглецов, в числе которых много женщин и детей, на содержание и прокормление самим правительством есть, очевидно, дело невозможное», но «самое простое человеколюбие» вынуждает «озаботиться принятием необходимых мер к возможному их приросту и к предупреждению между ними болезней». Он считал, что «правительству должно прийти на помощь само общество и, наконец, самое главное, сами беженцы должны быть привлечены к деятельному изысканию средств к обеспечению своего существования частными заработками, общественными работами и вообще всеми доступными им способами»³⁴. Князь полагал, что к этой деятельности необходимо было подключить Славянский благотворительный комитет и Красный Крест.

В предписании тырновскому губернатору генерал-майору Домонтовичу от 24 июля 1877 г. Черкасский указал «безотлагательно озаботиться принятием соответственных мер», которые были затем последовательно перечислены. Первой и главнейшей из них было распоряжение об отправке к Шипкинскому перевалу для встречи и устройства забалканских болгар-беженцев трех офицеров под руководством полковника лейб-гвардии Семеновского полка П.А. Дометти, которые составили особую комиссию³⁵. Черкасский нашел полезным отдать в распоряжение Дометти также состоявшего при нем переводчика Н.В. Чалькова (Чальки), бывшего драгомана русского консульства в Филиппополе (1864–1877 гг.), и включить в эту группу священника Георги Тилева (1843–1912), наместника Филиппопольского митрополита, впоследствии архимандрита Феофилакта. (Он принимал участие в подготовке Апрельского восстания 1876 г., был арестован, судим, но сумел бежать в Россию, находился на попечении Одесского болгарского настоятельства и был им направлен в распоряжение князя Черкасского. На проезд в Болгарию и пропитание

священник и его семейство получили от настоятельства 206 руб. 80 коп. Сын Г. Тилева, Недко, был зачислен стипендиатом Петербургского благотворительного общества в пансион Ф.Н. Минкова в 1877 г.³⁶⁾ Комиссия получила на первоначальные расходы около 18 тыс. франков³⁷⁾. Часть этих денег пошла на покупку хлеба, который раздавали в Габрово и Дряново, другую часть выдавали на руки, как подчеркивал полковник Дометти, именно нуждавшимся беженцам, не успевшим взять с собой ничего. Помощь хлебом и деньгами была оказана 14375 чел., включая детей³⁸⁾, докладывал Дометти в «Краткой записке о положении забалканских болгар-беглецов», представленной заведующему гражданскими делами при главнокомандующем 13 сентября 1877 г.

Чрезвычайно важной мерой, призванной облегчить положение беженцев, являлось их расселение в покинутых турками домах и позволение им убирать хлебные поля, принадлежавшие туркам. Черкасский предписывал, чтобы, в отличие от местного населения, беженцы оставляли себе не треть собранного урожая, а половину, другую же половину следовало откладывать и хранить под строгим надзором местных властей, чтобы впоследствии использовать для войск или «на другие неотложные нужды». Беженцы, расквартированные в болгарских поселениях, должны были на общих основаниях подчиняться местным мухтарам (деревенским или квартальным старостам, избираемым населением) и старшинам селений. Там, где они разместятся особым поселком в турецких селениях, они должны были выбрать себе старейшин, в обязанности которых входило бы соблюдение строгого порядка. Черкасский распорядился при необходимости выдавать беженцам хлеб из запасов, которые образовались после уборки урожая с турецких полей³⁹⁾.

2 августа 1877 г. Черкасский дополнил свое предписание Домонтовичу указанием на то, чтобы была соблюдаема «возможная бережливость в интересах казны». При раздаче пособий необходимо объяснять беженцам, что оказываемое им пособие от правительства единовременное, что другого ждать не следует, и они сами должны озаботиться изысканием средств к существованию и, в первую очередь, уборкой оставшихся после турок «хлебных засевов и лугов»⁴⁰⁾.

Офицерам поручили поселить беженцев в домах, покинутых турецким населением. Сначала комиссия заселила 3528 человек в двух деревнях — Ялово и Килифар, рядом с Дряново. Беженцы разместились по 5–6 семей в 160 турецких усадьбах. Для приобретения орудий для полевых работ им выдали по 2 фр. на человека и сверх того по 3 фр. на семью. В соседних селениях Ганчевище и Руне были обнаружены склады с хлебом, собранным в качестве десятины в 1876 г. (238 кг пшеницы). Этот хлеб через доверенное лицо был предоставлен в пользование беженцам. К 13 сентября беженцы были водворены в следующих населенных пунктах: Дряново (52 усадьбы), Тырново (до 900 домов), Раховец (60 ус.), Сеновац (50 ус.), Сушица (100 ус.), Арнаутлие (50 ус.), Синдикиой (50 ус.), Отиларе (100 ус.), Кара-Хасан (50 ус.), Иердувангли (20 ус.), Кром-Бунаре (30 ус.), Горни-Трамбеш (30 ус.), Драганово Село (50 ус.). Таким образом, офицеры сумели заселить беженцев примерно в 802 усадьбы в 14 селениях и в 900 домов в Тырново. Беженцы нашли также приют в селениях у Сельви и Трявны⁴¹.

При этом комиссия выбирала для беженцев селения, расположенные к северу от Тырново, рядом с нетронутыми покосами вдоль рек Янтры и Русицы, чтобы обеспечить их заработками на сенокосных работах⁴². Многие беженцы из Казанлыка, Каллофера и других городов имели родственников или знакомых в Габрово, Дряново, Тырново, где их приняли без особых возражений.

Агент Московского славянского комитета А.А. Нарышкин прибыл в Тырново из Систово 25 июля и сразу погрузился, по его словам, в исполнение «дела нерадостного», которого, как он надеялся, у него не будет в эту войну. В письме к И.С. Аксакову от 4 сентября 1877 г. он отметил, что все русские газеты не вполне верно изображали положение пострадавших болгар. Так, спасшиеся жители Эски-Загры не могли голодать, так как они бежали не в пустыню и не в неприятельскую страну. «Как ни скупы болгары, но из обильного своего достатка кое-чем делились с этими несчастными людьми»⁴³. Нарышкин, как и Дометти в своей записке, отметил у беженцев разный уровень материальной обеспеченности. Бежавшие из Эски-Загры «немного или ничего» не смогли унести с собой. Жители же окрестных деревень, а также

Казанлыка и его окрестностей ушли со своим скотом и повозками, нагруженными имуществом. Они расположились вокруг Габрово семьями и деревнями, пасли скот, варили пищу. Нарышкин удостоверился, что никто не просил милостыни, а русское начальство удивлялось, что не слышно ни о кражах, ни о нарушениях «чужого владения». На тот момент (в конце июля) пришлого населения из-за Балкан насчитывалось около 20 тыс. человек.

Как известно, 4 августа 1877 г. было издано распоряжение о формировании шести болгарских дружин второй очереди*. Но вербовка болгар в ополчение продвигалась с большим трудом. Ситуацию с беженцами расценили как весьма благоприятную для набора добровольцев, поэтому местные советы повсюду разослали глашатаев для приглашения записываться в ополчение. Однако за 10 дней в Габрово явилось только 100 годных к службе, их приняли в дружину, они ходили с песнями по городу, народ приветствовал их, но «напрасно развевалось знамя на доме», где шла запись в дружины; иногда приходили дети 13–14 лет, но их не брали. Тогда главный доктор Болгарского ополчения К. Бонев (1837–1882) организовал комиссию, которая приступила к рекрутскому набору среди местных жителей и беженцев⁴⁴. Таким образом была сформирована одна дружина новобранцев.

Однако в Тырново подобный опыт не принес успеха. Можно вспомнить, например, молодого Димитра Благоева, беженца из Эски-Загры, в будущем основателя Коммунистической партии Болгарии. Он предпочел опасной жизни ополченца переселение в Систово, где устроился на табачный склад, а затем отбыл в Одессу на учебу.

Жители одной из деревень в окрестностях Тырново подали прошение в Главную квартиру, в котором заявили, что если император действительно приказал набирать солдат из болгар, то они готовы исполнить его волю, но им кажется, что вербовщики их

* Первые шесть дружин, сформированные в Кишиневе, к 1.06.1877 г. состояли из 1 генерала (генерал-майор Н.Г. Столетов), 9 штаб-офицеров, 72 обер-офицеров, 7206 строевых и 238 нестроевых нижних чинов. 12 дружин Болгарского ополчения должны были иметь 1 генерала, 16 штаб- и 197 обер-офицеров, 12024 строевых и 396 нестроевых нижних чинов. К 16.08.1877 г. в них насчитывалось только 5573 нижних чинов. Эта цифра всё время снижалась: к 1.01.1878 г. — 4717 чел., к 1.05.1878 г. — 4406 чел. См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб.: Военная типография, 1900. С. 234.

«надувают». Им было разъяснено, что набирают только по доброй воле, и «собранная партия в несколько сот человек поспешила разойтись по домам»⁴⁵, констатировал Нарышкин.

Он также подчеркивал, что распоряжения князя Черкасского относительно беженцев от 24 июля 1877 г. остались фактически не выполненными, но не по вине командированных для этого офицеров. Вероятно, Нарышкин не обладал всей информацией, поэтому считал, что при всём старании офицеры сумели заселить лишь одну опустевшую турецкую деревню, в которой разместились около двух тысяч человек. Впоследствии в 2–3 селениях поселилось еще несколько семей беженцев, но большинство отказывались, и пшеница была убрана с турецких полей местными жителями.

Генерал Кренке, чтобы скорее закончить строительство дороги на Шипке, упросил Нарышкина выделить ему 600 руб., чтобы нанять рабочих из беженцев. Им объявили об этой работе, обещая за нее хлеб и 2 пиастра (40 сант.) в день. 6 августа явилось только 5 человек желающих⁴⁶. Во второй половине августа, когда стали возводить укрепления вокруг Тырново, болгары вышли на работу лишь после повышения заработной платы до 1 франка в день. Нарышкин видел причины такого состояния дел в следующих обстоятельствах. Многие болгары, особенно те, которые ушли из своих домов заблаговременно, забрали с собой все сбережения, а они, по его данным, «достигают до серьезных размеров у большинства поселян». На предложение селиться в турецких деревнях большинство отвечало отказом, объясняя, что не стоило здесь «обзаводиться», поскольку были уверены, что через несколько дней русские войска пойдут назад за Балканы, и им надо «поспешить вернуться на свои пепелища».

Убежденность болгар в своем неминуемом освобождении от турок заставляла смотреть на все претерпеваемые ими невзгоды как на преходящие, не порождая уныния. Нарышкин особо обращал внимание И.С. Аксакова на тот факт, что болгарский народ ожидал свое освобождение только от России, «не полагаясь на свои собственные силы». «Болгарин трудолюбив и бережлив, как муравей, совсем не то, что наш брат, трезв и скромн, но дух борьбы ему совершенно чужд. Проявление этого последнего от-

рицательного свойства в настоящих чрезвычайных условиях, апатия и эгоизм, который тоже часто бросается в глаза, возмущает русских, особенно молодежь, вызывает резкие суждения о цели войны, которая сто́ит нам столько жертв, приносимых за “недостойный” народ, который будто бы очень доволен своим рабским благосостоянием. Эти мнения и чувства развиваются под влиянием тяжелых, чрезмерных лишений и испытаний...»⁴⁷, — подчеркивал Нарышкин.

Вторая волна беженцев, устремившихся через Шипкинский перевал в первых числах августа, была намного мощнее первой и отодвинула прежних беглецов к Тырново и далее. Болгары жили в лесах по дорогам, располагались станом вблизи городов и в городах. Они дошли до Систово, в котором их насчитывалось до двух тысяч человек, и губернатор города Н. Геров просил у князя Черкасского субсидий из средств славянских комитетов.

Вопрос о числе беженцев сложен (встречаются разные цифры). Полковник Дометти в «Краткой записке о положении забалканских болгар-беженцев» от 13 сентября 1877 г. отмечал, что трудно определить в точности, сколько всего беженцев, так как они постоянно меняют свои места, «но нужно думать», что их до 100 тыс. человек⁴⁸. Овсяный писал, что количество беженцев из-за Балкан, а затем из Ловчи, Беброво и долины Лома увеличилось и достигло до 200 тыс. душ⁴⁹.

О бегстве жителей из г. Калофер сохранилось несколько воспоминаний, которые, однако, существенно различаются между собой. Так, Н. Иванов (1861–1940), впоследствии закончивший Академию Генерального штаба в Петербурге, утверждал, что старейшины Калофера, во избежание паники, скрыли от населения плохие новости о поражении русского войска у Эски-Загры, но предложили укрыться на время в горах Стара Планины. Жители налегке отправились в горы, не взяв с собой теплой одежды и ценностей. Деньги закопали, поскольку были уверены, что через несколько дней возвратятся в свои дома. Правда, в городе остались старики, чтобы охранять опустевшие дома от воровства, поскольку и некоторые любители легкой наживы не ушли в горы. Опасность для болгар и их имущества исходила и от цыган-мусульман, которые жили в отдельном квартале, но ощущали себя

настоящими турками. Часть беженцев (в том числе и Н. Иванов) дошла до Сельви, а другая часть нашла приют в Габрово⁵⁰.

Асен Кисьов (около 1864 г. — после 1907 г.), впоследствии чиновник в администрации, писал, что накануне праздника св. Ильи (20 июля /2 августа) как гром разнеслась по Калоферу весть, что нужно спасаться. Сборы семьи были недолгими, но его отец, который плохо видел, и старая бабушка остались в городе. Болгары, обремененные скотом и телегами, направились по руслу р. Тунджи, а жители, вышедшие налегке, — через перевал горы Марагидик (1889 м над уровнем моря) к Новоселу. Асен Кисьов вспоминал, как узка и камениста была тропинка в горах, как труден был подъем, как старик умолял проходивших болгар донести его жену, выбившуюся из сил, обещая щедро их вознаградить, а люди равнодушно шли мимо, как на верху горы, где было очень холодно, он увидел несколько брошенных и кричавших младенцев, но никто не обращал на них внимания. В Сельви они не скоро нашли пристанище. Шел дождь, вечерело, несколько женщин с маленькими детьми стояли на улице под навесом крыши, а местные жители проходили мимо, отводя глаза. Никто в этом сытом городе сам не предложил им крова. Женщины стали умолять хозяйку дома, и та сжалилась. Но ночью вернувшийся хозяин выгнал их на улицу, под дождь. Только на следующий день несчастных приютила другая семья. Дети хозяев с любопытством вглядывались в калоферцев, которые отличались от местных жителей и одеждой, и женским головным убором, и манерой повязывать платок, даже говор их был другим⁵¹.

Князь Черкасский вместе с канцелярией гражданского управления скоро переехал из Тырново в Горный Студень (совр. Горна-Студена), где находились главнокомандующий и Главная квартира. Нарышкин, как и другие чины русского гражданского управления, отдавал себе отчет в том, что справиться с проблемой беженцев без участия местного населения было невозможно. Первый приют для сирот и убогих, как уже упоминалось выше, он открыл в Габрово (с 1 августа в нем призревалося 235 человек) и передал его в ведение комиссии из четырех пожилых граждан, избранных местными советами, и своему поверенному председателю суда А. Манолу⁵², который закончил Московский

университет и работал учителем в родном Габрово. Эта комиссия заведовала также раздачей хлеба.

14 августа Нарышкин телеграммой сообщил Аксакову о том, что и в Тырново он устроил приют «сирот убогих», а женщинам, обремененным детьми, раздавали хлеб. («Идет масса народу»⁵³.) Он отправил восемь девочек-сирот в Москву на попечение А. Н. Стрекаловой (1821–1904)⁵⁴, председательницы дамского отделения Московского славянского комитета, которая открыла приют для детей убитых воинов. Однако предпринимаемые усилия Нарышкина и нескольких офицеров гражданского управления не смогли кардинальным образом изменить ситуацию в отношении детей-сирот.

Председатель Кишиневского болгарского благотворительного общества И. С. Иванов во время своей поездки в Тырново увидел печальную картину: «одни круглые сироты — девочки и мальчики — массами теперь ходят по дорогам и улицам в городах и селах и собирают подаяния для своего пропитания». Иванов считал, что «из этих круглых сирот можно было бы приготовить учительниц и учителей и заменить ими тех злосчастных болгарских деятелей, которых истерзали варвары-турки». Он предлагал осуществить воспитание болгарских сирот на средства уездных, губернских земств и городских обществ России, что явилось бы великим благодеянием для болгарского народа. В письме от 2 сентября И. С. Иванов приглашал И. С. Аксакова поучаствовать в этом деле, чтобы «дать обновленной жертвами России Болгарии здоровые элементы для ее будущего нравственного развития»⁵⁵.

В Тырново Нарышкин организовал также Славянское благотворительное общество, которому передал заведование приютом. В него вошли все зажиточные жители города и все образованные болгары, вернувшиеся на родину благодаря войне. Председателем был выбран архимандрит Стефан, «человек умный и деятельный». Губернатор официально разрешил деятельность общества, проект устава которого послали князю Черкасскому на утверждение. Нарышкин также являлся членом этого общества и контролировал все его распоряжения, особенно насчет выдачи денег, так как они находились в его распоряжении. Но денежный фонд общества рос медленно. Минимальный член-

ский взнос составлял 12 франков; 4 сентября число членов было около 100 человек. Других пожертвований практически не было. Тем не менее Нарышкин надеялся, что через проповедь в церквях и устные приглашения начнутся «благотворения»⁵⁶.

С октября забота о приюте перешла в ведение женского благотворительного общества «Милосердие»⁵⁷. Оно было основано 1 августа 1877 г. по инициативе Евгении Кисимовой (1831–1886), ставшей его председательницей. Ее родители и муж принадлежали к сословию богатых торговцев. В задачу общества «Милосердие» входил сбор материальных средств, одежды, продуктов для беженцев из-за Балкан. Общество также направляло женщин ухаживать за ранеными и больными. Из опубликованной приходо-расходной ведомости общества за 1877 год видно, что наибольшая его активность приходилась на первые недели пребывания беженцев из-за Балкан в Тырновском округе: 6 и 14 августа им раздавалась одежда, собранная в Тырново, Арбанаси и Лясковце, 4 сентября — пшеница из 6 мешков (660 оки*), собранных в Долно Оряховице; в тырновскую больницу послали 18 ведер вина из Долно Оряховицы и 359 шт. разных вещей, а приюту подарили 30 мешков с одеждой и разными вещами⁵⁸. И всё.

В Тырново Красный Крест, вероятно, в лице его агента Нарышкина, чтобы помочь женщинам заработать на пропитание, устроил мастерскую для пошива вещей, необходимых раненым и больным. С 1 августа в ней получили работу до 1000 человек и за два месяца израсходовали более 23 тыс. франков (до 7000 руб.). При необходимости здесь за сутки могли изготовить до 200 переман белья⁵⁹. Эта мастерская также была передана в ведение болгарского священника Г. Тилева⁶⁰. Кроме того, вследствие убеждения тырновского городского совета жители добровольно уступили беженцам предметы, захваченные ими у убежавшего турецкого населения⁶¹. В Тырново, Дряново, Сельви, Ряховице и Травне за счет местных жителей были отремонтированы несколько турецких домов, куда поселились на зиму вдовы и сироты. Им выдавали и топливо⁶².

Третий приют Нарышкин создал в Дряново, и нашлись четыре надежных человека, которым он доверил его управление.

* Ока = 3 фунта; 1 фунт = 0,45359237 кг.

В Ловчу агент Московского славянского комитета не поехал, поскольку решил, что в этом городе бежавших из других мест быть не может, но всё же выдал денег подполковнику Спокойскому-Францевичу, назначенному на должность окружного начальника. «Он либо устроит приют, либо возвратит мне деньги»⁶³, — сообщал Нарышкин Аксакову. В Ловче появился детский приют на 100 человек⁶⁴, который осмотрел П.В. Алабин, о чем и сообщил И.С. Аксакову в письме от 14 декабря.

В октябре 1877 г. Петр Владимирович Алабин (1824–1896) принял предложение Московского и Петербургского славянских комитетов «принять обязанность главного агента этих обществ в Болгарии при действующей армии» вместо Нарышкина. Получив известие о падении Плевны, Алабин поспешил туда — «для подаяния помощи пострадавшим от долговременной осады жителям». От имени славянских комитетов он предложил горожанам образовать свой комитет вспомоществования пострадавшим жителям Плевны и его окрестностей. В число его членов записалось более 60 человек. Из них избрали особую комиссию для управления делами общества из семи человек, в числе которых были две женщины. Алабин выдал 2000 франков (пополам от Московского и Петербургского комитетов) на удовлетворение нужд самых бедствовавших жителей⁶⁵.

Вернувшись из Плевны в Тырново, Алабин застал в городе Нарышкина, и вместе они попытались улучшить организацию управления детскими приютами. Поскольку князь Черкасский передал значительную сумму в распоряжение местного губернатора для помощи беженцам (об этом чуть ниже), то было решено уменьшить число призреваемых в приюте, который содержался на средства славянских комитетов, при этом организовав другой приют на счет правительственных средств. Из них же стали финансировать родильный дом и приют для бездомных стариков и старух, устроенные Нарышкиным в Тырново. Впоследствии Алабин докладывал Петербургскому славянскому обществу (28 октября 1878 г.), что на содержание приютов в Тырново и Ловче за всё время их существования по июль 1878 г. было потрачено 39464 фр. 74 сант., а также 2000 фр. на медикаменты, выданные из аптеки детям в приюте и болгарам-беженцам, которым требовалась медицинская помощь⁶⁶.

В освобожденном Филиппополе в январе 1878 г. Алабин, используя опыт Нарышкина, пригласил болгар организовать комиссию под председательством архимандрита Синесия — «для подаяния первоначальной помощи наиболее нуждавшимся вдовам и сиротам болгарам», и для начала выдал комитету 350 фр.⁶⁷.

Жители Тырново и Габрово удерживали Нарышкина от излишних трат, особенно решительно возражая против выдачи беженцам денег. Нарышкин считал, что сумма в 3 тыс. руб., которая по распоряжению князя Черкасского раздавалась беженцам в самом начале, принесла скорее вред, чем пользу, потому что деньги давались всем без разбору и в такое время, когда нужда еще не была столь ощутима. Теперь же пособия распределялись весьма осмотрительно: собирались женщины с детьми, группировались по тем населенным пунктам, где они проживали прежде, проверялось их материальное положение, действительно ли у них нет мужей или собственных средств к существованию. Нарышкин замечал, что «без греха дело не обходится». Так, одна женщина, получив хлеб, случайно уронила что-то из-за пазухи — оказалось, это мешочек с золотом.

В начале сентября в Тырново и Габрово получали хлеб от 1500 до 2000 человек. Нарышкин подсчитал расходы: при выдаче 1 пиастра (20 сант.) в день на человека при 2 тыс. нуждавшихся в Тырново и Габрово следовало потратить в месяц 3 тыс. руб. золотом, если число бедствовавших не увеличится. В указанную сумму не вошли расходы на содержание четырех приютов (в Габрово, Тырново, Дряново, Ловче). Нарышкин полагал, что беженцы пробудут здесь всю зиму, а кассы славянских комитетов в Москве и Петербурге опустели, пожертвования теперь потекли в Красный Крест⁶⁸.

Агент Московского славянского комитета П.Ф. Мусевич предлагал И.С. Аксакову (в письме от 14 сентября 1877 г.) иной вариант решения проблемы беженцев, исходя из своего восьмимесячного опыта оказания помощи в 1876 г. в качестве агента Московского славянского комитета и Русского благотворительного комитета* сербам и болгарам, пострадавшим в результате

* Русский благотворительный комитет — благотворительного комитета с таким названием не существовало. В 1876 г. пожертвования для пострадавших балкан-

подавления восстания в Боснии и Герцеговине (1875 г.) и Апрельского восстания (1876 г.). По его сведениям, в начале сентября 1877 г. в Тырновском и Систовском округах число беженцев из-за Балкан не превышало 40 тыс. человек. Мусевич, поскольку сам был болгарин, хорошо знал положение дел болгарского населения в Османской империи и утверждал, что все болгары-беженцы до войны были довольно состоятельными людьми, и после войны земледельцы останутся собственниками своих земель и виноградников, а ремесленники смогут «заработать свой хлеб, где бы они не находились». Мусевич советовал раздавать деньги от славянских комитетов не безвозмездно, а взаимобразно, но без процентов. После окончания войны в непродолжительном времени эти болгары смогут возвратить полученные ими вспомоществования, которые можно будет употребить в пользу народного образования. Мусевич, опираясь на практику 1876 г., пришел к выводу, что «давать кому-нибудь даром пособия для существования, т.е. даром кормить его, значит — сделать его несчастным, ибо он привыкает жить на чужие средства, и у него совершенно, хотя постепенно, исчезают мысли самому заботиться о своем существовании»⁶⁹.

Помимо семей ремесленников и крестьян среди беженцев были вдовы, которые могли заработать себе на хлеб. Им следовало только помочь найти работу: общества, организованные из местных женщин-болгарок, должны были поставлять им материалы, чтобы беженки их обрабатывали. «Даром кормить придется» лишь немощных стариков и старух, а также малолетних детей, общее число которых не должно превышать 4–5 тыс. человек.

В 1876 г. в Сербии содержание одного человека обходилось в 4 коп. в сутки, в месяц — 1 руб. 20 коп., а помощь оказывалась 14 тыс. пострадавшим. Они получали достаточно хлеба, соли, два раза в неделю мясо и фасоль. В эту сумму входило также обеспечение свечами, мылом, дровами, наем квартир нуждавшимся, а также содержание врача. В Болгарии в 1877 г. всё было дороже, чем в Сербии, но Мусевич утверждал, что человеку на проживание хватало 12 коп. в сутки. Однако Нарышкин назначил

ских славян собирали благотворительные комитеты: Московский, Петербургский, Киевский и Одесский.

по 16 коп. в организованных им приютах. Разница в 4 коп., если кормить 5 тыс. человек, вырастала в 6 тыс. руб. в месяц, которые можно было употребить на другие нужды⁷⁰. Впрочем, предложение Мусевича не было принято в Москве.

Но шло время, и ситуация с беженцами стала меняться, поскольку запас собственного хлеба и денег у них истощался, и стали чаще раздаваться жалобы на кражу кукурузы, винограда, арбузов. Их воровали и продавали на базаре в Тырново. 3 сентября избили жандармов из болгар, которые попытались остановить похитителей⁷¹, писал Нарышкин Аксакову. Генерал-лейтенант Анучин сообщал, что взаимоотношения между местными жителями и беженцами были очень сложными, из-за недостатка продовольствия происходили столкновения. Нередко местные жители, спасая свои поля, «науцали беженцев грабить соседей». Так, «жители Севлиевого округа ходили грабить жителей Габровского и обратно». Формировались шайки из беженцев, а их главарями и проводниками становились местные жители. Они шли на разбой, «не останавливаясь даже перед сопротивлением властям». Анучин приводил некоторые данные из официальных материалов. Так, 1000 болгар севлиевого и габровского округов захватили сложенные в полях копны, принадлежавшие крестьянам д. Ялар (близ Дряново), и руками вышелушили их. Владельцы бросились на грабителей, но те, побуждаемые сильным голодом, ожесточенно защищались с оружием в руках. Несколько человек было задержано, но на другой день, «сжалившись над отчаянным положением голодных жен и детей арестованных, страдавших в открытом поле», тех отпустили, причем оставили им собранную накануне пшеницу, кукурузу и овес. Через несколько дней, 29 августа, нападение на кукурузники с. Ялар повторилось. Местный мюдир с жителями, полицейскими и тремя жандармами попытались защитить урожай, произошла драка, один из полицейских (М. Илиев) был ранен в голову. Задержанные (более 100 человек) объяснили, что «они принуждены к грабежу голодом и подстрекались габровцами, которые и предводительствовали ими»⁷².

4 сентября тырновский губернатор генерал-майор Домонтович собрал городской сход, на котором предложил очистить 20 турецких домов для беженцев и сделать в их пользу сбор.

В его воззвании беженцам предлагалось селиться по пустым турецким селениям и собирать в полях кукурузу и просо, поскольку пшеница уже была сжата местными жителями⁷³. Д. Ганчев, уроженец Лясковца, переводчик штаба действующей армии, писал, что Домонтович самым строгим образом приказывал, чтобы в городах и селениях местные власти предприняли самые энергичные меры по оказанию беженцам помощи. Но поскольку его вера в то, что только письменными распоряжениями можно было справиться со злом, была мала, он отправлял офицеров, состоявших у него на службе по особым поручениям, контролировать их выполнение⁷⁴. Так, Ганчеву довелось в качестве переводчика сопровождать штабс-капитана Исакова в с. Горна Оряховица и Лясковец. В первом селении беженцы мыкались по улицам, под навесами, в хлевах. Более понятливые и более интеллигентные жители постарались выполнить поручение: малочисленные семьи переселили в другие дома, а на их место заселили беженцев. Правда, без протестов и жалоб не обошлось. Но с заданием русский офицер справился за один день. А в с. Лясковец члены общинного совета и кмет не имели ни желания, ни доброй воли исполнить предписание Домонтовича, да и крестьяне не хотели слушать не пользующееся у них авторитетом местное начальство. Ганчев свидетельствовал, что дело дошло даже до драки. Исаков ударил несколько человек кнутом. С огромным трудом сумели разместить по домам только около сотни беженцев. С другой стороны, крестьяне с. Лясковец жаловались Ганчеву, что они боялись оставлять чужих людей в своих домах, когда уходили на полевые работы. Вечером по возвращении они обнаруживали, что не всё было в доме на своих местах: куры и одежды исчезали. Беженцы не хотели работать, помогать хозяевам, давшим им приют. И такое положение, по словам жителей Лясковца, наблюдалось и в других селениях — в Долной Оряховице, Драганово, Самоводене⁷⁵.

13 сентября полковник Дометти представил князю Черкасскому краткий отчет о положении забалканских болгар-беженцев, легший в основу доклада «О мерах к призрению беженцев-болгар в Тырновском, Систовском и Рушукском санджаках», который князь подал главнокомандующему 14 сентября 1877 г. В нем

были перечислены все мероприятия, предпринятые за полтора месяца, и указано, что в виду наступления осени и зимы «самые меры призрения» должны быть усилены и их исполнение должно быть предоставлено на месте губернаторам. Князь считал целесообразным: оставить в полной силе прежние распоряжения о том, чтобы крестьяне расселялись по опустевшим турецким усадьбам, а городское население — «по городам и местечкам», и оказывать призрение «со стороны правительства и общества» путем выдачи пособий преимущественно натурой, т.е. хлебом, только дряхлым, престарелым и малолетним, а также тем кормильцам, которые «непосильно обременены семейством».

В населенных пунктах, где размещены беженцы, следовало образовывать специальные комитеты «из лучших местных жителей и некоторых лучших беженцев» для раздачи пособий под руководством окружных начальников, которые могли привлекать офицеров или чиновников гражданского ведомства из русских или болгар, а также священнослужителей. Необходимо было составить списки лиц и семейств, которые обеспечивались пособиями, при этом половину расходов брало на себя русское правительство, другая часть должна была собираться местным обществом. Губернаторам предоставлялось право использовать все оставшиеся турецкие запасы зерна, правительственные и частные, кроме переданных в ведение интендантства, а также весь хлеб, собранный болгарскими с турецких полей и хранящийся на специальных складах, и тот хлеб, который остался в результате реквизиций, произведенных войсками. Беженцам отдавался и скот бежавших турок, имевшийся в наличии после реквизиций.

Кроме того, в распоряжение губернаторов поступали ассигнования золотом: для тырновского — 20 тыс. руб., систовского — 5 тыс. руб., рушукского — 3 тыс. руб.⁷⁶, с октября 1877 г. для тульчинского — 2 тыс. руб. ежемесячно⁷⁷. Деньги выдавались из высочайше утвержденного авансового кредита в 500 тыс. руб. «по смете расходов полевого управления армии», находящегося в распоряжении главнокомандующего — «на производство текущих по гражданскому управлению расходов впредь до поступления местных болгарских сборов и на условиях пополнения расходов этого кредита из сих сборов»⁷⁸.

Черкасский считал, что необходимо было продолжать, по мере возможности, пособия и от Славянского комитета. Князь предусматривал и такую меру помощи: брать на работы, прежде всего по ремонту шоссе и дорог, преимущественно беженцев с надлежащей платой. Доклад Черкасского был утвержден главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем 9 октября 1877 г. в Горном Студне⁷⁹.

В начале ноября Черкасский подал докладную записку главнокомандующему об использовании доходов с имуществ бежавших турок на содержание болгарских беженцев. Князь получал сведения о поступлении в местные казначейства денег от «продажи скота или иного рода движимого имущества» бежавших турок, а также от аренды их мельниц, виноградников и другого недвижимого имущества. «Нет сомнения, — рассуждал Черкасский, — что самая строгая справедливость требует, чтобы расходы на содержание забalkanских беженцев не падали исключительно на счет болгар систовских или тырновских, или, еще менее, на счет нашего правительства». Он полагал, что меры призрения неимущих и нуждающихся, «как общее земское дело», должны касаться «всех вообще собственников и жителей, без различия веры и национальности». Это предложение князя Черкасского было поддержано главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем⁸⁰.

Наступление осенней непогоды заставило гражданское управление вернуться к вопросу о расселении беженцев, которые прежде не желали связывать себя постоем в чужих домах, надеясь на скорую победу русского оружия. Дело организации было предоставлено тырновскому городскому и окружному советам (в октябре 1877 г. генерал-майор Домонтович получил отпуск и уехал в Россию лечиться). 4 октября предписание председателя тырновского окружного совета В. Берона о порядке приема и размещения болгарских беженцев из-за Балкан поступило мухтарам и старейшинам округа. В нем указывалось, что местные жители, не пострадавшие от турок, должны приютить в своих домах беженцев, которые «ходят голодными, голыми, босыми и бездомными», а также поделиться с ними едой, за что беженцы в свою очередь должны работать на тех, кто их будет кормить⁸¹.

12 октября тырновский вице-губернатор Д. Цанков* составил инструкцию для мухтаров и старейшин о порядке устройства беженцев. Первым пунктом стояло требование размещать в домах и кормить столько постояльцев из беженцев, сколько в селе или в городском квартале имелось домов. За одного постояльца считался или один ребенок, или один мужчина, или женщина с грудным младенцем или ребенком до 8 лет. Причем, женщина с несколькими малолетними детьми подселялась в дом, хозяину которого вменялось прокормить двух, трех и более человек.

Если же мужчина-беженец не желал разлучаться со своей женой и детьми, то его не следовало кормить, как и женщину, не покинувшую своих детей старше 8 лет⁸². Требование о разделении семей встречало неприятие со стороны беженцев, они негодовали, жаловались, и впоследствии эта мера была отменена⁸³.

Все беженцы (мужчина, женщина или ребенок старше 8 лет), получившие кров и пищу, должны были работать по дому на хозяина. А тот обязывался кормить их теми же блюдами, что ели он и его семья.

Прежде всего было необходимо составить списки домовладельцев с указанием, сколько человек может проживать и кормиться в том или ином доме. Цанков принимал во внимание то обстоятельство, что некоторые местные болгары сами едва сводили концы с концами — с таких снималась повинность кормить беженцев и перекладывалась на тех, кто мог прокормить двух, трех и более человек. Списки с подписями, заверенные печатью, направлялись в тырновский окружной совет, а также передава-

* Драган Киряков Цанков (1828–1911) — болгарский политический деятель, учился в Одессе и Вене, был одним из инициаторов и активным организатором унии болгар с католической церковью (1860 г.), принял католицизм, поскольку смотрел на борьбу против России и православия как на борьбу за прогресс и цивилизацию. С 1864 г., приглашенный в Рущук Мидхат-пашой, управлявшим Дунайским вилайетом, Цанков длительное время состоял на турецкой государственной службе. При этом он много внимания уделял развитию просвещения у болгар, написал краткую историю Болгарии (1868 г.), редактировал болгарские журналы. После Освобождения играл заметную роль в политической жизни страны, занимая важные посты (в апреле — декабре 1880 г. возглавлял правительство). Активным сторонником ориентации на Петербург Цанков стал после прихода к власти Ст. Стамболова (1887–1894 гг.) и вынужденной эмиграции в Россию, где он жил на пенсию от русского правительства. После падения режима Стамболова вернулся в Софию и вновь был избран в Народное собрание. Цанков, сформированный как деятель в традициях искусной восточной дипломатии, всю жизнь умело лавировал между личностями, партиями и странами.

лись мухтару, который и расквартировывал прибывавших беженцев. Если же хозяин отказывался принять указанное в списке число беженцев, мухтар обращался за содействием в совет старейшин. Если и тогда хозяин упорствовал, дело передавалось в тырновский окружной совет. Последний назначал трех надзирателей, которые должны были помогать расселять беженцев и наблюдать за порядком исполнения хозяевами и беженцами обязательств по отношению друг к другу. Надзиратели проверяли и старейшин: точно ли они указали число домов и беженцев, в них размещенных. Почти в каждом населенном пункте имелись и такие беженцы, которые поселились в турецких или болгарских домах и сами находили себе пропитание. Их не следовало было смешивать с обездоленными соотечественниками.

Совет старейшин подлежал строгому наказанию, если пришедшие в их поселение беженцы, застигнутые темнотой, не размещались по домам, а оставались на дороге или под навесом. Если в селении имелись места в домах, то беженцев следовало немедленно направить туда. Если же все дома были заполнены, то их должны были устроить на ночлег и накормить, а поутру отправить в другое селение, где еще остались незанятые дома. Беженцы, которые намеревались прийти в Тырново с жалобой, должны были взять письмо из совета старейшин, без которого они не могли быть приняты в окружном совете. Беженцам строго запрещалось просить милостыню по домам и на улицах⁸⁴.

17 октября 1877 г. в церкви «Св. Константин» состоялось собрание граждан Тырново, которое полностью поддержало «Инструкцию» Цанкова, постановив, что каждый житель города обязан принять в своем доме и кормить столько человек, сколько указано в списках, составленных мухтарами. Тот, кто не желал поселить в своем доме назначенных к нему беженцев и кормить их, должен был заплатить авансом мухтару по 45 грошей за каждого беженца⁸⁵.

Благодаря имеющимся в нашем распоряжении документальным материалам можно узнать, как воплощались в жизнь постановления русского гражданского управления в Болгарии и местных городских и окружных советов.

Следует подчеркнуть, что требование «Инструкции» Д. Цанкова о предоставлении в тырновский окружной совет списков

о состоянии жилищного фонда и наличии свободных домов было весьма своевременным, поскольку нередко окружной совет Тырново или городской совет Габрово направляли беженцев в населенные пункты, где давно уже всё было занято. Так, уже в самом начале октября Трявна и с. Драганово были переполнены, причем 84 дома Драганово приняли 500 человек⁸⁶. Имелись случаи попыток обхитрить вышестоящее начальство. Так, старейшины с. Ресен возвратили предписание тырновского окружного совета о поселении 31 беженца, сославшись на свою неграмотность. Д. Цанков возмутился, поскольку слышал, что в селении проживали учитель и поп⁸⁷.

Д. Ганчев свидетельствовал, что отношение местных жителей к беженцам нередко было весьма далеким от христианского милосердия и сострадания. Многие, например, кмет г. Тырново Г. Живков, вместе со своими советниками и добровольными помощниками с утра и до вечера хлопотали, чтобы их пристроить. Но была и иная позиция, которую высказал старец дядо Велко на одном из заседаний городского совета, перед которым была поставлена задача найти пристанища и пищу для беженцев. Он заявил: «Пусть как собаки вымрут, не пожалею их». Причина его ненависти заключалась в том, что беженцы, идя из Габрово, обобрали его виноградник, сорвав даже незрелую ягоду. И таких болгар, как злой дядо Велко, было много в селениях Горна Оряховица, Лясковец, Самоводене и др.⁸⁸.

Священник П. Стоев, впоследствии архимандрит Софроний, вспоминал, как после возвращения в Тырново из Горного Студня, где он служил в церкви, которую посещали Александр II и члены Главной квартиры, его вызвал к себе Д. Цанков. Вице-губернатор направил П. Стоева в сопровождении трех жандармов в с. Лясковец, так как его население не хотело принимать беженцев. (В августе туда уже приезжали штабс-капитан Исаков и переводчик Д. Ганчев.) Священнику выдали открытый лист, предъявителю которого необходимо было оказывать всяческое содействие. В противном случае он мог обратиться за помощью к русским военным, стоявшим в этом селении. В Лясковце Стоев прочитал предписание и указ губернатора о беженцах перед собравшимися семи старейшинами (первенцами) во главе с управителем

даскалом Петром, которые, однако, вновь не согласились принять беженцев. Они сообщили, что в их городе уже имелось 100 человек из-за Балкан, но и их следовало выселить и разместить в других местах. На все увещевания священника они отвечали решительным отказом. П. Стоев в своем рапорте отчитался перед Цанковым, подробно описав, кто из старейшин что говорил. Вице-губернатор попросил его не покидать Лясковец. 21 ноября в город прибыл военный окружной начальник Богданович и перед собравшимся населением и старейшинами прочитал приказ губернатора, который гласил, что за невыполнение правительственного распоряжения семь старейшин (первенцев) наказываются взиманием с каждого штрафа в размере 25 руб. и тремя месяцами тюремного заключения в Капиновском монастыре. С каждого дома Лясковца взыскивается штраф в один рубль, т.е. все 1050 домов должны выплатить 1050 руб. В тот же день первенцы были отправлены под конвоем в монастырь, и одновременно начался сбор штрафа (После падения Плевны первенцы были помилованы.) Впоследствии лясковчане селили в свои дома беженцев с бóльшей готовностью⁸⁹.

Можно было бы оправдать подобное отношение жителей Лясковца к забалканским болгарам, если бы их поселение пострадало от турецкого варварства и его жители с трудом сводили концы с концами. Но нет. Д. Ганчев свидетельствовал, что его односельчане собрали хлеб с полей бежавших турок и присвоили себе их оставшийся скот. А урожай в тот год был небывалым. Большие сельские дворы были переполнены копнами и стогами, которые не успевали молотить. Ганчев констатировал, что люди разбогатели из-за нового изобилия и прошлогоднего запаса. «В самом бедном доме играли золотыми полуимпериалами, полученными через перекупщиков от интендантства». Продукты, вино и ракия подорожали. Болгары из Габрово и Трявны приезжали в Лясковец, чтобы купить вина и ракии и за ценой не стояли, лишь бы они были хорошего качества, так как русские знали толк в спиртном⁹⁰.

У практичных болгар бедняк всегда ассоциировался с лентяем и дурным человеком, поэтому, вероятно, они так неохотно принимали беженцев, которых к тому же надо было кормить.

Не зря мать А. Кисьова, просясь на постой в Сельви на одну ночь, уверяла хозяйку, что они не лихие люди, не голодранцы, но в Калофере турки сожгли их дома, одежду, убили мужей, а они, спасаясь, убежали налегке⁹¹.

«Инструкцию» Д. Цанкова, определявшую отношения между местными жителями и беженцами, приняли к исполнению и в Систовской губернии (санджаке)⁹².

После освобождения Ловчи от турок 22 августа 1877 г. сюда вместе с жителями города устремились и беженцы из-за Балкан. 2 сентября на заседании городского совета рассматривался запрос жителей Калофера о том, могут ли беженцы в количестве 1 тыс. человек прийти в Ловчу, чтобы поселиться в брошенных турками домах, и чтобы жители города приняли на себя заботу об их пропитании. Совет отложил ответ до приезда русского окружного начальника подполковника Спокойского-Францевича, но принял решение пускать в пустые турецкие дома беженцев, которые приходили из пострадавших городов и сел⁹³. 5 сентября совет постановил платить Стефанице, супруге доктора из Сельви, приютившей у себя девочку-сиротку двух-трех лет, по 30 грошей в месяц⁹⁴.

Получив 16 октября указания из Тырново, председатель ловченского городского совета И.Т. Драсов [(1848–1901), близкий соратник В. Левского, впоследствии народный представитель Ловчи в Первом Великом Народном собрании (17.04.1879 г.), на котором был избран болгарский князь гессенский принц Александр Баттенберг], отвечал, что в городе уже нашли приют 150 семей из районов Филиппополя, Эски-Загры и Казанлыка. Переселенцы из ловченского округа разошлись по окрестным селам. Однако «Инструкция» Цанкова в большинстве своих разделов была неприемлема в Ловче, поскольку и город, и его жители были ограблены турками и не могли содержать беженцев. Кроме того, значительное число беженцев имели маленьких детей, были больны и не способны работать, хотя в городе оказалось достаточно и таких болгар, которые начали заниматься мелкой торговлей. И всё же городской совет давал пищу тем, кто был совсем беден, имел маленьких детей и не мог работать⁹⁵.

Для Драсова оставались неясными некоторые вопросы из компетенции ловченского городского совета, которые он адресовал

подполковнику Спокойскому-Францевичу, ответившему на них спустя 14 дней (14 ноября 1877 г.), вероятно, проконсультировавшись со своим начальством. Драсов интересовался, имел ли право городской совет сдавать в наем городское недвижимое имущество бежавших турок, и получил ответ, что имел, но только на полгода. При этом городской совет мог требовать плату за наем жилища только с тех беженцев, у которых были деньги. В отношении неимущих беженцев он должен был руководствоваться «Инструкцией» Цанкова. Спокойский-Францевич разрешил городскому совету смолотить 10 кг кукурузы и раздать бедным переселенцам, которые проходили через Ловчу⁹⁶.

Однако Д. Цанков оценил раздачу продовольствия в Ловче бедным беженцам как непрактичную меру, могущую повлечь за собой нежелательные последствия, так как ловченский городской совет не имел возможности отделить действительно бедствующих от более состоятельных. С другой стороны, беженцы, расквартированные по селам, узнав, что в Ловче раздают продовольствие, немедленно придут в город просить еду. Цанков настаивал, чтобы в Ловче и ее окрестностях неукоснительно и точно соблюдалась «Инструкция»⁹⁷.

Жители Ловчи жили не одним днем, поэтому они вполне закономерно беспокоились о судьбе будущего урожая, в первую очередь, с виноградников бежавших турок. Имел ли право городской совет позволить болгарам обрабатывать виноградники при условии получения с них половины урожая в их пользу? Спокойский-Францевич отвечал, что виноградники обязательно нужно обрабатывать, только правительство еще не решило вопрос о вознаграждении за труд⁹⁸. Губернаторы также ставили вопрос о том, дозволено ли будет местным жителям засеивать поля турецкого населения, бежавшего за пределы занятой русскими войсками Болгарии. В циркуляре от 4 ноября 1877 г. князь Черкасский предлагал объявить населению, что беженцы-болгары, засеявшие осенью такие земли, безразлично, своим ли зерном или зерном из запасов бежавших турок, сохраняли право на жатву, но они обязаны внести поземельный налог. Будущей весной беженцам позволялось засеивать свободные земли бежавшего турецкого населения на тех же условиях, т.е. с уплатой поземельного налога⁹⁹.

Сохранилось много воспоминаний о том, как тяжело приходилось беженцам в чужом краю.

Начало войны застало Петра Иванова (1847–1927), поэта, литератора, революционного деятеля, закончившего белградскую духовную семинарию, в Константинополе, где он работал учителем. Сюда стали прибывать беженцы-турки, которые рассказывали о зверствах болгар, что возбудило мусульманское население столицы Османской империи против болгарского населения города. Иванову с супругой удалось бежать в Белград, откуда он отправился в Тырново. Но оказалось, что двери многих служб в городе были для него закрыты, потому что на службу предпочитали брать тырновцев. В маленькой лавочке, как и учитель и поэт П. Славейков, Иванов стал писать различные прошения, и это занятие очень неплохо вознаграждалось. Как относились жители Тырново к беженцам, становится понятно из замечания Иванова в связи с паникой в городе, когда турки захватили г. Елену (22 ноября 1877 г.). Огромная толпа, нагруженная домашним скарбом, тронулась из Тырново в Систово. «Тогда тырновцы могли понять фракийских беженцев, на которых до этого очень не по-братски поглядывали и принимали»¹⁰⁰, — свидетельствовал Иванов. Елена была вновь занята русскими (2 декабря), и это успокоило население. В январе 1878 г. друзья написали Иванову из Эски-Загры, что необходимо вернуться в родное отечество, потому что здесь требовались «интеллигентные силы». Приехав туда, Иванов не узнал своего города: он лежал в развалинах*. Русские войска уже ушли дальше, в Адрианополь, а возвратившиеся жители самоорганизовались, создав импровизированное управление под названием городского совета. Чтобы прокормить население, они устроили что-то вроде коммуны, в которой вся еда становилась общей и раздавалась каждому по его нуждам. «Действия этого городского совета, а после и окружного совета были достаточно тактичными и не оставили население умирать от голода, как это происходило, когда были за Балканами», — вспоминал П. Иванов.

* А. Илиев свидетельствовал, что все болгарские дома, кроме некоторых на окраинах, сгорели, а турецкие сохранились, но были заняты под комендантуру, телеграф, временную городскую администрацию, а также частными лицами, которые возвратились в город раньше. См.: Освобождение 1878. Спомени. София, 1978. С. 593.

Хотя находились властолюбцы, которые и здесь интриговали, но автор мемуаров не хотел смущать читателя рассказом об этих низких людях и их неблагоприятных поступках¹⁰¹.

А. Илиев (1852–1927), уроженец Эски-Загры, после обучения в Праге и Белграде работал учителем в родном городе. Когда сюда вступил Передовой отряд Гурко, молодой болгарин вошел в городской административный совет. Счастливо спасшись от турок за Балканы, он вполне испытал нелегкую долю беженца. В Тырново все места были заняты, и тырновцы и те счастливицы, которые получили должности в канцелярии, выглядели «аристократами» при сравнении с такими же беженцами, как Илиев. П. Славейков посоветовал товарищу по несчастью, обремененному семьей, поискать работу в разведке и представил его Г.Д. Начовичу, с которым автор мемуаров был знаком еще по Вене. Получив 20 полуимперIALов под расписку, Илиев отправился в Сельви, где собрал достаточно сведений о ситуации в окрестностях Трояна, которые были полны башибузуками. По возвращении в Тырново он нашел место учителя в горнооряховском училище, так как все прежние учителя получили должности в администрации¹⁰².

Асен Кисьов вспоминал, что с приходом зимы наступил голод. Цены в Сельви на продукты питания были очень высокими. Их покупали только те беженцы, кто сумел взять с собой деньги, а большинство голодало. Они не имели теплой одежды, одеял и подстилок, которые заменяла им солома. Жители Сельви сначала давали им пищу, но затем перестали: беженцев было 1000 человек. Как-то собрались болгары из Калофера, Карлово и Сопота и решили захватить городские амбары с хлебом. Комендант города, узнав об этом, издал приказ начать раздавать еду беженцам согласно количеству членов семьи два раза в неделю. Это продолжалось до тех пор, пока амбары не опустели¹⁰³.

Генерал-лейтенант П.П. Карцов, начальник Ловче-Сельвинского отряда, свидетельствовал, что «потрясающие нервы и гнетущие сердце виды представляли семьи болгар, целыми караванами приходившие в Ловчу из-за Балкан или из-за р. Вида». И чем ближе наступала осень, «чем более усиливались непогоды, тем раздражающие душу сцены встречались чаще». На вопрос, куда они идут? — всегда получали один ответ: «Идем туда, где

руссы». «А что могли сделать русы для тысяч подобного люда? Конечно, ни один из нас не проходил, не давши монеты, но надолго ли хватало подобной помощи?»¹⁰⁴ — писал П.П. Карцов.

В воспоминаниях многих русских участников войны, которым случалось проезжать от Тырново к Шипке или спускаться с Шипки в Габрово для отдыха или лечения, обязательно имеются описания увиденного бедствия и страданий исхудалых, босых беженцев, просивших милостыню. У подножия горы располагались артиллерийские парки и полковые кухни. Вольноопределяющийся С. Соболев, в середине августа возвращавшийся после тяжелой болезни в свой 54-й пехотный Минский полк, видел, как «...десятки оборванных ребятишек бегали возле солдатских кухонь, подбирая остатки и объедки, валявшиеся около котлов». Кашевары предлагали болгарам работу, за которую давали еду. «Солдаты обращались с ними весьма покровительственно, хотя и изругает другой, но прибавит: “Это же душа человеческая, христианская, питаться чем ни на есть, а должен!” И делится с ними последним». Беженцы жили здесь же, рядом с кухнями, «в наспех сплетенных шалашах»¹⁰⁵.

Поручик 14-й артиллерийской бригады К.К. Шульце, находившийся на шипкинской позиции в течение всех пяти месяцев, свидетельствовал, что генерал-лейтенант Ф.Ф. Радецкий (1820–1890), командир VIII армейского корпуса, увидев, как трудно офицерам добывать лично для себя продукты, 7 сентября отдал приказ о выдаче им (а также священникам и чиновникам) из казны ежедневно по фунту мяса и по два фунта сухарей. «Этим довольствием, между прочим, многие офицеры делились с несчастными беженцами, какие стали умирать от голода и холода». «Весьма не сердобольные габровские болгары отнеслись довольно равнодушно к своим сородичам и предоставили им право располагаться, как угодно, на высотах вокруг Габрово и возить на осликах или носить на спине в город за несколько галанов (копеек) связки дров и хвороста». Русский офицер подчеркивал, что мизерной платой за такой труд жить было нельзя, «и бедняки буквально пухли от голода, а смертность между ними могла угрожать санитарному состоянию войска». Комендант Габрово «приказал без всякой церемонии принять беженцев в городские

дома и обязал кормить невольных гостей». Тех же, кто не нашел приюта в Габрово, отправили в Дряново, что «спасло много жизней и предотвратило общее бедствие»¹⁰⁶.

Многие офицеры высказывались весьма нелицеприятно в адрес и соотечественников забалканских беженцев, и русского командования. Так, ехавший в начале сентября из Плевны на Шипку живописец В.В. Верещагин утверждал, что беженцы «не встретили ни у своих болгар, ни у нашего начальства никакой организованной помощи и призора»¹⁰⁷. Поручик Шульце писал, что «ходили слухи о каком-то Славянском обществе, на попечении которого должны были быть эти несчастные, но здесь это общество себя не проявило»¹⁰⁸. Понятно, что русские офицеры не знали о работе приютов для детей и стариков. К тому же прекратились массовые раздачи хлеба, став адресными, т.е. его получали наиболее обездоленные беженцы. С наступлением осени и зимы, когда даже у состоятельных забалканских болгар стали подходить к концу деньги, контингент голодавших увеличился, но позиция администрации Цанкова была твердой.

О печальном положении «забалканских жертв-беженцев» беспокоился член Одесского болгарского настоятельства Н.Х. Палаузов. В своем письме к И.С. Аксакову от 22 декабря 1877 г. из Одессы он привел некоторые отрывки из послания некоего своего корреспондента из болгар, состоявшего на службе в русском гражданском управлении. Тот отмечал, что правительство отпустило немалую сумму для помощи беженцам, но «администраторы берегут ее», считая, что благодаря этому те «сделаются дармоедами». Несчастливым детям и женщинам, которые «ходят босые и голые», суждено было терпеть новые бедствия из-за «неправильных взглядов администраторов, которым хорошо живется и [которые] голодным не верят». Неизвестный автор указывал, что «эти администраторы умеют только налагать на людей и целые общества непомерные штрафы, как, например, 500 руб. на деревню и 3 тыс. мерок пшеницы»¹⁰⁹. Однако он не пояснял, за что взят штраф, кем и с какой деревни. Но явно речь идет о действиях тырновской администрации, непопулярных как среди местных жителей, которые считали их жесткими, так и среди беженцев, считавших их недостаточными.

Весьма важно следующее признание Палаузова, которое может пролить свет на восприятие жителями возникшей ситуации. Опираясь на свой опыт и знание болгар, поскольку сам он вышел из их среды, Палаузов утверждал, что большинство болгарского народа, привыкшего к тому, что турки постоянно грабили и обирали его, «в простоте своей думает, что освобождение его именно в том будет заключаться, что он не только ничего не будет платить, но что его управители сами будут материально помогать ему»¹¹⁰.

Приведенные данные и свидетельства современников убедительно доказывают, что не только чорбаджии (богатые торговцы и старшины селений), имевшие власть в некоторых местных советах, виноваты в неисполнении указаний гражданского управления, как писалось в марксистской литературе¹¹¹. Большинство населения Придунайской Болгарии оказалось не готовым к несению трудной гуманитарной миссии по приему у себя пострадавших фракийских сородичей. Нельзя поэтому согласиться с мнением современного болгарского ученого И. Радева, который в своей монографии «История на Велико Търново. XVIII–XIX век» сообщает о «большой и трогательной заботе руководителей города и всего населения о беженцах». Автор пишет о ряде административных постановлений, но указывает только два: упоминаемые выше предписание председателя Тырновского окружного совета В. Берона от 4 октября и «Инструкцию» Д. Цанкова от 12 октября. Однако эти акты являются лишь производными от целого комплекса мер, проводимых русским гражданским управлением в Болгарии, но о том Радев в своем исследовании умалчивает¹¹².

В существующей историографии практически нет работ о той категории болгарских беженцев, которым удалось спастись от преследований и покинуть территорию Османской империи, не занятую русскими войсками, чтобы через австрийские земли пробраться на родину, где уже не было турок. Они прибывали в Триест и обращались в русское консульство за помощью. Русскому консулу А.Б. Гиршу удалось добиться того, что Общество железных дорог «Sudbahn» наполовину снизило цену на билеты для болгарских беженцев. Кроме того, Общество предоставило русскому консулу несколько бесплатных билетов ежемесячно. Однако немногие из болгар могли воспользоваться даже этим де-

шевым железнодорожным транспортом. Большинство не имели никаких средств, не знали языка и оставались «на руках консульства». Софийский митрополит Мелентий, приезжавший в Триест, ходатайствовал за своих соотечественников и сообщил, что много болгарских семейств скрывались в приморских городах Турции, ожидая удобного случая добраться до Триеста. В начале декабря 1877 г. Гирш обратился в Петербургский славянский комитет с просьбой о высылке новой субсидии (прежняя в 1500 руб. была роздана пострадавшим от восстания в Боснии и Герцеговине), а также к Н.К. Гирсу, управляющему Азиатским департаментом МИД и товарищу министра иностранных дел Российской империи, с просьбой «замолвить за несчастных жертв турецкой нетерпимости милостивое слово, не могущее остаться неуслышанным». Просьба консула была принята во внимание, и в Триест по предложению министра внутренних дел А.Е. Тимашева Петербургское славянское общество в декабре выслало на нужды болгарских беженцев 3 тыс. руб.¹¹³. Беженцы появились и в Вене, где обращались в русское посольство за пособием для дальнейшего следования в освобожденную Болгарию. Но сумма в 30 тыс. руб., ассигнованная еще в ноябре 1876 г. на выдачу пособий русским добровольцам и болгарам, возвращавшимся из Сербии на родину, уже иссякла. В докладной записке от 20 декабря 1877 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков предлагал, не испрашивая нового кредита от министерства финансов, обратить на выдачу пособий деньги, оставшиеся в смете МИД на 1877 год, а именно 6146 руб. 96 коп. Александр II поставил свою резолюцию: «Со[гласен]»¹¹⁴.

Князь Черкасский не переставал заботиться о пострадавших в результате войны болгарях даже тогда, когда занемог смертельной болезнью (он умер 19 февраля 1878 г.). Незадолго до кончины, 15 февраля 1878 г., он договорился с начальником полевого штаба генерал-адъютантом А.А. Непокойчицким о бесплатной перевозке по железной дороге от Эноса до Иени-Загры около 800 человек, жителей Иени-Загры и ее окрестностей, пригнанных турками летом 1877 г. в Адрианопольский санджак¹¹⁵.

Как только русские войска перешли через Балканы, за ними следом двинулись массы беженцев, несмотря на зимний холод. Болгары из Эски-Загры знали, что их город разрушен, но они

«настолько пострадались, настолько им опостытело скитание по чужим углам, что родные места, хотя и разоренные, влекли к себе с неимоверной силой», — писал Г. Абаджиев (ок. 1859 — ок. 1940), уроженец Эски-Загры, вступивший добровольцем в VII дружину Болгарского ополчения 18 августа 1877 г. в Тырново. Он тоже отправился на родину, взяв отпуск, чтобы посмотреть, что стало с его домом, а также в надежде узнать о судьбе своих родных¹¹⁶.

А. Кисьов вместе с другими калоферцами поспешил домой через Шипкинский перевал и благополучно добрался до Малко село, оставленного турками со всеми вещами, даже с недопеченным хлебом. А путь через Троянский перевал оказался труднее, и некоторые из болгар замерзли. В Малко село беженцы ни в чем не нуждались, создали свое управление, хотя здесь их настиг тиф, который унес больше жизней, чем в Сельви. Через год и три месяца из Казанлыка пришло предписание покинуть село, куда должны были вернуться их прежние хозяева-турки. Беженцы возвратились в Калофер. Сюда пришли мастера из Македонии, и город отстроился за четыре месяца, но он уже не походил на прежний с красивыми зданиями, улицами, церквями, монастырями и библиотеками. Кисьов привел потери населения Калофера за период войны: в 1877 г. турки убили здесь около 630 человек, во время скитаний и до возвращения в Калофер от разных болезней умерло более 1100 человек. «Только в нашей семье было убитых и умерших шесть человек»¹¹⁷, — приводил печальную статистику Кисьов.

Д.Г. Анучин констатировал, что, несмотря на все усилия русского гражданского управления в Болгарии, подавляющее большинство беженцев бедствовали, и положение их было весьма тяжелым в материальном отношении. «Весь выигрыш от бегства на северную сторону Балкан выражался только отсутствием страха за жизнь»¹¹⁸, — подчеркивал он.

На наш взгляд, важны подсчеты Анучина той суммы, которая пошла на облегчение положения забалканских беженцев: «Принимая во внимание, что правительство тратило в месяц до 35000 руб. золотом, что расходы болгарского земства были не менее той же суммы, что беженцы в большом числе оставались еще на северной стороне Балкан до самого Сан-Стефанского договора и

далее, что пособия в виде уборки хлеба, сенокосов и выдачи доходов с турецких имуществ равнялись, по меньшей мере, 300000 руб., и наконец, что Красный крест и Славянские комитеты израсходовали на эту помощь не менее 50000 руб., можно сказать, что расходы казны и земства на беженцев только деньгами простирались, по крайней мере, до 625000 руб. золотом, то есть достигали до крупной цифры 2500000 франков».

Заслуживают внимания также дальнейший вывод генерал-лейтенанта Анучина и его оценка деятельности русского гражданского управления в Болгарии: «Все вышеприведенные меры с достаточной и несомненной ясностью доказывают, что беженцы, явившиеся на северную сторону Балкан несчастными жертвами войны и варварства турок, были предметом серьезного внимания гражданского управления, и для облегчения их горькой участи сделано было всё, что представлялось возможным в тогдашних чрезвычайных обстоятельствах»¹¹⁹.

Огромный приток беженцев из-за Балкан стал настоящим экзаменом для формировавшейся административной системы Болгарии. Комплекс мер, предложенных Черкасским, вкуче со значительными денежными средствами, выделенными русским командованием и славянскими комитетами для оказания помощи беженцам, был вполне реалистичен в исполнении, чтобы действительно облегчить участь попавших в беду людей. Русские офицеры (четыре человека) и представитель славянских комитетов в Болгарии положили начало претворению в жизнь предписаний Черкасского (организация приютов, расселение семей по турецким усадьбам, раздача хлеба и материальной помощи, предоставление права снимать урожай с турецких полей на льготных условиях и т.п.). Местная администрация тырновского санджака, состоявшая из болгар, была призвана продолжить все указанные мероприятия. Но лучше понимая характер своих соотечественников, администраторы руководствовались в своей деятельности, прежде всего, опасением породить иждивенчество, т.е. дармоедов. Оттого и была скупа рука, подававшая помощь. Местное население (особенно на фоне сострадания русских солдат и офицеров к тяжелому положению беженцев) также не отличалось щедростью и милосердием по отношению к пришельцам из-за Балкан.

Примечания

- ¹ Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. под редакцией генерал-майора Н.Р. Овсяного (далее — СМГУОБ). Вып. 1. СПб.: Типография «Товарищества Художественной Печати», 1903. С. 3–5.
- ² *Анучин Д.Г.* Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина (далее — РС). 1895. Т. 83. № 4. С. 55.
- ³ Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее — ОБ). Т. 2. М.: Наука, 1964. С. 106, 109, 118–119.
- ⁴ Отчет Одесского болгарского настоятельства с 1 апреля 1877 по 1 февраля 1878 г. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. С. 3.
- ⁵ ОБ. Т. 2. С. 95, 96–97, 98, 99, 106–107.
- ⁶ *Овсяный Н.Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // РС. 1909. № 4. С. 373–375.
- ⁷ *Георгиевский Д.* Гражданское управление в Болгарии в 1877–1879 гг. // Наблюдатель. СПб., 1882. № 9. С. 132; ОБ. Т. 2. С. 564.
- ⁸ *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 8. С. 45.
- ⁹ *Овсяный Н.Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // Русская старина. 1909. № 3. С. 44–54; № 4. С. 365–376; № 5. С. 579–586.
- ¹⁰ *Гандев Хр.* Руската помощ за изграждането на Българската държава през 1877–1879 гг. // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: Изд-во на Българската комунистическа партия, 1958. С. 308–350; *Никитин С.А.* Русское гражданское управление в Болгарии (1877–1879 гг.) // Освобождението на България. 1878–1968. София: изд-во на Българската академия на науките, 1970. С. 27–41; *Хевролина В.М.* Россия и воссоздание болгарского государства // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 435–444.
- ¹¹ *Гандев Хр.* Руската помощ... С. 309.
- ¹² См., напр.: *Тодоров Г.Д.* Временното руско управление в България през 1877–1879. София: изд-во на Българската комунистическа партия, 1958. С. 129–131.
- ¹³ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда // Военный сборник (далее — ВС). 1900. Т. 255. № 9. С. 46.
- ¹⁴ *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 4.
- ¹⁵ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 46.
- ¹⁶ Там же. С. 46–47.
- ¹⁷ *Петков Ст.* Как се освободи гр. Ловеч от русите преди 50 години (лични спомени) // Град Ловеч (бележки и спомени) по случай 50 г. от освобождението на града. (1877–1927). Ловеч: Печатница «Светлина» на Ст. Рясков, 1927. С. 13.
- ¹⁸ *Костов Ив.М.* Освобождението на Ловеч и ролята на Иванчо Павлов Касабов (Ахмака) // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. София: печатница П. Глушков, 1934. С. 57–58.
- ¹⁹ *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 20.
- ²⁰ *Вырыпаев Н.* Шесть месяцев на Шипке (посвящается защитникам Шипки). СПб.: ред. журн. «Чтение для солдат», 1884. С. 21.
- ²¹ *Чичагов М.* Передовой отряд. (Воспоминания о походе) // ВС. 1878. Т. 122. № 8. С. 352.

- 22 *Сварковский*. Боевая хроника 36-го пехотного Орловского полка за 1877–1878 г. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). Вып. 10. СПб.: Военная типография, 1902. С. 55.
- 23 *Киснемский Г.П.* Шипкинский перевал // Артиллерийский журнал (далее — АЖ). 1880. № 2. С. 178.
- 24 *Поликарпов И.С.* О действиях полевой артиллерии на Шипке с 5 июля по 15 августа 1877 г. // АЖ. 1879. № 6. С. 701.
- 25 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. бывшего командира 1-й бригады Болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1881. С. 151.
- 26 Генерал-лейтенант Кренке начальнику штаба армии, 27 июля 1877 г., № 17, проход Шипка // СМ. Вып. 24. СПб.: Тип. «Бережливость», 1900. С. 296.
- 27 *Кренке В.Д.* Шипка в 1877 г. (Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В.Д. Кренке) // Исторический вестник. 1883. Т. XI. № 1. С. 114–115.
- 28 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 13.
- 29 *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1893. Кн. 10. С. 634.
- 30 СМ. Вып. 26. СПб.: Тип. «Бережливость», 1899. С. 188.
- 31 *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка. С. 646–647.
- 32 *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрово. Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. // ВЕ. 1878. Т. 5. Кн. 10. С. 524.
- 33 *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка. С. 634.
- 34 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 22.
- 35 ОБ. Т. 2. С. 195–196, 197.
- 36 Отчет Одесского болгарского настоятельства... С. 8, 22; ОБ. Т. 2. С. 623.
- 37 СМГУОБ. Вып. 1. С. 68.
- 38 *Овсяный Н.Г.* Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. Вып. 1. Заведывавший гражданскими делами при главнокомандовавшем действующей армии д.с.с. князь В.А. Черкасский. СПб.: Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1906. С. 316–317.
- 39 ОБ. Т. 2. С. 195–196, 197.
- 40 Там же. С. 225–226.
- 41 *Овсяный Н.Г.* Русское управление в Болгарии... Вып. 1. С. 317–318.
- 42 Там же. С. 319.
- 43 ОБ. Т. 2. С. 260.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 260–261.
- 47 Там же. С. 261.
- 48 *Овсяный Н.Г.* Русское управление в Болгарии... Вып. 1. С. 318.
- 49 Там же. С. 56.
- 50 Освобождението 1878. Спомени. София: Български писател, 1978. С. 479–480.
- 51 Там же. С. 495, 498.
- 52 ОБ. Т. 2. С. 228.
- 53 Там же. С. 236.

⁵⁴ Там же. С. 280.

⁵⁵ Там же. С. 256.

⁵⁶ Там же. С. 262.

⁵⁷ *Генчева Ц.П.* Из дейността на Временното руско гражданско управление (1877–1878 г.) в старата българска столица Търново // Висше военно общовоисково училище «Васил Левски». Научни трудове. Кн. 54. В. Търново, 1997. С. 59.

⁵⁸ ОБ. Т. 2. С. 410.

⁵⁹ *Георгиевский А.С., Мицов З.В.* Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М.: Медицина, 1978. С. 109–110.

⁶⁰ Отчет Одесского болгарского настоятельства... С. 5.

⁶¹ СМГУОБ. Вып. 1. С. 68.

⁶² *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 75.

⁶³ ОБ. Т. 2. С. 262.

⁶⁴ Там же. С. 373.

⁶⁵ ОБ. Т. 3. М.: Наука, 1967. С. 293–294.

⁶⁶ Там же. С. 294.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ОБ. Т. 2. С. 262–263.

⁶⁹ Там же. С. 275.

⁷⁰ Там же. С. 276.

⁷¹ Там же. С. 262.

⁷² *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 75–76.

⁷³ ОБ. Т. 2. С. 262.

⁷⁴ *Ганчев Д.* Спомени. В. Търново: Слово, 2005. С. 73–74.

⁷⁵ Там же. С. 74.

⁷⁶ СМГУОБ. Вып. 1. С. 70.

⁷⁷ Там же. С. 71–72.

⁷⁸ ОБ. Т. 2. С. 293.

⁷⁹ СМГУОБ. Вып. 1. С. 69–71.

⁸⁰ ОБ. Т. 2. С. 319–320.

⁸¹ Там же. С. 292.

⁸² Там же. С. 295.

⁸³ Освобождението 1878. Спомени. С. 591.

⁸⁴ ОБ. Т. 2. С. 295–297.

⁸⁵ *Радев И.* История на Велико Търново XVIII–XIX век. В. Търново: Слово, 2000. С. 680.

⁸⁶ ОБ. Т. 2. С. 293–294.

⁸⁷ Там же. С. 335–336.

⁸⁸ *Ганчев Д.* Спомени. С. 73.

⁸⁹ Освобождението 1878. Спомени. С. 725–726.

⁹⁰ *Ганчев Д.* Спомени. С. 69.

⁹¹ Освобождението 1878. Спомени. С. 496.

- 92 ОБ. Т. 2. С. 324.
- 93 Там же. С. 257.
- 94 Там же. С. 270.
- 95 Там же. С. 298.
- 96 Там же. С. 309–310.
- 97 Там же. С. 322–323.
- 98 Там же. С. 310.
- 99 Там же. С. 320–321.
- 100 Освобождението 1878. Спомени. С. 648–649.
- 101 Там же. С. 652–653.
- 102 Там же. С. 590–593.
- 103 Там же. С. 500.
- 104 *Карцов П.П.* Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. 5. СПб., 1879. С. 342.
- 105 *Соболев С.* Русско-турецкая война в Болгарии 1877–1878. Из рассказов вольноопределяющегося // РС. 1887. Т. 55. № 7. С. 194–195.
- 106 *Шульце К.К.* Радецкий на Шипке. (Из дневника войны 1877–1878 гг.) // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 80.
- 107 *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М.: Изд. Т-ва И. Сытина, 1902. С. 131.
- 108 *Шульце К.К.* Радецкий на Шипке. С. 80.
- 109 ОБ. Т. 2. С. 391.
- 110 Там же.
- 111 *Тодоров Г.Д.* Временното руско управление... С. 129.
- 112 *Радев И.* История на Велико Търново XVIII–XIX век. С. 679–680.
- 113 ОБ. Т. 2. С. 462–463.
- 114 Там же. С. 385–386.
- 115 Там же. С. 539.
- 116 Освобождението 1878. Спомени. С. 674.
- 117 Там же. С. 504–505. Данные, приведенные А. Кисьовым, практически не отличаются от свидетельств Г. Димитрова: в Калофере убитых — 618 человек, от болезни умерли более 1000 чел. См.: *Димитров Г.* Страданията на българите и освобождението на България през 1877–1878 год. 2-е изд. Стара Загора, 2007. С. 244–245.
- 118 *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 75.
- 119 Там же. С. 78.

К вопросу о роли «русского фактора» в развитии сербской государственности (1878–1903 гг.)

Проблеме становления и развития Сербского независимого государства в последней четверти XIX — начале XX вв. уделено значительное внимание в историографии. Сербские ученые, как в XX веке, так и в начале нынешнего, детально изучили различные вопросы и аспекты данной темы¹. Национальная сербская историография по проблеме оказывает неоценимую помощь российским специалистам в их исследованиях. Однако есть аспект, который может быть изучен лишь с привлечением многочисленных документов из российских архивов, — это роль «русского фактора» в развитии сербской государственности. Все серьезные ученые считали и считают эту роль весьма существенной. Еще Сл. Йованович, это «золотое перо» сербской историографии, как называли его современники, писал: «Россия и Австрия были такими же факторами нашей политической жизни, как и ... политические партии»². При этом «русский фактор» в истории независимой Сербии он оценивал негативно, и ни о каком положительном влиянии России на развитие сербской государственности рассматриваемого периода в его трудах нет и речи. Следует констатировать, что эти и подобные им утверждения (о вмешательстве России во внутренние дела Сербии, о диктате и т.д.) после Сл. Йовановича высказывались и продолжают высказываться в трудах сербских историков, как правило, без ссылок на источники.

Обширный документальный материал, выявленный в отечественных архивах в последние десятилетия, новые научные публикации позволяют убедительно, на наш взгляд, аргументировать иную позицию и дают возможность показать несостоятельность и голословность обвинений в адрес России и российской дипломатии.

80-е—начало 90-х годов XIX в. — важный период в развитии сербской государственности, когда во взаимодействии многих факторов рождалась новая Сербия. Провозглашение в 1878 г. государственного суверенитета страны поставило на повестку дня вопросы о переустройстве всех общественных отношений и утверждении новых гражданских и политических структур, а также о способе включения традиционного сербского общества в европейскую модель социально-экономического и политического развития. Отношения с другими государствами, в первую очередь, с Россией и Австро-Венгрией, являлись важнейшей составляющей данного процесса.

Позиция Петербурга по отношению к независимой Сербии вписывалась в общее русло балканской политики Империи, ориентированной на укрепление влияния в регионе путем поддержки молодых независимых государств. Эта политика, разумеется, учитывала собственные российские государственные интересы, в том числе отдаленные геополитические задачи.

После Берлинского конгресса 1878 г. Сербия начала переходить в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии. Рост проавстрийской ориентации сербской правящей элиты являлся одной из главных особенностей развития независимого Сербского государства.

Причины утраты влияния России в Сербии носили комплексный характер. Наряду с субъективными (стремление князя Милана Обреновича заручиться поддержкой Габсбургской монархии при проведении им внутренней и внешней политики), существовали и объективные причины. К ним, прежде всего, относились крайне слабые экономические позиции России на Балканах, реакционный характер самодержавия, накладывавшийся и на сферу внешней политики, что настраивало против царизма прогрессивные круги балканского населения, и, наконец, усиление влияния иностранного капитала, захватывавшего командные позиции в экономике региона. При слабом развитии внутренних рынков сельскохозяйственных продуктов чрезвычайно важное для балканских государств значение приобретали рынки внешние. При

этом они испытывали нужду в промышленных товарах и капиталовложениях в развивающуюся национальную промышленность. Австро-Венгрия являлась главным торговым партнером всех балканских стран, исключая Грецию. Это и определило, в значительной мере, их внешнеполитическую ориентацию, в том числе и Сербии³. «Расчет Петербурга на “благодарность” освобожденных народов, — справедливо отмечает отечественный исследователь М.Ю. Золотухин, — строился на песке. В политике конца XIX века соображения морального плана не играли решающей роли. Для сохранения взаимности нужны были другие связи, прежде всего экономические. Относительная отсталость России не позволяла ей конкурировать на Балканах с более развитыми странами Запада. Сильные позиции здесь австро-венгерского капитала обеспечили преобладание австрийского влияния в Сербии...»⁴.

Вместе с тем Петербург не собирался полностью сдавать Вене свои позиции в Сербии, используя для этого различные «мирные» средства и опираясь на традиционные русофильские симпатии широких масс сербского народа.

Основополагающим для политики России в сербском вопросе в рассматриваемый период являлся тезис, содержащийся во вступительной части доклада Азиатского департамента МИД за 1881 год: «...Мы не можем безразлично смотреть, как этот (сербский. — С.Д.) народ, который нам обязан своим существованием и своей независимостью, становится сателлитом Австрии»⁵.

Такова была заявленная позиция. Но каким образом в сложившихся после Берлинского конгресса условиях выполнять поставленную задачу? И здесь, безусловно, главную роль должны были сыграть находившиеся в Сербии русские дипломатические представители во главе с министром-резидентом (позднее — посланником) Александром Ивановичем Персиани (1842–1896), прослужившим на этом нелегком посту почти 17 лет, начиная с 1877 г.

Прекрасно образованный, хорошо знавший Сербию, ее правителей и народ, особенности исторического развития Сербского государства, опытный дипломат, Персиани, следуя инструкциям из Петербурга, а иногда и несколько отклоняясь от их буквального выполнения, прилагал немало усилий, чтобы в непростой

и быстро изменяющейся ситуации в независимой Сербии способствовать поддержанию российско-сербских отношений на должном уровне, расширению, насколько это было возможно, российско-сербских связей, чем заслужил уважение в различных слоях сербского общества. Так, секретарь Й. Ристича Б. Петрович в своих воспоминаниях о главе тогдашнего сербского правительства назвал Персиани «искренним другом Сербии и корректным русским дипломатом»⁶.

Небезынтересно и другое высказывание о Персиани, принадлежащее русскому ученому-слависту П.А. Кулаковскому (1848–1913), в 1878–1882 гг. профессору русского языка и литературы белградской Великой школы. 31 мая 1879 г. он писал И.С. Аксакову в Москву: «Что касается наших дипломатов в Сербии, то они хороши. Персиани — горячий поклонник русского влияния на славян, поклонник славянской идеи, всем, что касается Сербии, очень интересуется. Конечно, он всё-таки чиновник петербургский, но благородство и прямота ставят, по моему мнению, его выше многих лиц подобного сорта. Всякая неудача политическая России его страшно бесит. Всё, что касается Сербии, что улучшает или путает отношения России к Сербии, его глубоко интересует. Он готов на всякую инициативу добрую»⁷.

Уже в первые годы существования Сербского независимого государства стало ясно, что в экономическом плане соперничать с Австро-Венгрией у России не получится. Это наглядно показала неудача в деле участия в строительстве сербской железной дороги — предложения российских компаний были отвергнуты. Торговля между двумя странами была незначительна. Оставалась политическая сфера. И здесь, учитывая реалии, сложившиеся к началу 1880-х годов в независимой Сербии, предстояло выработать новый курс политики в сербском вопросе.

А обстановка, в которой приходилось действовать российским дипломатическим представителям, была крайне сложной, о чем они постоянно писали в своих донесениях в МИД. В последние два десятилетия наши сербские коллеги издали немало мемуаров видных сербских государственных и политических деятелей 80–90-х годов XIX в.⁸, в которых ярко, убедительно и всесторонне передана атмосфера политической жизни Княже-

ства (с 1882 г. — Королевства) тех лет. Анализ этой мемуарной литературы позволяет сделать вывод о том, что Сербия после Берлинского конгресса — это не спокойная страна, вставшая на путь созидания и государственного строительства, а бурлящий котёл политических страстей, амбиций, активного сопротивления сербов чуждому новому, той «модернизации» и вхождению в Европу, которые ускоренными темпами стремились проводить король Милан Обренович и лидеры Напредняцкой партии.

Возникшие в начале 1880-х годов сербские политические партии — Напредняцкая («прогрессивная»), Радикальная и Либеральная — вместо политики амортизации общественных отношений и компромисса, вели беспощадную борьбу с теми, кто не разделял их позиций. Об этом свидетельствуют современники событий — как сербы, так и русские. Вот несколько примеров. Никола Крстич зафиксировал в своем дневнике: «...у нас политические партии... готовы перегрызть друг другу горло»⁹. Видный либерал Владимир Йованович свидетельствовал: «Бывало, что так называемая партийная борьба превращалась в самую дикую войну, во время которой не выбирались средства, лишь бы дорваться до власти и удержаться подле нее»¹⁰. «Потомки с трудом поверят, сколь сильно были накалены партийные страсти в наше время», — писал известный ученый и общественный деятель Милан Миличевич. А Владан Джорджевич, сербский премьер-министр в 1897–1900 гг., зафиксировал в своих мемуарах следующее: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она и есть хранилище сербского патриотизма»¹¹. А вот слова русского «свидетеля» этого партийного противостояния — П.А. Кулаковского, который писал в Москву И.С. Аксакову 3 марта 1882 г.: «Меня больно поражало всегда в Сербии то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»¹².

И в этих условиях приходилось действовать российским дипломатам. Нестабильность общественно-политической жизни Сербии, не в меньшей степени, чем австрофильский курс короля Милана, вызывала серьезное беспокойство МИД России. В усло-

виях обострения отношений с Болгарией в период после ее освобождения Петербург был заинтересован в сохранении относительного спокойствия в сопредельной стране и регионе в целом. Именно поэтому особое внимание в деятельности российских дипломатических представителей обращалось на «замирение» противостоящих друг другу лидеров политических партий и «утишение» партийных страстей — уже с конца 1870-х годов и особенно в преддверии конституционной реформы 1888 г. «Мы не упускали случая внушить вожакам... партий [в Сербии], что ... им надо воздерживаться, насколько возможно, от смут, могущих привести к внешним осложнениям»¹³, — отмечалось в Отчете российского дипломатического ведомства за 1888 год.

И эта позиция российской дипломатии, сохранившаяся и в 1890-е годы, представляется очень важной для политического развития независимой Сербии. Ее значение подтверждают многочисленные опубликованные и неопубликованные документы.

На протяжении всего обозначенного периода руководителям внешней политики Империи приходилось учитывать все факторы политической жизни Сербии, такие как король, партии, отдельные влиятельные деятели, настроения широких народных масс.

Александр III и его окружение не доверяли князю (королю) Милану Обреновичу, справедливо видя в нем главного «творца» и «вдохновителя» проавстрийского внешнеполитического курса, опору гегемонии Габсбургской монархии в Сербии.

Судя по пометам Александра III на донесениях А.И. Персиани из Белграда и другим источникам, действия сербского монарха, пошедшего против «державы-покровительницы» и собственного народа, настроенного антиавстрийски, вызывали в Петербурге неизменное порицание. Вместе с тем это была, по словам Милана, лишь «платоническая оппозиция»¹⁴, в чем наглядно проявлялся прагматизм политики России в отношении Сербии. Руководители внешней политики Российской империи не верили в искренность намерений Милана, делавшего в начале бурных для Сербии 1880-х годов (возникновение политических партий, борьба за конституционную реформу, деятельность оппозиции в скупшине, Тимокское восстание 1883 г.) попытки нормализовать ухудшавшиеся двусторонние отношения, особенно

после отставки и изгнания из страны в 1881 г. известного русофила митрополита сербского Михаила.

В связи с поражением Сербии в войне с Болгарией в 1885 г., когда страна переживала тяжелый внутривосточный кризис, а король Милан намеревался даже отречься от престола и поручить королеве Наталье возглавить регентство при их малолетнем сыне Александре, в Петербурге, судя по секретной дипломатической переписке, серьезно рассматривался вопрос о смене династии в Сербии.

Следует признать, что в этот период российская политика в сербском вопросе заметно активизировалась. Проанализировав сложившуюся обстановку и те последствия, которые, по мнению официального Петербурга, могло иметь отречение Милана от престола, министр иностранных дел России Н.К. Гирс направил в Белград указания, содержавшие как объяснение позиции его ведомства, так и программу действий в отношении Сербии на ближайшее время. Руководители российской дипломатии констатировали, что Россия, как и прежде, не может безучастно относиться к происходящему в Сербии. «Если ввиду уже несколько лет продолжающегося между сербским королем и народом разлада, — отмечалось в инструкциях Персиани, — мы и предпочитали до сих пор воздерживаться от прямого вмешательства в их взаимные отношения, то при этом мы руководствовались исключительно нежеланием обострять эти отношения и ускорять кризис, который мог бы повлечь неблагоприятные для Сербии последствия. Ввиду последних осложнений, мы считаем своевременным выйти из этого положения и употребить все зависящие от нас усилия с тем, чтобы, насколько возможно, обеспечить Сербию от грозящих ей опасностей». Весьма примечательным, на наш взгляд, является следующее положение инструкции Гирса: «Предшествовавший и несогласный с доброжелательными советами нашими образ действий короля Милана не может внушить нам ни малейшего к нему доверия. Ввиду этого Вам (Персиани. — С. Д.) ни в коем случае не следует принимать участия в усилиях других держав... примирить короля с народом»¹⁵ (подчеркивание мое. — С. Д.).

Приведенный документ представляется исключительно важным с точки зрения российско-сербских отношений рассматри-

ваемого периода. Впервые в дипломатической переписке глава внешнеполитического ведомства детально изложил позицию официального Петербурга в отношении короля Милана, учитывая изменившуюся обстановку. «Подвижка» руководителей российской дипломатии по этому вопросу не вызывает сомнений. Примечательно уже то, что он подробно анализируется, а Персиани получает детальные инструкции. Главным же является то, что если раньше, несмотря на негативное отношение к Милану Александра III и его окружения, он, тем не менее, признавался «единственно возможным правителем Сербии», то теперь официальный Петербург был уже не против его «ухода», легитимного, разумеется. Более того, в вышеприведенном документе как вполне реальная рассматривается возможность смены династии в Сербии: «В случае неизбежности отречения короля Милана, — наставлял Гирс Персиани, — австро-венгерское правительство решится, по всей вероятности, поддерживать права его сына под регентством королевы Натальи. Но, с другой стороны, весьма вероятно, что, вследствие внушенной королем Миланом к себе ненависти, часть сербского народа выскажется в пользу князя Петра Карагеоргиевича, который успел приобрести в Сербии известную популярность благодаря преимущественно родственному союзу с семейством князя Николая черногорского*. Мы не видим достаточных причин, — продолжал министр, — заранее высказываться в пользу которого-либо из двух означенных претендентов, и нам казалось бы, что нравственная поддержка наша должна быть обеспечена за тем из них, на стороне которого окажется большинство сербского народа и вступление которого на престол сопряжено с наименьшими потрясениями и волнениями»¹⁶.

Вопрос о смене династии в этот критический момент сербской истории стоял вполне определенно. В высших дипломатических сферах России данная возможность рассматривалась всесторонне. Персиани было предписано подробно изложить свои соображения «о замещении верховной власти в случае отречения Милана», что он и сделал в донесениях в МИД от 28 ноября (10 декабря) 1885 г. и 22 декабря 1885 г. (3 января 1886 г.).

* Потомок Карагеоргия князь Петр Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя Николы княжне Зорке (1864–1890).

По мнению российского министра-резидента, в случае отречения Милана возможны три варианта:

«1) Регентство без участия королевы; 2) Регентство, имеющее королеву Наталью во главе и 3) Перемена династии».

Персиани был убежден, что первый вариант был бы самым законным, но он неосуществим, «так как борьба партий дошла до такого ожесточения, что ни одна из них не допустит перехода верховной власти в руки политических соперников, без междоусобной войны».

Второй вариант Персиани считал возможным, но для интересов России в Сербии нежелательным, так как «своенравие и неустойчивость взглядов ее (королевы Натальи. — *С. Д.*) не представляют никаких гарантий для будущего...». «Прочнее других, — рассуждал он, — является кандидатура князя Петра Карагеоргиевича, но восшествие его на сербский престол сопряжено с затруднениями, которые прежде всего ему создаст Австрия лишь для того, чтобы доказать королю Милану, что она не забывает оказанных им услуг монархии. Поэтому нужно главным образом заручиться уверенностью, что австрийское правительство не воспрепятствует его избранию, прибегая к принудительным мерам, т.е. к военному вмешательству»¹⁷.

Возвращаясь к этому вопросу месяц спустя, Персиани высказался уже более определенно, отметив, что «лишь одна перемена династии могла бы дать нам возможность проводить в Сербии... политику, основанную на общих между Россией и Сербией интересах». Идею регентства, в том числе и во главе с королевой Натальей, он считал совершенно не состоятельной. В случае же перехода сербского престола к Петру Карагеоргиевичу Персиани полагал возможным влиять на него через его тестя, черногорского князя Николу.

Примечательно, что на сообщении Персиани, датированном 28 февраля 1886 г., о возможном отъезде из Сербии короля Милана Александр III написал: «Мне кажется, что кроме Карагеоргиевича нет другого кандидата»¹⁸.

В состоянии сильнейшего душевного расстройства в конце января 1886 г. Милан даже пошел на переговоры с Персиани, который уже давно не мог получить аудиенцию во дворце. Во время

встречи король заявил российскому дипломату, что разочаровался в проавстрийской политике и решил «возвратиться под могущественное покровительство России». Но тут же выдвинул свои условия: в случае «перемен», содействие Петербурга Сербии в деле увеличения ее территории, а также сохранение сербского престола за его сыном Александром. Если последнее неприемлемо, Милан желал бы, чтобы Александра «приняли в Россию, составили бы ему положение и обеспечили бы его в материальном отношении»¹⁹. В довольно сдержанном ответе из Петербурга отмечалось, что территориальные изменения не оправдываются обстоятельствами и противоречат международным соглашениям, но юный Александр всегда может рассчитывать на покровительство России²⁰.

Рассуждения о возможной замене на сербском престоле Милана так и остались всего лишь рассуждениями на страницах дипломатических документов, а Персиани неоднократно получал указания с Певческого моста быть осторожным и осмотрительным и не забывать о «миролюбивом» курсе России в сербском вопросе. Вместе с тем в высших сферах Петербурга не скрывали радости, когда секретной телеграммой от 21 февраля 1889 г. российский посланник уведомил МИД об отречении Милана. На телеграмме Александр III начертал: «Слава Богу»²¹. Персиани оценивал акт отречения как «победу русской политики в Сербии»²², как начало «новой эры» в истории межгосударственных отношений России и Сербии, ибо «бескровным путем», не вступая в открытый конфликт с Австро-Венгрией, был удален ее главный оплот. То, что с удалением Милана влияние Габсбургской монархии в Сербии пойдет на убыль, не вызывало сомнений.

Однако, как показали дальнейшие события, радость была преждевременной и по существу напрасной. Отрекшись от престола на 35-м году жизни и выехав из страны, Милан не собирался уходить из политики. В мае 1890 г. он вернулся в Сербию, внося свою лепту в очередной (из многих) политический кризис и дестабилизацию внутривнутриполитической жизни Сербского государства.

Александр III был возмущен этим и поэтому благосклонно отнесся к просьбе сербского правительства, которое в феврале 1891 г. возглавил глава Радикальной партии Никола Пашич,

ссудить 2 млн франков («под гарантию королевских имуществ, приносящих доход в 72 тыс. франков ежегодно»²³), ибо именно за эту сумму экс-король согласился отречься от всех прав члена правящей династии и выехать из Сербии. Правда, вначале император колебался (его слова: «Он, получивши эти 2 млн франков, надует и нас, и Сербию»)²⁴. Но затем всё же согласился. Сделка была оформлена через Волжско-Камский коммерческий банк и сохранялась в секрете. Милан обязывался выплачивать деньги по этой ссуде и окончательно отрекся от всяких попыток вернуться к управлению страной и вообще приехать в Сербию²⁵.

В этот период в МИД России возникла идея о принятии Милана в русское подданство — он сам высказал это желание в разговоре с Персиани. На Певческом мосту полагали, что таким образом можно было бы найти надежный способ закрыть ему путь в Сербию. Однако Александр III резко выступил против подобных планов, написав на документе под названием «Докладная записка о возможности принятия Милана Обреновича в русское подданство» (от 8 апреля 1891 г.): «Я бы очень желал отделаться от этой личности и вовсе не принимать его в подданство. Слишком много хлопот, неприятностей и осложнений»²⁶. Позднее, в феврале 1892 г., Милан сделал еще одну попытку стать подданным царя-мироотворца — с этой просьбой он обратился к послу России во Франции барону А.П. Моренгейму²⁷, но вновь безрезультатно.

Итак, получив огромные деньги, Милан покинул страну. Однако их ему хватило ненадолго, ибо «король-пройдоха», как его называли на модных европейских курортах, швырял франки направо и налево в многочисленных казино и на ипподромах. Предчувствие не обмануло Александра III — нарушив все договоренности, Милан 9 (21) января 1894 г. вернулся в Сербию и вскоре фактически стал соправителем своего сына.

Возмущению императора не было предела. 15 января 1894 г. товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф записал в своем дневнике: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия, и всё же очень важно не слишком нажимать

на него, чтобы не создать себе еще одного противника на Балканах, отбросив Александра в объятия Австрии»²⁸. А 25 января 1894 г. В.Н. Ламздорф сделал следующую запись, имея в виду настроения при дворе в связи с сербским вопросом: «Государь озабочен положением в Сербии и относится с резким неодобрением к молодому королю Александру. Он даже сказал: “Уж лучше бы Карагеоргиевичей вместо этих Обреновичей”»²⁹.

Особенностью российско-сербских отношений в 80–90-е годы XIX в. являлось то, что правящие круги России в своей политике в Сербии опирались не на законного монарха, вследствие крайне негативного отношения к его личности, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация.

Напредняки («прогрессисты»), связанные торговыми и промышленными интересами с Веной, взявшие курс на «модернизацию» и «европеизацию» страны, в которых, по выражению Персиани, Габсбурги нашли «послушный инструмент своей политики»³⁰, не вызывали доверия в Петербурге, вплоть до середины 1890-х годов. Либералы во главе с Й. Ристичем в рассматриваемый период не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Вместе с тем «умеренность и постепенность» Ристича в ведении государственных дел, его мудрость и огромный опыт государственного и политического деятеля делали его в глазах Петербурга одной из главных фигур сербской политики, не считаться с которой было нельзя.

Что же касается Радикальной партии, то здесь мы имеем дело с типичным примером «подвижки», под влиянием политических реалий, в отношении официальной России к так называемой «революционной» партии. Открытые в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что вначале оно было настроенным и даже негативным. Опасения вызывали якобы «нигилистическое» прошлое ее вождей — последователей Светозара Марковича, а также «революционный» дух их программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности их партии, антиавстрийская и антимилановская направленность которой импонирова-

ла российским правящим кругам. Постепенно, но достаточно быстро, так как уже в начале 1880-х годов Александр III, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиани, довольно благожелательно высказывался о радикалах и был явно настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что «оппозиция хотя и в меньшинстве в скупщине, но ведет энергичную борьбу с министерством», «отказалась подписаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец», российский император начертал: «Утешительно»³¹. А на секретной телеграмме, посланной Персиани из Белграда в МИД 3 (15) июня 1882 г. с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путем внеочередных выборов изменить состав скупщины, в нее постоянно избиралось «всё возрастающее число оппозиционеров», стоит одобрительная помета императора: «Прекрасно»³².

Именно А.И. Персиани, на наш взгляд, принадлежала главная заслуга в том, что официальный Петербург довольно быстро изменил свое отношение к Радикальной партии, которую в России стали также называть партией «сербских патриотов». В мае 1883 г. Персиани писал о «глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией в Сербии (еще одно название Радикальной партии, встречающееся в дипломатической переписке. — *С. Д.*) и европейскими революционными кружками»³³. Осенью этого же года дипломат с уверенностью заявлял: «Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада»³⁴.

Ценным свидетельством является также характеристика радикалов еще одним очевидцем событий сербской истории начала 1880-х годов — уже упоминавшимся российским ученым-славистом П.А. Кулаковским. О Радикальной партии он писал следующее: «Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желания, программа ее в сущности очень умеренна, требует коренных реформ в стране и указывает правильный путь внешней политике Сербии...»³⁵. К письму И.С. Аксакову в Москву от 14 января 1881 г. Кулаковский приложил программу Радикальной партии. «Из нее Вы увидите, —

писал он, — что в сущности это своеобразные либералы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты. Эта партия здесь довольно крепка теперь, и кто знает, не захватит ли в руки власть вскоре»³⁶.

Говоря о сербских радикалах, Кулаковский неоднократно подчеркивал, что они являются сторонниками укрепления дружественных отношений с Россией. Так, в письме к тому же Аксакову от 21–27 мая 1882 г. он утверждал, что радикалы «представляют здоровый элемент народности и из всех сил проповедают о спасении сербской народности от Австрии»³⁷. В одной из своих корреспонденций из Белграда в «Московских ведомостях» он, сообщая о работе сербской скупщины, не обошел вниманием радикалов, подчеркнув, что «названием радикальной партии... не должно смущаться, ибо ряды этой партии теперь постоянно пополняются просто патриотами, сербскими националистами. Между радикалами много священников и притом самых даровитых, самых видных...»³⁸.

После подавления Тимоцкого восстания 1883 г., когда под влиянием репрессий и гонений со стороны режима в Радикальной партии усиливается умеренное течение, выражавшее готовность к компромиссу с другими партиями в целях достижения власти, радикалы (их теперь называют «сербскими патриотами») начинают признаваться той силой, на которую Россия, в своем противостоянии с Австро-Венгрией, может опереться внутри самой Сербии и с помощью которой могут быть восстановлены дружественные российско-сербские отношения.

В Петербурге «сочувственно» относились к планам радикальных лидеров по ограничению личного режима короля Милана и проведению конституционной реформы, но неизменно сдерживали их стремление совершить в Сербии государственный переворот, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим «коллизиям».

Позиция российских официальных кругов прекрасно прослеживается в дипломатических документах. Так, в ноябре 1887 г. министр иностранных дел России Н.К. Гирс писал: «... О сербской радикальной партии мы судим в принципе на основании программы... Руководствуясь программой этой, мы далеки от

мысли приравнивать радикалов к русским нигилистам или западным ультралибералам, так как из означенной программы исключены все насильственные и незаконные действия... Напротив того, программа эта заслуживает внимания в том отношении, что она обеспечивает церковные каноны от всяких нарушений и требует сохранения традиционных отношений Сербии к России. Мы не можем отказать в сочувствии этим пунктам программы, и предубеждения наши относительно радикалов обуславливались исключительно доходившими до нас... слухами, что они намерены были... совершить насильственный переворот в Сербии». И в заключение Н.К. Гирс резюмировал позицию российской дипломатии: «Так как... радикальная партия умножается и будущность принадлежит ей, то нам казалось бы полезным не отталкивать ее от себя и даже поддержать доверие к России в тех ее членах, которые остаются верными своей первоначальной программе. При этом... в сношениях с сербскими радикалами следует соблюдать известную осторожность, дабы не дать правительству сколько-нибудь благовидного предлога упрекнуть нас в поощрении замыслов более беспокойных членов той же партии»³⁹.

Разумеется, Александр III и его окружение понимали, что радикалы выступают против короля Милана, чья австрофильская политика привела Сербию на грань экономической и финансовой катастрофы, к ухудшению российско-сербских отношений. С другой стороны, развитие событий в сторону насильственного свержения Милана было чревато серьезными международными осложнениями, которых так старательно избегала Россия по главе с царем-миротворцем уже почти десятилетие. И именно с этой позиции «внутренний переворот в Сербии» по-прежнему признавался «нежелательным». Вместе с тем, весной 1888 г., судя по дипломатическим документам, произошла некоторая «подвижка» в политике России. Так, в депеше А.И. Персиани от 11 марта 1888 г. выразалось беспокойство в связи с «неподлежащим никакому сомнению замыслом Милана» — покончить с радикалами. В этих условиях признавалось неразумным «советовать сербским патриотам подчиняться произволу короля, который довел страну до ее настоящего плачевного состояния и может подготовить ей еще худшую участь». В том случае, если переворот «назреет»,

согласно заявлению Н.К. Гирса, Россия будет вынуждена оказать содействие «вождям сербской партии», однако лишь в рамках «собственных интересов», ибо «Россия как великая держава имеет свое призвание и... не может дать себя отвлечь от своего пути совершающимися в государствах Балканского полуострова событиями, когда ее собственные интересы обязывают ее твердо держаться намеченной ею национальной политики»⁴⁰.

Впоследствии радикалы пользовались благосклонностью и поддержкой Петербурга, особенно в период их правления (1889–1892 гг.). Их деятельность на законодательном и экономическом поприще встретила полное одобрение, а радикальный режим был признан «удобным». Радикалам оказывалась всяческая помощь, а лидер партии Н. Пашич был весьма популярной и авторитетной личностью даже при императорском дворе. В свою очередь лидеры радикалов, стремившиеся в борьбе против Милана опереться на Россию, в своих контактах с представителями российской дипломатии старались подчеркнуть не свой «радикализм», а принадлежность к сербскому национальному течению, выступавшему против австрийской гегемонии, и стремление к проведению конструктивных реформ.

Следует отметить еще следующий момент. Лидеры всех трех сербских партий по традиции старались в своей деятельности заручиться поддержкой России, воспользоваться рекомендациями ее дипломатических представителей. Отношения с Россией являлись существенной частью внешнеполитических установок сербских партий. Для Петербурга, несомненно, это был важный канал влияния.

Определяющими принципами России в ее сербской политике на протяжении всего рассматриваемого периода были невмешательство во внутренние дела Сербии, поддержка стабильности и «государственного порядка». Но на каждом этапе они, эти принципы, могли привести к успеху на разных путях в силу того, что ситуация в Королевстве быстро менялась. Поэтому России приходилось опираться на различные политические силы в этой стране. Так, с середины 1890-х годов развитие сербской государственности характеризовалось усилением позиций напредняков. В этот период лидеры напредняцкой партии отошли от

австрофильского курса и стали проводить политику, нацеленную на освобождение от «опеки» Габсбургской монархии и восстановление дружественных отношений с Россией. Во внутренней политике их усилия были направлены на укрепление государства и принятие новой конституции. Поэтому в Петербурге сочли возможным поддерживать в этих условиях не только радикалов, но и сербских «прогрессистов».

В результате проведенного исследования общий вывод представляется следующим:

Несмотря на изменение после 1878 г. внешнеполитической ориентации сербских правителей и охлаждение в отношениях двух стран, Россия, заинтересованная в поступательном развитии независимой Сербии и укреплении ее суверенитета, в отдельные периоды играла в этом процессе значительную роль. Следует при этом подчеркнуть, что Россия «отошла» не от Сербии и ее народа, а от белградского режима, ориентировавшегося на Вену и пренебрегавшего национальными интересами страны. В Петербурге справедливо полагали, что режим — дело преходящее.

В рассматриваемый период политика России в отношении Сербии была достаточно осторожной. И хотя король Милан Обренович видел практически во всем происходящем в стране «руку России», это не соответствовало действительности. «Платоническая оппозиция» Петербурга проявлялась не только в отношении самого сербского монарха, но также сторонников его личного режима и их деяний. Вмешательства России в «сербские дела» как такового не было. Образно говоря, она дала возможность Сербии «вариться в собственном соку», что было весьма благоприятным обстоятельством для развития ее государственности. Вместе с тем, позиция, занятая Петербургом в связи с действиями сербского монарха, была важна для оппозиционных сил в борьбе против режима Обреновичей.

Следует признать, что правящая элита Российской империи в своей политике в Сербии не использовала всех возможностей для укрепления и развития межгосударственных отношений. В конце XIX в. уже было недостаточно «племенного и религиозного родства», которому традиционно придавалось большое значение. Весьма слабы были экономические связи, несмотря на

то, что предложения от предпринимателей, желавших получить правительственную поддержку, поступали; недостаточно широки были и общественные контакты, которым следовало бы придать больший размах, обеспечив им государственную помощь.

Примечания

- ¹ *Стојчић С.* Уставни развитак Србије 1869–1888. Лесковац, 1980; *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Т. II; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1989; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990; Два века савремене уставности. Београд, 1990; *Љушић Р.* Србија 19. века. Изабрани радова. Београд, 1994; *Суботић Д.* Прилози за националну историју државе и права у 19. и 20. веку (до 1941. године). Књ. I. Београд, 1996; Нова историја српског народа (Уред. Д. Батаковић). Београд, 2000; *Крстић П.* Кнез и краљ Милан у мемоаристици // Историјски часопис. Књ. LIV. Београд, 2007; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007 и др.
- ² *Јовановић Сл.* Влада Александра Обреновића. Књ. III. Београд, 1936. С. 388.
- ³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 231.
- ⁴ Там же. С. 257–258.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчеты. 1881 г. Л. 25–25 об.
- ⁶ Јован Ристић. Биографске и мемоарске белешке од Бранка Петровића. Београд, 1912. С. 89.
- ⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 14. Д. 190. Л. 10.
- ⁸ *Јовановић Вл.* Успомене / Приред. В. Крстић. Београд, 1988; *Драшковић П.* Моји мемоари / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1990; *Тодоровић П.* Дневник / Приред. Л. Перовић. Београд, 1990; *Тодоровић П.* Огледало. Знаке из прошлости / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997; *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997; *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III, IV / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007; *Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломата / Прев. и приред. С. Марковић. Београд, 2008; *Пирочанац М.* Белешке / Приред. С. Рајић. Београд, 2009; *Михајловић П.* Дневници / Приред. Ј. Миловановић. Београд, 2010; Мемоари Т. Стефановића Виловског (1881–1920) / Приред. В. Крстић. Нови Сад, 2010; *Стојановић К.* Слом и васкрс Србије / Приред. С. Турлаков. Београд, 2012.
- ⁹ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 267.
- ¹⁰ *Јовановић Вл.* Успомене. С. 484.
- ¹¹ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС. 1878–1921 гг. М., 2016. С. 182, 202.
- ¹² Цит. по: Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 158.
- ¹³ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1888 г. Л. 13 об.

- 14 20 декабря 1882 г. Персиани отправил в Петербург донесение, в котором сообщил о своем разговоре с королем Миланом в связи с обострением политической борьбы в Сербии, который выразил российскому дипломату недовольство за поддержку сербских либералов. «Я счел долгом, — писал Персиани в МИД, — просить короля разъяснить, к кому именно относится этот упрек, ко мне лично, или к политике императорского правительства. “Нет, — ответил мне король, — ни на Вас, ни на Ваше правительство я не могу жаловаться. Русская политика поддерживает оппозицию, но не действует против меня, это, так сказать, платоническая оппозиция (подчеркивание мое. — С.Д.)”». (АВПРИ. Ф. Политархив (далее — ПА). 1882 г. Д. 419. Л. 198–198 об.). Недовольство короля вызвал резкий тон российской печати, обвинявшей его в том, что он «сделался рабом австрийского правительства..., им подкуплен и т.п.» (Подробнее об этом см.: *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 48–53, 59–61.
- 15 АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1885. Д. 76. Л. 67 об.–68 (Инструкции Н.К. Гирса А.И. Персиани датированы 20 ноября 1885 г.).
- 16 Там же. Л. 68–69.
- 17 АВПРИ. Ф. ПА. 1885 г. Д. 431. Л. 323 об.–325 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 28 ноября 1885 г.).
- 18 Там же. Д. 434. Л. 62, 72.
- 19 Там же. Л. 24–27 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 2 февраля 1886 г.).
- 20 Там же. Л. 57–59 об.
- 21 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 98. Л. 32.
- 22 АВПРИ. Ф. ПА. 1889 г. Д. 443. Л. 22 об.–23 (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 1 марта 1889 г.).
- 23 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1891 г. Д. 11. Л. 18 (Секретная телеграмма А.И. Персиани в МИД 25 февраля 1891 г.).
- 24 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892 гг. М.–Л., 1934. С. 62.
- 25 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1894 г. Д. 12. Л. 8–9.
- 26 АВПРИ. Ф. ПА. 1891 г. Д. 450. Л. 91–98 об.
- 27 См.: *Шемякин А.Л.* Милан Обренович — архитектор сербской перестройки? Полемические размышления // *Историки-слависты МГУ. Книга 7.* Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова. М., Изд-во МГУ, 2008. С. 195.
- 28 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896 гг. М., 1991. С. 23.
- 29 Там же. С. 31.
- 30 АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г. Д. 419. Л. 137 об.
- 31 Там же. 1882 г. Д. 420. Л. 2.
- 32 Там же. Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 10. Л. 37.
- 33 Там же. Ф. ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 71.
- 34 Там же. Л. 134.
- 35 Московские ведомости. 6 ноября 1881 г.
- 36 Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 572. Д. 44. Л. 14.
- 37 ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 2 об.
- 38 Московские ведомости. 10 июня 1882 г.
- 39 АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1887 г. Д. 78. Л. 40 об.–41 об. (Н.К. Гирс — А.И. Персиани 30 ноября 1887 г.).
- 40 АВПРИ. Ф. ПА. 1888 г. Д. 439. Л. 62–63.

Борьба Сербии за экономическую независимость в конце XIX — начале XX вв.

Развитие государственности связано не только с созданием современных политических институтов и формированием нации, но также с экономическим развитием. После Берлинского конгресса 1878 г. независимая Сербия встала на путь самостоятельности. Ее экономика и торговля, до этого встроены в общую экономическую систему Османской империи, начали развиваться как отдельная, независимая система. Ключевые отрасли сербской экономики, сформировавшиеся еще в период османского господства, а также установленные в этот период торговые связи, стали основой экономики будущего самостоятельного государства.

Долгое время продажа продуктов сельскохозяйственного производства оставалась для Сербии основным источником дохода. После получения независимости в 1878 г. молодое и ослабленное войной (1876–1878 гг.) Сербское государство, ущерб которого составлял 240 млн золотых дин¹, не имело ни сил, ни возможностей найти новых торговых партнеров и установить новые торговые связи, и поэтому поддерживало уже существующие экономические отношения с соседней Австро-Венгрией. Экономическая зависимость от монархии Габсбургов обуславливалась географическим положением Сербии, которая, вследствие решений, принятых на Берлинском конгрессе, «с трех сторон оказалась окруженной ее (Австро-Венгрии. — *Е. К.*) владениями»². Не имея своего выхода к морю и развитой транспортной системы, Сербия долгое время также была вынуждена довольствоваться австрийским торговым посредничеством между ней и остальной Европой. Кроме того, важную роль играла проавстрийская ориентация сербского князя Милана Обреновича и напредняцкого* правительства.

* Напредняки — Сербская прогрессивная партия.

Через три года после Берлинского конгресса, Австро-Венгрия и независимая Сербия закрепили свои экономические отношения документально — 6 июня 1881 г. был подписан сербо-австрийский торговый договор, предоставлявший таможенные льготы сербскому сельскохозяйственному экспорту в монархию Габсбургов и открывавший сербский рынок для товаров австро-венгерской легкой индустрии³. Австро-Венгрия не считала приемлемым пойти на какие-либо существенные уступки Сербии, поэтому торговый договор 1881 г. имел ряд пунктов, ограничивающих экономическую свободу Княжества. В частности, ввоз австро-венгерских товаров в Сербию не был лимитирован, в то время как свою границу Империя могла закрыть в любое время, если считала это необходимым. В соответствии с договором Сербия также теряла право на ряд монополий, к примеру, на бумагу, сахар и уголь. Более того, сербско-австрийское соглашение лишало Сербию привилегии устанавливать для какой-либо третьей страны более льготные (по сравнению с Австро-Венгрией) таможенные тарифы⁴.

Заключением торгового договора Сербия более чем на 10 лет связала себя невыгодными обязательствами с Австро-Венгрией. Установившиеся экономические отношения Сербии с Австро-Венгрией были особенно выгодными для последней. Конец XIX в. характеризовался спадом в европейской экономике (или «великой депрессией»), который выражался в увеличении предложения на рынке и снижении цен на продукцию, в том числе промышленную. В таких условиях «некоторые европейские государства постарались найти и защитить новые рынки и источники сырья для своей растущей промышленности»⁵. Двудеиная монархия, которая также страдала от экономической «депрессии», нашла спасение в соседнем государстве, которое на долгое время стало для нее основным источником сырья, а также рынком, на котором можно было сбывать свою промышленную продукцию.

К концу XIX в. позиции Австро-Венгрии в Европе значительно ослабли, в регионе появился новый лидер — Германская империя, активно участвовавшая в балканских делах, которые Вена традиционно считала зоной своих интересов. По мнению югославского историка Милорада Экмечича, к началу Первой

мировой войны «Австрия уже зависела от немецкого капитала и немецкой политики» и по своему экономическому потенциалу не вписывалась в круг великих держав⁶, а скорее имела статус региональной державы. В сложившейся ситуации в Вене понимали, какую важную роль играют торговые отношения с соседней Сербией. Как писал в 1880 г. австрийский ученый-экономист Александр Пэц, Австро-Венгрия, заблокированная в силу своего географического положения «на севере Россией», а на «западе Францией и Англией», имела единственный и «естественный путь на восток»⁷, то есть в Сербию. Последняя, в свою очередь, могла реализовать свою продукцию и обеспечивала Двуетдиную монархию кожей, шерстью, сливами, а также свиньями. По подсчетам А. Пэца, «в иные годы экспорт Сербии в Австро-Венгрию составлял до 670 тысяч голов» стоимостью в «7 миллионов гульденов». Монархия же сбывала в Сербии продукты промышленного производства, а именно: «сахар приблизительно 37 тыс. метрических центнеров*», муку приблизительно 36 тыс. метрических центнеров, железо и сталь весом около 13 тыс. метрических центнеров». Австро-венгерский экспорт в Сербию приносил ей до 12 млн гульденов в год⁸.

В период с 1899 по 1905 г. сербский экспорт в Австро-Венгрию оценивался в 396 млн франков, и более половины экспортируемой сербской продукции было предназначено для перепродажи в другие европейские страны, особенно в Германию и Бельгию⁹.

Подобная замкнутость на австрийском рынке сбыта делала Сербию и ее экономику уязвимой, так как Австро-Венгрия часто использовала экономический рычаг для политического давления на Сербию. Ситуация часто усугублялась тем, что в двуединой монархии существовали собственные проблемы. По мнению американского ученого сербского происхождения Димитрие Джорджевича, «Австрии было выгодно сохранение балканских рынков, в то время как венгерские сельскохозяйственные интересы шли вразрез с сохранением балканского конкурента»¹⁰. Вена часто была вынуждена идти на уступки венгерским экономическим кругам.

* Так в тексте.

Помимо проблем внутри государства, существовали еще и внешние причины постоянного «вливания» Австро-Венгрии. Габсбургская монархия активно занималась перепродажей сербской сельскохозяйственной продукции в Германию. В конце 1880-х годов Центральная Европа пострадала от ящура и массового падежа скота, что привело к ужесточению таможенной политики. Так, в 1890 г. Германия закрыла границу для австрийского скота, что вынудило Австро-Венгрию пойти на такие же меры в отношении Сербии¹¹.

Начиная с 1882 г. закрытия венгерской границы случались регулярно: «в 1882 г. границу закрыли на неделю, в 1883 г. почти на две недели, в 1884 г. — на два месяца, несколько раз в 1890 г., на семь месяцев в 1894 г. плюс на 10 месяцев подряд в 1895 г., на шесть месяцев в 1896 г. и на разные периоды в 1898, 1901 и 1902 гг.»¹².

Сербия предпринимала попытки найти альтернативные рынки сбыта, на которых она могла бы реализовать свою сельскохозяйственную продукцию. Когда в 1895 г. стало ясно, что запрет на ввоз сербских свиней в Венгрию затягивается, свиноторговцы предложили вывозить свиней в Европу морем через Марсель (Франция). Торговля через французский порт длилась недолго, с сентября 1895 по март 1896 гг., и была менее выгодной из-за того, что за долгое плавание «свиньи теряли и в весе, и в цене»¹³. Более того, Сербия, не имевшая собственных портов, была вынуждена нести все транспортные издержки, включая транспортировку свиней до ближайшего порта, а также портовые сборы.

Предпринимались и другие попытки освободиться от австро-венгерского пути торговли. Весной 1904 г. Сербия и Болгария заключили таможенный договор, по которому оба государства получали возможность свободно торговать между собой, а также проводить общую таможенную политику в отношении других стран. Однако договор долго не просуществовал, так как, принимая его условия, Сербия нарушала свои обязательства по торговому договору 1881 г. с Австро-Венгрией. По требованию последней договор с Болгарией был расторгнут¹⁴.

Неудачные попытки экспортировать свою продукцию по каким-либо другим каналам, минуя нестабильную венгерскую границу, снова заставили Сербию вернуться к традиционной

торговле свиньями с Австро-Венгрией, которая с переменным успехом продолжалась вплоть до начала XX в.

Сторонникам сербской экономической независимости приходилось действовать осторожно, постепенно освобождая сербскую экономику от австро-венгерского засилья. Первые шаги на пути к экономической свободе были сделаны еще при короле Александре Обреновиче. Главными её приверженцами выступали сербские радикалы, считавшие развитие собственного производства и промышленности ключом к самостоятельности¹⁵. В 90-е годы XIX в., снова оказавшись у власти, радикалы предприняли ряд попыток, которые были призваны способствовать расширению сербской экономической самостоятельности. Засилье австрийских промышленных товаров заставило радикалов всерьез задуматься над возрождением ремесленного производства, и 27 марта 1892 г. был принят закон о ремесленных школах¹⁶.

В конце XIX в. Сербия оставалась «исключительно сельскохозяйственной страной», что являлось существенным недостатком, так как, по точной оценке турецкого историка Дениза Кылынчоглу, «в конце XIX в. индустриализация считалась неотъемлемым аспектом в процессе становления цивилизованной нации»¹⁷. Говоря о промышленности в Сербии, следует отметить, что города, в которых имелось, к примеру, текстильное производство, ориентировались на удовлетворение местных потребностей, а объемы производства не позволяли торговать продукцией на международном уровне. Высокие расходы на транспортировку товара также мешали развитию торговли, так как производителям было выгоднее продавать свои изделия на близлежащих рынках¹⁸.

За неимением развитой промышленности, Сербия была вынуждена торговать так называемым «сырьем» (живые свиньи также относились к «сырью»), которое, во-первых, было дешевле, а, во-вторых, могло быть с успехом перепродано, что и происходило с четвертью сербского скота, закупаемого Австро-Венгрией¹⁹.

Французский исследователь М. Паларе связывает столь скромные результаты в развитии промышленного производства на Балканах с неумением государств привлекать иностранные частные инвестиции, которые являются основой успешного развития промышленности²⁰.

С нахождением у власти радикалов в 90-е годы XIX в. связано возвращение Сербскому государству ряда монополий, в том числе на соль, табак и железные дороги, что позволило ежегодно пополнять сербскую казну на 9 млн дин.

Несмотря на усилия Сербии, об экономической независимости говорить было рано. Сербия всё еще продолжала торговать скотом с Австро-Венгрией на невыгодных условиях, а во главе государства находилась проавстрийская династия. Более того, 83% сербского экспорта в Европу, как и раньше, шло через территорию Габсбургской монархии, а импорт австро-венгерских товаров, несмотря на все усилия радикалов, в сравнении с импортом 1881–1893 гг., составлявшим 60%, в период с 1894 по 1905 гг., даже вырос, на 6%²¹.

Ситуация начала меняться только после 1903 г., когда на престол взошла династия Карагеоргиевичей, а правительство составили радикалы. Одной из приоритетных задач стало развитие торговых отношений с другими, помимо Австро-Венгрии, государствами. В первую очередь важно было наладить отношения с соседями. Так, уже 22 сентября (5 октября) 1903 г. сербский посланник в Константинополе Дж. Симич сообщал в министерство иностранных дел в Белграде о том, что в связи с истечением срока торгового договора между Сербией и Османской империей 1 октября того же года он отправил Высокой Порте ноту о продлении договора еще на один месяц²². Несколько днями позднее, 26 сентября (9 октября), министерство финансов Сербии сообщало в министерство иностранных дел о том, что Порта дала формальное обещание сербскому посланнику продлить истекающий договор на тот срок, который будет нужен для подготовки и принятия новой конвенции. Также отмечалось, что в связи с тем, что в сербской Скупщине уже начали обсуждение нового договора, было бы нелишним напомнить Порте о данном ею обещании, чтобы впоследствии не вышло приостановки в торговых отношениях двух государств²³. После того, как Государственный совет Сербии в лице его председателя С. Груича, рассмотрел проект договора, он направил его в министерство иностранных дел 30 сентября (13 октября) 1903 г. Новый договор охватывал тарифы пошлин на 47 позиций (среди них рыба, табак,

бобовые, мебель, кожи, шерсть, специи, сладости и т.д.), на многие из которых налагался сниженный тариф, что было выгодно Турции. В проекте подробно указывались все единицы товара и предполагаемые пошлины, с изменениями и дополнениями Государственного совета. Однако в целом, «несмотря на недостатки», Совет считал, что закон о конвенции и в таком виде следовало принять, так как, по мнению Совета, с Турцией трудно будет заключить новый договор в условиях, когда истек старый²⁴. Кроме того отмечалось, что его следовало заключить в кратчайшие сроки, «дабы обезопасить и защитить свою экспортную торговлю», так как приближался момент заключения нового договора с Австро-Венгрией²⁵. Уже 25 октября (7 ноября) 1903 г. в посольство Сербии в Константинополе из министерства иностранных дел, возглавляемого А. Николичем, был послан проект договора, подписанный королем Петром. Вместе с тем, посланник Сербии в Константинополе Дж. Симич уполномочивался внести требуемые поправки перед ратификацией конвенции совместно с уполномоченным лицом от султана. Также подчеркивалось, что 1 ноября истек срок уже продленного на месяц договора, из-за чего следовало ускорить процесс ратификации соглашения обеими сторонами²⁶. Процесс затянулся, и 12 (25) марта 1905 г. министр финансов С. Протич сообщал главе правительства Н. Пашичу о том, что он все еще не был ратифицирован, а торговые отношения двух стран регулировались «временной конвенцией» от 31 июля 1899 г. Кроме того, новый договор, который был одобрен в 1903 г., имел силу только до 1 января 1904 г. и предусматривал продление только на год, что, по словам Протича, могло нанести ущерб сербской экономике. Также из-за неопределенности в торговых отношениях с Турцией для Сербии усложнялся процесс заключения договора с Австро-Венгрией. Если бы между Белградом и Константинополем был заключен долгосрочный договор, который бы обеспечил сербским товарам безопасный экспорт, а также транзит, Сербия была бы в более благоприятном положении и могла бы требовать себе более выгодные условия в новом соглашении с Веной. Таким образом, Протич отмечал, что Сербия, будучи уверенной в своих экономических отношениях с Турцией, могла бы попытаться заключить еще и договор

с Болгарией. В этой связи министр финансов просил Пашича подействовать на Порту, чтобы она согласилась начать новые переговоры для заключения договора с более длительным периодом действия. Со своей стороны он обязался в кратчайшие сроки подготовить делегацию. С такой же просьбой Протич обратился к сербскому посланнику в Константинополе²⁷.

Новая политическая ситуация в Сербии способствовала налаживанию отношений с соседями и в то же время привела к ухудшению отношений с Австро-Венгрией. 2 (15) ноября 1903 г. новый посланник Сербии в Габсбургской монархии М. Вуич сообщал в министерство иностранных дел в Белграде о своей беседе с министром иностранных дел графом Агенором Голуховским, состоявшейся накануне. Вуич и Голуховский обсуждали, в частности, вопрос о торговых отношениях. Сербский дипломат отметил, что у Сербии и Австро-Венгрии существуют «взаимные торговые интересы», а именно защита от неблагоприятной для них аграрной политики Германии, угрожающей ввозу сербских и австрийских товаров. В этой связи Вуич выразил надежду на то, что при заключении новых торговых договоров между Веней и Белградом Сербии будут сделаны все уступки и предоставлены все льготы, которые будут доступны после урегулирования торговых отношений между Австро-Венгрией и Германией²⁸. В целом можно сказать, что в Вене были обеспокоены переменами в Сербии. Так, 6 (19) января 1905 г. сербский посланник Вуич писал главе правительства Н. Пашичу о другом разговоре с графом Голуховским, состоявшемся на дипломатическом приеме. Министр выражал обеспокоенность тем, что в Белграде «ведется какая-то закулисная игра», целью которой является исключение Австро-Венгрии из новых торговых соглашений Сербии. При этом Голуховский отметил, что Монархия всегда по-дружески смотрит на улучшения в Сербии и ждет такого же отношения от нее²⁹.

Как упоминалось выше, Вене часто приходилось проводить жесткую экономическую политику в отношении Белграда из-за венгерского фактора. Так, 1 (14) февраля 1905 г. сербский посланник в Вене М. Вуич сообщал Н. Пашичу о заседании аграриев, на котором венгерские представители договорились просить

у правительства, чтобы ни с Россией, ни с балканскими государствами, в том числе с Сербией, не заключали ветеринарную конвенцию, а также «не предоставляли никаких льгот на границе, особенно на ввоз скота и мяса». Как дипломат сообщал далее, у правительства по этому вопросу была «объективная и сдержанная позиция», хотя министр сельского хозяйства граф Макс Владимир фон Бэк и министр иностранных дел граф Голуховский считались сторонниками и защитниками венгерских аграриев³⁰. Спустя почти месяц, 5 (18) марта, Вуич сообщал из Вены последние новости, касающиеся вышеупомянутого прошения венгерских аграриев, а именно то, что в своем первоначальном виде оно было отклонено. Был принят вариант, по которому предлагалось следующее: с Сербией (и только с ней) можно заключить ветеринарную конвенцию, однако при этом у нее не будет льгот на границе. По мнению сербского дипломата, предложения венгерских аграриев были невыгодны для Австро-Венгрии³¹. Таким образом, Вена всячески старалась удержаться на позициях лидера в сербской внешней торговле.

Решения Австро-Венгрии обуславливались не только внутренними факторами, но и внешними. Как отмечалось ранее, часть сербских товаров Австро-Венгрия перепродавала другим европейским государствам, в частности, Германии. Изменения в торговых отношениях между ними отражались и на торговых отношениях между Веной и Белградом. В то же самое время для Сербии открывалась перспектива торгового сотрудничества с Германией напрямую. 1 (14) февраля 1905 г. у М. Вуича состоялся разговор с германским послом в Вене Карлом фон Веделем, в ходе которого сербскому дипломату стало очевидно, что «немецкая сторона рассчитывает с успехом потеснить более слабую австро-венгерскую промышленность на Балканах, равно как и французское финансовое превосходство» в регионе³².

В конце февраля 1905 г. перед Сербией встала необходимость заключения нового торгового договора с Германией. Как сообщалось сербскому министру внутренних дел С. Протичу 16 февраля (1 марта) 1905 г., «имперское правительство определило 1 марта 1906 г. в качестве срока вступления в силу новых германских таможенных тарифов и новых договоров, заключенных с учетом

этих тарифов»³³. Следовательно, торговый договор с Сербией, заключенный 16 (29) ноября 1904 г., станет недействительным 1 марта 1906 г.³⁴. Заключение нового договора считалось в Белграде чрезвычайно важным, так как уже 27 февраля (12 марта) сербский министр финансов Л. Пачу отправился в Берлин для переговоров, а глава правительства Н. Пашич требовал от служащих посольства приложить все усилия, чтобы для этого была созвана «чрезвычайная встреча»³⁵.

Новые тарифы касались не только торговли между Германией и Сербией. 23 февраля (8 марта) 1905 г. министерство финансов Сербии было проинформировано о том, что торговый договор с Австро-Венгрией, заключенный 9 августа 1892 г., продлевался Веной до 1 марта 1906 г. Заместитель министра финансов С. Протич связывал инициативу Монархии продлить договор лишь до 1 марта 1906 г. и по истечении этого срока заключить новый, с вышеупомянутым решением Берлина вести дела в соответствии с новым торговым договором и новыми тарифами, прописанными в нем, начиная с 1 марта 1906 г.³⁶.

К слову, после завершения срока действия договора между Веной и Белградом в 1906 г., первая приняла решение не продлевать торговый договор с Сербией. Это решение положило начало так называемой «свиной войне» между государствами, которая длилась с 1906 по 1908 гг.³⁷ (по оценке П.А. Искендерова, по 1910 г.³⁸).

В Сербии, однако, в этот период уже активно велась работа по выходу на другие рынки. Усилиями кабинета Н. Пашича удалось наладить торговые отношения с Францией и подписать с ней 12 ноября 1906 г. соглашение, по которому Франция не только обязалась финансировать строительство в Сербии железной дороги и предоставить ей заем в размере 95 млн франков, но также взяла на себя заказ на поставку артиллерии³⁹. Кроме того, Сербия договорилась о поставке производственного оборудования из Германии, тем самым сократив закупки в Австро-Венгрии⁴⁰. Соглашения с румынской судоходной компанией, а также с французской «Compagnie Fraissinet» открыли для Сербии возможность вести торговлю через Дунай, Черное море, а также Салоники⁴¹. Новые договоренности позволили Сербии продавать

свою сельскохозяйственную продукцию (мясо и мясопродукты, чернослив, джемы и т.д.) в Европу, минуя австро-венгерскую территорию. Сербии удалось открыть для себя новые рынки, и к концу декабря 1906 г. она смогла продать до 1500 голов скота в Италию и Египет. Все это позволило избежать снижения экспорта, а также способствовало тому, что в 1904–1907 гг. сербский экспорт в Германию вырос в 12 раз, в Бельгию — в 56 раз, а в Англию — почти в тысячу⁴². Отметим, что столь резкое увеличение товарооборота с Англией, связано с тем, что сербской тушенкой, к примеру, снабжались британские базы в Египте и на Мальте⁴³.

Меры по расширению торгового партнерства, предпринятые сербской правящей элитой в первое десятилетие XX в., не были напрасными и способствовали выравниванию экономической ситуации в стране. За время «свиной войны», когда Сербия с успехом заключила сразу несколько новых торговых соглашений, ей в значительной степени удалось освободиться от экономической зависимости от Австро-Венгрии, куда она теперь вывозила всего 30% своей экспортной продукции⁴⁴. Кроме того, согласно правительственному финансовому отчету за 1906 г., профицит государственного бюджета составил 3 934 733,38 динара⁴⁵, что лишний раз доказывает эффективность принятых мер.

В период Аннексионного кризиса 1908 г. и в следующий за ним год сербская экономика, которая уже не была ориентирована только на Австро-Венгрию, развивалась достаточно стабильно. Свидетельством этого могут послужить ежегодные отчеты Императорско-королевского австрийского торгового музея, хранящиеся в Австрийской национальной библиотеке в Вене, и содержащие сведения по всем отраслям сербской экономики. По данным отчета, опубликованного в 1910 г., в кризисный 1908 год сербский экспорт в Австро-Венгрию составил лишь 7, 595. 237 дин., в то время как экспорт в Германию — 16, 133. 792 дин. опережали Монархию также Османская империя и Бельгия, торговля с которыми в 1908 г. принесла Сербии 10, 967.194 и 16, 133. 792 дин. соответственно. В первый посткризисный год (1909) экспорт Сербии оценивался в рекордные 92, 981.755 динаров, и из них уже 29, 096. 639 динаров принадлежали экспорту в Австро-Венгрию, что существенно превосходило экспорт в Османскую им-

перию (21, 974. 175 дин.), Германию (15, 594.779 дин.), Бельгию (9, 900. 034 дин.) и Англию (142. 390 франков)⁴⁶. После кризиса Австро-Венгрии удалось вернуть себе лидирующее место в сербской экономике, но наличие других торговых партнеров, готовых покупать сербские сельхозтовары, свидетельствовало о том, что даже в кризисной ситуации (подобной Аннексионному кризису) экономика Сербия не оказалась бы в критическом положении.

Этот же отчет сообщал о некоторой положительной динамике в сербской промышленности. В нем были приведены следующие обнадеживающие цифры, касающиеся открытия ряда новых предприятий в стране в 1909 г.: «1 стекольный завод, 1 цементный, 2 керамических завода, 1 паркетная фабрика, 1 завод по переработке пеньки, 1 кожевенная фабрика, 1 красильная фабрика и 1 типография, а также 1 маслобойный завод»⁴⁷. Однако, несмотря на эти успехи, Сербия все еще оставалась активным потребителем иностранных промышленных товаров, так как не могла удовлетворить потребности населения страны самостоятельно. По оценке австрийских экспертов, в 1909 г. Сербия потратила на европейские промышленные товары (прежде всего на продукты химической, металлургической и машиностроительной промышленности) 73, 535. 086 дин. В том же году Австро-Венгрия перестала быть единственным импортером промышленной продукции в Сербию. Так, к примеру, Германия опережала Монархию в импорте металлов (9, 332. 422 дин. против 2, 780. 836 дин.) и продуктов химической индустрии (1, 086. 171 дин. против 877. 718 дин.)⁴⁸. Подобное положение благоприятствовало тому, чтобы Сербия постепенно избавлялась от австро-венгерских товаров.

Австрийский экономист, социолог и современник событий Отто Нейрат, посетивший Сербию в 1912 г., связывал экономические успехи Королевства, достигнутые в период, предшествовавший Первой Балканской войне, отчасти с хорошими урожаями, а также с торговыми конфликтами с Австро-Венгрией 1906 г., которые, по его мнению, стали катализатором для сербской экономики.

Вместе с тем, несмотря на достигнутые в первое десятилетие XX в. успехи, Сербии все еще не удалось стать полностью

независимой в экономическом плане. Ее транспортная система оставалась слабо развитой, у государства отсутствовал выход к морю и, следовательно, собственный торговый флот.

В целом же, стремление к экономической независимости на рубеже XIX–XX вв. объясняется не попытками Сербии извлечь свой рынок от засилия иностранных товаров, во многих из которых она действительно нуждалась, так как не могла производить их самостоятельно, а желанием продавать свои товары большому числу стран — по более выгодной цене и, что не менее важно, без перебоев. Независимая Сербия не имела других источников дохода, кроме как от продажи сельскохозяйственной продукции, однако имела постоянно растущие государственные расходы, а также долги, которые нужно было выплачивать. Постоянные перебои в поставках в Австро-Венгрию и через нее в другие страны, вызываемые закрытиями границы, наносили ущерб и без того неустойчивой сербской экономике. Кроме того, не зная точно, как скоро будет реализован товар и сколько удастся выручить, правительство и министерство финансов не могли составить бюджет и распределить расходы, из-за чего Сербия прибегала к иностранным займам и снова была вынуждена искать средства для их погашения. Сербии не оставалось иного пути, кроме как искать новые рынки для реализации своих товаров. Осуществлять это сербской правящей элите удавалось с переменным успехом, однако некоторые положительные результаты все же были достигнуты, и к концу первого десятилетия XX в. у Сербии уже появились другие торговые партнеры помимо Австро-Венгрии.

Примечания

- ¹ Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия (1878–1903 гг.). М., 1996. С. 39.
- ² В «пороховом погребе» Европы. 1878–1914. М., 2003. С. 165.
- ³ Там же. С. 166.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/2. Д. 44. Л. 92–93.
- ⁵ Kasaba R. The Ottoman Empire and the world trade: the nineteenth century. State University of New York Press, 1988. P. 107–108.
- ⁶ Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. С. 23.

- ⁷ Peetz A. Das handelspolitische Verhältniss Oesterreich-Ungarns zu Serbien. Wien, 1880. S. 3.
- ⁸ Ibid. S. 4.
- ⁹ Stoianovich T. The “rationalization” of small space-economy: Serbia and the Great powers, 1881–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 180.
- ¹⁰ Đorđević D. Economic emancipation of Serbia and the Great European powers on the eve of World War I. // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 103.
- ¹¹ Паларе М. Балканске привреде око 1800 до 1914 године: еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 359.
- ¹² Stoianovich T. Op. cit. S. 177–178.
- ¹³ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књига прва (1889–1897). Београд, 1929. С. 336.
- ¹⁴ Stoianovich T. Op. cit. S. 178.
- ¹⁵ Шемјакин А.Л. Идеологија Николы Пашича. Формирование и еволуција (1868–1891). М., 1998. С. 34.
- ¹⁶ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књига прва... С. 42–43.
- ¹⁷ Kiliņçođlu D.T. Economics and Capitalism in the Ottoman Empire. New York, 2015. P. 130.
- ¹⁸ Паларе М. Балканске привреде... Београд, 2010. С. 201, 202.
- ¹⁹ Погодин А.Л. История Сербии. СПб., 1910. С. 158.
- ²⁰ Там же. С. 391.
- ²¹ Stoianovich T. Op. cit. S. 177.
- ²² Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. 1. Свеска 1. 29. мај/11. јун. 1903–14./27. Фебруар 1904. Београд, 1991. С. 520.
- ²³ Там же. С. 536.
- ²⁴ Там же. С. 550–557.
- ²⁵ Там же. С. 552.
- ²⁶ Там же. С. 656–657.
- ²⁷ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. 1. Свеска 3/4. 1./14. јануар–31. март/13. април 1905 године. Београд, 2014. С. 464–466.
- ²⁸ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. 1. Свеска 1. Београд, 1991. С. 681–682.
- ²⁹ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. 1. Свеска 3/4. Београд, 2014. С. 142–143.
- ³⁰ Там же. С. 270–271.
- ³¹ Там же. С. 430.
- ³² Там же. С. 271.
- ³³ Там же. С. 352.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 398.
- ³⁶ Там же. С. 400.
- ³⁷ Stoianovich T. Op. cit. S. 178.
- ³⁸ В «пороховом погребу» Европе. С. 379.
- ³⁹ Stoianovich T. Op. cit. S. 178.

- 40 *Glenny M.* The Balkans 1804–1999: Nationalism, War and the Great Powers. London, 1999. P. 281–282.
- 41 *Stoianovich T.* Op. cit. S. 179.
- 42 *Ibid.* S. 179–180.
- 43 Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 38.
- 44 В «пороховом погребе» Европы. С. 380.
- 45 Завршни рачун државног прихода и расхода Краљевине Србије за 1906. год. Београд, 1907. С. 5.
- 46 *Serbien. Wirtschaftliche Verhältnisse 1909.* Wien, Oktober 1910. S. 26–28.
- 47 *Ibid.* S. 18–19.
- 48 *Ibid.* S. 37–38.

Сербская государственность в 1903–1914 гг. Миф об «эре Перикла»

В последней четверти XIX в. мощный внешний импульс Запада, вызванный завершением промышленной революции, национальным объединением Италии и Германии, глубинным образом отразился на цивилизационном развитии «вернувшихся» после 1878 г. в Европу новых балканских государств, прежде всего Сербского княжества, которое после Берлинского конгресса оказалось в роли политического лидера региона, получив определенную пальму первенства в процессе будущего объединения славян Балканского полуострова.

К началу XX в. Сербия представляла собой совершенно патриархальную аграрную страну, где крестьянство составляло около 90% населения. Это было государство, в котором было всего около 500 км железных дорог, а промышленность состояла из 28 предприятий, на которых было занято около 2 тыс. рабочих. К 1912 г. сеть железных дорог Сербии расширилась до 1.304 км, однако основную их часть составляли узкоколейные линии. Не случайно, оценивая развитие политических и экономических процессов на Балканах в XIX — начале XX вв., известный историк и политолог Э. Хобсбаум отметил, что «многие из отвоеванных или освобожденных земель можно было назвать "европейскими" лишь из вежливости»¹. Забегая вперед, заметим, что эти слова известного ученого применимы и к метаморфозам политического развития молодого сербского государства.

Политическая палитра государственной жизни Сербии начала 80–90-х годов XIX в. существенно опережала ее экономический рост, характеризуясь становлением трех основных политических партий страны (Радикальная, Напредняцкая и Либеральная²), провозглашением в 1882 г. князя Милана Обреновича королем и принятием в 1888 г. новой сербской конституции. И именно

напредняки во главе с М. Пирочанцем, которые сменили кабинет либерала Й. Ристича, в октябре 1880 г. возглавили правительство, пытаясь превратить Сербию в государство «централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как бы проводником реформ сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями»³. В то же время важной чертой политического развития Сербии второй половины XIX — начала XX вв. являлось то, что практически все высшие слои чиновничьей и военной элиты были выходцами из сельской среды, обеспечивая своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач государства, сколько весьма важную и устойчивую связь между центром и провинцией, внося в политику свою партикулярную и архаичную мотивацию. Еще в самом начале XX в. русский военный историк Е.И. Мартынов отмечал: «Сербия в полном смысле этого слова демократическая страна. В ней нет ни сословий, ни крупных землевладельцев, ни больших капиталистов. Весь народ состоит, в сущности, из равноправных и зажиточных поселян. Один брат занимает министерский пост или командует дивизией, а другие братья в это время остаются в деревне, обрабатывая свой родовой клочок земли»⁴.

Именно поэтому сербская модель либерализма значительно отличалась от западноевропейского аналога прежде всего тем, что элита, призванная осуществлять идеи «европеизации» на практике и получившая образование в западноевропейских университетах, создавалась искусственно, «сверху», без учета ментальности общества и специфики развития сербских традиционных структур. В условиях отсутствия в Сербии даже зачатков капиталистических отношений, глубинные трансформации управленческого аппарата, в связи с внедрением западноевропейского опыта, были весьма туманны и в результате свелись лишь к праву «образован-

ного человека занимать соответствующие должности в школе, суде, министерстве»⁵. Таким образом, реальная государственная жизнь страны была далека от общепринятых в Европе поведенческих норм и социокультурных стандартов. Результат подобного формирования элиты был закономерен. Историк-славист, профессор С.-Петербургского университета В.И. Ламанский тонко подметил: «Простые умные сербы очень верно выражают эту общественную болезнь Сербии, говоря: “У нас та беда, что каждый серб хочет быть министром, а каждый министр князем”»⁶. На практике это выражалось в бесконечной борьбе партий, а сама скупщина — законный орган страны, по словам П.А. Ровинского, «обратилась в пустой парад, на котором дебютировали министры и их клеветы, а остальные были безгласными свидетелями»⁷. Известный сербский писатель Бронислав Нушич как нельзя лучше охарактеризовал управленческий аппарат Сербии начала XX в.: «Ведь у нас полковники — министры юстиции, философы — министры полиции, таможенные чиновники — министры строительства. Разве тут нужны знания? Нет, для того, чтобы быть министром, достаточно иметь свою программу»⁸. К концу XIX в. такое положение вещей стало столь заметно, что даже верный сторонник короля Милана, известный сербский государственный деятель Владан Джорджевич откровенно отметил: «Средние и высшие учебные заведения поставляли для Сербии сравнительно слишком большое число чиновничьего пролетариата, который, не имея возможности иным путем зарабатывать насущный хлеб, бросился в политическую партизанскую борьбу. И ныне каждая из существующих партий имеет полный состав чиновников, так что, когда эта партия у власти, другие стараются всеми силами низвергнуть ее, ибо подобная политика стала уже вопросом хлеба насущного»⁹. Яркой иллюстрацией этой ситуации была катастрофическая быстрая смена правящих кабинетов в конце XIX — начале XX вв. Так, с февраля 1891 г. правительство возглавил триумфально вернувшийся из эмиграции лидер радикалов Никола Пашич. В 1893 г. было сформировано новое, коалиционное правительство напредняков и радикалов во главе с Л. Докичем — бывшим воспитателем молодого короля Александра. Затем, с января по март 1894 г., кабинет возглавлял Д. Си-

мич, с марта по октябрь — С. Николаевич, с октября 1894 г. по июнь 1895 г. — Н. Христоч, а затем — напредняк С. Новакович¹⁰ (1895–1896 гг.) и тот же Д. Симич (1896–1897 гг.)¹¹. С 1897 по 1900 г. сербским кабинетом министров руководил Вл. Джорджевич. Очередная его смена привела к власти в 1900 г. «свадебное министерство» А. Йовановича¹². Известный российский историк и публицист П.А. Кулаковский весьма показательно заметил: «Власть, переходя из рук в руки, от одной партии к другой, часто теряет характер государственный. Чего держалась или держится одна партия, то для партии правительственной или министерской считается неудобным, и берется, поэтому прямо противоположное. Отсюда — во внутренней жизни государства бесконечные перемены, и целые толпы здоровых и молодых чиновников, получающих пенсии, обирают казну»¹³.

По итогам Берлинского конгресса 1878 г. эвентуальным союзником Сербии могла стать только Австро-Венгрия, тем более, что такое партнерство с двуединой монархией вполне отвечало государственным интересам страны, в связи с надеждами на ее вхождение в мировую систему хозяйства и комплексную модернизацию ее экономической и политической системы, и было средством, с помощью которого, по убеждению правящей элиты, можно было добиться процветания. 24 апреля (6 мая) 1881 г. был подписан торговый договор с Австро-Венгрией, а в июне того же года князь Милан заключил с Веней политическую конвенцию сроком на 10 лет, по которой Сербия отказывалась от своих притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре была подписана и военная конвенция.

По мнению тогдашнего главы сербского кабинета М. Пирочанца, такой курс, обусловленный резким отходом от прорусской ориентации сербских правящих кругов, был вполне оправдан. Россия, несмотря на статус великой державы, по его мнению, никогда не сможет догнать быстро развивающуюся европейскую культуру, что делало перспективы русско-сербского сотрудничества весьма туманными. М. Пирочанец считал, что сербы намного ближе к австрийским славянам, чем к славянам из России. Кроме того, внешнеполитические устремления Петербурга к вытеснению с Балкан Австро-Венгрии являлись, по его мнению, за-

воевательными, а потому не соответствующими сербским интересам¹⁴. Подобное отношение к России, никак не согласующееся с идеей славянофилов о славянском братстве под сильным крылом двуглавого российского орла, проявлялось и позднее, что не ускользнуло от внимательного взгляда российских дипломатов. Посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой заметил в своих мемуарах, что «сербская культура сложилась в значительной степени под воздействием русской литературы и австрийского соседства. Россия была далеко, торговые отношения с ней были слабы. Сербии трудно было избавиться от экономической зависимости от Австрии. Будапешт и Вена были ближайшими европейскими центрами. Туда сербы ездили торговать, там они часто учились. При всей ненависти к швабам сербы перенимали их навыки, иногда даже их наружный облик. У швабов же они нередко перенимали отношение к России как к "варварской стране"»¹⁵. Да и сам торговый договор 1881 г. с Веной, по справедливому замечанию отечественной исследовательницы С.И. Данченко, «отвечал интересам сербских крестьян, вывозивших сельскохозяйственную продукцию на рынки Пешта и Вены, чем и объяснялась поддержка этой непопулярной в глазах оппозиции акции напредняцкого правительства»¹⁶.

Казалось бы, уже первые принятые законы должны были стать основой для быстрой модернизации страны. Сам король Милан, принимая депутатов Скупщины в 1884 г., произнес: «Было время, когда судьбу народа решало только оружие и только от его успеха зависел прогресс народа. Но политические успехи на этом пути поставили нас в положение, когда мы ведем борьбу с регрессом, борьбу с бездельем, борьбу с азиатскими пережитками»¹⁷. В 1881 г. были приняты законы о печати и собраниях; появился еще ряд важных законодательных актов: о судьях, о валюте, о Народном банке. Продолжились, начатые еще в первой половине XIX в., реформы образования. В 1838 г. в Крагуевце, по указу князя Милоша Обреновича, был основан Лицей, в 1841 г. переведенный в новую столицу страны Белград. На его базе в 1863 г. была сформирована Великая школа, в 1905 г. преобразованная в Университет. В 1882 г. появился Закон о начальных школах, согласно которому было введено всеобщее начальное

образование, а за период с 1882 по 1903 гг. в стране было открыто 393 начальных школ¹⁸. Заметим, что в начале XX в., несмотря на такие внешние успехи в организации образования, основная масса сельского населения Сербии была неграмотной, а ученики по окончании школы быстро забывали все полученные знания. Как заметил известный российский исследователь А.Л. Шемякин, «мотивация для получения образования еще не созрела»¹⁹. В то же время Сербия испытывала настоящий газетный бум. К 1912 г. в стране издавалось 20 журналов самого разного толка и 82 газеты с общим тиражом почти 50 млн экземпляров²⁰! В одном только Белграде, численность жителей которого не превышала 80 тыс. человек, выходило 15 ежедневных газет²¹. Однако можно ли говорить в этой связи о формировании в стране европейской политической культуры и общественного мнения, соответствующего европейским стандартам? Едва ли, что сознавали и сами правители страны. В конце 1904 г. К.А. Губастов, бывший в 1897–1901 гг. российским дипломатическим представителем в Черногории и сменивший в марте 1904 г. на посту посланника в Сербии Н.В. Чарыкова, в одном из своих донесений привел разговор с новым сербским королем Петром Карагеоргиевичем: «У нас нет, — сказал с горечью тот, — ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изощряются только в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами. За полуторогодовое пребывание мое в Сербии я убедился, — добавил король, — что от нынешнего поколения ничего нельзя ожидать хорошего»²².

Милан Обренович продолжил также начатую еще в первой половине XIX в. комплексную реорганизацию вооруженных сил страны, сделав г. Ниш военным центром Сербии. В 1883 г. в Княжестве была введена всеобщая воинская повинность, армия перешла на новую организационно-штатную структуру, появились рода войск, а также жандармерия. В 1884 г. в Белграде открылись курсы Генерального штаба; были созданы школы младших командиров. В 1889 г. в столице были основаны пехотное и артиллерийское училища, а в 1896 г. — инженерная школа. В том же 1896 г. был принят закон об устройстве армии, а экс-король Милан, вернувшись в страну, стал ее фактическим главнокомандующим. При нем было создано 20 новых пехотных полков.

В 1898 г. в окрестностях г. Крушевца были проведены первые крупные военные маневры, в которых участвовали две дивизии — Шумадийская и Моравская, общей численностью 30000 человек. Значительно увеличились и расходы на содержание вооруженных сил, составляя в конце XIX в. 31% от общего бюджета страны в 46 млн динаров. За четыре года (1897–1900) до 500 человек увеличилось число офицеров, получивших профессиональное военное образование. Число лиц, получавших военное образование за границей, к концу XIX в. увеличилось. Так, на 1898 год в Австро-Венгрии обучалось 23 человека, в России — 12, в Германии — 3 и столько же во Франции, один человек учился в Бельгии²³. Заслугой Милана можно считать также вооружение армии пулеметами. Кроме того, необходимость комплексного развития вооруженных сил одновременно стала вызовом для начала модернизации сербской экономики. Именно военные заводы были первыми современными предприятиями страны. Важную роль в сербской экономике конца XIX — начала XX вв. играл построенный в 1857 г. по образцу аналогичного предприятия в итальянском Турине, позднее ставшего производить известную марку автомобилей «Фиат», военный завод в г. Крагуевце, который, кроме производства и ремонта вооружений, стал и арсеналом оружия и боеприпасов для сербской армии. Значительную роль в модернизации сербской военной индустрии играли французские военные технологии²⁴.

Однако брошенный властью вызов патриархальному социуму не мог остаться без ответа, а цена, которую Милану и его преемнику Александру Обреновичу пришлось заплатить за эти реформы, оказалась слишком высока. Новый проавстрийский курс политики Милана Обреновича вылился во вполне конкретный внутривластный кризис. Причем, политические столкновения проходили не только на заседаниях скупщины или на страницах печати. Основным противником нового режима стала Радикальная партия во главе с Н. Пашичем, чья концепция прогрессивного развития страны основывалась на возможности альтернативной модернизации, более соответствующей сербским традициям и реалиям. И его шансы победить были высоки, поскольку за ним стояла монолитная, устойчивая контрэлита —

сербское крестьянство, отметим при этом, слабо дифференцированное, имеющее примерно одинаковый экономический статус и объединенное в особую социальную структуру — задругу²⁵. К началу XX в. она из семейной структуры стала превращаться в значительную производственную кооперативную единицу — важную часть экономики страны²⁶. Главное и первое противоречие в жизни Сербии было налицо. Не случайно сам проводник нового экономического курса Милан Обренович и его сын Александр с подозрением относились к таким земледельческим союзам, небезосновательно полагая, что они могут стать очагом распространения радикализма и представлять опасность для правящей династии²⁷.

Печальный финал сербских реформаторов конца XIX — начала XX вв. не кажется нам чем-то неожиданным. Патриархальное состояние сербского общества, глубоко отличное от социально-экономических и политических реалий Европы, ключевым образом влияло на характер и особенности изменений страны в указанный период. В Западной Европе развитие мощных городских центров, распространение густой сети коммуникаций способствовали смещению сословий и созданию новых социальных страт, что, по замечанию политолога М. Кревельда, привело к тому, что «индустриальное общество ослабило или разрушило старые связи, где люди привыкли жить вместе бок о бок, такие как большая семья, кланы, племена, деревни, гильдии и даже относительно небольшие городские сообщества, которые, окруженные своими стенами, существовали на протяжении веков и к тому времени чудовищно разрослись благодаря притоку населения из сельской местности. Этот упадок заставил людей почувствовать себя оторванными от корней, обнаженными, как никогда раньше подверженными воздействию “рыночных сил”, которые, казалось, управляли их жизнью и которые они ни в малейшей степени не могли контролировать»²⁸. В Сербии же процесс реанимации собственной государственности шел в соответствии с традиционными ценностями самоорганизации социума — всё той же задруги, порождая определенные «инверсивные политические конструкции, в которых “старое” иногда декларативно выдавалось за “новое”, “традиционное” — за “современное”»²⁹. Примером

подобного рода может служить дискуссия в скупщине в начале 80-х годов XIX в. между «европеизированными» напредняками и «традиционалистами»-радикалами по поводу строительства, казалось бы, необходимой для развития страны железной дороги Белград-Ниш. Выступая против этого строительства, лидер радикалов утверждал, что «построенная во исполнение чужой воли и на чужие деньги железная дорога угрожала низвести Сербию до положения вечного сырьевого придатка, что со временем могло привести к превращению сербов в народ-пролетарий, находящийся в услужении у богатого Запада, к вырождению их в служащий чуждым целям и не способный к сопротивлению этнографический материал»³⁰.

В свою очередь и собственную власть сербский крестьянин рассматривал как часть собственного «микромира»³¹. Статусность руководителя, который в глазах народа, воспитанного на традициях «крестьянской демократии», был скорее главой семьи, за которым, по справедливому замечанию А.Л. Шемякина, «они признавали лишь первенство, но не превосходство»³², играла здесь не последнюю роль. Такое «семейное» восприятие народом своего монарха являлось естественным выражением отношения традиционного крестьянского общества к власти и собственному государству, когда правитель выдвигался из своей же среды и ею же мифологизировался. Именно поэтому мы не видим на сербском престоле представителей иностранных династий³³. Структурный политический кризис, усугубившийся к тому же династическим вопросом, нарастал как снежный ком. Тимокское восстание 1883 г. и неудачная война с Болгарией 1885 г. завели Милана Обреновича в окончательный тупик, который в январе 1889 г. вынужден был отречься от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра и вскоре покинул страну. В апреле 1893 г. Александр Обренович совершил государственный переворот, досрочно провозгласив себя совершеннолетним, и взял власть в свои руки. Милан вернулся в страну и стал соправителем сына. В апреле 1894 г. специальным королевским указом ему было возвращено сербское подданство и права члена королевского дома.

6 апреля 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, разработанную напредняками еще в 1896 г., которая вводила

двухпалатный парламент: народную скупщину и сенат, что можно рассматривать как последнюю попытку компромисса лидеров основных политических партий Сербии и короля. Однако этот акт не снял внутренней напряженности в стране, иллюстрацией чего может служить раскол внутри Радикальной партии, часть членов которой образовала в мае 1901 г. Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы» или «младорадикалы»), во главе с профессором Л. Стояновичем. Сербский король, в свою очередь, усилил режим личной власти, сформировав в ноябре 1902 г. новое, «нейтральное» правительство генерала Д. Цинцар-Марковича, а в январе 1903 г., в нарушение законодательства, распустил Скупщину с тем, чтобы как можно дольше сохранить у власти правящий кабинет министров.

Российский посланник в Белграде Н.В. Чарыков, анализируя произошедшие события, сделал вполне определенные выводы: «Король отделался от неугодных ему сенаторов и членов Державного (Государственного. — *Я. В.*) совета — в большинстве радикалов, избавился от скупщины — в большинстве радикальной, избавился от судей, судивших не по указаниям администрации, а по закону, избавился от печати, критиковавшей его распоряжения, и, наконец, избавился от избирательного закона, который через тайную подачу голосов давал возможность избирателям не повиноваться правительственным указаниям»³⁴. Прошедшие в середине мая 1903 г. выборы в новую скупщину, от участия в которых демонстративно отказались радикалы, походило на настоящий фарс. Как заметил тот же Н.В. Чарыков, «заранее назначенные, преданные правительству избиратели передали заранее назначенным, преданным правительству комиссиям заранее запечатанные конверты с именами правительственных кандидатов»³⁵. На избирательные участки явилось всего 182583 чел., из которых только 1312 чел. проголосовали против указанных им заранее лиц. Выбранные таким образом 130 депутатов были распределены на три фракции, которым, как заметил российский посланник, «были приданы названия прежних политических партий». Так, 62 депутата представляли либералов, 34 — напредняков, а 24 — радикалов. Н.В. Чарыков при этом иронически отметил, что 10 депутатов новой скупщи-

ны были до такой степени преданы правительству, что «оно само не знает, как их назвать»³⁶.

Итогом «нового» курса стал уничтоживший Обреновичей государственный переворот 29 мая 1903 г. Однако убийство королевской четы, короля Александра и его жены Драги, одновременно стало новым цивилизационным выбором страны. Исходя из политологического тезиса о том, что «идеологии сами по себе явились инновацией, возникшей из новой культурной ситуации, созданной французской революцией»³⁷, значительная часть исследователей считает, что сербская история 1878–1914 гг. представляет собой поступательный процесс становления парламентской системы и основ современного европейского государства. Так, по мнению российского историка Е.П. Кудрявцевой, с 30-х годов XIX в., т.е. после достижения автономии, Сербское княжество «представляло собой такой общественный организм, который имел черты капиталистического строя при сохранении значительных пережитков феодального характера»³⁸. В свою очередь маститый сербский историк Р. Лушич замечает: «И хотя Сербия прошла через ряд тяжелых кризисов — таможенную войну, аннексионный кризис, Балканские и Первую мировую войны, в стране постоянно происходил процесс становления демократии и парламентского государства, прерванный как раз в тот момент, когда достиг наивысшего результата»³⁹. Его коллега О. Попович-Обрадович подчеркивает, что «вся политическая история Сербии 1903–1914 гг. может рассматриваться как история овладения основными политическими предпосылками конституционности»⁴⁰. Подобным же образом оценивает динамику политических процессов и особенно события мая 1903 г. С.И. Данченко, замечая, что ликвидация режима Обреновичей, который стал «серьезным тормозом для внутривнутриполитического и внешнеполитического развития страны», стала главным положительным итогом «для сил демократии и сторонников парламентаризма в Сербии»⁴¹. В свою очередь, известные сербские историки М. Радоевич и Л. Димич особо подчеркнули, что «в ту эпоху демократизации, утверждения демократических принципов люди обретали навыки участия в политической жизни — могли с балконов Скупщины следить за политическими дискуссиями, свободно слушать

лекции тех или иных профессоров университета и высказывать мнения по важным вопросам. Достигнутый таким образом уровень зрелости тоже способствовал подготовке к грядущим испытаниям»⁴².

Действительно, переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры власть была передана демократически избранным государственным структурам⁴³, а сразу же после осуществления переворота с небольшими изменениями была восстановлена конституция 1888 г. Выбранная Народная скупщина состояла из 160 депутатов, из которых 74 были радикальными; Независимая радикальная партия получила 61 место, 19 мест — либералы и только 1 место — напредняки. Либерально настроенные современники оценили свержение Обреновичей как важный шаг по пути превращения Сербии в правовое конституционное государство. Вот, например, что писало российское издание «Новое время»: «Все газеты высказывают надежду, что начинающаяся сегодня эпоха принесет стране благо. “Odjek”(Эхо. — Я. В.) думает, что Сербия будет в будущем действительно правовым государством и станет с достоинством равноправно в ряды семьи цивилизованных европейских государств»⁴⁴. Этот же факт признавали многие известные политики, в том числе и российские. Так, С.Ю. Витте писал: «Должен только сказать, что со времен вступления Петра Карагеоргиевича на престол конституционного государства, к каким принадлежит Сербия, он себя держит в высокой степени корректно-конституционно, так что представляет собою короля, против которого нельзя сделать никакого упрека»⁴⁵.

И на первый взгляд перемена династии действительно может рассматриваться как глобальная перемена основополагающих норм сербского государства, своеобразной «эрой Перикла»*, прерванной трагедией Первой мировой войны⁴⁶. Известный сербский историк Д. Батакович, обосновывая этот тезис, в предисловии к мемуарам сербского генерала П. Драшкича не без гордости

* «Эра Перикла» — период наивысшего внутреннего расцвета древних Афин. Ряд авторов полагает, что подобное выражение применимо к Сербии начала XX в., ставшей к 1914 г. современным правовым государством, полностью соответствующим «европейским стандартам».

отмечал, что всего лишь за сто лет сербское государство прошло путь от Белградского пашалыка до современного европейского государства со стабильной экономикой, оформленным гражданским сословием и демократическими порядками⁴⁷. Не случайно Скупщина, на заседании которой произошло утверждение нового монарха, квалифицировала переворот как революцию, провозгласив заговорщиков «настоящими революционерами, истинными апостолами народной свободы»⁴⁸. Сербский генерал Н. Аранджелович в своих воспоминаниях пафосно подчеркивал, что после прихода к власти Петра Карагеоргиевича «поменялось отношение к нашей власти. Его правление показало, что на престоле находится человек демократических убеждений. <...> Каждый серб в Сербии мог свободно сказать: “Люблю свою страну за то, что живу в республике, где президент Петр I Карагеоргиевич, или в монархии, где король — гражданин, республиканец, подобный американскому демократу Д. Вашингтону”»⁴⁹. Российский военный агент в Сербии И.Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества непосредственно после событий 29 мая 1903 г., также отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества, «городские общества устраивали им банкеты, на которых их чествовали как героев дня». Таким образом, замечает он, «политическая роль, принятая на себя армией, была как бы санкционирована всей страной»⁵⁰. Однако он же заметил: «Медовый месяц короля Петра скоро прошел; после торжеств и веселия, которыми сопровождалось возвращение Его Величества в отечество, начались полные тревог будни»⁵¹.

О. Попович-Обрадович, признавая, что после 1903 г. в сербской политической системе взаимодействовали два политических фактора — один легальный, представленный скупщиной и политическими партиями, а другой — внеконституционный, который олицетворяли офицеры-заговорщики, тем не менее не склонна преувеличивать роль офицерского корпуса страны после событий 29 мая 1903 г. Исследовательница пишет: «Ключевым вопросом нового режима, с самого начала, был вопрос о преобладании между скупщиной и королем, нежели вопрос о преобладании между политическими партиями и армией, гражданской и военной властью»⁵². Именно поэтому она делает вывод о том, что

переворот знаменовал собой качественно новый этап политического развития страны, связанный с развитием конституционных институтов и переходом Сербии к парламентской монархии. «Заговорщики стали политической силой еще до того, как в страну приехал король, в чем заслуга именно народного представительства, а своим положением стоящей над законом структуры они обязаны прежде всего Радикальной партии и радикальной скупшине. Без сомнения можно сказать, что политическая роль армии в большой степени была отражением зрелости, силы и готовности политических партий ей себя противопоставлять»⁵³. Таким образом, по мнению О. Попович-Обрадович, легитимное избрание нового монарха явилось реализацией мечты свято-андреевских либералов «о исключительной законотворческой роли скупщины, которая определяла облик монархической власти»⁵⁴.

Однако тезис авторитетной сербской исследовательницы «о легитимном и свободном выборе» нового короля нуждается в существенной корректировке. Прежде всего отметим, что события 1903 г. являют собой классический пример «верхушечного» переворота, не затронувшего глубинных основ сербского общества и не приведших к кардинальным изменениям всей его структуры, а сведения российских дипломатов весьма показательно характеризуют «свободный и легитимный выбор» нового монарха. Так, Н.В. Чарыков особо подчеркивал, что «главную причиной избрания князя Петра Карагеоргиевича явилось решение офицеров, располагающих еще белградским гарнизоном, что они не допустят иного выбора»⁵⁵. Причем, первым нового монарха Сербии провозгласил подполковник П. Мишич в четыре часа утра после совершения убийства, прямо во дворе королевского дворца. Российский посланник при этом упомянул, что у офицеров-заговорщиков не только «имеется письменное обязательство князя править конституционно и демократически», но и добавлял в донесении от 31 мая 1903 г., что «скупщина, по внешности свободная в своем выборе, принуждена волею этих офицеров избрать князя Петра»⁵⁶.

В то же время сами реалии политической жизни Сербии в первые месяцы после переворота были далеки от идеалов «свято-андреевских либералов», а события 1903 г. не принесли

стране политического единства, поскольку характерной чертой государственного развития страны в 1903–1914 гг. стало взаимовлияние и типологическое наложение друг на друга трех основных факторов политического развития страны: трон — парламент — армия. Причем, уже спустя месяц после переворота, российский военный агент в Белграде И.Н. Сысоев с тревогой заметил: «До сих пор еще не раздалось ни одного отрезвляющего голоса, приглашающего армию оставить внутреннюю политику и заняться своими прямыми делами»⁵⁷. Сысоев в донесении, отправленном в июле 1903 г., характеризуя внутривнутриполитическое состояние страны и указывая на неспособность нового короля проявить твердость в принятии государственных решений, отметил, что «от двора не отдано до сих пор никакого распоряжения, ограничивающего права военнотружущих писать в газетах, а между тем вред от этих писаний совершенно очевиден»⁵⁸.

Прежде всего заметим, что в Сербии, как среди широких общественных кругов, так и среди значительной части офицерского корпуса, сдержанную и даже враждебную оценку получили не только сам переворот и метод его осуществления, но и решение об избрании нового короля. Н.В. Чарыков, подчеркивая, что «в народе не заметно сожаления о короле и королеве», тем не менее отмечал, что решение об избрании Петра Карагеоргиевича «встречено в Сербии холодно, скорее как необходимость, чем радость. Приверженцы короля намереваются достигнуть удаления офицеров, участвовавших в заговоре; эти, напротив, сознавая свою силу, ожидают блестящей карьеры». Радикальная и Младорадикальная партии сразу же сформировали оппозицию заговорщикам, одновременно начав политическое соперничество. Так, Пашич и Вуич, назначенные в июне 1903 г. членами Государственного совета, были вынуждены тут же подать в отставку из-за позиции, занятой в правительстве лидерами младорадикалов — Живковичем, Вельковичем и Стояновичем, которые заявили о неуместности данного назначения, намекнув, что «деятельность этих двух новых членов Государственного совета в прошлое царствование не была особенно достойна»⁵⁹.

Единство мнений отсутствовало и во временном правительстве страны. Уже в августе 1903 г. случился первый министерский

кризис. Как заметил российский дипломатический представитель, его причиной «послужили раздоры между сторонниками партии заговорщиков и их противниками, причем, за последнее время разномыслие это замечалось и между членами самого кабинета 29 мая». Так, министры юстиции и просвещения, Живкович и Стоянович, которые «давно поняли, что оставаясь далее министрами, они потеряют свою популярность и рискуют даже проиграть выборы», ушли в отставку⁶⁰. К ним примкнули министр финансов Велькович и военный министр генерал Атанацкович. Причем, отставка военного министра, как сообщал поверенный в делах российского посольства в Сербии В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, была вызвана «отказом ему со стороны некоторых министров в испрашиваемом дополнительном кредите 800000 франков. Согласие на этот кредит министры обусловили отрешением от должности 8 офицеров старого режима, на что не согласился Атанацкович»⁶¹. Новым главой военного ведомства стал полковник Соларович, также принимавший активное участие в свержении Обреновичей.

Даже сербский посланник в Софии Маринкович, еще недавно пивший за здоровье нового короля шампанское, ушел в оппозицию, а вследствие этого и в отставку. «Приняв решение открыто поступить в ряды оппозиции под начальством Пашича, Маринкович более не скрывает своих впечатлений от короля Петра и правительства, и эти впечатления вполне согласуются с тем, что я слышал от многих лиц, как болгар, так и иностранцев, имевших случай ознакомиться с настоящими обстоятельствами Белграда», — писал российский посланник в Софии Ю.П. Бахметьев⁶².

Характерно и то обстоятельство, что после восшествия на престол зависимость нового монарха от своего нового военного и политического окружения была практически абсолютной. Не случайно депутаты скупщины, печать, да и сами военные требовали скорейшего удаления из армии организаторов этого жестокого убийства, ставя им в вину, в том числе, и поправление всех моральных норм. Приведем в этой связи один показательный пример. В начале апреля 1904 г. король решил совершить поездку по стране. Муравьев-Апостол-Коробьин писал в МИД 6 апреля 1904 г. по этому поводу: «Король пригласил с собой не

только заговорщиков, но и некоторых других участников переворота, не входящих в состав свиты, Генчича и Хаджи Тома, и лишь после угрозы кабинета выйти в отставку согласился отказаться от общества этих последних»⁶³. Н. Пашич, комментируя эту поездку в сербской прессе, также выразился весьма категорично: «Не все Карагеоргиевичи были умны, но зато все они упрямы, и король Петр, по-видимому, также упрямы»⁶⁴.

Усилилась и характерная для Сербии эпохи Обреновичей «министерская чехарда». С 1903 по 1914 гг. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т.е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца. Только за первые три года после переворота 1903 г. сменилось шесть правительств, которые пребывали у власти в среднем по 165 дней⁶⁵. Российский военный агент Сысоев отметил по этому поводу, что «Сербия — классическая страна министерских кризисов, но так тяжело давно в ней не было»⁶⁶. Да и сам переворот мало что изменил в патриархальных представлениях сербского общества о сложившихся в стране традиционных принципах доступа к властным структурам, а, следовательно, и получения соответствующих должностям привилегий.

Приход к власти новой династии вызвал лишь партикулярное опасение у белградской политической «элиты» замены старых чиновников родственниками нового короля. Н.В. Чарыков писал в Петербург в июле 1903 г.: «В Сербии оказывается до 300 бедных родственников короля Петра со стороны Ненадовичей. Многие из них приехали теперь в Белград и ожидают, что король начнет завтра же массовое увольнение теперешних чиновников и даст им места последних»⁶⁷. Российский консул в Нише С.С. Чахотин, донося в МИД о прошедших в городе 29 июня (11 июля) 1903 г. торжествах по поводу дня рождения короля Петра, особо подчеркнул: «Дело ограничилось официальным торжеством, к которому население города и офицеры остались довольно равнодушными. Причиной того является близость недавнего государственного переворота, лишившего многих жителей города выгодных должностей и поставившего во главе государства несимпатичных населению деятелей»⁶⁸. Летом 1903 г. газетная кампания развернулась и против генерала Атанацковича, которого, как заметил И.Н. Сысоев, «упрекают в том, что он

протежирует своим родственникам, что он нисколько не лучше покойного генерала Павловича»⁶⁹. Да и сам новый король, по словам российского посланника Чарыкова, перед своим приездом через специального курьера напомнил «своим сторонникам, что имущество его отца было конфисковано по случаю убийства Михаила Обреновича (в 1868 г. — *Я. В.*), что он без средств, с большой семьей и просит его хорошо обеспечить при избрании»⁷⁰. В первые месяцы правления короля Петра большое влияние на него, помимо Якова Ненадовича, оказывали Живоин Балугджич и Дамиан Попович, ставший его адъютантом.

Первые назначения нового монарха подтвердили подобные опасения. Н.В. Чарыков сообщал в Петербург: «Король начал назначения и заместил должность начальника своей канцелярии делившим с ним изгнание родственником Яковом Ненадовичем. Здесь склонны усматривать в этом назначении шаг фаворитизма в отношении родни»⁷¹. Эти первые шаги Петра Карагеоргиевича на посту главы государства вызывали даже некоторые опасения у политиков, напрямую причастных к перевороту и его воцарению. Чарыков, установивший после переворота тесные контакты с радикалом Д. Симичем, писал в одном из донесений, что «Симич, первая жена которого была сестрой князя Петра Карагеоргиевича»⁷², не скрыл от меня, что многочисленная и разнообразная семья князя может явиться помехой успешности его правления, как семья Луневицей для последних Обреновичей»⁷³. В этом смысле весьма показательна данная Чарыковым характеристика настроений значительной части сербского общества непосредственно после убийства королевской четы: «Между тем с самых первых часов междоцарствия среди сербов обозначилось стремление воспользоваться последним, чтобы положить конец тем затруднениям, которые потерпела Сербия от присутствия на ее престоле национальных династий. "Нам нужен король", — говорили сторонники этой мысли, — который был бы выше нас всех, который бы не состоял в родстве или семейной вражде с тем или другим из своих подданных. Обреновичей погубили Луневицы, Карагеоргиевичей погубят Ненадовичи. Нам нужно, наконец, спасти Сербию от этих начал и гибельных терзаний, призвав на сербский престол иностранного принца»⁷⁴. Подобные

опасения в разговорах с Чарыковым высказывал и австро-венгерский посланник К. Думба, по мнению которого, «правление Карагеоргиевича не прочно и не продолжительно. Предложенный устав (конституция. — *Я. В.*) слишком ограничивает королевскую власть. Голодные родственники обозлят местных сербов, а с офицерством, удерживающим в своих руках власть, король будет не в силах справиться»⁷⁵. Эту же опасность для новой королевской династии понимали и политические лидеры Сербии. Тот же Чарыков в донесении от 8 (21) июня 1903 г., пересказывая разговор с новым министром иностранных дел Калиевичем, отмечал, что последний «намерен советовать королю, предоставив внутреннюю политику ее обычному течению, заняться армией. При опыте и личных свойствах короля он сумеет приобрести среди нее обаяние и преданность и восстановит в ней нравственные основы, без которых для него самого не будет безопасности»⁷⁶.

В дополнение сведений Чарыкова приведем выдержку из донесения российского дипломата Муравьева-Апостола-Коробьина, в котором он анализирует внутривнутриполитическое положение Сербии спустя два месяца после переворота: «Исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции Карагеоргиевич, но сербы остались всё те же. Одна ночь, хотя бы и столь значительная, не смогла их переродить. Уснули на время страсти, встрепенулись некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Однако для осуществления последних требуется время, и много времени, тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок. Флаги сняты, потух фальшивый блеск иллюминаций, умолкла музыка — снова начались, притихшие на время, бесконечные раздоры партий. Как и следовало ожидать, первый сигнал эти раздорам был дан самим же сербским войском»⁷⁷. К.А. Губастов в записке министру иностранных дел России В.Н. Ламздорфу был еще более категоричен: «Стремление к насильственным переворотам находится в них самих [сербях. — *Я. В.*], в общественных условиях страны, в народном характере. Это вполне подтверждается всею историей. С 1830 года, т.е. с тех пор, как Милош сделался законным признанным князем, и до сегодняшнего дня в Сербии

происходит непрерывное кипение политических страстей, подобное кипению расплавленного и нагреваемого металла в котле. Это брожение не есть парламентская борьба партий, обычная, не говоря уже в настоящих конституционных, но даже в лжеконституционных государствах. Нет, это просто необузданное стремление по природе жадных, страстных и полуобразованных, полуголодных демократов к достижению посредством низкопоклонства (при Милоше, при Михаиле и при Милане) или посредством некоторой ловкости власти, чтобы из вчерашнего ничтожества сделаться министрами, из недавней жертвы превратиться в свою очередь в мстителя и мучителя»⁷⁸. Еще один российский дипломат в Белграде Евреинов чуть позже, в 1906 г., дополнял своего коллегу: «Партийная борьба делается всё непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия. Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения неизбежно будут всё более и более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным кризис»⁷⁹.

Заметим также, что возвращенная «самая демократическая» сербская конституция осталась по сути всё той же политической декларацией, нежели стала вдруг реально отражать потребности патриархального традиционного общества, поскольку верхушечный переворот сам по себе просто не мог в одночасье изменить состояние основ сербской государственности, фундаментом которой по-прежнему были патриархальные традиции сербской семейной задруги. Это прекрасно понимала и сама крестьянская масса Сербии. Русский публицист А.В. Амфитеатров приводил следующее услышанное им в Белграде в 1909 г. крестьянское мнение о работе Скупщины и функционировании государственных структур Сербского королевства: «Надоели нам все партии, опротивели смены министров. Кажется, доведут нас до того, что мы их по шеям прогоним. А найдем семь хороших адвокатов, напишем им подробные доверенности, чего мы хотим*, и пусть они защищают наши интересы перед скупщиной. Плохи окажутся — доверенности отберем и других найдем»⁸⁰. Как это похоже

* Так в тексте.

на уже упоминавшиеся нами сведения П.А. Ровинского и других русских путешественников середины — конца XIX в.! В этой же связи к особенностям политического состояния Сербии после 29 мая 1903 г. как никогда подходят слова философа Б.Г. Капустина о том, что в подобных структурах «улыбка Чеширского кота, т.е. моральная привлекательность гражданского общества, есть, а самого кота, т.е. социологически обнаруживаемого гражданского общества, нет»⁸¹. Неслучайно В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин подметил, что «быть может все эти принципы Ж.Ж. Руссо, внесенные было сюда из Женевы, прекрасны сами по себе, но они оказались неприемлемы в стране, едва вышедшей из рабства и потрясенной национальной драмой, оставившей глубокий след во всех слоях общества»⁸².

А что же харизма и авторитет правителя, соответствующие представлениям сербского крестьянства о власти и ее характере? Если свергнутые Обреновичи их растеряли, то у нового монарха первоначально они просто отсутствовали. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях упоминает о встрече с будущим монархом, посетившим Петербург незадолго до переворота, который, по мнению российского министра финансов, никак не соответствовал образу королевской особы. «Он имел такой несчастный вид, что вот уж я никак не думал, что через несколько месяцев он станет королем. У него было имение в Румынии, и вопрос заключался в том, чтобы ему выдать ссуду под это имение». Что ж, Витте, ненавидя находившихся при русском дворе дочерей черногорского короля Николы, опрометчиво считал, что к нему явился обыкновенный проситель денег с Балкан: «Я помню, что когда пришел ко мне Петр Карагеоргиевич, я как раз случайно сию минуту принять его не мог и заставил ждать четверть часа»⁸³. Более детальную характеристику нового сербского монарха в контексте восприятия обществом страны его личности непосредственно после восшествия на престол дает сообщение Ю.П. Бахметьева из Софии 14 июля 1903 г.: «Сам король, по-видимому, еще не освоился со своим новым положением и еще не может избавиться от своих “буржуазных” женеvских привычек. Он любит ходить на базар и разговаривать с торговками, покупая у них фрукты, но его популярность от этого вовсе не возрастает, а, напротив,

уважение к нему уменьшается. Здешний народ любит простоту, но простоту, связанную с величием и с некоторой пышностью, а добродушный король на базаре вызывает только усмешки; кроме того, оказывается, что, страшно скучая в своем одиночестве, в первые же дни Его Величество спросил, где находится самая лучшая кофейня, где можно наблюдать за шахматной игрой? Впрочем, когда к нему нагрянут все 300 родственников, о которых пишет Чарыков, то ему уже нельзя будет жаловаться на однообразие»⁸⁴. В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин дополнял своего коллегу: «Его строгая конституционность и уважение права и свободы зачастую объясняются чрезмерным недостатком инициативы; корректность в сношениях с окружающими его приближенными и общественными деятелями склонны рассматривать как результат опасения за свое личное положение. Выдержанность и старание понемногу сблизать и мирить враждующие военные партии объясняется боязнью проявить энергию в обстоятельствах, не только щекотливого для него свойства, но даже подозрительного для многих лиц. Сама старость и строгий домашний образ жизни короля редко ставятся ему в упрек, и выражается иногда удивление, что с такими не королевскими привычками и в эти годы он мог добиваться короны, и столь радостно поспешил принять оную из окровавленных рук офицеров сербской армии»⁸⁵.

Так можно ли смотреть на Сербию после 1903 г. как на новое, молодое демократическое государство западноевропейского типа? На наш взгляд, скорее нет, чем да. Переворот 1903 г., никак не изменив сформированную Миланом Обреновичем социально-экономическую и политическую систему страны, так и не снял с повестки дня важнейший для Сербии вопрос: «Куда и с кем идти?», в то же время ярко проиллюстрировав очевидность невозможности продолжения трансформации внешнего влияния в фактор внутреннего развития при сохранении цивилизационных основ сербского общества, взаимного приспособления традиционных и современных структур, их совершенствования и продуктивного синтеза. В то же время стала очевидной невозможность возвращения к старому, ликвидация современных общественных отношений и подавление всего европейского на

бытовом уровне. Именно поэтому в политическом смысле 1903 год принес новые черты. Приход к власти династии Карагеоргиевичей способствовал тому, что наряду с «сильными персонами» окончательно формируются подлинно социальные государственные лидеры — Н. Пашич и его соратники-радикалы с концепцией создания народного славянского государства, в котором главную роль должна была играть «"народная партия", олицетворяющая социальные и национальные интересы народа»⁸⁶.

События мая 1903 г., таким образом, не только не ослабили внутрисербский кризис, а привели к его углублению еще и потому, что именно с этого времени началось столкновение руководителей старорадикальной партии, ставшей после переворота главной политической силой в стране и опасавшейся восстановления в Сербии режима личной власти, и военными — непосредственными организаторами переворота. После 1903 г. они заняли влиятельные посты в армии, что явилось значительным внеконституционным фактором политического развития страны в 1903–1914 гг. и вовлекло в бурные обсуждения политической жизни широкие слои сербского общества, прежде всего на страницах прессы. Фактически все газеты перешли в оппозицию королю и новым руководителям армии, за исключением газеты «Нови покрет» («Новый курс»), которую издавали они сами. В конце октября 1905 г. военный агент в Сербии полковник И.Н. Сысоев доносил в Петербург: «В последнее время сербская оппозиционная печать, к которой относятся наиболее распространяемые газеты, стала требовать от правительства удаления из армии главарей партии “заговорщиков”, захвативших после кровавого государственного переворота 29 мая 1903 года важнейшие посты в армии и до сих пор находящиеся как бы в привилегированном положении»⁸⁷. Жаль, что невозможно было реализовать предложение одного профессора из Вены — снарядить большую экспедицию к Северному полюсу, включив в ее состав главных участников переворота. «Таким образом, по мнению профессора, все заговорщики под благовидным предлогом будут удалены из страны на три-четыре года, а затем, быть может, вернутся с такими научными трофеями, которые заставят иностранные правительства забыть о трагедии в конаке (во дворце. — *Я. В.*)»⁸⁸.

Внутрисербский конфликт перешел в новую стадию, грозя материализоваться во вполне конкретных политических событиях, которые не замедлили вскоре начаться.

Таким образом, пример Сербии прекрасно иллюстрирует тезис о том, что «попытки осуществить политическую модернизацию до того, как стала необратимой модернизация социальная и экономическая, приводят к неудаче, ибо антимодернизаторские силы используют демократию в своих интересах, часто под популистскими лозунгами»⁸⁹. На примере становления и развития сербской государственности можно проследить то, как процесс вхождения в современное европейское общество зависит не только от темпов изменения экономики, политики, быта, культуры и т.д., но и от их сбалансированности, умения руководителей государства своевременно вносить коррективы как во внутреннюю, так и во внешнюю политику, поскольку несовпадение интересов государства и общества может привести страну к дореформенному состоянию или глубокому системному кризису, поскольку традиционно избираемые патриархальным, аграрным населением старейшины, которые соответственно были перед ним и ответственны, постепенно выдавливались назначаемыми сверху «чужими» чиновниками⁹⁰. Наступающая вместе с новым веком европеизация, с одной стороны, и борьба за сохранение внутренней свободы, с другой, стали глубинными противоречиями патриархального сербского социума конца XIX — начала XX вв., а сама политическая вестернизация страны, наиболее активно начавшаяся после 1878 г., находилась в глубоком разрыве с традиционными общественными структурами страны.

Примечания

¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д., 1999. С. 27.

² Народная Радикальная партия — крупнейшая политическая сила страны, оформилась в 1881 г. Ее лидером был один из выдающихся сербских политиков Никола Пашич. В конце XIX в. составляла ведущую оппозиционную силу режиму Обреновичей. Напредняцкая (прогрессистская) партия основана в 1881 г. Одним из ее лидеров был известный государственный деятель Сербии Милан Пирочанац (1837–1897), занимавший в 1874–1875 гг. пост министра иностранных дел, а в 1880 г. ставший главой правительства страны. Напредняки поддерживали династию Обреновичей и находились у власти в 1880–1883 гг., 1884–1887 гг., 1895–1896 гг. Однако в 1896 г. партия утратила свое значение и была распуше-

- на. Вновь была восстановлена в 1906 г. Либеральная партия, одним из главных лидеров которой был Йован Ристич, продолжила традиции «свято-андреевских либералов» — сербских интеллектуалов, получивших образование в европейских учебных заведениях, требовавших на сместившей Александра Карагеоргиевича и возвратившей на престол Обреновичей Свято-Андреевской скупщине (начала работу 30 ноября 1858 г.), расширения полномочий Народной скупщины как носителя высшей законодательной власти и гаранта основных гражданских и политических прав и свобод граждан. Во внешней политике либералы выступали против откровенно проавстрийского курса Милана Обреновича.
- ³ *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // *Славянские народы: общность истории и культуры* М., 2000. С. 23.
 - ⁴ Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары (сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин). СПб., 2006. С. 559.
 - ⁵ *Кузьмичева Л.В.* Сербская государственная идея. 60–70-е гг. XIX в. (Проблема идеологического выбора) // *Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг.* СПб., 2005. С. 157.
 - ⁶ *Ламанский В.И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии // *Русские о Сербии и сербах.* С. 29.
 - ⁷ *Ровинский П.А.* Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // *Русские о Сербии и сербах.* С. 76.
 - ⁸ *Нушич Б.* Из записок // *Избранные сочинения.* В 4-х т. Т. 4. Белград, 1968. С. 24.
 - ⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 84 об.
 - ¹⁰ Стоян Новакович являлся не только видным государственным деятелем Сербии второй половины XIX — начала XX вв., но и крупным ученым, историком и филологом.
 - ¹¹ О Симиче см. подробнее: *Столић А.* Ђорђе Симич. Последњи српски дипломати XIX века. Београд, 2003.
 - ¹² В 1900 г. сын Милана Александр Обренович женился на фрейлине своей матери королевы Натальи, Драге Машин, которая пользовалась дурной репутацией в обществе. Этот шаг сербского престолонаследника еще больше усугубил внутренний структурный кризис в стране, став одной из причин свержения правящей династии в результате переворота 29 мая 1903 г. Политик Владан Джорджевич отметил, что за время правления короля Александра были сформированы «министерства первого государственного переворота, кабинет второго низвержения конституции, кабинет третьего нарушения королем своей присяги; затем “обручальное”, “свадебное” и “акушерское министерство”» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 101.
 - ¹³ Русские о Сербии и сербах. С. 275–276.
 - ¹⁴ *Раич С.* Милан Пирочанац, Стоян Новакович и Владан Джорджевич — интеллектуальная «троица» сербских напредняков (прогрессистов) о славянской взаимности // *Историки-слависты МГУ: кн. 8: Славянский мир в поисках идентичности: В ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи.* М., 2011. С. 366–367.
 - ¹⁵ *Трубецкой Гр. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 91.
 - ¹⁶ *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996. С. 74.
 - ¹⁷ *Perović L.* Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države // *Srbija u modernizacijskim procesima.* Beograd, 2018. S.237.

- 18 Вукичевич М. Король Петр I и Сербия. Пг., 1915. С. 24. К 1912 г. в стране насчитывалось уже 1425 начальных школ и 49 средних и специальных учебных заведений. См.: *Шемякин А.Л.* В плену у традиции. Русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX — начало XX века) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2009. С. 134.
- 19 Там же.
- 20 *Радоевич М., Димич Л.* Сербия в Великой войне 1914–1918. Краткая история. Белград, 2014. С. 34–35.
- 21 *Троцкий Л.Д.* Сербская пресса // Русские о Сербии и сербах. С. 523–524.
- 22 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 133.
- 23 *Ратковић-Костић Славица Б.* Европеизација српске војске: 1878–1903 године. Београд, 2007. С. 315–316.
- 24 Там же. С. 402–403. В 1891 г. в сербской армии появились новые французские пушки 120 Ц - М 1890; *Бјелајац М.* Дипломатија и војска. Србија и Југославија 1901–1999. Београд, 2010. С. 28–29; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. Изд-е 2. М., МГИМО, 2016.
- 25 Задруга, являясь, по сути, большой патриархальной семьей, состояла из 20–30 человек, как правило, нескольких сыновей одного отца с их семьями, жившими на одном дворе. П.А. Ровинский так описал своё знакомство с такой семьей: «Тут в семействе жило вместе не более 10–12 человек, с детьми (кроме священника), но рядом двор принадлежал к этой же семье: собственно, это один двор, который недавно только перегородили надвое. Еще две семьи, вышедшие из этого двора, поселились подальше. До разделения вместе жило душ до 30-ти, и составляли одну семейную общину — задругу, которая имела одного выбранного поглавара, или старейшину, общее неразделенное имущество, жила и работала сообща, повинуюсь распоряжению одного и семейному совету» // См.: Русские о Сербии и сербах. С. 97.
- 26 Первая подобная кооперативная земледельческая задруга, созданная, в том числе и для сбыта сельскохозяйственной продукции, была основана в марте 1894 г. В 1908 г. в Сербии насчитывалось уже 636 таких задруг, «располагавших собственными капиталами на общую сумму свыше 12 миллионов динар» // *Содомеров А.И.* Сербия. М., 1915. С. 31.
- 27 Вукичевич М. Король Петр I и Сербия. С. 26.
- 28 *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 249.
- 29 *Белов М.В.* Проблема институционализации и легитимации власти в Сербии в 1804–1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006. С. 54.
- 30 Цит. по: *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. С. 242; Концессия о строительстве первой сербской железной дороги была подписана 22 января (3 февраля) 1881 г. с фирмой «Юнион Женераль», главой которой был Эжен Бонту. 30% акций фирмы принадлежало австрийскому «Лендербанку». Однако его предприятие лопнуло в 1882 г., а основатель фирмы был предан в Париже суду. Это дело еще больше подлило масла в огонь политического кризиса в Сербии, поскольку всплыл факт крупного подкупа со стороны Бонту не только видных чиновников страны, но и самого короля.
- 31 *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. С. 177.
- 32 Там же. С. 192.
- 33 Данная точка зрения также раскрыта в работах М.В. Белова, посвященных изучению источников, идейных основ и особенностей формирования серб-

- ской «повстанческой государственности» // *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII в. — середина 30-х гг. XIX в. СПб., 2007.
- 34 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 194–195.
- 35 Там же. Л. 322.
- 36 Там же. Л. 322 об.–323.
- 37 *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 128.
- 38 *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия 30–40 гг. XIX в. М., 2002. С. 44.
- 39 *Љушић Р.* Историја српске државности. Србија и Црна Гора. Књига II. Нови Сад, 2001. С. 219–220.
- 40 *Popović-Obradović O.* Ideja i praksa u Srbiji 1869–1914: između Liberalne i narodne države // *Rusija, Srbija, Crna Gora.* Beograd, 2000. S. 53–54. См. также материалы научной конференции «Сербия в модернизационных процессах XX века» // *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka.* Beograd, 2018.
- 41 *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. С. 404.
- 42 *Радоевич М., Димич Л.* Сербия в великой войне 1914–1918. Краткая история. С. 35–36.
- 43 *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // *Славяноведение.* 2004. № 3. С. 7–20; *он же.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 30–31.
- 44 Новое время. 31 мая (13 июня) 1903 г.
- 45 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 429.
- 46 *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. С. 31; *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского // *Русские о Сербии и сербах.* Т. III. (сербские сочинения П.А. Ровинского). СПб.–М., 2019. С. 18–19.
- 47 *Драшкић П.* Моји мемоари. Београд, 1990. С. 19.
- 48 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 122–123.
- 49 Архив Србије. НА 55. Л. 4 об.
- 50 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп 4. Д. 313. Л. 60–61.
- 51 Там же. Л. 83 об.
- 52 *Popović-Obradović O.* Ideja i praksa u Srbiji 1869–1914. S. 53.
- 53 Ibid. S. 54.
- 54 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. С. 114; *Курчатова О.В.* Tertius Gaudens. Что получила Россия от смены династий в Сербии в 1903 году // *Славянский сборник: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8.* Саратов, 2010. С. 88.
- 55 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 50.
- 56 Там же. Л. 36.
- 57 РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 61 об.
- 58 Там же. Л. 65. Российский военный агент подчеркивал, что «жалкая и разнужданная сербская печать» особенно негативно способствует разложению сербских вооруженных сил. «В газетах постоянно печатаются статьи, письма и заметки, написанные офицерами, в которых порицаются распоряжения начальства, сводятся личные счеты и выносятся сор из избы. Недавно, например, в газетах было письмо, подписанное: “один из заговорщиков” // Там же. Л. 72.
- 59 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 17–17 об.
- 60 Поводом к этому первому министерскому кризису послужил указ Петра Карагеоргиевича о назначении маршалом Двора военного агента в Константинополе полковника Лешанина, чему немало способствовал министр финансов Велькович.

Но «самосталцы» и заговорщики не захотели видеть в Белграде ненавистного им сторонника Обреновичей. Король, как отметил В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, «оказался между огнем и полымнем, предоставив новому маршалу продолжать отправлять свою должность в Константинополе, что и вызвало отставку министра финансов» // См.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 113.

- 61 Там же. Л. 113–113 об.
- 62 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 205.
- 63 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 84.
- 64 Там же.
- 65 *Стојановић Д.* Србија и демократија. Београд, 2003. С. 37.
- 66 РГВИА. Ф. 2000. Д. 817. Л. 41 об.
- 67 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 120.
- 68 Там же. Л. 194.
- 69 РГВИА. Ф. 400. Оп.4. Д. 313. Л. 72–72 об. Военный министр, генерал Павлович был убит заговорщиками в ночь переворота 29 мая 1903 г. См. о нем подробнее: *Шемякин А.Л.* Убиение генерала Павловича. Как в Белграде расстреливали георгиевского кавалера. // Родина. 2007. № 9. С.67–71.
- 70 АВПРИ Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л.36–36 об.
- 71 Там же. Л. 59.
- 72 Первой женой Д. Симича была Елена Карагеоргиевич, к тому времени скончавшаяся.
- 73 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 36.
- 74 Там же. Л. 69–69 об.
- 75 Там же. Л. 72.
- 76 Там же. Л. 107.
- 77 Там же. Л. 212.
- 78 АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 98. 1905 г. Л. 7 об.
- 79 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 167 об.
- 80 Русские о Сербии и сербах. С. 467.
- 81 *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. М., 2010. С. 32.
- 82 АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 570.
- 83 *Vitte С.Ю.* Избранные воспоминания. С. 428.
- 84 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 205 об. И впоследствии отношение сербского крестьянства к Петру Карагеоргиевичу продолжало оставаться весьма своеобразным. Журналист Д. Рид писал в книге «Вдоль фронта», что их возница, утверждая, что его лошади самые лучшие в Сербии, сказал, что жеребца он назвал воевода Мичич [Ж. Мишич] — в знак уважения к генералу, одержавшему решительные победы над австрийцами в 1914 году, а *кобылу* (курсив мой. — Я.В.) — король Петр // *Рид Д.* Вдоль фронта. М.: Л., 1928. С. 104.
- 85 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 241–241 об. В октябре 1903 г. тот же Муравьев-Апостол-Коробьин сообщал о приезде в Белград А.Н. Долгорукова, якобы представляющего официальный Петербург. Он публично предложил заменить Петра Карагеоргиевича великим князем Андреем Владимировичем, «при этом он прибавил, что накануне его выезда из Петербурга, за обедом у графини Шуваловой, он предложил эту комбинацию, показавшуюся симпатичной всем присутствующим, в числе коих был и князь Голицын, шталмейстер Двора е.и.в. великого князя Владимира Александровича». Причем, отношение

российских высокопоставленных особ к сербской монархии как к государству второго сорта проявляется в этих словах особенно явственно. Газета «Народни лист» не только напечатала этот слух, но и «в оправдание политики покойного Александра, ... напечатала в передовой статье, что самым серьезным и желательным кандидатом в наследовании сербского престола в глазах короля Александра также являлся будто бы великий князь Андрей Владимирович» // Там же. Л. 237.

⁸⁶ *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 433–434.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 2000. Д. 824. Л. 21.

⁸⁸ *Теплов В.А.* Сербская неурядица. СПб., 1903. С. 39.

⁸⁹ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 31.

⁹⁰ *Вишняков Я.В.* Внеконституционные факторы в развитии сербской государственности // *Славяноведение*. 2006. №1. С. 8–13.

Черногорская правящая династия Петровичей-Негошей и формирование национальной государственности

На тему династии Петровичей-Негошей и ее роли в формировании национальной государственности существует немало работ в черногорской историографии. В российской исторической науке нет отдельного труда о Петровичах-Негошах, несмотря на то, что они были тесно связаны с Домом Романовых — две династии породнились в конце XIX в. посредством брачных союзов. До сих пор живы их потомки*. Ввиду интереса у широкой общественности к истории императорского Дома Романовых, есть также необходимость появления и в российской историографии труда о Петровичах-Негошах. Среди комплекса вопросов этой темы одним из важнейших, на наш взгляд, является вопрос о повышении статуса династии Петровичей-Негошей. Источниками для его изучения послужили, в первую очередь, архивные материалы, прежде всего донесения русских дипломатов в Черногории, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ряд опубликованных документов, а также фундаментальный труд Павла Апполоновича Ровинского (1831–1916) «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб., Птг., 1888–1915), русского ученого-слависта, этнографа, исследовавшего черногорские земли, быт и обычаи народа более 20 лет (с 1879 г.), а также являвшегося нештатным драгоманом русской дипломатической миссии в черногорской столице г. Цетине (с 1886 г.).

* Внуки великого князя Петра Николаевича Романова, кузена Александра III, и Милицы Николаевны, дочери черногорского короля Николы I Петровича-Негоша, вплоть до 2016 г. официально признавались всеми потомками Романовых (кроме потомков Владимира Кирилловича) главой Дома Романовых.

После поражения сербов в битве с турками на Косовом поле в 1389 г. наступило непростое для всего Балканского полуострова время. Формально черногорские земли вошли в состав Османской империи, но местные правители пытались бороться за их независимость. Представители двух черногорских родов — Балшичей и Црноевичей — сменяли друг друга, вплоть до начала XVI в.¹, во главе черногорских земель, часто называемых Зетой или Дуклей, а с середины XV в. получивших название Черногории². Борьба продолжалась не только с турками, претендовавшими на равнинные территории, но и с венецианцами, захватившими всё черногорское побережье Адриатического моря³. Около 1516 г. последний светский правитель Черногории покинул родные земли и переехал в Италию, передав все полномочия и власть черногорскому митрополиту Вавиле, что положило начало теократической форме правления⁴. Так, с XVI в. черногорскими землями стали управлять митрополиты, которых народ называл владыками и господами. Вплоть до конца XVII в. это были представители разных фамилий, среди них — Вукотичи, Петровичи, Пуношевичи, Радоничи, Томановичи, Милийчичи, Мартиновичи, Миюшковичи и др.⁵. Многие из этих фамилий впоследствии, в независимой Черногории, пользовались большим авторитетом, а их представители занимали высокие посты при дворе последнего черногорского правителя.

В конце 1696 г. народным сабором Черной Горы был избран первый владыка из династии Петровичей-Негошей — Данило (1696–1735 гг.). Важным фактором, определившим этот выбор, стало то, что среди Негошей не было потурченцев⁶. Черногорцы признали Данило не только духовным лидером, но также народным вождем и правителем. Своей деятельностью он приобрел в народе авторитет, после чего установилась преемственность этой династии — наследование происходило от дяди к племяннику*. В 1702 г. в Черногории была устроена так называемая «Варфаламеевская ночь по-черногорски» — религиозная чистка

* Савва 1735–1750 гг., 1766–1782 гг.; Василий 1750–1766 гг.; Петр I Петрович-Негош 1782–1830 гг.; Петр II Петрович-Негош 1830–1851 гг.

страны от мусульман, что признавалось единственным возможным вариантом для выживания черногорцев и непоглощения их как народа османами.

После воззвания русского царя Петра I к черногорцам вступить в совместную борьбу с турками в 1711 г. были установлены официальные связи с Россией⁷, а с 1715 г., по специальной жалованной грамоте Петра I, Россия стала выплачивать Черногории постоянную денежную субсидию (в размере 500 руб. через два года на третий)⁸. С этого времени черногорцы стали считать, что находятся под покровительством единоверной и единокровной России⁹. Благодаря отношениям с Петербургом и постоянной русской помощи эта маленькая балканская страна начала свой путь к независимости и формированию национальной государственности.

Первые шаги на пути строительства государственного аппарата владыка Данило Петрович предпринял уже в 1713 г., создав «суд владыки Данилы», состоявший из представителей 12 племен. Он должен был решать спорные вопросы без кровной мести, которая была очень сильна в то время в Черногории и ежегодно уносила жизни молодых мужчин в мирное время. Также путем создания этого органа Данило пытался избавиться от разобщенности племен, зачастую соперничавших друг с другом, хотя и объединявшихся перед лицом внешней угрозы в лице Османской империи.

Формирование государственного аппарата в местных условиях шло очень трудно. Преемник Даниило Петровича, митрополит Савва, хотя и был слабым политиком и не мог в должной мере продолжить процесса консолидации черногорских племен, однако по-прежнему ориентировался на тесное сотрудничество и взаимосвязи с Российской империей. В 1742–1743 гг. он совершил длительную поездку в Петербург, где «был отлично принят императрицей Елизаветой Петровной»¹⁰.

В 1750 г. Савва удалился в монастырь, передав всю власть своему племяннику Василию. Юный митрополит также придерживался стратегии взаимодействия с Россией, прекрасно понимая, как и все митрополиты Петровичи-Негоши, что без опоры на великую славянскую православную державу у Черногории

нет будущего. В условиях постоянных турецких нападений, разорения храмов и грабежей черногорских сел владыка Василий лелеял план создания Славяно-сербского королевства, в которое вошли бы черногорские земли и которое управлялось бы российским императором. В случае же невозможности осуществления проекта он высказал петербургскому правительству предложение о переселении всего черногорского народа в Российскую империю. Последний план был частично реализован¹¹ при императрице Елизавете Петровне (1741–1761 гг.), а из переселенцев были созданы специальные черногорские эскадроны на русской службе¹². После смерти митрополита Василия в 1766 г. черногорским владыкой вновь стал Савва. Однако уже через год в стране появился авантюрист, самозванец, так называемый Степан Малый, выдающий себя за чудом спасшегося русского императора Петра III. Черногорцы поддержали самозванца, который довольно быстро стал полновластным правителем Черногории, отстранив от власти митрополита Савву¹³. По всей видимости, для страны этот авантюрист был лучше, чем владыка Савва, как считал ученый-славист П.А. Кулаковский¹⁴. Современный исследователь Ю.П. Аншаков придерживается такого же мнения, приводя неоспоримые доводы. Степан Малый учредил в Черногории суд, ввел смертную казнь за кровную месть, уносившую не меньше жизней, чем борьба с турками, стал пресекать грабежи и разбой, что было с удовлетворением воспринято большинством черногорцев¹⁵. Действительно, внутривластные меры, принятые самозванцем за недолгие шесть лет пребывания его у власти, пошли на благо черногорскому обществу, а сам факт его руководства страной можно назвать апробацией светской формы правления в условиях фактического османского владычества.

После смерти самозванца во главе Черногории вновь встал митрополит Савва вместе со своим племянником Арсением Пламенцем. Еще в 1758 г., при жизни митрополита Василия, Савва взял себе в ученики 10-летнего племянника, которого также решено было подготовить в будущие преемники, в 12 лет юноша был пострижен в монахи с именем Петр, а в 17 лет рукоположен в иеродиакон¹⁶. Вместе с владыкой Василием в 1765 г. в Россию также отправился и Петр — для получения образования, однако

ввиду кончины Василия в 1766 г., молодому человеку пришлось вернуться в Черногорию, где при слабом правлении Саввы начались смутные времена. В 1782 г. митрополит Савва скончался и во главе черногорского народа встал Петр I Петрович-Негош. По мнению П.А. Ровинского, Петр был соправителем своего престарелого дяди Саввы последние 8 лет его пребывания у власти, поэтому эти годы для Черногории прошли мирно и благополучно¹⁷. Первым делом он отправился в Петербург, однако митрополит даже не попал на аудиенцию к императрице Екатерине II и вынужден был вернуться в родные края. Первые годы своего правления владыка Петр трудился над тем, чтобы преодолеть разобщенность племен и отразить многочисленные нападения скадарского визиря Махмуда-паши Бушатлия (окончательно побежден в октябре 1796 г. в битве при Крусах), после чего владыка занялся внутренними реформами. В 1798 г. было решено создать Правительство суда черногорского и брдского (кулук) в качестве главного органа власти, который решал бы споры и вершил суд; также был подготовлен первый письменный законник. Однако начало XIX в. принесло Черногории новые трудности, связанные на этот раз с адриатическим побережьем. П.А. Ровинский в своем труде о Черногории приводит сведения о том, что в 1797 г. жители Боки Которской образовали «временное правление» и провозгласили своим верховным руководителем черногорского митрополита Петра I¹⁸, но ввиду заинтересованности в этих землях Австрии и Франции, за черногорским митрополитом осталось лишь право церковной юрисдикции над православным населением Боки Которской¹⁹. Котор вошел в состав земель австрийского императора, однако на него претендовал Наполеон, что вызывало сильную озабоченность Петербурга. Во время войн России с Францией (1805–1807; 1812–1814 гг.) Черногория выступила на стороне России, что сильно истощило ее финансы. К тому же с 1807 г. император Александр I распорядился приостановить ежегодную субсидию в пользу Черногории в размере 1 тыс. руб., назначенную императором Павлом I²⁰ после наговоров против митрополита.

Эти трудности сказались на положении Черногории, где на волне падения народного духа вновь появлялись самозванцы,

желавшие захватить власть в свои руки — некие граф Вуич и Стефан Занович (выдавал себя за потомка Скандербеге Кастриота и одновременно за чудом спасшегося Степана Малого²¹). Однако им не удалось утвердиться в стране благодаря мудрости и авторитету митрополита Петра I²². Петр Цетинский, как его называют в Черногории, успел также составить труд «Краткая история Черногории», который был напечатан уже после его смерти в цетинской типографии его преемником Петром II в календаре «Грлица» за 1835 г.²³

Важные шаги в процессе выстраивания государственной системы Черногории предпринял владыка Петр II Петрович-Негош (1830–1851 гг.). В 1831 г. он учредил Сенат Черногорский и Брдский из представителей отдельных племен в качестве высшего органа власти; административная власть внутри страны была представлена капитанами и главарями племен, выбор которых одобрялся владыкой. Исполнительной властью была гвардия, выбиравшаяся из авторитетных в народе, грамотных и преданных владыке людей. Владыка также установил небольшую подать с каждого дома, что, вместе с русской субсидией, давало возможность выплачивать жалование должностным лицам²⁴. Таким образом, по утверждению знатока черногорской истории П.А. Ровинского, владыка Петр II «был уже господарь в общем смысле человека, облеченного высшей властью; а вместе со своими органами (государственными. — *Н. С.-Б.*) представлял правительство, в котором всё делалось по его воле или по его одобрению и утверждению»²⁵.

Итак, к середине XIX в. в Черногории были сформированы необходимые государственные структуры и подготовлен переход к светской форме правления. Стоит отметить, что сам Негош, как владыку Петра II принято называть в историографии²⁶, не мог объявить себя светским правителем, так как этого не приняли бы великие державы, в том числе и Россия. Он решил последовательно подготавливать этот переход, планируя реализовать идею светского правления в Черногории уже при своем преемнике. Он выбрал одного из своих племянников — Лазаря и отправил его для получения образования в Петербург, где юноша был определен в Пажеский корпус. Другого своего племянника, Данило, Негош намеревался лично подготовить к сану митрополита²⁷.

Однако через два года Лазарь скончался в Петербурге. Вскоре и сам владыка тяжело заболел и, понимая, что он не успеет воспитать своего преемника, составил духовное завещание, по которому всю власть в стране оставлял Даниле. По традиции тот должен был ехать в Петербург для принятия хиротонии, однако черногорская делегация, прибывшая раньше него, просила российского императора разрешить Даниле стать светским правителем²⁸. Николай I согласился и назвал еще не посвященного в сан владыки Данилу будущим «верховным владетелем Черногории», которому сенат и народ черногорский должны были «обязаться верностью и повиновением»²⁹.

Таким образом, Россия одобрила переход Черногории к светской форме правления, и в 1851–1852 гг. в Цетине произошел «государственный переворот» — Черногория перешла от теократии к автократии, и первым светским ее правителем стал Данило Петрович-Негош (1851–1860 гг.). В период его княжения во внутренней жизни Княжества шел процесс постепенного ограничения власти племенных главарей в соответствии с Законником (сводом законов. — *Н. С-Б.*), изданным в апреле 1855 г. Внешнеполитическая позиция Данилы была поначалу традиционной — воевать с турками, быть в добрососедских отношениях с Австрией и в самых теплых с Россией. Однако в 1856 г. произошла ссора князя с русским консулом П.Н. Стремоуховым, который отказал Даниле в выдаче 122.970 руб., оставленных Негошем на хранение в русском государственном банке с указанием — выдать деньги черногорскому народу в случае крайней нужды. Консул не усмотрел такого положения, денег князю не выдал, чем вызвал его бурный гнев, после чего уехал в Россию. В Княжество со специальной миссией был направлен генерал-майор Е.П. Ковалевский, который в ходе расследования подтвердил вину князя, после чего Россия приостановила выплату субсидии Княжеству на несколько лет³⁰.

После этого инцидента Данило предпринял попытку политического сближения с Францией. В 1857 г. князь со своей супругой Даринкой посетили Париж и просили императора Наполеона III поддержать черногорское Княжество — признать его независимость. Французский двор в свою очередь предложил Даниле при-

знать власть Порты над Черногорией и получить за это часть герцеговинских территорий (с условием уплаты за них подати), а также дарование князю степени турецкого мушира с выплатой от Порты жалования. Но данное предложение вызвало бурное негодование в Цетине и даже толки о заговоре против князя³¹.

Данило отклонил французскую инициативу, и когда в следующем 1858 г. вспыхнуло восстание в Герцеговине, поддержал повстанцев, выступив против Порты. После занятия турками Грахово Данило отправил на помощь герцеговинцам черногорские войска во главе со своим братом, президентом черногорского Сената Мирко Петровичем (отцом будущего князя и короля Черногории Николы), и воеводой Петром Вукотичем (отцом Милены, будущей супруги Николы Петровича). 1 мая 1858 г. черногорцы наголову разбили турецкие войска. Черногория получила в итоге Грахово, Никшицкую нахию, часть Дробняков, Шоранцев, Васоевичскую нахию³².

Во внутренней политике при Даниле особых изменений не произошло — покорный князю Сенат, состоящий из видных черногорцев, оставался высшим правительственным органом; на местах, как и ранее, управляли воеводы, сердари, капитаны, было лишь уничтожено звание кнеза (или кмет — сельский старшина), так как князь должен быть один³³. Однако, став светским государством, Черногория, по выражению одного черногорского старца, которое мы находим у Ровинского, была подобна «кораблю в луже»³⁴. Малая территория Княжества и небольшие средства, на которые было трудно содержать князя, двор и государственный аппарат, стали нерешенным вопросом. Мечта Негоша сделать Черногорию полноценным государством, признанным в Европе и в достаточной мере дееспособным, была осуществлена преемником Данилы, князем Николой Петровичем-Негошем.

После убийства Данилы в 1860 г., ввиду отсутствия у него детей мужского пола, его преемником официально должен был стать его старший брат — Мирко Петрович, отличившийся в боях при Грахово, однако тот отказался от престола в пользу своего сына³⁵. Таким образом, новым правителем Черногории стал

Никола Петрович-Негош (1860–1916 гг.). Именно во время его длительного правления русско-черногорские отношения были настолько плодотворными и результативными для Княжества, что это вылилось и в международное признание его независимости по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и в повышение статуса правящей династии, которая в 1910 г. получила королевский титул.

Свое правление князь Никола начал с налаживания отношений с Петербургом, понимая, что без русской помощи государственность в Черногории он не построит. Вскоре была возобновлена выплата ежегодных субсидий и выдана субсидия, удержанная за годы правления князя Данилы. Отложенная Негошем «на черный день» сумма в 122 с лишним тыс. руб. была также предоставлена черногорскому князю — один раз для покупки оружия, другой — для невыясненных целей, но по высочайшему повелению императора³⁶. Всё это, безусловно, укрепило авторитет Николы в черногорском народе.

В плане внутренней государственной политики новый князь не сразу принялся за реформы. Лишь в 1879 г. он упразднил Сенат и создал вместо него Государственный совет, имевший теперь законодательные и надзорные функции; а также Министерство с шестью отделениями (иностранных дел, внутренних дел и строительства, просвещения, правосудия, финансов и армии, впоследствии ставшими отдельными министерствами), подчиненное Государственному совету; и Верховный суд³⁷.

В 1889 г. был издан «Имущественный законник» Черногории; все затраты, связанные с его созданием, а также вознаграждение его автору В. Богишичу взял на себя Петербург³⁸. Никола абсолютно правильно сделал ставку на укрепление связей с Россией, прагматично рассчитав, что для получения международного признания и повышения статуса его страны ему необходимы не только благожелательное отношение Петербурга, но и действенная помощь.

Приведем очень тонкое замечание отечественного специалиста В. Б. Хлебниковой: «Государственность — это внутренний продукт, ускорить ее развитие вмешательством извне или изменить ее качество с помощью финансовых или администра-

тивных “подпорок” со стороны невозможно. Народ должен сам взрастить свое государство, и сделать это быстро пока никому не удалось»³⁹. Однако князь Никола всё же попытался. Возможно, он понимал, что страна и народ не готовы столь быстро создать черногорскую государственность, поэтому всеми силами попытался сделать это при помощи извне. И ему действительно удалось довольно успешно совершить удивительный скачок для статуса своего государства, который он повышал с помощью связей и династических браков.

Первым таким «повышением» стали династические браки, заключенные с Домом Романовых в 1889 г. Две дочери Николы Петровича-Негоша — Милица (1866–1951) и Стана (1868–1935) — выпускницы Смольного института — вышли замуж за представителей Дома Романовых. О помолвке старшей черногорской принцессы было объявлено на званом ужине в честь князя Николы 18 мая 1889 г. На нем император произнес тост, назвав князя единственным верным другом России⁴⁰. 25 июля того же года было объявлено о втором готовящемся бракосочетании⁴¹. Оба жениха были выбраны Александром III, это были его двоюродные братья — Петр Николаевич Романов (1864–1931) и Георгий Максимилианович Романовский, 6-й герцог Лейхтенбергский (1852–1912)⁴². К этому событию готовились очень тщательно и заблаговременно. Помимо встреч с императорской семьей⁴³, знакомства женихов и невест, составления брачных договоров⁴⁴, была произведена очень важная акция — Российская империя погасила *все* долговые обязательства Княжества на общую сумму около 1 млн руб., и простила их ему; помимо этого, была увеличена ежегодная субсидия с 42 тыс. до 100 тыс. руб.⁴⁵.

Отметим также, что в связи с этими событиями черногорский князь удостоился особой чести — император назначил его шефом 15-го Стрелкового полка, который героически отличился во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. А дочери Николы — Милица и Анастасия, ставшие российскими великими княгинями*, носили звание почетных офицеров русской армии⁴⁶.

* Анастасия Николаевна в 1906 г. развелась с герцогом Лейхтенбергским и в 1907 г. вышла замуж за родного брата мужа сестры — великого князя Николая Николаевича (младшего) (1856–1929).

Так черногорская династия Петровичей-Негошей породнилась с династией русских императоров Романовых. Это событие возвысило ее, открыло ей двери в Дома других именитых европейских династий, а также увеличило в целом авторитет князя Николы, указав на значимость самого Княжества в балканской политике Российской империи.

Отметим также, что в 1896 г. при покровительстве российского двора состоялась свадьба черногорской принцессы Елены (1873–1952) и итальянского престолонаследника Виктора-Эммануила III (1869–1947) (хотя изначально у черногорского князя были иные планы относительно этой дочери — вплоть до будущего российской императрицы). В 1888 г. на традиционном ежегодном балу Смольного института, воспитанницей которого была и принцесса Елена, 15-летняя красавица в первый раз вышла в свет и сразу же всех очаровала. Она открывала бал вместе с престолонаследником Николаем Александровичем (1868–1918), после чего при дворе стали поговаривать об их помолвке⁴⁷. Однако этого не произошло; официальной причиной была личная привязанность будущего императора к принцессе немецких кровей Алисе Гессенской. Их свадьба состоялась в 1894 г. (черногорский князь на это торжество приглашен не был).

Елена Петрович-Негош весной 1896 г. прибыла в Москву на торжества по случаю коронации Николая II, по приглашению своей сестры, великой княгини Милицы Николаевны, где и познакомилась с итальянским престолонаследником⁴⁸. После этой встречи начались переговоры об их помолвке со всеми подробностями и тонкостями. Свадьба Елены и Виктора-Эммануила состоялась в том же 1896 г. в Риме. Этот союз в дальнейшем сыграл немаловажную роль в судьбах представителей династии Петровичей-Негошей*.

* С приходом к власти большевиков в России начались гонения на представителей Дома Романовых. Семьи Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны сначала перебрались в Крым, откуда, вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, в 1919 г. на корабле «Мальборо» навсегда покинули Россию. Мария Федоровна была эвакуирована сначала в Великобританию, потом переехала в родную ей Данию, где скончалась в 1928 г.

Семья Анастасии Николаевны с 1919 по 1922 гг. находилась в Генуе в качестве гостей итальянской королевской семьи, а потом переехала во Францию. Великий князь Николай Николаевич с 1924 г. и до своей смерти в 1929 г. руководил русской

Второе официальное повышение статуса черногорской династии произошло на рубеже XIX–XX вв. по инициативе князя Николы и также при покровительстве России. Тогда речь шла о бракосочетании наследного черногорского принца Данилы (1871–1939) и принцессы Мекленбург-Стрелицкой Ютты* (1880–1946). Для этого брака тогдашний статус Петровичей-Негошей представлялся недостаточным, поэтому князь Никола предпринял соответствующие меры. Через своих министров он передавал просьбы российским дипломатическим представителям в Цетине о необходимости скорейшего принятия на себя титула королевского высочества, приурочив этот акт к 40-летней годовщине своего правления⁴⁹. Несмотря на то, что российские дипломаты считали данный повод недостаточным для поднятия статуса династии, однако на это было получено одобрение российского императора (который, кстати, не прислушивался к неутешительным пессимистичным донесениям дипломатов о Черногории и ее пра-

военной организацией в эмиграции — Русским Общевоинским Союзом. Анастасия Николаевна вплоть до своей смерти в 1935 г. проживала во Франции. В 2015 г. останки Николая Николаевича младшего с супругой были перевезены в Россию и ныне покоятся в часовне Московского мемориально-паркового комплекса героев Первой мировой войны.

Семья Милицы Николаевны в эмиграции также проживала во Франции. После смерти великого князя Петра Николаевича в 1931 г. Милица Николаевна переехала с сыном Романом в Италию к бывшей черногорской княжне, тогда уже итальянской королеве Елене (королева с 1900 по 1946 гг.).

Однако в 1943 г., перед вводом в Италию немецких войск и оккупацией Рима, всем представителям монархических фамилий — Савойским, Романовым и Петровичам-Негошам, гостившим в Италии, — пришлось бежать в Египет. Номинально Виктор-Эммануил III продолжал оставаться итальянским королем вплоть до 9 мая 1946 г., когда он отрекся в пользу своего сына Умберто II (носил корону всего один месяц, 2 июня был низложен по итогам конституционного референдума). В конце 1947 г. не стало Виктора-Эммануила, а в 1952 г. — Елены; их останки покоятся в Египте, в Александрии. После смерти Милицы Николаевны в 1951 г., ее прах был перевезен во Францию, где и покоится ныне вместе с останками ее супруга в крипте русской православной церкви в Каннах. В настоящее время идут обсуждения о перезахоронении супругов на территории Российской Федерации, в г. Ялта (Республика Крым).

* Августа Шарлотта Ютта Мекленбург-Стрелицкая — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, родилась в столице германского герцогства-государства Мекленбург-Стрелиц, г. Нойштрелиц (современная Германия) в семье наследного принца Мекленбург-Стрелицкого Адольфа Фридриха V и его супруги Елизаветы Ангальтской (саксонской принцессы). Бракосочетание герцогини и черногорского наследного принца Данилы Петровича-Негоша состоялось летом 1899 г.; в качестве официального представителя императора Николая II в Цетине на торжество прибыл великий князь Константин Константинович Романов.

вители), и в результате Никола Петрович принял на себя новый титул. В том же году, также несмотря на негативную позицию российских представителей в Цетине и военного агента, Николай II одобрил денежную помощь для черногорского господаря⁵⁰.

После получения Николаем Петровичем нового титула, он, продолжая пользоваться своими связями при дворе Николая II и мягким характером последнего императора, неоднократно добивался увеличения русской финансовой помощи Черногории. Как свидетельствует в своих мемуарах министр финансов России С. Ю. Витте, в конце 1900 г. Никола приехал в Петербург и, договорившись об аудиенции у Николая II через своих дочерей, просил императора уступить Черногории контрибуцию в размере 3 млн руб., которую Турция выплачивала России по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Министр финансов постарался сделать всё, чтобы договоренность не состоялась, и всё же вместо 3 млн руб. «с высочайшего соизволения» князю была выдана ссуда Государственного банка в размере 750 тыс. руб.^{*51}. В 1902 г. по личному распоряжению Николая II выплата ежегодных 60 тыс. руб. по этой ссуде была переложена на Департамент государственного казначейства⁵², а через два года и вовсе прощена. Наряду с этим общая сумма субсидии Черногории в 1902 г. была с 222 тыс. 938 руб. увеличена до 500 тыс. руб.⁵³.

Поражающие своим масштабом денежные вливания со стороны России в Черногорию свидетельствуют о несомненной эффективности действий черногорского правителя.

Принятие Николаем титула королевского высочества было подготовкой к принятию титула короля. Это произошло в 1910 г. и стало апогеем для династии Петровичей-Негошей. Подготовка к данному торжественному событию продолжалась всё первое десятилетие XIX в.

Несмотря на то, что внутренний уклад страны и уровень жизни черногорского народа совершенно не соответствовали приня-

* На погашение этой ссуды должны были удерживаться 60 тыс. руб. из разных субсидий, а именно: 20 тыс. руб. из пособия черногорскому правительству и 40 тыс. руб. от суммы в 82 тыс. руб., отпускаемой на черногорскую армию.

тию королевского титула — большинство черногорцев жило за чертой бедности, огромных масштабов в начале XX в. достигла трудовая миграция в Соединенные Штаты Америки, в Княжестве множилась прослойка чиновников, занимавших должности в недавно образованных министерствах, отсутствие высших учебных заведений в стране с уровнем грамотности населения в 3% и т.п. — князь настойчиво шел к «Королевству». В 1905 г. Никола «даровал» своему народу конституцию, однако на деле она в значительной мере оставалась на бумаге и не изменила уклад жизни черногорцев, недовольство политикой правительства в стране продолжало расти. В этих условиях принятие королевского титула Николой становилось, по его убеждению, просто необходимым.

Провозглашение Черногории королевством было приурочено к 50-летнему юбилею правления Николы Петровича-Негоша. Праздновалось оно с большим размахом и очень пышно. В донесениях русского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Цетине С.В. Арсеньева (1910–1912 гг.) содержатся подробные сведения об этих торжествах⁵⁴.

В связи со знаменательным событием российский император удостоил новоиспеченного короля огромной чести, назначив его фельдмаршалом российской армии. Для вручения фельдмаршальского жезла от имени Николая II и как его официальный представитель в Черногорию отправился великий князь Николай Николаевич с семейством.

Несмотря на то, что в целом провозглашение Черногории королевством и принятие Николой Петровичем королевского титула вполне соответствовали общеевропейской традиции, цетинские торжества не везде были встречены с воодушевлением. Появление на Балканах еще одного королевства* вносило некий раздор между югославянскими государствами. Арсеньев в своей докладной записке в МИД России от 18 августа 1910 г. писал по этому поводу: «Сербское общественное мнение относится не вполне сочувственно к провозглашению Черногории королевством, опасаясь, что в недалеком, быть может, будущем в вопросе

* Сербия стала Королевством в 1882 г.

об единении сербских земель Черногория будет стремиться сыграть роль сербского Пьемонта»⁵⁵.

Еще до провозглашения Черногории королевством, в Петербурге шла разработка военного соглашения* с Цетине, которое было подписано обеими сторонами в ноябре-декабре 1910 г.⁵⁶. Главным требованием черногорского правителя было повышение русской денежной субсидии, которая лишь на военные цели Черногории возросла с 331 тыс. до 600 тыс. руб.⁵⁷. Для того, чтобы защитить интересы российской стороны, в соглашении были прописаны и ограничительные меры для черногорской стороны — 7-я статья запрещала Черногории вступать в военные конфликты без одобрения Петербурга⁵⁸ — невыполнение этого пункта грозило отменой денежных субсидий. Однако и этим пунктом Никола Петрович-Негош впоследствии пренебрег, когда объявил о вступлении Черногории в Первую Балканскую войну. И ... был прощен.

Подводя итог, следует констатировать, что формирование черногорской государственности происходило при активной помощи России. Несмотря на то, что черногорский правитель в начале XX в. пытался лавировать между интересами трех великих держав — России, Австро-Венгрии и Италии, важнейшая роль в чер-

* Военная конвенция между Россией и Черногорией была подписана, с одной стороны, военным министром Черногории И. Джуровичем [17(30) ноября 1910 г.] и военным министром России В.А. Сухомлиновым [2(15) декабря 1910 г.] — с другой. Конвенция обязывала черногорское правительство предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны по первому призыву русского императора. Помимо этого, 7-я статья Конвенции ограничивала право Черногории на вступление в военные действия без предварительного соглашения с российским правительством, а также на заключение военных договоров «без согласия его императорского величества». Целью было обеспечить невмешательство Черногории в военные конфликты, могущие нарушить status quo на Балканах. Так черногорские вооруженные силы были de jure поставлены под верховное командование российского императора. Однако de facto король Никола пытался создавать конфликтные ситуации втайне от русского военного агента.

Конвенция определяла также условия военной помощи, оказываемой Россией Черногории. Российское правительство пыталось поставить под контроль расходование военной субсидии. Когда в сентябре 1912 г. Черногория нарушила свои обязательства, заключив союзные договоры с Сербией и Болгарией (накануне Первой Балканской войны), Россия приостановила выдачу военной субсидии // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.—Подгорица, 2003; *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964.

ногорской политике по-прежнему отводилась России. Несмотря на то, что не все ожидания и официальные планы российского МИД реализовались, политика Петербурга, как мы видим, была все-таки эффективной — Черногория стала Королевством, хотя и не смогла сохранить свою самостоятельность из-за эгоизма правящей верхушки, тратившей львиную долю русских субсидий на свои собственные, а не государственные нужды. Черногорский народ по-прежнему питал искренние дружественные чувства к России, отголоски которых мы можем наблюдать и сейчас.

Черногорский король Никола, который после поражения и отступления сербской армии в январе 1916 г. был вынужден покинуть свою страну, умер в изгнании, во французском городе Антибе. Похоронен он был в Италии, в русском храме Христа Спасителя города Сан-Ремо. Лишь в 1989 г. прах Николы, его супруги и двух их дочерей (Ксении и Веры), был перезахоронен в Черногории, в дворцовой церкви Рождества Богородицы в Цетине.

12 июля 2011 г. Скупщина Черногории в окончательном чтении приняла закон «О статусе потомков династии Петровичей-Негошей»⁵⁹. Согласно этому документу, потомкам короля Николы I Петровича-Негоша мужского пола (а также их детям и женам) официально был присвоен статус потомков династии Петрович-Негош. Их представителем был объявлен Никола II Петрович-Негош, которому была положена заработная плата, равная зарплате президента Черногории, и в обязанности которого входит способствовать культурному развитию страны без политического вмешательства⁶⁰.

Примечания

¹ Александров А.И. История развития духовной жизни Черной Горы и князь-поэт Николай I. Казань, 1895. С. 10–12.

² Милаковић Д. Историја Црне Горе. Задар, 1856. С. 6.

³ Бычков Ю.Е. Черногория: от прошлого к настоящему. Очерк истории Черногории и российско-черногорских отношений. М., Декоративное искусство, 2004. С. 39–41.

- 4 П. К-ский [Кулаковский П.А.]. Юбилей князей Негошей в Черногории. 1696–1896 г. М., 1896. С. 7; *Василий Петрович [Негош]* История о Черной Горы // Повјесница црногорска: (одбране историје Црне Горе до краја вијека). Подгорица: УЈ Унирекс МБ, 1997. С. 21.
- 5 *Александров А.И.* История развития духовной жизни Черной Горы. С. 13; *Милаковић Д.* История Црне Горе. // Повјесница црногорска. С. 320–321.
- 6 *Вацлик И.Я.* Черногорские правящие династии. Спб., 1889. С. 10.
- 7 Грамота Петра I черногорскому народу с призывом к антиосманскому восстанию в связи с началом русско-турецкой войны от 3 марта 1711 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в: Документы. М., 1997. С. 29–33, 37–42; Црногорско-руски односи, 1711–1918. Књ. 1: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица–М., 1992. С. 43–47.
- 8 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 146 (Славянский стол). Д. 9152 (Черногория. Пособие от Русского правительства). Л. 169–173 — Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П.А. Ровинского. 1908 г.; Политические и культурные отношения. С. 51–53, 64–66, 378–379; Црногорско-руски односи. С. 44; *Милаковић Д.* История Црне Горе. // Повјесница црногорска. С. 331.
- 9 *Аншаков Ю.П.* Русско-черногорские отношения в XVIII веке: от Петра I до Екатерины II // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: материалы научной конференции С.–Петербург, декабрь 2011 / отв. ред. Н.П. Евдокимова. Ишим, 2012. С. 171.
- 10 П. К-ский [Кулаковский Платон]. Юбилей князей Негошей. С. 39.
- 11 *Василий Петрович [Негош]*. История о Черной Горы // Повјесница црногорска. С. 1–28; *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Черногорцы в России. М., 2011. С. 67–68.
- 12 Указ Сената Военной коллегии об отпуске средств для формирования и снабжения черногорских эскадронов от 23 марта 1758 г. // Политические и культурные отношения России. С. 219. См. также там же С. 221–222, 228–229.
- 13 *Аншаков Ю.П.* Русско-черногорские отношения в XVIII веке. С. 172.
- 14 П. К-ский [Кулаковский Платон]. Юбилей князей Негошей. С. 45.
- 15 *Аншаков Ю.П.* Русско-черногорские отношения в XVIII веке. С. 173.
- 16 *Блудилина Н.Д.* К истории взаимоотношений властей и народов России и Черногории. По материалам переписки Петра I Петровича-Негоша 1784–1798 гг. // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX веков: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. Вып. 3. М., 2017. С. 8.
- 17 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1 (География. История. Этнография. Археология. Современное положение.). Спб., 1888. С. 593.
- 18 Там же. С. 612.
- 19 *Аншаков Ю.П.* Русско-черногорские политические связи в начале XIX в. Миссия М.К. Ивелича // Исторические исследования: Сборник научных трудов. Вып. 2. Самара, 1998. С. 12.
- 20 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1. С. 635.
- 21 Там же. С. 633.
- 22 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3 (Государственная жизнь 1851–1907). Пг., 1915. С. 8, 12.

- 23 *Петар I Петровић-Његош*. Кратка историја Црне Горе // Повјесница црногорска. С. 39–63.
- 24 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 9–10.
- 25 Там же. С. 10.
- 26 Петар II Петрович Негош — митрополит, реформатор, поэт: К 200-летию со дня рождения. М., 2013.
- 27 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 13.
- 28 *Вацлик И.Я.* Черногорские правящие династии. С. 18.
- 29 Письмо российского посла в Вене Мейендорфа черногорскому сенату от 22 ноября (4 декабря) 1851 г. // Цит. по: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 19.
- 30 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 31.
- 31 Там же. С. 34–35.
- 32 *Вацлик И.Я.* Черногорские правящие династии. С. 20.
- 33 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 26.
- 34 «Што ти је брод у каменици?!» (К чему корабль в луже) — дословно процитировал Ровинский одного черногорского старика, прокомментировавшего этими словами обретение Черногорией статуса светского государства // см.: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 27.
- 35 Там же. С. 39.
- 36 Там же. С. 31.
- 37 *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016. С. 70–71.
- 38 Цит. по: *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 122.
- 39 *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. С. 228.
- 40 Нива. № 24. 1889. С. 614. Министр финансов С.Ю. Витте, рассказывая о тосте императора, по-своему объяснял причины, по которым Александр III произнес его: «Между Россией и Черногорией издавна существовали дружественные отношения, причем царское правительство оказывало этой балканской стране денежную и иную помощь. Формального союзного договора между ними не заключалось. Тост царя имел целью подчеркнуть не столько значение русско-черногорских отношений, сколько силу и самостоятельность России, не нуждавшейся в дружбе других великих держав» // *Vumte С.Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллин–М., 1994. Т. 1. С. 464.
- 41 О помолвках черногорских принцесс и двоюродных братьев императора Александра III русскому обществу рассказывал самый популярный в Российской империи иллюстрированный журнал «Нива». Портрет Милицы Николаевны и Петра Николаевича в «Ниве» был напечатан в № 30 за 1889 г., а портрет Анастасии Николаевны и Георгия Максимилиановича — в № 34 за тот же год.
- 42 *Маркуш Ј.Б.* Родослови српских династија из Зете и Црне Горе. Цетиње: Светигора, 2004.
- 43 Библиографическое архивное отделение народного музея Черногории (Библиографско Архифско одељење Народног музеја Црне Горе — далее БАОНМЦГ). Ф. Краља Николе. Фасц. 1889 г. 18. I. 1889. — Телеграмма черногорскому князю от дочери Зорки из Риеки о завтраке с императорской семьей.
- 44 БАОНМЦГ. Ф. Краља Николе. Фасц. 1889. 25. VII. 1889.
- 45 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 1–4, 8–9.

- 46 *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // Le Montenegro dans les relations internationales. Titograd, 1984. P. 49.
- 47 *Jovišević M.* Вјенчање на црногорском двору. Цетиње, 1990. С. 135.
- 48 Там же. С. 141; *Кузьмичёва Л.* Королева Елена Савойская (очерк) // http://www.senator.senat.org/Elena_Savoiskaja.html.
- 49 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3322 — Принятие князем Николаем титула королевского высочества. Л. 7 об.–8.
- 50 *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский Дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 285–286.
- 51 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 99–99 об.
- 52 Там же. Л. 109 об.
- 53 Там же. Л. 113–113 об.; РГВИА. Ф. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 831. Л. 137–139 // Политические и культурные отношения. С. 386.
- 54 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 43–58.
- 55 Там же. Л. 47.
- 56 *Распопович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // Российская история. 2009. № 2. С. 54–59.
- 57 Отношение Главного управления Генерального штаба в Совет министров с ходатайством об отпуске 600 тыс. рублей для Черногории из средств Государственного казначейства в первые месяцы 1911 года. №2034. 13 (26) января 1911 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Отв. ред. А.Н. Сахаров, Р. Распопович. М.–Подгорица, 2003. С. 483.
- 58 Там же.
- 59 <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD/923502/%D0%A3%D1%81%D0%B2%D0%BE%D1%98%D0%B5%D0%BD+%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD+%D0%BE+%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%98%D0%B8+%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%9B-%D0%8A%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%88.html>.
- 60 <http://montenegro-today.ru/rus/main-news/?action=shownews&id=8868>;
<http://www.jadranburo.com/novosti-chernogorii/negosh-v-chernogorii/08/03/>;
<https://news.rambler.ru/world/37205904-kak-altynay-stala-printsessoy-chernogorii-udivitel'naya-istoriya-odnogo-imeni/?updated>.

Внешний фактор в становлении албанской государственности (1878–1914 гг.)

Внешний фактор исторически играл в истории формирования албанской государственности гораздо большую роль, чем у других балканских народов. Особенно заметно это проявлялось в 1878–1914 гг. и было связано со следующими ключевыми обстоятельствами:

1. Более позднее, по сравнению с другими балканскими странами и территориями, формирование албанского национального движения, что объективно включало территории с албанским населением в ареал претензий и национальных программ со стороны других балканских народов;

2. Стремление ряда великих держав — в первую очередь, Австро-Венгрии, а также Италии — использовать Албанию и албанцев в собственных геополитических целях;

3. Сложные и внутренне противоречивые взаимоотношения Албании с Османской империей, вынуждавшие лидеров албанского национального движения учитывать более весь комплекс международных отношений в Европе в разрезе взаимодействия ведущих европейских столиц с Константинополем;

4. Усилившееся с приближением Первой мировой войны стремление великих держав обеспечить занятие албанского престола собственным ставленником, а также беспрецедентно широкие полномочия действовавшей в Албании в 1913–1914 гг. Международной контрольной комиссии;

5. Внутренняя противоречивость состава албанского национального движения еще во времена существования Призренской лиги 1878–1881 гг. и отсутствие ясной системы приоритетов и видения формата будущего Албанского государства.

Именно деятельность образованной летом 1878 г. и просуществовавшей три года Призренской (Албанской) лиги заложила международно-правовые основы процесса формирования албанской государственности. Албанская историография традиционно отводит этому политическому объединению албанцев из различных районов Балканского полуострова роль организатора борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояние попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать исконные албанские земли. Возлагая вину за будущее обострение сербско-албанских отношений вокруг Косово на Белград, проводивший жесткую политику в отношении албанцев, албанские ученые подчеркивают, что «отношение сербского правительства особенно поспособствовало ухудшению отношений между высланными албанцами из Южной Сербии и сербами из Косово (во время сербско-турецкой войны в период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. — *П. И.*). Тогда албанское национально-освободительное движение поднялось до уровня движения за автономию, общее освобождение и независимость. Оно основало и собственный руководящий орган, иными словами, создало Албанскую Призренскую лигу, которая вела борьбу против всех возможных врагов и завоевателей»¹. Схожей концепции придерживаются и некоторые российские исследователи. В частности, Н.Д. Смирнова видела в деятельности Призренской лиги важнейший этап «албанского национального Возрождения»².

Однако в исторических трудах представителей других государств Балканского региона существует и прямо противоположная точка зрения на роль Призренской лиги. Ее сторонники называют данное объединение и принятые им программные документы первым свидетельством великодержавных устремлений стремительно конституировавшегося в конце XIX в. албанского этноса и считают всё происходящее на Балканах в последующие годы (вплоть до настоящего времени) борьбой албанцев за реализацию программы Призренской лиги и создание «Великой Албании» на основе насильственной перекройки границ региона и подавления (в том числе физического) других балканских народов³.

Русско-турецкий прелиминарный договор, подписанный в Сан-Стефано (совр. Ешилкёй, близ Стамбула) 19 февраля (3 марта) 1878 г., не содержал никаких упоминаний об Албании и албанцах. Подобная ситуация стала следствием, в том числе, нерегулированности разногласий самих великих держав по поводу настоящего и будущего Албании. Стоит напомнить, что даже секретное Рейхштадтское соглашение России и Австро-Венгрии, заключенное 8 июля 1876 г. по итогам свидания российского императора Александра II и министра иностранных дел князя А.М. Горчакова с их австрийскими коллегами Францем Иосифом и Д. Андраши в Рейхштадтском замке в Чехии, оказалось составленным таким образом, что русская и австрийская записи различались как раз применительно к албанским делам. В частности, согласно записи Андраши, Албания должна была стать автономной провинцией Османской империи, наравне с Болгарией и Румелией. В русской же версии упоминание об Албании отсутствовало⁴. Не прояснили ситуацию относительно Албании и подписанная 15 января 1877 г. в Будапеште еще одна секретная русско-австрийская конвенция, а также подписанная 18 марта того же года, но датированная 15-м января дополнительная конвенция⁵. Последний документ особо оговаривал «ожидаемые результаты предстоящей войны»⁶.

Неудивительно, что положения Сан-Стефанского мирного договора вызвали резко негативную реакцию в рядах набиравшего силу албанского национального движения. Как справедливо отмечает американская исследовательница Барбара Елавич, именно неспособность Высокой Порты отстаивать интересы региона, 70% населения которого составляли мусульмане, в основном лояльные Константинополю, заставила албанских лидеров не только организовать собственную оборону, но и создать автономную администрацию, подобную той, которой располагали Сербия и Дунайские княжества⁷.

Неудивительно, что уже с весны 1878 г. в албанском национальном движении всё большее распространение стала приобретать идея образования общеалбанской лиги, призванной способствовать объединению всех албанских земель в одно государственно-политическое автономное образование, а также воспрепятствовать планам великих держав и балканских государств добиться

отторжения в их пользу территорий, населенных албанцами. По последнему вопросу взгляды албанцев в принципе соответствовали интересам турецкого правительства (которое стремилось использовать албанское движение в интересах сохранения территориальной целостности Османской империи), а также вписывались во внешнеполитическую стратегию некоторых великих держав, в первую очередь, Великобритании и Австро-Венгрии, настаивавших на необходимости пересмотра Сан-Стефанского соглашения и планировавших использовать недовольство албанцев в качестве рычага давления на Россию. Местные албанские комитеты обороны были созданы в Косовском, Шкодринском и Битольском вилайетах. И уже 3 мая 1878 г. британский консул в Шкодере Герберт Грин сообщал о всеалбанском объединении как о почти что свершившемся факте: «В округах Гусинье, Плав, Бераны, Граничи и на большей части отрогов североалбанских гор была введена в действие лига последователей Мухаммеда, взявших индивидуальные и коллективные обязательства сопротивляться до самой смерти всем попыткам, проистекающим как извне, так со стороны верховного правительства, и направленным на изменение существующего состояния их территории. Их жители предприняли необходимые шаги для достижения соглашения с албанцами, проживающими далее к югу, в районах Призрена, Приштины, Фанди, Дибра (Дебар. — *П. И.*), Охрид и даже вплоть до Монастыря (Битоли. — *П. И.*)»⁸. Тот же Грин, к слову, предложил Форин-офису рассмотреть вопрос об использовании 15-тысячного корпуса албанских добровольцев из Дебара, Мата и других албанонаселенных районов «в случае войны с Россией», на которую в Лондоне готовы были пойти при нежелании Санкт-Петербурга пересмотреть положения Сан-Стефанского договора в том, что касалось независимости Болгарии в широких территориальных пределах⁹.

10 июня 1878 г. в городе Призрен с участием около 80 делегатов состоялось первое заседание Национального кувенда — всеалбанского Учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе название — Призренская)¹⁰.

Среди собравшихся в Призрене делегатов преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и

представители мусульманского духовенства не только из Косово и Албании, но и из Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»). Она имела достаточно умеренный характер и включала в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий (Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский (Шкодринский) вилайеты. — *П. И.*) в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»¹¹. Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения¹².

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Б. Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»¹³. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того, в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось ни принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей, ни хотя бы добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса.

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление передаче присужденных Черногории и другим балканским странам земель — в том числе в Плаве, Гусинье, Шкодере, Призрене, Превезе и Янине. Был принят Статут Лиги, которая приобрела официальное название «Албанская», и был избран новый состав Генерального совета. Во главе этого органа остался богатый феодал из Дибры (Дебара) Ильяз-паша Дибра, однако в его составе усилилось влияние патриотических сил. Одно из положений Статута подтверждало положение Албанской лиги о формировании вооруженных подразделений «для защиты албанских территорий», причем, предусматривалось провести в этих целях в случае необходимости «мобилизацию всех мужчин, которые способны носить оружие»¹⁴. Именно принятие Статута считается обретением Албанской лигой юридической базы «для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии», поскольку «у албанцев впервые появился орган защиты военным и дипломатическим путем их национальных прав»¹⁵.

В конце сентября 1878 г. радикальное крыло Албанской лиги, по-прежнему группировавшееся вокруг Стамбульского комитета, разработало и приняло новую программу этого общеалбанского объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предшествовавшей¹⁶. Ее основные положения были опубликованы 27 сентября на страницах редактируемой одним из активистов албанского национального движения Сами Фрашери стамбульской газеты «Терджюман-и Шарк» («Рупор Востока») и включали в себя следующие пункты:

«1. Его Величество Султан должен защищать все права албанцев и не допустить, чтобы хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат;

2. Все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый вилайет, так назы-

ваемый «Албанский вилайет»; в его собственной среде должен быть выбран и назначен честный, способный и ученый вали, знающий страну, положение, обычаи и менталитет данного народа;

3. Официальные лица административной и судебной сфер, которые находились бы на службе в данном вилайете, должны знать язык страны, понимать проблемы и требования, которые выдвигает народ; на официальную службу необходимо назначать тех, кто может говорить с местными жителями без переводчика.

4. Не принимая во внимание религиозные и имущественные различия, демократическим и равноправным образом необходимо провести выборы пленарных советов таким образом, чтобы население нахий выбирало бы пленарные советы нахий, пленарные советы нахий выбрали бы пленарные советы казы, пленарные советы казы выбрали бы пленарные советы санджака, одновременно из состава этих советов избиралась бы Национальная ассамблея;

5. Каждый год Ассамблея проводила бы свои рабочие двухмесячные сессии в столице вилайета. Из числа избранных членов создавался бы Совет, выполняющий национальные требования, который бы рассматривал вопросы улучшения существующего положения и выносил несправедливости и упущения, допущенные чиновниками, на рассмотрение Национальной ассамблеи и представителя правосудия, если речь идет о подсудном деле. В этом случае судебный процесс над подобными чиновниками осуществлялся бы в рамках Национальной ассамблеи, а принятое решение приводилось бы в исполнение центральным правительством.

6. Вилайет поддерживал бы с Высокой Портой почтовую и телеграфную связь, а также вел переговоры на официальном османском языке, в то время как албанский язык использовался бы и применялся бы в суде, на встречах, заседаниях, в школах и гимназиях низшего уровня, которые уже существуют в областях Албании, и в тех, которые будут основаны позднее. Турецкий язык использовался бы лишь в некоторых областях знаний и наук — там, где без этого нельзя обойтись. Почтовая служба, письменность и обучение будут осуществляться на албанском языке, а из доходов вилайета, образующих прибыль, будет выделяться достаточно средств для развития науки и образования.

7. Вне зависимости от религиозных различий, все албанцы должны принять участие в организации и создании национальной армии, которая, несомненно, насчитывала бы свыше двухсот тысяч военнослужащих. Для этой элитной армии, которая будет создана, существовали бы особые военные правила, а к ее подготовке и обучению были бы привлечены офицеры из иностранного государства»¹⁷.

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и поэтому носившее «протурецкий» характер¹⁸. Однако ряд турецких исследователей — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»¹⁹. Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зрения российского исследователя Г.Л. Арша, характеризующего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»²⁰. Аналогичную оценку дала этой программе в сентябре 1878 г. российская газета «Голос», подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»²¹.

23 июля 1880 г. в южноалбанском городе Гирокастра открылось очередное общее собрание Призренской лиги, на котором лидер радикального крыла национального движения Абдюль Фрашери предложил на рассмотрение делегатов из всех албанских областей еще более радикальный программный документ. Он на деле означал, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, построенной на принципах равенства и гражданских свобод и располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государствен-

ного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Данная программа была в целом одобрена делегатами общеалбанского собрания, однако, под давлением более умеренной их части, ее реализация была поставлена в зависимость от возникновения ситуации, когда Османская империя подвергнется внешней агрессии и не сможет ей эффективно противостоять.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабоорганизованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел город Скопье. В конце апреля 10-тысячная турецкая армия взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косово.

В развитии албанского национального движения наступил новый этап, кульминацией которого стали вооруженные восстания 1908–1912 гг. и провозглашение независимости Албании 28 ноября 1912 г. В связи с этим изменилось и стало более сложным и противоречивым влияние на указанный процесс внешнего фактора.

Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой администрации в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в столицах других балканских государств.

С одной стороны, опасения в европейских столицах вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории.

Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и Старой Сербии за потерю надежд на присоединение к нему Боснии и Герцеговины»²².

С другой стороны, сами великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области всё более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х годов XIX в. (а точнее, с оккупации Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы²³), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства²⁴. Основной смысл и содержание борьбы двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться»²⁵.

Данная характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту

провинцию, но не может допустить захвата ее другой державой. Адриатическое море должно остаться свободным»²⁶. Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и даже мировая печать того времени всерьез рассматривала возможность военного конфликта между ними. Так, выходящая далеко от европейских просторов — в американском городе Солт-Лейк-Сити — газета «Дезерт ивнинг ньюс» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?», в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»²⁷.

Что же касается России, то она, также руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию, в связи с чем относилась с опасением к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А.П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетине от 13 мая 1910 г., подчеркивалась необходимость дать королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия»²⁸.

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 г. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, восстание «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»; кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, тур-

ки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»²⁹. Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории.

23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Как указывал в своем донесении от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»³⁰. Одновременно, по мнению сербского дипломата, это объективно способствовало обострению сербо-албанских отношений в указанных областях, поскольку проживавшие там сербы были вынуждены занимать выжидательную и во многом нейтральную позицию, чтобы не давать повода для каких-либо репрессивных мер по отношению к себе как со стороны самих албанцев, так и со стороны турецких властей. К тому же, по его наблюдениям, значительная часть сербов прямо выступила против устремлений и требований албанцев, что находило свое выражение в проведении сербами митингов протеста против идеи автономии Албании и в сборе подписей под петициями и телеграммами протеста³¹.

Во-вторых, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России А.А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу

в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершилось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»³².

События в Албании стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства. Двойственное отношение к ним Греции определялось тремя обстоятельствами. С одной стороны, как указывал в своем сообщении от 28 июля 1911 г. российский поверенный в делах в этой стране Татищев, «всякое внутреннее замешательство в Оттоманской империи встречается греками с чувством нескрываемого удовольствия. Это, впрочем, вполне понятно, ибо означенные смуты служат очевидным доказательством шаткости ненавистного грекам младотурецкого режима»³³. С другой стороны, обострение вследствие восстания в Албании турецко-черногорских отношений могло поставить под угрозу глобальный политический курс греческого правительства, рассчитанный на поддержание существующего положения на Балканах, по крайней мере до тех пор, пока не завершится начатая под руководством английских и французских инструкторов реорганизация греческой сухопутной армии и флота. Наконец, очень существенное, если не решающее, значение для Греции имело обострение ситуации в тех областях Южной Албании (Северный Эпир по греческой терминологии), на которые Греция сама претендовала. Подъем албанского национального движения в этих областях мог помешать осуществлению планов Афин. Поэтому, сообщал Татищев, греческие правящие круги и общественное мнение предпочитали «продолжение нынешнего владычества турок в Эпире, нежели захват его албанской пропагандой», а правительство, «через своих агентов в Эпире, делает тамошнему греческому населению самые усиленные внушения относительно необходимости соблюдать полное спокойствие и строго воздерживаться от содействия, а тем паче от участия в революционном движении»³⁴.

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское пра-

вительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двум организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

С другой стороны, Румыния не желала обострять отношения с прочими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя то обстоятельство, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М.Н. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»³⁵.

Вполне определенные планы существовали и у Болгарии, которая стремилась использовать албанское национальное движение в интересах борьбы против Турции. Они, однако, не афишировались и не являлись предметом обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г., болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он впрочем не ожидает в близком будущем»³⁶.

Что же касается политики Сербии, то она определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»³⁷.

Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений,

ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории³⁸.

Рассматриваемое восстание, прежде всего вследствие нерешительной и соглашательской позиции крупных албанских феодалов, связанных экономическими интересами с турецкой властью (которым в целом по-прежнему принадлежала руководящая роль в албанском национальном движении), и политики невмешательства, проводившейся великими державами, также не увенчалось принципиальным успехом, приведя лишь к некоторым уступкам со стороны Турции (снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке, амнистия для участников восстания). Тем не менее, восстание свидетельствовало об определенном изменении характера борьбы и взглядов руководителей албанского освободительного движения.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, с Исмаилом Кемали и Хасаном Приштиной, а также в связи с неудачной для Турции Триполитанской войной.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкодере (так же как и в дипломатических представительствах великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью 50 видных деятелей албанского племени малиссоров, в котором они «обвиняют турок в неисполнении данных малиссорам обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникнут, если их требования не будут исполнены немедленно же»³⁹.

Одновременно с этим руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Глава сербского правительства Н. Пашич отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»⁴⁰. Однако эти попытки окончились провалом. Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории⁴¹.

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет; позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем имели место многочисленные случаи отказа частей и соединений турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев⁴².

16 июля 1912 г. в г. Влёра состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования восставших. При этом, как указывал в своем донесении сербский генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич, несмотря на то, что их «подписали албанские лидеры с юга», в разработке данной программы «принимали участие и делегаты из Старой Сербии»⁴³.

Наиболее важными из этих требований были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям конституции и других законов; назначение в Албанию специального, периодически сменяемого турецкого посланника, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предоставление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влёры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд

европейских средств массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»⁴⁴.

7–8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования, а затем переданы специальной комиссии, направленной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштины, одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не были приняты, Хасан Приштина подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое в конечном счете не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом. Вместе с тем, следует согласиться с мнением сербского историка Милоша Ягодича, указывающего, что, несмотря на полученные албанцами в период до Балканских войн уступки, они более не имели в Константинополе надежной опоры в лице традиционно благоволившего к ним султана Абдул-Хамида, что делало их положение менее устойчивым, чем в предыдущие десятилетия⁴⁵.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда в результате нового подъема освободительной борьбы албанского народа 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость этой страны и на открывшейся 17 декабря того же года в Лондоне конференции дипломатических представителей великих держав началось всестороннее обсуждение албанских сюжетов. И хотя данный форум не признал независимость Албании и постановил

создать в ней Международную контрольную комиссию, а также назначить собственного правителя в лице князя Вильгельма Вида, процесс формирования албанской государственности приобрел необратимый характер, а албанский фактор уже стал играть роль не объекта, а субъекта международных отношений в Европе.

Примечания

- ¹ *Brestovci S.* Marrëdhëniet shqiptare-serbo-malazeze (1830–1878). Prishtinë, 1983. F. 268.
- ² *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25.
- ³ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. №3.
- ⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 144–148.
- ⁵ Там же. С. 149–155.
- ⁶ История дипломатии. Том второй. М., 1945. С. 38.
- ⁷ *Jelavich B.* History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries. London, 1999. P. 361.
- ⁸ *Skendi S.* The Albanian National Awakening. New Jersey, 1967. P. 35.
- ⁹ Краткая история Албании. М., 1992. С. 172.
- ¹⁰ *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 10.
- ¹¹ *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982. S. 18.
- ¹² *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London — New York, 1995. P. 33.
- ¹³ *Skendi S.* Op. cit. P. 45.
- ¹⁴ Краткая история Албании. С. 176.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Pollo S., Puto A.* The History of Albania. London, 1981. P. 125.
- ¹⁷ *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986. S. 284–285.
- ¹⁸ *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.
- ¹⁹ *Külce S.* Osmanli Tarihinde Arnavutluk. Izmir, 1944. F. 250.
- ²⁰ Краткая история Албании. С. 179.
- ²¹ Голос. 29.09.1878.
- ²² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.
- ²³ Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.
- ²⁴ *San Giuliano A. di.* Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig, 1913. S. 9.
- ²⁵ Цит. по: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 125.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2081. Л. 21.
- ²⁷ The Deseret Evening News. 1910. 24 Dec.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 75.

²⁹ Там же. Д. 2084. Л. 152.

³⁰ *Ракић М.* Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985. С. 270.

³¹ Там же. С. 271.

³² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 231.

³³ Там же. Л. 232.

³⁴ Там же. Л. 233.

³⁵ Там же. Л. 219.

³⁶ Там же. Л. 211.

³⁷ Там же. Л. 353.

³⁸ Там же. Л. 247.

³⁹ Там же. Л. 326.

⁴⁰ Там же. Л. 366.

⁴¹ Там же. Л. 247.

⁴² Так, в ходе боевых действий в районе города Призрен пять турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 521.

⁴³ Документи о спольној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига V. Све-ска 2. Београд, 1985. С. 179.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Консуљство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.

⁴⁵ Подробнее см.: *Јагодић М.* Српско-албански односи у Косовском вилајету 1878–1912. Београд, 2009.

Особенности политического процесса в Болгарии глазами русских (конец XIX — начало XX вв.)

В конце XIX — начале XX вв. на Балканах шел процесс догоняющей модернизации по западному образцу. Говоря о его специфике, современные исследователи нередко обозначают данную модернизацию как имитационную — заимствуя элементы вестернизации, южные славяне «творчески» их перерабатывали, подстраивая под местные реалии. Одним из таких элементов являлась и политическая система. В Болгарии ее номинальной основой стала Тырновская конституция*. Ее принято оценивать как одну из самых демократичных и передовых в Европе того времени, что является предметом национальной гордости болгар**. Однако, как это часто бывало, номинальная норма не в полной мере отражала практику.

В своем исследовании мы попробуем взглянуть на функционирование болгарской политической системы первых 40 лет существования возрожденного болгарского государства (1878–1918 гг.) — времени, оставшегося в памяти народа как полное надежд на плодотворный и мирный труд, впечатлявшего прогрессом страны¹. Ответственность за две национальные катастрофы — поражение во Второй Балканской и Первой мировой войнах — следующее поколение возложило на правящие круги именно этого времени, игнорируя их заслуги и называя «допотопными» и «ископаемыми»². Столь ангажированные оценки сказывались и на мемуаристике, искажая картину функционирования

* Зачастую высказывается мнение, что Тырновская конституция является едва ли не калькой бельгийской, но это не так. См., напр., об этом: *Мишкова Д.* Из националните ни комплекси, или «белгийска» ли е Търновската конституция? // Историческо бъдеще. 1997. № 2.

** В частности, это повторил в 2019 г. и посол Болгарии в России на торжественном приеме в честь Дня освобождения страны.

политической системы. Обращение же к официальным данным зачастую не отражало реальной практики, не фиксируемой в документах. По этой причине постараемся обрисовать контуры демократии молодой страны, опираясь на впечатления русских очевидцев. Безусловно, на базе данных источников целиком понять и объяснить болгарские реалии невозможно — всех деталей авторы не могли охватить ни взором, ни пером. Но иностранцы всегда видят то, что привычно и незаметно представителям изучаемой культуры, а потому могут делать обобщающие выводы, давая нам пищу для размышлений. Использование же сведений русских наблюдателей уже не единожды обосновывалось как перспективное для исследования истории южных славян. Это обусловлено низким языковым барьером, культурной и конфессиональной близостью и отсутствием присущего европейцам взгляда через призму собственного культурного превосходства³. К тому же, в силу сложившихся среди южнославянского населения симпатий, русские могли пустить туда, куда европейцам вход был заказан⁴. Всё это позволяло русским более объективно изучать и понимать южных славян. Европейцы же, как утверждал в XIX веке известный славист П.А. Ровинский, находясь в Сербии, «на все явления народной жизни смотрят издали и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям»⁵.

Вдобавок использование именно данного типа источников позволяет нам понять сразу две культуры — описываемую и описывающую, поскольку чужое — лишь зеркало, глядя в которое мы конституируем и свое. Правда, надо помнить, что наблюдатели принадлежали к меньшей, образованной части общества с присущим ей набором ценностей.

Для создания демократического и правового общества на Балканах имелись определенные предпосылки. Для балканских народов в XIX–XX вв. было характерно отсутствие социальной дифференциации. Из-под турецкого ига государства полуострова вышли с неполной социальной структурой — национальная родовая знать уцелела только в Румынии. В Болгарии сложив-

шаяся ситуация была зафиксирована в 57-й статье Тырновской конституции: «Все болгарские подданные равны перед законом. Сословное разделение в Болгарии не допускается»⁶. Нацелено на сохранение равенства было и изменение, внесенное в 1879 г. Учредительным собранием Болгарии в первоначальный проект Тырновской конституции, подготовленный в России. Правка превратила парламент из двухпалатного в однопалатный. Однако если в классических вариантах правовое равенство достигалось в борьбе внутри социума, становилось основой гражданского мира и являлось одним из прав человека, то в Болгарии оно установилось просто в силу освобождения страны. И не имея за спиной опыта сосуществования неравных в прошлом частей общества, болгары не могли в полной мере ценить и осознавать свое равноправие.

Однако для наблюдателей из России, с ее сословностью и чиновничьим почитанием, равенство болгарского общества бросалось в глаза. Они нередко именовали его демократичностью. «Больше же всего поразила нас в этой стране ее демократичность... Нужно еще сказать, что Болгария — это удивительное царство какого-то родственного отношения людей между собою», — утверждала донская казачка, посетившая страну в 1911 г.⁷. Направлявшийся в Македонию русский доброволец Б.Л. Тагеев в 1903 г. также констатировал: «В силу демократического положения Болгарии самое разношерстное общество сливается в одно целое... И министры, и редакторы газет, и простые селяне, офицеры и студенты — все в общей толпе проводят вечера за кофе или кружкой пива в лучшем здесь кафе „Червенном Раке“»⁸. В 1912 г., во время Первой Балканской войны, писатель Вас.И. Немирович-Данченко, не единожды посещавший страну, громко заявлял со страниц прессы: «Болгария — конституционное государство, где все равны перед законом»⁹. Наблюдая хоро, в котором вместе плясали офицеры и солдаты, он писал, что это стало для него

* Стоит отметить, что «Червен рак» являлся далеко не рядовым заведением. Несмотря на простоту обстановки, здесь подавали мюнхенское пиво; кафе находилось напротив дворца монарха, и потому его называли «придворным». «Это было питейное заведение только для гастрономов», — вспоминала современница (Костенцева Р. Моя роден град София в края на XIX — началото на XX век и след това. София, 2008. С. 236).

«образом всей Болгарии, счастливой страны равенства и братства, где нет сословий, никто не оторвался от народа и живет с ним одной общей жизнью»¹⁰. Тогда же журналист В. Водовозов называл Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким»¹¹. И в том же 1912 г. писателя Е.Н. Чирикова поразила доступность представителей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне удивился, представив, что в России кто-то решил вызвать к аппарату премьера. В ответ он услышал: «У нас страна — демократическая»¹².

Данный предмет гордости болгар был органичной частью жизни и оберегался от попыток разрушения. Первый военный министр Болгарии — русский генерал П.Д. Паренсов — в своем ведомстве хотел ввести по образцу России жесткие правила внутренней переписки с необходимыми обращениями и чиновничествами. «Тут мне пришлось выслушать от добрейшего Бурмова* прекурьюзное возражение, высказанное, однако, в наставительном тоне: „помилуйте, П[етр] Д[митриевич], как же мы можем принять ваши формы. Вы — страна монархического, неограниченного правления, а мы — конституционного!“» — вспоминал генерал¹³. Примечательно, что, судя по тону, он сам со скепсисом воспринимал демократические порядки. Но в секретной записке русскому военному министру Паренсов советовал тщательно избегать всего, «что составляет роскошь и наружный блеск». «Мнение, будто в Болгарии, стране восточной, необходим блеск, чтобы влиять на умы, не выдерживает ни малейшей критики», — заключал он¹⁴. Другой русский очевидец первых лет болгарской государственности отметил, что болгарин «с иронией, даже пренебрежением относится к попыткам некоторых господ из высшего чиновничества подражать аристократическим привычкам запада»¹⁵. И спустя 20 лет еще один наблюдатель утверждал, что болгары к «блеску привыкают с трудом, так как в их нравах

* Видимо, Тодор Бурмов (1834–1906) — видный государственный деятель и политик Болгарии.

большая простота», и лишь русский посол торжественно ездит по Софии¹⁶.

Интересно, что в самой столице были люди, которые могли себе позволить внешнюю роскошь и комфорт, но избегали их демонстрации. Например, до создания железнодорожной сети наиболее комфортным средством междугородного передвижения являлась бричка. Однако она воспринималась как роскошь, и некоторые жители Софии добирались до окраины города более «демократическим» способом и только там пересаживались в брички, чтобы на них не смотрели косо¹⁷. Этот факт и неоднократное подчеркивание самими болгарами равенства и демократического устройства государства говорят о том, что такие порядки для них являлись важной ценностью. Возможно, здесь стоит видеть определенное упоение болгар от наконец-то приобретенной свободы, от того, что они перестали быть на собственной земле людьми второго сорта. Подобное отношение к себе и окружающим не могло не радовать либерально настроенных русских наблюдателей, ведь в таких условиях воспитывался свободный человек, вышедший из-под ярма и распрямивший плечи. Русский писатель Г.И. Успенский описал свою встречу с русским солдатом, прожившим в Болгарии несколько лет после ее освобождения. И как констатировал автор, стало заметно, что вчерашний забитый русский крестьянин стал уверенным в себе человеком, у него появилось чувство самоуважения¹⁸.

В то же время привычка к равенству и отсутствие дистанции между властью и народом рождало проблему, особенно острую для молодого государства. А именно — нехватку священного трепета перед властью и монархом в частности. Политик К. Стоилов сокрушался по этому поводу и говорил о необходимости воспитания данного чувства¹⁹. Потому и к формальной милости государя относились со скепсисом. Попытка князя Фердинанда Кобурга ввести традицию монарших наград подданным, где важна не материальная стоимость, а факт прикосновения к высшей власти, оказалась провальной. Как вспоминал учивший монарха болгарскому языку Д. Ганчев, «мы, люди того времени, не могли освободиться от нашего крестьянского материализма при оценках княжеского благоволения». Только что награжденный

орденом*, в знаке которого не имелось драгоценных камней и металлов, выйдя на улицу, прокричал: «Господа, за одно пиво!.. Отдам его! Кто угостит?»²⁰.

Впрочем, являлось ли это равенство чертой демократии? Как ни парадоксально — нет. Это была не демократия, а патриархальность. Офицеры и политики не происходили из дворянских родов, как это было в Европе; их отдельная каста еще не успела сложиться, хотя и находилась на стадии формирования. Появившийся государственный аппарат «втянул» в себя всех более или менее образованных болгар. Но они формировали интеллектуальную элиту, а не выросли в ней. Как писал упоминавшийся Д. Ганчев, торжественно принимаемая князем элита состояла из «сыновей крестьян и ремесленников»²¹. И они об этом помнили. Русскому писателю рассказывал его болгарский знакомый — чиновник: «Я вот, говорит, большое образование имею, и должность моя большая, — а приедет из деревни мой отец, кмет (по нашему староста будет), — так я при всем моем могуществе сесть пред ним не смею. Скажет: „садись!“; ну, сяду, — а не скажет, и так постоишь»²². В данном случае мы видим, что подчиненность по семейным признакам важнее формальной.

В таком своем виде равенство противоречит демократии, прогрессу, поскольку оно патриархально. Патриархальная же культура всегда выступает за статус-кво: она против новшеств, поскольку эксперименты несут слишком большие риски, сдерживает расслоение, потому что это нарушит мир внутри социума. И равенство становится не правом человека, а его обязанностью...

Другим привычным компонентом демократии является свобода слова. Статья 79 Тырновской конституции ее декларировала²³, и реальное наличие этой свободы поражало русских наблюдателей. «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!» — вспоминал писатель Е.Н. Чirikov. На его вопрос о наличии охранного отделения он услышал

* Характерно, что изначально конституция предусматривала лишь наличие награды, вручаемой только военным и за заслуги в военное время. В 1893 г., очевидно, по желанию Фердинанда, у монарха появилось право учреждать ордена и удостоивать ими (Конституция на Българското Царство. София, 1945. С. 13). Привыкший к блеску европейских дворов, князь не мог смириться с этим крестьянским равенством.

смех и разъяснение, что за определенные высказывания у болгар полагается лишь небольшой штраф по суду. «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонам и всё жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: — Пожалуйте!»²⁴. Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили, «наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». Тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...»²⁵.

Однако если дело касалось внутренней политики, то дипломатичность отсутствовала. Русский генерал Н.А. Епанчин, посетивший Болгарию в начале XX в., вспоминал: «В Болгарии была полная свобода печати, а мы у себя дома не привыкли к этому, и я был поражен, увидев в газетах карикатуры на князя Фердинанда с преувеличенным носом, в виде хобота слона, и резкими статьями о князе»²⁶. Свободе слова способствовал плюрализм мнений, существующий в силу развития периодической печати. Профессор П.А. Кулаковский посетил в 1899 г. Болгарию и заметил: «Публицистическая печать в Болгарии носит странный характер. Издается „газет“ целая туча. Большинство городов издают каждый свой орган, а то и два, если в городе есть зажиточные люди двух партий»²⁷. Подтверждает данное наблюдение и статистика. В 1913 г. в стране насчитывалась 181 типография, при этом $\frac{4}{5}$ из них были разбросаны по стране²⁸, что говорит о распространении в том числе и региональной прессы. И эти издания находили своих читателей, поскольку «партийность повсюду в Болгарии»²⁹, и «нет уголка в целой Болгарии, где бы спокойно, без ссор, доходящих до преступлений, говорили о политических вопросах своего отечества», как отмечали русские наблюдатели³⁰.

Казалось бы, мы видим классические элементы демократии — свободу слова, плюрализм мнений, заинтересованность населения в политических процессах. Однако и в данном случае постулируемая ценность демократии была с болгарским «акцентом», выразившимся в тоне общественной дискуссии. По словам

русского очевидца, как «только дело коснется политики, самые лучшие друзья становятся лютыми врагами»³¹. И это выплескивалось на страницы газет. Одна газета в Плевене называла другую «правительственной подстилкой» и «фондоедом». Газета Народно-либеральной партии величала лидера Либеральной В. Радославова глупцом, лжецом и интриганом, а его сторонников — убогими и дураками. В ответ орган либералов именовал главу народнолибералов Д. Петкова негодяем и подлецом³². Накануне выборов 1902 г. у одного из видных представителей Демократической партии М. Такева умерла при родах жена. Противники отреагировали лозунгом «Как не умер и он!»³³. Партийное ожесточение превращало свободу слова в площадную брань, о защите чести и достоинства и речи не могло идти. Если оскорбленный подавал в суд, то мог добиться лишь штрафа, но и сам нес репутационные потери, связанные с освещением процесса в прессе, а следовательно — тиражированием оскорблений. Институт репутации не сложился, и хотя Уголовный кодекс Болгарии разрешал дуэли³⁴, за обозреваемый период не состоялось ни одной, при том что вызовы звучали неоднократно³⁵.

С другой стороны, свобода слова и партийная борьба являются залогом соблюдения властью буквы закона, поскольку невозможно ничего скрыть. Однако П.А. Кулаковский отметил, что каждое правительство стремится обогатиться за счет казны, а находившийся у власти на момент его визита кабинет Д. Грекова он охарактеризовал как «прямо министерство наживы и гешефта»³⁶. И избиратели обо всем знали, но скомпрометировавшие себя политики всё равно возвращались во власть. Например, М. Савов в бытность военным министром запятнал себя участием в так называемой «афере Шарль-Жан», связанной со злоупотреблениями при закупке иностранного вооружения. Но это не помешало монарху через несколько лет назначить генерала заместителем главнокомандующего. И таких примеров не единицы. Л.Д. Троцкий во время Балканских войн писал по данному поводу: «„Популярный“ генерал, которого не успели осудить за казнокрадство, — в качестве главнокомандующего; заведомый... пресидижитатор — в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист — в роли военного цензора; отставной турецкий агент —

как необходимая фигура при военном министерстве, — всё это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава армии»³⁷.

Репутация, таким образом, не имела большого значения в политической борьбе. «Сложившаяся обстановка порождала чисто утилитарное отношение к власти — главным считалось приблизиться к ней, получить (и получать!) от этого привилегии. Мало кто реально заботился о нуждах государства», — точно подметила российский историк Р.П. Гришина³⁸. Потому и неувидительны строки из воспоминаний русского эмигранта о 1920-х годах: «Многие жители села передавали мне, что ряд кметов и секретарей их общины стали богатыми людьми, обворовав общину; что они изверились в своих общинских руководителях, ибо каждый последующий еще хуже предыдущего»³⁹. И пусть они в глазах общества не имели легитимности, но имели легальность, поскольку занимали свои посты в результате победы на выборах. Хотя партийная конкуренция и свобода слова не обеспечивали проведения выборов в соответствии с законом.

Русские очевидцы этого процесса, к сожалению, не описали, а потому мы вынуждены опереться на другие источники. Как вспоминала софийка Р. Костенцева, «вообще выборы проводились в условиях беззакония и мошенничества, произвола и насилия»⁴⁰. Современный болгарский историк И. Илчев также указал на произвол находящейся у власти политической силы. Ее искренние и нанятые сторонники на митингах осыпали противников камнями, на выборах рвали бюллетени, «нередко использовали деликатное внушение солдатских ружей, на которых блестяли примкнутые штыки»⁴¹. Лучшее подтверждение этим словам — бессмертное произведение болгарского сатирика А. Константинова, жившего в интересующее нас время. Его герой Бай Ганю в один из периодов своей жизни занимался организацией выборов. «Да какой бы я был Ганю Балканский, кабы не знал и этого ремесла. Ты меня, сударь мой, посади в какую хошь околию и скажи, кого тебе там избрать, — осла, тудыть его, кандидатом выдвинешь, — осла тебе проташу! Дай мне только околийского с жандармами да тысячу-другую левов», — говорил главный герой, в чьем образе писатель высмеивал современные

ему нравы⁴². И выборы проходили, проигравшие признавали их результаты, и все ждали следующих выборов.

Причину такой покорности А. Константинов обрисовал уж совсем в черных красках, а потому вернемся к русским наблюдателям. Одному из них европейский дипломат так объяснял данный феномен: «Болгария — изрядная Азия. Она еще не успела отвыкнуть от турецкого наследия, авторитета кулака и палки»⁴³. П.А. Кулаковский через несколько лет вторил этой точке зрения: «Болгарский народ, очень практичный, трудолюбивый, мирный и вообще не склонный к переворотам и борьбе с правителями и властями. Напротив того, он даже слишком приучен долговременным рабством к пассивной покорности»⁴⁴. Однако здесь необходимо указать, что оба вышепроцитированных очевидца не были свидетелями ожесточенных политических баталий времени правления Александра Баттенберга, а увидели Болгарию после падения режима С. Стамболова — режима, который можно оценивать как определенный откат в процессе демократизации. Указанные особенности придают сложившейся системе схожесть с так называемыми демократиями третьей волны и позволяют охарактеризовать форму правления как гибридный режим, электоральную или нелиберальную демократию, хотя и с более грубыми способами вмешательства в избирательный процесс, нежели это принято в XXI веке.

В то же время буква закона прямо не говорила о наличии демократии. Тырновская конституция определяла форму правления как «монархию наследственную и конституционную, с народным представительством»⁴⁵. В ней же четко был прописан порядок назначения министров и премьера: «Министры назначаются и увольняются царем»⁴⁶. Не упоминая такой формы организации как партия, главный закон не предусматривал и необходимость парламентского большинства. Однако формальное наличие народной поддержки давало право на проведение непопулярных мер от имени народа и перекладывание ответственности. По этой причине С. Стамболов постоянно подчеркивал, что в своих действиях его кабинет опирался на волю народа, выраженную в парламентском большинстве. «Потому формирование последнего превратилось в основную внутреннюю политическую за-

дачу власти», — заключил проанализировавший избирательный процесс в 1887–1894 г. болгарский историк М. Палангурски⁴⁷. В итоге, несмотря на казнокрадство и вольное обращение с правовыми нормами, С. Стамболов имел прочную основу своего режима. Находившийся всё это время в тени Фердинанд Кобург освоил болгарскую политическую науку и после 1894 г. следовал сложившейся политической парадигме в несколько измененном виде.

Номинально избирательный процесс стал конкурентным, ротация партий и премьеров носила регулярный, если не слишком частый характер. Тем не менее, тот же П.А. Кулаковский всю партийную систему не считал серьезной: «Партии в Болгарии носят чаще всего имена своих вождей, выдвинутых или историческим прошлым, или дарованиями, или просто случайно. Все эти лица или были, или будут министрами-президентами различных кабинетов, когда будет угодно князю призвать их ко власти»⁴⁸.

Указанная основа политической системы Болгарии была очевидна не только ему. Л. Д. Троцкий, хорошо знакомый с местными реалиями, утверждал: «„Партия“ политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта „партия“ всегда склонна поддерживать власть». Множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию, ведь она хоть может исполнить обещания. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получила численный перевес в Народном собрании, поддерживающий действующее министерство⁴⁹. Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров — парламентское большинство. В результате те или иные решения проводились в жизнь от имени партии, имеющей преобладание в Народном собрании. Фердинанд Кобург же, в реальности и в соответствии с законом назначавший правительство, тем самым задавая вектор развития событий, снимал с себя ответственность и оставлял пространство для маневра в виде быстрой смены премьера. Таким образом, мы видим не конституционную

монархию, а дирижируемую монархом демократию. Впрочем, и это было шагом на пути к демократии и правовому государству — говоря языком современной политологии, гибридный режим утратил синдром доминирующей власти и приобрел синдром слабого плюрализма.

По подсчетам М. Палангурски, с 1879 по 1911 гг. болгарские граждане ходили на выборы 19 раз. «Должны же они были чему-нибудь научиться», — писала Р.П. Гришина⁵⁰. Здесь мы позволим себе не согласиться с уважаемым исследователем: выборы, проходившие вышеописанным способом, не могли научить демократическому процессу. Приведенная в подтверждение своим словам отечественным историком антивоенная кампания Болгарского земледельческого народного союза 1911 г. лишь подтверждает характеристику болгарской политической системы как гибридной — несмотря на масштаб и разрешенность акций крестьянской партии в крестьянской стране, они не оказали никакого воздействия на курс правительства, взятый на войну. И даже удаление царя Фердинанда с политической арены не изменило парадигмы болгарской политики. На смену дирижируемой демократии пришло менее либеральное правление земледельцев, закончившееся также отнюдь не в соответствии с демократическими процедурами.

С формальной точки зрения, в Болгарии рубежа XIX–XX вв. была конституционная монархия западноевропейского образца. Но реальное воплощение этого было иным. Равенство являлось патриархальным, а не демократическим и правовым, свобода слова имела характер безграничной вольницы, партийная конкуренция велась в первую очередь за симпатии монарха. Последний же использовал выборы как способ снять с себя ответственность за важные решения. А оппозиция мирилась с махинациями в избирательном процессе, зная, что, возможно, в следующий электоральный цикл будет обратная ситуация. И в результате имели место не конкурентные выборы, а попросту ритуализация власти.

«Это странная смесь ориентально-левантийской традиции, славянско-общинной и православной демократичности с правилами выстраданной европейской практики», — охарактеризовал политическую систему Болгарии конца XIX в. М. Палан-

гурски⁵¹. Однако, с другой стороны, точная копия французской или британской модели демократии в Болгарии не могла быть работоспособной. Стране требовалось пройти свой тернистый путь к демократии. Но чередой «национальных катастроф» скорректировала этот процесс, а через три десятилетия он и вовсе был прерван*. Населению стало не до требований демократии и реальной свободы выборов.

Однако еще накануне Балканских войн все внешние атрибуты указывали на демократию. Этого хватало русским, чтобы завидовать, а болгарам — гордиться; соответственно, сама демократия являлась для обоих народов ценностью. Пусть и в реальном своем проявлении болгарская демократия была пустой обложкой, фанерным фасадом государственности.

Примечания

- ¹ *Илчев И.* Междено време. София, 2005. С. 324.
- ² *Свинтила В.* Забравена София. София, 2017. С. 86–87.
- ³ *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 9; *Он же.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 69.
- ⁴ *Гусев Н.С.* Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1. С. 5–6.
- ⁵ *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 91.
- ⁶ Конституция на Българското Царство. София, 1945. С. 13.
- ⁷ Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914. С. 5.
- ⁸ *Тазеев Б.Л.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 785.
- ⁹ *Немирович-Данченко Вас.И.* С вооруженным народом // *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV. С. 41.
- ¹⁰ Там же. С. 247.
- ¹¹ *Водовозов В.* На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 319, 322.
- ¹² *Чуриков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента М., 1913. С. 41.

* Отметим здесь тон одного из современных болгарских учебников, явно ориентированного на самоутверждение молодых болгар как представителей «просвещенной Европы». Согласно ему, приход Советской армии в 1944 г. и последующее установление режима народной демократии оторвали страну «от европейских демократических ценностей» (*Николов А., Делев М., Иванчев А., Янчев В.* История и цивилизация за 11 класс. Профилирана подготовка. София, 2002. С. 417).

- 13 *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. СПб., 1908. С. 112.
- 14 Там же. С. 205–206.
- 15 *Головин А.Ф.* Князь Александр I българский (1879–1886). Варна, 1897. С. 97.
- 16 *Тагеев Б.Л.* Указ. соч. С. 786.
- 17 *Костенцева Р.* Моят роден град София в края на XIX — началото на XX век и след това. София, 2008. С. 102.
- 18 *Успенский Г.И.* «Мы» на словах, в мечтаниях и на деле // *Успенский Г.И.* Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 10. Ч. 2. С. 86–95.
- 19 *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.
- 20 *Ганчев Д.* Спомени за княжеското време. София, 1983. С. 30.
- 21 Там же. С. 26.
- 22 *Успенский Г.И.* Указ. соч. С. 95.
- 23 Конституция... С. 15.
- 24 *Чуриков Е.Н.* Указ. соч. С. 53–54.
- 25 Там же. С. 43.
- 26 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 256.
- 27 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости.* 1899. № 327. С. 2.
- 28 *Гринберг С.* Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века (1900–1912 гг.) // *Советское славяноведение.* 1975. № 3. С. 81.
- 29 *Тагеев Б.Л.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // *Русский вестник.* 1904. № 5. С. 168.
- 30 Письма крестьян... С. 6–7.
- 31 Там же.
- 32 *Илчев И.* Указ. соч. С. 277.
- 33 Там же. С. 279.
- 34 Там же. С. 62.
- 35 *Славейкова А.* На последния дуел в България гръмва само един пистолет // *Труд.* URL: <https://trud.bg/%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B4%D1%83%D0%B5%D0%BB-%D0%B2-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B3%D1%80%D1%8A%D0%BC%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D0%B0/> [дата обращения: 30.09.2019].
- 36 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости.* 1899. № 336. С. 2.
- 37 *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. СПб., 2011. С. 191.
- 38 *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. // *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* М., 2016. С. 33.
- 39 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 65–65 об.
- 40 *Костенцева Р.* Указ. соч. С. 136.
- 41 *Илчев И.* Указ. соч. С. 279.

- 42 *Константинов А.* Бай Ганю. Невероятные рассказы об одном современном болгарине // *Болгары старого времени*. М., 1983. С. 426.
- 43 *Амфитеатров А.В.* Недавние люди. СПб., 1901. С. 34.
- 44 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости*. 1899. № 336. С. 2.
- 45 Конституция... С. 3.
- 46 Там же. С. 31.
- 47 *Палангурски М.* Избори по стамболовистки. В. Търново, 2008. С. 269.
- 48 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости*. 1899. № 327. С. 2.
- 49 *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 35.
- 50 *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. ... С. 99.
- 51 *Палангурски М.* Указ. соч. С. 273.

Проблема изучения черногорского законодательства начала XX в.: нормативный и социологический подходы

История черногорской государственности весьма противоречива. С одной стороны, многие черногорцы убеждены, что в прошлом всегда были независимы и никогда не признавали над собой власть Османской империи, которая покорила почти весь Балканский полуостров. С другой стороны, стержнем своей национальной истории народ считал многовековую борьбу за свободу от турецкого ига. В 1852 г. Черногория была провозглашена княжеством, а в 1878 г. суверенитет этого государства был признан международным сообществом. Однако деньги на строительство и содержание государственного аппарата регулярно поступали из Российской империи, что ставило под сомнение самостоятельность княжеского правительства в принятии внутри- и внешнеполитических решений. Такую же противоречивость приходится отмечать, когда речь заходит о развитии черногорского законодательства в XIX — начале XX вв. Правотворческий процесс шел постоянно и энергично, власть издавала один правовой акт за другим. Но в полном объеме добиться практического применения законов и окончательного вытеснения с их помощью племенных обычаев так и не удалось. Трудно однозначно оценить итоги развития национальной системы права в указанный исторический период. Поэтому историкам недостаточно просто изучать тексты законов и искать в них информацию о становлении и трансформациях черногорской государственности. Есть необходимость теоретического осмысления этого материала с помощью тех методов научного исследования, которыми оперирует современная юриспруденция.

К началу XX в. в европейской юридической науке сложилось несколько теоретических подходов к пониманию права. Из теории естественного права, рожденной Новым временем, выкристаллизовался философский подход, провозгласивший главной ценностью в законодательной практике государства свободу и справедливость. Активно развивалась и получала всё большее признание психологическая теория права (Л.И. Петражицкий), сторонники которой обратили внимание на широкие возможности ее использования в юридической практике. Самым подходящим для выполнения всех функций права, в первую очередь инструментальной, многие правоведы считали нормативный (нормативистский) подход. Приверженцы нормативного подхода, сформулированного австрийским ученым Гансом Кельзеном, были убеждены, что писаное право и иерархия правовых норм — это универсальный механизм создания и обновления законодательства. Он одинаково хорош и для граждан, и для государства. Гражданам нормативный подход удобен тем, что предлагает ясно сформулированные публичные законы, с которыми каждый имеет возможность ознакомиться, чтобы понимать свои права и обязанности. Государству нормативный подход позволяет с помощью рациональных, логично обоснованных и сгруппированных по отраслям норм права эффективно управлять обществом. Но у нормативного подхода есть существенный недостаток. Однажды написанный и принятый закон рано или поздно устаревает и перестает отвечать новым условиям общественного развития. Отставшее от жизни материальное и процессуальное право становится тормозом на пути прогресса. В рамках научной школы «свободного права» (Е. Эрлих, Э. Фукс, Ф. Жени и др.) уже во второй половине XIX в. сложился социологический подход, ставший весьма популярным в XX веке. Его сторонники были уверены, что право следует искать не в законах, а в самой жизни. Законодательство подобно пустому сосуду, который еще предстоит наполнить справедливыми правилами, отвечающими интересам граждан. Делать это должны судьи и администраторы, которые обязаны принимать решения с учетом меняющейся жизни. Таким образом, закон не превратится в догму и будет защищать справедливость. Социологический подход давал воз-

возможность оперативно устранять пробелы в законодательстве, редактировать неудачные формулировки, изымать устаревшие нормы права. Однако для общества в целом социологический подход может быть опасен. Когда законы меняются слишком часто, возникают путаница и сумятица, открываются лазейки для нарушителей, есть возможность произвола со стороны судей и администраторов. Чрезмерное увлечение социологическим подходом чревато правовым нигилизмом. Стараясь преодолеть ограниченность каждой из перечисленных концепций, правоведы говорят о необходимости интегративного подхода, который не является простым соединением всех вышеперечисленных позиций. Речь идет о том, чтобы постоянно совершенствовать форму и содержание законов, искать существенные признаки права, обеспечивающие в нормативных актах, в правовых отношениях и в правосознании те самые свободу и справедливость, к которым стремится любое общество.

Молодое Черногорское княжество стремительно продвигалось по пути строительства современной государственности, стараясь как можно скорее уйти от племенных форм организации общества. Задача создания законодательства, способствующего эффективной модернизации страны, была весьма актуальной. Возможно поэтому правовому развитию Черногорского княжества ученые уделяли большое внимание, начиная с того момента, как началось создание писаного права, и до сегодняшнего дня¹. Но эти исследования носили, в основном, конкретно-исторический характер. Попробуем к истории законотворчества в Черногории применить два наиболее распространенных в правоведении теоретических подхода к пониманию права — нормативный и социологический, чтобы максимально точно определить успехи страны в этом направлении.

С нормативистских позиций можно говорить о существенных достижениях черногорских властей в деле создания позитивного права, то есть исходящего от государства и действующего в данный момент. За короткий срок были разработаны нормативно-правовые акты, первоочередная цель которых заключалась в том, чтобы вытеснить из повседневной жизни противоречившие принципам государственного строительства правовые обычаи.

Со времени правления владыки Петра I Негоша (1782–1830 гг.) и князя Данилы (1852–1860 гг.) была существенно ограничена кровная месть. При князе Николе (1860–1918 гг.) она была полностью запрещена в административном порядке; за нарушение закона грозило суровое наказание вплоть до смертной казни². Однако с точки зрения социологического подхода, успехи власти в борьбе с самосудом и мезтью выглядели весьма скромно. Убийства на почве кровной мести продолжались и происходили довольно часто. «В Черногории закон абсолютно не допускает кровной мести, но тем не менее народ, частью по старой привычке, частью вследствие неудовлетворительности судов, всё еще прибегает к мести как к средству вознаградить себя за притерпенную обиду или потерю свою личную и близкого человека, и чтобы оградить себя от того же впредь», — констатировал русский славист П.А. Ровинский, проживший в Княжестве более 20 лет³. Как видим, предписания закона и административных органов не стали главным и непререкаемым регулятором общественных отношений.

Значительным этапом в истории черногорского государства стала проведенная В. Богишичем в 80-х годах XIX в. систематизация норм имущественного права⁴. Содержание Общего имущественного законника Черногории хорошо изучено, о нем написаны статьи, диссертации и монографии⁵. Ученые сошлись во мнении, что это был успешный опыт использования норм обычного права. Главной заслугой Богишича считали творческое отношение к народному правотворчеству, в целом удачное приспособление его к нуждам и условиям развивающегося государства. В контексте данной работы хотелось бы отметить, что есть три способа систематизации норм права: кодификация, инкорпорация и консолидация. Первый способ подразумевает внешнюю и внутреннюю обработку актов. В ходе кодификационных работ осуществляется не только классификация норм и актов, но и вносятся изменения и дополнения, отменяются устаревшие принципы и правила, создаются новые. То есть кодификация больше всего соответствует современному комплексному подходу к развитию права. Инкорпорация — внешняя систематизация или простая классификация по предметному или хро-

нологическому признакам. Консолидация представляет собой промежуточное звено между кодификацией и инкорпорацией. Несколько нормативных актов объединяются в один, составители добиваются логической стройности путем устранения повторов и противоречий из текста. По словам самого В. Богишича, Общий имущественный законник был инкорпорацией норм обычного права черногорцев⁶. Выходит, в данном случае мы имеем дело с довольно гармоничным сочетанием нормативного и социологического подходов в понимании права. Составитель законов брал за основу веками формировавшуюся, устоявшуюся и признаваемую народом легитимной правовую практику и придавал ей форму современного отраслевого законодательства.

Наиболее важной задачей для черногорской монархии было развитие отраслей государственного и административного права. Яркой страницей в истории черногорского законодательства стали события 6 декабря 1902 г. В этот день в столице прошло торжественное собрание, на которое были приглашены почетные гости из всех областей Княжества. Также на нем присутствовали представители дипломатических миссий России, Сербии и Болгарии. Князь Никола выступил с пространной речью, объявив о кардинальных переменах в государстве⁷. Черногорцам были представлены акты о Государственном совете и княжеском правительстве, о государственных чиновниках и об устройстве судов, о гражданском и уголовном судопроизводстве («Основни државни закон о књажевској влади и државном савјету», «Закон о чиновницима грађанскога реда», «Закон о судској власти», «Закон о устројству судава у Књажевини Црној Гори», «Закон о грађанској судској надлежности у Књажевини Црној Гори», «Закон о кривичној судској надлежности»). Затем новые законы были опубликованы в специальном выпуске официальной газеты «Глас Црногорца» (1902, № 49). О том, что на эти нормативно-правовые акты обратили пристальное внимание не только в Черногории, но и за рубежом, свидетельствует тот факт, что руководители российской дипломатической миссии в Цетине сразу же выслали тексты законов в министерство иностранных дел. (Сегодня они хранятся в Архиве внешней политики Российской империи⁸.) К этим законодательным актам мы также поprobу-

ем применить нормативный и социологический подходы, чтобы оценить степень их эффективности.

С точки зрения нормативного подхода, новые правовые документы выглядели весьма солидно. Они были хорошо структурированы, разделены на части, разделы и отдельные статьи. Близкие по содержанию нормы были логично сгруппированы. Язык законодателя соответствовал уровню политической и правовой культуры черногорцев, которым предстояло выполнять установления власти. Тексты законов предельно короткие, в них нет специальных терминов и иностранных слов. Это означало, что разработчики законов учитывали уровень подготовки государственных служащих, обязанных руководствоваться вновь изданными нормативно-правовыми актами. Чиновники Княжества, как правило, были малообразованными людьми, некоторых можно назвать малограмотными. В стране не было средних и высших специальных учебных заведений, в которых управленцы могли бы получить необходимое образование. Следовательно, при составлении законов 1902 г. была использована юридическая (законодательная) техника⁹, которая соответствовала историческим условиям Черногорского княжества. Также в этом законодательстве были ярко выражены идейно-политические принципы правовой политики правящей династии, перечислены основы государственного строя, монархические ценности и установки. Например, говорится, что правительство назначается и смещается князем и лично перед ним несет ответственность за исполнение служебных обязанностей. Главная среди этих обязанностей — оберегать и постоянно повышать авторитет господаря и уважение к нему¹⁰. В законе прописано, что министерства должны «строго придерживаться бюджета и в конце года предоставлять в Главный Государственный контроль документы и счета, подтверждающие законность трат»¹¹. Упомянутый в тексте Главный Государственный контроль — орган, созданный именно для того, чтобы обеспечить финансовую дисциплину и отчетность, предотвратить незаконные траты государственных средств.

Однако когда мы переходим к конкретным положениям, записанным в правовых актах 1902 г., нормативный подход перестает работать. Сразу же обнаруживается номинальный (формальный)

характер принятого с такой помпой законодательства. В «Законе о государственных чиновниках» сказано, что за службу им положено жалование. Статья 23 поясняет, что это «систематическая оплата» труда служащих¹². Появление такого уточнения в тексте закона понятно любому исследователю, знающему реалии государственного строительства в Черногории на рубеже XIX–XX вв. Бюджета в стране не было, а главным распорядителем государственных средств был сам монарх. Ни один из шести министров (внутренних дел, иностранных дел, юстиции, финансов, военный, просвещения и церковных дел) не знал, какие именно суммы дойдут до вверенного ему министерства. Всё, чем располагала казна, князь Никола тратил по личному усмотрению. Вот типичный пример того, как он пользовался народными деньгами. В августе 1901 г. секретарь российской миссии в Цетине С.А. Лермонтов сообщал своему начальству, что вручил военному министру Черногории воеводе Пламенацу 36.889 австрийских крон, которые Россия выдавала ежегодно на содержание учебного батальона Княжества. «Офицеры означенного батальона не получали жалования чуть ли не с января месяца с.г. и ожидали с нетерпением получить хоть теперь часть причитающегося им жалования...», — писал Лермонтов. Но уже на следующий день стало известно, что 16 тыс. крон Пламенац выслал гофмаршалу княжеского двора. «Мы всё-таки думали, что остаток всей суммы будет употреблен по назначению, но оказалось, что до сих пор ни один из офицеров не получил еще ни копейки. <...> До сих пор единственный из министров — это Пламенац, который всё-таки осмеливался изредка отстаивать у князя суммы, находящиеся в его распоряжении, чего ни один из министров никогда не мог сделать. Даже митрополит Митрофан, который по своему положению, казалось бы, не только мог, но должен был бы не допускать хозяйничанья с вверенными его попечению капиталами, отдает их по первому требованию его высочеству. Так им неоднократно были передаваемы в распоряжение князя Николая получаемые из России субсидии на семинарию, а недавно, при последней поездке князя Николая в Рим, отдан весь наличный капитал монастыря в Остроге <...>. На эти деньги, как мне положительно известно, его высочество совершил свое путешествие

в Рим на крестины своей августейшей внучки»¹³. Задержки и невыплаты жалования, о которых писал С.А. Лермонтов, были хронической болезнью черногорского государства.

Казалось бы, после вступления в силу законов 1902 г. ситуация должна была кардинально измениться. Увы, этого не произошло. Очень типичный эпизод описал в январе 1905 г. в своем донесении руководитель русской миссии в Цетине А.Н. Щеглов. Ему нанес визит черногорский министр финансов Лазар Миюшкович, который спросил, будут ли присланы из России 48 тыс. рублей, которые в 1904 г. Николай II прибавил к сумме ежегодной дотации в полмиллиона рублей. А.Н. Щеглов ответил, что если император лично выделил эти деньги, то, несомненно, их приплюсуют к общей сумме выплат и будут высылать ежегодно «до тех пор, пока княжеское правительство не вызовет своими действиями каких-либо изменений в отношениях к нему России». В свою очередь, дипломат поинтересовался у Миюшкови-ча, почему он задает такие вопросы. Министр финансов ответил, что «сумма эта не значилась до сих пор в числе доходов казны и признавалась князем Николаем деньгами, лично ему принадлежащими». Далее последовало пояснение, что в бюджете 1904 г. образовался значительный дефицит, это вынудило Государственный совет просить государя отдать новую прибавку к дотации в казну. Монарх согласился, но велел уточнить, придут ли эти деньги из России. Содержание беседы высокопоставленного черногорского чиновника и русского дипломата свидетельствует о том, что нормы права, регламентировавшие работу государственного аппарата, как и прежде, не соблюдались: «Министр финансов горько жаловался на трудность вести государственное хозяйство Княжества при чрезмерных денежных требованиях князя Николая и его семьи на личные нужды». По словам Л. Миюшкови-ча, весь доход страны, включая русские дотации, равнялся трем миллионам крон, а расходы на княжеское семейство составляли 700 тыс. крон. «В этом, по мнению министра финансов, и кроется причина денежных затруднений княжества Черная Гора», — завершал свое донесение А.Н. Щеглов¹⁴. Правитель Черногории одной рукой подписывал законы о правильном расходовании государственных средств, а вторую руку запускал

в казну, беря оттуда столько, сколько считал нужным. В таких обстоятельствах исполнение закона не представлялось возможным.

Еще один красноречивый пример серьезного расхождения между буквой закона и правоприменительной практикой дает нам история черногорской медицины. По закону 1902 г. о княжеском правительстве, в структуре министерства внутренних дел было создано медицинское отделение, на которое были возложены следующие обязанности: забота о здоровье людей и домашнего скота; назначение государственных врачей, акушеров и ветеринаров; выдача разрешения на практику частным врачам; выдача разрешений на работу аптек и контроль над ними; попечение над больницами; открытие новых больниц, психиатрических лечебниц и акушерских школ, контроль над их работой¹⁵. На деле в Черногории после войн 1876–1878 гг. были один врач и одна больница, носившая имя князя Даниила I. Она была создана на базе русского военного госпиталя. После окончания военных действий российские медики вернулись на родину, а медицинское снаряжение и хирургические инструменты оставили в Княжестве. Заботу о больнице осуществляло не столько черногорское правительство, сколько Российский Красный Крест, ежегодно высылавший в Черногорию на ее содержание 2.500 рублей. Из всех уголков страны приходили в больницу черногорцы и дни напролет ждали, когда они смогут попасть на прием к врачу. В 1884 г. хирургические инструменты окончательно пришли в негодность. Тогда был составлен список необходимого для работы медицинского оборудования и передан не княжеским властям, а в Главное управление Российского Красного Креста. К списку прилагалось письмо, в котором было сказано, что без обновления инструментов невозможно проводить даже самые простые хирургические операции¹⁶. В начале XX в. ситуация чуть-чуть улучшилась. По сведениям П.А. Ровинского, много лет собиравшего и публиковавшего статистические данные о положении дел в Княжестве, в это время в стране уже работали 7–8 обученных в России медиков, на добровольные пожертвования была построена и открыта психиатрическая лечебница в Даниловграде, также славист упомянул больницу в Никшиче. В III томе его монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» был опубликован

государственный бюджет на 1911 год, в соответствии с которым на нужды здравоохранения были выделены 142 тыс. крон. Для сравнения, на гражданский лист черногорского монарха и содержание двора полагались 326 тыс. крон, то есть, в два раза больше, чем на медицинское обеспечение всей страны¹⁷. Даже профилактика эпидемий смертельных заболеваний, по сути, обеспечение государственной безопасности Княжества, проводилась с помощью России, а не путем реализации соответствующего законодательства. В августе 1911 г. руководство Российского Красного Креста выделило 10 тыс. франков на борьбу с холерой, которая свирепствовала в пограничных с Княжеством турецких областях¹⁸. Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что выполнить предписания собственного закона властям не удавалось. Обеспечить нормально функционирующую систему медицинского и ветеринарного обслуживания населения при таком скудном финансировании было невозможно. Вóвремя изданный и необходимый закон не исполнялся.

Решительный поворот в истории черногорского законодательства произошел в 1905–1906 гг., когда страна перешла от абсолютизма к конституционному правлению. Тема черногорского конституционного права заслуживает отдельного исследования, в данной же работе сто́ит отметить только то, что политическая жизнь в стране заметно активизировалась, но процесс работы над законами мало изменился. Новые законы продолжали появляться. К 1906 г., до открытия первого парламента, правительством были изданы: Уголовный кодекс, Закон о печати, Закон о создании Экономического совета, Закон об экспроприации, Закон об устройстве Государственного совета, Закон о выборах народных депутатов, Закон о рабочем порядке Народной скупщины¹⁹. Однако правоприменительная практика и соответствие вводимых норм права потребностям и объективным обстоятельствам Черногории оставались на прежнем уровне. В качестве примера можно остановиться на уголовном законодательстве 1906 г. Объявляя в 1905 г. своим подданным о даровании конституции, князь обещал, что в скором времени будет написан и принят сборник уголовных законов. Приблизительно через год, 23 февраля 1906 г., монарх опубликовал указ о вступлении

в действие с 23 апреля 1906 г. нового уголовного законодательства²⁰. Уголовный кодекс был почти дословной копией сербского уголовного кодекса 1860 г. («Криминални (казнителни) Законик за Књажество Србију»), хотя князь Никола и обещал, что в него будут внесены поправки и дополнения, соответствующие условиям Черногории²¹. Но власть стремилась принять этот уголовный кодекс до того, как откроется первый черногорский парламент — Скупщина. Поэтому необходимые поправки практически не были разработаны. Рецепция норм сербского права в таком объеме вызвала сомнения у современников. П.А. Ровинский считал, что черногорские власти поторопились издать уголовные законы, не поработав над ними в должной мере. Он писал, что «для составления целого кодекса» времени было «слишком мало», поэтому, как ни близки были представления двух славянских народов о справедливости и правосудии, законодательство «братской» Сербии далеко не во всем совпадало с черногорскими условиями. Славист привел более десятка положений сербского уголовного законодательства (параграфы 105–144, 366, 369, 376, 381, 391), которые, по его мнению, не подходили черногорцам²². Похоже, сами руководители страны понимали, что черногорские чиновники не смогут корректно пользоваться нормами уголовного права, заимствованными у сербов. Доказательством тому служит опубликованный в официальной газете «Глас Црногорца» правительственный циркуляр, в котором давались подробные разъяснения, как применять те или иные положения закона²³. С точки зрения нормативного подхода, казалось, что князь Никола и его окружение были на высоте, обещали не затягивать с принятием нового уголовного кодекса и слово свое сдержали. Формально был сделан шаг вперед в разработке отраслевого законодательства. Но опираясь на социологический подход к развитию права, приходится констатировать, что заимствованное законодательство не могло в полной мере удовлетворить судей и граждан Черногории из-за несоответствия его содержания правосознанию населения и историческому укладу народной жизни.

Неоднозначное впечатление производит Закон о печати, вступивший в силу 1 февраля 1906 г. Начинается он с весьма либерального заявления о том, что в стране объявлена свобода

слова и печати, а каждый гражданин имеет право на публичное выражение своего мнения. Далее в тексте сказано, что в стране нет цензуры и денежных залогов для тех, кто желает заниматься издательской деятельностью (ст.1). Но уже статья 3 гласит, что издатели обязаны отправлять по три обязательных экземпляра любой печатной продукции в Государственную библиотеку, а также в столичное полицейское управление и в местные полицейские органы. Нарушителям этого предписания грозил штраф от 100 до 500 крон или арест от 10 до 30 дней за каждый не высланный номер или экземпляр. Особо строгие правила содержались в главах и разделах закона, посвященных периодическим изданиям. Ключевой фигурой, отвечающей за содержание напечатанных материалов, объявлен главный (ответственный) редактор, который должен быть у каждого издания. Эту должность мог занимать только подданный Черногории, постоянно проживавший в стране, имеющий среднее или специальное образование, не ограниченный ни в каких гражданских правах и уплачивающий сумму налогов и сборов не меньше 15 крон. Ответственному редактору должно быть не менее 30 лет. Если речь шла о политической периодике, то один человек мог быть ответственным редактором только в одном издании. Именно главный редактор в первую очередь подвергался штрафу или аресту, если суд устанавливал факты нарушений Закона о печати. Однако и другие участники издательской деятельности не были «забыты» законодателем. В последней, пятой, главе перечислены все лица, которые могут быть наказаны за нарушение Закона о печати — авторы, владельцы издательств, типографий, газет, художники и граверы, разносчики и распространители печатной продукции. В законе содержался полный перечень выходных данных, которые должны обязательно указываться на каждом издании. В случае их отсутствия грозил штраф от 200 до 600 крон или арест от 20 дней до двух месяцев (за каждый экземпляр или номер). Так что в случае неисполнения норм установить виноватых не представляло сложности.

Хотя первая статья закона содержала утверждение, что в стране нет цензуры, в целом ряде других статей говорилось о наказании за публикацию недозволенных материалов. Во-первых,

были запрещены клевета и оскорбления в адрес князя, его семьи, официальных и частных лиц. Во-вторых, — призывы к выступлению против власти с оружием в руках и подстрекательство к нарушению уголовных законов. Также не дозволялось без разрешения судов печатать информацию о ходе судебных заседаний. Запрещалось публиковать материалы о закрытых заседаниях Народной скупщины, о военных мероприятиях и передвижении войск (ст. 37). Нельзя было в печати предавать огласке содержание частных писем и телеграмм. Это запреты были понятны и в определенной мере оправданны. Самым суровым было наказание за «клевету и оскорбления» монархических институтов — виновникам грозило тюремное заключение до пяти лет. Но вместе с тем, несколько раз в тексте закона встречается выражение «кажьена садржина» (буквально — «наказываемое содержание»), причем, не уточняется, что имеется в виду. Из статьи 26 можно понять, что это унижение или высмеивание какого-либо вероисповедания или «морали», распространение «аморальных» изображений (фото, рисунков, гравюр). За публикации такого рода назначалось лишение свободы от шести месяцев до двух лет или штраф от 600 до 2.400 крон. Однако статья 25 позволяет предположить, что говоря о «наказываемом содержании», власти имели в виду и политические материалы. В ней написано: «Благопристойная критика законов и работы органов государственной власти не подлежит никаким наказаниям»²⁴. Стоит обратить внимание на расплывчатую формулировку «благопристойная критика» — закон не уточняет, где границы такой критики, и когда она выходит за рамки дозволенного. Подобная неопределенность давала возможность любые замечания и упреки в адрес властей назвать крамольными, а их авторов сурово наказывать.

В то же время законодатель становится весьма многословным и подробно перечисляет все детали, когда речь заходит о запрете каких-либо изданий, о процедуре рассмотрения таких дел в судах, о порядке обжалования этих запретов. Также подробно описаны действия в печати, которые власть считала проступками и преступлениями, перечислены все наказания, положенные за эти составы. Многие статьи Закона о печати порой больше напоминают уголовный и процессуальный кодексы. Правда, грозя

судебным преследованием и юридической ответственностью, составители закона пытались смягчить репрессивные меры оговоркой, что наказания за преступления в печати не могут быть более суровыми, чем это предусмотрено уголовным кодексом (ст. 53). В целом, при знакомстве с текстом Закона о печати создается впечатление, что никакой свободы слова в стране не было, по крайней мере, когда речь шла о политике.

Возвращаясь к вопросу о том, какой подход, нормативный или социологический, следует применить для оценки рассмотренного нормативно-правового акта, мы должны вспомнить, какие потрясения происходили в Княжестве в 1905–1908 гг.²⁵. Несколько лет продолжался острый конфликт между князем и политической оппозицией, закончившийся целым рядом драматических и даже трагических событий. Всё это не могло не отразиться на содержании закона, введенного в самый критический момент политического противостояния. Поэтому мы обнаруживаем в его тексте, казалось бы, несочетаемые положения. Нормативный подход предусматривал включение в законодательство ставших уже общепринятыми норм о свободе слова и отсутствии цензуры. Социологический подход требовал быстро реагировать на угрозы монархическому строю и в корне пресекать их. В вопросе защиты своих коренных интересов черногорский двор проявлял удивительную оперативность, быстро реагировал и находил нужные правовые рычаги воздействия на общество. В других вопросах (финансы, экономика, просвещение и медицина) черногорская элита не выглядит столь успешной.

Подводя итог, следует отметить, что сочетание нормативного и социологического подходов при изучении черногорского законодательства в начале XX в. дает возможность увидеть всю глубину общественных противоречий, которые обнаружились в процессе государственного строительства в Черногории. Законодательные работы как зеркало отражали эти проблемы. С точки зрения нормативного подхода, Княжество обзавелось необходимым для государственного управления отраслевым законодательством, составленным применительно к черногорским специфическим условиям. Эти законы носили конкретный характер, были выполнены с применением подходящей законодатель-

ной техники и, конечно, способствовали правовому развитию страны. Однако с точки зрения социологического подхода они не могли быть исполнены в полной мере, так как не соответствовали реальному уровню социально-экономического и политического развития Черногории. Их применение на практике было затруднено или невозможно. Власть как будто забежала вперед и описала в своих законах некий идеал, до которого стране было еще очень далеко. Поэтому значительная часть норм писаного права в Черногории носила формальный характер.

Примечания

- ¹ Попов А.Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847; Ровинский П. Имущественный законник Черногории 1888 г. и его отношение к народной жизни и обычному праву // Юридический вестник. 1892. № 10. С. 159–174; № 12. С. 491–523; Бојовић Ј. Ступање Валтазара Богишића у црногорску службу 1893. године // Историјски записи (далее — ИЗ). 1985. № 1. С. 65–70; Живковић Д. Правно уобличавање у области здравства у књажевини Црној Гори // ИЗ. 1987. № 4. С. 129–161 и др.
- ² Законик общи црногорски и брдски / Попов А.Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 281–301; Законик Данила Првог Књаза и Господара слободне Црне Горе и Брдах установљен 1855. године на Цетињу. О времени правления Николы Петровича П.А. Ровинский написал, что «в уголовных делах суд не имеет ничего, кроме коротенького законника князя Данилы (1855), народного обычая и личного взгляда судей» // Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. СПб., 1915. С. 171.
- ³ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2. СПб., 1901. С. 373.
- ⁴ Општи Имовински Законик за Књажевину Црну Гору. Цетиње, 1888. Еще одно издание вышло в свет в 1898 г.
- ⁵ Мартиновић Н.С. Историја кодификације црногорског имовинског права. Цетиње, 1958; Луковић М.Д. Богишићев Законик. Београд, 2009 и др.
- ⁶ Пуловци С. Валтазар Богишич (к 160-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1995. С. 133–144.
- ⁷ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. С. 76.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. 1902. Д. 1567.
- ⁹ Законодательная (юридическая) техника — правила, средства и приемы, используемые при выработке и издании нормативных актов и последующей их систематизации, позволяющие обеспечить совершенство законодательства.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. 1902. Д. 1567. Л. 376.
- ¹¹ Там же. Л. 377.
- ¹² Там же. Л. 383. В законе написано: «Под платом се чиновника свагда разумије систематска његова плата».
- ¹³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 75 об. –76 об.

- 14 Архивное отделение Народного музея Черногории (далее — АОНМЧ). Ф. Приновљени рукописи. 1905. Ф. LIV.
- 15 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1567. Л. 308.
- 16 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1884. Део 2. Фас. XXXII.
- 17 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. С. 498–500.
- 18 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1911. Ф. LIVБ.
- 19 Перечень разработанных и принятых законов мы находим в торжественной речи князя Николы, произнесенной в день открытия первой черногорской скупщины // *Глас Црногорца* (далее — ГЦ). 26. октября 1906. Бр. 43.
- 20 ГЦ. 25. февраля 1906. Бр. 8.
- 21 Текст Уголовного кодекса был издан отдельной книжкой — «Кривични Законик за Књажевину Црну Гору». Цетиње, 1906.
- 22 *Ровинский П.А.* Черногория. Т. III. С. 173–177.
- 23 ГЦ. 22. априла 1906. Бр. 16.
- 24 ГЦ. 28. јануара 1906. Бр. 4.
- 25 См. об этом: *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. М., 2016.

Высшие чиновники МИД России о Греции в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. (По новым материалам МИД РФ)

В 2014 г. МИД РФ издал солидный, и по размеру, и по содержанию, почти 1000-страничный сборник архивных документов, многие из которых были опубликованы впервые¹. Он был приурочен к 100-летию начала Первой мировой войны. Для историков-международников особенно ценно то, что в нем отдается дань российской дипломатии, которая стремилась до конца исполнить свой патриотический и профессиональный долг. Главной целью этого труда, по словам самих издателей, было «возродить память о её усилиях по созданию благоприятных внешних условий для достижения победы». На основе обширного и почти не известного материала раскрывается напряженная и многогранная работа внешнеполитического ведомства России в период Первой мировой войны. В сборник включены такие материалы, как Обзор международного положения, сделанный министром иностранных дел Российской империи (1910–1916 гг.) Сергеем Дмитриевичем Сазоновым в Государственной думе незадолго до начала июльского кризиса 1914 г.; уникальный по насыщенности и достоверности Дневник МИД за все годы войны; Записка вице-директора дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего Н.А. Базили от ноября 1914 г.; речь С.Д. Сазонова в Государственной думе 27 января 1915 г.; Журнал межведомственного совещания от 6 и 16 февраля 1915 г.; Представление МИД в Совет министров 4 декабря 1915 г.; речь С.Д. Сазонова в Государственной думе 9 февраля 1916 г.; Справка дипломатической канцелярии при Ставке 24 ноября 1916 г. о событиях в Греции в 1916 г.; Протокол заключительного заседания петроградской союзной конференции

7 (20) февраля 1917 г. и другие разнообразные документы. Многие из них проливают свет на коренное противоречие внешней политики России — ее жизненная необходимость в сохранении европейского мира — и европейских союзниц-империй, что всё более расходилось с фатальным ходом развития европейской политики. Впервые опубликованы (частично) воспоминания выдающихся дипломатов об истории войны. Впервые показана картина дипломатической службы в драматических условиях революции 1917 г., когда русская дипломатия проявила невиданную сплоченность и стремление сохранить верность союзникам и довести войну до победного конца.

Одним их важнейших во внешней политике России являлся Балканский регион. Непосредственно Греции в этом сборнике отведено достаточно места. Она упоминается более, чем на 50 страницах, касающихся главных событий Первой мировой войны, связанных с действиями Антанты на Востоке против Османской империи, входящей в Центральный блок: с Дарданелльской операцией союзников 1915 г., открытием Салоникского фронта в 1916 г., в связи с территориальными вопросами, возникшими между балканскими государствами при разделе погибающего турецкого колосса, и т.д. Греция упоминается в Дневнике МИД за все годы войны.

Весьма интересные детали уже известных событий дополняют записи в Дневнике МИД Российской империи за каждый год войны. Наиболее уязвимой на австро-сербском фронте оказалась союзница Греции по двум Балканским войнам Сербия. Уже к 7 ноября 1914 г., из-за недостатка боеприпасов и угрозы её охвата неприятелем, сербская армия отошла в глубь страны, оставив Белград. Требовалась немедленная помощь её союзниц по Антанте. Даже Италия, соблюдавшая выжидательный нейтралитет, была обеспокоена ситуацией, грозившей ей самой потерей территорий. Поэтому 25 ноября 1914 г., как записано в Дневнике МИД, итальянский посол в России маркиз Андреа Карлотти посетил С.Д. Сазонова для обсуждения главного вопроса, стоявшего на повестке дня, — о военной помощи Сербии со стороны Греции, т.е. сама нейтральная Италия собиралась обсуждать вопрос о выведении из состояния нейтралитета другого государства².

Королевская Греция, как известно, с первых дней войны объявила о своем доброжелательном к державам Антанты нейтралитете, несмотря на то, что часть политиков во главе с премьер-министром (в 1910–1915, 1917–1923 гг.) Элефтериосом Венизелосом ратовали за немедленное вступление в войну на помощь Сербии, но, правда, на определенных гарантиях неприкосновенности ее территории, завоеванной в двух Балканских войнах 1912–1913 гг. Итальянский посол посетил российский МИД с целью как раз обсудить такие гарантии Греции со стороны Болгарии, еще не вступившей в войну на стороне Германии³. Болгария не собиралась давать гарантии Греции, считая себя несправедливо обделенной в годы Второй Балканской войны, требовала почти невозможного, и переговоры с ней были неудачными. В начале декабря, получив от держав Антанты помощь артиллерией и боеприпасами, Сербия вновь перешла в контрнаступление, нанеся австрийцам поражение и вторично отбросив их за пределы Сербии.

Разногласия между лидером либералов и видным политическим деятелем Греции Венизелосом и королем Константином шли по двум линиям: территориальному вопросу и помощи Сербии. Премьер считал возможным уступить Болгарии Кавалу, чтобы привлечь ее на свою сторону. Греческий же король был решительно против, называя эту жертву «чудовищной несправедливостью»⁴. Взамен передачи Кавалы Венизелос надеялся на вне-балканские компенсации в пользу Греции, в частности, на Смирну с прилегающими к ней районами⁵. Сознавая непрочность своего положения, Венизелос был вынужден сделать уступку роялистам, стремившимся к самому узкому истолкованию греко-сербского союза. 3 сентября в официальной прессе появились разъяснения, что греко-сербский договор имеет своей целью сохранение статус-кво только на Балканах, т.е. отказ своей союзнице в помощи в ее борьбе против Австро-Венгрии и Германии, так как оба эти государства не являлись балканскими. Король соглашался выполнить союзные обязательства по отношению к Сербии при наличии румынской помощи Греции, что было мало исполнимо⁶.

Тем не менее все дипломатические рычаги были приведены в движение, чтобы заставить Грецию прийти на помощь Сер-

бии. Так, в продолжительной речи министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе 27 января 1915 г. уделялось место и Греции. Сазонов говорил, что «отношение наше к Греции, испытанному другу нашей союзницы Сербии, носит самый сердечный характер. [...] Стремление эллинского народа положить конец страданиям своих соплеменников, находящихся еще под игом Турции, не может не вызвать сочувствия императорского правительства»⁷. Но король Константин считал, что Греческому королевству гораздо выгоднее сохранять нейтралитет, и не поддавался на уговоры держав Согласия. Так продолжалось еще два года.

В 1915 г. армии Центрального блока перешли в наступление на Балканском фронте, где их позиции значительно усилились в результате заключения 3 сентября 1915 г. болгаро-турецкого соглашения и подписания 6 сентября военной конвенции и союзного договора между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией. Болгария, заключившая тайные соглашения, приступила к мобилизации армии. Премьер-министр Греции потребовал от короля Константина также провести мобилизацию, угрожая в противном случае уйти в отставку. Король отвечал ему: «Вы знаете, что я не хочу помогать сербам, так как убежден в победе Германии и не намерен подвергать свою страну разорению»⁸. Однако вскоре он подписал декрет о мобилизации греческой армии, взяв курс на вооруженный нейтралитет.

Летом 1915 г. борьба за выбор Греции между воюющими группировками обострилась. Неудачи Антанты на фронтах укрепляли веру греческого двора и генштаба в неизбежность победы Центральных держав. В беседах с посланниками Антанты король Константин не стеснялся более высказывать германофильские убеждения и желание сохранять нейтралитет. Тем более, что из разговоров с германским императором он вынес впечатление, что Болгария несомненно выступит заодно с Турцией и Германией⁹. В августе Э. Венизелос вновь стал председателем кабинета министров и министром иностранных дел Греции, однако его оппоненты не дремали: в Греции создавалась атмосфера недоверия к державам Антанты и поборнику курса на союз с ними — проанглийскому либералу Венизелосу.

Важнейшим вопросом международной политики в годы Первой мировой войны был вопрос о Проливах и Константинополе. Об этом имеется обширная научная литература и многочисленные документальные источники¹⁰.

В Записке вице-директора дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего Н.А. Базили от ноября 1914 г., опубликованной в сборнике МИД, рассматривался «исторический вопрос о Проливах, который имеет для России экономическое, стратегическое и общеполитическое значение»¹¹. В этом документе было уделено внимание также вопросу об их нейтрализации и даже владению Проливами Болгарией или Грецией. Базили считал, что несмотря на то, что владение берегами Проливов сильным государством представляло для России очевидно большую опасность, но при этом, писал он, «можно ... думать, что Болгария или Греция оказались бы для нас в этой роли опаснее, чем Турция»¹².

Значительную роль в Дарданелльской экспедиции Уинстон Черчилль (в 1911–1915 гг. — первый лорд Адмиралтейства Великобритании), мечтавший, по его собственному признанию, о том, чтобы Галлиполи было занято одновременно с объявлением войны¹³, отводил военным силам и флоту Греции, политические и экономические интересы которой были теснее других балканских государств связаны с Англией.

19 февраля 1915 г. началась англо-французская операция по овладению Дарданеллами. В 1915 г. державы Антанты, главным образом Великобритания, предприняли морские и сухопутные операции с целью овладения Черноморскими проливами — Дарданеллами и Босфором, а также Константинополем (Стамбулом). Разумеется, что главный зачинщик Дарданелльской экспедиции У. Черчилль и многие из его единомышленников в правительстве Англии преследовали прежде всего политическую цель: оккупировать Константинополь и Проливы до того, как они должны будут, согласно тайному соглашению между Россией, Великобританией и Францией (в форме обмена памятливыми записками и нотами) от февраля — апреля 1915 г., отойти к Российской империи.

В Памятной записке посольства Великобритании в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову 21 февраля (6 марта)

1915 г. говорилось: «Помощь, и особенно военная помощь, Греции на Галлипольском полуострове может представиться важной и существенно необходимой для полного успеха операции». Поэтому англичане просили Россию «не препятствовать» ей в привлечении греческих сил. «Императорское правительство, — говорилось в Памятной записке, — должно принять во внимание, что неудача Дарданелльской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия»¹⁴. «Правительство Его величества никогда не рассматривало вопроса об аннексии в пользу Греции какой-либо части Проливов. Смирна представляет ту часть турецкой территории, которая рассматривалась как компенсация Греции. [...] Правительство Его величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на проливах, что противоречило бы русским интересам»¹⁵. Меньше, чем через неделю, 27 февраля (12 марта) 1915 г., посольство Великобритании в Петрограде вновь обращается к С.Д. Сазонову с очередной Памятной запиской по вопросу привлечения Греции к операциям в Проливах. Англичане поясняют, что «одной из главных целей правительства Его величества в операциях в Дарданеллах было привлечение нейтральных государств», особенно Греции. Англия просила еще раз поддержать её намерение использовать легкие флотилии греков¹⁶. Однако доводы англичан были для русской дипломатии неубедительными. В Дневнике есть интересная запись от 22 февраля 1915 г. За завтраком у румынского посланника С.Д. Сазонов имел довольно обстоятельный разговор со своим соседом, греческим посланником в России (в 1914–1915 гг.) Ионой Драгумисом, и подтвердил ему, что Россия не может допустить вмешательства Греции в разрешение вопроса о Константинополе, указав ему, что в интересах Греции не рисковать своим флотом для действий у Дарданелл, так как этот флот может потребоваться ей впоследствии, хотя бы на случай недоразумений с Италией, интересы которой в некоторых областях сталкиваются с греческими¹⁷.

В конце апреля англо-французское командование провело масштабную десантную операцию на Галлиполийском полуострове, но войскам Антанты вновь не удалось добиться успеха. В конце года англо-французское командование решило оставить Галлиполи и на время прекратить операции по овладению Проливами.

Одним из интереснейших документов сборника является Представление МИД в Совет министров 4 декабря 1915 г. В нем говорилось: 10 ноября английский посол в России Д. Бьюкенен (в 1910–1918 гг.) прочел министру С.Д. Сазонову телеграмму статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Э. Грея, в которой говорилось о согласии Англии на разрешение вопроса о Проливах и Константинополе «согласно желаниям России». Д. Бьюкенен прочел телеграмму Грея и английскому послу в Париже, в которой также указывалось, что Англия считает справедливым уступки России в вопросе о Проливах. Совершенно ясно, что западные союзники готовы были на устные заверения России для поднятия ее духа в военных действиях на фронтах мировой войны. Одновременно, как уже писалось, Англия делала всё, чтобы привлечь греческий флот к Дарданелльской операции.

Балканские дела были в начале войны завязаны на привлечении большего числа балканских стран к союзу с Антантой. Румынский посланник в России Константин Диаманди (в 1914–1918 гг.), встретившись с посланником России в Сербии князем Г.Н. Трубецким у российского дипломата барона Э.О. Шиллинга (в Риме) и обсуждая проблему территориальных уступок, ставил главной задачей сплочение блока Румынии, Сербии и Греции с тем, чтобы привлечь по возможности к этому блоку Болгарию или хотя бы оказать на нее давление¹⁸. Есть записи в Дневниках МИД, что еще 16 (29) мая 1915 г. державы Согласия предложили ряд территориальных уступок взамен ее немедленного вступления в войну против Турции. Державы, наряду с другими уступками, воздействовали на Грецию, чтобы она уступила Кавалу Болгарии, а взамен Греция должна была получить территориальные приобретения в Малой Азии¹⁹. Однако Греция отвергала любые уступки Болгарии.

Тем временем, 6 декабря, Болгария, которой Центральными державами были обещаны значительные территориальные компенсации (вся сербская часть Македонии, территория до правого берега Моравы включительно, а в случае перехода Греции и Румынии на сторону Антанты — часть греческой Македонии и Южная Добруджа), вступила в австро-болгаро-германо-турецкий Четверной союз.

1 (14) октября 1915 г. Болгария напала на Сербию, которая теперь была охвачена с севера и востока превосходящими австро-венгерскими, германскими и болгарскими силами, что поставило малочисленную сербскую армию в тяжелое положение. Таким образом устанавливалось беспрепятственное сообщение между Турцией и Германией. В исключительно трудных условиях сербская армия, отражая наступление войск германской коалиции, отходила к берегам Адриатики; вместе с ней уходила и значительная часть сербского населения. Остатки сербской армии (около 120 тыс. человек) эвакуировались на греческий о. Корфу.

26 апреля 1915 г. в Лондоне было подписано секретное соглашение между Россией, Великобританией, Францией и Италией об условиях вступления в войну Италии. Итальянское правительство обязалось начать войну через месяц и сдержало обещание, аннулировав союзный договор с Австро-Венгрией.

Наиболее последовательной защитницей интересов Сербии была Россия. Сазонов предлагал «не смущаться отставкой Э. Венизелоса и не только не отказываться от начатой высадки, но по возможности ускорить таковую», указывая, что только таким образом можно спасти Сербию. Французское правительство заявляло, что Франция готова предотвратить разгром сербов и преградить австро-венгерским и германским войскам путь на Балканы созданием Салоникского фронта, однако так и не отправила в Салоники достаточных сил. К 21 октября 1915 г. Франция высадила в Салониках всего 35 тыс., а Англия только 10 тыс. человек²⁰.

Расчеты Сербии и держав Антанты на привлечение Греции на свою сторону рухнули, и Греция перестала играть прежнюю роль, хотя король уже 6 октября объявил, что союзники могут продолжать высаживать свои войска в Салониках. Греция заняла позицию неприсоединения ни к одной из воюющих коалиций и рассматривала присутствие войск Антанты на своей территории всего лишь как гарантию от нападения Болгарии.

Постепенно, в октябре-ноябре 1915 г., английские и французские войска стали высаживаться в районе Салоник (недавно отвоеванной греками у Турции территории), где был развернут державами Антанты новый на Балканах Салоникский фронт, сыгравший большую роль в войне²¹. В декабре 1915 г. М. Сар-

райль, французский военачальник, дивизионный генерал, главнокомандующий Восточной армией союзников на Салоникском фронте, заявил греческому правительству, что союзниками будут предприняты меры по укреплению обороны Салоник, а также предъявил требование об отводе греческих войск из города. В свою очередь, союзники, на случай нарушения греческой границы Германией, обещали не покидать Салоник, но и не воевать на территории Греции без согласия последней. Кроме того, они обещали оказать Греции финансовую помощь. Однако греческое правительство, надеясь дожидаться прихода германо-болгарских сил, чинило различные препятствия силам под командованием М. Саррайля: разоружило отступавшие на греческую территорию сербские войска, распорядилось, якобы для нужд греческой армии, угнать в Серры 70 вагонов, которые использовались союзниками для перевозки войск²².

В Журнале межведомственного совещания 6 и 16 февраля 1915 г. есть интересные записи о гуманитарной деятельности МИД России в Греции. Так, МИД России беспокоился о том, что в Греции нуждаются в помощи часть беженцев из Турции, ранее прибывших в Салоники, а также неимущие русские подданные, попавшие в Грецию из Италии, Болгарии и Сербии²³.

Борьба Антанты за привлечение Греции, на чьей территории без согласия короля был открыт Салоникский фронт, продолжилась с новой силой. Действия союзников привели к еще большему расколу политических сил в Греции, страна постепенно распадалась на две части. В Дневнике МИД имеются интересные сведения о действиях российских дипломатов по привлечению греческих сил на сторону союзников. 16 февраля 1915 г., по поручению Сазонова, барон Шиллинг указал греческому посланнику на отрицательное впечатление, произведенное в Петрограде отказом Греции открыто встать на сторону Тройственного соглашения и выступить совместно с ними, несмотря на обещанную державами военную помощь. Всё это говорило об усилении в Афинах влияния Германии и Австро-Венгрии. Указывалось, что не в интересах Греции вызвать недовольство держав Согласия²⁴. 25 сентября Сазонова посетил греческий поверенный в делах в России Димитриос Какламанос (в 1915–1916 гг.) по поводу гре-

ческого вооруженного нейтралитета. Ему было сказано: позиция, занятая Грецией, производит впечатление, что она собирается отказаться от союзнических обязательств в отношении Сербии. Сазонов сообщил, что русские войска окажут Сербии помощь. Министр не скрыл, что решение Греции производит отрицательное впечатление на союзников²⁵. 1(14) ноября 1915 г. российский посланник в Афинах Е.П. Демидов сообщал С.Д. Сазонову, что союзники готовят совместную ноту греческому правительству с изложением требований в связи с предстоящим прибытием в греческие воды союзной эскадры. В ноте говорилось о необходимости положить конец двусмысленному положению Греции, в котором она оказалась²⁶.

Российская общественность горячо интересовалась греческими делами, и МИД России постоянно информировал её о них. Так, в интервью С.Д. Сазонова газете «Речь» 17 января 1916 г. на вопрос о позиции Греции он отвечал следующим образом: «Греция сохраняет нейтралитет. Добровольно или недобровольно — это вопрос другой. Надо надеяться, что правильно понятые интересы страны не позволят греческому правительству идти вразрез с нашими союзниками»²⁷.

Много вопросов у российских политиков и общественности было связано с высадкой союзников в Салониках. В речи С.Д. Сазонова в Государственной думе, произнесенной 9 декабря 1916 г., он разъяснял позицию держав Антанты в связи с нападками вражеских держав германского блока: германский канцлер коснулся отношения держав Согласия к Греции и приравнял их действия к поведению Германии в Бельгии. Если вторжение и разгром этой страны действительно является нарушением принятого на себя Пруссией в 1839 г. священного обязательства, говорил Сазонов, то в мирной высадке союзных войск в Солуни (Салониках. — *О. С.*) момент юридического правонарушения отсутствует совершенно. 8 статья второго Лондонского договора от 3 февраля 1830 г. обуславливает право каждой из трех держав-покровительниц (Англии, России и Франции. — *О. С.*) вводить войска на освобожденную ими греческую территорию только с согласия двух остальных. «Нужно ли добавлять, — продолжал министр, — что согласие России было с самого начала обеспечено нашим союзни-

кам и что, следовательно, требования указанной статьи в точности соблюдены. Помимо этого, войска союзников были посланы в Солунь по приглашению главы эллинского кабинета (Э. Венизелоса. — *О. С.*), видевшего исключительно в доставлении ему этой вооруженной помощи возможность для Греции выполнить ее союзнические обязательства в отношении Сербии»²⁸.

В Дневнике МИД от 19 августа 1916 г. есть такая запись: греческий политический деятель Александрос Заимис сообщил английскому посланнику в Афинах, что Греция собирается выйти из нейтралитета на стороне союзников, в связи с чем, возможно, настал момент обсуждения тех условий, на которых могло бы состояться выступление Греции²⁹. В записи от 21 августа 1916 г. читаем, что, по сведениям из Лондона, королевич Андрей Греческий посетил заместителя государственного секретаря по иностранным делам лорда Гардинга и запросил его с некоторым выражением неудовольствия по поводу тех мер, которые в настоящее время предпринимаются союзниками в отношении Греции (требования об установлении союзного контроля над почтой и телеграфом и о высылке германских агентов). На это лорд Гардинг ответил предъявлением королевичу документа в виде перехваченной радиограммы, с совершенной ясностью устанавливающего передачу греческим генеральным штабом сведений о положении и действиях союзных войск в Македонии болгаро-германскому штабу. Королевич был немного смущен и ничего не возражал³⁰.

На Балканском фронте с начала 1916 г. стояло временное затишье, но с лета стали происходить военные столкновения, и события развивались следующим образом. В августе болгарские войска захватили часть греческой территории в нижнем течении реки Струмы и вели атаки южнее Монастира (Битоль. — *О. С.*). В сентябре союзники, отеснив болгар, заняли Монастир. Силы держав Согласия постепенно возрастали, и установился сплошной фронт от побережья Эгейского моря, вдоль реки Струмы, озера Дойран, через Монастир, Охрид до побережья Адриатического моря, севернее Влоры.

В Дневнике МИД в записи от 21 августа 1916 г. говорится, что и по мнению начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева развитие военных действий на

Балканах приветствуется, но только в тот момент, когда русские силы будут иметь гарантию безопасности на теперешнем Восточном фронте. При этом он считает, что целью России должны быть не только военные действия на Балканах, не только разгром болгар или помощь союзникам, но и более широкие задачи, одной из которых являлось бы направление наших сил на Константинополь³¹.

Русский экспедиционный корпус на Салоникском фронте входил в состав межсоюзнических воинских контингентов (Экспедиционный корпус русской армии во Франции и Греции), сформированных специально для действий на Балканах во время Первой мировой войны в 1916–1917 гг. Император Николай II, который посчитал направление войск на Салоникский плацдарм традиционной миссией России по защите единоверных славян на Балканах, сразу санкционировал этот проект. Русская 2-я Особая бригада прибыла на Салоникский фронт тремя эшелонами: 27 июля, 8 и 10 августа 1916 г. Всех воинов быстро вооружили и обучили обращению с незнакомым им оружием европейского образца, и в августе генерал Саррайль уже бросил их в бой с болгарскими частями. В октябре 1916 г. прибыло еще одно подразделение — 4-я Особая пехотная бригада, собранная из бойцов запасных полков. Общее количество русских солдат, воевавших на греко-македонском пограничье, достигло 20 тыс., а с учетом постоянного пополнения — 30 тыс. человек³². Русские войска размещались в большом военном лагере Зейтелинк, в пригороде Салоник, где сейчас находятся захоронения русских и сербских военных.

Присутствие русского корпуса в Салониках обусловило еще более внимательное отношение МИД России к греческим делам. Так, в Справке дипломатической канцелярии при Ставке «О событиях в Греции» дается запись беседы последнего министра иностранных дел царской России (с ноября 1916 г. по март 1917 г.) Н.Н. Покровского с представителями петроградской и московской печати от 13(26) декабря 1916 г. «Последние события в Греции вызвали весьма понятное беспокойство общественного мнения, как у нас, так и за границей. С самого начала войны державы-покровительницы, в руках которых находится судьба Греции, обязанной им своим существованием, основыва-

ясь на неоднократных формальных заявлениях греческого правительства, имели право рассчитывать если не на благожелательное к ним отношение, то, во всяком случае, на благоразумие. К сожалению, благодаря проискам наших врагов, — подчеркнул министр, — и легкомысленному попустительству представителей власти великодушные держав, относившихся к Греции как сильный к слабому, было неправильно истолковано в некоторых кругах этой страны и понято как признак слабости. Всем известны обстоятельства нападения в Афинах на воинские части наших союзников и кровавые беспорядки, разыгравшиеся на этой почве на афинских улицах. Кроме этого союзные державы в настоящее время не могут ни на одну минуту допустить возможность существования условий, угрожающих их военным интересам. В соответствии с этим к мерам, принятым уже ранее, ныне державы имеют в виду присоединить еще некоторые решительные требования военного характера, которые должны покончить с “греческой” несправедливостью»³³.

Греческий вопрос очень подробно обсуждался также на заседании руководства МИД 8 января 1917 г. На нём присутствовали: министр иностранных дел Н.Н. Покровский, товарищ министра А.А. Нератов, советник 2-го Политического отдела А.М. Петряев, начальник канцелярии министра иностранных дел Б.А. Татищев, директор дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем Н.А. Базили и вице-директор 2-го департамента князь Л.В. Урусов.

Греческий вопрос стоял первым номером в повестке дня. В отчете об этом заседании было записано, что в настоящее время надо признать, что греческое правительство находится на пути к исполнению требований союзников, предъявленных ему в последней ноте. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский указал, «что несмотря на обещания, Греция всё же внушает недоверие, и можно ожидать от нее сюрпризы»³⁴. Он также проинформировал коллег, что для наблюдения за выполнением Грецией принятых ею обязательств установлен контроль союзных офицеров, наблюдающих за передвижением греческих войск в Пелопоннесе. Одновременно учреждался контроль союзников над правительственными учреждениями. Было решено, что вопрос

контроля как таковой должен быть рассмотрен также на военном совещании.

А.М. Петряев на вопрос министра как лучше объединить усилия держав, отвечал, что для этого следует изменить общий облик состава представителей держав Согласия в Афинах. По его мнению, российским интересам отвечало бы отозвание французского посланника в Греции (в 1916–1917 гг.) Ж. Гильмена, действия которого больше всего вредят российским интересам. Не задевая интересов Франции, следует пойти по пути замены всех представителей держав Антанты в Афинах. А.А. Нератов подчеркнул, что в политике держав в Греции нет единой воли, «а каждый ревниво отстаивает свой личный интерес и точку зрения». Покровский предложил установить в Греции влияние одной державы, хотя бы Англии как наиболее спокойно относящейся к этому вопросу. Однако было указано на ошибки Англии в балканской политике, в особенности в отношении болгарского вопроса. И участники заседания не пришли к единому мнению³⁵.

По мнению Н.А. Базили, единственным лицом, которое способно было бы ослабить разногласия союзных держав, мог стать командующий союзными войсками на Салоникском фронте при условии, что он будет пользоваться всеобщим уважением и проч. Однако нынешний командующий генерал М. Саррайль, к сожалению, не обладает такими качествами и не вызывает доверия союзников, а что еще хуже — часто раздражает греков. Покровский считал, что если так, то следует отозвать Саррайля, но это трудно осуществимо. Нератов также указал, что вопрос о перемене командования можно обосновать желанием установить новую атмосферу, но невозможно связывать вопрос с отдельными личностями³⁶.

В результате многочасового заседания было постановлено:

1. Добиваться наибольшего согласования отдельных интересов держав Согласия для достижения единства действий;
2. Установить меры противодействия возможному новому движению в Греции (венизелизму. — *О. С.*);
3. В целях объединения и установления большего единства среди союзников в вопросах политических и военных, признано желательным добиться отозвания генерала Саррайля и французского посланника в Афинах Гильмена³⁷.

8 января 1917 г. участники Римской конференции держав Антанты от имени Англии, Франции, России и Италии обратились к правительству Греции с нотой, в которой содержались ультимативные требования союзников о транспортировке греческой армии и техники на Пелопонесский полуостров, и о союзном контроле за этим процессом. В случае скорейшего выполнения всех требований союзники обещали с уважением отнестись к желанию афинского правительства сохранить нейтралитет и не допускать распространения венизелизма. 12 января союзные державы передали Греции дополнительную ноту, требуя немедленного принятия, без всяких оговорок, ультиматума от 8 января 1917 г. Греческое правительство ответило нотой, в которой соглашалось на все требования без оговорок³⁸.

Интересно содержание «Протокола заключительного заседания петроградской союзной конференции 7 (20) февраля 1917 г.». Затронув вопрос о блокаде Греции, министр Покровский отметил, что последние известия о положении в Греции вновь вызывают тревогу, однако изменить решение конференции насчет снятия блокады не следовало бы, поскольку оно по-прежнему точно соответствует положению. В результате многочасовых обсуждений, Конференция постановила: опираясь на решение, принятое в Риме, что как только специальные представители, призванные осуществлять надзор, заявят о полном исполнении Грецией предъявленных ей требований, пройдет смягчение блокады и будет допущен ограниченный импорт продовольствия, не превышающий двухдневные или трехдневные потребности населения в пропитании; число портов, через которые сможет осуществляться ввоз, будет строго ограничено ради обеспечения действенного контроля³⁹.

В дневнике русского дипломата, князя Льва Владимировича Урусова (в 1916–1917 гг. — вице-директор сначала Второго, а затем Экономического департамента), частично опубликованном в сборнике МИД, имеется любопытная запись от 1 (14) января 1917 г. о возвращении из немецкого плена Янчевецкого (Василия Григорьевича, будущего писателя Яна, который с 1912 г. находился в Константинополе и на Балканах, как специальный корреспондент Петербургского телеграфного агентства [ПТА]).

Янчевецкий много рассказывал о настроениях в Австро-Венгрии и Германии. По его словам, «в Берлине настроение несравненно хуже, нежели в Вене, — у немцев нет мечты, на которой они могли бы отыгаться, — ходят они по грязному городу сумрачные. Едят и пьют суррогаты и также совсем предусмотрительны к русским. И затаили теперь уже ненависть к Англии. К Греции интерес отгорел — ни греки ничего путного не сделали, ни мы, союзники, не можем похвалиться хорошо разыгранной игрой — мы потеряли Грецию по примеру прочих балканских держав — но в этой игре, к счастью, проиграли-то одни греки»⁴⁰.

В дневниковой записи Урусова от 29 мая 1917 г. вновь находим интересные сведения о Греции и отношении к ней новых политических сил России. «В Греции что-то творится неладное: шатается трон короля Константина — знаю, что и мы там официально орудуем, но опять-таки, это одна только видимость — России там нет, один только посланник Е.П. Демидов. Не имея возможности по долгу русского человека и по личному убеждению изменить курс русской внешней политики, который очевидно соответствует жизненным интересам России, Терещенко (Михаил Иванович, с мая по октябрь 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. — *О. С.*), а раньше Милуков (Павел Николаевич, министр иностранных дел Временного правительства с марта по май 1917 г. — *О. С.*), [...], общерусская интеллигенция, засевшая в МИД, не имеет одновременно реальной власти над Россией, реального контакта с беснующимся самодержавным народом. [...] Народ, в свою очередь, до сих пор еще не взял внешнюю политику в свои руки, а, следовательно, не сказал своего творческого слова в этой области»⁴¹. Наконец, в записи от 31 мая 1917 г. читаем: «Король греческий отрекся от престола в пользу своего второго сына. Событие это произошло под давлением союзников и России, пославших в Афины Жоннара (одного из самых авторитетных французских политиков Шарля Жоннара. — *О. С.*), — и операция до сих пор прошла с большой легкостью. Это событие может быть чревато последствиями, в особенности, если сопоставить его с тем, что Мандельштам (российский посланник Андрей Николаевич Мандельштам [1869–1949]. — *О. С.*) работает в Берне над сепаратным миром с Турцией и Болгарией — от Ноль-

де (барона, Бориса Эммануиловича Нольде, видного российского дипломата. — *О. С.*) я, между прочим знаю, что сепаратный мир с этими державами является целью политики Терещенко — это, так сказать, его самостоятельный трюк — событие это, однако, комментируется немного небрежно, что вполне естественно — демократы не знают, где это находится Греция — а буржуи так подавлены развитием анархии и походом на них пролетариев, что им не до греческих неурядиц — те неурядицы, которые происходят у нас, им куда ближе и больше»⁴².

15 июня 1917 г. Урусов записывает: «[...] В Ставке превосходное настроение — деятельно готовятся к наступлению — вот тоже большая и весьма опасная игральная карта — а играть ее нужно, а ежели наступать с головой и вовремя остановить наступление и закрепить, благодетельные результаты наступления будут неисчислимы во всех отношениях. В Греции Венизелос пришел ко власти — недалек момент вступления Греции в войну против Германии — очень может быть, что и Норвегия пойдет по тому же пути. Нейтралитет теперь — это недоразумение с т.[очки] зрения воюющих — и преступление против своей страны»⁴³. И, наконец, последняя запись в дневнике Урусова, касающаяся Греции, от 28 июня 1917 г.: «Румынский фронт — и в связи с этим и событиями в Греции может наметиться весьма интересная операция против Болгарии. Создается такое впечатление, что дело войны вновь переходит в руки военачальников (аппетит приходит во время еды) — успех окрыляет — и те самые солдаты, которые колебались, выходить ли им из окопов, — пойдут на Львов, как цели реальной и им понятной — игра началась и хочется выиграть»⁴⁴. И, действительно, мировая война втягивала в свою орбиту новые государства и народы. В 1917 г. в войну вступили на стороне Антанты также Китай, Бразилия, Куба, Панама, Либерия и Сиам.

Греция вступила в войну 2 июля 1917 г. на стороне Антанты после отречения прогермански настроенного короля Константина, объявив войну Центральным державам. В России назревала очередная революция, и все силы были брошены на решение главных военных и внутривосточных задач. Большевицкое правительство, опубликовав все тайные договоры царского правительства с державами Антанты, вышло из войны и бросило на произвол судьбы Русский корпус как во Франции, так и в Греции.

Примечания

- 1 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014.
- 2 Там же. С. 48.
- 3 Там же. С. 47.
- 4 Международные отношения в эпоху империализма (далее — МО). Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. С. 133; Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия 1915. Д. 100. Т. 1. Л. 176.
- 5 АВПРИ. Ф. Политархив 1915. Д. 338. Л. 181, 310, 315, 316; МО. Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. Примеч. 1. С. 242; *Theodoulou C. Greece and the Entente*. Aug. 1, 1914 — Sept. 25, 1916. Thessaloniki, 1971. P. 170.
- 6 Более подробно о позиции Греции в Первой мировой войне см.: *Соколовская О.В. Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918*. М., 1990.
- 7 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 205.
- 8 АВПРИ. Ф. Канцелярия 1915. Д. 100. Т. 2. Л. 195; МО. Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. С. 338; *Theodoulou C. Greece... P. 176; Leon G. Greece and the Great Powers. 1914–1917*. Thessaloniki, 1974. P. 218, 219; *Abbot G. Greece and the Allies*. L., 1922. P. 57.
- 9 Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922. С. 7; АВПРИ. Ф. Канцелярия 1915. Д. 100. Т. 1. Л. 180.
- 10 *Валентинов Н.* Сношения с союзниками по военным вопросам в 1914–1918 гг. М., 1929; *Зайончковский А.М.* Мировая война, 1914–1918. М., 1924; *История первой мировой войны, 1914–1918*. М., 1975. Т. 2; *Каленковский А.К.* Дарданелльская операция. М., 1938; *Адамов Е.А.* Предисловие к публикации «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». М., 1922; *Гримм Э.Д.* Политическая обстановка военных операций для захвата Константинополя и Проливов, 1915–1917 гг. (Предисловие к сборнику «Константинополь и Проливы». М., 1926. Т. 2); *Захаров С.* Англия во время первой мировой войны. 1914–1916 // *Историк-марксист*. 1939. Кн. 5, 6; 1940. Кн. 2 (78); *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947; *Higgins T. W. Churchill and the Dardanelles*. N.–Y., L., 1962; *Leon G.B. Greece and the Great Powers. 1914–1917*. Thessaloniki, 1974; *Theodoulou C. Greece...; Dardanelles Comission. Supplement to the First Report*. L., 1917; *Zotiades G.B. Russia and the Question of the Greek Participation in the Dardanelles Expedition // Balkan Studies*. Thessaloniki, 1969. V. X. I. P. 17–18; *Στεφ. Ι. Στεφάνου. Δαρδανέλλα 1915*. Αθήνα, 1987.
- 11 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 184.
- 12 Там же. С. 193.
- 13 *Churchill W. The World Crisis*. 1915. N.–Y., 1923. P. 92–93.
- 14 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 214.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 216.
- 17 Там же. С. 56.
- 18 Там же. С. 53.
- 19 Там же. С. 84.
- 20 Европейские державы... С. 24.
- 21 *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах, 1916–1918 гг. Париж, 1933; *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны

- 1914–1918 гг. М., 1939.; История Первой мировой войны 1914–1918 гг. // под редакцией И.И. Ростунова. В 2-х томах. Т. 2. М., 1975. С. 512 и др.
- 22 АВПРИ. Ф. Политархив 1915. Д. 4261. Л. 52.
- 23 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 478.
- 24 Там же. С. 535.
- 25 Там же. С. 95.
- 26 Там же. С. 101.
- 27 Там же. С. 241.
- 28 Там же. С. 243.
- 29 Там же. С. 157.
- 30 Там же. С. 157–158.
- 31 Там же. С. 158.
- 32 <https://topwar.ru/157495-russkie-brigady-salonikskogo-fronta.html> (дата обращения: 31.06.2020). Русские бригады Салоникского фронта. 8 мая 2019 г.
- 33 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 307–308.
- 34 Там же. С. 310.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 311.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С. 313.
- 39 Там же. С. 336.
- 40 Там же. С. 793–794. См. также: Дневники Л.В. Урусова. 1914–1917. М., 2018.
- 41 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 826–827.
- 42 Там же. С. 828.
- 43 Там же. С. 830.
- 44 Там же. С. 832.

Почему 27 ноября? К предыстории Нейиского договора 1919 г.*

О Нейиском договоре и его восприятии в Болгарии существует много литературы, в которой за последние 100 лет, без сомнения, сказано всё, что следовало бы знать и помнить. Тем не менее, я принимаю вызов, предлагая иной ракурс исследования, а именно — привлекая внимание к историко-психологической мотивации сербских представителей на Парижской мирной конференции в 1919 г. Отправная точка предпринятого анализа указана в заглавии — Почему 27 ноября? Почему мирный договор с Болгарией подписан именно в этот день, а не в какой-либо другой?

Начну с того, что для болгар это не просто день календаря, а дата военного праздника болгарской армии — Праздника побед. Он восславляет последний победный день Сербско-болгарской войны 1885 г. — Пиротское сражение 15 ноября, по старому юлианскому календарю, который тогда был принят в Болгарии. Именно из-за Нейиского диктата над болгарским национальным самосознанием и исторической памятью, а также вследствие полной смены празднично-ритуальной системы после 9 сентября 1944 г., Праздник побед был полностью забыт в течение десятилетий¹. Поэтому я вкратце напомню его историю и одновременно с этим подробно остановлюсь на историко-психологической мотивации сербских представителей на Парижской мирной конференции 1919 г.

В первые годы после своего создания 5 июля 1879 г. у болгарской армии не было официального военного праздника. Следуя традициям русской армии, в которой каждое подразделение —

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Болгарии, проект ДНТС/Россия 02/17, ФНИ «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

полк, батарея или эскадрон — отмечает свой полковой день — ежегодный праздник, приуроченный к дню святого, в честь которого был освящен полковой храм, в Болгарии также отмечают праздник подразделения, связанный с датой церковного календаря. В то же время некоторые части начинают отмечать даты памятных сражений и событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эта практика, однако, подавлена в зародыше и не успевает стать традицией. Одним из своих первых приказов 1879 г. военный министр Болгарии генерал-майор П.Д. Паренсов, сославшись на необоснованные расходы на подобные торжества, предписывает: «1) Празднование каких-либо ежегодных памятований прошлой кампании, если они не совпадают с днями годовых праздников, запрещено. 2) Разрешается отмечать ежегодные праздники в дружинах, сотнях и батареях раз в год, о чем начальники отделов сегодня должны предоставить в Министерство обороны подробные сведения о таких праздниках на мое утверждение»².

В 1884 г. торжественные, праздничные и другие дни, когда войска освобождаются от занятий, части участвуют в парадах, а офицеры обязательно посещают молебны и панихиды, включены в специальное расписание. Однако в нем нет специально установленного военного праздника. Помимо дня заключения Сан-Стефанского мирного договора (19 февраля), в расписании фигурируют Св. Георгий Победоносец (тогда отмечался 23 апреля), но лишь как церковный праздник святого-воина, а также Св. Дмитрий Солунский (26 октября) и Св. Николай Чудотворец (6 декабря). Церковным праздником, занимающим особое место в жизни армии, является и Богоявление (6 января), когда по традиции совершается водоосвящение боевых знамен. С 1893 г. в этот день производится также пушечный салют из 21-го оружейного ствола, но эта привилегия не делает Богоявление военным праздником³.

После Сербско-болгарской войны 1885 г. в праздничном календаре болгарской армии происходят существенные изменения. Со следующего года вступает в силу министерский приказ отмечать в частях следующие даты:

7 ноября, победа при Сливнице — 1-м Софийским, 3-м Бдинским, 4-м Плевенским, 5-м Дунайским и 9-м Пловдивским пехотными полками, 2-м кавалерийским полком и княжеским конвоем;

10 ноября, победа под Драгоманом — 6-м пехотным Тырновским полком;

13 ноября, победа под Царибродом — пионерной дружиной*;

15 ноября, взятие Пирота — 8-м Приморским, 10-м Родопским, 11-м Сливенским и 12-м Балканским пехотными полками, 1-м кавалерийским полком и 2-м артиллерийским полком.

В эти дни проходят панихиды по погибшим офицерам и солдатам, в частях проводятся церковные парады, солдаты получают лучшую пищу по специальной раскладке⁴.

В 1888 г. военный министр полковник С. Муткуров отменяет праздничный военный календарь генерал-майора Паренсова и утверждает новое расписание дней для молебнов, панихид и парадов. В нем впервые введен общий военный праздник для болгарской армии, связанный с Сербско-болгарской войной, но разделенный на две даты — 7 ноября, День павших воинов, когда служат молебны и панихиды, и 8 ноября, День болгарской победы при Сливнице, когда проводят военные парады⁵.

Между тем, некоторые части болгарской армии меняют свои ежегодные праздники, и в дополнение к святым из церковного календаря начинают выбирать события из династического и политического календаря: 2 августа — восхождение князя Фердинанда на болгарский престол (6-й пехотный Тырновский и 22-й пехотный Фракийский полки); 18 мая — тезоименитство князя (16-й пехотный Ловчанский полк и 4-й артиллерийский полк); 22 мая — день рождения княгини Клементины (15-й пехотный Ломский полк). Эти даты также ежегодно празднуются дружинами пехотных полков. Свои ежегодные праздничные дни есть и у рот; они обычно приурочены к церковному календарю и отмечены наличием в казарме ротной иконы — обязательного атри-

* Пионерами (от *фр.* pionnier — первопроходец) называли в армиях некоторых стран, в том числе России, саперные подразделения. Дружина в болгарской армии — подразделение численностью до 1 тыс. чел. (Прим. ред.).

бута воинского быта в период от Освобождения до переворота 9 сентября 1944 г.

Наряду с общими, полковыми, дружинными и ротными праздниками, существует и Праздник кавалеров военного ордена «За храбрость». Однако привилегия праздновать его принадлежит только тем, кто им награжден, и поэтому совершенно неправильно считать его общевоинским праздником, как делают многие военные и гражданские историки. В этот день командиры частей и гарнизонов пользуются правом подносить поздравления главе государства и Верховному главнокомандующему от имени всех кавалеров ордена. При этом первоначально датой его празднования становится 17 апреля — день, когда Первое Великое народное собрание избирает Александра Баттенберга болгарским князем, что неслучайно совпадает с днем рождения русского царя Александра II Освободителя. Только в 1891 г. его начинают связывать с церковным праздником Св. Георгия Победоносца — 23 апреля по юлианскому календарю, тогда официально для болгарского государства⁶. Но и впоследствии он остается привилегированным праздником только для носителей военного ордена.

Решительный шаг к установлению единого военного праздника для болгарской армии сделан в 1898 г. Это происходит по приказу военного министра полковника Н. Иванова, в котором говорится:

«За победу в войне 1885 г. установлены почти в каждой части особые дни для празднования. В связи с реорганизацией армии после войны многие части — почти все вновь сформированные и те, для которых кадрами послужили целые дружины, участвовавшие во время войны в отдельных сражениях и, следовательно, имеющие отдельные отличия, — остались без военных праздников; а некоторые дружины, которые входили в состав старых полков и действовали отдельно, должны отмечать праздник в совсем другие дни, а не в те, где они больше всего отличились. Кроме того, в связи с тем, что части празднуют в разные дни, не получается достигнуть той торжественности, которая подобаает случаю, как получилось бы, если праздновать в один день, целой армией.

С разрешения Его Царского Высочества приказываю в будущем все отдельные праздники, учрежденные во время событий от Соединения до окончания Сербско-болгарской войны, объединить в один для всей армии; в качестве такового устанавливается 15 ноября — день, когда закончились военные действия и когда почти вся армия приняла участие. Вышесказанное объявляю обязательным к исполнению»⁷.

Праздник побед торжественно отмечают парадами, сопровождаемыми панихидами и молебнами, патриотическими речами и другими публичными мероприятиями, в которых, помимо военных, участвуют представители государства, церкви и общества. Этот праздник становится особенно популярным в годы Первой мировой войны, когда его отмечают не только в старых пределах страны, но и на завоеванных территориях, называемых официально «освобожденными» или «вновь присоединенными» землями — в Македонии и регионе Поморавье. Первый большой парад военного времени по случаю Праздника побед проведен в г. Ниш 15 ноября 1915 г., всего через несколько дней после победы болгарской армии и ее германским и австро-венгерским союзниками над сербами. В этот день, который к тому же выпал на воскресенье, болгарский епископ Варлаам, назначенный управляющим нишской епархией, служит в кафедральной церкви Св. Троицы свою первую литургию. На службе присутствуют все гражданские и военные власти, а также представители местного населения. После литургии проводится панихида по погибшим болгарским воинам, а на площади перед храмом — молебен с водосвятием. В конце болгарский епископ благословляет армию, и она участвует в военном параде⁸. С изменением календарного стиля весной 1916 г. Праздник побед переносится с 15 на 27 ноября.

В наши дни всё это выглядит как любопытные факты ушедшей эпохи, но современникам и символическая подоплека, и смысл Праздника побед были понятными и глубоко укоренились в их политическом сознании. Они также были известны и сербским представителям на Парижской мирной конференции в 1919 г.

Делегация недавно созданного Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) состояла из представителей трех народностей,

но сербы доминировали в ней не только численно, но и потому, что ее руководителем являлся Никола Пашич, первый премьер-министр нового государства. Решающим в военно-стратегических вопросах является мнение военной миссии сербско-хорватско-словенской делегации под руководством генерала Петара Пешича, помощника начальника штаба сербского Верховного командования Салоникского фронта. Ему помогают два старших офицера, из состава миссии и пять младших офицеров — экспертов⁹.

Сербские офицеры, от поручика до генерала, очень тяжело переживают свое поражение в войне 1885 г. Уверенные в том, что им предстоит триумфальная прогулка до Софии, они по прошествии лишь двух недель после начала кампании терпят поражение, испытывают стыд и унижение в глазах всего мира. Для некоторых из этих военных переживания являются глубоко личными. Так обстоит дело, например, с полковником Радомиром Путником, который 6 ноября 1885 г., командуя двумя сербскими батальонами, одним эскадроном и батареей, терпит позорное поражение под Белградчиком от роты болгарских резервистов, дружины ополченцев и добровольческого отряда воспитанников военного училища. Помимо потерь в живой силе, сербы теряют два орудия, 200 ружей, много сундуков с патронами и несколько лошадей, среди которых и конь полковника Р. Путника, будущего начальника Генерального штаба сербской армии во время Первой мировой войны¹⁰.

Подобные личные поражения терпят и многие другие сербские командиры под Сливницей, Драгоманом, Царибродом и Пиротом. Пятно позора ложится и на Николу Пашича, который, будучи политэмигрантом в Болгарии, сам предлагает свои услуги болгарскому правительству, чтобы бороться с режимом короля Милана. На этот эпизод будут неоднократно ссылаться политические противники Пашича в последующие годы и десятилетия; он даже станет поводом для официальной интерpellации перед Скупщиной в Белграде¹¹.

Руководитель военной миссии в Париже генерал Петар Пешич был в 1885 г. слишком юным, чтобы отметить поражение в Сербско-болгарской войне в автобиографии, но достаточно взрослым, чтобы его запомнить¹². Мы можем лишь представить

себе чувства 14-летнего мальчика (впрочем, рожденного в 1871 г. в г. Ниш, через год после учреждения Болгарского экзархата и, следовательно, крещенного болгарским экзархийским священником), который в ноябре 1885 г. стал свидетелем страха и паники своих родителей, родственников и сограждан, ожидавших появления болгарской армии в Нише после взятия Пирота. В 1913 г. Пешич как штабной офицер активно участвует в подготовке Второй Балканской, или Межсоюзнической, войны, в которой сербы отыгрываются за поражение 1885 г. Не случайно победа над болгарскими войсками при р. Брегалница в Македонии рождает популярный лозунг «За Сливницу — Брегалница», лаконичный призыв к мести или реваншу. Несомненно, генерал Пешич и другие сербские офицеры и военнослужащие в 1915–1918 гг. болезненно воспринимали тот факт, что болгары отмечают свой военный праздник на территории их родины.

Это важно знать, потому что именно сербской военной миссии было поручено определить и обосновать границы нового государства. В первоначальном варианте, предложенном военной миссией к обсуждению с делегацией Королевства СХС, который перед этим согласовывался с начальником Генерального штаба французской армии и Верховным главнокомандующим союзными войсками во Франции маршалом Фердинандом Фошем, граница с Болгарией проходила по р. Струма, продолжалась на север, всего в пяти километрах от Перника и в двух километрах от Сливницы и Драгомана, и оканчивалась на р. Дунай при с. Арчар. Полосу длиной примерно 320 км и глубиной около 20 км предлагалось отнять у Болгарии и, по стратегическим причинам, присоединить к территории Королевства СХС, т.е. к Сербии. Противоестественное урезание Болгарии лишило бы ее 13 тыс. кв. км территории с населением более полумиллиона человек и городами Видин, Кула, Белоградчик, Цариброд, Трын, Босилеград, Кюстендил, Струмица и Петрич¹³.

Аргументы стратегического характера, выдвигаемые военной миссией якобы с целью обеспечения безопасности коммуникаций в долинах рек Тимок и Вардар, совершенно несостоятельны, поскольку железные дороги там хорошо защищены высокими отрогами Старо-Планины и Ограждена, которые и так уже явля-

лись владениями сербов. Даже сербские этнографы, филологи и историки, за исключением некоторых крайних националистов, не выдвигали столь откровенные претензии на исконные болгарские земли, как это делает в Париже военная миссия. Настоящие причины, которые заставляют ее перейти все границы, даже границы военно-стратегической необходимости, кроются в травматическом восприятии поражений 1885 и 1915 гг. Поэтому я уверен, что причины, которые в 1919 г. вынудили членов сербской военной миссии в Париже требовать установления абсурдной границы с Болгарией, не столько стратегические, сколько историко-психологические — только так болгары могли быть лишены топографии своих побед, а следы сербского поражения удалены.

С предложенной границей не согласны не только Франция и Англия, но и хорватские делегаты на Парижской мирной конференции Анте Трумбич и Йосип Смодлак. Они особо подчеркивают, что стратегическая граница, которую предлагает военная миссия, не отвечает этническому разграничению между болгарами и сербами¹⁴. Их мнение основывается не только на реальных научных фактах, но и учитывает тесные отношения между хорватами и болгарами во второй половине XIX — начале XX вв.

Не сумев добиться приращения территории, на которой в 1885 г. разыгралась Сербско-болгарская война, Пашич и Пешич решаются на попрание болгарской национальной гордости. Мирный договор с Болгарией был подписан 27 ноября, в болгарский Праздник побед, установленный именно для прославления результатов войны с сербами. На то, что это не было случайным совпадением, а умышленным и продуманным шагом, указывает развитие событий на последнем этапе мирных «переговоров».

12 ноября 1919 г. премьер-министр Болгарии Александр Стамболийский отправляется из Софии в Париж, заранее заявив о своей готовности подписать мирный договор. 19 ноября он уже в столице Франции. Но вместо того, чтобы приступить к подписанию уже подготовленного документа, представители Антанты как будто бы провалились сквозь землю. Стамболийского заселяют в гостиницу «Шато-де-Мадрид» на окраине Булонского леса, где болгарская делегация проживает с самого начала Парижской мирной конференции в условиях фактического ареста. Режиму

изоляции подвергнут и премьер-министр Болгарии, несмотря на его желание встретиться и побеседовать с французскими и английскими ведущими политическими деятелями¹⁵.

Проволочки, однако, продолжают, болгары по-прежнему находятся в гостинице, и никто ими не интересуется. Лишь 27 ноября Стамболийский доставлен под конвоем в мэрию пригорода Нейи-сюр-Сен, где его поджидают уполномоченные делегаты стран-победительниц. Процедура подписания договора занимает всего 25 минут¹⁶. Она могла бы начаться и закончиться уже на следующий день после прибытия болгарского премьер-министра в Париж. Не было никаких объективных причин для ее отсрочки, кроме одной — заставить Болгарию выпить до дна горькую чашу унижения в день прославления ее воинской доблести и национальной чести. Впрочем, подобный подход применяют и к Германии: Версальский мирный договор подписан 28 июня, в годовщину убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево, послужившего *casus belli* для начала Первой мировой войны, а церемония проведена в Зеркальном зале Версальского дворца, где в 1871 г., после капитуляции Франции во Франко-прусской войне, подписан предварительный мирный договор и провозглашено создание Германской империи.

За три дня до подписания диктата в Нейи, в канун Праздника побед, болгарский премьер-министр отправляет письмо своему сербскому коллеге Николе Пашичу с напоминанием, что существует еще одна инстанция, кроме трибунала победителей, перед которой лидерам двух народов придется отвечать, — суд истории. Вряд ли случайно Стамболийский подчеркивает в письме именно мимолетность побед:

«Я знаю, что победы пьянят, но глубоко верю в то, что они не должны ослеплять политиков, уничтожать в них идеал настоящей победы и мешать им работать во имя торжества прочного и благодатного мира. Вы сегодня победители, и поэтому присоединяете земли, которые всегда были болгарскими, и таким образом роете еще одну пропасть между нашими двумя народами. Что заставило Вас сделать это, мне не известно, но я убежден в том, что история, мораль и правильное понимание обязательств политического деятеля осудят Вас»¹⁷.

Другим важным фактором, который также оказывает влияние на позицию сербских представителей на Парижской мирной конференции, является их реакция на серьезные успехи болгарского военновременного управления в Поморавье в 1915–1918 гг. в реинтеграции населения после почти 40-летней интенсивной и планомерной сербизации¹⁸. В связи с этим, в первую очередь, предпринимаются попытки обвинить Болгарию и болгар в совершении военных преступлений. Еще накануне Первой мировой войны, используя накопленный опыт, Сербия начинает готовиться к будущей информационной войне против Болгарии, основная тема которой — «Военные преступления против мирного гражданского населения». Для этой цели на сербскую правительственную службу нанят немецко-швейцарский криминолог, судебный эксперт и профессор Лозаннского университета Рудольф Арчибальд Рейсс, который еще осенью 1914 г. начинает собирать материал о военных преступлениях болгар. В октябре-ноябре 1915 г. вместе с отступающей сербской армией он перевезен на о. Корфу и возвращается осенью 1918 г., чтобы завершить свою работу в качестве эксперта в составе сербской делегации на Парижской мирной конференции¹⁹. Главная роль в организации сбора и обработке (читай — создании) сведений о «болгарских зверствах» принадлежит премьер-министру и министру иностранных дел Николе Пашичу. Сербское правительство в изгнании еще во время войны предпринимает международную кампанию с целью опорочить болгарскую армию и гражданскую администрацию в Поморавье и Вардарской Македонии, а основными «творцами» подобной информации служат специально созданные органы и службы при сербской армии на о. Корфу и впоследствии на Салоникском фронте. Еще в 1916 г. опубликована пропагандистская брошюра «Зверства болгар и австро-германцев», предназначенная для сербской армии и «всего просвещенного мира». В апреле 1917 г. проф. Рейсс издает в Салониках подобную брошюру о зверствах и преступлениях болгарской армии в Битоле. В следующем году выходит его новая брошюра о предполагаемых нарушениях международного военного права со стороны болгар, австро-венгров и немцев, которая переведена на французский и английский языки. Вольнонаемный криминолог сербской армии продолжает

свою деятельность и после сербской реокупации Вардарской Македонии и Поморавья. Именно его работы, наряду с трудами других его сербских и иностранных коллег, лежат в основе обвинений против Болгарии во время Парижской мирной конференции. В двух объемистых томах были собраны «документы» о нарушениях болгарскими Гаагской конвенции и международного военного права в 1915–1918 гг. в оккупированной Сербии²⁰.

Генезис и ход антиболгарской кампании, организованной сербскими институциями на государственном и международном уровне, ясно показывают, что она является элементом пропагандистской и дезинформационной войны против Болгарии и болгарской армии накануне и во время Первой мировой войны. Эта «война» напоминает газетные манипуляции среди хорватов во время Первой Балканской и Межсоюзнической войн, но она гораздо более масштабная, организованная и целенаправленная. Именно как таковая, она взята на вооружение сербской историографией в межвоенный период. Большую популярность приобретает изданная в 1922 г. книга Йована Хаджи-Васильевича «Болгарские зверства во Вране и окрестностях 1915–1918 гг.». Автор — бывший сотрудник министерства иностранных дел в Белграде, который под прикрытием должности секретаря сербских консульств в Битоле и Скопье руководит сербской церковно-школьной пропагандой в Македонии с 1898 по 1904 гг., а затем в качестве сотрудника министерства в Белграде поддерживает связь с сербской организацией четников, терроризирующей македонских болгар, чтобы заставить их признать себя «настоящими сербами». Йован Хаджи-Васильевич является также и историографом проблемы сербской «вооруженной» пропаганды, а его книга «Четническая акция в Старой Сербии и Македонии» так же популярна, как и книга о «болгарских зверствах»²¹. Ничего удивительного в этом нет, поскольку оба сочинения представляют собой апологию сербского четничества в Македонии, дискредитируют болгарскую армию в Поморавье и интегрированы в общую политическую антиболгарскую кампанию.

Парадоксальным в сербском тезисе о болгарском военновременном управлении Поморавья является то, что его корни следует искать еще в Первой Балканской и Межсоюзнической

войнах, а пропагандистская инфраструктура оформлена накануне военно-политического разгрома Сербии и в течение последующих трех лет. Поэтому я собираюсь уделить особое внимание сербской пропаганде среди хорватов в 1912–1913 гг., которая под видом югославизма популяризирует сербские интересы и дискредитирует Болгарию и болгар.

Сочетание идей югославизма с сербской пропагандой в годы Балканских войн в последнее время привлекает внимание хорватских историков. Появился ряд исследований о хорватской печати, отражении в ней войн 1912–1913 гг., механизмах и основных тенденциях сербской пропаганды²². На основе новых архивных источников последовательно популяризируется тезис о решающей роли агентурной и финансовой деятельности движения так называемой Югославской националистической молодежи (*Jugoslavenska nacionalistička omladina*) в политических процессах в хорватском обществе накануне Первой мировой войны. Некоторые авторы считают, что основные программные документы движения разработаны в Белграде, что он оказывал финансовую поддержку, что именно сербский опыт использовался в практической работе оmlадинцев и т.д.²³.

Основываясь на собственном научном опыте изучения организационной структуры и деятельности тайной офицерской организации «Црна рука» («Черная рука»), которая является лишь новым названием Сербской четнической организации, осуществлявшей вооруженную пропаганду в Македонии²⁴, а также на изучении хорватской прессы периода Балканских войн, которым я занимался в последнее десятилетие²⁵, могу лишь подтвердить, что в 1912–1913 гг. хорватское общество превращается в объект широкомасштабной пропагандистской кампании, проводимой Сербией. Ее целью является использование антиавстрийских и славянофильских настроений у большей части хорватского общества для распространения и утверждения идеи о том, что хорваты и сербы — это один народ, а Сербия — их политическая альтернатива Австро-Венгрии. Благодаря умелой пропаганде, опиравшейся на десятилетний опыт, Сербия с успехом внедряет в определенные хорватские политические круги эту идею. Особенно восприимчива к ней новая политическая генерация. Неотъемлемой частью и целью сербской пропаганды среди хорва-

тов в этот период является стремление разрушить сложившийся традиционный образ Македонии, подавить симпатии к Болгарии и представить болгар как противников славянской идеи и южно-славянской солидарности.

Завербованные либо офицерской организацией «Црна рука», либо непосредственно Военным министерством в Белграде или Генеральным штабом сербской армии, хорватские корреспонденты и добровольцы так умело манипулируют фактами, что на страницах хорватских газет сербской армии удастся, в буквальном и переносном смысле, достичь бóльших побед, чем в реальной войне. Благодаря грамотной пропаганде и дезинформации, в хорватском обществе формируется представление, что сербская армия вездесуща, что именно ей принадлежат все победы в Македонии, Фракии, в албанских горах — от Куманово и Шкодры до Эдирне и Чаталджи. Подкупленные редакторы и корреспонденты полностью переиначивают правду об этническом характере Македонии. В результате сербская пропаганда переживает свой триумф: ей удастся поколебать прежнюю твердую убежденность хорватов в болгарском характере большинства населения в Македонии. Эффективность проделанной работы становится очевидной в начале 1913 г., когда выявляются противоречия между союзниками и, в основном, между Болгарией и Сербией из-за раздела османского наследства. Выясняется, что настроенное в целом благосклонно к Болгарии и болгарам хорватское общество уже усвоило теорию Йована Цвиича, согласно которой большинство населения в Македонии не имеет ясного национального самосознания и может легко стать сербским или болгарским, в зависимости от того, к какому из двух государств отойдет указанная территория. Таким же образом сербской пропаганде удастся манипулировать и вводить в заблуждение хорватское общество в вопросе об обстоятельствах осады и захвата Эдирне, распространяя информацию о решающем вкладе сербских войск в военные операции, о пленении Шукри-паши сербами и о «необоснованных» претензиях болгар. На практике, в контролируемых или находящихся под влиянием сербской пропаганды газетах одержанная болгарами победа бесцеремонно присвоена, а в лучшем случае поставлена под сомнение.

Отсюда до следующей крупной победы сербской пропаганды — лишь один шаг, и он сделан именно в разгар Межсоюзнической войны. Многие хорватские газеты, отказавшись от былых симпатий болгарам, теперь осуждают Болгарию как главного виновника братоубийственной войны. Сербской пропаганде настолько умело удастся манипулировать хорватским общественным мнением, что хорваты действительно начинают верить, что сербская идея разделения Македонии по принципу фактической оккупации — это братская славянская идея, а лозунг об автономии Македонии — австрийская антиславянская игра. Дискредитация Болгарии и болгар как нелояльных союзников, предателей славянской идеи и агрессоров достигает своей кульминации в сообщениях хорватских военных корреспондентов с театра военных действий. Тематически, фактологически и стилистически тексты настолько похожи, что не остается сомнений: у них один и тот же источник — официальные сербские коммюнике или подобная информация из сербских военных источников. Именно в это время оформляется и укрепляется идея, что разгром «неславянской» Болгарии и захват Вардарской долины были неизбежным, закономерным, почти predetermined историческим этапом на пути к утверждению сербско-хорватского национального единства и построению общего государства — будущей Югославии. Одновременно, пользуясь теми же методами и средствами, что и ранее, сербская пропаганда обвиняет болгарскую армию в насилии, массовых убийствах и военных преступлениях в Македонии и Восточной Сербии. Запущен в действие миф о «болгарских зверствах».

Доклад комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. опровергает дезинформационную кампанию, выявляет правду и истинных виновников военных преступлений. Нельзя, однако, не признать, что сербские политические и военные акторы тогда опережают свое время; и пока болгары завоевывают славу своими инновациями в военном применении авиации или в оперативном искусстве наступательного боя, сербы становятся пионерами в искусстве информационной или пропагандистской войны и применения дезинформации в политических целях.

Конечно же, помимо эмоций, позиция сербских представителей на Парижской мирной конференции определяется и чисто прагматическим расчетом. Они и их союзники прекрасно понимают, что если не сковать Болгарию жесткими положениями Нейиского договора, она, в свою очередь, будет стремиться к реваншу. Впрочем, именно так и происходит. В 1925 г. Праздник побед отмечают в последний раз, а со следующего года Болгарская армия приобретает новый военный праздник — 6 мая, день Св. Георгия Победоносца, День храбрости и побед. Тем не менее, 27 ноября остается в национальном календаре как день всенародного протеста против несправедливых положений диктата в Нейи. В 1941 г., когда Югославия захвачена войсками Третьего рейха, сербские опасения оправдываются, и Болгария берет реванш, хотя и на короткое время.

Впрочем, и в наши дни тень Первой мировой войны всё еще нависает над отношениями между двумя народами. 24 мая 2017 г., как раз в день самого светлого болгарского праздника, Дня болгарского просвещения и культуры и Дня славянской письменности, Архиерейский собор Сербской православной церкви (СПЦ) в Белграде канонизирует «Мучеников из Сурдулицы» (город Сурдулица в исторической области Болгарское Поморавье сегодня находится в государственных границах Республики Сербия). Причислены к лику святых примерно 7 тыс. человек, среди которых более 100 священников, включая и двух епископов, которых объявили жертвами болгарской армии и болгарского военновременного управления в Поморавье во время Первой мировой войны. Это событие дало повод сербским средствам массовой информации превратить тему о «болгарских зверствах» в ведущую и предложить общественному мнению фантастические цифры — более 30 тыс. убитых, или нелепые утверждения о примерно 8 тыс. девушек в возрасте от 10 до 14 лет, похищенных болгарскими и отданных турецким беям в Болгарии и Турции(!?)²⁶.

Канонизация так называемых Мучеников из Сурдулицы — апогей, на данный момент, антиболгарской кампании, которая насчитывает уже 100 лет и которая протекает, чередуя периоды острой активации и латентного существования. Ее суть заключается в односторонней интерпретации и политической инструмен-

тализации фактов, связанных с болгарским военновременным управлением в Поморавье в 1915–1918 гг (по официальной терминологии тех лет, принятой в болгарских военных документах, Поморавье именовалось Моравской военно-инспекционной областью). Случай с Мучениками из Сурдулицы можно объяснить и по-другому — как проявление внутривосточного кризиса и попытку направить напряжение в другом направлении, как неотъемлемую черту сербского национализма, который испытывает необходимость постоянно воспроизводиться и утверждаться, как элемент гибридной войны — более масштабной и ставящей более далекие цели. Как бы то ни было, всё это, вместе взятое, — настоящая антиболгарская кампания под знаком «Мучеников из Сурдулицы» и с привкусом геноцида, направленная, в первую очередь, не только против болгарского меньшинства в Сербии, сосредоточенного, в основном, в районе Босилеграда и Цариброта, известном как Западные окраины, но и против Болгарии и болгар в целом, с целью их дискредитации во внутреннем и международном плане. Это — классическая «война памяти», подобная той, которая на наших глазах разворачивается сегодня вокруг основных истин из истории Второй мировой войны.

Примечания

- ¹ *Елдъров С.* 27 ноември — Ден на гнева или Празник на победите // Национална научна конференция по повод 85-та годишнина на Ньойския диктат (27.XI.1919). София, 2004. С. 76–82; *он же.* Празникът на победите — 27 ноември. Непознатата история на бойния празник на Българската армия // Военноисторически сборник. 2004. № 4. С. 3–7.
- ² Систематически сборник на законите, указите, заповедите и циркулярите по военното ведомство. От 1877/1878 г. до 1 януари 1901 г. Отдел I–VI. София, 1901. С. 1213.
- ³ Сборник на приказите, указите и циркулярите по военното ведомство от 1877 до 1887 година. София, 1887. С. 348–349.
- ⁴ Систематически сборник... С. 1213.
- ⁵ Там же. С. 1215.
- ⁶ *Добрев А.* 6 май — Ден на храбростта и празник на Българската армия. София, 2014.
- ⁷ Систематически сборник... С. 1220.
- ⁸ *Елдъров С.* Нишката епархия на Българската православна църква 1915–1918 г. // Македонски преглед. 2018. № 3. С. 83; *он же.* Нишката епархия на Българската православна църква (1915–1918). Документи // Първата световна война на Балканите и участието на България в нея през 1917 г. Сборник с материали от

Национална научна конференция с международно участие 6–7 декември 2017 г. Кюстендил, 2019. С. 541–542.

- 9 Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj konferenciji u Parizu 1919–1920. Beograd, 1960. S. 20, 315–316.
- 10 *Венедиков Й.* История на доброволците от Сръбско-българската война 1885 година. София, 1985. С. 205–208.
- 11 *Елдъров С.* Любов и омраза по южнославянски: хърватите и Сръбско-българската война (с продължение в Ньой) // Военната защита на Съединението. София, 2006. С. 78–91.
- 12 Enciklopedija Jugoslavije. Т. 6. Zagreb, 1965. S. 471.
- 13 Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS... S. 315–316.
- 14 Ibid. S. 33–34, 87.
- 15 *Христов Х.* България, Балканите и мирът 1919. София, 1984. С. 342–343.
- 16 Там же. С. 343–344.
- 17 *Муравиев К.* Договорът за мир в Ньой. София, 1992. С. 264–265.
- 18 Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916. Съставител Петър Хр. Петров. София, 1993; Българите от Западните покрайнини (1878–1975). Съставители Елена Бугарчева, Людмила Зидарова. София, 2005.
- 19 *Левентал З.* «Швајцарац на Кајмакчалану», Београд, 1984; https://sr.wikipedia.org/wiki/Арчибалд_Рајс.
- 20 Бугарска окупация Юга Србије у Првом светском рату. Зборник радова са научног скупа са међународним учешћем. Лесковац, 2016. С. 12–17.
- 21 https://sr.wikipedia.org/wiki/%D0%88%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%A5%D0%B0%D1%9F%D0%B8-%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D1%99%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%9B. *Елдъров С.* Сръбската въоръжена пропаганда в Македония 1901–1912. София, 1994.
- 22 *Matković S.* Hrvatska historiografija i intelektualna javnost o Balkanskim ratovima 1912–1913 // Hrvatsko-bugarski odnosi u 19. i 20. stoljeću. Zbornik radova međunarodnog znanstvenog skupa, Zagreb, 27–28. X. 2003. Zagreb, 2005. S. 267–282; *Matijević Z.* Balkanski ratovi na stranicama “Riječkih Novina” (1912–1913). Prilog poznavanju hrvatskoga katoličkog novinstva // Tkivo culture. Zbornik Franje Emanuela Hška: U povodi 65. obljetnice života. Rijeka, 2006. S. 202–210; *Zvonar I.* Obzor o Drugom balkanskom ratu // Hrvatski-bugarski odnosi... S. 359–382; *Despot I.* Tisak Hrvatske i Dalmacije o balkanskim ratovima (1912–1913) // Historijski zbornik. 2009. N 1. S. 109–135; *Bralić A.* Balkanski ratovi i recepcija bugarske politike u dalmatinskom javnom mnijenju // Hrvatsko-bugarski odnosi u XIX. i XX. stoljeću. Zagreb, 2012. S. 63–87; *Despot I.* The Balkan Wars in the Eyes of the Warring Parties. Perceptions and Interpretations. Bloomington, In., 2012; *Despot I.* Balkanski ratovi 1912–1913 i njihov odjek u Hrvatskoj. Zagreb, 2013.
- 23 *Lipovčan S.* „Beogradska komponenta“ u postanku Jugoslavenske nacionalističke omladine // Hrvatska historiografija XX stoljeća: Između znanstvenih paradigmi i ideoloških zahtjeva. Zagreb, 2006. S. 169–196.
- 24 *Елдъров С.* Сръбската въоръжена пропаганда в Македония (1901–1912). София, 1993.
- 25 *Елдъров С.* Балканската война, видяна от Загреб // Военноисторически сборник. 2008. № 1. С. 43–48; *он же.* Македония и Македонският въпрос в хърватския печат от Българското възраждане до Балканските войни // Македонски преглед. 2012. № 4. С. 63–84; *он же.* Хърватската историческа наука за Македония и Македонския въпрос // Македонски преглед. 2016. № 3. С. 47–70.
- 26 Свети мученици сурдулички — http://www.spc.rs/sr/sveti_muchenici_surdulichki; Прва прослава празника Светих мученика сурдуличких — http://www.spc.rs/sr/prva_proslava_praznika_svetih_muchenika_surdulichkih.

На службе у идеологического противника своей страны. Болгары, сотрудничавшие с советской разведкой во время Второй мировой войны*

Как известно, исторические обстоятельства и попытки реализации национальных интересов привели Болгарию к участию в коалициях, воевавших в мировых войнах XX века (1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.) против России.

Во время Первой мировой войны осенью 1915 г. страна присоединилась к блоку Центральных государств (Германия, Австро-Венгрия и Османская империя) и оказалась в состоянии войны с Антантой (Франция, Великобритания, Россия и Сербия)¹. Таким образом, Болгария стала единственным славянским государством, воевавшим с Россией. Прямые вооруженные столкновения произошли в южной части Добруджи, где российская армия оказывала помощь своим румынским союзникам.

Болгарские военные успехи, одержанные в Добрудже, способствовали заключению Брест-Литовского мирного договора с Советской Россией, подписанного Болгарией вместе с другими Центральными державами 3 марта 1918 г.² Но радость победы была недолгой. Всего полгода спустя, в сентябре 1918 г., на Южном фронте при Добро поле войска Антанты прорвали оборону болгарской армии. Поражение стало одной из причин Владайского (Солдатского) восстания, и 29 сентября 1918 г. болгарское правительство было вынуждено подписать перемирие в Салониках³. Такова вкратце история первого военного противостояния Болгарии со своей освободительницей Россией.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Болгарии, проект ДНТС/Русия 02/17, ФНИ «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Совсем иначе развивались события во время Второй мировой войны. Вначале, помня о предыдущем неудачном опыте, болгарское правительство объявило о нейтралитете, но с приближением военных действий к Балканам в конце 1940 — начале 1941 г. было вынуждено сделать свой выбор.

Провал итальянской агрессии против Греции 28 октября 1940 г. вынудил Третий рейх вмешаться, чтобы обеспечить стабильность южного фланга перед предстоявшим нападением на Советский Союз. Для вступления в Грецию немецкому вермахту предстояло, форсировав с румынской стороны Дунай, пройти через болгарскую территорию. Для осуществления этого плана имелись две возможности: либо германская армия вступает в Болгарию как союзная армия после присоединения Болгарии к Тройственному пакту, либо действует как агрессор, если София ответит отказом. В этих условиях прогерманское болгарское правительство во главе с профессором-археологом Богданом Филовым, получившим образование в Германии, не колеблясь, предпочло первую альтернативу. Принятое парламентом решение сопровождалось мощным «Ура!» депутатов⁴. Официально Болгария присоединилась к Тройственному пакту 1 марта 1941 г., когда Б. Филлов (после того, как министр иностранных дел И. Попов отказался это сделать) в Вене поставил свою подпись под пактом в присутствии министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа⁵. Но произошло это за несколько месяцев до 22 июня 1941 г., когда германо-советские отношения еще определялись пактом Риббентропа-Молотова, то есть, иными словами, болгарское общество не стояло перед выбором между Третьим рейхом и Советским Союзом. Ситуация коренным образом изменилась после нападения Германии на СССР: теперь болгарам следовало определить свое отношение к противоборствующим сторонам.

В обоих случаях присоединение Болгарии к антироссийской / антисоветской военной коалиции было связано с нерешенной болгарской национальной проблемой, понимавшейся как объединение в пределах государственных границ всех населенных болгарскими территориями. К началу XX в. реализовать идею «Великой Болгарии» казалось возможным: первый шаг был сделан в 1885 г., когда Княжество Болгария объединилось с Восточной

Румелией. Но затем обстановка резко изменилась. Межсоюзническая Балканская война 1913 г. закончилась для Болгарии полным разгромом⁶ (в исторической памяти болгар она запечатлелась как первая национальная катастрофа), и идея собирания болгарских земель зашла в тупик. Единственным выходом было заручиться поддержкой Германии, которая выступала против установленного по итогам Первой мировой войны территориального размежевания и новых государственных границ. Сначала это толкнуло Болгарию к Центральным державам, а затем к Тройственному пакту. Понятно, что речь шла о политическом решении, которое на глубокие общественные симпатии болгар к России и, соответственно, к Советскому Союзу, не повлияло.

Участие Болгарии в двух мировых войнах в антироссийских коалициях сейчас часто используется пропагандой (как российской, так и болгарской), чтобы поставить под вопрос наличие русофильства в Болгарии. По существу, дружеские чувства болгар к русским и России, будь то Российская империя, Советская Россия, Советский Союз или Российская Федерация, сохраняются на протяжении болгарской истории от национального Возрождения до наших дней⁷. Говорю об этом с единственной целью — представить читателю тот исторический фон, на котором в болгарском обществе проявлялись просоветские настроения и деятельность в годы Второй мировой войны.

Сопrotивление болгар пронацистской ориентации правительства началось не сразу после присоединения страны к Тройственному пакту 1 марта 1941 г.: рубежом стало начало войны Германии с Советским Союзом. Предпринятые осенью 1940 г. — весной 1941 г. попытки британской разведки не допустить включения Болгарии в Тройственный пакт (в частности, организовав заговор, в котором ведущая роль отводилась крестьянской партии БЗНС — «Пладне» во главе с лидером д-ром Димитровым-Гемето) потерпели неудачу⁸. Реальная вооруженная борьба болгар против «своего» правительства и интересов Третьего рейха началась только 24 июня 1941 г., после того, как Заграничное руководство Коммунистической партии Болгарии во главе с Георгием Димитровым призвало помочь Советскому Союзу, воюющему с немецким вермахтом⁹. Развернувшееся в стране дви-

жение Сопротивления под руководством коммунистов было всесторонним — пропаганда, саботаж, вооруженные акции, но прежде всего идеологическая борьба. Основным идеологическим мотивом коммунистов была борьба с собственным правительством и поддержка его противника в лице Советского Союза. На антиправительственный курс не влияли ни сохранявшиеся дипломатические отношения с Москвой, ни отсутствие болгарских войск на Восточном фронте.

Идеологическое противостояние в Болгарии берет свое начало почти двумя десятилетиями ранее — с Сентябрьского восстания 1923 г., в результате которого БКП была объявлена вне закона. Последовательная политическая линия коммунистов проявилась в ноябре 1940 г., когда они организовали массовую акцию в поддержку советской инициативы о заключении Пакта о дружбе и взаимной помощи. С таким предложением в Софию прибыл Генеральный секретарь Народного комиссариата иностранных дел СССР А.А. Соболев. В ходе так называемой Соболевской акции нелегальная болгарская компартия сумела собрать более 340 тыс. подписей¹⁰.

Стихи одного из талантливейших болгарских поэтов-модернистов Николая Вапцарова, осужденного и казненного 23 июля 1942 г. за участие в Движении сопротивления, ярко раскрывают отношение левых общественных сил в Болгарии к Советскому Союзу. В поэме «Селска хроника» («Крестьянская хроника») он писал: «И если нас заставляют/ умирать,/ и если нас толкают/ под пули,/ то, наверное, и сумасшедшему/ ясно,/ что мы должны/ сказать свое слово./ И я говорю,/ поскольку нет масла/ и чернее стал от наших мучений/ хлеб,/ есть единственный лозунг:/ Долой террор!/ Союз с СССР!»¹¹

Многие болгары поддерживали Советский Союз с оружием в руках вплоть до 9 сентября 1944 г. Хотя эта поддержка и не была столь масштабной¹², как, например, в соседней Югославии или в центрально-европейской Польше, она являлась единственной последовательной и долгосрочной среди стран-членов Тройственного пакта. В других странах она или проявлялась в чисто политических акциях, как в Венгрии и Германии, или стала заметной лишь на заключительном этапе войны, как произошло

в Италии и во время Словацкого восстания в 1944 г., или же оказалась результатом деятельности советских военнопленных, как в Румынии. Более того, именно партизанское движение в стране повлияло на решение царя Бориса III, вопреки давлению германского союзника, не посылать болгарские войска на Восточный фронт, хотя в качестве компенсации они замещали оккупационные германские части на Балканах.

После оформления союза Болгарии с Третьим рейхом болгарское общество оказалось расколотым: одна часть его поддерживала союз с Германией, другая, в том числе отдельные высокопоставленные лица, была критически настроена по отношению к внешнеполитической ориентации страны. Не сумев воспрепятствовать присоединению Болгарии к Тройственному пакту, некоторые из них приняли решение бороться с Германией, опираясь на помощь других государств. Первым стал уже упоминавшийся выше лидер «земледельцев» (так именовались члены Болгарского земледельческого народного союза) Георгий М. Димитров-Гемето, наладивший сотрудничество с британской разведкой¹³. Но немало болгар установили контакт с советскими спецслужбами. Среди них — Иван Винаров¹⁴, Христо Боев, Гиньо Георгиев, Свобода Михайлова, Борис Афанасиев, Борис Яблин, Крастана Янева, Зара Стойнова, Элефтер Арнаудов, Никола Бонев, Павел Нончев¹⁵. Я решила рассказать о генерале Владимире Заимове и д-ре Александре Пееве, чья деятельность вызвала значительную общественную реакцию еще во время войны, поскольку оба были арестованы, предстали перед военным трибуналом, приговорены к высшей мере наказания и казнены.

Что побудило этих двух представителей среднего класса, занимавших довольно высокое положение в обществе, служить разведке страны, управлявшейся коммунистами, да еще и во время войны, в которой Болгария и ее союзники воевали против СССР? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к истокам — происхождению и жизненному пути обоих.

Владимир Заимов — сын болгарского революционера, одного из «апостолов» Апрельского восстания 1876 г.* Стояна Заи-

* «Апостолами свободы» называли руководителей созданных при подготовке восстания 1876 г. округов. Задача «апостолов» заключалась в активизации существующих

мова и русской аристократки литовского происхождения Клавдии Корсак. Они познакомились во время учебы в Московском педагогическом институте. Как видим, связь семьи Заимовых с Россией была глубокой¹⁶. Владимир родился в 1888 г. в Кюстендиле. В 12-летнем возрасте поступил в кадетский класс при Военном училище, открытом 26 ноября 1878 г. по инициативе князя А.М. Дондукова-Корсакова — императорского комиссара Временного русского управления в Болгарии. Этот выбор предопределил его будущую карьеру. В Военном училище, где Заимов продолжил обучение, он получил специальность артиллериста, а затем кавалериста. По окончании училища в 1909 г. был направлен в 4-й артиллерийский полк в Софии. Командуя артиллерийской батареей, поручик Заимов участвовал в Балканских войнах 1912–1913 гг. (во Второй Балканской (Межсоюзнической) войне был дважды ранен в боях при Калиманци в июле 1913 г.). Во время Первой мировой войны его батарея сначала участвовала в сербской кампании в Македонии, а после вступления Румынии в войну на стороне Антанты была перебросена в Добруджу. Боёв с русской армией Заимову удалось избежать из-за тяжелого ранения в сентябре 1916 г., что надолго вывело его из строя.

После войны Болгария оказалась в стане побежденных. Понесенные территориальные потери, закрепленные Нейским мирным договором 27 ноября 1919 г., были восприняты в стране как вторая национальная катастрофа. Глубочайшим потрясением стали они и для Заимова.

В послевоенные годы он продолжает военную службу, успешно продвигается по карьерной лестнице: в январе 1923 г. Заимов произведен в подполковники, много работает над своей теоретической подготовкой. Но две национальные катастрофы, вину за которые болгарские военные возложили на политиков, побудило офицерство действовать. Вопреки статье Тырновской конституции 1879 г., запрещавшей военным участвовать в политической жизни, начинается формирование офицерского Военного союза, и Заимов включается в создание организации, возглавляет ее умеренное крыло.

революционных комитетов и учреждении новых, в подготовке вооруженного выступления и руководстве боевыми действиями после начала восстания (Прим. ред.).

В то беспокойное время Болгария переживает два военных переворота и два восстания, и Заимов не остается в стороне от политических событий. Военный переворот 9 июня 1923 г. застал его в Сливене. Зная о готовившемся перевороте, Заимов не принимает в нем активного участия. В Сливене он находился и во время организованного коммунистами Сентябрьского восстания 1923 г. В его подавлении Заимов не участвовал, а когда 1 октября к нему в казармы были доставлены 77 арестованных участников (73 мужчины и 4 женщины), подполковник как командир подразделения отказался без санкции прокурора передать их шпицкомандам — добровольным вооруженным группам, специально созданным для подавления восстания, чем фактически спас повстанцам жизнь¹⁷.

19 мая 1934 г. Военный союз осуществил в стране государственный переворот. Среди офицеров — руководителей и участников переворота — преобладают республиканские взгляды, и царю Борису III приходится лавировать, чтобы усилить роль монархического института в стране и восстановить свое личное влияние. С этой целью он стремится внести разобщение в офицерские круги, в начале 1935 г. отправляет в отставку кабинет министров во главе с профессиональным военным Кимоном Георгиевым, пытается приблизить к себе некоторых старших офицеров. 6 мая 1935 г. царским указом Заимову присвоено генеральское звание (вероятно, еще и потому что брат царя принц Кирилл служит под его командованием), но несколько месяцев спустя — 16 октября, вместе с большой группой старших офицеров генерал Заимов был отправлен в запас. Через месяц, в ноябре 1935 г., он арестован по обвинению в участии в антимонархическом заговоре во главе с полковником Дамяном Велчевым. В ходе судебного разбирательства участники заговора получают суровые приговоры, но Заимов оправдан¹⁸.

В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, Владимир Заимов много размышляет о возможностях преодоления Болгарией последствий национальных катастроф и постепенно склоняется к демократическим методам действия. Свое участие он видит в общественно-политической деятельности: становится кандидатом в депутаты от Конституционного блока на парламентских

выборах 1938 г., хотя в Народное собрание не избран. Он выступает за нормализацию отношений с Югославией и Грецией, усматривая в этом возможность отменить статьи Нейиского договора, касавшиеся военных ограничений для Болгарии¹⁹. Подлинным вызовом для Заимова, как и для многих других независимо мыслящих болгар, становится начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. и последующие действия основных европейских держав — как в военном отношении, так и в сфере дипломатии. И для генерала наступает час судьбоносного выбора.

По-иному складывалась биография Александра Пеева. Он всего на два года старше Заимова — родился в 1886 г. Пеев так же, как и Заимов, происходил из семьи «возрожденца». Его отец — Костаки Пеев, участник национально-освободительного движения, первый кмет (мэр) Пловдива — столицы Восточной Румелии. В семье было 13 детей. Полученное при рождении имя Александр — дань не семейной традиции, а Освобождению, поскольку назван он был в честь царя-освободителя Александра II. Пеев окончил гимназию в своем родном Пловдиве, который и после объединения Княжества Болгария и Восточной Румелии оставался интеллектуальным центром Южной Болгарии. Среди его одноклассников — будущие прогерманские политики Богдан Филов (премьер-министр в 1940–1943 гг. и регент при малолетнем престолонаследнике Симеоне II после смерти царя Бориса III) и Парван Драганов (министр иностранных дел в кабинете И. Багрянова — июнь–сентябрь 1944 г.). Так же, как Заимов, Пеев поступает в Военное училище в 1904 г., но как стипендиат, поскольку его семья не могла платить за обучение детей. Выбор военной профессии в то время был естественным для патриотически настроенной молодежи в болгарского обществе, нацеленном на завершение национального объединения. В Военном училище Пеев обучается вместе с будущими генералами Никифором Никифоровым, Константином Лукашом, Феодосием Даскаловым и Христо Луковым, с которыми впоследствии окажется в различных политических лагерях²⁰. Уже в то время Пеев демонстрирует свои политические симпатии: присоединяется к марксистскому кружку, критикует социальные порядки в Болгарии. В отличие от Заимова, который посвящает себя офицерской профессии,

Военное училище оказывается для Пеева лишь временным выбором: всего через год после начала службы в должности лейтенанта в 9-м Пловдивском полку он оставляет военную службу. Формальным поводом для этого стала его женитьба²¹, поскольку младшим офицерам было запрещено до определенного возраста создавать семью. Но подлинной причиной увольнения Пеева из армии является его желание изучать право в Софийском университете. Однако учебу прерывает Первая Балканская война, в которую Болгария вступает в 1912 г. вместе другими членами Балканского союза — Сербией, Черногорией и Грецией. Александр Пеев вновь надевает офицерскую форму и сражается в 40-м пехотном полку, получает звание лейтенанта, командует ротой, ранен, награжден двумя орденами — За военные заслуги и За храбрость.

После Балканских войн он продолжает юридическое образование, но уже в Брюсселе, где и получает в 1915 г. степень доктора права. В том же году Болгария снова вступает в войну — теперь в Первую мировую. Д-р Александр Пеев участвует в ней сначала как ротный командир 44-го полка, а затем командует ротой пулеметчиков 43-го полка. В его послужном списке — сражение при Каймакчалане, взятие Дойрана и Битола. Ему присвоено звание капитана, и он награжден Орденом мужества 1-й степени. Но и эта война заканчивается для Болгарии крахом, хотя для Александра Пеева это не стало такой силы потрясением, как для Владимира Заимова.

Молодой юрист возвращается к своей гражданской профессии в небольшом городке Карлово, к югу от Пловдива. Его политические пристрастия связаны с левым лагерем: он вступает в ряды Социал-демократической партии (тесных социалистов) — БРСДП(т.с.), а в 1919 г. избирается в первый послевоенный парламент от Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов) — БКП(т.с.). Такое название под влиянием Октябрьской революции в России получила социал-демократическая партия. Но депутатство длится недолго, так как парламент вскоре был распущен по указу премьер-министра Александра Стамболийского. Осенью 1920 г. д-р Пеев возвращается в родной Пловдив. Чтобы содержать семью, работает адвокатом, но гораздо больше времени уделяет изучению истории и публицистике. В продолже-

ние трех лет, с 1922 по 1925 гг., издает независимую ежедневную газету «Правда», девизом которой стала фраза: *«Всегда на стороне обездоленных, потому что и правда на их стороне»*²². Как корреспондент газеты он становится свидетелем ареста премьер-министра Александра Стамболийского²³. Сам дважды арестовывается полицией — сначала накануне Сентябрьского восстания 1923 г., а затем после Апрельских событий 1925 г. — устроенного коммунистами взрыва в церкви Св. Неделя, сопровождавшегося жестоким террором со стороны властей. Еще до запрещения БКП(т.с.) в 1923 г. он покидает ее ряды, но остается верен левым идеям. Следующие годы он посвящает себя занятиям историей и археологией. Благодаря его стараниям, сохранены и введены в научный оборот такие источники по истории Болгарии, как «Кондика на Пловдивския абаджийски еснаф» и «Паметник на пловдивското население» Константина Д. Моравенова. Он пишет «Краткую историю Пловдива», ведет раскопки фракийских гробниц в окрестностях с. Белозем, а наиболее значительным его вкладом в историческую науку считается открытие в 1928 г. Ситовской наскальной надписи в Родобах. В 1926 г. на созванном в Шумене по инициативе Пловдивского археологического общества учредительном съезде Союза археологических обществ Болгарии Пеев избран его секретарем. Руководителем Союза стал профессор Богдан Филов²⁴.

В 1931 г. д-р Александр Пеев переезжает в столицу. Начинается новая глава его биографии. Отныне на несколько лет его профессией становится банковское дело, причем на наиболее важном для болгарской экономики направлении — аграрном. В декабре 1931 г. Пеев получает назначение в Центральное управление государственного Болгарского земледельческого банка. Он активно и последовательно занимается изучением состояния аграрного сектора, организует социальное исследование болгарского земледелия путем анкетирования, результаты которого публикуются в журнале «Известия на Българската земеделска банка». Там же Пеев публикует и свои исследования о развитии различных земледельческих культур в Болгарии. После переворота 19 мая 1934 г. Земледельческий банк объединяют с Болгарским кооперативным банком, и д-р Пеев возвращается

к своей адвокатской профессии. И вновь он берется за новое для себя дело — создает на кооперативных началах сберегательно-строительную кампанию «Подслон» («Жилье»), благодаря которой в Софии было построено значительное количество жилых зданий. Одновременно продолжает публиковать статьи по актуальным культурным, хозяйственным и историческим проблемам в газетах «Време» и «Мир». Этот сложный профессиональный путь дает ему возможность создать широкие связи в столичных экономических, политических и культурных кругах.

Осенью 1939 г. вместе с группой болгарских общественных деятелей Пеев посещает сельскохозяйственную выставку в Москве. Увиденное произвело на него сильное впечатление. Его семейные русофильские настроения в сочетании с пониманием важности развития аграрного сектора болгарской экономики и левой социальной ориентацией обуславливают глубокий интерес к преобразованиям в России после Октябрьской революции 1917 г., особенно к результатам советской индустриализации. Здесь, думается, уместно упомянуть другого болгарского интеллектуала — проф. Асена Златарова, посетившего Советский Союз в 1936 г. и передавшего свои впечатления в книге «В стране Советов». Как и Златаров, д-р Пеев становится искренним сторонником страны победившего социализма.

Подробное рассмотрение жизненного пути Владимира Заимова и д-ра Александра Пеева — двух выдающихся болгар, один из которых являлся профессиональным военным, а другой скорее интеллектуалом, дает возможность сделать сравнение. У обоих общее «возрожденческое» происхождение в сочетании с патристическими и русофильскими настроениями; оба окончили Военное училище (в Болгарии — один из символов патриотизма), участвовали в трех войнах, которые страна вела с 1912 по 1918 гг. во имя национальных идеалов, сражались смело и самоотверженно, за что удостоены орденов за храбрость, оба были выдающимися публицистами, ясно заявившими о своих позициях по важнейшим проблемам Болгарии, оба пришли в политику, не став профессиональными политиками, имели проблемы с авторитарной властью, находились под полицейским наблюдением и были арестованы, а Заимов и осужден. Генерал Заимов и д-р Пеев — люди с актив-

ной гражданской позицией, критически относящиеся к власти, словом, делом пытающиеся начертать лучшее будущее своей родины. Их связь с Россией/Советским Союзом предопределена как происхождением Владимира Заимова, мать которого была русской подданной, так и последовательными левыми политическими убеждениями д-ра Александра Пеева, его верой в Советский Союз как страну будущего.

Середина 1930-х годов — время трудного внешнеполитического выбора. Военный союз, в котором состоял Заимов, осуществил 19 мая 1934 г. государственный переворот и установил дипломатические отношения с Советским Союзом, хотя и после непростых переговоров²⁵. Владимир Заимов тверд в своих симпатиях к Советскому Союзу. В 1935 г. он устанавливает контакты с военным атташе советского посольства в Софии, резидентом советской военной разведки полковником В.Т. Сухоруковым (их отношения вскоре переросли в дружеские), а затем и со сменившим его полковником А.И. Бенедиктовым. В январе 1939 г., когда начинается дипломатическая подготовка ко Второй мировой войне, Заимов по собственной инициативе налаживает сотрудничество с советской разведкой, получив оперативный псевдоним «Азорский». Базой и прикрытием созданной генералом разведгруппы стала принадлежавшая ему картонажная фабрика «Славянин», благодаря которой удалось наладить контакты в Варне, Румынии и Словакии. По сведениям Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (ГРУ), от организации Заимова на протяжении 1939–1942 гг. регулярно поступала военная и военно-политическая информация о положении в Болгарии, Германии, Турции, Греции. После присоединения Болгарии к Тройственному пакту, когда силы вермахта вступили в Болгарию, Заимов передает сведения о численности, вооружении, дислокации и передвижении немецких частей, состоянии военной техники. Высокую оценку советских разведслужб заслужили переданная в июле 1941 г. информация об отношении болгарского правительства к СССР после нападения Германии на Советский Союз, а также подробные сведения о численности и передвижении румынских и венгерских войск, отпавлявшихся на Восточный фронт²⁶.

Весной 1942 г. германской контрразведке удалось раскрыть разведывательную сеть генерала Заимова. В Словакии арестована связная Стефания Шварц из местной разведгруппы, и расследование ее связей приводит в Болгарию, к генералу Заимову. 20 марта германский агент под видом подпольщика встретился с Заимовым, получив, таким образом, доказательства разведывательной деятельности генерала. 22 марта 1942 г. последовал арест Заимова. В последующие дни было арестовано также ближайшее окружение генерала — племянник Евгени Чемширов, инженер Никола Белопитов, Генчо Попщвятков, Янко Янков. 27 мая, после двухмесячного следствия, генерал Заимов предстал перед военным трибуналом. 1 июня 1942 г. прозвучал приговор: высшая мера наказания через расстрел. Он пишет прошение о помиловании царю Борису III, но в тот же вечер на гарнизонном стрельбище в Софии приговор был приведен в исполнение.

Схожим образом был завербован и д-р Александр Пеев. Работу с ним вел советский военный атташе, кадровый разведчик полковник И.Ф. Дергачёв. На первой встрече, в начале апреля 1941 г., выразив свое беспокойство развитием европейских дел и болгаро-советских отношений, Дергачёв предложил д-ру Пееву сотрудничество с советской разведкой. К тому времени Болгария вступила в Тройственный пакт и стала сателлитом Германии. Именно этот факт и определил судьбоносный выбор. Этому способствовали его левые прокоммунистические убеждения, независимо от того, что речь шла не просто о передаче информации представителям советского посольства, а о создании разведывательной группы. Как юрист д-р Пеев, безусловно, понимал, какой риск влечет за собой подобный шаг, но решение уже принято. Д-р Пеев получает оперативный псевдоним «Боевой» и создает разведывательную организацию, в которую входят члены группы арестованного и высланного в лагерь писателя-коммуниста Крystenю Белева. Новой группе предстоит передавать свои сообщения с помощью радиопередатчика. Для этой цели Дергачёв предлагает д-ру Пееву кандидатуру радиста Эмила Попова²⁷, они вместе выбирают шифр, основанный, по предложению Пеева, на книге Алеко Константинова «Бай Ганю». Перед д-ром Пеевым поставлена задача — создать ряд единомышленников и восстановить свои

контакты с соучениками по гимназии и Военному училищу, которые уже заняли важные посты в государстве. В первую очередь, он привлек к разведдеятельности своего друга и политического единомышленника по Военному училищу, начальника военно-судебной службы генерала Никифора Никифорова (оперативный псевдоним «Журин»). К сбору информации д-р Пеев подключил также близких и друзей, работавших за рубежом — двоюродного брата Янко Пеева, болгарского полномочного министра в Токио, а ранее — в Египте, сотрудника болгарского посольства в Бухаресте Тодора Константинова, театрального режиссера с левыми убеждениями Бояна Дановского, находившегося в то время в Стамбуле, сотрудника министерства финансов Александра Георгиева, стажировавшегося в Германии²⁸.

За период с 1941 по 1943 г. группа «Боевого» сумела отправить в «центр» 400 радиограмм, содержащих самую разнообразную информацию. В числе важнейших сведений — предупреждение о подготовке вермахта к операции «Барбаросса», переданное незадолго до 22 июня 1941 г.²⁹; сведения Янко Пеева из Токио осенью 1941 г. о том, что Япония не нападет на СССР, хотя немцы нуждаются в ее поддержке³⁰; сообщение, что Болгария не пошлет свои войска на Восточный фронт (эту информацию он получил благодаря связям с кругами, близкими ко дворцу и правительству Болгарии) и пр.

Но после двухлетней деятельности германская контрразведка вышла на след группы д-ра Пеева. Благодаря германской пеленгаторной технике, 15 апреля 1943 г. во время сеанса радиосвязи был арестован радист «Боевого» Эмил Попов, а два дня спустя, 17 апреля 1943 г., и сам д-р Александр Пеев. После 100 дней допросов в Дирекции полиции, в ходе которых арестованные отрицали то, что недоказуемо, но принимали ответственность за доказанное, был предъявлен обвинительный акт на 490 страницах. Вывод следствия: д-р Александр Пеев вел «коммунистическую шпионскую деятельность в пользу другого государства»³¹.

Судебный процесс против группы Пеева проходил с 11 по 15 ноября 1943 г., после чего 18 ноября оглашены приговоры: к смертной казни приговорены д-р Александр Пеев, Эмил Попов и Иван Владков (писарь Софийского окружного управления и член группы «Боевого»). Все трое были расстреляны 22 ноября 1943 г.

Такова, вкратце, судьба двух известнейших болгар, ставших советскими разведчиками. Обращаясь к их работе на советскую разведку, нетрудно заметить, что сведения, поступавшие от «Азорского» — генерала Заимова, имеют конкретный характер с военной спецификой, в то время как информация группы д-ра Пеева отличается более высокой политической «стоимостью». Однако гибель генерала Заимова вызвала более широкий международный резонанс — его упоминают в своих передачах не только радио Москвы, но и Лондона. Сотрудничество болгарского генерала с советской разведкой имело огромное пропагандистское значение, поэтому о Владимире Заимове помнят в Советском Союзе и Болгарии как о «красном генерале», в то время как деятельность «Боевого» — д-ра Александра Пеева в значительной степени остается в тени. Можно, конечно, предположить, что причина этого заключается в том, что советское руководство не прислушалось вовремя к предупреждениям «Боевого», в частности, относительно сроков нападения Германии на СССР. Но, вероятнее всего, причиной был социальный статус: д-р Пеев был скромным адвокатом, хотя и имел влиятельных родственников, одноклассников и однокурсников. Пропаганда живет по своим законам: очевидно, для нее большее значение имеет не столько ценность полученных разведывательных данных, сколько популярность личности.

С позиций сегодняшнего дня, однако, важнее другой вопрос: как следует расценивать деятельность в пользу противника, хотя и не формального, в мировой войне, в которой Болгария и Советский Союз противостояли в идеологическом и пропагандистском отношении и в то же время сохраняли дипломатические отношения. С сожалением приходится констатировать, что нынешние оценки в большей степени зависят от современной политики, нежели от исторического контекста и конкретных реалий прошлого. В период до 1989 г. генерала Владимира Заимова и д-ра Александра Пеева славил как героев, о них писали книги, снимали художественные фильмы³², они удостоены посмертно высоких государственных наград³³. Но после краха социализма оценки резко изменились — из героев, рисквавших и отдавших жизнь во имя своих идей, они превратились в предателей. Названные в их честь улицы, бульвары, парки или школы переименованы, сняты

памятные доски, разрушены памятники. Более того, стремясь «соответствовать» политической конъюнктуре, наследники Владимира Заимова финансировали написание новой, «актуальной», версии биографии генерала, основная цель которой вычеркнуть из нее сотрудничество с советской разведкой³⁴.

Удастся ли нам выйти из заколдованного круга политического императива? По моему мнению, в этом могло бы помочь выяснение причин, по которым Владимир Заимов и д-р Александр Пеев избрали для себя как единственно возможный путь сотрудничества с советской разведкой. В собственноручно написанных ими накануне казни предсмертных письмах четко и предельно честно сформулирована их позиция, которую сегодня в научном мире назвали бы самомотивацией.

Так, генерал Заимов пишет жене: *«Ты, Анечка, знаешь, насколько крайним славянофилом я был всегда... Когда совершился германско-русский пакт, я испытал сумасшедшую радость, что эти силы договорились, и мы теперь будем их любимым ребенком... Но между ними, уввы, началась война. Россия официально стала нашим противником, а я продолжал встречаться с ними (Савченко и Середой. — И. Б.)*. Почему продолжил [бороться]... за идею, которую немногие поймут... А у меня укоренилась мысль, что повторятся 1915–1918 годы, и, в конце концов, [наши] противники победят. И кто придет тогда нас судить и наказывать? Если Лондон пришлет греков и сербов — горе нам, если придут наши из крайних кварталов жечь всё подряд — ужас! Кто их остановит, кто заступится, кто сможет установить некую возможную умеренность?»*³⁵ Иными словами, генерал Заимов размышлял о том, какие послевоенные перспективы для Болгарии были бы лучшими.

Д-р Александр Пеев объяснил свой выбор следующим образом: *«Моей целью не было нанести вред интересам Болгарии. Для меня как болгарина не может быть колебаний. Мои симпатии были на стороне русского народа, с которым, к тому же,*

* Савченко Яков Семенович — советский разведчик, секретарь военного атташе полпредства СССР в Софии, находился на связи с В. Заимовым, один из организаторов его группы; Середя Леонид Андреевич — помощник военного атташе полпредства СССР в Софии, помощник Главного резидента советской военной разведки в Софии (Прим. ред.).

Болгария не была в войне. По моей оценке, если бы Германия, вступив в войну с Россией, проиграла, как это было в 1918 г., то наша страна вновь бы оказалась в еще более плачевном состоянии, нежели в 1918–1919 г. А теперь роль великой державы в международных отношениях будет иметь решающее значение для Болгарии. Считаю, что сведениями, переданными мной России о том, что Болгария не будет действовать своими войсками на Восточном фронте в самые трудные моменты немецкого нашествия, я был полезен, как нашей освободительнице, так и Болгарии»³⁶.

Без сомнения, движущей силой для генерала Заимова и д-ра Пеева был патриотизм, точнее, особый патриотизм, сочетавший заботу о Болгарии со славянофильством и русофильством. Но наряду с этим, особенно в случае с д-ром Пеевым, речь идет и о выборе между нацистским Третьим рейхом и коммунистическим Советским Союзом. И этот идеологический выбор, как бы остро он ни осуждался в сегодняшней Болгарии, тогда был выбором стороны в мировом противостоянии. Выбором между антигитлеровской коалицией, с членами которой США и Великобританией Болгария находилась в состоянии войны, и Тройственным пактом, к которому она присоединилась. И этого выбора двух выдающихся болгар едва ли кому-то сегодня следует стыдиться. Потому что, наряду с антифашистским сопротивлением, разведывательная деятельность генерала Заимова и д-ра Пеева оказалась в ряду скромных заслуг Болгарии, учтенных великими державами в тот момент, когда Парижская мирная конференция 1946 г. решала вопрос о будущем нашей страны³⁷. И об этом тоже надо помнить.

Примечания

- ¹ Дипломатически документи по намесата на България в Европейската война. Т. 1. 1913–1915. София: Държавна печатница, 1920.
- ² В современной Болгарии, которая как часть Европейского Союза находится в сложных отношениях с Российской Федерацией, в 2018 г. была сделана попытка оценить подписание Брест-Литовского договора 3 марта 1918 г. как более важное событие, нежели Освобождение Болгарии в 1878 г., благо даты (3 марта) совпадали. Попытка не удалась, но продемонстрировала, как политические оценки вновь берут верх над историческими. *Ташев Л.* 3 март 1918 г. Денят на победата на България над болшевишка Русия // 21 март 2015 г., <http://www.svobodata.com/page.php?pid=15595&rid=154>.

- ³ История на България. Т. 7. София: Изд. на БАН, 1991. С. 325–328.
- ⁴ *Филов Б.* Дневник. София: Изд. ОФ, 1990. С. 278.
- ⁵ *Тошкова В.* България и Третият райх (1941–1944). София: Наука и изкуство, 1975. С. 36–47; *Генчев Н.* Външната политика на България 1938–1941. София: Вектор, 1998. С. 181.
- ⁶ История на България. Т. 8. София: ГАЛ-ИКО, 1999. С. 228–231.
- ⁷ [1] Свидетелства об этом многочисленны во всей современной истории Болгарии. Отмечу только стихи классика болгарской литературы Ивана Вазова (1850–1921), посвященные России как освободительнице: «Россия! Как нас это имя/ Пленяет — милое, родное!/ Она лучами огневыми/ Светила в горе наше злое!»; «Посвящается русскому народу»: «*Кат Русия няма втора/ тъй могъща на света;/ Тя е нашата опора/ тя е нашта висота*» — «Нет второй такой России/ столь могучей на свете;/ она наша опора/ она наша вершина». В XX в. и особенно в эпоху социализма стихи и проза, посвященные России, многочисленны, но и в постсоциалистической Болгарии русофильство сохраняется, как видно из социологических исследований, показавших, что положительны настроены к России 62% населения (*Григорова Мила*. Гэллуп интернешнл). Глобальное исследование об отношении к России, проведенное «Pew Research Center» в 2019 г., показывает, что болгары из всех стран мира имеют самое положительное отношение к России, поскольку 73% выражают эту позицию, затем следуют 60% у словаков (8 февраля 2020, <http://epicenter.bg/article/Balgarite---s-na-popolozhitelna-naglasa-kam-Putin-i-Rusiya-ot-tseliya-svyat-206170/7/0>). Даже после кризисной ситуации с газом настрой болгар к России остается положительным (газ. «Класа». 9 март 2009. № 451.), об этом свидетельствует и существование в Болгарии Национального движения «Русофилы».
- ⁸ *Калинова Е.* Победители и България 1939–1945. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2004. С. 14–15.
- ⁹ Мгновенная реакция болгарских коммунистов связана с присутствием их лидера Георгия Димитрова в Москве в качестве председателя Коминтерна и его беседы с советским лидером Сталиным, который дал ему следующие указания: «*Партии на местах должны развернуть движение в защиту СССР... Речь идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося к порабощению остальных...*» // *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София: УИ «Св. Климент Охридски», 1997. С. 236.
- ¹⁰ См.: Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 343, 454–455.
- ¹¹ *Валцаров Н.* Съчинения. София: Изд. Български писател, 1971. С. 123–124.
- ¹² В то время в Болгарии насчитывалось около 9 тыс. организованных коммунистов, а в молодежной организации «Работнически младежки съюз» состояли около 15–20 тыс. чел., но имелось и немало симпатизировавших и помогавших движению Спротивления // *Везенков А.* 9 септември 1944 г. София: Сиела, 2014. С. 73–74.
- ¹³ *Котев Н.* Война без правила. Бриганското разузнаване в България (1939–1945). София: Изд. на МО «Св. Георги Победоносец», 1994. С. 34–46.
- ¹⁴ Наиболее полно болгарская разведывательная деятельность в пользу Советского Союза во время Второй мировой войны представлена в мемуарах лейтенанта Ивана Винарова, переведенных в 1981 г. и на русский язык // *Винаров И.* Бойци на тихия фронт. София: Изд. на БКП, 1969.
- ¹⁵ О некоторых из них в социалистической Болгарии написаны литературные очерки // *Невидимите барикади*. Очерци за български съветски разузнавачи. София: Народна младеж, 1968. В числе авторов — известные писатели Свето-

- слав Славчев, Светозар Златаров, Евгени Константинов, Васил Райков, Господин Гочев и Любен Станев.
- 16 *Заимова Кл.* Младият Заимов. Дневници, писма, спомени. София: Народна младеж, 1990.
 - 17 Эта информация получена из семейного архива Заимовых.
 - 18 Подробнее об этих событиях см.: *Марков Г.* Парола «Сабя». Заговорите и превратите на Военния съюз 1919–1936. София: Изд. Наука и изкуство, 1992.
 - 19 *Недев Н.* Генерал Владимир Заимов. Личност, дело, епоха. София: Държавно военно издателство, 1973.
 - 20 Генерал Никифор Никифоров становится сотрудником д-ра Пеева в разведывательной деятельности, генерал К. Лукаш и генерал Т. Даскалов приговорены к смертной казни «Народным судом» в 1945 г., а генерал Христо Луков уничтожен ударной коммунистической группой 13 февраля 1943 г.
 - 21 Этот брак не был плодом страстной любви: супругов связывали глубокая дружба и общие идейные взгляды. Позднее они вместе получали образование в Брюсселе. Елизавета изучала историю. Они до конца жизни останутся единомышленниками.
 - 22 Цит. по: *Стоянов-Бигор Г.* С голямата мярка на историята // Нова зора. № 21. 27 май 2008 г.
 - 23 Спустя годы (газ. «Време», 15 юни 1932 г.) д-р Ал. Пеев рассказывал, с каким достоинством Стамболийский встретил свою участь: «*Размеренной, спокойной и твердой поступью, не оборачиваясь ни к кому из присутствующих, он отправился к выходу. За ним следовали капитан Харлаков, полковник Славейко Василев и несколько мне незнакомых лиц в военной униформе. На меня произвел неизгладимое впечатление стоицизм, с которым лидер земледельцев Болгарии встретил свою трагическую судьбу.*» Цит. по: *Недев Н.* Тайната война или летопис за д-р Александър Пеев и генерал Никифор Никифоров. София: Изд. «Народна младеж», 1984. С. 50.
 - 24 Данные взяты как из его автобиографии, так и из биографических очерков о нем. — <https://beinsa.bg/izgrev.php?id=7958>.
 - 25 България и СССР 1917–1944 г. (Политико-дипломатически отношения). В. Търново: Фабер, 2008. С. 157–167.
 - 26 *Карневский М.С., Сгибнев А.А.* Пришло время рассказать. М.: ДОСААФ, 1981. С. 41–66.
 - 27 Эмил Попов происходил из семьи с левыми традициями. Брат Эмила проф. Иван Попов позднее стал создателем болгарской электроники.
 - 28 *Недев Н.* Тайната война. С. 59–71, 84–87.
 - 29 В радиোগрамме от 13 июня 1941 г. сообщалось: «*По сведению Журина фюрер решил до конца этого месяца напасть на Советский Союз. Немцы сосредоточили на советской границе свыше 170 дивизий.*» Цит. по: *Стоянов-Бигор Г.* Тук «Боевой» // Народна култура. 12 октомври 1974 г.
 - 30 *Недев Н.* Тайната война. С. 105–107.
 - 31 Там же. С. 197–203.
 - 32 Генералу Заимову посвящен один из известнейших болгарских художественных фильмов «Царь и генерал» [режиссер Выло Радев, сценарист Любен Станев (1966 г.)]. О д-ре Александре Пееве был снят 5-серийный телевизионный фильм «Сами сред вълци» («Одни среди волков») [режиссер Зако Хеския, сценарист Павел Вежинов (1979 г.)].
 - 33 Владимир Заимов удостоен советских наград: Орденов Красного знамени (1966 г.) и Ленина (1972 г.) и звания Героя Советского Союза (1972 г.). Д-р Александр Пеев

награжден болгарским орденом «Георгий Димитров» и советским Орденом Ленина (1966 г.).

³⁴ Дичев Б. Умирам за България! Процесът срещу ген. Владимир Заимов през 1942 година. София: Paradox, 2014.

³⁵ Там же. С. 539–541.

³⁶ Цит. по: Недев Н. Тайната война. С. 223–224.

³⁷ О работе Парижской мирной конференции летом 1946 г. от первого лица рассказывают два болгарских журналиста. См.: Васев Сл., Христов Кр. България на мирната конференция. Париж, 1946. София: ИК «Синева», 2017.

На пути к сферам влияния и конец «балканской полифонии»: Юго-Восточная Европа в стратегических расчетах Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны

Вторая мировая война запустила процесс фундаментального реформатирования системы международных отношений. Прежняя многополярная модель, предполагавшая, помимо нескольких центров силы в лице великих держав, также и определенную внешнеполитическую самостоятельность малых стран, оказалась нежизнеспособной. Подобное распределение мощи на международной арене во многом создало благоприятные условия для усиления экспансионизма ревизионистских держав, вселив в них уверенность в возможность изменения существующего баланса сил военными методами. Перед лидерами «Большой тройки» стояла задача построения такого миропорядка, который бы исключил появление нового ревизиониста, претендующего на гегемонию. Было очевидно, что конфигурация будущей модели международных отношений определялась характером взаимодействия СССР, США и Великобритании, за которыми в американской публицистике военных лет закрепилось качественно новое определение — «сверхдержавы»¹. Обосновывая системообразующую роль «Большой тройки» в процессе создания послевоенного миропорядка, известный американский политолог Н. Спайкман подчеркивал, что «любая работающая система коллективной безопасности должна опираться на великие державы, у которых одних есть способность ее обеспечить»².

В этой связи особый интерес представляет позиция Великобритании — державы, которая являлась, с одной стороны, ключевым игроком прежних многополярных моделей международных отношений, с другой — претендовала на принятие глобальной от-

ветственности за судьбы послевоенного миропорядка. Поскольку Балканский полуостров занимал важное место в стратегическом планировании как Великобритании, так и СССР — ее партнера по антигитлеровской коалиции и традиционного геополитического соперника, представляется целесообразным проанализировать подходы Лондона к устройству послевоенного регионального порядка в Юго-Восточной Европе. Обращение к этому сюжету позволит высветить как преемственность, так и изменчивость британской политики в отношении Балкан, что, в свою очередь, приближает нас к пониманию новых принципов организации политического пространства Юго-Восточной Европы в послевоенный период.

Несмотря на заключение англо-русского соглашения о совместных действиях в войне против Германии в июле 1941 г., а затем и союзного договора в мае 1942 г., традиционное недоверие правящих кругов Великобритании к Советскому Союзу, хоть и ослабло в условиях военного времени, но не исчезло. С одной стороны, понимая тождественность военно-стратегических установок Российской империи и СССР, с другой — оценивая деструктивный потенциал советской идеологии с точки зрения стабильности капиталистического мира, британское правительство, возглавляемое У. Черчиллем, стремилось по возможности подготовить почву для сохранения британского влияния после войны в тех регионах, которые имели принципиальное значение для обеспечения безопасности британских имперских коммуникаций. Балканская федерация казалась универсальной формулой, которая позволяла сделать ставку на объединение сил и ресурсов малых стран региона, надеявшихся на поддержку Запада, тем самым создав зону, закрытую для советского доминирования. На этой волне внимание британских дипломатов привлекли проекты балканской федерации, разрабатываемые с осени 1941 г. греческим и югославским правительствами в эмиграции. Федерация мыслилась как блок независимых национальных государств, разделявших общее видение организации политического пространства региона и готовых к разностороннему сотрудничеству в деле его отстаивания³. Первым камнем в основании гипотетического комплекса региональной безопасности

в Юго-Восточной Европе стало подписание между эмигрантскими правительствами Греции и Югославии соглашения о Балканском союзе (15 января 1942 г.). Отечественный исследователь С.А. Романенко справедливо оценивает эти греко-югославские договоренности как стремление воссоздать Балканскую Антанту 1934 г., по сути, прекратившую свое существование после нападения Италии на Грецию в октябре 1940 г.⁴ Как мы видим, планы греческих и югославских политиков, мысливших категориями довоенного времени, не являлись концептуальным прорывом. Артикулируемые ими конструкции региональной безопасности во многом зиждились на укоренившихся в сознании балканской элиты антикоммунистических фобиях⁵.

Вместе с тем в Лондоне с самого начала понимали, что любые центростремительные движения в Юго-Восточной Европе обуславливались характером импульсов, исходивших от советского центра силы. Вопрос о послевоенном политическом сопряжении стран Центральной и Юго-Восточной Европы неоднократно поднимался во время советско-британских переговоров. Уже на первой встрече И.В. Сталина и британского министра иностранных дел Э. Идена, состоявшейся в Москве в декабре 1941 г., концепция конфедерации малых стран, озвученная главой Форин оффис, не нашла поддержки советского лидера, внешнеполитическое сознание которого отличалось приверженностью политике сфер влияния⁶. Советские дипломаты, в частности, посол в Лондоне И.М. Майский, доказывали своим английским визави, что комбинации малых стран нежизнеспособны⁷. На Московской конференции министров иностранных дел трех держав (октябрь 1943 г.) советское руководство совершенно недвусмысленно обозначило свою позицию по проблеме федерации. Любая группировка малых стран называлась им искусственной, преждевременной, ущемляющей их суверенитет и не имеющей ничего общего с мирным, свободным и осмысленным волеизъявлением народов. Более того, отсылая к прошлому негативному опыту, советское правительство уподобляло федерации малых стран «санитарному кордону», возведенному против Советского Союза в межвоенный период⁸. По расчетам Москвы, альтернативой формированию неблагоприятной для СССР внешнеполитической среды

в Центральной и Юго-Восточной Европе могло стать налаживание двусторонних союзнических отношений с малыми странами региона. Апробацией этого нового подхода явился советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный в Москве 12 декабря 1943 г. Не только само содержание договора, но и его идеологический подтекст, а также пафос, сопровождавший подписание документа, вызвали изрядную тревогу у британских и американских союзников. Так, на специальном заседании Всеславянского комитета, приуроченном к визиту президента Чехословакии Э. Бенеша, последний заявил о том, что советско-чехословацкий договор должен рассматриваться как модель взаимоотношений между славянскими государствами⁹. В отчете британского посольства в Москве за 1943 год прямо констатировалось, что Советский Союз сделал разворот в сторону «славянской политики», для претворения в жизнь которой у него имелись все необходимые инструменты. Адаптация основных идей окутанного мистицизмом панславизма XIX века (апелляция к единой вере и крови), осознание особой миссии славянства в условиях военного времени (рупором этого тезиса являлся Всеславянский комитет), расширение деятельности Православной Церкви, привлекательность советских институций в глазах левой общественности — все эти компоненты, отчасти замешенные на иррационализме, должны были, как казалось британским дипломатам, усилить гравитацию зарубежных славян в сторону СССР¹⁰.

О том значении, которое придавал Лондон ситуации в Юго-Восточной Европе, свидетельствуют попытки, предпринимаемые У. Черчиллем в ходе работы Тегеранской конференции, убедить своих партнеров по антигитлеровской коалиции в необходимости проведения союзниками военных операций на Балканах. По словам британского лидера, «балканский театр является фактором, заставляющим противника напрягать свои ресурсы, и таким образом этот театр может облегчить предстоящие нам тяжелые бои»¹¹. В преддверии подготовки операции «Оверлорд» в Северной Франции британский премьер настаивал на важности удержания дислоцированной на Балканах 21-й германской дивизии. Он наметил два возможных взаимодополняемых плана действий:

первый — это интенсификация помощи югославским партизанам, дабы они усилили свои вылазки на территории, оккупированные противником; второй — вступление в войну Турции. Между тем партнеры Черчилля не разделяли его балканского энтузиазма. Президент США Ф.Д. Рузвельт поддержал идею наращивания помощи партизанам И. Броз Тито, но солидаризировался со Сталиным в том, что приоритетом являлась операция «Оверлорд», а военные акции в Средиземноморье могли отодвинуть сроки высадки союзников в Нормандии, что было крайне нежелательно¹². В итоге, лидеры «Большой тройки» достигли договоренности о разработке планов «камуфляжных» операций на Балканах с целью ввести в заблуждение противника и тем самым сковать его дивизии в регионе¹³. В целом же на этапе Тегеранской конференции ситуация в «мягком подбрюшье» Европы не «отравляла» отношений СССР, Англии и США, для которых первоочередной задачей являлось создание устойчивого фундамента нового мироустройства. Разумеется, бессмысленно отрицать существование противоречий между Москвой и Лондоном на Балканах. Кремль прекрасно отдавал себе отчет в стратегической важности Восточного Средиземноморья для британских имперских коммуникаций и в том, что политика Уайтхолла была направлена на установление своего контроля над подступами к этим коммуникациям.

Готовность отодвинуть идеологические стереотипы на второй план ради достижения главной цели — победы над «осью» — проявилась в корректировке отношения англосаксонских держав к движению Сопrotивления в Югославии. Фактически англичане и американцы признали партизан И. Броз Тито, т.е. левый фланг югославского Сопrotивления, воюющей стороной, а, значит, силой, которая будет причастна к решению послевоенных судеб своей страны. Этот поворот в балканской политике англосаксонских держав был продиктован сугубо прагматическими соображениями — пониманием эффективности борьбы партизан против немцев и разочарованием в действиях четников, руководимых военным министром югославского правительства в эмиграции Д. Михайловичем.

В отчетах, составленных на базе донесений британских офицеров связи, командированных в штабы Тито и Михайловича,

совершенно четко прослеживался переход инициативы в отпоре захватчикам к партизанам, а также фиксировался рост доверия к последним со стороны местного населения¹⁴. В Лондоне были крайне недовольны пассивной, выжидательной позицией, занятой военным министром югославского королевского правительства и тем, что он был преимущественно сосредоточен на противостоянии коммунистам вместо нанесения материального ущерба противнику и выведения из строя его инфраструктуры¹⁵. Не меньшее беспокойство британского командования вызывала поступающая информация о случаях сотрудничества некоторых офицеров армии Михайловича с квислинговым правительством М. Недича¹⁶.

На этом фоне, если судить по рапортам британских офицеров связи, гораздо большей конструктивностью отличались действия партизан Тито, которые отвлекали на себя силы немцев и итальянцев¹⁷. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) трансформировалась в значимый фактор антифашистской борьбы на Балканах. Понимая этот факт и стремясь наладить диалог с жизнеспособной силой, которую будет нельзя проигнорировать в процессе мирного урегулирования, Черчилль направил в штаб Тито специальную миссию. В мае 1943 г. в районе Дурмитора (Черногория) парашютировались майор Ф. Дикин, преподаватель Оксфордского университета, помогавший Черчиллю с написанием его исторических исследований, и еще несколько офицеров¹⁸. В сентябре того же года Дикина в качестве главы британской миссии при НОАЮ сменил бригадир Ф. Маклин, бывший сотрудник Форин оффис, а на тот момент член парламента от Консервативной партии, а также друг Рэндольфа Черчилля, сына британского премьер-министра¹⁹. Сам Черчилль-младший парашютировался в ставку Тито в феврале 1944 г. Стремление английской стороны установить контакт с партизанами вызывало немалую подозрительность у И.В. Сталина. Появление Рэндольфа в штаб-квартире партизан советский лидер воспринял весьма скептически, заметив следующее: «Имейте в виду, сыновья премьеров так просто на парашютах не прыгают и в чужих штабах без определенных целей не появляются»²⁰. При этом сами британцы смотрели на установление связей с партизанами как на

реверанс в сторону советского правительства: отбросив в сторону идеологические штампы, они оказывали помощь прокоммунистическим силам, тем самым демонстрируя свою союзническую солидарность с СССР²¹.

Осмысливая опыт, полученный во время своего пребывания в ставке Тито, Маклин, имевший встречу с Черчиллем накануне Тегеранской конференции, довольно убедительно аргументировал премьер-министру необходимость наращивания сотрудничества с партизанским движением. Ибо оно, по его словам, олицетворяло собой самостоятельный центр силы на политическом пространстве распавшейся Югославии. Не желая себя связывать никакими договоренностями с представителями старого режима (т.е. правительством в эмиграции), Тито был нацелен, по заключению британца, построить на руинах прежнего государства новое тоталитарное общество по образу и подобию советского. В таких условиях внешнеполитическая ориентация новой Югославии на Москву была предопределена. По словам Маклина, только военная интервенция могла бы помешать Тито захватить власть в стране после ухода немцев. Однако такой подход к решению проблемы он считал бесперспективным, призывая вместо этого к военному сотрудничеству с НОАЮ и установлению стабильных отношений с Тито, что позволило бы подорвать советское влияние в новой Югославии²².

В конце 1943 г. в ходе работы II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) произошла институализация революционной власти на освобожденных партизанами территориях. То обстоятельство, что эта сессия состоялась в боснийском городе Яйце сразу после Тегеранской конференции, не было случайным совпадением. Тито в буквальном смысле хотел поставить лидеров «Большой тройки» перед *fait accompli*: интересы великих держав и существовавшие между ними договоренности не должны были проецироваться на послевоенное устройство Югославии.

В общем расчет оказался правильным: великим державам, прежде всего Великобритании, приходилось считаться с преобразованиями в этой балканской стране. Черчиллевская концепция послевоенной Югославии, по замечанию британского истори-

ка югославского происхождения С. Павловича, была не просто эклектична, а внутренне антагонистична: премьер-министр представлял себе, что страна будет управляться совместно королем и партизанским вождем-коммунистом²³. По-прежнему рассчитывая на то, что революционное и эмигрантское правительства можно подвести к компромиссу, Черчилль вступил в личную переписку с Тито.

Отчасти позиция Великобритании, ее невмешательство в гражданскую войну в Югославии облегчили свершение там внутренней революции, чего нельзя было сказать о другой балканской стране — Греции.

К весне 1943 г. греческие повстанцы, а это были силы прокоммунистической Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС), контролировали, по донесениям британской разведки, почти всю горную местность²⁴. Однако весь трагизм ситуации состоял в том, что Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ), который, по справедливому замечанию отечественного неозеллиниста О.Е. Петруниной, сделал решающий вклад в партизанскую борьбу, имел в распоряжении крупнейшие вооруженные силы, снискал авторитет среди местного населения и на определенном этапе обладал реальной властью в стране, игнорировался руководством великих держав, контакты с которыми поддерживало эмигрантское правительство²⁵. Англичане, относившиеся с большим недоверием и подозрительностью к процессу переформатирования политической жизни Греции, не видели в ЭАМ регионального партнера. Ибо коммунистическое ядро ЭАМ, на взгляд Лондона, могло манипулироваться внешней силой (центром мирового коммунизма — Москвой). Гораздо проще дело обстояло с эмигрантским правительством, действия которого были и предсказуемы, и контролируемы. В соответствии с этой логикой британское правительство просто не могло пустить на самотек ситуацию в Греции и абстрагироваться от перегруппировки политических сил в этом сегменте Восточного Средиземноморья, ибо речь шла об обеспечении безопасности Британской империи.

Будучи заинтересованным в военных усилиях ЭЛАС против врага, но в то же время стремясь закрепить за буржуазны-

ми партиями ведущую роль в политическом процессе, Лондон предпринял попытку содействовать внутригреческому диалогу, а вернее монологу эмигрантского правительства с редкими репликами со стороны левых сил. При посредничестве англичан было организовано две конференции (в Ливане в мае 1944 г. и итальянском городе Казерта четыре месяца спустя), на которых за столом переговоров встретились представители различных флангов Сопrotивления, эмигрантского правительства и британского командования. Результатом этих конференций стало подчинение всех вооруженных сил страны единому командованию, которое в конечном счете возглавил английский генерал. Это был болезненный удар по позициям ЭАМ, который был вынужден пойти на заключение Ливанского и Казертского соглашений, надеясь на международное признание. За этим последовало прямое вмешательство Лондона в греческие дела, ибо основная функция английских войск, прибывших в страну в октябре 1944 г., заключалась в поддержке эмигрантского правительства. Так, демонстрация в Афинах, организованная ЭАМ в начале декабря 1944 г., была расстреляна местной полицией и британскими военными²⁶. Новой попыткой затормозить поляризацию политических сил в стране явилось Варкизское соглашение (февраль 1945 г.), ставшее интерлюдией между Второй мировой и гражданской войной в Греции.

Совсем иной настрой британское правительство демонстрировало в отношении балканских сателлитов нацистской Германии — Болгарии и Румынии. Лондон довольно равнодушно реагировал на попытки прозападных элементов в этих странах вступить в переговоры с руководством Великобритании и США, дабы не допустить советского преобладания на Балканах. Так, безуспешными оказались миссии советника царя Болгарии Бориса III Й. Севова и зампре­дседателя Болгарского союза промышленников Г. Киселова, направленных в Турцию в январе-марте 1944 г. в расчете на переговоры с американскими представителями в Анкаре²⁷, равно как и переговоры, проходившие в Каире в конце августа — начале сентября между Ближневосточным командованием союзнических сил, с одной стороны, и болгарской делегацией в составе бывшего председателя Народного собрания

С. Мошанова и полковника Д. Желязкова, прежде военного атташе Болгарии в Турции, — с другой²⁸. Фактически англичане и американцы проигнорировали запросы правительства «национальной концентрации» К. Муравиева о заключении перемирия при ведущей роли Лондона и Вашингтона.

Как и в случае с Болгарией, либерально-буржуазная оппозиция Румынии в страхе перед вторжением советских войск на территорию страны, стремилась установить контакт с представителями англосаксонских держав, чтобы именно с ними подписать перемирие. Так, реагируя на отказ (март 1944 г.) румынского политического истеблишмента в лице Ю. Маниу, кн. Б. Штирбея и Д. Брэтиану капитулировать перед СССР, британское и американское командование в Каире заявило, что «бесполезно надеяться на подтягивание британских войск к границам Румынии, и что будет лучше для нее, если русские, подойдя к ее рубежам, увидят, что они (румыны. — *О. А.*) направили свое оружие против Германии, чем они будут продолжать сражаться на стороне Германии»²⁹.

Британские дипломатические и военные круги прекрасно отдавали себе отчет в том, по какому сценарию Советский Союз будет действовать в отношении балканских союзников рейха. В меморандуме, подготовленном в конце мая одним из высокопоставленных чиновников Форин оффис — О. Сарджентом, констатировалось, что своим дипломатическим прессингом на официальную Софию, усилившимся с весны 1944 г., Кремль стремился либо спровоцировать государственный переворот в Болгарии, либо подтолкнуть правящие круги царства к формированию «правительства, включающего в себя политическое меньшинство, которое сразу же утвердит русское влияние и выведет страну из войны»³⁰. Эти прогнозы казались еще более реалистичными в свете того, что к началу апреля 1944 г. советские войска подошли к румынской границе, и вопрос их движения в направлении Болгарии был делом ближайшего времени.

Как мы видим, Лондон (а вместе с ним и Вашингтон) давал если не карт-бланш Москве в отношении балканских сателлитов рейха, то допускали довольно большую свободу рук советского правительства во взаимодействии с Болгарией и Румынией.

Хоть и без особого энтузиазма, западные партнеры СССР были вынуждены смириться с доминированием советских представителей в Союзных контрольных комиссиях в этих странах. Своеобразной фиксацией сложившейся в регионе расстановки сил стало «процентное соглашение» о распределении сфер влияния в Юго-Восточной Европе, заключенное Черчиллем и Сталиным во время их московской встречи в октябре 1944 г. В историографии было немало копий сломано вокруг этих устных договоренностей Сталина и Черчилля³¹. Не вдаваясь в дискуссии, нам хотелось бы подчеркнуть, что подобного рода соглашения могли быть заключены исключительно между партнерами, каковыми на тот момент являлись британский и советский лидеры. «Процентаж» был своеобразной англо-русской Антантой середины 1940-х годов. Подобно тому как «Сердечное согласие» имело дело с размежеванием зон влияния в Азии с целью упорядочить англо-русское конфликтное взаимодействие на периферии системы, так и осенняя «сделка» Сталина и Черчилля была попыткой установить негласные «правила игры» в процессе складывания нового миропорядка. Только если Антанта 1907 г. являлась шагом на пути дальнейшего англо-русского сближения в условиях скатывания великих держав в континентальную войну, то «процентное соглашение» было призвано заранее очертить жизненно важные сферы интересов обеих держав и не допустить их столкновения из-за них в будущем уже после окончания войны.

И здесь мы можем наблюдать ту существенную трансформацию, которую претерпела система международных отношений, по сравнению с реалиями начала XX в. Так, правящей элите балканских стран только в кошмаре могло присниться, что великие державы будут договариваться о таком жестком включении той или иной малой страны в свою сферу влияния, не оставив местным игрокам (как субъектам международных отношений!) никакого пространства для внешнеполитического маневра и реализации их национальных программ. На смену «балканской полифонии» пришел монолог великой державы в отношении того мирополитического пространства, которое она считала для себя ключевым. Для Великобритании таковым являлась Греция, а для СССР — Румыния и Болгария, Югославия выступала в качестве

«контактной зоны», в рамках которой, как предполагалось, Москва и Лондон обладали одинаковым влиянием.

Угасание «балканской полифонии» выразилось в том числе в преобразовании политической и социально-экономической системы местных стран под нажимом заинтересованной великой державы. Всё это вело к еще большей гомогенизации соответствующих сфер влияния. Ведь политическая турбулентность и многообразие внутривнутриполитических сил в рамках сфер интересов создавали благоприятную возможность для вмешательства внешнего фактора, вероятность чего и Великобритания, и СССР старались минимизировать. Между тем, нельзя сказать, что на этапе осени 1944 — лета 1945 г. все процессы развивались прямолинейно. Как констатировали британские дипломаты в Москве, вступление советских войск в Болгарию и Румынию не привело к моментальной и тотальной коммунизации этих стран. Напротив, стремясь заручиться как можно более широкой местной поддержкой для «своей политики, которая неизбежно вызовет какое-нибудь недовольство», советские представители остужали пыл болгарских и румынских коммунистов и, по возможности, поощряли умеренные элементы³². При этом летом 1945 г. британцы довольно критично смотрели на свою политику в Греции. В меморандуме от 8 июня, подготовленном министром образования Великобритании, было обозначено две принципиальные проблемы: во-первых, в какой мере Лондон был уполномочен вмешиваться во внутренние дела Греции, и, во-вторых, в какой степени он был готов участвовать в восстановлении экономики этой балканской страны. В свете этого британское руководство предостерегалось от «любых попыток перейти от советов к принятию на себя исполнительных функций» в Греции³³.

По своему духу политика сфер влияния, проводимая Великобританией и СССР, довольно слабо коррелировала с ялтинской «Декларацией об освобожденной Европе» и «Атлантической хартией», но, по сути, позволяла на практике реализовывать принципы, озвученные в Декларации, а именно: оказание помощи освобожденным народам и проигравшим войну странам «при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Другое дело, что Лондон

и Москва на свой собственный лад интерпретировали понятие «демократические способы».

Квинтэссенцией британского подхода к взаимодействию с Советским Союзом в Юго-Восточной Европе можно считать письмо советника британского посольства в Москве Дж. Бальфура от 16 января 1945 г. Э. Иден включил пространные выдержки из этого письма в свой меморандум по балканской политике СССР, подготовленный уже после завершения Ялтинской конференции. Бальфур доказывал, что СССР смотрел на пространство Юго-Восточной Европы как на свою «зону безопасности», страхующую его от возобновления германской политики «натиска на Восток», а потому никакая международная организация, никакие пакты с западными державами не могли удержать Советский Союз от того, чтобы «окопаться» на Балканах, т.е. создать в регионе свою систему безопасности, которую Москва рассматривала как «первую линию обороны»³⁴. На взгляд Бальфура, Лондону придется «принять как само собой разумеющееся» доминирующее влияние СССР в балканских странах в качестве долгосрочной советской политики. Причем, на взгляд британского дипломата, именно соображение безопасности (в гораздо большей степени, чем экспансионистские устремления) определяли действия Советского Союза в Юго-Восточной Европе, подтверждением чего служила корректная позиция Москвы в отношении «греческих перипетий»³⁵. Иными словами, политика СССР носила рациональный характер, а потому механизм сфер влияния вполне мог функционировать на региональном уровне.

Такой подход предполагал, что Советский Союз мог переформатировать региональный порядок в рамках своей сферы безопасности до тех пор, пока это не нарушало общего баланса сил, складывавшегося на Балканах и в Восточном Средиземноморье после Второй мировой войны. На момент весны-лета 1945 г., по прикидкам Лондона, это равновесие могли подорвать два фактора, причем каждый из них в большей или меньшей степени был связан с Югославией. Прежде всего, британцы опасались реализации проекта прокоммунистической (южно) славянской федерации, основой для которого могло послужить болгаро-югославское сближение. Такая форма сосуществова-

ния двух балканских государств, как констатировали эксперты Форин оффис, позволила бы «растворить» македонский вопрос, который на протяжении всего постосманского периода отравлял взаимоотношения Софии и Белграда. Подобный сценарий развития событий, как это казалось на момент мая 1944 г., отвечал интересам СССР, ибо это помогло бы ему избежать ловушек, в которые традиционно попадала царская дипломатия — тщетность попыток примирить национальные программы двух враждующих южнославянских государств. Югославо-болгарская федерация, как подчеркивал британский дипломат Сарджент, была чревата установлением на Балканах славянской гегемонии, что несло угрозу для позиций неславянских стран — Турции, Румынии и Греции, причем особенно уязвима была последняя, ибо в перспективе создание автономной Македонии не исключало инкорпорацию туда сопредельных греческих территорий, населенных славянским меньшинством³⁶. В связи с этим на Ялтинской конференции Э. Иден выразил своему советскому коллеге В.М. Молотову решительный протест против создания югославо-болгарской федерации в принципе, и против заключения югославо-болгарского союза до подписания мирного договора с Софией, в частности.

Вторым моментом, который мог, на взгляд британских стратегов, спровоцировать нарушение силового равновесия в регионе и «разлитие» коммунизма за «края» советской сферы на Балканах, являлась проактивная внешняя политика коммунистической Югославии, имевшей все шансы трансформироваться в регионального лидера и стать эффективным партнером Советского Союза в Юго-Восточной Европе. Югославия, «пережившая дикую германскую оккупацию»³⁷, смогла реконституироваться и продолжить развиваться как дееспособный государственный организм благодаря жесткой, но последовательной политике лидеров партизанского движения, альтернатива которой, на взгляд англичан, по существу, отсутствовала³⁸. Кризис, разгоревшийся вокруг Триеста в мае-июне 1945 г., подтолкнул англосаксонские державы к выработке жесткого курса в отношении Белграда. Как отмечалось в секретном меморандуме, направленном новым президентом США Г. Трумэнном Черчиллю, удовлетворить претензии

Тито на Триест и прилегающие области было идентично политике «умиротворения», проводимой ранее в отношении Японии и гитлеровской Германии. Ведь тогда аппетиты югославского руководства распространились бы на территории Южной Австрии, Венгрии и Греции³⁹. Показательно, что Тито, самый перспективный балканский союзник Кремля, не получил никакой весомой поддержки СССР в вопросе о Триесте — Москва предпочитала придерживаться правил игры, выработанных на завершающем этапе Второй мировой войны. И в этом смысле механизм сфер влияния сработал.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что балканская политика Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны приобретала всё более застывшие формы и утрачивала черты нюансированности и поливариантности, отличавшие ее в конце XIX—первой трети XX вв. Невиданная прежде разрушительность войны, истощение британских военных и экономических ресурсов обусловили и ограниченные возможности внешней политики Лондона в Юго-Восточной Европе. Необходимость обеспечения своих стратегических позиций в Восточном Средиземноморье вынуждала Великобританию проводить довольно жесткий курс в отношении Греции, вплоть до прямого вмешательства во внутренние дела этой страны. Непреклонность британского руководства усиливалась под впечатлением того, что радикальные внутривнутриполитические изменения, принимавшие реальные очертания в Греции, могли сделать ее органичным союзником другой великой державы — Советского Союза. Геополитические интересы толкали Лондон на то, чтобы выработать *modus vivendi* с Москвой на Балканах. Собственно, политика сфер влияния стала одной из граней традиционной *Realpolitik*. Осознавая, что ему было объективно нечего противопоставить советскому преобладанию в Болгарии и Румынии, британское руководство сочло наиболее благоразумной опцией договориться с Кремлем. Что же касается Югославии, то Лондон также вынужден был признать, что находившиеся в его распоряжении рычаги, не позволяли ему воздействовать на революционные преобразования, развернувшиеся в этой балканской стране, и предотвратить ее тяготение в сторону СССР. Вместе с тем амбициозная внешняя

политика новой Югославии, которую она проводила под руководством харизматичного лидера, становилась вопросом политической дисциплины уже в рамках советской сферы влияния.

Такая расстановка сил, установившая по взаимной договоренности Москвы и Лондона, не оставляла пространства для внешнеполитической самостоятельности малых стран региона, что вело к угасанию «балканской полифонии», а начавшаяся совсем скоро «холодная война» окончательно ее ликвидировала, создавав условия для гомогенизации социально-экономической и политической жизни местных стран по «западным» или «восточным» лекалам.

Примечания

- ¹ *Fox W.T.R.* The Super-Powers: The United States, Britain, and the Soviet Union — Their Responsibility for Peace. New York, 1944.
- ² *Spykman N.* The Geography of the Peace. New York, 1944. P. 5.
- ³ См. подборку британских документов по вопросу создания греко-югославской федерации: Велика Британија и Македонија: Грчко-југословенска федерација (1941–1942): документи. Скопје, 2013.
- ⁴ *Романенко С.А.* Восстановление Югославии и планы переустройства Юго-Восточной Европы // Великая победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М., 2015. Т. 13: Военная дипломатия. С. 64.
- ⁵ Велика Британија и Македонија. С. 60–62.
- ⁶ *Barker E.* British Policy in South-Eastern Europe in the Second World War. New York, 1976. P. 132–133.
- ⁷ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2. Ч. 2. М., 2009. С. 240.
- ⁸ Soviet Union Political Reports 1917–1970. Vol. V: 1934–1945. Slough: Archive Editions, 2004. P. 682.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Soviet Union Political Reports. P. 683.
- ¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 126.
- ¹² Там же. С. 101, 129.
- ¹³ *Barker E.* Op. cit. P. 121.
- ¹⁴ Yugoslavia. Political Diaries, 1918–65 / Ed. by L.R. Jarman. Vol. 3 (1938–1948). Slough: Archive Edition, 1997. P. 555.
- ¹⁵ Ibid. P. 443, 449.
- ¹⁶ Ibid. P. 447.
- ¹⁷ The National Archives (далее — TNA), Kew, UK. CAB 81/115. P. 1.
- ¹⁸ См. воспоминания Ф. Дикина: Deakin F.W.D. The Embattled Mountain. London, 1971.

- 19 См. воспоминания Ф. Маклина: Maclean F. *Eastern Approaches*. London, 1949.
- 20 Цит. по: *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальные исследования. Т. 2. М., 2015. С. 13.
- 21 *Barker E.* Op. cit. P. 163–168.
- 22 *Pavlowitch S.K.* *Hitler's New Disorder: the Second World War in Yugoslavia*. New York, 2008. P. 191.
- 23 Ibidem.
- 24 TNA. CAB 81/115. P. 4–5.
- 25 *Петрунина О.Е.* *Греческое государство и XVIII–XX вв.: очерки политического развития*. М., 2010. С. 547.
- 26 Там же. С. 548.
- 27 *Волокитина Т.В., Ревякина Л.В.* Антигитлеровская коалиция и страны-сателлиты Германии: подготовка и заключение соглашений о перемирии // *Великая победа: В 15 т. / Отв. ред. С.Е. Нарышкин, А.В. Торкунов*. Т. 13: *Военная дипломатия*. М., 2015. С. 121.
- 28 См. подробнее: *Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В.Т. Юнгблюд*. Киров, 2014. С. 135–136.
- 29 *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1944*. Vol. IV. Doc. 155.
- 30 TNA. CAB 66/50/235.
- 31 *Resis A.* The Churchill-Stalin Secret “Percentages” Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944 // *The American Historical Review*. 1978. Vol. 83. N 2. P. 368–387; *Siracusa J.M.* The Night Stalin and Churchill Divided Europe: The View from Washington // *The Review of Politics*. Vol. 43. No. 3 (Jul., 1981). P. 381–409.
- 32 *Soviet Union Political Reports*. P. 762.
- 33 TNA. CAB 66/66/85.
- 34 TNA. CAB 66/63/57.
- 35 Ibidem.
- 36 TNA. CAB 66/50/235.
- 37 TNA. CAB 82/131. *Russian Intentions in S.E. Europe, 19 December 1945*.
- 38 *Yugoslav Political Diaries*. P. 561.
- 39 TNA. CAB 66/65/229.

Экономическое развитие Болгарии в 60-е годы XX в. глазами советских дипломатов (по документам Архива внешней политики Российской Федерации)*

Развернувшаяся в 1990-е годы в России «архивная революция» положила начало процессу формирования качественно новой источниковой базы исторических исследований, в основу которой легли рассекреченные документы, в том числе и имевшие гриф «особая папка». В советском партийно-государственном делопроизводстве это означало высшую степень секретности. Открыв перед исследователями новые возможности работы с документами, «архивная революция» в 2000-е годы, к сожалению, пошла на убыль, что ученые быстро почувствовали, столкнувшись с ограничением доступа к документам и фактическим (негласным) вторичным засекречиванием отдельных фондов и архивных коллекций. В наши дни медленный и развивающийся с откатами процесс рассекречивания архивных материалов негативно отражается на формировании стойкого исследовательского интереса к ранее слабо изученным периодам советской истории, в частности, к проблематике 1960–1970-х годов, и особенно ее международного аспекта. Однако, безусловно, есть и некоторые позитивные подвижки, позволяющие говорить об определенной перспективе научных изысканий. Прежде всего, назову фундаментальную публикацию материалов Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг., вышедшую в 2003–2008 гг. в серии «Архивы Кремля»¹.

* Очерк написан при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

В научный оборот введены документы, раскрывающие повседневную работу высшего советского партийно-государственного органа в так называемое хрущёвское десятилетие. В рамках общих проблем «социалистического лагеря» рассматриваются и двусторонние советско-болгарские отношения, но они занимают относительно скромное место, прежде всего в силу того, что Болгария считалась надежной составляющей «социалистического лагеря» и положение в стране не вызывало в Москве беспокойства. Этим объясняется и еще одна особенность публикуемых документов — акцент на экономическое сотрудничество Болгарии с СССР и другими социалистическими странами, в том числе и в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Обстоятельно этот сюжет проанализировал российский историк А.С. Стыкалин².

В настоящем очерке предпринята попытка посмотреть на экономическое развитие Болгарии в 1960-е годы глазами советских дипломатов, работавших в посольстве СССР в Софии. Их оценки и выводы отложились в документах Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Архив этот является ведомственным: его «хозяин» — министерство иностранных дел, что обуславливает определенные особенности работы исследователей. Незнание этих особенностей подчас рождает необоснованные претензии иностранных коллег к нам, российским ученым. Так, в одной из бесед с составителями двухтомника «Восточная Европа в документах российских архивов» (М., 1997, 1998) чешский (а ныне немецко-чешский) историк Михал Рейман упрекнул коллег, что они не указали хотя бы приблизительное процентное соотношение опубликованных ими документов, в том числе и из АВП РФ, с теми, которые еще находятся в хранилищах и не дошли до пользователей. Упрек довольно странный, вызывающий встречный вопрос, насколько вообще выполнимо подобное пожелание. Особенно актуально он звучит в случае с АВП РФ: в этом архиве исследователь не имеет возможности знакомиться с описями фондов. Материалы по заявленной им теме подбирает по своему усмотрению хранитель фонда. Поэтому представить себе, хотя бы приблизительно, количество дел по исследуемой проблеме в конкретном фонде или их примерное содержание

исследователь не может. Тем не менее, по собственному опыту могу утверждать, что фондохранители со вниманием и пониманием относятся к исследователям, и сотрудничество сторон, безусловно, приносит свои плоды.

В АВП РФ основная масса рассекреченных документов по советско-болгарским отношениям сосредоточена в фондах «Референтура по Болгарии» (Ф. 74; 074). Формировался он по проблемно-хронологическому принципу: Болгария в системе международных отношений, внешняя политика (в том числе отношения с СССР и другими странами «социалистического лагеря»), внутренняя политика, экономика, положение национальных меньшинств, культурная жизнь, политические партии (БКП, БЗНС) и общественные организации, обзоры периодических изданий и пр.

Основной корпус документов фонда составляют материалы, поступавшие в МИД СССР из советского посольства в Софии. Их диапазон широк: дневники послов и ответственных сотрудников посольства, политические письма руководству МИД СССР, переписка с отделами министерства, курировавшими в разные годы Болгарию, годовые и полугодовые отчеты посольств и консульств, записи бесед советских дипломатов с руководящими политическими и общественными деятелями страны, аналитические материалы, информационные справки и обзоры по широкому кругу вопросов, включая обстановку в стране и настроения населения, телефонограммы, сообщения, запросы в «центр» по конкретным вопросам и т.д.

Материалы фонда отражают постоянный интерес советского руководства к настроениям в болгарском обществе. Особенно обострялся этот интерес в связи со знаковыми событиями международного характера или важными вехами в политической жизни обеих стран (пленумами и съездами руководящих партий, принятием важных постановлений политического и экономического характера, перестановками в руководстве и пр.) и непременно — после визитов партийно-правительственных делегаций в Москву или Софию. Обычной практикой являлись поездки советских дипломатов по стране, встречи с местными руководителями, активом, рядовыми гражданами. При этом фиксировались настроения местных «верхов» и населения, их реакция на те или иные

мероприятия власти, оценки международных событий, ходившие по стране слухи, анекдоты и пр. Наблюдения обобщались и передавались в V Европейский отдел (V EO) МИД, курировавший в 60-е годы Болгарию. Этот материал весьма информативен и помогает воссоздать объективную картину состояния болгарского общества, его критический потенциал, прежде всего, в силу того, что с советскими дипломатами болгары бывали достаточно откровенными и не видели необходимости камуфлировать свои настроения. Советское руководство, оценивавшее ситуацию в масштабах всего «социалистического лагеря» и еще хорошо помнившее драматические события 1956 г. в Польше и Венгрии, тем не менее, специально не нацеливало аппарат посольства в Софии на поиски истоков антисоветских настроений. Но и не выпускало этот вопрос из поля зрения: соответствующие проявления тщательно фиксировались, их причины анализировались. Так, например, во время визита в Болгарию советской делегации, прибывшей в сентябре 1964 г. на празднование 20-летия «социалистической революции», советский лидер Л.И. Брежнев настойчиво интересовался у «хозяев» отношением населения к постановке болгарской стороной вопроса о всестороннем сближении Болгарии и Советского Союза с перспективой их объединения и, в частности, не вызовет ли это всплеска антисоветских настроений³.

Большое и постоянное внимание, как следует из документов, советские представители в стране уделяли вопросам экономики. Здесь следует сказать, что готовившиеся ими материалы были предназначены «для внутреннего пользования», и для них характерна, при несомненно дружеском и теплом отношении к болгарской стороне, значительная критическая составляющая.

В истории Болгарии 1960-е годы связаны с утверждением общественно-политической модели, получившей впоследствии название «живковизм». Отсчет истории режима личной власти болгарского лидера ведется с 1962 г., когда в его руках сосредоточилась не только партийная, но и высшая государственная власть: будучи Первым секретарем ЦК БКП, он возглавил правительственный кабинет. Победив во внутривластной борьбе, Тодор Живков блокировал возможные попытки со стороны по-

литических конкурентов вытеснить его с партийно-государственного Олимпа. Отныне вызовы власти будут поступать с другой стороны: «ахиллесовой пятой» режима вплоть до его краха в конце 1980-х годов будут проблемы экономики, требовавшие постоянного внимания и поиска адекватных путей решения.

Но начинал Живков не с чистого листа. Еще с конца 1950-х годов он активно участвовал в разработке экономической стратегии. Своего рода знаковым стал для него 1958 год. В июне на VII съезде БКП был провозглашен тезис о «полной победе социалистических производственных отношений» в стране⁴; в октябре на пленуме ЦК партии было объявлено об ускорении темпов экономического развития, а месяцем позже, в ноябре, очередной пленум ЦК принял решение не просто о сокращении сроков третьей пятилетки, рассчитанной на 1958–1962 гг., а о «скачке в развитии... страны», который, по словам Живкова, позволит шагнуть «на 10 лет вперед»⁵. Вне всяких сомнений, непосредственным ориентиром для болгарского руководства стала модель большого китайского «скачка».

С китайским опытом ускоренного развития болгары познакомились в сентябре-октябре 1957 г., когда правительственная делегация во главе с Вылко Червенковым посетила Китай, Корею, Вьетнам и Монголию. Серия статей Червенкова в партийной печати с пропагандой «китайской модели» наделала много шума. Живков, обеспокоенный в связи с этим ростом популярности Червенкова, решил перевести стрелку на себя: объявить о болгарском «скачке». Таким нехитрым «маневром» Живков, по словам заведующего его канцелярией Нико Яхиеля, «выбил почву» из под ног Червенкова⁶ и сосредоточил внимание общества на собственной персоне.

Однако было бы неверно считать, что Живков руководствовался только карьерными соображениями. Думается, что он действительно поверил в реальность китайского феномена и возможность достижения чего-то подобного в Болгарии. Не случайно болгарская исследовательница проф. Искра Баева отметила присущую Живкову веру в экономические «чудеса»⁷, которая впоследствии не раз играла с ним злую шутку, делала заложником идей, обещавших быстрый экономический рост⁸. Это первое

самостоятельное вмешательство болгарского лидера в национальную экономическую стратегию отразило очевидное намерение Живкова заявить о себе как о национальном лидере-новаторе, причем международного масштаба: объявляя о новом курсе, он представил себя его творцом, не упомянув об экономических реформах ни в Китае, ни в СССР.

Однако внимательных наблюдателей это не могло обмануть. В одной из аналитических справок ЦРУ от 11 августа 1959 г., посвященной политической стабильности советских сателлитов в Европе, справедливо отмечалось: «Болгарский “скачок вперед” включает формулировки астрономических показателей в экономике, административно-экономическую организацию (речь шла о новом административном делении страны, закрепившем территориально-отраслевое управление по примеру советских экономических районов. — *Т. В.*), заимствование характерных черт совнархоза и китайской коммуны и вообще отражает идеологическую непримиримость, не встречающуюся ни в одной другой стране-сателлите. Всё еще испытывая влияние главным образом советской модели, болгарские лидеры в той или иной степени воодушевлены драконовскими мерами и амбициозными программами китайских коммунистов... Как правило, чрезмерно усердные (в копировании чужого опыта), они находятся под воздействием своего желания продемонстрировать преимущество перед другими сателлитами в построении социализма»⁹. Показательное совпадение оценок: комментируя болгарский «большой скачок», Н.С. Хрущёв с иронией констатировал, что «болгары захотели всех переплюнуть»¹⁰.

Действительно, прозвучавшие в докладе Живкова на ноябрьском пленуме 1958 г. цифры обрисовывали заманчивые перспективы. Однако они были абсолютно нереалистичными. Так, уже в директивах пятилетнего плана предусматривалось увеличение объема сельскохозяйственной продукции на 35%, что предполагало небывалые темпы среднегодового роста, а в связи с объявленным на пленуме ускорением этот показатель должен был достичь 74%. Это означало, что уже в 1960 г. объем сельскохозяйственного производства предстояло увеличить в три раза, по сравнению с 1958 г. Интересно, как предполагалось решать

поставленную задачу. Общие заявления о более полном использовании внутренних резервов и производственных мощностей, развитии собственной сырьевой базы и пр. не могли обмануть аналитиков: болгарское руководство с самого начала рассчитывало на советскую помощь. Да Живков этого и не скрывал. «В этой великой битве мы, наша страна, не одиноки, — заявил он. — У нас есть верный брат, товарищ и защитник — могучий Советский Союз. С его помощью мы сможем взять любую крепость»¹¹. Позднее, выступая на XXI съезде КПСС (январь-февраль 1959 г.), Живков вполне объективно констатировал, что «во все поры нашего народного хозяйства и культуры проникают живительные соки братской советской помощи»¹².

Неподдельный энтузиазм Живкова, выделявший его на фоне других восточноевропейских лидеров, также проводивших в своих странах курс на ускорение экономического развития, отмечен в болгарской историографии. Ему удалось, например, настолько увлечь намеченными планами руководителя КПЧ, президента Чехословакии Антонина Новотного, посетившего Болгарию в октябре 1958 г., что тот в кулуарах XXI съезда КПСС «со страстью» доказывал сомневавшемуся польскому лидеру Владиславу Гомулке реальность высоких темпов развития болгарской экономики¹³.

Однако только цифрами дело не ограничивалось. Живков, как оказалось, претендовал на вклад в теорию, заявив о скачкообразном развитии как «закономерности» продвижения по пути к коммунизму. Однако вскоре стало ясно, что при этом тщательному экономическому расчету болгарское руководство предпочло ставку на энтузиазм населения, его идеологическую обработку как главную мотивацию производительного труда, поиск «скрытых резервов» ускорения путем перевыполнения планов и сокращения сроков выполнения пятилетки (в сельском хозяйстве — за три года, в промышленности — за четыре, а где нет возможности — за четыре года и три месяца). Причем, по советскому примеру вскоре было заявлено о введении болгарского «ускорения» в рамки семилетки 1959–1965 гг.

Положение в народном хозяйстве внимательно отслеживалось сотрудниками советского посольства в Софии. Уже итоги

1959 г., как с тревогой отмечали дипломаты, свидетельствовали, что намеченная программа в целом оказалась нереальной, а по части сельского хозяйства — «явно надуманной». В направлявшихся в Москву аналитических материалах прямо констатировались провал «скачка» и его главная причина — «слабость в планировании». Не удалось решить основные проблемы сельского хозяйства — зерновую и животноводческую. Во второй половине 1960 г. темпы развития экономики пришлось снизить. Из посольства сообщили: лозунг «скачка» стал мало-помалу замалчиваться, а затем незаметно сошел на нет, сменившись нейтральной установкой на «ускоренное экономическое развитие страны»¹⁴.

Предпринятая зимой 1961 г. попытка несколько выправить ситуацию путем повышения закупочных цен на некоторую сельскохозяйственную продукцию повлекла за собой повышение розничных цен на отдельные виды мяса и мясных продуктов, крепкие алкогольные напитки и некоторые импортные товары. Рост цен, по сведениям, сообщенным из советского посольства в Москву, был в некоторых случаях весьма существенным. Так, например, цена 1 кг баранины увеличилась с 3 до 5 левов, мясных продуктов — с 2 до 14 левов, спиртных напитков — с 3 до 5 левов. Цена за 1 кг традиционной в болгарской национальной кухне сыровяленой колбасы «луканка» взлетела с 24–28 до 34–42 левов¹⁵. В результате в связи с нехваткой мяса, молока и других продуктов отмечалось сильное недовольство населения, резонно задававшегося вопросами о причинах дороговизны: «Почему допущен рост цен, если пятилетку выполнили досрочно», «Нам говорят об успехах социалистического строительства, а цены почему-то растут» и пр.¹⁶. Кстати недоумевали по этому поводу и иностранные дипломаты, работавшие в Софии, в частности, поляки и венгры¹⁷. Сотрудники посольства критически отмечали крайне слабую подготовку повышения цен («никакой разъяснительной работы»). По всей видимости, не удовлетворило и объяснение, полученное от зав. отделом партийных органов ЦК БКП Нади Живковой: «Решили, что в этом нет необходимости, так как повышение цен небольшое (?!), затрагивает ограниченный ассортимент товаров». Живкова привела цифру: от повышения цен предполагалось получить около 250 млн левов, или пример-

но по 30 левов с одного жителя. В итоге новые цены были установлены 1 марта 1961 г., а совещание в ЦК партии с участием руководителей округов «для информации» было созвано 3 марта, вдогонку за введением непопулярной меры¹⁸. Так что ни о какой предварительной разъяснительной работе не могло быть и речи. Резко критикуя такое упущение, советские наблюдатели не соглашались и с самим замыслом повышения цен: «увеличивать цены, особенно на мясо, не следовало». При годовом бюджете страны, равном 33 млрд левов, сумму в 250 млн можно было изыскать из других источников¹⁹.

Однако болгарское руководство необходимых уроков из тревожной ситуации, судя по всему, не извлекло. Свидетельство тому — очередное искушение новым «скачком». На сей раз — под влиянием принятой на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) новой партийной программы с задачей построения в Советском Союзе к 1980 г. коммунистического общества. Закрепив в своих установках перспективу интеграции и укрепления мировой социалистической системы в политической, экономической и культурной сферах, программа подчеркивала, что главным итогом такого курса станет всё большее сближение социалистических наций. Союзникам по восточному блоку было предложено следовать советскому примеру²⁰. Предпосылкой для одновременного перехода «братских стран» к коммунизму объявлялось выравнивание их экономического и культурного уровня. О такой необходимости было заявлено еще на предыдущем, XXI съезде КПСС²¹.

Болгарские «верхи», позиция которых сводилась к следованию блоковой дисциплине, поспешили на ноябрьском пленуме ЦК БКП 1961 г. заявить, что программа КПСС является также и программой БКП, «руководством к действию»²². После таких заявлений очередной «скачок», теперь уже почти прямо в коммунизм, был фактически неизбежен. Плановым органам было получено разработать проект рассчитанной на 20 лет перспективной программы экономического развития страны до 1980 г.

Одновременно разрабатывался также план четвертой пятилетки на 1961–1965 гг. К маю 1962 г. Государственная плановая комиссия подготовила уже пятый вариант директив, но план так и не был утвержден (в советском посольстве считали, что

«в нем не сходились концы с концами»: не были предусмотрены резервы для полного обеспечения населения продовольствием и промтоварами, а промышленности сырьем — металлом, хлопком, химикатами и пр. Ежегодная нехватка металла, например, определялась в 100 тыс. тонн²³). Сказывались серьезные, на уровне кризиса, экономические трудности в стране, которые на майском пленуме ЦК БКП 1962 г. Живков объяснил ошибками неправильной хозяйственной политики, допущенными до 1956 г., то есть при В. Червенкове (!). Соблазн списать провал «большого скачка» на прежнее руководство явился «эхом» новой волны десталинизации в Советском Союзе в 1961 г., одним из проявлений которой стало падение Г.М. Маленкова и критика его «нового курса», направленного на приоритетное развитие легкой промышленности и сельского хозяйства. (Червенков, как известно, этот курс воспринимал с готовностью и, как отмечается в историографии, реализуя его в собственной стране, намеревался стать «болгарским Маленковым»²⁴.)

На фоне очевидных издержек проводимого амбициозного курса было принято решение о начале эксперимента по введению «новой системы руководства и планирования народного хозяйства». Очевидным импульсом стал и на сей раз советский пример: после появления в сентябре 1962 г. в «Правде» статьи харьковского профессора Е.Г. Либермана «План. Прибыль. Премия», в которой предлагалось пересмотреть механизм хозрасчета, оставляя предприятию прибыль, в СССР развернулась экономическая дискуссия²⁵. Стимулом для нее явились поиски выхода из тяжелой экономической ситуации в стране, возникшей в результате череды проводившихся с конца 1950-х годов хрущёвских «реформ» и сопровождавшейся расстройством управления народным хозяйством и снижением темпов экономического роста²⁶.

В странах «социалистического лагеря», также взявших курс на реформирование, внимательно следили за ходом экономической дискуссии в СССР и начатых экспериментов в народном хозяйстве (на швейных фабриках в Москве и Горьком и на шахтах Западного угольного бассейна на Украине).

В Болгарии основной тон в экономическом эксперименте задавал сам Живков. К этому его подталкивал не только советский,

но и чехословацкий опыт, в частности, разработки чехословацкого экономиста Оты Шика, к которым болгарский руководитель проявлял немалый интерес. Политический советник Живкова Костадин Чакрыров вспоминал позднее, что от своего шефа он не раз слышал высокие оценки экономической программы и экспериментов в управлении народным хозяйством в Чехословакии, подготовленных Шиком. Единственным, что вызывало несогласие Живкова, был «преждевременный отказ от руководящей роли партии», о котором заявляли чехословацкие реформаторы²⁷.

С весны 1963 г. содержание национальной хозяйственной реформы неоднократно обсуждалось на заседаниях ЦК БКП²⁸. Реформа задумывалась и как тактика, и как стратегия. Постепенно определялись приоритетные «узлы» нового экономического механизма: ограничение административных методов руководства народным хозяйством, укрепление экономических рычагов, создание государственных хозяйственных объединений, обеспечение их финансовой независимости, сокращение числа спущенных из центра плановых показателей и пр.

Вскоре дело перешло в практическую плоскость: при Совете министров НРБ была создана специальная комиссия по внедрению новой системы, болгарские специалисты постоянно выезжали в Великобританию, Францию, Бельгию, ФРГ для изучения организации и функционирования трестов²⁹. Несмотря на возникшее в руководящих структурах противостояние «рыночников» и «централистов», к началу 1967 г. при поддержке Живкова новая система охватывала уже $\frac{2}{3}$ промышленных предприятий страны.

В советском посольстве в Софии в это время основное внимание направлено на анализ экономических планов. Внимательно изучается положение в народном хозяйстве, выполнение принятых ранее экономических решений, настроения населения. В справке за подписью посла Г.А. Денисова об экономике в годы четвертой пятилетки (1961–1965 гг.) четко констатируется, что болгарская сторона рассчитывает на долгосрочные кредиты СССР и других соцстран, которые уже обеспечены заключенными соглашениями на сумму 470 млн валютных левов. («Не исключено, что Болгария попросит новые кредиты и отсрочку

в погашении уже предоставленных».) Авторы справки предлагали рекомендовать болгарскому руководству еще раз просмотреть список объектов капитального строительства, сосредоточившись на пусковых объектах, сократить объем капитальных затрат, сделать в машиностроении упор на внутренних потребностях страны, производя неметаллоемкое оборудование, отказаться от нерентабельного экспорта (в частности, тракторов) и пр.³⁰. Часть экономических выкладок, приведенных в справке посла, будет включена и в материалы с анализом проекта вышеназванной программы на 1961–1980 гг. После тщательного изучения этого документа в Москву на имя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко было направлено подробное заключение с серьезной критикой³¹.

В заключении, помимо прочего, были поставлены и такие принципиальные вопросы, как нецелесообразность развития в Болгарии машиностроения «такими темпами и в таком объеме и номенклатуре, как в проекте», необходимость корректировки роста объемов отдельных видов производства в соответствии с потребностями страны, выбор «экономически правильного направления» в развитии народного хозяйства и установление «правильных пропорций», и др. Подчеркивались сложности обеспечения болгарской промышленности сырьем, трудности сбыта готовой продукции из-за ее низкого качества и неконкурентоспособности, отсутствие необходимого опыта и собственных квалифицированных кадров. Советские специалисты, анализируя состояние и долгосрочные перспективы советско-болгарского экономического сотрудничества, заостряли в то время внимание на необходимости координации промышленного производства в рамках СЭВ, ставили вопрос о назревшем переходе к сотрудничеству с социалистическими странами «на взаимной основе», то есть с предоставлением ими Советскому Союзу товарных и иных кредитов. Среди претензий к болгарской стороне указывалось на ее «слабое реагирование» на рекомендации по части промышленной специализации, желание производить максимально широкий ассортимент продукции, низкое качество товаров и сельскохозяйственной продукции, поставляемой в соцстраны, в том числе в СССР (по признанию самих болгар, многие по-

лагали, что Советскому Союзу — «большому дружественному государству» — можно поставлять товары и сельхозпродукты в большом количестве и любого качества, что емкий советский рынок всё «перемелет»), систематическое сокращение посевных площадей под пшеницу в расчете на решение зерновой проблемы за счет СССР и пр.³².

Проект программы после доработки был в июле 1962 г. рассмотрен болгарскими и советскими экспертами. Итоги его обсуждения с советской стороной отражены в записи беседы советника по экономическим вопросам посольства СССР А.Г. Гусева с руководителем болгарской экспертной группы, заместителем председателя Совета министров Ст. Тодоровым 8 сентября 1962 г.

Тодоров констатировал, что консультации прошли успешно, все основные вопросы были согласованы. Советская сторона дала принципиальный «совет» усилить развитие группы «Б» (производство средств потребления) и сельского хозяйства, т.е. фактически не рубить с плеча, не отбрасывать прежние установки «нового курса» (хотя прямо о нем не говорилось). Были определены профилирующие отрасли производства для Болгарии в рамках международного социалистического разделения труда: пищевая промышленность; цветная металлургия; некоторые отрасли машиностроения (электротехническая и радиоэлектронная, приборостроение; производство некоторых видов тракторов и сельскохозяйственных машин; оборудование для пищевой промышленности); производство фруктов, овощей; виноградарство. Было признано нецелесообразным производство в Болгарии маневровых тепловозов, бульдозеров, экскаваторов, скреперов, гидравлических турбин, оборудования для нефтеперерабатывающей и цементной промышленности, часов и фотоаппаратов (последние из-за невысокого качества).

Перспективы развития металлургии были сформулированы очень аккуратно и ограничены некоторым расширением завода имени Ленина в г. Пернике и строительством 1-й очереди Кремиковского комбината. Вопрос о мощности 2-й очереди был отложен до представления технико-экономического доклада с необходимыми обоснованиями. Согласованы были и поставки некоторых видов сырья из СССР для нужд цветной металлургии

в 1970 и 1980 гг.: соответственно (в тыс. тонн) алюминия — 25 и 50–70; никеля — 0,95 и 1,3. В поставках олова было отказано, поскольку Советский Союз сам импортировал это сырье. Кроме того, советские эксперты поставили вопрос о встречных поставках из Болгарии в СССР меди³³.

Следующим этапом явились рассмотрение проекта в августе 1962 г. в Государственном научно-экономическом совете при Совете министров СССР (председатель Совета А.Ф. Засядько дал ему высокую оценку) и консультации с плановыми органами других социалистических стран. (Материалами об этих консультациях автор не располагает.) Окончательный вариант получил одобрение Политбюро ЦК БКП, а затем и VIII съезда БКП (ноябрь 1962 г.)³⁴.

Такой многоступенчатый путь подготовки перспективной программы развития, по всей вероятности, во многом объяснялся особенностями планирования болгарской экономики. Из документов АВП РФ видно, что советские наблюдатели, хорошо знакомые с состоянием народного хозяйства, время от времени пытались «придерживать» болгар. Как отмечал в обзоре экономического положения Болгарии за 1962 год А.Г. Гусев, болгарская сторона часто намечает «непосильный объем строительства, рассчитывая, как правило, на помощь Советского Союза», и на предварительной стадии рассмотрения просьб «мы всегда... стремимся сдерживать друзей... Однако болгарские товарищи нередко решение этих вопросов переносят в вышестоящие советские организации»³⁵.

Показательно, что чрезмерную увлеченность болгар «головкружительными и фантастическими задачами», «самодовольство и неудержимое стремление вперед» при игнорировании неизбежных трудностей и недостатков констатировали и сторонние наблюдатели. В частности, на это неоднократно обращал внимание советского посла Г.А. Денисова зимой 1962 г. посол Чехословакии в Софии И. Веселы³⁶.

Ориентированная на «завершение строительства социализма и начало постепенного перехода к коммунизму» программа определяла генеральный курс на осуществление масштабной индустриализации в целях преодоления полуремесленного ха-

рактера перерабатывающей промышленности и создания крупных производственных мощностей. Рисуя в воображении новый промышленный пейзаж страны, Живков мечтал, что в ней «не останется ни одного населенного пункта, где бы не было фабричной трубы»³⁷. Главным итогом должно было стать формирование в Болгарии к 1980 г., в соответствии с партийно-пропагандистским лексиконом того времени, «общества благоденствия», «общества изобилия» или «коммунистического общества».

Несмотря на корректировку первоначальных показателей, закрепленные в программе цифры отразили амбициозность поставленных болгарами задач. Предусматривался рост промышленной продукции в 6,5–7 раз, сельскохозяйственной — в 2,5 раза, машиностроения — в 16–17 раз, химической — в 25 раз. Национальный доход должен был увеличиться в 4,5–5 раз³⁸. Вопрос заключался в том, как реализовать задуманное.

Критические наблюдения советских экономистов, работавших в Софии, к сожалению, быстро подтвердились: реальность шла вразрез с оптимистическими выкладками партийного съезда. К тому же, хотя, как говорилось выше, риторикой «большого скачка» предпочитали уже не пользоваться, следовало всё же предъявить обществу его итоги, конечно, без былой помпы. Благодаря «манипуляциям с показателями», он был признан состоявшимся³⁹. А экономическая ситуация была далека от обещанного благополучия: население испытывало нехватку традиционных в рационе болгарина продуктов — мяса, масла, молока, яиц, брынзы, капусты, картофеля, перца. Была введена нормированная продажа картофеля, яиц, масла (на периферии это было сделано раньше, чем в столице). Из свободной продажи исчезли рис и фасоль (их продавали по спискам). Ввозили из СССР (!) и также продавали по спискам лук. Реальная заработная плата рабочих и служащих снизилась, ее и пенсий номинальное повышение (примерно на 2,2%) не компенсировало значительный рост цен на продукты (в среднем на 24 % на мясо, на 25,4% на мясные изделия, на 27% на птицу, на масло и молочные продукты на 32%, на яйца на 11,5%)⁴⁰. Как говорится, не от хорошей жизни в феврале 1963 г. в стране был введен режим строжайшей экономии и борьбы с разбазариванием средств во всех звеньях

государственного и партийного аппарата, решено было сократить объем капитальных затрат, в частности в тяжелой промышленности, повысить цены на большую группу продовольственных и промышленных товаров и некоторые виды тарифов и услуг. Понятно, что непопулярные меры вызывали закономерное недовольство населения и массу вопросов. Констатируя этот факт, из советского посольства сообщили, что первый заместитель председателя Совета министров Живко Живков охарактеризовал эти действия властей как «маленький шаг назад», который пришлось сделать⁴¹.

Этот шаг, думается, был не таким уж маленьким, но, главное, оказался не единственным. В Москву поступила информация о результатах новой экспертизы болгарских экономистов, проведенной в том же 1963 г., согласно которой при ограниченных природных ресурсах и быстро растущей валютной задолженности Болгарии Западу (с 20,8 млн долларов в начале 1958 г. до 120 млн в январе 1960 г.) выдержать предложенные темпы будет невозможно⁴². Предстояло искать выход, подключать разные средства и методы.

В условиях государственного социализма большое значение получал «коммунистический» подход: дисциплина, точное выполнение распоряжений «сверху», трудовой энтузиазм во имя будущего, даже в ущерб сегодняшнему бытию труженика, использование преимущественно моральных стимулов труда и пр. Всячески приветствовалась и популяризировалась аскетичная социалистическая трудовая этика: примером стала передовая советская прядильщица Валентина Гаганова, перешедшая в отстающую бригаду и, естественно, потерявшая в заработке, но пожелавшая своим почином приблизить коммунистическое будущее⁴³. Однако действия властей в этом направлении не могли дать нужного, а главное долгосрочного, эффекта. Следовало включать на полную мощность экономические рычаги. Одним из важнейших являлся СЭВ.

Ситуация в Совете складывалась непростая. Его работа не удовлетворяла советское руководство, по инициативе которого были предприняты серьезные изменения, направленные на экономическую интеграцию социалистических стран. В июне

1962 г. была разработана Долгосрочная программа расширения и укрепления экономического и научно-технического сотрудничества стран-членов СЭВ с перспективой создания единого коммунистического хозяйства. Спустя год, в июле 1963 г., было решено создать Международный банк экономического сотрудничества, введя для международных расчетов так называемый переводной рубль⁴⁴. Одновременно, форсируя экономическую интеграцию, советская сторона настаивала на создании в рамках СЭВ единого планового органа, что вызвало негативную реакцию румын. В начале 1963 г. впервые выразили недовольство направлениями специализации и кооперирования производства в рамках СЭВ и болгары. На заседании Политбюро ЦК БКП 3 января 1963 г. констатировалось, что решения СЭВ, предложенные Болгарии, «не обеспечивают достаточных условий для ускоренного развития машиностроения в НРБ на 1961–1980 гг.»⁴⁵. С большим недовольством было встречено и решение СЭВ производить торговые операции по ценам, сообразованным с мировыми: под удар попала экспортируемая сельскохозяйственная продукция. Поворотным моментом, отразившим кризисное состояние реализуемой в рамках СЭВ стратегии интеграции, явилась майская сессия Совета 1963 г., на которой впервые румынские представители резко заявили о несогласии с советской позицией. Болгарским представителям к тому времени удалось добиться некоторых послаблений со стороны участников СЭВ в вопросе специализации Болгарии в сфере машиностроения. Разосланный всем странам-участницам специальный документ «О развитии машиностроения НРБ» с требованием предоставить Болгарии право специализироваться в конкретных отраслях производства был рассмотрен на майской сессии СЭВ в Варшаве и утвержден⁴⁶. За Болгарией был закреплен достаточно широкий отраслевой диапазон производства: электротехническая промышленность; подъемно-транспортное оборудование (особую популярность приобрели болгарские электрокары и электротельферы); радиоэлектронная промышленность; сельхозтехника; автомобильные узлы и детали; текстильное оборудование; технологические линии и оборудование для пищевкусовой промышленности и холодильной техники; кораблестроение; гидравлические приборы.

Предполагалось, что путем развития машиностроения удастся решить и острую проблему ликвидации безработицы в стране и обеспечить занятость молодежи.

Однако, как оказалось, это не сняло трудности в реализации намеченного болгарским руководством курса на превращение машиностроения в структурообразующую отрасль болгарской экономики с акцентом на высокий уровень автоматизации, специализации, типизации и серийности производства во всех сферах народного хозяйства. Интересы Болгарии сталкивались с интересами высокоразвитых Чехословакии и ГДР, не стремившихся во имя «социалистического интернационализма» идти навстречу претензиям болгар на закрепление своей «ниши» в машиностроении, включая и наиболее болезненную проблему реализации готовой продукции. Забегая вперед, отмечу, что лишь некоторые из вышеперечисленных отраслей производства — электрокары, электронно-вычислительная техника, кораблестроение — стали позднее, в 1970–1980-е годы, основой для новой стратегии ускорения и модернизации, отвечавшей современному уровню развития науки и техники⁴⁷. Однако нельзя игнорировать вклад и других отраслей в ускоренную модернизацию Болгарии по советской модели, пришедшую на 1960–1970-е годы.

В июле 1963 г. болгарская сторона предприняла очередную попытку привлечь внимание партнеров по «социалистическому лагерю» к собственным экономическим проблемам, ратуя за «самое тесное сотрудничество» в рамках СЭВ. Но ни московская встреча на высшем уровне стран-членов СЭВ, ни заседание Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора успеха не принесли. Дальше заверений в «готовности содействовать» болгарам дело не пошло: преодоление отставания болгарской экономики на пути координации народнохозяйственных планов не вдохновляло партнеров, каждая страна-участница СЭВ пеклась, в первую очередь, о собственных интересах. Болгария в их глазах оставалась сельскохозяйственной страной, и именно с этой отраслью экономики члены СЭВ связывали свои представления о специализации балканской страны. Стало ясно, что болгарской стороне следовало искать нестандартное, альтернативное решение экономических проблем.

Следует отметить, что именно в сложившейся к середине 1963 г. обстановке в СЭВ берут свое начало истоки двух формирующихся различных стратегических линий поведения *балканских соседей* (здесь и далее курсив мой. — Т.В.) — Румынии и Болгарии. «Особая» позиция румынского руководства известна: недовольное отведенной стране ролью аграрно-сырьевого придатка более развитых социалистических стран, оно избрало путь экономической автаркии и обеспечения поступательного развития страны как собственными силами, так и с помощью новых партнеров за пределами «социалистического лагеря». Внешняя политика страны ориентируется на постепенное дистанцирование от Советского Союза. Корректирует свою позицию и болгарское руководство, причем, на мой взгляд, ее также уместно характеризовать как «особую»: взят курс на установление *особо* близких отношений с Советским Союзом и превращение Болгарии в *особого* партнера СССР. На спешно созванном пленуме ЦК БКП 31 июля 1963 г. Живков неожиданно для всех предложил поставить вопрос перед ЦК КПСС и советским правительством о «необходимости создания всё более тесной связи между советской и нашей экономикой и в перспективе — их слияния. А в дальнейшем и *политического* слияния»⁴⁸.

Но это предложение не было спонтанным. Будучи до пленума в Москве на вышеназванных заседаниях, Живков «со товарищи» (Б. Велчевым, Ст. Тодоровым) обсудили этот вопрос дважды — сначала на встрече Живкова с Хрущёвым, а затем всей делегации с членами Президиума ЦК КПСС. Хрущёв, похоже, сразу раскусил прагматический подход болгар, упрекнув их в шуточной форме, что они хотят «придти к нам», чтобы потреблять по 45 кг мяса, которые приходится в Советском Союзе на душу населения (в Болгарии тогда эта цифра равнялась 30 кг). Но в целом позиция советской стороны, по оценке Живкова, была вполне благосклонной⁴⁹. Как уточняют болгарские авторы Л. Стоянов и Ж. Лефтеров, встречное предложение Хрущёва заключалось в том, чтобы подработать вопрос и придать ему официальный характер⁵⁰.

Пожелание советского руководителя стало императивом. В декабре 1963 г. на пленуме ЦК БКП официально был постав-

лен вопрос о превращении Болгарии в «16-ую республику» Советского Союза, который сегодня в историографии остается дискуссионным⁵¹. В наши дни введение в научный оборот новых архивных документов, плюрализм интерпретаций исторических фактов соседствуют с откровенной политизацией и стремлением к сенсации⁵². Это, главным образом, и порождает многочисленные, разнообразные и часто разнонаправленные трактовки и мифы, связанные с идеей «сближения и объединения». Сохраняемые в фонде референтуры материалы АВП РФ подробно обрисовывают позицию сторон (особенно ее экономической аспект) и представлены в отечественной историографии⁵³.

Уход Хрущёва с политической сцены в октябре 1964 г. осложнил обстановку, однако, не означал заката указанной идеи. Главной целью болгарского руководства становится обеспечение преемственности прежнего стратегического курса, что на практике означало спешное налаживание доверительных отношений с новыми советскими руководителями и, прежде всего, с Л.И. Брежневым. Задача была непростой, поскольку преемники Хрущёва в Москве поначалу не спешили сокращать дистанцию между собой и болгарским «протеже» опального руководителя, присматривались к нему. Живков, в отличие от некоторых лидеров социалистических стран, не стал клеймить Хрущёва, видимо памятуя о своих недавних высоких оценках его как «делового и практичного»⁵⁴. Возможно, не забылись и неоднократные обращения Живкова к советскому лидеру по самым разным вопросам. Ведь еще в начале 1960-х годов лично Никита Сергеевич помог погасить большую задолженность Болгарии в торговле с капиталистическими странами, когда болгары, по словам Живкова в беседе с послом Г.А. Денисовым 2 декабря 1961 г., «несколько увлеклись... и залезли в долги»⁵⁵. Вместе с тем Живков, как указывалось в материалах советского посольства в Софии, постоянно подчеркивал преимущества нового, брежневского, стиля руководства: «деловитость и уверенность», «точность и взвешенность формулировок», «вдумчивость», «отсутствие излишне шумных, громких эпитетов и внешних эффектов, ...свойственных докладам и выступлениям Н.С. Хрущёва», стремление «на научной основе и без поспешностей» решать внутренние проблемы «ком-

мунистического строительства в СССР» и т.п.⁵⁶. Завидное умение Живкова тонко чувствовать ситуацию, определявшееся современниками как «особый, редкий нюх» болгарского руководителя⁵⁷, способствовало успеху. В целом можно сказать, что к концу 1965 г. ему удалось «разрулить» обстановку⁵⁸, завоевать доверие Брежнева, а впоследствии и создать с ним доверительные и дружеские отношения («в разговорах тов. Л.И. Брежнев всегда бывает сердечным, откровенным...»⁵⁹). Выступая на пленуме ЦК БКП 1 ноября 1965 г. по итогам визита болгарской партийно-правительственной делегации в Москву, Живков поделился радостной вестью: Брежнев не только поддерживает курс на сближение, но и считает его «генеральной линией сотрудничества» между двумя странами⁶⁰. С подъемом говорил Живков об этом и новому советскому послу Н.Н. Органову⁶¹.

Материалы этого и более позднего времени, отраженные в документах АВП РФ, прорисовывают дальнейшую судьбу идеи сближения. Она поддерживается обеими сторонами, хотя, судя по документам, более активны болгары, которые постоянно используют ее при решении многообразных экономических задач, требовавших помощи и содействия советской стороны. Вместе с тем, в дальнейшей проработке вопроса о конкретных формах и путях сближения экономик не было сделано никаких принципиально новых шагов. Болгары неоднократно заявляли о желательности расширения кооперации и специализации, советская сторона, в свою очередь, как указывалось в одной из справок V ЕО МИД СССР от 22 октября 1966 г., «с конкретными предложениями о путях дальнейшего сближения экономик практически не выступала». По разным поводам стороны не раз констатировали необходимость вводить «новые, более высокие формы» сотрудничества в виде «прямых связей» между местными партийными и государственными органами и общественными организациями при участии сотен тысяч граждан. Болгарская сторона при этом формулировала свою позицию острее, полагая, что пришло время для превращения национальных предприятий в «филиалы» советских.

Весной 1967 г. развернулась подготовка нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ

(подписан 12 мая). Уже на стадии согласования проекта выявилось намерение болгарской стороны максимально закрепить в документе идею «самого тесного сближения в политической, экономической и военной областях». Показательно, что болгарская сторона предлагала отказаться от формулировки о взаимовыгодной основе двустороннего сотрудничества, мотивировав этот шаг малой выгодой для Советского Союза от сотрудничества с Болгарией и невозможностью оказания СССР реальной помощи со стороны партнера. Кроме того, что было принципиально важным для болгар, наличие такой формулировки в тексте договора лишало их возможности «освободиться от нее и в последующих договорах с Венгрией, Чехословакией, Польшей». Иными словами, речь шла о попытке создать в двусторонних отношениях с партнерами в рамках СЭВ особого режима благоприятствования для Болгарии. Однако руководитель советской делегации на переговорах Л.Ф. Ильичёв был непреклонен: хотя «формулировка о принципе взаимности, может быть, и не будет отражать истинного положения дел в буквальном смысле слова, заявил он, но она соответствует характеру наших двусторонних отношений и смыслу социалистического интернационализма»⁶². В результате положение о «взаимовыгодном экономическом и научно-техническом сотрудничестве на двусторонней и многосторонней основе» вошло в статью 2 договора⁶³. По просьбе болгар в статью 3 было добавлено положение о дальнейшем сближении культур обеих стран; в статье 6 предлагавшаяся советская формулировка о незыблемости границ в послевоенной Европе была заменена более гибкой — о противодействии угрозе насильственного изменения границ и готовности Болгарии совместно с другими государствами — участниками Варшавского договора «обеспечивать неприкосновенность» рубежей восточного пакта. Также по просьбе болгарской стороны в статью 7 было включено принципиальное положение, по которому вооруженное нападение на одну из договаривающихся сторон будет рассматриваться другой стороной «как нападение и на нее»⁶⁴. В АВП РФ автору удалось ознакомиться с некоторыми материалами, отражающими обсуждение сторонами, в том числе и на высшем уровне, военного аспекта сближения⁶⁵.

Обращает на себя внимание нарастание в это время критических оценок отдельных сторон экономического сотрудничества в аналитических материалах советского посольства в Софии. Прежде всего в них указывалось на нежелание болгар учитывать возможности «старшего брата», стремление руководствоваться только собственными нуждами и интересами⁶⁶. Отмечалась, в частности, практика строительства промышленных предприятий с расчетом на реализацию их продукции в СССР без предварительного согласования с советской стороной, что создавало проблему «гарантированного сбыта»⁶⁷. Не случайно в указаниях послу А.М. Пузанову (в апреле 1967 г. он сменил на этом посту Н.Н. Органова), после ознакомления руководства V ЕО с его политписьмом от 21 июля 1967 г. о перспективах развития взаимоотношений между СССР и НРБ, прямо формулировалась задача — при изучении практических предложений болгар по линии экономического сотрудничества «учитывать действительные потребности Болгарии и реальные возможности СССР»⁶⁸.

За этим указанием стояла уже отмечавшаяся дипломатами сложившаяся практика. Болгарские «друзья» с завидным постоянством обращались в Москву с просьбами увеличить поставки многих видов промышленного сырья, фактически нарушая долгосрочные соглашения⁶⁹. В наиболее трудные моменты болгары поднимали вопрос об оказании срочной экономической помощи. Советская сторона нередко была вынуждена отказывать или удовлетворять поступавшие запросы частично. Тогда следовали повторные обращения, в том числе и на самом высоком уровне, и, как правило, болгары добивались успеха⁷⁰. Аналитики V ЕО МИД СССР констатировали, что подобная тактика «в известной мере осложняет взаимоотношения между нашими странами»⁷¹.

Ближе к концу 1960-х годов стало очевидно, что серьезно тормозившая деятельность СЭВ проблема выравнивания уровней экономического развития стран-участниц превратилась в «ахиллесову пяту» сотрудничества, что, не догнав своих партнеров, Болгария не сможет осуществить подлинную экономическую интеграцию с СССР и другими социалистическими странами⁷². А между тем многие авторитетные болгарские экономисты, как показала научная дискуссия, проведенная еще в октябре 1965 г.

Комиссией по экономическому и научно-техническому сотрудничеству при Совете министров Болгарии и Институтом экономики БАН, скептически оценивали перспективу «постепенного подтягивания НРБ к уровню наиболее развитых братских стран»⁷³. С учетом этой констатации становится понятной отмеченная в материалах советского посольства за апрель–ноябрь 1966 г. тенденция, сформулированная болгарскими экономистами и некоторыми членами аппарата ЦК БКП, — сделать ставку на внешний фактор для повышения экономического уровня менее развитых соцстран. Такой подход предполагал «превращение сырья и природных богатств в общее достояние всех стран», «свободное применение финансовых средств и рабочей силы одной страны в других» и пр.⁷⁴. Понятно, что ожидать согласия на это со стороны более развитых стран «социалистического лагеря» — Чехословакии, ГДР, Польши — было делом весьма проблематичным.

В связи с оценками экономического уровня Болгарии из поля зрения советских наблюдателей не выходил и вопрос об оказании финансовой и прочей помощи Советским Союзом. О ее масштабах в 60-е годы говорят отдельные сведения, рассыпанные по страницам архивных дел, позволяя скорректировать встречающиеся сегодня в СМИ утверждения о том, что советская сторона якобы нещадно эксплуатировала и выкачивала природные ресурсы малой «братской» Болгарии, покупала за бесценок сельхозпродукты и пр. Возможно, в какой-то степени подобные констатации являются отголосками былых устойчивых представлений болгар о том, что «всё, что делается в Болгарии, делается с согласия Советского Союза», что, следовательно, ответственность за любые, самые непопулярные мероприятия или трудности в экономике несет Москва. Такие оценки со стороны болгарского населения отмечались сотрудниками посольства, например, в августе 1968 г.⁷⁵.

Обратимся к политписьму советского посла Н.Н. Органова «О состоянии и дальнейшем развитии советско-болгарских отношений» от 19 марта 1966 г. Начиная с 1948 г., отметил дипломат, на основе 14 подписанных соглашений и протоколов СССР оказывает содействие в строительстве 157 промышленных предприятий и других объектов, из которых 99 уже введены в эксплу-

атацию полностью или частично. Общий объем кредитов превысил 1,5 млрд руб. За их счет обеспечено 25% капиталовложений, освоенных в стране за последние 19 лет (т.е. с 1956 г. — Т.В.). На осуществление нового пятилетнего плана (1966–1970 гг.) предоставлен кредит более 500 млн руб.⁷⁶. (В том же 1966 г. советские аналитики ожидали обращения болгар за новым кредитом в 150 млн руб. для завершения строительства металлургического комбината в Кремиковцах и других объектов⁷⁷.) По оценке советских наблюдателей в стране, именно благодаря иностранным кредитам Болгария покрывала разницу между распределенным и произведенным национальными доходами (только в 1968 г. эта разница составила 528 млн левов, а к 1970 г. превышение, как ожидалось, должно было составить примерно 1 млрд 298 млн левов) и «жила не по средствам»⁷⁸.

Следует отметить, что при анализе экономической обстановки в Болгарии и ее динамики сотрудники аппарата экономического советника ясно представляли себе, с какими трудностями при решении задачи ускоренного развития страны сталкивались «друзья». Главная заключалась в отсутствии необходимых природных, материальных, финансовых и людских ресурсов. Тем большее значение приобретал при этом субъективный фактор. Поэтому не случайны отраженные в материалах АВП РФ оценки деятельности партийно-государственного руководства, «механизма» принятия им решений и пр.

В марте 1969 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и зав. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К.В. Русаков подготовили записку в ЦК КПСС «О некоторых моментах нынешнего внутривластного и экономического положения Болгарии»⁷⁹. Основой послужили, главным образом, материалы советского посольства в Софии, вызвавшие у авторов документа «определенную озабоченность». В первую очередь, речь шла о наличии крупных недостатков и «провалов» в руководстве народным хозяйством и особенно — о сложившейся практике рассмотрения экономических вопросов в Политбюро ЦК БКП. Единогласное принятие решений, отмечалось в записке, отнюдь не означало единой точки зрения по обсуждавшимся вопросам. Новые проек-

ты и предложения по вопросам внутреннего развития оформляются в виде записок Т. Живкова в Политбюро. Преподносимые как «новый творческий вклад», они принимаются, как правило, без всестороннего и глубокого рассмотрения. Большинство новых проектов реформ и реорганизаций в сфере экономики готовятся узкой группой лиц, многие из которых, считали авторы, находятся под влиянием югославских и чехословацких концепций. Так, разработку и внедрение «новой системы руководства и планирования народного хозяйства» осуществляла специальная комиссия во главе с Гришей (Георгием) Филиповым — единственным экономистом в ближайшем окружении Живкова, которому тот безоговорочно доверял. По сведениям советского посольства, полученным от «болгарских товарищей», Филипов был сторонником югославских преобразований в народном хозяйстве и считался «болгарским Отой Шиком»⁸⁰. После упразднения комиссии в декабре 1968 г. Филипов стал первым заместителем председателя Государственного планового комитета, хотя четыре года экспериментов в болгарской экономике не дали ожидаемых результатов. Более того, сама «новая система» всё время меняется, дополняется не проверенными на практике и подчас необоснованными положениями.

Реальная экономическая ситуация вызвала к жизни разногласия и рост критических настроений в болгарских «верхах». «Сейчас, как никогда ранее, — указывалось в записке, — ряд членов и кандидатов в члены ЦК БКП, ответственных работников аппарата ЦК БКП в беседах с сотрудниками совпосольства по своей инициативе высказывают недовольство внутренним положением в Болгарии, допускают серьезные критические замечания в адрес тов. Т. Живкова за увлечения различного рода перестройками и реформами, проводимыми подчас поспешно и без достаточного обоснования; за единоличный подбор и расстановку руководящих кадров партийного и государственного аппарата; за грубые просчеты в руководстве экономикой страны; за предоставление особых прав некоторым хозяйственным объединениям в вопросах внешнеторговой деятельности, в результате чего они фактически оставались вне контроля М[инистерства] в[нешней] т[орговли], и т.д.). Слухи и догадки о возможных назначениях

и перемещениях не способствуют здоровой обстановке среди партактива. Характерный момент: составители записки подметили, что структурные перестановки проводятся после визитов или встреч с советским руководством, вследствие чего партийно-государственный актив воспринимает ротацию кадров как результат обсуждения и согласования с ЦК КПСС.

Некоторые положения записки получили развитие в подготовленных в апреле — мае 1969 г. (по всей вероятности, в V ЕО МИД СССР) материалах по вопросам внутривластного и экономического положения в Болгарии с характерным подзаголовком «К беседам с болгарскими руководителями»⁸¹.

В экономическом разделе документа четко констатировался «волонтаристский подход» болгарского руководства к развитию народного хозяйства, выражающийся в принятии поспешных решений, без учета реальных экономических возможностей, особенно в части, касающейся жизненного уровня населения. Экономические проблемы накапливаются, диктуя необходимость в помощи извне. Стремление «друзей» решать свои экономические задачи за счет Советского Союза «нередко ставит нас в затруднительное положение», подчеркнули авторы. Многочисленные просьбы о помощи касаются частных вопросов без предварительного комплексного рассмотрения. Итог такого подхода неутешителен: эффективность советской помощи снижается, а у болгар возникают настроения иждивенчества и самоуспокоенности⁸². Позднее министр химической и металлургической промышленности НРБ Георгий Павлов в беседе с послом А.М. Пузановым 6 октября 1969 г. откровенничал: «... У нас некоторые говорят — надо сделать так, чтобы положение в стране в экономическом и политическом отношении было хуже, тогда СССР будет давать больше». Реакция посла была резкой: подобные взгляды он назвал антипартийными и идущими вразрез с интересами Болгарии⁸³.

Досталось в указанных материалах V ЕО и советской стороне — за недостаточно критический анализ болгарских обращений о помощи, оценок эффективности и целесообразности строительства в стране тех или иных предприятий. Такие недоработки способствовали широкому распространению среди населения

мнения (замечу — небезосновательному), что Советский Союз помогает Болгарии, руководствуясь собственными интересами, а именно делает ставку на Болгарию в своей политике на Балканах. Подтекст подобных рассуждений был понятен: очевидная заинтересованность Москвы в «младшем брате» гарантирует рост объема экономической помощи. О том, чего стоило такое напряжение «старшему брату», не думали.

Более того, состояние экономики, сопровождавшееся уже привычными «жалобами» болгарского руководства на трудности и такими же привычными просьбами о помощи, вызвало к жизни еще одну «инициативу» Софии. В последующем она получила широкое распространение, а в рассматриваемое в очерке время было отмечено советскими наблюдателями в апреле 1969 г. (Оговорюсь, что речь идет лишь о доступных мне документах.) 21 апреля Пузанов на очередной встрече с Павловым ясно дал понять собеседнику, что проинформирован о продаже и поставке его министерством в ноябре-декабре 1968 г. в Австрию 280 тыс. тонн советской нефти, полученной для нужд болгарского народного хозяйства. Павлов сообщил, что правительство «строго указало» ему на недопустимость подобных действий⁸⁴. Пузанов от комментариев воздержался, но вряд ли он не понимал, что решение о реэкспорте советской нефти принималось не на уровне министерства, а несколько выше. Бразды правления находились в руках Живкова, совмещавшего в то время высшие партийный и государственный посты. Констатируя сложную обстановку в руководстве БКП, авторы материалов отметили проявляющееся в последнее время «стремление к дальнейшему укреплению личной власти со стороны Т. Живкова» и прогнозировали, что его политические оппоненты при первом удобном случае могут быть выведены из руководства. Усилятся позиции его ближайшего окружения, в действиях которого проявляются «признаки национализма» и стремление противопоставить национальные интересы Болгарии общим интересам соцстран, и даже в известной мере дистанцироваться от КПСС и СССР.

Прогнозы советских дипломатов касательно режима личной власти Тодора Живкова начали сбываться в канун и после чехословацких событий 1968 г. «Пражская весна» определила выбор

болгарского лидера в пользу безоговорочной поддержки Советского Союза, намерение жить «по московскому времени», обеспечивая своей позицией модернизационный прорыв Болгарии. С учетом этого становилась ясной и судьба болгарских реформ, учитывавших, как говорилось выше, опыт Белграда и Праги. «Рыночные» тенденции уступали место следованию советской модели, расчетам на ее постоянную и масштабную помощь.

Однако такая ориентация разделялась далеко не всем обществом. В донесениях посольства чаще фиксируются критические оценки болгарами советской помощи, качества советских товаров, уступающих западным образцам — американским, итальянским, английским, голландским, западногерманским⁸⁵ (справедливости ради следует отметить, что о низком качестве некоторых видов ввозимой в Болгарию из СССР продукции сообщали в Москву и сотрудники посольства⁸⁶), «отсталой» советской науки и техники, якобы неравноправного сотрудничества: Советский Союз «грабит» Болгарию, болгарский ширпотреб идет в СССР, а самим болгарам не хватает и пр. На волне критических настроений постепенно оформлялось представление о бóльшей пользе для Болгарии проведения самостоятельного курса, наличия «независимой» экономики⁸⁷. Сотрудники советского посольства подчеркивали усиление в стране западной пропаганды и в связи с этим отмечали более активное восприятие лозунгов «самостоятельности», «независимости», «мирного» отхода Болгарии от тесного сотрудничества с СССР интеллигенцией и молодежью. Они в большей степени и охотнее, как считали советские наблюдатели, проникались идеями развития страны «по своему пути», проявляли интерес к «различным моделям социализма», в том числе к югославскому и румынскому вариантам⁸⁸.

Возможно, подобные явления стимулировали работу посольства по формулированию дополнительных весомых аргументов, раскрывающих масштабы советской помощи, ее реальный, а не воображаемый характер. Так, в упоминавшемся выше политписье А.М. Пузанова от 15 августа 1969 г. со ссылкой на *болгарские данные* указывалось: советские кредиты достигли 1,8 млрд руб. Предприятия, построенные с советской помощью, дают 100% продукции черной металлургии, 75% — цветной,

60% — химической промышленности, 75% — производства электроэнергии⁸⁹.

Не менее четко представляли себе советские аналитики и долгосрочную перспективу двусторонних отношений: «*Мы будем вынуждены в течение длительного времени поставлять ряд дефицитного сырья (металлургия, нефтехимия и др.)*», — указывалось в материалах V Европейского отдела⁹⁰.

И еще один важный вывод: «*Необходимо иметь в виду, что в конечном счете, а это отмечают и болгарские руководители, за все ошибки и просчеты в народном хозяйстве НРБ в значительной степени приходится расплачиваться Советскому Союзу*»⁹¹.

Приведенные в статье документы АВП РФ лишь частично отражают интенсивную работу аппарата экономического советника посольства СССР, но и они убедительно отражают ее сложность. Представляется, что благодаря этой деятельности Москва получала в целом объективную и разностороннюю информацию, способную сформировать у советского руководства достаточно полное представление об экономической политике болгарского государства. А эта политика, как бы критически ни оценивать ее сегодня, отражала намерения национального руководства через экономическое ускорение и всестороннее сближение с Советским Союзом вывести Болгарию на путь научно-технического прогресса, то есть соответствовала представлениям болгарского руководства о национально-государственных интересах страны.

Примечания

- ¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1–3 /Гл. ред. акад. А.А. Фурсенко. М., 2003–2008; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3-х т. М., 2004–2008.
- ² *Стыкалин А.С.* Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС // Россия — Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010. С. 527–541.
- ³ *Волокитина Т.В.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сб. статей / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 265.
- ⁴ VII конгресс на БКП. Резолюции, директиви, решения. София, 1958. С. 15.

- ⁵ Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 357. Л. 140.
- ⁶ *Яхиел Н. Тодор Живков и личната власт*. София, 1997. С. 112–113.
- ⁷ *Баева И. Тодор Живков*. София, 2006. С. 50.
- ⁸ Это отмечали и советские дипломаты, работавшие в стране. В информационных материалах посольства СССР от 6 ноября 1969 г. подчеркивалось: «...Сказывается по-прежнему его (Живкова. — Т.В.) увлеченность всевозможными перестройками, реорганизациями, экспериментами и другими новшествами» в руководстве народным хозяйством (АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 257. Д. 27. Л. 239).
- ⁹ Цит. по: *Баева И.* България от 50-те години през погледа на ЦРУ // Модерна история. Сборник исторически изследвания в чест на 65-годишнините на професор д-р Величко Георгиев и академик Илчо Димитров. София, 1999. С. 359.
- ¹⁰ Цит. по: *Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта*. Политика и икономика в България. 1953–1964. София, 2000. С. 195.
- ¹¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 357. Л. 42.
- ¹² Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. I. М., 1959. С. 325.
- ¹³ *Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта*. С. 195.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 74.
- ¹⁵ Там же. Оп. 52. П. 230. Д. 26. Л. 35–37.
- ¹⁶ Там же. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 95; Оп. 51. П. 227. Д. 22. Л. 140; Д. 23. Л. 163–164.
- ¹⁷ Там же. Оп. 52. П. 230. Д. 26. Л. 38.
- ¹⁸ Там же. Л. 37.
- ¹⁹ Там же. Л. 40.
- ²⁰ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.
- ²¹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1959. С. 419.
- ²² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 479. Л. 6.
- ²³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 52. П. 228. Д. 6. Л. 102.
- ²⁴ *Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта*. С. 31.
- ²⁵ Подробнее см.: *Лазарева Л.Н.* Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 453–466; *Лисовицкий В.Н.* Евсей Либерман — идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы // Там же. С. 433–452.
- ²⁶ Подробнее см.: *Байбаков Н.М.* От Сталина до Ельцина // *Байбаков Н.М.* Собр. соч. в 10 томах. Том 5. М., 2011. С. 131, 143, 146.
- ²⁷ *Чакъргов К.* Втория етаж. София, 1990. С. 118.
- ²⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 562, 574.
- ²⁹ *Бонев Ст.* Времето, в което живях и хората, с които работих. София, 2001. С. 65.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 35. Л. 33–35.
- ³¹ Там же. Оп. 51. П. 227. Д. 22. Л. 73–82.
- ³² Там же. Л. 147–149.
- ³³ Там же. Оп. 53. П. 234. А.е. 35. Л. 118–119.
- ³⁴ Там же. Л. 102.
- ³⁵ Там же. Оп. 54. П. 238. Д. 29. Л. 4.
- ³⁶ Там же. Оп. 53. П. 231. Д. 7. Л. 5, 14.

37 Там же. А.е. 481. Л. 115–116.

38 Там же. С. 236.

39 *Марчева И.* Проблемите на модернизацията при социализма: индустриализацията в България // *Изследванията по история на социализма в България. 1944–1989.* София, 2010. С. 200.

40 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 54. П. 238. Д. 29. Л. 3, 60, 65.

41 Там же. П. 236. Д. 7. Л. 10, 11.

42 Там же. Оп. 51. П. 226. Д. 13. Л. 34.

43 *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. С. 216, 218, 219.

44 *Никова Г.* «Реформите» в СМВ през 60-те години на XX век и България // *България и Русия: между признателността и прагматизма.* София, 2008. С. 646–658.

45 *Баева И.* България в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. Сб. статей / *Ред.: Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина, Т.В. Волокитина.* М., 2008. С. 439.

46 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 5102. Л. 97–99; А.е. 5165. Л. 41–42.

47 *Баева И.* България в 60-е годы XX века. С. 440.

48 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 583. Л. 36.

49 Там же. Л. 37.

50 *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република (От идейни постулати към практически действия) (Част I) // *Нов български университет. Годишник на департамент «История».* Т. 2. София, 2010. С. 213.

51 См., напр.: *Баева И.* България и Съветският Съюз след Втората световна война — прагматизмът на българската позиция // *България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии.* София, 2000. С. 425–433; *Стоянов Л.* «Като един организъм, който се ороява от единна кръвоносна система» (За юлския пленум на ЦК на БКП от 1973 г.) // *България между признателността и прагматизма. Сборник доклади от международна научна конференция.* София, 2009. С. 658–668.

52 Подробнее см.: *Баева И., Калинова Е.* 16-а република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София, 2017. С. 15.

53 См., напр.: *Волокитина Т.В.* България — 16-я республика СССР: замыслы и действительность. 1960-е годы // *Новая и новейшая история.* 2012. № 6. С. 36–51; *она же.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») // *Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура.* Сб. статей / *Отв. ред. Т.В. Волокитина.* М., 2013. С. 240–274.

54 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 583. Л. 37.

55 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 52. П. 228. Д. 6. Л. 102.

56 Там же. Оп. 56. П. 243. Д. 6. Л. 128; Оп. 57. П. 246. Д. 8. Л. 18; П. 248. Д. 25. Л. 56 и др.

57 *Кастелов Б.* Тодор Живков — мит и истина. 563 щриха към портрета. София, 2005. С. 709.

58 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 25. Л. 35.

59 Там же. Оп. 60. П. 254. Д. 8. Л. 65.

60 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. Д. 17. Л. 59.

61 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 25. Л. 35.

- 62 Там же. Оп. 58. П. 250. Д. 13. Л. 21.
- 63 Там же. Л. 32, 33. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: в 3-х томах. Том III. 1959–1969 / Отв. ред. М.Е. Позолотин, Зл. Златев. М., 1987. С. 390.
- 64 Советско-болгарские отношения и связи. С. 390–391.
- 65 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 58. П. 249. Д. 8. Л.130, 136, 138, 155, 223, 224.
- 66 Там же. П. 250. Д. 27. Л. 244.
- 67 Там же. Оп. 59. П. 253. Д. 26. Л.56.
- 68 Там же. Оп. 58. П. 250. Д. 13. Л. 89.
- 69 Там же. Оп. 57. П. 248. Д. 28. Л. 9, 10.
- 70 Подтверждением могут служить материалы посольства о настойчивых действиях болгарской стороны весной 1969 г., когда в результате суровой зимы в Советском Союзе пришлось пересевать огромные площади озимой пшеницы. Госплан СССР был вынужден принять чрезвычайные меры, в частности, сократить экспорт нефтепродуктов на 1,5 млн тонн. Болгария оказалась перед перспективой недополучения нефти, газа, стального проката, целлюлозы и пр. Разрядить обстановку и восстановить прежние объемы поставок помогли личное письмо Живкова Брежневу и Косыгину от 24 марта 1969 г. и встреча болгарской делегации на переговорах по экономическим вопросам в Москве (май) с Косыгиным (Там же. Оп. 60. П. 254. Д. 8. Л. 9, 13, 18, 39, 109). В сентябре 1970 г. советское правительство приняло решение о дополнительных поставках в Болгарию важнейшего сырья, в том числе 750 тыс. тонн нефти, 150 тыс. тонн дизельного топлива, 500 тыс. тонн мазута и пр. (Там же. Л. 187).
- 71 Там же. Оп. 57. П. 248. Д. 27. Л. 156.
- 72 Там же. Оп. 60. П. 257. Д. 27. Л. 26.
- 73 Там же. Оп. 57. П. 248. Д. 28. Л. 42.
- 74 Там же. Д. 26. Л. 56.
- 75 Там же. Оп. 59. П. 250а. Д. 8. Л. 67.
- 76 Там же. Оп. 57. П. 247. Д. 13. Л. 37.
- 77 Там же. Л. 24.
- 78 Там же. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 47, 78.
- 79 Там же. Л. 19–26.
- 80 Эта оценка (но без негативного привкуса) фактически подтверждается и в работах современных болгарских исследователей. «“Отцы” болгарской реформы, пишет И. Марчева, — Г. Филипов, Д. Давидов, Е. Христов, Г. Петров и др. — сравнительно молодые, высокообразованные кадры; большинство — доценты, кандидаты наук; все учились или защищали диссертации в СССР, все они — “рыночники”» (Марчева И. Към историята на икономическата реформа в средата на 60-те години на ХХ век в България // Исторически преглед. 2012. Бр. 1–2. С. 169–170).
- 81 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 12–18.
- 82 Там же. Л. 13.
- 83 Там же. П. 254. Д. 8. Л. 196.
- 84 Там же. Л. 63.
- 85 Там же. П. 257. Д. 27. Л. 16.
- 86 Там же. Оп. 57. П. 247. Д. 13. Л.134, 143.
- 87 Там же. Оп.60 П. 255. Д.15. Л.56.

⁸⁸ Там же. Оп. 59. П. 253. Д. 27. Л.33–34.

⁸⁹ Там же. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 64–65.

⁹⁰ Там же. Л. 55.

⁹¹ Там же. Л. 49.

Югославский социализм: взгляд из Венгрии (1956 г.)*

Конфликт 1948 г. прервал поступательное развитие отношений Советского Союза с Югославией, где при монополюльной власти компартии, возглавляемой харизматическим лидером, героем войны маршалом Йосипом Брозом Тито, уже с конца 1944 г., быстрее и последовательнее, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, происходило насаждение во всех сферах общества советского опыта и образцов строительства социализма. Советско-югославские отношения, достигнув своей низшей точки к осени 1949 г., когда в Будапеште состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка ярко выраженной антиюгославской направленности (а вслед за этим была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую войну. Не утихала и развязанная по инициативе И.В. Сталина мощная пропагандистская кампания, направленная своим острием против титовской Югославии и служившая задачам консолидации (не только на антизападной, но и на антиюгославской платформе) формирующегося советского блока, что предполагало безоговорочное подчинение национальных коммунистических элит единому центру.

Вынужденно активизировав после разрыва с СССР экономические связи с Западом, Югославия вместе с тем сохранила монополюльную власть компартии и курс на строительство социа-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.).

лизма в соответствии с провозглашенной в начале 1950-х годов так называемой концепцией самоуправления, декларативно противопоставлявшейся «бюрократическому социализму» в сталинском Советском Союзе. Во внешней политике режим Тито придерживался принципа нейтралитета, дистанцируясь от блока НАТО и согласившись лишь на участие в ассоциированном с ним Балканском пакте с участием Греции и Турции.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. его соратники по кремлевскому руководству пошли на некоторое смягчение конфронтации с Западом. Требовал скорейшей развязки советско-югославский конфликт, продолжавший оставаться серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. Прежняя политика на югославском направлении была признана несостоятельной уже на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. Ведь в условиях советского вызова режим Тито не только консолидировался во внутривластном плане, но и приобрел проведением независимой внешней политики большой вес на международной арене. Хотя титовская Югославия пока еще продолжала оставаться отлученной от мирового коммунистического движения и восприниматься как часть враждебного социализму мира, в Москве отныне ее уже не квалифицировали как «особого» врага, а отношения с ней были выведены на уровень стандартных отношений с некоммунистическими государствами¹.

Через год, примерно к осени 1954 г., нормализация отношений с титовской Югославией выдвигается в качестве одной из приоритетных задач советской внешней политики. При этом исключительная резкость разрыва 1948 г. создавала с обеих сторон особые трудности на пути к примирению. Избрав стратегию на сближение с наиболее крупной и стратегически важной балканской страной, новый советский лидер Н.С. Хрущев и его окружение исходили из того, что возвращение Югославии в сферу влияния советской политики стало бы наиболее видимым внешнеполитическим успехом СССР после смерти Сталина. Осенью 1954 г. сходит на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов-эмигрантов. 27 мая — 2 июня 1955 г. состоялась поездка в Югославию советской делегации во главе

с Н.С. Хрущевым, продемонстрировавшая стремление руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 г., сближение с режимом Тито. Первая после восстановления отношений встреча лидеров двух стран показала нежелание команды Тито (заинтересованной в экономическом сотрудничестве Югославии с СССР) отказываться от проведения независимой, внеблоковой внешней политики. Тем не менее, она не охладила решимости Хрущева готовить новые прорывы на югославском направлении. С середины 1955 г. всесторонние советско-югославские связи заметно оживились.

Что касается места и роли Венгрии в контексте массивной антиюгославской кампании, надо иметь в виду, что Сталин и его окружение, направляя ее в рамках всего формирующегося восточного блока, отвели именно венгерскому коммунистическому лидеру Матяшу Ракоши роль своего рода «первой скрипки» в оркестре. Ракоши, который в 1946–1947 гг. поддерживал особенно тесные связи с югославскими коммунистами, после разрыва резонно опасался, что Сталин нанесет удар и по нему. В своем стремлении избежать падения он оказался как бы «передовиком» в развернувшемся между главами стран советской сферы влияния, негласном «соревновании» за достижение большей лояльности советскому руководству. Именно он организовал при помощи советников из советских спецслужб самый громкий антиюгославский судебный процесс², после которого совсем не кажется удивительным, что даже в условиях начавшегося со смертью Сталина советско-югославского примирения руководство титовской Югославии, явно не доверявшее Ракоши, не шло на полноценный диалог с Венгрией, пока тот находился у власти. Правда, в 1954 г. с югославской стороны были сделаны некоторые умеренно-дружеские жесты в адрес премьер-министра И. Надя, не несшего ответственности за разрыв отношений двух стран, — в нем увидели партнера, с которым можно было бы начать диалог как бы «с чистого листа»³. Однако к концу 1954 г. позиции И. Надя ослабели вследствие противодействия его реформаторскому курсу со стороны консервативно настроенной части партаппарата. Весной 1955 г. он был удален со своего поста и позже исключен из партии. Это не могло не замедлить процесс улучшения двусторонних венгерско-югославских отношений.

Правда, к весне 1956 г. был в целом разрешен ряд спорных вопросов, затруднявших восстановление нормальных двусторонних отношений⁴, но не решенным оставался сложнейший (а для Белграда важнейший и наиболее принципиальный) вопрос — о реабилитации Ласло Райка. Неминуемость пересмотра этого фальсифицированного судебного дела стала очевидной после примирительного визита Хрущева в Белград. Летом 1955 г., в условиях нормализации советско-югославских отношений, Ракоши на партактиве был вынужден признать несправедливость прозвучавших на процессе Райка обвинений в адрес югославов. При этом венгерское руководство всё же рассчитывало, что удастся обойтись без полной реабилитации Л. Райка, поскольку это угрожало бы личной власти самого Ракоши, главного организатора того судебного процесса. «Дело Райка» крайне болезненно воспринималось многими членами партии. Особенно много вопросов по нему возникало в свете продолжавшегося сближения СССР с Югославией: трудящимся было непонятно, почему осенью 1949 г. Тито именовали не иначе, как «цепным псом» американского империализма, а теперь даже в Москве называют товарищем, — говорил советскому дипломату работник аппарата Венгерской партии трудящихся (ВПТ)⁵.

Новая ситуация в развитии венгерско-югославских отношений сложилась после XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.). Тито и его окружение были в целом удовлетворены решительной критикой Сталина в закрытом докладе Хрущева о «культе личности», зачитанном на особом заседании в конце работы съезда, и особенно признанием его ответственности за антиюгославскую кампанию в 1948 г. XX съезд в их глазах подтверждал правильность избранной стратегии на сближение с СССР и странами советского блока. С другой стороны, закрытый доклад Хрущева с острой критикой сталинской политической практики не только произвел сенсацию в мире, но стал вызовом для коммунистических лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, причем едва ли не в первую очередь именно для М. Ракоши, особенно сильно скомпрометировавшего себя приверженностью сталинским политическим методам⁶. В марте-апреле, в новой атмосфере, сложившейся под влиянием XX съезда КПСС, на мно-

гих партийных собраниях звучала острая критика в адрес партийного лидера, неспособного извлечь уроки из пережитого страной опыта. Среди прочего раздавались требования полностью пересмотреть дело Л. Райка, признав его абсолютную невинность, т.е., по сути, полную сфальсифицированность обвинений, прозвучавших на судебном процессе 1949 г.

Задача сближения с Югославией, вовлечения ее в орбиту советского влияния продолжала считаться приоритетной на восточноевропейском направлении советской внешней политики. Поскольку межгосударственные отношения к этому времени вполне нормализовались, на очереди был следующий шаг — установление тесных межпартийных связей. В апреле 1956 г., во многом в качестве жеста, адресованного Союзу коммунистов Югославии (СКЮ), в Москве объявили о ликвидации Коминформа, самого важного инструмента антиюгославской кампании⁷. Долго готовившийся государственный визит Тито в СССР состоялся 1–23 июня 1956 г. [23 дня, длительный визит. — А. С.] Югославский лидер в ходе бесед с советскими руководителями затрагивал и проблемы нормализации венгерско-югославских отношений. Тито сразу прямо дал понять Хрущеву: пока у власти в Венгрии находится Ракоши, желаемый Москвой прорыв в отношениях двух соседних социалистических государств попросту невозможен⁸. У югославского маршала не было никакого желания встречаться с венгерским лидером. Руководитель румынской компартии Г. Георгиу-Деж, хотя и подключился в 1948–1949 гг. в полной мере к антиюгославской пропагандистской кампании, но всё же не организовал своего «дела Райка», а потому вызывал у Тито меньше антипатии, чем Ракоши. Не удивительно, что лидер Югославии ехал в СССР и из СССР не через Венгрию, а через Румынию, т.е. не самым коротким путем — только для того, чтобы не встречаться с Ракоши⁹.

В 20-х числах июня М. Ракоши в течение нескольких дней находился в Москве на совещании руководителей компартий социалистических стран, где среди прочего обсуждался вопрос о новых формах сотрудничества компартий, которые должны были прийти на смену распущенному Коминформу. Его скорый уход в отставку в это время еще не был предreshен, руководство

КПСС пока еще продолжало делать ставку на этого крайне непопулярного в Венгрии политика. Однако там, где дело касалось вопросов сближения с Югославией, между руководителями КПСС и первым секретарем ЦК ВПТ проявились заметные разногласия. Даже находившийся с Ракоши в более близких, чем другие члены Президиума ЦК КПСС, отношениях маршал К.Е. Ворошилов (он был в 1945–1947 гг. председателем Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии), приняв своего давнего знакомого, в отчете по итогам беседы потом заметил: что касается нормализации отношений с Югославией, то т. Ракоши, кажется, еще «не сбросил с себя груз прошлого», «у него еще много настороженности и неуверенности»¹⁰. Председателю Президиума Верховного Совета СССР пришлось убеждать венгерского лидера, что Югославия сейчас «стоит на правильном пути», и Венгрии, как и СССР, надо идти на сближение с ней. И это несмотря на то, что итогами встречи с Тито и подписанной декларацией в Москве были не совсем довольны, ведь Югославия по-прежнему отказывалась войти в советский блок¹¹. С мнением Ворошилова были солидарны и многие члены венгерского руководства. Так, молодой премьер-министр А. Хегедюш в беседе с советским послом Ю.В. Андроповым 19 июня 1956 г. выражал сожаление, что даже в дни пребывания Тито в СССР Ракоши продолжает видеть в сближении с Югославией только отрицательные стороны¹².

К желаемому руководством СССР венгерско-югославскому сближению Ракоши, таким образом, явно не был готов, неся громадный груз ответственности за прежние свои действия по эскалации конфликта. Не могло быть в Москве иллюзий и относительно позиции Тито. Взаимная ненависть лидеров двух соседних стран блокировала любую возможность встречного движения, для которого с начавшимся улучшением советско-югославских отношений были созданы политические предпосылки, а с урегулированием финансовых проблем между Венгрией и Югославией не существовало уже и экономических препятствий.

Познаньские волнения в Польше в конце июня 1956 г. (их жертвами стали более 70 человек) дали толчок изменению позиции Москвы и в венгерском вопросе. Под влиянием познаньских событий и происходивших одновременно с ними бурных

дискуссий в будапештском Клубе Петефи, где звучала непривычно острая публичная критика не только коммунистического руководства, но и существующей в Венгрии политической системы, лидеры КПСС наконец сочли целесообразной отставку Ракоши, видя его растущую неспособность контролировать ситуацию в своей стране. Вопрос этот был решен на пленуме 18–21 июля, где в качестве посланца Кремля присутствовал и влиял на принимаемые решения опытный член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян. Сыграло свою роль и давление влиятельных членов политбюро ЦК ВПТ Э. Гере и И. Ковача: они не только пришли к выводу о том, что в качестве вынужденной уступки оппозиции, в целях укрепления положения партийного руководства можно было бы пожертвовать М. Ракоши, но и осторожно пытались убедить в этом советского посла Ю.В. Андропова.

Оживление в Венгрии оппозиционных сил вызывало тем большую обеспокоенность в руководстве ВПТ, что в нем видели характерное проявление более общей тенденции, далеко выходящей за пределы Венгрии. Посетив 6 июля Андропова для того, чтобы поделиться с ним своими опасениями относительно ситуации в стране, Э. Гере говорил о том, что большие трудности создает всё более отчетливо проявляющееся в международном коммунистическом движении правое течение, требующее ограничить влияние Москвы; в роли главного его форпоста выступала, по его мнению, Югославия. Венгерская оппозиция, говорил влиятельный партократ, так нагло ведет себя именно потому, что получает постоянную моральную поддержку со стороны югославской прессы, которая с неизменной недоброжелательностью отзывается о внутренней политике ВПТ, особенно в связи с исключением ряда лиц из партии за резкие выступления в ходе июньской дискуссии о свободе печати в Клубе Петефи. Более того, Югославия, по словам Э. Гере, имела в Венгрии разветвленную сеть агентуры: оппозиционно настроенные представители интеллигенции поддерживали постоянные связи с югославской дипломатической миссией, систематически информируя дипломатов о происходящих внутривнутриполитических событиях. Активисты Клуба Петефи, участники его дискуссий демонстрировали стойкий интерес к югославским концепциям социализма и их

практическому воплощению¹³. То же самое касалось и других активизировавшихся весной 1956 г. оппозиционеров. Однако и коммунисты-реформаторы более умеренных взглядов, не выступавшие открыто против власти, не скрывали своих проюгославских симпатий. Например, видный литератор, критик и журнальный редактор Иштван Кирай в беседе с советским дипломатом В.А. Крючковым (в 1988–1991 гг. председателем КГБ) 12 июля 1956 г. откровенно заметил, что среди членов партии всё чаще «идут разговоры о создании в Венгрии подлинно национальной коммунистической партии по примеру Союза коммунистов Югославии, в котором очень многие видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа. Эти люди на одну линию с Тито ставят Имре Надя, которого, как и первого, считают подлинным выразителем чаяний народа»¹⁴.

Конечно, в руководстве ВПТ отдавали себе отчет в том, что наметившееся сближение Москвы и Белграда есть та безусловная реальность, которая мало зависит от Венгрии и которую нельзя не учитывать при выстраивании отношений с Югославией. Это не исключало, однако, настороженного отношения к претензиям СКЮ на особую роль в коммунистическом движении и возвеличению югославами своего опыта социалистического строительства в ущерб советскому опыту — тем более что под сильное югославское влияние попали, как отмечалось в беседах с советским послом, не только рядовые члены партии, но и некоторые члены ЦК, и часть партийной прессы, и отдельные работники партаппарата, провоцировавшие иногда местных функционеров на проявления недовольства линией политбюро. Такой взгляд на роль югославского фактора в сложившихся непростых условиях во многом перекликался с тем, что думали (особенно на фоне познаньских волнений) в Москве и что нашло отражение в разосланном лидерам «братских партий» письме ЦК КПСС от 13 июля. В нем акцентировались разногласия с югославскими коммунистами, стремящимися вести особую линию в рамках коммунистического движения и склонными в ходе контактов с представителями других партий переоценивать собственную роль¹⁵. Не будет преувеличением сказать, что уже в июле 1956 г. в Кремле, не отказавшись от прежнего курса на югославском

направлении, вместе с тем принимали во внимание крайне нежелательную перспективу формирования в Белграде некоего альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении.

Дипломатическая миссия Югославии в Венгрии, как и югославские журналисты, всё чаще посещавшие соседнюю страну, действительно стремились к установлению непосредственных контактов со всё более открыто заявлявшей о себе оппозицией внутри ВПТ. Внутрипартийная оппозиция воспринималась как потенциальный партнер СКЮ в межпартийных отношениях, а в случае своего прихода к власти как естественный союзник титовской Югославии в отстаивании ею независимой от Москвы внешней политики. В посольстве СССР сложилось мнение о том, что «среди работников югославской миссии в Будапеште имеются лица, не только сохранившие неприязнь к СССР, но и пытающиеся предпринять действия, которые носят явно враждебный характер в отношении Советского Союза»¹⁶. Вообще сообщения об активности югославских представителей содержатся во многих донесениях посольства СССР в Венгрии за лето — начало осени 1956 г. Столь же общим местом в них был и тезис о большой популярности югославского опыта среди оппозиционно настроенных венгерских коммунистов¹⁷. При этом, не ограничиваясь контактами с интеллигенцией и реформаторами из партаппарата, с середины лета югославы всё настойчивее пытались установить связи с венгерским рабочим классом. Посещая заводы, они пропагандировали мнимые преимущества югославской «системы самоуправления», распространяли издававшуюся в Нови Саде венгероязычную газету «Magyar Szó» («Венгерское слово»), пользовавшуюся в Венгрии большим спросом, а также биографию Тито пера В. Дедиера, изданную на венгерском языке для воеводинских венгров. Со стороны венгерской оппозиции наблюдался тем больший интерес к югославскому опыту (во всем его многообразии), что в титовской Югославии видели пример государства, сумевшего в чрезвычайно трудных условиях отстоять свой суверенитет и получившего признание на международной арене, особенно в странах «третьего мира», своей независимой внешней политикой. Причем, сама югославская мо-

дель с ее ничего на практике не решавшими рабочими советами явно идеализировалась в ее противопоставлении существующим в Венгрии порядкам.

Решающей причиной отказа советского руководства от поддержки М. Ракоши явилась его неспособность обеспечить стабильность в Венгрии и проводить на целом ряде направлений (включая, среди прочих, и югославское) линию, отвечающую интересам официальной Москвы. Явно не сумевший адаптироваться к новым условиям венгерский лидер потерял доверие не только у себя дома, но также в Кремле и на Старой площади. Это привело в конце концов к его отставке, утвержденной партийным пленумом. Между тем, западные комментаторы не уставали подчеркивать, в связи с уходом Ракоши, роль югославского фактора, подавая решение июльского пленума как явную уступку Москвы лидером СКЮ. О том, что «маршал Тито должен быть доволен» решением, принятым в Будапеште, писали, например, как австрийская газета «Die Presse», так и американская «New York Herald Tribune». Появившаяся в прессе информация о том, что Микоян, покинув Венгрию, заехал в Югославию, давала пищу для новых предположений относительно якобы имевшего место советско-югославского сговора и даже об очередном успехе «сильного человека на Балканах» в его отношениях с Кремлем.

Э. Гере, сменивший Ракоши во главе ВПТ, отвечал в начале 1950-х годов за экономическую политику и нес большую долю ответственности за перегибы с форсированием индустриализации. В самой Венгрии его имя ассоциировалось не столько с судебным произволом (как в случае с Ракоши), сколько с провалами волонтаристской экономической политики начала 1950-х годов, индустриальной гигантоманией и т.д. Хотя Гере и не был особенно активен в ходе антиюгославской кампании, замена Ракоши на него не удовлетворила не только венгерское общественное мнение, но и лидеров Югославии, поскольку означала сохранение власти в Венгрии в руках прежней команды. Вообще сам факт избрания Э. Гере, очевидно, расценивался в Белграде как продолжение прежней привычной практики Кремля ставить на руководящие посты в странах советской сферы влияния своих доверенных людей, исходя исключительно из собственных инте-

ресов и мало считаясь с волей народов этих стран. Позиция подконтрольной (как и в любом государстве, где у власти находилась компартия) прессы не могла не отражать мнение правительства. С одной стороны, югославская пресса, которая функционировала в тех же рамках дозволенного, не скрывала своего (а значит, и своего правительства) удовлетворения в связи с отставкой Ракоши. С другой стороны, она считала это событие всего лишь первым шагом. Более чем сдержанное отношение югославских газет к избранию Гере проявилось сразу довольно отчетливо. «После смены М. Ракоши господствует оптимистическое оживление. Устранено одно серьезное препятствие, однако это еще не все», — писала белградская газета «Политика» 20 июля. Как отмечалось в донесениях посольства СССР в Венгрии, югославы предпочитали бы видеть на этом посту более умеренного и популярного в Венгрии Я. Кадара, вышедшего к этому времени из опалы и восстановленного в июле 1956 г. в политбюро, причем такая позиция находила отражение даже в белградской партийной прессе¹⁸. Микоян, выехавший из Венгрии в Югославию, 21 июля в беседе с Тито затронул вопрос о том, что линия югославской прессы расходится с видами Москвы, рассчитывавшей, что обновленное руководство ВПТ сумеет принять действенные меры по ослаблению внутривластной напряженности в стране.

Представители советского посольства, комментируя происшедшее, отмечали, что отклики югославской прессы на последние внутривластные события в Венгрии «вылились в газетную кампанию с вмешательством во внутренние дела Венгрии», причем, эта кампания «имела целью поощрение и подбадривание венгерских оппозиционеров в их выступлениях против руководства ВПТ»¹⁹, что, разумеется, в корне противоречило линии КПСС. Газета «Республика» даже вдавалась в прогнозы, выдвигая в номере от 7 августа предположение, что замена Ракоши на Гере только приведет к углублению кризиса власти, и в результате сложится ситуация, когда взять контроль над партией в свои руки попробуют сторонники еще продолжавшего находиться в опале Имре Надя. В свою очередь и главная газета Югославии «Борба» 23 августа отмечала, что логика дальнейшего развития событий в Венгрии должна привести к полному оправданию курса Имре Надя, объявленного в 1955 г. «правоуклонистским».

Между тем, Э. Гере, каким бы ни было мнение югославской прессы о его персоне, став новым лидером Венгрии, предпринял некоторые усилия в интересах дальнейшей нормализации югославо-венгерских отношений. Он исходил из того, что в силу популярности среди многих политически активных граждан Венгрии югославской модели социализма последовательный курс на улучшение отношений с ФНРЮ и СКЮ должен способствовать повышению авторитета руководства ВПТ в собственной стране. Вообще после ухода Ракоши его преемникам предстояло решить две непростых и трудно совместимых задачи — ликвидировать ненужную напряженность в отношениях с южным соседом и в то же время по возможности нейтрализовать югославское влияние на собственную оппозицию.

Уже на июльском пленуме Гере заявил о своем желании улучшить отношения двух стран, испортившиеся прежде всего (как он самокритично признал) именно по вине венгров. Это нашло отражение и в итоговой резолюции пленума. 19-м июля было датировано письмо Гере в адрес Тито с предложением организовать встречу на высшем уровне²⁰. Вопреки чрезмерному оптимизму советской дипломатии относительно перспектив венгерско-югославского сближения²¹, прежняя тактика поддержки югославской дипломатией венгерской внутривластной оппозиции оставалась в силе, а потому сохранялась и определенная напряженность в официальных двусторонних отношениях. Совершенно очевидно, что, видя в новом венгерском лидере некую переходную фигуру, Тито не склонен был слишком форсировать процесс сближения, полагая, что внутривластная ситуация в Венгрии вселяет надежды на приход к власти более приемлемых для Югославии партнеров, нежели Гере. Кроме того, в Югославии даже и теперь, после отставки Ракоши, не считали полностью закрытым дело Райка. Произошедшей еще весной 1956 г. его полной юридической реабилитацией, как и освобождением Ракоши со своего поста, в Белграде, очевидно, не могли удовлетвориться, ожидая раскрытия всей правды о деле Л. Райка, а значит, привлечения Ракоши к ответственности за содеянное. В ЦК ВПТ же считали, что вопрос фактически решен с исключением из партии на июльском пленуме бывшего министра обороны и члена узкого

руководства страны М. Фаркаша, одного из близких сподручных Ракоши, действительно несшего свою долю ответственности за фабрикацию дела Райка, но при этом выбранного на роль «козла отпущения».

Утвержденное на партийном пленуме 19 июля письмо ЦК ВПТ в ЦК СКЮ с предложением о более тесных межпартийных контактах было вручено венгерским посланником в Белграде Ш. Куримским Тито 21 июля 1956 г. Хотя югославский лидер, принимая венгерского дипломата, обещал дать положительный ответ в течение ближайших дней, письмо лежало без ответа более полутора месяцев. Форсировать установление дружеских отношений с малоприятным ему Э. Гере Тито явно не хотел. Между тем, в ожидании ответа, в ЦК ВПТ 9 августа обсуждались шаги, которые можно было бы сделать навстречу югославам в интересах стабилизации и активизации двусторонних отношений. Было принято, в частности, решение о прекращении поддержки и финансирования местной организации эмигрантов-коминформовцев (в СССР это было сделано еще осенью 1954 г.)²². 15 августа Э. Гере дал интервью югославскому изданию. Он попытался обойти стороной дело Райка, но самокритично признал, что считает важной причиной ухудшения югославско-венгерских отношений ошибочную политику, долгие годы проводившуюся венгерским правительством в отношении югославянских национальностей на территории Венгрии²³.

Что же касается венгерского общества, то сильное югославское влияние вновь дало о себе знать уже в августе 1956 г., когда группа реформаторски настроенных коммунистических интеллектуалов во главе с известным журналистом Г. Лошонци, прошедшим через репрессии, обратилась в ЦК ВПТ с просьбой разрешить восстановление венгерско-югославского общества культурных связей, существовавшего до 1948 г. В качестве главы такого общества намечался его прежний председатель журналист Ш. Харати, после 1948 г. проведенный несколько лет в тюремных застенках, в том числе год просидевший в камере смертников. Несмотря на время отпусков оживился и обмен делегациями между Югославией и Венгрией на уровне различных общественных организаций, и это свидетельствовало о том, что

инициатива сверху сочеталась со встречным движением снизу. Так, состоялся визит делегации югославских профсоюзов в Венгрию, а венгерская делегация приняла участие в торжествах по случаю 500-летия победы венгров и южных славян над турками под Белградом; активизировались связи между пограничными областями. Однако запланированный обмен парламентскими делегациями в августе 1956 г. не состоялся, ибо югославы хотели, чтобы сначала «с поклоном» приехали венгры.

В месяцы, последовавшие за июльским пленумом, югославские дипломаты по-прежнему поддерживали связи с венгерскими оппозиционерами, пропагандировали югославский опыт, выступали с критикой экономической политики ВПГ, в том числе аграрной. Югославская пресса всё более открыто требовала восстановить справедливость в отношении опального Имре Надя. Венгерская сторона официально не реагировала, не желая осложнить процесс улучшения отношений с южным соседом. Надо заметить, что методы критики своего руководства, которые практиковала в Венгрии внутрипартийная оппозиция, югославские партфункционеры и дипломаты не считали приемлемыми для применения в самой Югославии. Так, вскоре после дискуссии о печати в Кружке Петефи, 2 июля, первый секретарь югославской миссии в Будапеште М. Георгиевич говорил советскому дипломату, что в отличие от Венгрии в Югославии никто открыто не выступает против линии партии. И это было правдой, о чем свидетельствуют преследования М. Джиласа. В Венгрии же, по его мнению, это стало возможным прежде всего вследствие серьезных ошибок, допущенных партийным руководством²⁴.

Спустя почти два месяца после получения письма из Будапешта, Тито в ответном письме от 11 сентября 1956 г. согласился в общем плане с целесообразностью проведения встречи на высшем уровне. В ходе начавшейся ее подготовки выяснилось, что в Белграде еще и в это время считали не до конца разрешенной проблему с положением югославянских нацменьшинств в Венгрии, обеспечением их прав на полноценное национальное развитие. Она называлась в числе проблем, подлежащих обсуждению и решению. Кроме того, Тито был недоволен тем, что еще не была доведена до конца реабилитация тех венгерских юго-

славян, которые были осуждены по делу Райка и другим судебным делам, носившим антиюгославский характер. Руководству СССР, заинтересованному в полной нормализации и активизации отношений своих сателлитов (в том числе Венгрии) с Югославией, пришлось взять на себя посредническую миссию, инициировав неформальную встречу Тито и Э. Гере. Она состоялась 30 сентября в Крыму: лидеры обеих стран в это время отдыхали там по приглашению Хрущева. Сторонам удалось договориться о поездке венгерской партийно-правительственной делегации в Белград 15 октября. Речь могла идти только о приезде венгров в Югославию, ведь в Будапеште прекрасно понимали, что Тито ни за что не поедет первым в страну, лидеры которой усерднее других участвовали в его травле.

Еще до этого, в конце сентября, был решен вопрос о перезахоронении останков Ласло Райка — этого всё настойчивее требовали политически активные круги в условиях общественного подъема, охватившего Венгрию. Так, 17 сентября об этом много говорилось на съезде венгерских писателей, вызвавшем огромный общественный резонанс. В субботу 6 октября в Будапеште на Керепешском кладбище состоялась торжественная церемония по перезахоронению казненных в октябре 1949 г. Л. Райка и его соратников Т. Сёни и А. Салаи. Несмотря на моросящий дождь, собрались десятки тысяч человек. Власти не только разрешили эту акцию, но даже рассылали разнарядки на заводы, чтобы на нее в организованном порядке были посланы рабочие (тем самым хотели снизить удельный вес молодой, радикально настроенной интеллигенции и студенчества во всем этом действе). Разрешив церемонию, партийно-государственные структуры хотели создать более благоприятный фон для предстоящей поездки Э. Гере в Белград²⁵. Но настроения в бурлившем венгерском обществе были таковы, что все эти разнарядки оказались совершенно излишними и стали только предметом анекдотов: людей пришло в 20–30 раз больше, чем первоначально ожидалось. Ведь требование полной реабилитации и торжественного перезахоронения Л. Райка было одним из главных, с которым выступала крепнувшая с каждой неделей и поддержанная снизу оппозиция, жаждавшая далеко идущих демократических преобразований.

Вернувшись в эти дни из СССР, Гере мог убедиться, что обстановка гораздо серьезнее, чем он ожидал. Под давлением крепнувшей оппозиции непопулярная власть должна была идти на новые и новые уступки в интересах сохранения хотя бы относительного контроля за ситуацией в стране.

15 октября с Восточного вокзала Будапешта отправился в Белград экспресс с венгерской делегацией и вечером того же дня прибыл в югославскую столицу. Накануне Имре Надь был восстановлен в партии, и об этом утром сообщили в газетах. Хотя И. Надю никогда не вменялись в вину проюгославские симпатии, преследования лидера внутрипартийной оппозиции, настаивавшего на проведении Венгрией более самостоятельной внешней политики, очень не нравились Тито и его окружению, ведь Имре Надь воспринимался ими как потенциальный венгерский партнер. Э. Гере, встречаясь 12 октября с Андроповым²⁶, очень нервничал. Он знал о желании И. Нады вернуться во власть со своей реформаторской программой, знал и о его растущей популярности в обществе, о том, что И. Надь воспринимается крепнущей оппозицией как харизматический лидер. Жесткий коммунистический ортодокс Э. Гере был откровенен, не скрывая от собеседника своего скептицизма по поводу югославской модели: если И. Надь окажется у руля страны и начнет свои реформы, говорил он советскому послу, Венгрия в скором времени будет еще в меньшей степени походить на социалистическое государство, «чем это имеет место в Югославии». Но задача полного примирения с соседней страной, пусть даже там стояли у власти, по мнению Э. Гере, люди ревизионистских и националистических убеждений, по-прежнему была актуальна, и не только в силу давления Москвы. Ведь даже относительный успех на этом пути мог быть записан в актив непопулярному партийному руководству собственным, венгерским общественным мнением. Таким образом, Гере должен был ехать в Белград (как в Каноссу). Там он принес в присутствии маршала Тито публичные извинения за проведение в Венгрии в прошлом антиюгославской кампании и подчеркнул важность дальнейшего сотрудничества своей страны с соседней Югославией, обладавшей солидным международным авторитетом. 22 октября между Белградом и Будапештом

была подписана декларация, ознаменовавшая собой восстановление дружественных отношений.

Когда на следующий день, во вторник 23 октября, ближе к вечеру, экспресс с венгерской партийно-правительственной делегацией прибыл на Восточный вокзал Будапешта, город уже вовсю бурлил, многотысячные толпы шли через Дунай, скандируя требования об уходе Советской армии из Венгрии, аресте М. Ракоши, проведении свободных выборов. Первоначальной целью демонстрации было выражение солидарности с польскими борцами за обновление социализма, подвергавшимся сильному прессингу из Москвы (Н.С. Хрущев, прибывший в Варшаву 19 октября, пытался воспрепятствовать возвращению В. Гомулки во власть). Югославия воспринималась венгерской оппозицией как потенциальный союзник. «С Югославией и Польшей наша сила втрое больше», — выкрикивала толпа, за которой внимательно наблюдали и югославские дипломаты, ждавшие от Венгрии более независимой внешней политики, но отнюдь не падения власти коммунистов в соседней стране. А именно это произошло в течение нескольких последующих дней.

23 октября венгерско-югославские отношения вступили в новый этап своего развития²⁷. После силового подавления в начале ноября Советской армией венгерской революции образ Югославии в сознании ее северных соседей заметно изменился. Теперь его предопределяла неоднозначная, непоследовательная позиция, занятая в венгерском вопросе режимом Тито, публично дистанцировавшимся от военного вторжения (на которое югославские лидеры тем не менее, не афишируя это, дали принципиальное согласие в ходе встречи с Хрущевым на острове Бриони в начале ноября), но при этом сразу признавшим новую венгерскую власть, принесенную на советских штыках, и сыгравшим не до конца проясненную роль в нейтрализации команды Имре Надя. Ведь глава революционного венгерского правительства, укrywшийся 4 ноября в югославском посольстве с группой соратников, был вынужден затем его покинуть, на некоторое время был депортирован в Румынию и в конце концов, в июне 1958 г., предстал перед судом, приговорившим его к смертной казни, что довольно легко «проглотил» официальный Белград, не заинтересованный в новой конфронтации с Советским Союзом²⁸.

Примечания

- ¹ Признание руководством КПСС Югославии как государства, строящего социализм, было официально сделано Н.С. Хрущевым на июльском 1955 г. пленуме ЦК КПСС.
- ² См.: *Кимура К.* «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // *Славяноведение*. 2012. № 1. С. 3–15.
- ³ См.: Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х — начала 1960-х годов // *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
- ⁴ См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века* / Отв. ред.: академик Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002. С. 323–345. Не без труда, и только к концу мая 1956 г., был разрешен вопрос о взаимных финансовых претензиях. Переговоры проходили нелегко, поскольку югославы настаивали на том, чтобы венгерская сторона компенсировала все убытки, образовавшиеся в результате разрыва торговых отношений в 1948–1949 гг., вопрос же о конкретной сумме убытков вызвал дискуссии. В конце концов сошлись на сумме 85 млн долларов США, показавшейся венгерскому общественному мнению чрезмерной; по донесениям советских дипломатов, и от венгерских рабочих можно было слышать: при всей необходимости нормализации отношений с Югославией, не слишком ли высока эта плата за нанесенные югославам в 1949 г. оскорбления. См. подробно: *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. С. 219–220.
- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 42–44.
- ⁶ О политических методах Ракоши в контексте «дела Райка» и венгерско-югославских отношений см.: *Кимура К., Стыкалин А.С.* Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // *Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории* / Отв. ред. А.С. Анিকেев. М.–СПб., 2017. С. 214–269.
- ⁷ См.: *Стыкалин А.С.* XX съезд КПСС и роспуск Коминформа // *Вопросы истории*. 2016. № 10. С. 3–19.
- ⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // *Вопросы истории*. 1994. № 5. С. 77. Материалы июньских 1956 г. встреч лидеров двух стран опубликованы в: *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый*. 1946–1964. М., 2014.
- ⁹ Он это прямо признал 21 августа, сразу после отставки Ракоши, в беседе с венгерским посланником Ш. Куримским. См.: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы* / Редакторы-составители. Е.Д. Орехова, В.Т. Серета, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 229.
- ¹⁰ См. записку К.Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС о беседе с М. Ракоши о состоянии венгерско-югославских отношений и сложности положения Ракоши в ВПТ: Там же. С. 97–99.
- ¹¹ Так, уже при утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем». См.: *Российский государственный архив новейшей истории* (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 12. Д. 35. Л. 2.
- ¹² *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы*. С. 91.

- 13 См. телеграмму Андропова в МИД СССР от 9 июня о беседе с Гере: Там же. С. 137–142. Вопрос этот ставился перед советским послом далеко не впервые. Так, Э. Гере и А. Хегедюш в ходе июньских бесед с Андроповым отмечали, что оппозиционные элементы всё чаще выдвигают в качестве примера югославский опыт строительства социализма, противопоставляя его советскому пути. См.: Там же. С. 89–92, 118–124.
- 14 См.: Там же. С. 148–149.
- 15 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 82. Л. 21–33.
- 16 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 75. В одном из документов говорилось также о враждебных выпадах некоторых югославских дипломатов в адрес венгерского правительства: «имеющиеся факты свидетельствуют о том, что многие работники югославской миссии в Будапеште настроены резко антивенгерски, тем самым по существу не отражая в своей деятельности официальной линии своего правительства». Ответственность за трудности, возникающие в ходе нормализации, они всецело возлагают на венгерскую сторону, которая длительное время не решалась открыто признать допущенные ошибки. Кроме того, они, как отмечалось, по-прежнему часто критикуют венгерскую политику в отношении нацменьшинств и, в частности, недовольны положением в Венгрии югославян (Там же. Л. 77).
- 17 С конца июня, после дискуссии о печати в Кружке Петефи, особенно активизировались выступления югославской прессы в поддержку венгерской оппозиции, против мер по борьбе с ней. В ответ на соответствующие упреки со стороны МИД Венгрии югославские дипломаты замечали, что оценки, фигурирующие в этих статьях, выражают мнение отдельных журналистов и не более того // См. записку посольства СССР в Венгрии от 23 августа 1956 г. «О деятельности работников югославской миссии в Будапеште, мешающей нормализации венгеро-югославских отношений». (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 74–81). См. также телеграмму А.И. Микояна, посетившего в июле Будапешт и одобрившего смещение Ракоши, в ЦК КПСС в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. С. 173–175. См. также запись беседы Андропова с Гере от 2 августа 1956 г.: Там же. С. 210–215.
- 18 См. подробнее: Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х–начала 1960-х годов // *Стъкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе*. М., 2016.
- 19 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 71–72.
- 20 Magyar Országos Levéltár (MOL). 276. F. 52/35.б.е.
- 21 Так, в записке посольства СССР от 23 августа отмечалось: «Есть основания полагать, что решения июльского пленума ЦК ВПТ приведут к значительному улучшению отношений между двумя странами» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 68–69).
- 22 MOL. 276. F. 53/298.б.е.// уо. F. 98/140.б.е.
- 23 В качестве одного из жестов, направленных на снятие наслоений в отношениях с югославами, газета «Szabad Nép» («Свободный народ») еще 15 июля выступила со статьей, в которой довольно критически оценила политику ВПТ применительно к югославянскому меньшинству (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 74–81). См. также: A magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956: az állami- es pártkapcsolatok rendezése, az októberi fekelés, a Nagy Imre-csoport sorsa. Dokumentumok / Ed. J. Kiss, Z. Ripp, I. Vida. Bp., 1995. 110–113. о.
- 24 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 9. Л. 112–114.
- 25 Такое мнение сложилось и у советских дипломатов. См.: Там же. Оп. 38а. Папка 211. Л. 25.

- ²⁶ См. телеграмму Ю.В. Андропова в МИД СССР о беседе с Э. Гере о резком ухудшении общественно-политической обстановки в Венгрии в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. С. 300–306.
- ²⁷ См.: *Гибянский Л.Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 года в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М.–Спб., 2018. С. 62–91.
- ²⁸ См.: *Стыкалин А.С.* «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 275–295.

Между «двойным освобождением» и оккупацией: болгарское общество об итогах Второй мировой войны

Как хорошо известно, до 1989 г. в болгарской исторической литературе и в общественном пространстве Болгарии господствовала советская версия истории Второй мировой войны. Составной ее частью являлся тезис о «двойном освобождении» страны Россией: от турок в 1877–1878 гг. и от немецких фашистов в 1944 г. Относительно второго освобождения указывалось, что объявление войны Болгарии 5 сентября 1944 г. и вступление частей Красной армии на территорию страны имели решающее значение для участия болгар в войне против Германии: эти события дали возможность защитить национальные интересы болгарского государства, ускорили революционные процессы внутри страны и обеспечили победу народной власти.

После 1989 г. идеологические конструкторы советской эпохи стали пересматриваться болгарскими историками и обществом в целом. Одним из самых «атакуемых» стал тезис о «двойном освобождении».

Прежде чем попытаться выяснить, как менялись взгляды болгар на историю Второй мировой войны, и, прежде всего, как совершались отход от идеи о «двойном освобождении» и ее замена тезисом о советской оккупации, необходимо сказать о болгаро-русских / болгаро-советских отношениях. Хотя тезис о «двойном освобождении» нельзя рассматривать только в контексте развития двусторонних отношений, но ярко выраженное деление болгар на русофилов и русофобов, о чем далее пойдет речь, сказывалось и продолжает сказываться на всех вопросах, касающихся болгаро-русских отношений.

В целом исследователи склоняются к тому, что эти отношения глубоко неоднозначны. Вот как в 2015 г. описал их человек

«со стороны» — бельгийский историк-болгарист и переводчик Раймонд Детрез: «Двойственное — славянофильское и имперское — отношение русских к болгарам еще в первые годы после Освобождения привело к настоящему расколу болгарского общества на русофилов и русофобов. Эта поляризация существует и по сей день. Во время холодной войны коммунистический режим в Болгарии сделал всё, что в его силах, чтобы усилить чувства благодарности и “вечной дружбы”. При этом благодарность русским за освобождение шла рука об руку с отрицательным отношением к туркам. Иными словами, чем страшнее выглядит “турецкое иго”, тем более благодарными будут болгары. В результате мы имеем дело с односторонними представлениями о прошлом, возникшими в основном благодаря коммунистической индоктринации»¹.

О двойственности в отношениях между русскими и болгарами говорят и «инсайдеры». Проф. Искра Баева, например, указывает на их [отношений] «скрытую двойственность»: болгары, с одной стороны, были благодарны России за освобождение, но с другой, стремились к реализации своих национальных идеалов. Эта двойственность порождала «расхождение во внешней политике и много горечи: болгарские политики будут искать других союзников не только в первой половине XX в., но и после 1989 г., в то время как большая часть болгарского народа продолжает оставаться русофильски настроенной, а российское общественное мнение в эти моменты будет осуждать Болгарию как неблагодарную страну»².

Исследуя современное болгарское русофильство и русофобство, И. Баева пришла к убеждению, что «ни в прошлом, ни сегодня такие определения не существуют для других стран, какими бы великими они ни были или остаются и по сей день. У граждан большинства балканских стран великие державы также вызывают позитивные или негативные чувства, но нигде в регионе нет такого сильного разделения в отношении России между любовью, благодарностью и преклонением, с одной стороны, и ненавистью, отрицанием и противопоставлением, с другой»³.

После этих кратких уточнений вернемся к основной проблеме исследования — к тезису о «двойном освобождении».

Идея необходимости освобождения болгар начала вырисовываться сразу после нападения Германии на СССР. Уже 22 июня 1941 г. Г. Димитров направил в ЦК Болгарской Рабочей партии (БРП) радиogramму с призывом «принять все меры для того, чтобы облегчить борьбу советского народа, противодействовать анти-советским планам болгарской реакции, крепить единый народный фронт борьбы против немецкого фашизма», притом специально указал, что на данном этапе речь идет именно «об освобождении народов от фашистского порабощения».

Дальнейшее развитие тезиса об освобождении шло в русле новой инициативы Москвы, взятой на вооружение сразу после 22 июня, — объединить славян для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками⁴. Наряду с активной пропагандой этой идеи в советской прессе того времени⁵, Кремль предпринял и ряд практических действий в этом направлении: организация радиомитингов, в которых принимали участие представители всех славянских народов — русские, украинцы, белорусы, чехи, поляки, сербы, болгары, словаки, хорваты; создание Всеславянского комитета (с национальными секциями); проведение научных форумов и публикация в прессе статей ученых, которые должны были утвердить в общественном сознании идею общности славянских культур и показать историю «вековой» борьбы славянских народов против немецкой агрессии; пропаганда славянского единства при помощи созданных в Москве Коминтерном радиостанций находящихся в СССР заграничных руководств коммунистических партий для вещания на всех славянских языках и т.д.

Пропаганда идеи славянского единения была основана на трех основных тезисах: 1) немецкие фашисты ведут борьбу со славянством в целях уничтожения славянских наций и славянской культуры; 2) необходимость объединения всех славян во всеславянский фронт для борьбы против их исторического врага — немецких захватчиков; 3) союз Болгарии, Хорватии и Словакии с Гитлером был заключен продажными правителями, которые фактически превратили свои народы в немецких вассалов, между тем как народные массы поднялись на борьбу с фашистскими захватчиками и их доморощенными пособниками.

В отношении Болгарии этот последний пункт можно проиллюстрировать цитатой из статьи, опубликованной в журнале «Большевик» в июле 1941 г., в которой утверждалось, что болгарский народ, проданный Гитлеру правящей кликой изменников во главе с Филовым и Поповым, стонет под пятой немецких оккупационных войск⁶.

И когда войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина 8 сентября 1944 г. форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии, советское командование обратилось с воззванием к болгарскому народу, в котором подчеркивалось: «Красная Армия вступила в Болгарию как армия-освободительница от немецкого ига»⁷. Именно на этой идеологической основе вырос и тезис о «двойном освобождении» болгар. По приказу правительства Константина Муравиева болгарская армия не оказала никакого сопротивления, а советская Ставка Верховного главнокомандования, со своей стороны, распорядилась не разоружать ее. Эти факты также способствовали утверждению в массовом сознании тезиса об освобождении. Его стали особенно акцентировать после подписания 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии между Болгарией и союзными государствами СССР, Великобританией и США. Как известно, согласно его статьям, в Болгарии предусматривалось создание Союзной контрольной комиссии (СКК) под руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Ее наличие в стране равно, как и деятельность военных комендатур, свидетельствовали о военной оккупации бывшей страны-сателлита, а известное «процентное соглашение» от 9 октября 1944 г. между Сталиным и Черчиллем, разделившее Юго-Восточную Европу на сферы влияния, уже определило место Болгарии в советской сфере⁸. В этих условиях новая власть оказалась перед необходимостью особо подчеркивать размежевание между преступной правящей кликой и народными массами. Наиболее явно это проявилось в ходе подготовки Славянского собора в Софии, состоявшегося в начале марта 1945 г. Как писал в своей статье, опубликованной в первом номере журнала «Българо-съветска дружба» (январь 1945 г.), начальник управления по делам печати и член редколлегии журнала Сава Гановски, «болгарский народ прилагает все

усилия, чтобы смыть со своего чела пятно позора из-за действий преступной фашистской клики и не только спасти страну от поражения или катастрофы, но и восстановить свою честь, доверие и достоинство среди демократических наций»⁹. В тему искупления вины болгар перед другими славянскими народами, и в первую очередь перед русским, органично вписывался тезис о «двойном освобождении» и о «нерушимой болгаро-советской дружбе». Он стал главным инструментом идеологического воздействия правящей коммунистической партии на протяжении всего периода ее нахождения у власти¹⁰.

Таким образом, страна, на территории которой не было иноплеменных захватчиков, а находились союзники (по крайней мере до 8 сентября 1944 г., когда правительство Муравиева объявило войну Германии¹¹), страна, которая управлялась собственным монархом, собственным правительством, собственным парламентом, оказалась в списке «освобожденных». Потому что режим был «монархо-фашистским», потому что если не «подавляющая», то хотя бы «лучшая» часть народа боролась за его свержение, что, в конечном счете, и произошло при «решающей помощи Красной Армии». Так Россия / Советский Союз превратилась в «двойного освободителя». Это напоминание о заслугах «царизма» не очень-то нравилось в Москве, но зато напоминало болгарам о первом освобождении и о первом освободителе, к которому, несмотря на все последующие «недоразумения» в двусторонних отношениях между Софией и Москвой, приведшие к участию в двух мировых конфликтах по разные стороны баррикад, немалое число болгар продолжало испытывать теплые чувства. Эти чувства не оставались незамеченными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Так, например, Черчилль на первом заседании «большой тройки» в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) упомянул, что болгары «все еще помнят, что Россия освободила их от турок»¹². А чиновники из Отдела по делам Южной Европы Государственного департамента США в подготовленном ими меморандуме для их патрона — заместителя государственного секретаря Эдварда Стеттиниуса-младшего, объясняли: «Особое положение Болгарии среди сателлитов Оси пристокает из того факта, что хотя эта страна следовала Оси

и объявила войну Соединенным Штатам в декабре 1941 г., она не участвовала, как Венгрия и Румыния, в войне против России и действительно имеет, в основном из-за расовых [славянских] корней, особые отношения и связи с «Магушкой-Россией»¹³.

Здесь, кстати, сто́ит напомнить, что сами болгары (по крайней мере не такая уж малая их часть) чувствовали себя в то время «освобождаемыми». Об этом свидетельствуют, помимо прочего, сохранившиеся фотографии, запечатлевшие восторженные встречи советских солдат болгарским населением и транспаранты с надписями: «Привет дорогим освободителям», «Добро пожаловать, освободители» и т.д.

Однако, нельзя забывать и о том, что, несмотря на заверения военного командования о том, что «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом», на самом деле советское руководство хотело, чтобы объявленную им войну Болгарии воспринимали вполне серьезно. Это подтверждает, в частности, эпизод из жизни выдающегося советского поэта и писателя Константина Симонова, прибывшего в сентябре 1944 г. в Болгарию в качестве военного корреспондента газеты «Красная звезда». Узнав о его приезде, болгарские интеллектуалы во главе с тогдашним министром пропаганды Димо Казасовым предложили ему принять участие в литературной встрече в одном из софийских кинотеатров и почитать свои стихи. Однако в разгар подготовки Симонова вызвал заместитель председателя СКК генерал-полковник С.С. Бирюзов и строго отчитал его: «Кто вам дал разрешение на такую встречу?! Мы пока еще в состоянии войны с Болгарией!»¹⁴ Вскоре после этого Симонов был отозван из страны.

После 1989 г. идеологические постулаты советской эпохи стали пересматриваться историками. И оказалось, что история Второй мировой войны прочно обросла мифами, притом не только советскими. Ученые отмечали, что память об этих событиях была «искажена, сублимирована и адаптирована», в результате чего европейское общество получило в наследство от послевоенной эпохи такую «правду», которая в сущности своей «фунда-

ментально сфальсифицирована». Причем, это можно отнести как к Восточной, так и к Западной Европе. Именно на эти проблемы обратил внимание еще в далеком 1992 г. британский историк Тони Джадт¹⁵. В данном случае нас интересует то, что, выстраивая продуманную четкую схему создания мифов о Второй мировой войне, он отвел тезису об «освобождении» одно из центральных мест. Анализируя мифотворческую ситуацию в Восточной Европе, Джадт указал, что на Востоке, где везде (кроме Югославии и Албании) коммунизм утвердился не благодаря героическим усилиям местного движения сопротивления, а прибыв в «товарном вагоне» Красной армии, коммунисты были заинтересованы в том, чтобы люди поверили в следующий тезис: Центральная и Восточная Европа были невинными жертвами германского вторжения, само население не принимало участия в моральном падении собственной страны или в преступлениях, совершавшихся на ее территории, и стало полноправным партнером в деле собственного освобождения под руководством советских войск и местных партизан-коммунистов. Эта версия, отмечал далее британский историк, еще в 1940-х годах прочно утвердившаяся в школьных учебниках в странах «народной демократии», на самом деле абсолютно неправдоподобна, и лишь немногие в Центральной и Восточной Европе смогли в нее поверить. Но поначалу заинтересованных в ее опровержении не было, а спустя несколько лет сделать это уже было совершенно невозможно. И в итоге данная трактовка событий укоренилась в коллективной памяти¹⁶.

Подобные перемены не прошли и мимо Болгарии. После 1989 г. в болгарской историографии, прессе и публицистике началась дискуссия об освещении истории Второй мировой войны. В числе самых спорных оказалась проблема пребывания советских войск на территории Болгарии в 1944–1947 гг. Она трактовалась и как освобождение, и как советское военное присутствие, и как оккупация. И если новая (демократическая!) пресса стала сразу подвергать пересмотру прежние оценки¹⁷, выдвигая, между прочим, и тезис о том, что для Болгарии как части Восточной Европы, оказавшейся в советской сфере влияния, война закончилась только «сейчас», т.е. спустя 45 лет после 9 мая 1945 г., то серьезные историки не торопились с переоценкой событий

недавнего прошлого. Им прежде всего требовалось время, чтобы изучить ставшие доступными материалы архивов, что «позволило преодолеть односторонние интерпретации, а дискуссия по проблемам этих отношений (болгаро-советских. — П. Д.) сумела выйти из плена журналистики и занять полагающееся ей место в профессиональном поле»¹⁸.

Именно это и произошло в рамках международного научного проекта «Россия и Болгария в XX веке. Новые документы, новые идеи» Института истории Болгарской академии наук¹⁹. Во время первой научной конференции «Болгария и Россия в XX веке», состоявшейся в 1995 г., эта проблема затрагивалась в докладах двух болгарских ученых — Мито Исусова и Йордана Баева. В докладе М. Исусова отстаивалось мнение, что после подписания перемирия с союзниками Болгария «была поставлена в ситуацию сильной, даже полной зависимости, но вовсе не была оккупирована», поскольку из Москвы в Софию поступали не только приказы и решения, но и предложения, мнения, советы и вопросы²⁰. В свою очередь Й. Баев считал, что советское военное присутствие в Болгарии можно охарактеризовать и как «оккупационное», и как «освободительное» — в зависимости от ракурса, с которого рассматривался данный вопрос. С общецивилизационной точки зрения разгром гитлеровских войск Советской армией носил освободительный характер. С чисто юридической точки зрения присутствие советских войск в Болгарии и функционирование СКК имели оккупационный характер²¹.

Дальнейшее обсуждение проходило уже на второй конференции, организованной в рамках проекта «Болгария в сфере советских интересов» (1997). Вопрос о пребывании советских войск на территории Болгарии, начиная с сентября 1944 г., стал предметом оживленной дискуссии. Свой исследовательский вклад внес Стоян Пинтев. Он указал, что еще при подготовке Соглашения о перемирии, а затем и мирных договоров со странами-сателлитами в созданной в 1943 г. Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК) советская сторона подчеркивала: речь идет не об оккупации, а лишь о продвижении и вступлении на территорию Болгарии или на территорию других германских сателлитов советских войск или войск союзников. В случае с Болгарией этот

вопрос будет дополнительно решен советским главнокомандованием, если возникнет военная необходимость²². В ходе обсуждений в ЕКК участники пришли к формулировке, зафиксированной впоследствии во всех соглашениях о перемирии с бывшими сателлитами Германии (за исключением Италии). Согласно ей, советские войска считались освободительными. «Ни в одном из соглашений о перемирии с Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией, — подчеркнул Пинтев, — мы не увидим, что ставится вопрос об оккупации, что в эти страны посылаются оккупационные силы»²³. Однако это вовсе не означает, что де-факто не было оккупации. Поэтому, заключая свое выступление, Пинтев констатировал, что до подписания мирного договора в 1947 г. «с международно-правовой точки зрения Болгария являлась оккупированной страной, но этим вовсе не исчерпывалось всё содержание болгаро-советских отношений в этот период»²⁴. Конечно, следует иметь ввиду, что на эти оценки наложило отпечаток само тогдашнее время, характеризовавшееся переходным характером, когда на основе новых подходов шло переосмысление событий, связанных с болгаро-советскими отношениями.

За все прошедшие с тех пор годы специалисты не смогли прийти к единому мнению. Наоборот, к сегодняшнему дню оценки гораздо более поляризованы. Но акцент дискуссии изменился, и речь уже идет не о первоначальном противопоставлении освобождения и оккупации. Мнения большей части исследователей сходятся в общем в том, что в данном случае, как указывал еще Й. Баев, можно и нужно говорить об оккупации, хотя бы в чисто юридическом смысле. Эту точку зрения отстаивал и Любомир Огнянов, отметивший, что хотя само Соглашение о перемирии и не предусматривало полной и безоговорочной капитуляции Болгарии, но на самом деле военно-политическое присутствие советских войск ставило ее в режим оккупации. Огнянов считает, что статьи Соглашения были слишком тяжелыми для Болгарии, но «это было неизбежно для побежденной страны»²⁵.

Но оккупация оккупации рознь.

Тезис об оккупации звучит и у Луизы Ревякиной, тщательно изучившей документы о деятельности СКК в Болгарии (и подготовившей их к публикации вместе с Т.В. Волокитиной²⁶). По ее

мнению, дефиниция *оккупация* вполне адекватно отвечает создавшейся ситуации. «В документах союзников, включая советские, того времени (1944–1947 г.) речь идет об оккупации, о содержании оккупационных советских войск в Болгарии». И это вполне справедливо, поскольку «Красная Армия прибыла в страну не как друг Болгарии, а как армия, ведущая тяжелую войну против Германии и ее союзников, в данном случае Болгарии»²⁷. А во исполнение подписанного 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии между Болгарией и тремя великими державами в стране был введен оккупационный режим и учреждена Союзная Контрольная Комиссия, действующая под руководством Советского Верховного командования²⁸.

Совсем иначе вопрос об оккупации рассматривается в сочинениях, например, Веселина Ангелова, прямо поставившего знак равенства между «советской оккупацией» и «третьей национальной катастрофой» Болгарии. Книга под таким названием вышла в 2005 г.²⁹. Согласно утверждениям автора, страна была «подвержена безоглядному, невиданному в ее истории грабежу. [Она] переживала тяжелый социально-экономический и общественно-политический кризис... беспрецедентную и тяжелую национальную катастрофу с еще более тяжелыми последствиями для ее будущего развития». И дальше: «Страна была разграблена. В результате денежной реформы было ограблено и ее население. Оккупанты сделали это в форме “взаимобразной” торговли товарами, неконтролируемого изъятия колоссальных по размеру денежных средств и продуктов питания, конфискации почти всех железнодорожных, речных и морских средств передвижения, большого количества недвижимости. Чтобы расчистить путь советскому экономическому проникновению, они захватили не только германские, но и значительный объем болгарских и прочих иностранных активов и капиталов»³⁰.

Бурные дебаты по этим проблемам не утихают и в болгарском общественном пространстве. Основные споры сосредоточены вокруг следующих вопросов: 1. Было ли вообще необходимо объявление войны Советским Союзом Болгарии, что привело

к заключению перемирия, согласно которому в стране был введен оккупационный режим? 2. Вправе ли был СССР навязывать стране, которая на самом деле не воевала против него, оккупационный режим, и в связи с этим во сколько обошлось болгарам содержание советских оккупационных войск? 3. Какова должна быть судьба памятников Советской армии, воздвигнутых в разных населенных пунктах Болгарии в период 1944–1989 гг., с акцентом на судьбу памятника Советской армии в Софии.

В связи с первым пунктом дискуссий главный спор идет о том, было ли необходимым с военной точки зрения объявление СССР войны Болгарии. Или это был тактический ход, целью которого было введение войск в страну с тем, чтобы помочь коммунистическим силам укрепиться во власти. И каковы были результаты подобных действий для болгар?

Поднимается вопрос о (не)заключении перемирия с США и Великобританией летом 1944 г.: что бы произошло, если бы болгарский представитель Стойчо Мошанов заключил это перемирие прежде, чем СССР объявил войну Болгарии; зачем Мошанову нужно было лавировать и искать причины, чтобы не ставить свою подпись под документом, выработанным западными союзниками?

В ответах на эти вопросы можно четко проследить издавна существующее разделение болгар. По одну сторону стоят те, для которых объявление войны Советским Союзом вполне оправдано и полностью подчинено военно-политическим целям — необходимости продвижения Красной армии на запад через болгарскую территорию. При этом, как считает И. Баева, «повторилась ситуация, сложившаяся в феврале 1941 г., когда Болгария была вынуждена присоединиться к Тройственному пакту, чтобы избежать вторжения Германии»³¹. По другую сторону находятся те, для которых объявление войны рассматривается как не обусловленный военными целями злостный умысел Кремля с очевидной мотивацией — прибрать к рукам Болгарию и приблизиться к заветной с давних времен цели Москвы — Константинополю и Проливам. Вот некоторые из их эмоциональных суждений:

«5 сентября 1944 г. Советский Союз подло и без всякой причины объявил войну Болгарии, которая, несмотря на давление Берлина, сохранила мирные дипломатические отношения с СССР

на протяжении всей войны. Будучи союзником Германии из-за отсутствия другого выхода (чтобы избежать оккупации во время неизбежного продвижения 600-тысячной немецкой армии через страну), Болгария отказывалась участвовать в агрессивных военных действиях против кого-либо, включая Советский Союз»³².

Некоторые идут еще дальше в своих утверждениях: «Чтобы добиться давно запланированного присоединения Болгарии к советской империи, сталинская верхушка ликвидировала царя [Бориса III] и завербовала часть политической элиты, которая совершила государственный переворот и сдала страну Кремлю»³³.

Это всё неправда, утверждают их оппоненты. «Жалобы на то, что подлые русские объявили нам войну, а мы не воевали ни против них, ни против кого-либо еще, всерьез расходятся с реальными событиями и документами. Неверно, ... что Болгария становится «союзником Германии из-за отсутствия другого выхода, чтобы избежать оккупации во время неизбежного продвижения 600-тысячной немецкой армии через страну». Роль Болгарии в войне не сводится к транзитному коридору. Болгария становится таким же оккупантом и агрессором, как Германия, Италия и другие страны гитлеровской коалиции. И это происходит не из-за безвыходности, а сознательно — по экономическим причинам и из-за реваншистских территориальных амбиций»³⁴.

Некоторые даже пишут, что Красная армия, которую «политики и историки» рассматривают как оккупанта, на самом деле «освободила Восточную и Центральную Европу от нацистской оккупации, освободила Грецию и Югославию от немецких и болгарских оккупантов!»³⁵.

Но из «лагеря противника» продолжают возражать: «В то время, когда СССР вероломно объявил войну Болгарии, та вела переговоры о заключении перемирия в Каире с англичанами и американцами. Советский Союз был хорошо осведомлен об этих переговорах и поторопился с оккупацией Болгарии, чтобы распорядиться ею по собственному усмотрению»³⁶. Или: «Советский Союз объявил, что его войска снова пришли освободить болгарский народ, на этот раз от “немецкого ига”. Утверждения о каком-то навязанном “гитлеровском рабстве” и втором освобождении — циничная пропагандистская инсинуация»³⁷.

Как можно убедиться, для одной группы историков, публицистов, общественных деятелей «оккупация Болгарии Красной Армией помогла сохранить государственную целостность», поскольку подписание перемирия с США и Великобританией в начале сентября 1944 г. могло привести к вводу турецких войск в Болгарию, так же, как и к удовлетворению определенных территориальных претензий Греции к Болгарии. Их оппоненты, наоборот, утверждают, что вторжение советских частей на территорию Болгарии — самое большое зло, какое могло выпасть на долю болгар. Они считают, что оккупация могла быть лишь советской и что заключи наша страна перемирие в Каире с представителями Великобритании и США, никакой оккупации вовсе бы не было или, по крайней мере, она была бы намного более «цивилизованной».

Каковы бы ни были споры по данному вопросу, они в конечном счете способствуют формированию очередного мифа — о Болгарии как невинной жертве «диких орд» с Востока.

Что касается вопроса о цене советской оккупации, то болгары давно начали задаваться вопросом, во сколько обошлось им содержание советских войск на их территории, то есть «второе освобождение»? И конкретнее — каковы были расходы болгарского государства в первые месяцы и годы после 9 сентября 1944 г.? Так, например, еще в 1969 г. М. Исусов попытался подсчитать расходы Болгарии в так называемой Отечественной войне болгарского народа и получил следующий итог: за первый период войны (сентябрь–декабрь 1944 г.) было израсходовано 61 219 561 964 лева, второй период (январь–май 1945 г.) обошелся дороже — 72 061 458 187 левов. Всего участие Болгарии в заключительной фазе Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции обошлось ей в 133 281 020 151 лев³⁸. Но ученый не ограничился этими подсчетами и впервые привел данные о том, во сколько обошлось болгарскому государству содержание советских солдат, находившихся на территории Болгарии с сентября 1944 до конца июня 1945 гг. Оказалось, что на содержание советского воинского контингента и СКК за указанный период было израсходовано 23 295 922 715 левов³⁹.

Среди немногих авторов, продолживших изучение этих проблем, следует отметить специалиста по экономической истории Даниела Вачкова, посвятившего не одно свое исследование проблемам финансов Болгарии, в частности и касающимся пребывания советских войск в Болгарии в середине 1940-х годов. В 2004 г. вышла его статья «Выполнение финансово-экономических пунктов Соглашения о перемирии с Болгарией от 28 октября 1944 г.»⁴⁰, в которой обосновывается тезис о высоких и непосильных для экономики страны платежах, наложенных на Болгарию Соглашением, — почти 39 млрд левов, что оказало, подчеркивает Вачков, исключительно неблагоприятное влияние на экономику страны. В последующих своих исследованиях автор развил и представил более детальную картину огромного напряжения болгарской экономики в связи с содержанием советских оккупационных войск и самой СКК. В них снова четко указана конкретная сумма: «Если подсчитать расходы по исполнению всех пунктов перемирия, то выходит, что за период с октября 1944 г. по май 1947 г. страна уплатила деньгами, товарами и услугами сумму в размере 38 935 523 344 лева»⁴¹. И чтобы более наглядно проиллюстрировать тяжесть подобных платежей для болгарской экономики и болгарского государства в целом, автор отметил, что эти расходы сопоставимы только с огромной германской задолженностью Болгарии (38 млрд левов), накопившейся за 1941–1944 гг. в результате клиринговой торговли.

В тексте приведены и другие данные, но я хотела бы обратить внимание на следующую цифру — 133 280 719 447 левов. Ее Вачков получил при подсчете всех расходов, понесенных Болгарией при участии на заключительном этапе войны на стороне антигитлеровской коалиции. «При сложении чисел, указанных в отдельных параграфах, — пишет историк, — получается колоссальная сумма в 133 280 719 447 левов, что представляет собой *общую сумму расходов на участие Болгарии в войне против гитлеровской Германии* (курсив мой. — П. Д.)»⁴².

Однако всего несколько лет спустя болгарская пресса запестрела кричащими заголовками: «133 млрд левов стоила советская оккупация Болгарии». Впервые «сенсационные открытия» были опубликованы в еженедельнике «168 часа» в июне 2014 г.⁴³, а за-

тем заглавие статьи было растиражировано в других бумажных и электронных изданиях⁴⁴.

Остановлюсь подробнее на этом материале, поскольку на его примере можно четко проследить «технику» создания новых мифов. Первоисточником этой информации оказался небезызвестный политолог Антон Тодоров, один из самых ярых защитников тезиса о том, что за годы советской оккупации, да и после нее, шло безжалостное ограбление Болгарии Советами, что оно, ограбление, приняло такие невообразимые масштабы, что когда читаешь документы из болгарских архивов, задаешься вопросом — как возможно, чтобы факты и документы об этом полностью были неизвестны или мало известны исследователям?

После вышеупомянутого безапелляционного заголовка, набранного крупным «жирным» шрифтом, уже меньшим кеглем подробно расшифровываются эти колоссальные расходы. Оказывается, что указанная сумма «включает и расходы Болгарии в размере около 63,2 млрд левов в связи с ее участием в войне против Германии⁴⁵... 30 млрд левов — это расходы по выполнению перемирия... В сумму 133 млрд левов входят также и некоторые косвенные убытки в размере свыше 27 млрд левов, а также расходы на пособия, пенсии и одноразовые выплаты — 10,9 млрд левов»⁴⁶.

Далее Тодоров утверждает: «Изнемогая под этим непосильным бременем, к концу 1945 г. Совет министров всё же осмелился обратиться к [заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР] В.М. Молотову с просьбой прекратить “это безумие, поскольку у казны больше нет денег”. Эта констатация, однако, не вызвала ни малейшего сочувствия в Москве, которая продолжала требовать от болгар всё больше и больше с тем аргументом, что Болгария как побежденный союзник Гитлера должна быть благодарной, что с нее требуют так мало»⁴⁷.

Между тем, чтобы разобраться, следует заметить, что 30 октября 1945 г. находившийся в Москве Г. Димитров направил В.М. Молотову сопроводительное письмо с приложением поступившей из ЦК БРП(к) «информации» «О выполнении договора о перемирии» и «Заметки об экономическом и финансовом положении Болгарии». Письмо с указанными материалами поступили в секретариат Молотова. В справке «О выполнении

договора о перемирии» указывалось, что для того, «чтобы избежать финансовой катастрофы, абсолютно необходимо: 1) Сократить до возможного минимума расходы по военному ведомству; 2) Сократить возможно больше расходы по выполнению Договора о перемирии с точки зрения их быстрейшей ликвидации»⁴⁸. Но в «Заметках», между прочим, можно прочесть следующее: «В связи с финансовым положением нужно особенно подчеркнуть, что расходы по перемирию, *хотя и сокращены наполовину* (курсив мой. — П. Д.), всё же становятся всё более невыносимыми вообще. Необходимо сделать усилия для возможно скорейшего прекращения этих расходов полностью...»⁴⁹. Очевидно, что документ предоставляет исследователю возможность выбрать, на чем при его интерпретации сделать акцент, — на действительно крайне тяжелом состоянии болгарской экономики и болгарских финансов в результате присутствия в стране советских оккупационных войск и СКК, или на том, что Советское Главнокомандование всё-таки пыталось в определенной ситуации идти навстречу болгарам, сокращая размеры платежей.

Хотелось бы обратить внимание и на другое неверное утверждение Тодорова. Он пишет, что с осени 1944 по 1947 г., «около 600 тыс. советских солдат и офицеров пребывали на болгарской земле. Секретные межправительственные соглашения устанавливали порядок их содержания за наш счет. Более того — все зарплаты, командировочные и накладные расходы выплачивались им в долларах, что являлось категорическим требованием советской стороны. При этом речь шла о суммах, многократно превышающих доходы болгарского гражданина со средним достатком»⁵⁰.

Однако имеющиеся ныне в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что все суммы выплачивались в болгарских левах. Об этом говорят как материалы органов власти Болгарии, так и документы советской военной администрации. Вот пример. В письме заместителя председателя СКК генерал-полковника С.С. Бирюзова и начальника штаба СКК генерал-майора А.И. Сучкова министру иностранных дел и культов, комиссару по выполнению Соглашения о перемирии П. Стайнову о выделении средств на покрытие расходов Союзного (Советско-

го) Главногокомандования от 4 ноября 1945 г. сообщается: «Для покрытия расходов Союзного (Советского) Главногокомандования в валюте требуется на ноябрь месяц 420 миллионов (четыреста двадцать миллионов) левов»⁵¹. Другой пример. В памятной записке С.С. Бирюзову о финансовом положении Болгарии от 28 ноября 1945 г. П. Стайнов писал: «Болгарское правительство при выполнении Соглашения о перемирии приложило много сил, чтобы облегчить Союзному (Советскому) Главномукомандованию содержание пребывающих в стране воинских частей братской Красной Армии как необходимым продовольствием, материальными средствами, помещениями и др., так и соответствующими денежными суммами в болгарской валюте в рамках ст. 15 Соглашения о перемирии»⁵².

Всё это наводит на мысль, что то ли А. Тодоров слишком вольно интерпретировал слово *валюта*, не обращая внимание на то, что указанная в документах валюта — болгарский лев, а не доллары (что маловероятно), то ли речь идет об очередной манипуляции фактами.

Но рядовой болгарский читатель и пользователь интернета, кому предназначалась вышеприведенная информация, может и не обратить внимания на эти «нестыковки». В его сознании останется то, что советская оккупация обошлась болгарам более чем в 133 млрд левов и что Советы, не считаясь ни с чем, не только тянули из страны все ее финансовые и прочие ресурсы, но еще и требовали при этом твердую валюту.

Тем более что, как уже ранее было отмечено, эта информация сразу тиражировалась в других изданиях, и на ее основе многие авторы давали свободу своему воображению. Вот пример: «Советская оккупация Болгарии продолжалась с 1944 по 1948 гг. и стоила 138 миллиардов левов, не считая разбойничьих грабежей русскими частной собственности болгар. Русские останавливали грузовики перед частными магазинами болгар и выносили из них всё, не платя ни стотинки»⁵³.

Здесь необходимо сделать уточнение. То, что имелись случаи и грабежей, и мародёрства, и изнасилований, и даже убийств, вряд ли стоит подвергать сомнению. Это признавалось и советскими военными властями. Неслучайно в упоминавшейся пу-

бликации в газете «168 часа» 2014 г. говорилось: «Фактом является то, что очень большое число советских военнослужащих были наказаны — расстреляны за мародёрство, за изнасилования, за другие безобразия, так же, как и за неподчинение»⁵⁴.

Но фактом является и то, что по этому вопросу также можно найти немало спекулятивных утверждений, способствующих созданию новых мифов. Вот пример. На сайте болгарской редакции «Дойче велле» можно прочесть следующее: «По указанию диктатора Тито в 1955 г. югославская УДБА (Управа државне безбедности / Управление государственной безопасности. — П. Д.) раскрыла часть совершенных советскими военнослужащими тяжелых уголовных деяний на территории страны в конце 1944 и начале 1945 года: 1219 изнасилований и 359 попыток изнасилования; 111 изнасилований завершились убийством и 248 — попытками убийства; 1204 случая грабежа, сопровождавшихся увечьями потерпевших. Но если “братский” сербский народ, который всегда был верным союзником России, испытал подобную кровавую вакханалию во времена, когда на территории Югославии находилось 300 тыс. советских солдат, то что же произошло в Болгарии, которую Кремль считал “врагом” и которую удерживал под оккупацией в течение трех лет при помощи 600 тыс. русских солдат, несмотря на то, что царская Болгария запретила отправку на Восточный фронт даже добровольцев?»⁵⁵ После подобного изложения любой читатель, наверное, должен был подумать, что болгарские жертвы — в разы больше.

Ответ на прозвучавший риторический вопрос был всё-таки дан, хотя и несколько месяцев спустя. В первом выпуске передачи «Документы», вышедшей в эфир 4 сентября 2017 г., вышеупомянутый А. Тодоров утверждал: «С вторжением Советской армии в Болгарии начались массовые изнасилования и убийства мужчин, женщин, были даже и убитые дети... В изданном в 1969 г. в Москве документальном сборнике «Болгаро-советские отношения 1944–1948 года»⁵⁶ на странице 15 можно видеть данные советской статистики о том, что 127 болгарских граждан — мужчины, женщины и дети, были убиты, многие женщин были изнасилованы. Немалая часть денег Болгарии после 1945–1946 гг. уходила на пенсии людям, пострадавшим от братушек-освободителей»⁵⁷.

Понятно, что телезрители, скорее всего, запомнили не конкретные цифры, а фразы «массовые изнасилования» и «много убийств».

Судьба памятников Советской армии, воздвигнутых в разных населенных пунктах Болгарии в 1944–1989 гг., — это большая тема, которая нуждается в самостоятельном изучении. Сооруженные при коммунистической власти, они были призваны продемонстрировать признательность освобожденных освободителям, стать символом нерушимой болгаро-советской дружбы. Сразу после перемен, произошедших в стране на рубеже 1980–1990-х годов, памятники стали объектом непрекращающихся политических и идеологических споров.

Следует отметить, что отношение к этой весьма болезненной теме вновь демонстрирует резкое разделение болгарского общества на русофилов и русофобов. Яркий пример — судьба памятника Советской армии в Софии. Он был воздвигнут в первой половине 1950-х годов в честь советских воинов-освободителей как символ признательности болгарского народа советским воинам. В 1993 г. муниципалитет города Софии принял решение о его демонтаже. Однако памятник всё еще возвышается в центре столицы. Правые создают разного рода организации, общества и движения, выступающие то за его снос, то за демонтаж, то за перемещение в музей социалистического искусства. А левые силы и организации ветеранов Болгарии ежегодно возлагают к памятнику цветы и отмечают День Победы и Девятое сентября. Первые периодически раскрашивают его (например, в 2011 г. скульптуры солдат-красноармейцев были перекрашены в героев американских комиксов) и рисуют разные граффити (в 2017 г. на монументе появились даже антисемитские лозунги), а вторые на следующий день их отмывают и приводят в порядок.

Прошло уже 30 лет после начала перемен, а болгарское общество всё еще находится в плену острых споров, незатухающих дискуссий по вопросу об итогах Второй мировой войны для Болгарии и конкретно о роли Советской армии в судьбе стра-

ны. В споры вовлечены не только специалисты, но и общество в целом. Его глубокий раскол заметен всем: и наблюдателям «со стороны» (Р. Детрез), и изнутри (И. Баева). Очевидно, что грань проходит через отношение к России, разделяющее болгарских граждан на русофилов и русофобов. При этом споры между ними зачастую ведутся далеко не на высоком уровне: для русофилов их оппоненты — «фашизоиды» и «либерасты», для русофобов — их противники — «омерзительные коммуняки», «рубладжии», «русская пятая колонна».

К сожалению, превратности прошлого века, как говорил выдающийся французский историк, исследователь исторической памяти Пьер Нора, заставили все страны свести счеты со своим прошлым⁵⁸. Но это не привело к успокоению, к взвешенному взгляду на недавнюю историю. По крайней мере, в Болгарии. Болгарское общество сильно наэлектризовано, и пока трудно сказать, когда наступит время перемирия, когда люди разных взглядов станут говорить друг с другом на исторические (и не только!) темы спокойно и нормальным языком! А между тем рассказ о войне, наверно, будет обрастать всё новыми и новыми мифами.

Примечания

- ¹ *Детрез Р.* Митове и истины за освобождението на България. Интервю на А. Андреев за Радио Дойче веле. URL: <https://www.mediapool.bg/mitove-i-istini-za-osvobozhdenieto-na-bulgaria-news231223.html>.
- ² *Баева И.* Предизвикателство за българското филство и фобство спрямо Русия // Международни отношения. 2014. Бр. 5–6. С. 145.
- ³ *Баева И.* Старото и новото русофобство в България — прилики и разлики // Русофобство — причини, етапи, форми, институции. Доклади от научна конференция, проведена на 11 октомври 2018 г. София, 2019. С. 213.
- ⁴ Подробнее см.: *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны. (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997; *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах, 1999. М., 2000. С. 175–188; *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться» (идея славянского единства в идеологии ВКП (б) в 1930–1940-х гг. // Проблемы славяноведения. Сб. науч. статей и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000. С. 192–206; *Кикешев Н.И.* «Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы». Славянское движение в СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 25–28; *он же.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. М., 2008; а также исследования болгарского ученого Бисера Петрова: *Петров Б.* Краят на старото и раждането на новото българско славянофилство

- в началото на Втората световна война // Дриновски сборник. Т. Х. София–Харков, 2017; *он же*. Първият следвоенен славянски конгрес и българското участие в него // Историческо бъдеще. 2017. № 1–2. С. 40–60; *он же*. България и новото славянско движение. София, Гутенберг, 2019.
- ⁵ В июле 1941 г. газета «Правда» начала публиковать материалы о положении славянских народов, оказавшихся под властью Гитлера. 14 июля появилась статья Я. Викторова «Расправа фашистских варваров над польским народом», 15 июля — В. Кружкова «Что сулит Гитлер славянским народам», 17 июля — две статьи без подписи: «Гитлеровцы истребляют сербский народ» и «Антигерманские листовки в Югославии», 20 июля под общей шапкой «Оккупированные страны под фашистским игом» — три статьи: «Черногорский народ борется с фашистами», «Экономическое порабощение Сербии», «Балканы — колония Гитлера», 21 июля — статья Я. Викторова «Чехословакия в борьбе за свою независимость» // См.: *Дубровский А.М., Прудникова Е.М.* Переломный год // Русский сборник. Вып. 2–3. Брянск, 2006. URL: <http://historfaculty.narod.ru/articles/dubr05.doc>. О статьях в других газетах и журналах содержалась информация в донесениях болгарского посланника в Москве Ивана Стаменова // См.: *Димитрова П.* Докладва «Наследник»? Донесенията на българския пълномощен министър в СССР Иван Стаменов (1940–1944). Т. 1. София, Гутенберг, 2010. С. 174–175.
- ⁶ Централен държавен архив на Република България. Ф. 176 К. Оп. 1ш. А.е. 333. Л. 210.
- ⁷ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1976. Т. 1. С. 608.
- ⁸ «Процентное соглашение» становилось главным, определяющим послевоенные международные отношения, документом, несмотря на то, что принята во время Ялтинской конференции союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) Декларация об освобожденной Европе закрепила готовность руководителей СССР, Великобритании и США согласовывать политику своих правительств «в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов Оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Как видно, в документе фиксировалась грань между порабощенными народами и населением стран-сателлитов.
- ⁹ Българо-съветска дружба. 1945. № 1. С. 5. На эту публикацию обратил внимание автора Б. Петров // см.: *Петров Б.* България и новото славянско движение (1941–1948). С. 99.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Это случилось уже после того, как СССР объявил войну Болгарии и отказался удовлетворить просьбу Софии о немедленном заключении перемирия.
- ¹² Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М.: Международные отношения, 1971 (3-е изд.). С. 43.
- ¹³ Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1944, the British Commonwealth and Europe. Volume III. Washington, 1965. P. 304.
- ¹⁴ Об этом эпизоде рассказала друг семьи Симонова болгарская писательница Лиляна Стефанова. (См.: *Стефанова Л.* Моят луд век. София, 2016).
- ¹⁵ *Judt T.* The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus*. Fall 1992. 121 (4). P. 83–118. Об этом и о некоторых других тезисах Джадта подробнее см.: *Димитрова П.* Източна Европа и паметта за Втората световна война: от „страна огромная“ до „блъдландс“ // *Україна і Болгарія в історії Європи. Збірник наукових праць. Київ–Софія, 2019. С. 488–502.*
- ¹⁶ *Judt T.* Op. cit. S. 91.

- 17 См., напр.: *Ноев М.* Деградация на победата // Свободен народ, 9 мая 1990; *Радев В.* Девети май — ден на победата, но каква е цената... // Демокрация, 9 мая 1991; *Божанова К.* Така дълго пихме горчивата чаша на 9 май // Там же, 9 мая 1992; *Методиев В.* За нас войната завърши с десетилетия по-късно // Там же; *Инджев И.* България да се освободи от руския си комплекс // Там же, 9 мая 1994; *Константинов М., Вълчанов Н.* Девети май и московската шайка // Там же. Также была опубликована, с небольшими сокращениями, статья американского журналиста Чарльза Ланиуса «Я видел, как русские захватили Болгарию», напечатанная впервые в журнале «Reader's Digest» 22 октября 1945 г. // см.: *Ланиус Ч.* Аз видях как руснаците взеха България // Демокрация, 6 мая 1995. 9 сентября 2013 г. Эта статья снова была напечатана в болгарской прессе, на этот раз в газете «Дневник» под заголовком: «Видях как руснаците окупираха България през 1944 г.» (курсив мой. — П.Д.; оригинальный заголовок: «I Saw Russians Take over Bulgaria»).
- 18 България в сферата на светските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 11 (автор предисловия — проф. Витка Тошкова).
- 19 Проект был реализован в 1995–1997 гг. под руководством В. Тошковой и Л. Ревякиной при содействии Фонда «Открытое общество» и Национального фонда «Научные исследования» Министерства науки и образования Болгарии.
- 20 *Иусов М.* За характера на българо-съветските отношения след Втората световна война // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, Гутенберг, 2000. С. 237.
- 21 *Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 — декември 1947 // Там же. С. 310–311. На такую трактовку обратила внимание Л. Ревякина // см.: *Ревякина Л.* Окупация или съветско военно присъствие? // Победата над фашизма и съвременният свят. София, 2014. С. 78–79.
- 22 България в сферата на светските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 244.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 248.
- 25 *Огнянов Л.* България във външнополитическата орбита на Москва (1944–1955) // *Via Evrazia*. 2012. 1. С. 317.
- 26 См.: Великите сили и България 1944–1947 г. Т. 1: Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). Документи. Съст. Л. Ревякина, Т. Волокитина, В. Тошкова. София, 2015. 444 с.; Т. 2. Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 — декември 1947). Документи. Съст. Л. Ревякина, Т. Волокитина. Част 1–2. София, 2018 (далее — Документи).
- 27 См.: *Ревякина Л.* Окупация или съветско военно присъствие? С. 83.
- 28 Л. Ревякина также настаивает на том, что недостатком всех исследований по данной проблематике — как до 1989 г., так и после — является то, что их авторы так и не сосредоточились на конкретном изучении деятельности СКК и созданного болгарского правительственного органа — Комиссарата по выполнению Соглашения о перемирии. Вместо этого «вступление и пребывание воинских частей Красной Армии в Болгарии и работа СКК рассматриваются в контексте болгаро-советских отношений. Отсюда и делаются выводы, которые не всегда должным образом учитывают международную ситуацию, состояние отношений между великими державами, их отношения к Болгарии» // *Ревякина Л.* Указ. соч. С. 83.
- 29 *Ангелов В.* Третата национална катастрофа: Съветската окупация в България (1944–1947). София, 2005.
- 30 Там же. С. 92.

- 31 *Баева И.* Предиизвикателство за българското филство и фобство спрямо Русия. С. 150.
- 32 *Горчева Д.* 5 септември 1944 — над България се спуска мракът на кървавата диктатура. — <https://faktor.bg/bg/articles/politika/na-vseki-kilometar/5-septemvri-1944-nad-balgariya-se-spuska-mrakat-na-karvavata-diktatura>.
- 33 *Боздуганов Г.* Как България твърдо застава под червеното знаме на комунизма // <https://faktor.bg/bg/articles/politika/hlyab-i-pasti/kak-balgariya-tvardo-zastana-pod-chervenoto-zname-na-komunizma>, 8 септ. 2018.
- 34 Как България от окупатор се превърна в окупирана държава // <http://mejudredovete.com/българия-от-окупатор-се-превърна-в/>.
- 35 *Матеев Г.* Как България бе спасена от погром // Земя. 30 юни 2016. <http://www.zemia-news.bg/index.php/istoriyata-e-edna-2/42157-kak-balgariya-be-spasena-ot-pogrom.html>.
- 36 *Горчева Д.* Указ. соч.
- 37 *Боздуганов Г.* България — военният трофей на Сталин. София, 2014. С. 125.
- 38 См.: *Иусов М.* Стопански разходи на България в Отечествената война (1944–1945) // Исторически преглед, 1969. Бр. 1. С. 52–67.
- 39 Там же. С. 61.
- 40 *Вачков Д.* Изпълнението на финансово-икономическите клаузи на Съглашението за примирие с България от 28 октомври 1944 г. // Исторически преглед, 2004. Кн. 1–2. С. 129–154.
- 41 *Вачков Д.* Краят на Втората световна война и външните финансови задължения на България, 1944–1947 г. // *Иванов М., Тодорова Ц., Вачков Д.* История на външния държавен дълг на България 1878–1990 г. Трета част: Външният дълг на България през периода на комунизма (1945–1990 г.). София, 2009. С. 20. В публикуваномо недавно отчетном докладе руководства СКК в Болгарии о работе Комиссии с ноября 1944 по июль 1947 гг. этого меморандум болгарского правительства процитирован: «Общая стоимость всех мероприятий, выполненных болгарским правительством по Соглашению о перемирии в целом и учтенных им по состоянию на 1.5.1947 года, составляет 38 935 523 794 лева». // Документи. Т. 2. Ч. 2. С. 877.
- 42 *Вачков Д.* Краят на Втората световна война... С. 14. Для своих вычислений автор пользуется данными подробного доклада, подготовленного в 1946 г., в котором обозначены по отдельным статьям все расходы болгарской стороны. Доклад хранится в Архиве Министерства иностранных дел — АМВНР. ПМК. Оп. 1. А.е. 20. Л. 3–10. Эта сумма сопоставима с указанной выше суммой, определенной М. Исусовым в ходе его исследований, — 133 281 020 151 левов.
- 43 *Бутовски И.* 133 млрд лева е струвала съветската окупация на България // 168 часа. XXV. Бр. 25. 20–26 июня 2014. С. 16–19.
- 44 См.: <https://www.24chasa.bg/novini/article/5483861>; <https://pik.bg/133-млрд-лв-е-струвала-съветската-окупация-на-българия-news247389.html>; <https://burgas-podlupa.com/над-133-милиарда-лева-или-около-300-млн-тогавашни-долара-е-струвала-окупация-на-българия-от;> <https://www.facebook.com/youth.conservative/posts/10203634812527473/> и др.
- 45 Тодоров делает вид, что тот факт, что обязанность участия в войне против Германии записана в пункте 1 Соглашения о перемирии, и есть основание включить эти расходы в графу «советская оккупация».
- 46 Сумма всех расходов составляет «свыше» или «около» 131,1 млрд левов, но никак не 133 млрд.
- 47 *Бутовски И.* Указ. соч.

⁴⁸ Документи. Т. 2. Ч. 2. С. 828.

⁴⁹ Там же. С. 830.

⁵⁰ *Бутовски И.* Указ. соч.

⁵¹ Документи. С. 833.

⁵² Там же. С. 840.

⁵³ *Горчева Д.* Указ. соч.

⁵⁴ 168 часа. 20–26 юни 2014. С. 19.

⁵⁵ *Цеков Н.* Когато Червената армия «освобождаваше» България. URL: <https://www.dw.com/bg/когато-червената-армия-освобождаваше-българия/a-38821798>.

⁵⁶ Так в тексте. Вероятно, имаея в виду издание: Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг.: Документы и материалы / Редколлегия: Л.Ф. Ильичёв, Ив. Д. Попов и др. М., Политиздат, 1969 (Прим. ред.).

⁵⁷ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=bCVpV5p1JIM> — «Документите с Антон Тодоров»: Третата национална катастрофа — съветската окупация на България.

⁵⁸ *Нора П.* Когато паметта изяжда историята // Култура. Бр. 34 (2603). 12 окт. 2007. URL: <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/13371#4tri> (ориг. *Nora P. Malaise dans l'identité historique* // Le Debat. Nr 141. 2006. 4. P. 44–48).

Болгаро-советское научное сотрудничество во второй половине XX в. как форма «народной дипломатии» (на примере исторической науки)*

Научное сотрудничество как форма «народной дипломатии»

«Мягкая сила», «народная демократия», «новая дипломатия» — это термины, ставшие популярными в мировой политике после окончания холодной войны. Они отражают и объясняют специфику воздействия внешних факторов на конкретное общество. Более общим и более известным является термин «культурная пропаганда», понимаемый как инструмент воспитания за границей положительного отношения к стране, которая её проводит. Научное сотрудничество как часть культурной пропаганды является еще более узкой сферой воздействия на специализированную аудиторию для популяризации определенных национальных и государственных позиций. Всякое научное творчество, как бы оно ни стремилось быть автономным от политического и национального влияния, неизбежно основывается на национальных традициях толкования исторических фактов. Поэтому и рождаются надежды, что именно в рамках международного сотрудничества учёные различных стран получают возможность сопоставить свою интерпретацию истории, преодолеть одностороннюю национальную позицию, понять и воспринять позицию другой страны. Но это в теории. На практике же положение выглядит несколько иначе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Болгарии, проект ДНТС/Русия 02/17, ФНИ «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Имеются примеры из не совсем далёкого прошлого об успешных и не столь успешных результатах научного сотрудничества как формы «народной дипломатии»¹.

Непосредственным примером недостаточно успешной «народной дипломатии» являются слабые результаты созданной в 2018 г. болгаро-македонской «Совместной мультидисциплинарной экспертной комиссии по историческим и образовательным вопросам»*. Ожидалось, что входящие в ее состав историки, в основном из Болгарской академии наук и Академии наук и искусств Республики Северная Македония, смогут достичь согласия по спорным историческим вопросам, существующим между двумя государствами, а также договориться об устранении из македонских учебников по истории недавних пропагандистских, по мнению болгарских историков, тезисов и клише. После определенных успехов работа комиссии забуксовала, а затем и вовсе была заморожена². И это при условии, что комиссия создана в связи с будущим присоединением Северной Македонии к Европейскому союзу (ЕС), одним из условий которого является ликвидация спорных вопросов между странами-членами и кандидатами в члены этой международной организации. Одним из объяснений такого состояния болгаро-македонских научных контактов как «народной дипломатии» стало обстоятельство, что не удалось достичь компромисса по спорным вопросам фундаментального характера.

В их числе вопрос об этнической принадлежности населения в бывшей югославской республике Македонии, сегодняшней Северной Македонии. Если в болгарской историографии, литературоведении и родовой памяти этнические корни населения имеют болгарское происхождение, македонский язык является диалектом болгарского языка и Македония — это географическое и административное понятие, существующее в течение веков, то иначе обстоят дела с македонской стороны. Македонские учёные и политики считают македонский язык отдельным славянским

* Комиссия была создана в соответствии с Договором о добрососедстве между Болгарией и Македонией, подписанным 1 августа 2017 г., но вступившим в силу в феврале 2018 г. Договор предусматривал совместные чествования известных деятелей обеих стран и празднование общих исторических событий, а также принятие эффективных мер против недобросовестной пропаганды.

языком, македонское население — отдельным народом, до начала 90-х годов XX в. славянским, а впоследствии связанным с античными македонцами³.

Пока историки двух стран спорили, политики действовали. Конечно, не по причине научных разногласий, но синхронно с болгаро-македонским спором французский президент в октябре 2019 г. наложил вето на начало переговоров о присоединении Северной Македонии к ЕС. Однако весной 2020 г. ситуация изменилась: 26 марта государственные и правительственные руководители стран ЕС одобрили начало переговоров с Северной Македонией и Албанией⁴. На следующий день, 27 марта, Северная Македония была принята в НАТО. Большая геополитика сказала своё слово. Историческим спорам двух стран оставлен лишь научный «коридор».

Запутанный македонский вопрос обременял и болгаро-советские научные контакты еще во времена холодной войны, когда они находились в своём апогее. Рассматривая их под новым углом зрения, попробуем определить, до какой степени научное сотрудничество может играть роль «народной дипломатии» при решении спорных вопросов и от каких факторов зависит её эффективность. Это и является целью настоящего исследования. Оно подготовлено на основе документов Центрального государственного архива Республики Болгария (ЦДА), Научного архива БАН (НА–БАН) и исследований болгарских и российских историков.

Македонский вопрос в Болгарии

Македонский вопрос в болгаро-югославских отношениях берёт своё начало от решения Исполнительного комитета Коминтерна от 11 января 1934 г. о признании македонской нации и македонского языка как самостоятельных в славянском и балканском мире. Болгарские коммунисты воспринимают эти установки международной коммунистической организации, но тогда партия находилась на нелегальном положении, и ее позиции никак не отражались на политике государства. Положение осложняется после государственного переворота в стране в сентябре 1944 г. Коммунисты начинают борьбу за завоевание монополии власти. В конце сентября 1944 г. они допускают историческую ошибку,

признав, не без давления со стороны И.Б.Тито и И.В. Сталина, что население Пиринской Македонии *«имеет право на самоопределение, вплоть до отделения, или на добровольное присоединение к другим народам»*. Эмиссары из Скопье развертывают на территории Пиринской Македонии широкую пропаганду с целью *«подъёма македонского национального сознания»* болгар⁵. Это происходит в тот момент, когда решается судьба Болгарии как бывшего сателлита нацистской Германии, объявившего 14 декабря 1941 г. «символическую войну» союзникам СССР по антигитлеровской коалиции и участвовавшего в оккупации Греции и Югославии. Для решения основного вопроса — подписания мирного договора болгарские власти должны обеспечить себе надежную дипломатическую поддержку. Она приходит со стороны Советского Союза, но для этого, помимо прочего, от болгар требуется ясная позиция по македонскому вопросу. 7 июня 1946 г. этот вопрос рассматривается на встрече И.Б.Тито и Георгия Димитрова со Сталиным. Сталин хвалит Тито за обособление Республики Македония в рамках Югославии и упрекает Димитрова за то, что не предоставлена автономия Пиринскому краю в пределах Болгарии. Советский руководитель рассматривает это как *«первый шаг к объединению с Македонией»*, но замечает, вместе с тем, что с этим не следует торопиться. В то же время, реагируя на прозвучавшие сомнения в готовности населения Пиринского края к такому объединению, Сталин заявляет, что отсутствие *«развитого македонского сознания у населения, ... ничего не значит»*⁶. Чтобы внедрить такое сознание, болгарские коммунисты решают проводить в Пиринском крае политику «культурной автономии». Ее хронологические рамки — 1946–1948 гг.⁷, а кульминацией, которую болгарские историки считают «национальным предательством», стала демографическая перепись населения в декабре 1946 г., в ходе которой болгарское население в принудительном порядке записывает себя «македонцами»^{*}. Цель — формально доказать «македонский характер» края⁸. Несмотря

* Из 252 575 жителей Пиринского края на 31 декабря 1946 г., 160 641 чел., или 63%, были записаны как «македонцы», 54 425 чел., или 21,5%, — как болгары и 28 924 чел., или 11%, как помаки. Но 131 954 из объявивших себя македонцами в графе «родной язык» пишут «болгарский», и только 28 611 чел. — «македонский» (Ангелов В. Хроника на едно национално предателство. Благоевград, 1999. С. 124–143).

на то, что впоследствии наличие «македонской нации», как и преобладание «македонцев» в Пиринском крае, были опровергнуты болгарским государством, однако события, связанные с переписью 1946 г., продолжали обременять болгаро-югославские отношения до конца существования СФРЮ. Отношения между двумя государствами периодически ухудшались, в основном в связи с поднимаемыми югославской стороной вопросами о судьбе македонского меньшинства в Болгарии⁹, которое постепенно численно уменьшалось, а затем и вовсе исчезло из анкет переписей населения*.

Вследствие второй волны «десталинизации» в начале 1960-х годов в Болгарии, как и в остальных странах восточного блока, усиливаются проявления национализма. Назревает и подготовка к изменению позиции болгарских руководителей по македонскому вопросу. Одним из шагов к этому, вероятно, можно считать встречу в 1961 г. в Москве, в гостинице ЦК КПСС, члена Политбюро ЦК БКП Митко Григорова, заведовавшего до 1957 г. отделом пропаганды и агитации ЦК, и министра просвещения и культуры (1958–1962 гг.), члена ЦК БКП Начо Папазова (оба — верные сподвижники нового первого секретаря ЦК БКП Тодора Живкова) с находившимися в Москве болгарскими историками. Григоров обратился к присутствующим с вопросом: *«Когда начинается образование македонской нации?»* Прозвучавшие ответы существенно различались. По мнению проф. Александра Бурмова, процесс начался *«после Освобождения»*; проф. Христо Христов считал, что *«после Балканских войн»*, а проф. Николай Тодоров утверждал: *«После Второй мировой войны, когда стало ясно, что Македония вновь остаётся в Югославии»*. Н. Тодоров позднее вспоминал, что никаких комментариев не последовало, и мнение собеседников высказано не было¹⁰.

Именно позиция Тодорова легла в основу новой болгарской концепции по македонскому вопросу, которой и до сих пор следуют болгарские власти. На состоявшемся 11–12 марта 1963 г. закрытом пленуме ЦК БКП Тодор Живков заявил, что в средние века и в период Возрождения (XVIII–конец XIX вв.) не сущест-

* В 1956 г. из живущих в Пиринском крае македонцами вновь записаны 178 862 чел., а болгарами назвали себя 93 672 чел. (Ангелов В. Там же.).

вовало ни македонской народности, ни нации, но после Второй мировой войны в рамках Македонской народной республики протекает процесс формирования македонского национально-го самосознания, и в определённый момент, при достижении предварительных договоренностей, Болгарии придётся признать этот факт. Живков дал понять, что подразумевается под «предварительными договоренностями»: македонская нация не должна создаваться на антиболгарской основе, и Югославии не следует поднимать вопрос о «македонском меньшинстве» в Пиринской Македонии. В то же время Живков открыто критиковал ошибочную политику БКП предшествующего периода, признал совершённое насилие («македонизацию») над населением Пиринской Македонии, как и то, что население там *«чисто болгарское»*. Более того, Живков очертил стратегию Болгарии по этому вопросу: *«Будем бороться против фальсификации истории болгарского народа, но не путём разжигания споров, а путём объективного доказывания истины»*¹¹. Живков хорошо понимал, что озвучивание новой политической линии одновременно с признанием ошибок БКП неприемлемо как во внешнеполитическом, так и внутривнутриполитическом плане. Поэтому болгарская общественность не была ознакомлена с новой национальной политикой БКП, хотя симптомы её изменения становились всё более очевидными. Вместо названия «Пиринский край» начало утверждаться название «Благоевградский округ», который становится объектом особого внимания и благоприятной инвестиционной политики¹². Первые позитивные результаты, достигнутые без особого шума, стали очевидными уже при проведённой в декабре 1965 г. переписи населения. Из общего числа македонцев, проживающих на территории Болгарии — 9 632 чел., в Благоевградском округе их оказалось едва 1 437 чел. (или 0,5% населения округа) при 178 862 чел. согласно предыдущей переписи¹³.

Болгарский национализм в действии

Новая политика находит поддержку у дочери Тодора Живкова — Людмилы Живковой. Болгарский национализм последовательно выражен в её деятельности в области культуры в 1972–1981 гг.

Сама Людмила была историком по образованию, и в её окружение входили молодые и амбициозные, а в будущем известные, историки Александр Фол, Илчо Димитров, Николай Генчев, Васил Гюзелев, а также искусствоведы, поэты, художники¹⁴.

Знаменательно, что именно тогда создаётся и институционализируется зарубежная болгаристика. Такое название получает комплекс наук по истории болгарской литературы, истории, языкознания, культуры, этнографии. Новое направление поддерживают болгарские научные и правительственные учреждения с целью популяризации и утверждения болгарской точки зрения о характере и вкладе Болгарии в мировую цивилизацию. Организованный характер болгаристика приобретает с принятием Секретариатом ЦК БКП 21 декабря 1969 г. решения № 647 о создании Центра по болгаристике (ЦБ) при Болгарской академии наук (БАН). В его задачу входило содействовать развитию болгаристики и подготовке кадров болгаристов за границей¹⁵. По инициативе БАН учреждаются и двусторонние болгаро-иностранные комиссии, весьма подходящие для проведения «народной дипломатии». В конце 1960-х — начале 1970-х годов создаются исторические комиссии с СССР, Польшей, Чехословакией, Румынией и ГДР, болгаро-немецкая филологическая комиссия, а также комиссии по образованию с ГДР, Польшей¹⁶. Центр и болгарские государственные структуры организуют также лектории на болгарском языке, которые с 8-ми в 1969 г. увеличиваются до 37-ми в 1976 г., а три из них ведут работу в СССР. К работе в лекториях привлечены 190 ученых, разрабатывающих болгарскую проблематику¹⁷. Всё это способствует распространению болгарской точки зрения на национальную историю, язык, культуру и особенно на спорные вопросы в этих областях познания. Болгария не только участвует в международных конгрессах славистов, начало которым было положено в 1929 г. в Праге, но в 1963 г. организует проведение IV конгресса славистов в Софии*. К середине 1970-х

* Первый конгресс славистов был проведен в 1929 г. в Праге, и впоследствии — до конца 1989 г., с перерывом в годы Второй мировой войны, конгрессы проводятся каждые пять лет в различных столицах славянских стран: Варшаве (1934), Белграде (1955), Москве (1958), Софии (1963), Праге (1968), Варшаве (1973), Загребе (1978), Киеве (1983), Софии (1988) (*Даскалова Ек.* XII международен конгрес на слависти-те. — <http://www.online.bg/kultura/my.html/2050/slavist.html> (12.02.2020).

годов были учтены 600 иностранных болгаристов и 80 славистических центров, в работе которых участвовали и болгаристы¹⁸.

Разрядка международных отношений вследствие заключённых в 1975 г. в Хельсинки договоров, которые открыли возможность для расширения культурных, политических и экономических контактов между странами по обе стороны «железного занавеса», способствовала прогрессу междисциплинарной гуманитарной дисциплины. Болгарские власти задумывают новую стратегическую программу развития зарубежной болгаристики. В том же году Л. Живкова избрана руководителем Комитета по культуре, т.е. в её руках сосредоточивается всё управление культурной политикой страны. Программа разрабатывается совместными усилиями Комитета по культуре, Министерства иностранных дел и Комитета по науке, техническому прогрессу и высшему образованию и принята на самом высоком уровне — решением Политбюро ЦК БКП № 117 от 29 марта 1977 г. Цель программы — утверждение болгарской интерпретации исторического прошлого, укрепление научных связей между болгарскими учёными и иностранными болгаристами, облегчение доступа последних к болгарским архивам и участию в научных проектах, налаживание книгообмена, а также подготовка новой смены ученых-болгаристов. Внимание направлено не только на страны восточного блока, но и западного и на страны третьего мира. Поэтому Центр болгаристики переходит в двойное подчинение — помимо БАН, за его работу отвечает также Комитет по культуре (КК). Директором ЦБ назначен известный специалист по сравнительному литературоведению, литературный критик и славист акад. Эмиль Георгиев, который остается на этом посту до своей смерти в 1982 г. ЦБ вменены не столько научно-исследовательские, сколько организационные и координационные функции, касающиеся форм и направлений развития болгаристики¹⁹.

Активное участие государственных и партийных органов в развитии зарубежной болгаристики объясняется их беспокойством в связи с ослаблением болгарской культурной пропаганды за пределами страны. Одну из основных причин этого они усматривают в усилении идеологического давления на социалистические страны, и особенно на Болгарию как самого верного со-

ветского сателлита. Другая причина видится в смене поколений иностранных болгаристов и отсутствии интереса к Болгарии со стороны молодых ученых. В большой степени это было связано с агрессивной политикой Македонии по развитию македонистики как комплексной дисциплины, пропагандирующей македонский язык, историю и культуру Македонии, включая события и факты, которые относятся к болгарской истории и культуре. Демонстративная, «яркая антиболгарская направленность» македонистики заставляет болгарских руководителей считать, что её развитие представляет собой самую большую угрозу для зарубежной болгаристики на современном этапе. Указывается, что «македонистика использует любые средства и методы для ограничения нашего [болгарского] влияния и сужения завоеванных позиций»²⁰, при этом не только в капиталистических странах, но и среди славистов и болгаристов из стран восточного блока и СССР. (Имелись в виду М.А. Габинский — специалист по балканскому, романскому и общему языкознанию, сотрудник Института языкознания Молдавской АН, писатель, языковед Л.В. Успенский и другие специалисты, разделявшие македонские позиции относительно характера староболгарского языка, современного болгарского и македонского языков²¹.)

Учитывая, что «македонский народный язык» как официальный рабочий язык впервые был введен по решению Антифашистского веча народного освобождения Македонии от 2 августа 1944 г.²², болгарская сторона считает его диалектом болгарского языка. Это, однако, не мешает югославской культурной пропаганде распространять македонский язык. Там, где имеются болгарские лектории за рубежом, в 1960–1970-е годы организуются лектории по македонскому языку, а часто предпринимаются попытки закрытия болгарских лекториев и привлечения студентов и преподавателей из болгарских лекториев на македонские курсы. Открываются и македонские церкви, организуются семинары с учёными славистами, предоставляются солидные стипендии студентам, рассылается огромное количество македонских книг в университетские центры²³. Масштабная работа по распространению македонского языка находит понимание и становится предметом исследования и среди славистов социалистических

стран. Более того, в новой Конституции СФРЮ 1974 г. македонский язык объявлен одним из официальных языков Федерации, а в 1979 г., на сессии Организации Объединенных Наций, македонский язык определен как один из языков южнославянской языковой группы и признан на международном уровне²⁴.

Болгаро-советские научные контакты как форма «народной дипломатии»

Болгаро-советским научным связям, имея в виду защиту болгарской позиции, придаётся особое значение. В этом отношении существует и традиция. БАН поддерживает, в том числе и материально, акад. Н.С. Державина, который и до, и после Межсоюзнической Балканской и Первой мировой войн оказался одним из немногих российских и советских историков — сторонников болгарской версии македонского вопроса, в частности, преобладания в крае болгарского населения²⁵. Болгары рассчитывали и на свою политическую лояльность в отношении СССР (в конце 1963 г. это нашло выражение в политической линии на более тесное сближение и в перспективе слияние Болгарии с СССР, известной позднее как идея «16-й республики»)²⁶, а также на поступательное развитие болгаристики в СССР. В более чем 24-х центрах науки и высшего образования не только в РСФСР, но и в большинстве союзных республик работали языковеды, литературоведы и историки, изучавшие болгарский язык, литературу и историю. Внимание к советской болгаристике было повышенное, она пользуется признанием и в остальных восточноевропейских странах. Но в то же время, как отмечают в ЦБ, большинство восточноевропейских стран предпочитают занимать «нейтральную позицию» по вопросам, важным для болгарской стороны²⁷. Кроме того, советские гуманитарии поддерживают македонскую версию, утверждающую, что македонский язык отличается от болгарского. На болгарских ученых и руководителей Болгарии производит впечатление, что македонский язык включён в «Этимологический словарь» чл.-корр. О.Н. Трубочёва, который начал выходить в 1974 г., и в «Очерки по сравнительной грамматике» проф. С.Б. Бернштейна²⁸.

Особое значение для взаимопонимания и стыковки научных исследований приобретает работа Комиссии историков Болгарии и СССР. Она была создана 27–28 июня 1968 г. в Софии. Возглавили её соответственно академик Е.М. Жуков (директор Института всеобщей истории АН СССР) и акад. Д. Косев (секретарь Отделения исторических и педагогических наук БАН). Комиссия объединяет специалистов, занимающихся историей двух стран и Балкан: этнографов, историков, в том числе исследователей истории партии. В её работе участвуют ученые не только из академических институтов БАН и АН СССР, но и из Академий наук Украины, Белоруссии, Молдавии и Армении, из Софийского университета, МГУ, Киевского государственного университета. Основной целью Комиссии являлось укрепление и расширение сотрудничества в исследовании узловых вопросов истории обеих стран, а также истории их контактов и взаимоотношений в течение веков²⁹. В её работе, наряду с такими формами сотрудничества, как совместные конференции и подготовка сборников, посвященных роли России и «Великого Октября» в болгарской истории, уделено внимание и изданию документов. А они являются основным «строительным материалом» исторической науки. Таким стало трехтомное издание «Советско-болгарские отношения и связи. 1917–1970», которое публиковалось одновременно в Софии и Москве соответственно на болгарском и русском языках, начиная с 1976 г.

В Комиссии болгарские историки отстаивают болгарскую точку зрения по македонскому вопросу и дискутируют со своими советскими коллегами. Так, в Комиссии возник спор по поводу рецензии на изданный в 1969 г. учебник МГУ по истории южных и западных славян*, подготовленной для авторитетного советского журнала «Вопросы истории». В главы учебника о народах Югославии XVIII — начала XX вв. впервые были включены отдельные параграфы о Македонии. Относительно дискуссионного вопроса о языке в учебнике утверждалось, что в Македонии «основная масса населения — славяне, говорящие на диалектах, близких к болгарским»³⁰. Из-за протеста болгарских

* Речь идёт о «Истории южных и западных славян». Под ред. И.М. Белявской, И.А. Воронкова, В.Г. Карасёва, И.В. Созина. М., 1969.

политиков и учёных учебник был направлен на рецензирование специалистам из Института славяноведения и балканистики АН СССР. Они с вниманием отнеслись к тексту, подвергли критике большинство сюжетов о Македонии, объяснив при этом, что авторы обращаются к новым для советского славяноведения темам, написали новую рецензию, в которой предложили свои трактовки спорных вопросов*. Разделяя болгарскую позицию, согласно которой в Средневековье и в большую часть османского периода национально-освободительное и культурно-церковное движения в Македонии шли *«в русле болгарского национального Возрождения»*, советские ученые полагают, что в середине XIX в. начинает формироваться македонская нация³¹.

Именно против этих суждений возражают болгарские ученые. На заседаниях Комиссии историков в Софии 20–21 мая 1970 г. Д. Косев, Хр. Христов, Н. Тодоров, В. Хаджиниколов, Й. Митев пытаются убедить своих советских коллег — С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, А.Ф. Миллера и других в правоте болгарской трактовки македонского вопроса, а именно: до Второй мировой войны невозможно говорить о новой македонской нации. Советские же учёные отстаивают мнение, что о единой болгарской нации в Македонии можно говорить до 1878 г., а после этого существуют все условия для создания там новой нации³². Советские коллеги считают этот вопрос несущественным для болгаро-российских отношений, но учитывают его важность для болгар. Поэтому, в конечном счёте, от публикации рецензии было решено воздержаться. Это был успешный результат «народной дипломатии», хотя при этом не обошлось без содействия высших советских органов власти. В результате дело доходит до снятия грифа Министерства высшего и среднего специального образования (Минвуз) на изданных экземплярах учебника, а непроданные экземпляры учебника уничтожаются³³.

* Рецензия была подписана Л.Б. Валевым, А.Я. Манусевичем, С.А. Никитиным, П.И. Резоновым, Г.Э. Санчуком, Г.М. Славиним, но Е.Л. Валева утверждает, что к её подготовке были привлечены все историки и филологи-болгаристы и специалисты по Югославии из Института славяноведения и балканистики АН СССР (*Валева Е., Исаева О.* Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР // България, Балканите и Русия XVIII–XXI вв. / Състав И. Марчева. София: ИИИ-БАН, 2011. С. 38).

Более того, осенью 1970 г. на совместном заседании ученых исторического факультета МГУ и Института славяноведения и балканистики АН СССР проводится дискуссия о том, как рассматривать историю Македонии — как историю территории, на чём настаивают болгары, или как историю самостоятельного народа, как предлагает югославская сторона. Несмотря на то, что в ходе дискуссии к единому мнению прийти не удалось, среди советских учёных-специалистов начинает распространяться, переходя из рук в руки, рецензия, написанная сотрудниками Института славяноведения и балканистики. Содержащиеся в ней положения закладывают основы советской концепции истории формирования и развития македонского народа, которой российские учёные придерживаются и сейчас³⁴. Они подтверждают свои взгляды на очередном заседании Комиссии историков, состоявшемся в октябре 1971 г. в Москве. Тогда болгарская делегация отстаивает мнение, что македонизм — это политическая концепция конца XIX — начала XX вв.³⁵, что югославские историки с особым усердием, и избирательно, предъявляют советским учёным только нужные для их концепции факты, что они используют представителей советской интеллигенции, чтобы настроить общественное мнение против Болгарии как страны, которая подавляла часть македонской нации³⁶, явно имея в виду злополучные переписи населения 1946 и 1956 гг. Но на их критику и призывы к поддержке «борьбы за историческую истину» советские историки не откликнулись. Они продолжали придерживаться своего мнения о формировании македонской нации с середины XIX в. Их аргументы не принимаются болгарской стороной, и в результате она отменяет проведение запланированного на октябрь 1972 г. заседания двусторонней комиссии в Софии. Из-за охлаждения отношений советские болгаристы были вынуждены писать объяснение о работе Комиссии в Управление внешних сношений АН СССР³⁷.

Оспариваемый болгарскими учёными вузовский учебник был переработан. Его новый вариант отражал в большей степени болгарскую точку зрения, согласно которой Македония — это географическое, а не этническое понятие, особенно до конца XIX в. В 1973 г. учебник вновь обсуждался специалистами

Института славяноведения и балканистики, но по политическим соображениям (чтобы не усложнять и не ухудшать болгаро-советские отношения) увидел свет только в 1979 г.³⁸. Тем более, что в 1973 г. болгарское политическое руководство вновь ставит вопрос о всё более тесном сближении и в перспективе слиянии Болгарии с СССР.

Восприятие советской стороной на официальном уровне (хотя и не полное) болгарской позиции приводит к новому скандалу. На этот раз между советскими и югославскими и македонскими учёными по поводу статьи о Македонии в «Большой Советской Энциклопедии» (1974 г.). В ней утверждалось, что только в Вардарской Македонии в период между двумя мировыми войнами формируется македонская нация, причем в ходе борьбы против сербской нации³⁹. В результате, чтобы избежать влияния «народной дипломатии» на дипломатические отношения СССР с Болгарией и Югославией, ЦК КПСС запрещает даже упоминать слова «Македония», «македонский», а если и упоминать, то только с уточнением, что имеется в виду географическое понятие⁴⁰.

Этим, вероятно, можно объяснить и констатацию Центра болгаристики, что сотрудничество между советскими и болгарскими учёными установлено и что болгарская позиция относительно македонской нации получила поддержку на таких международных форумах, как Международный конгресс балканистики в Бухаресте в 1974 г., Международный конгресс историков в Сан-Франциско в 1975 г. и др.⁴¹.

Как успех болгары отмечают и отмену публикации подготовленного в 1978–1979 гг. руководителем межфакультетской кафедры славянских языков МГУ проф. Р.П. Усовой учебника «Грамматика македонского языка». Первоначально Усова преподавала болгарский язык, но под влиянием своего научного руководителя — одного из крупнейших советских специалистов по болгарскому языку и славянскому языкознанию проф. С.Б. Бернштейна переориентировалась на преподавание македонского языка. В 1965 г. Усова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Морфология имени существительного в македонском литературном языке»⁴². По сведениям ЦБ, проф. Усова не давала возможности болгарскому лектору С. Гининой проводить регулярно и полно-

ценно занятия по болгарскому языку. ЦБ сумел (не уточняя, каким образом) убедить Усикову более активно заняться проблемами болгарского языка. Вместе с С. Гининой она приступает к работе над учебником «Грамматика болгарского языка»⁴³, а в соавторстве с З.И. Карцевой и И.В. Платоновой в 1978 г. издаёт «Книгу для чтения по болгарскому языку для гуманитарных факультетов. Учебное пособие». (М.: Изд-во Московского университета). Что касается «Грамматики македонского языка», то книга была издана в 1978 г. в виде программы курса по македонскому языку для филологов по специальностям «Славянские языки и литература» и «Русский язык и литература»⁴⁴.

К середине 1980-х годов, однако, появляются новые проблемы в научном сотрудничестве учёных двух стран. Часть из них связана с развитием македонистики в СССР. Так, продолжая разрабатывать проблемы македонского языка, проф. Усикова издаёт в Скопье учебник «Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарём». (Скопје: Македонска книга, 1985). В ЦБ это рассматривается как фиаско зарубежной болгаристики⁴⁵. Более того, Усикова активно содействует и много делает для популяризации македонского языка. Его начинают изучать в университетах Воронежа, Перми, Санкт-Петербурга, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в Москве и даже в одной из московских общеобразовательных школ как факультативный язык. В 1986 г. за заслуги перед македонистикой Усикова избрана иностранным членом Македонской академии наук и искусств, почётным профессором Университета «Св.Св. Кирил и Методий» в Скопье, награждена югославским и македонскими орденами и медалью. По мнению сотрудницы Института славяноведения РАН А.И. Чиварзиной, Усикова, вопреки болгарским обвинениям в «предательстве», была далека от политизации науки и конъюнктурных вызовов. Подтверждением тому служит ее участие в написании «Учебника болгарского языка» в соавторстве с С. Гининой и И. В. Платоновой, увидевшего свет в том же 1985 г. (М.: Изд-во Московского университета)⁴⁶.

Пример Р.П. Усиковой объясняет, почему во второй половине 1980-х годов значение болгаро-советских научных контактов ста-

новится исключительно важным. Сотрудники ЦБ заинтересованы в них еще и потому, что в условиях кризиса иностранной зарубежной болгаристики, они олицетворяли собой связь с мировой русистикой, которая для болгар традиционно являлась проводником богатого наследия русской культуры и духовных ценностей⁴⁷. Тогда же к проблемам македонистики добавляется ещё одна, почти непосильная, задача: используя возможности зарубежной болгаристики, обосновать труднозащитимую политическую мотивировку правомерности смены имен болгарских турок зимой 1984/85 гг., получившей крайне неприятный для Болгарии международный резонанс⁴⁸. Учитывая эти проблемы, 18 марта 1988 г. Секретариат ЦК БКП принимает постановление о *«решительном переломе в развитии болгаристики за рубежом»*. Кроме того, во исполнение Стратегической программы развития 1977 г., постановление обязало все государственные и научные институты концентрировать своё внимание на связях с приоритетными для Болгарии странами. Особое значение придавалось сотрудничеству советской и болгарской науки, поднятию уровня их взаимодействия, принимая во внимание новые условия развития и состояние болгаро-советских отношений⁴⁹.

Имелась в виду новая политика Кремля, ориентированная на гласность и плюрализм мнений. Популярность набирают заявления Москвы о «новом политическом мышлении», восприятии ценностей мировой цивилизации. Европа объявлена «общим домом народов» по обе стороны «железного занавеса». М.С. Горбачев, пытаясь реформировать восточный блок, объявляет конец патернализму и опекунству, заявляет о равноправии стран. Эта политика, вкупе с очередным разоблачением сталинизма и критикой негативов существующей политсистемы социалистических стран, положительно отражается на научной жизни не только в СССР, но и во всём восточном блоке. Из Москвы поступают первые сигналы о переоценке исторических фактов. Кроме критической советской прессы, которую болгарские учёные читают с жадностью, они получают от советских коллег информацию о новых веяниях в отечественной науке. Впервые они наблюдают это летом 1988 г., во время работы 9-й школы молодых историков в г. Приморско, где советский учёный В. Киселёв взволновал

аудиторию своими смелыми высказываниями. Болгарская госбезопасность оценила их как «антисоветские», «русофобские» и «антисоциалистические», и ученый был экстрадирован из страны⁵⁰. Но джинн из бутылки был выпущен, и критические советские оценки входят и в болгарскую науку и таким образом повышают значимость СССР в глазах болгарской общественности. Научное сотрудничество начинает работать как эффективная «народная дипломатия» в жаждающем перемен болгарском обществе.

Доказательством, что происходящие в советской науке перемены будут полезны и для научной жизни в Болгарии, стала поставленная советскими историками задача ликвидации «белых пятен» в истории отношений с другими странами. После отстранения от власти Т. Живкова, в условиях начавшейся при активном содействии СССР демократизации страны в исторической науке почувствовалось желание обновления и плюрализма мнений. Директор института истории БАН проф. М. Исусов 2 октября 1990 г. в программном докладе «Историческая наука и наша современность» к «белым пятнам» отнёс и состояние исследований по истории болгаро-российских и болгаро-советских отношений. Совсем в духе советской «перестройки» и политики «гласности» и критичности он поставил вопрос о возможности ликвидации этих «пятен» путем расширения доступа к важным документам, а также отказа от классово-партийного и конъюнктурного подхода к истории⁵¹.

Ожидалось, что в науке зеленый свет будет дан болгарским интерпретациям многих спорных вопросов, так как именно Москва признала своё идеологическое давление при оценке разных эпизодов и периодов двусторонних отношений и призвала отказаться от политического патернализма. Такие высказывания слышат болгарские учёные Стр. Димитров, Д. Сирков и Д. Димитров на очередной встрече с советскими болгаристами, состоявшейся 25–26 декабря 1990 г. в Москве. На ней советские коллеги *высказались за «максимальную деидеологизацию изучения болгаро-российских и болгаро-советских отношений»*. Как *«идеологический штамп»* они *определили «постулат об “освободительной миссии России на Балканах”, тормозивший критическое изучение российской политики на Балканах в XVIII и XIX веках, которая*

должна была представляться в максимально благоприятном свете»⁵². Болгарские учёные были шокированы. Стр. Димитров обращает внимание, что действительно «*посттоталитарный плюрализм предвидит оценку этих отношений без предубеждения и догм, но болгаро-российские отношения являются объектом многих тщательных, на основе документов, исследований с фундаментальными творческими результатами*»⁵³. Поэтому, утверждает он, есть события, значение которых время не может изменить. Димитров имел в виду то обстоятельство, что болгарское национально-освободительное движение в XIX в. ориентировалось на Россию, что для болгар Россия — это «дед Иван», что болгарское государство восстановлено в результате войны России с Османской империей 1877–1878 гг. Но Димитров признаёт, что последующие этапы болгаро-российских и болгаро-советских отношений действительно должны быть серьёзно изучены, так как до сих пор работа по ним велась на базе ограниченного круга источников.

Советские учёные и на эти вопросы имеют готовый ответ. Они критикуют «*догму об освободительной миссии Красной армии, как и постулаты о “бескорыстной советской помощи” при строительстве социализма*»⁵⁴. Но если болгарские историки склонны искать причины негативов в болгаро-российских и болгаро-советских отношениях во внутривнутриполитическом «про-странстве», то советские коллеги обращают внимание на другое. М.А. Бирман критикует болгарскую историографию в лице даже самых непредубеждённых историков, за то, что они исследуют болгаро-российские отношения с точки зрения болгароцентризма. По мнению Бирмана, эти отношения нужно изучать в рамках балканской политики России, через призму отношений Россия — Запад, а также с учётом «*так называемой русской идеи, т.е. русского панславизма, который рассматривает Россию как предводителя и господара славянских народов*»⁵⁵.

Призывы советских историков к объективности, прямая постановка ими вопроса о советских и российских ошибках в отношениях с Болгарией должны были подготовить болгарских учёных к еще одной неожиданности — взять под сомнение как политическую, так и научную поддержку болгарской позиции по

македонскому вопросу. Советские учёные сочли слабостью советской историографии *«воздержание от освещения болгарской национальной проблемы»* из-за политической конъюнктуры⁵⁶. В чём выражалось это «воздержание» разъясняет Р.П. Гришина, которая ещё в начале своей научной карьеры проявляла определённый интерес к македонскому вопросу⁵⁷. Она обращает внимание на такой факт: в рамках своей балканской политики Россия не могла защитить болгарскую национальную программу, потому что в основе ее была Македония. Поэтому и в двух мировых войнах болгары воюют против России. Но эти вопросы остались слабо разработанными, потому что *«советская историография не исследовала македонские проблемы, не обращала достаточного внимания на развитие этноса в Македонии, а следовала схемам и запретам»*⁵⁸.

После 1990 г. историографические обзоры состояния балканской тематики в советской науке подтверждают сказанное Р.П. Гришиной о *«чрезвычайной политизации македонского вопроса»*, о *«фактически существовавшем негласном запрещении»*, *«табу»* на исследования македонского вопроса в СССР⁵⁹. После отказа от следования политической конъюнктуре «балканско-македонские» исследования в России развиваются в самой различной интерпретации⁶⁰.

Современные болгарские исследователи подтверждают качественные изменения в российской историографии. Но на них производит впечатление, что и в современной российской балканистике сохраняется деление учёных на поддерживающих македонскую точку зрения и на сторонников болгарской позиции, причём этот водораздел отмечен в одном и том же совместном труде⁶¹.

Заключение

Анализ научного сотрудничества как формы «народной дипломатии» в годы, когда отношения между двумя странами были очень близкими, приводит к выводу, что этот вид сотрудничества может быть эффективен, когда ставится задача достижения определённой цели и когда он осуществляет синхронно с политикой этих стран. Этот вид сотрудничества проводится через научную

пропаганду, при санкционировании этих действий высшим политическим и научным руководством двух стран. Болгарии, как показано в данной работе, удалось затормозить разработку исследований по истории Македонии, но не по македонскому языку и литературе. Однако в результате оказывается, что подобное взаимодействие ученых не только не приносит пользы, но и вредит развитию исторической науки в одной из стран, в данном случае, в СССР. Думаю, что осознание этой стороны научного сотрудничества, станет для нас, исследователей, важным мотивом для следования древнему принципу создания исторических трудов — «Sine ira et studio» («Без гнева и пристрастия»). В новых условиях учёные двух стран призваны ликвидировать «зоны молчания», но с использованием исторических аргументов, а не под влиянием политических институций. Другой вопрос, смогут ли они избежать воздействия национальной традиции и её прикладной функции в современной политике.

Примечания

- ¹ *Новоселова Ел.* Диалог — не обязательно консенсус // Российская газета. 13 ноября 2019. № 258 (8016).
- ² *Проф. Ангел Димитров:* Работата на българо-македонската комисия е в низходяща градация, 12 септ. 2019 // [https://izbori.bg/30037/\(10.02.2020\)](https://izbori.bg/30037/(10.02.2020)); Скопие: ще отговорим на България, но търсим още формата // СЕГА. 22 октомври 2019. <https://www.segabg.com/node/100385> (12.02.2020); *Проф. Иван Илчев:* Комисията по исторически въпроси със Северна Македония е зациклила, БНТ, 22.10.2019 // <http://news.bnt.bg/bg/a/prof-ivan-ilchev> (12.02.2020).
- ³ *Германов Ст.* Македонският въпрос 1944–1989. Възникване, еволюция, съвременност. София: Македонски научен институт, 2012. С. 11; *Пендеровски Стево:* македонският език и нация са факт, никой нормален човек не би го оспорил — Епицентър, 13 декември 2019 // <http://epicenter.bg/article/Stevo-Pendarovski--Makedonskiyat-ezik-i-natsiya-sa-fakt--nikoy-normalen-ne-bi-go-osporil-/201474/7/0> (14.12.2019). Такие связи с фракийским началом (названным Ар.А.Улуняном «архаично-античным») ищут и в Болгарии в 70-е годы XX в., в ходе развития фракологии, которая переживает свой ренессанс в XXI в. Подобные тенденции Ар.А. Улунян открывает в национальных дискурсах и в других балканских странах — Албании, Румынии, Турции. См.: *Улунян Ар.А.* Балканы и «архаично-античное» пространство: исторические отражения в идеологической среде национальных дискурсов // Конструирование истории. Кто мы? /под общей ред. М.С. Бобковой. СПб.: Евразия, 2019. С. 205–233.
- ⁴ Лидеры ЕС одобрили начало переговоров с Албанией и Северной Македонией // Дневник, 27 март 2020 г. https://www.dnevnik.bg/evropa/2020/03/27/4046864_liderite_ot_es_odobriha_zapochvaneto_na_pregovori_s/29.03.2020
- ⁵ *Калинова Евг.* Балканската политика на България — предизвикателства от Запад и Юг (1944–1989 г.) // Исследования по история на социализма в България 1944–

- 1989 / составитель д-р Евг. Кандиларов. София: Фондация «Фридрих Еберт» и Център за исторически и политически изследвания, 2010. С. 713. Сн. 3.
- ⁶ Там же. С. 717. Сн. 11.
- ⁷ Подробнее см.: *Ангелов В.* Хроника на едно национално предателство. Благоевград, 1999. С. 195–207; *Германов Ст.* Указ. соч. С. 60–100.
- ⁸ *Калинова Евг.* Указ. соч. С. 718.
- ⁹ Там же. С. 718–722, 729.
- ¹⁰ *Тодоров Н.* Дневници 1966–1998. Т. 1. 1966–1983 / Состав, научна ред., вступление и именной указатель — В. Тодоров. София: Изток-Запад, 2007. С. 80.
- ¹¹ Цит. по: *Калинова Евг.* Указ. соч. С. 730.
- ¹² *Германов Ст.* Указ. соч. С. 153–192.
- ¹³ *Калинова Евг.* Указ. соч. С. 737.
- ¹⁴ См. последнюю биографию Л. Живковой: *Милев И.* Животът и смъртта на Людмила Живкова. София: Изд. СЕНС, 2018.
- ¹⁵ Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 16. Оп. 66. А.е. 639. Л. 9.
- ¹⁶ Там же. Л. 43.
- ¹⁷ Там же. Л. 54.
- ¹⁸ Там же. Л. 43.
- ¹⁹ Там же. Л. 9–15.
- ²⁰ Там же. Л. 45.
- ²¹ Там же. Л. 62.
- ²² Там же. Л. 75.
- ²³ Там же. Л. 60.
- ²⁴ *Пендаровски Стево:* македонският език и нация са факт, никой нормален човек не би го оспорил, 13 дек. 2019, Агенция «Фокус» (<http://epicenter.bg/article/Stevo-Pendarovski--Makedonskiyat-ezik-i-natsiya-sa-fakt-nikoy-normalen-ne-bi-go-osporil-/201474/7/0>) (14.12.2019).
- ²⁵ *Гусев Н.* Публичная деятельность Н.С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // *Дриновски сборник*. Т. 13. София–Харьков: Акад.изд. «Проф. Марин Дринов», 2019. С. 156–164.
- ²⁶ См. последнее исследование по этому вопросу: *Баева Ис., Калинова Евг.* 16-та република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София: Изток-Запад, 2017.
- ²⁷ Научен архив на БАН (далее — НА-БАН). Ф. 163. Оп. 3. А.е. 746. Л. 106; А.е. 1188. Л. 40.
- ²⁸ ЦДА. Ф. 16. Оп. 66. А.е. 639. Л. 62.
- ²⁹ О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 356–357.
- ³⁰ *Валева Е., Исаева О.* Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР // *България, Балканите и Русия XVIII–XXI вв.* / Състав. И. Марчева. София: ИИИ-БАН, 2011. С. 35.
- ³¹ Рецензия хранится в личном архиве Л.Б. Валева, о её содержании см.: *Валева Е., Исаева О.* Указ. соч. С. 35–38. Одно из возможных объяснений такой трактовки см.: *Тодев И.* Митът Македония // *Към другото минало или пренебрегвани аспекти на Българското национално Възраждане*. София: VIGAL, 1999. С. 65–76.
- ³² О чем поведают архивы... С. 362.

- ³³ *Валева Е., Исаева О.* Указ. соч. С. 36, 39.
- ³⁴ Там же. С. 39.
- ³⁵ Данная концепция обоснована в: *Христов Хр.* Македонизмът като политическа концепция в края на XIX и началото на XX век // Исторически преглед. 1979. № 3. С. 23–40.
- ³⁶ *Валева Е., Исаева О.* Указ. соч. С. 43.
- ³⁷ Там же. С. 47.
- ³⁸ Там же. С. 39.
- ³⁹ Там же. С. 40.
- ⁴⁰ Там же. С. 41.
- ⁴¹ НА-БАН. Ф. 163. Оп. 3. А.е. 746. Л. 55.
- ⁴² *Чиварзина А.И.* Рина Павловна Усикова (1933–2018) // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2018. Вып. 13. № 3–4. С. 250.
- ⁴³ НА-БАН. Ф. 163. Оп. 3. А.е. 74. Л. 29.
- ⁴⁴ *Верижникова Е.В.* Библиография научных трудов доктора филологических наук Рины Павловны Усиковой // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2018. Вып. 13. № 3–4. С. 253.
- ⁴⁵ НА-БАН. Ф. 163. Оп. 3. А.е. 1188. Л. 40–41.
- ⁴⁶ *Чиварзина А.И.* Рина Павловна Усикова... С. 250–251; *Верижникова Е.В.* Библиография... С. 254.
- ⁴⁷ НА-БАН. Ф. 163. Оп. 3. А.е. 143. Л. 21.
- ⁴⁸ *Njagulov B.* The Historical Bulgarian Studies Abroad: a Glimpse into There Past and Present // Bulgarian Historical Review. 2018. № 3–4. P. 16–18.
- ⁴⁹ ЦДА. Ф. 16. Оп. 71. А.е. 3233. Л. 55–57.
- ⁵⁰ *Тодев Ил.* 9-та национална школа на младите историци // Исторически преглед. 1989. № 10. С. 78–80.
- ⁵¹ *Иусов М.* История и съвременност // Исторически преглед. 1991. № 1. С. 5.
- ⁵² *Димитров Стр., Сирков Д.* Среща на български и съветски историци в Москва // Исторически преглед. 1991. № 6. С. 117.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 118.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Волокитина Т.* В памет на Рита Петровна Гришина (1930–2015) // Исторически преглед. 2015. № 1–2. С. 353.
- ⁵⁸ *Димитров Стр., Сирков Д.* Указ. соч. С. 118.
- ⁵⁹ *Валева Е.* Историческая болгаристика в России: современное состояние // Историческая болгаристика. К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 82; *Исаева О.* Балкано-македонские сюжеты в современной российской историографии // Studia historiae Bulgariae et Europaе Orientalis. К юбилею Т.В. Волокитиной. М.: Институт славяноведения, 2018. С. 396.
- ⁶⁰ *Исаева О.* Балкано-македонские сюжеты... С. 397–412.
- ⁶¹ *Германов Ст.* Указ. соч. С. 12–13.

«Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах*

Балканы сохраняют старые следы имперских силовых линий: русские/советские, османские, австро-венгерские, которые похожи на проторенные пути для геополитической и идеологической деятельности современных наследников. Идеологический «график» разлива империй на Балканах не изменился. Если в XIX в. Россия предлагала панславизм, то после 1991 г. она распространяла доктрину «Русского мира», своего рода панрусизм, потому что она предназначена только для русских за пределами России, она не славянская и не балканская, а русоцентричная. Турция заменяет кемализм неосманизмом, сохраняя в обоих случаях пантюркизм в качестве объединителя «Туранского мира». ЕС превращает в либеральный культ «невидимую руку рынка» и трансгуманизм. Новым фактором на Балканах является североатлантический. НАТО — суть узаконивающая структура ведущей роли Соединенных Штатов в коллективной «атлантической солидарности» Запада, включая старые буферы между Европой и Азией, такие, как Турция. Имперская силовая линия балканского происхождения с фантомными болями былого величия является также и византийской, проявляющейся в тлеющей идеологии «Великой идеи».

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Болгарии, проект ДНТС/Русия 02/17, ФНИ «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Завоевать Балканы геополитически не сложно, но недолговечно с точки зрения истории. Для достижения долгосрочного результата, нужно завладеть умами идеологически. Однако для прочного завоевания следует целиться в сердца — духовная реальность самая глубокая и самая свободная. На Балканах зона свободы — это Православие. Отсюда геополитическая, идеологическая поддержка со стороны НАТО реисламизации Балкан в создании Косово, с одной стороны, и с другой, — неоязычества. Если это национализм, то с языческой символикой, будь то руны или розетка из Плиски*, это не имеет значения, важно, что символика дохристианская.

«Русский мир», подобно русской матрешке, скрывает, в разной степени, все концептуальные слои русской идентичности: историософской, геополитической, цивилизационной и духовной.

Историософская идентичность «русской идеи» сочетает европейскую культуру с русским мессианством. Геополитическая идентичность внешнеполитической доктрины «Русского мира» сочетает имперскую универсальность с российскими национальными интересами. Идеологические векторы внешней политики России разнообразны и не ограничиваются одной идеологией. Если «Русский мир» предназначен для российского и европейского культурного пространства, то евразийский идеологический вектор направлен на Восток — на постсоветское пространство Центральной Азии.

Славянский цивилизационный вектор был направлен, прежде всего, на Балканы, а его расцвет приходится на XIX век, когда максимальная реализация славянской идеи имела место в период Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. и при создании третьего болгарского государства. Панславизм — это идеологическая рамка славянской идеи, которая начала утрачивать популярность в России с конца XIX в., но продолжала тихо и неназойливо присутствовать в имперской памяти, чтобы проявить себя в нужное время.

* Розетка из Плиски — бронзовый медальон в форме семиконечной звезды с двумя протоболгарскими руническими знаками на каждом луче. Открыта в 1961 г. проф. С. Ваклиновым во время археологических раскопок в Плиске — столице Первого Болгарского царства. Датируется VII–IX вв. (Прим. ред.).

Геополитическая реальность

Присоединение Крыма фиксирует верхнюю границу хронологического периода «постсоветской России» (1991–2014). С возвращением Крыма постсоветский период для России был закончен восстановлением ее статуса «великой державы», утраченного после разрушения СССР.

Многополярный мир после 2014 г. не является чем-то новым в международных отношениях, как это часто и с трагической интонацией представляется в средствах массовой информации и в некоторых аналитических материалах. Картина международных отношений в XIX в. так же многополярна. Если во второй половине XIX в. возростала роль Германии на Балканах как нового геополитического фактора, как страны, у которой нет непосредственной границы с Османской империей, но зато есть прямой интерес к ее наследству, то теперь таким геополитическим игроком являются США.

В XIX в. Бисмарк подчеркивал отсутствие территориальных интересов Германии на Балканах и ее роль «честного маклера» при решении «восточных проблем», но его мысль о Восточном вопросе как о «язве», которая всегда должна кровоточить, показательна и актуальна¹.

В XXI в. американцы также использовали для себя термин «честный маклер»². Геополитически США способны поддерживать политику «хронической язвы» (они делают это на Украине, на Ближнем Востоке). Такова «realpolitic» по-американски.

Иными словами: никто не отменял ни «честных маклеров», ни Восточного вопроса, он просто трансформировался, а его контуры расширились. Формально геополитический интерес, как североатлантический, так и российский³, сосредоточен на Западных Балканах (на пост-югославских территориях, исключая Словению и Хорватию, а также на Албании). Однако «Западные Балканы» являются геополитической частью «Евразийских Балкан»⁴ (постсоветская Центральная Азия и Южный Кавказ). Битва за освоение как пост-югославского, так и постсоветского наследия. Невозможно изолировать от этой битвы Восточные Балканы, или Юго-Восточную Европу, если принять политкорректный термин интегрированных в ЕС балканских стран.

Как сдерживают Россию на Балканах в XIX в. и как в XXI-м?

Между «Западными» и «Восточными» Балканами еще с XVIII в. существует «*красная линия*»⁵ между Австрией и Россией. Роль Австро-Венгрии как кратковременной империи сейчас играет суррогат империи — ЕС.

Разделение Балкан на западную и восточную сферы влияния возникло не сегодня, а является старой русско-австрийской традицией, воплощенной в Греческом проекте (1782)⁶, Рейхштадтском соглашении (1876)⁷, решениях Константинопольской конференции (1876)⁸. После Адрианопольского мирного договора (1829) «красной линией» российского влияния на Балканах были: Валахия, Молдавия, Сербия, Черногория. Сегодня «красная линия» Западных и Восточных Балкан движется в направлении поглощения пост-югославского пространства.

«Восточная Болгария» компенсирует Боснию, а Западная Болгария с ее выходом на Черное море находится близко к Проливам⁹. «Красная линия» проходит и по морю. В XIX в. Лондонская конвенция 1841 г., запрещавшая военным судам пересекать Проливы в мирное время, отразила намерение не допустить превращения российского черноморского флота в «средиземноморский». После Парижского мира 1856 г. Молдова получила доступ к Черному морю с дельтой Дуная, что сделало ее «*геополитическим барьером*» между Россией и Балканами — в Турции, чтобы не было общей границы между Россией и Османской империей. «*Второй рычаг*» после Молдовы — это нейтрализация Черного моря. Создается «*Парижская система балканско-черноморского сдерживания России*», действующая до ноты А.М. Горчакова (октябрь 1870 г.) об отказе России от выполнения статей Парижского мирного трактата 1856 г. о нейтрализации Черного моря, которая привела к «*балканскому возвращению*»¹⁰ России.

После распада СССР смещение морской «красной линии» в пользу России происходит с присоединением Крыма в 2014 г., который охраняет черноморский тыл России, а российский флот становится «средиземноморским». Участие России в защите светского государства в Сирии обеспечивает России военные

базы на Средиземном море и постоянную группировку российских военно-морских сил¹¹.

Однако на континенте Россия теряет позиции — есть общая российско-европейская граница, но барьером между ними стала Украина. Россия разместила свой буфер в «украинском буфере» или свой собственный российский «геополитический барьер» — «Новороссия» (ДНР, ЛНР). Роль российского барьера на Балканах играют сербы — российское присутствие в Республике Сербской (БиГ) и в Сербии с российским гуманитарным центром в Нише. Это является частью постсоветского стиля укрепления «русских буферов» (Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии) в ответ на геополитическое превосходство США. На данный момент существует ассиметричный, но всё же баланс — российско-американский.

Идеологическая реальность

Идеологическая реальность на Балканах — это, с одной стороны, борьба за информационное превосходство, а с другой, — за умы интеллигенции. Внешняя политика России на идеологическом фронте полифонична, т.е. налицо идеологическая диверсификация. На Западе и на Балканах идеологическим вектором является «Русский мир», ограниченный панрусизм. На Востоке «евразийский» вектор используется не как историософская концепция раннего евразийства русской эмиграции, а как российский глобализаторский проект геоэкономической целостности России для целей «большой Евразии» (до 2014 г. целью была «большая Европа»).

В постсоветской России политик и политтехнолог П. Щедровицкий первым вводит термин «Русский мир» в сферу публицистики: *«геоэкономическая стратегия»*¹² для *«гуманитарно-технологической поддержки внешней политики»*¹³.

«Русский мир» становится внешнеполитической доктриной, основная цель которой — поддержать русских, оставшихся за пределами России. Первоначально доктрина предназначалась для 25 миллионов русских, которые остались за пределами своей родины после 1991 г., но постепенно ее «адресат» расширился,

охватывая русскую эмиграцию всех волн, всех «соотечественников».

Министр иностранных дел И.С. Иванов (1998–2004 гг.) официально вводит термин «русский мир» в обиход на VIII Всемирном Русском Народном Соборе в 2004 г., называя «собрание *“русского мира” общим делом Российского государства и Русской православной церкви*». Интересный акцент: вместо «собрания русских земель» говорится о «собрании *русского мира*» независимо от границ.

Балканы включены в концепцию Иванова следующей констатацией: «*Принадлежность к православной традиции служит залогом прочности наших связей со странами Юго-Восточной Европы. Балканы традиционно были и остаются сферой внешнеполитических интересов России*». Посредством доктрины «Русский мир» возрождается синхронизация церковной дипломатии РПЦ с официальной дипломатией МИД. В марте 2003 г. патриарх Алексий II впервые за всю 200-летнюю историю этого ведомства посетил МИД, с тех пор, по словам министра, начинается «*ежедневная практическая работа в тесном сотрудничестве с Московской патриархией*»¹⁴.

В президентской лексике В.В. Путина понятие «Русский мир» утверждается в послании Федеральному собранию в апреле 2007 г., в котором говорится, что его [«Русского мира»] пространство «*значительно шире, чем сама Россия*»¹⁵.

2007 год отмечен мюнхенской речью Путина*, определяющей стратегию геополитического суверенитета России в многополярном мире и противостоящей однополярной американской монополии. [Хронологически однополярный мир — это международная реальность того периода (1989–2014 гг.), или от падения Берлинской стены до возвращения Крыма]. Но в 2007 г. произошло событие, имеющее важное духовное значение — восстановлено каноническое общение между РПЦ и РПЦЗ. Любопытное хронологическое совпадение!

Если границы «Русского мира» являются неопределенными, расплывчатыми, выходящими за пределы политического контура

* Имеется в виду выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. (Прим. ред.).

Российской Федерации и (после 1991 г.) постсоветского контура, то границы «Русского мира» замыкают определенное историческое пространство: Россия, Украина и Белоруссия, или земли «Святой Руси».

После присоединения Крыма «Русский мир» превращается из *«реинтеграционной стратегии»* в геополитическую реальность¹⁶. Майдан на Украине (2013) вызвал интерес к «Русскому миру» у русских с «Большой Земли» (так в Новороссии называют Россию). Наиболее точно описывает русское пробуждение российский философ и политолог В.Н. Расторгуев: *«В последний год все вдруг почувствовали, что это и не туман вовсе, а удушливый дым пожарница: «русский мир» горит, а где главный очаг, кто поджигатель — в дыму и гари не разберешь. И горит наш мир русский не фигурально, не в умопостигаемых далях за горизонтом реальности, а в самом что ни на есть реальном центре этого тысячелетнего мира — на землях Киевской Руси. Города и села уже превращены в пепелища, тысячи невинных людей заплатили за политическое преступление своими жизнями, у миллионов отняли будущее...»*¹⁷.

В 2014 г. спонтанно возрождается образ Новороссии как пространства «русской весны» в восставшей против Майдана части Донбасса (Донбасская Народная Республика и Луганская Народная Республика), названной литератором и публицистом Ст. Минаковым *«Русским Преображением»*¹⁸, а писателем и публицистом Э. Лимоновым — *«русским восстанием»*¹⁹. Ст. Минаков определяет Южную Россию (географически так определялась Новороссия с царских времен) как место, где решается *«судьба всего Русского Мира в духовном плане»*²⁰.

В определенной части общественных интерпретаций «Русского мира» сливаются два понятия — «Святая Русь» и «Великая Россия». Последнее обожествляется как вечный исторический проект. Кредо Б. Дверницкого, главного редактора журнала «Русское самосознание»: *«Каждый русский человек должен помнить слова из старинной офицерской молитвы — «Нас много, а Россия одна!.. Смерти нет! Всё пройдёт, и мы пройдем, а Россия останется!»*²¹.

Духовная реальность

Если геополитическая и идеологическая реальность Балкан — в пользу Соединенных Штатов, то духовная реальность остается непоколебимой, связь с Россией крепка благодаря православию и успешной церковной дипломатии.

Духовная реальность «Русского мира» (с 988 г.) существует параллельно со светской и постимперской идеологической реальностью «Русского мира» (с 1991 г.). Российский патриарх Кирилл впервые оформил в виде программы свои идеи о «Русском мире» в 2009 г. на III Ассамблее Русского Мира. «Русский мир» ведет свое начало от крещения Руси, и в понимании патриарха Кирилла, это цивилизационное понятие: *«Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. [...] Русский мир — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами — и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную»*²².

Понятие «Русский мир», именно как «мир», а не «мир», введено дьяконом В. Василиком, в понимании которого оно является *«средневековым по своему духу, поскольку обозначает одновременно и вселенную [...] и общество, общину, в том числе деревенскую. [...] Понятие мирь внутренне близко к греческому слову “ойкумене” — “вселенная”, в значении — “космос” как обжитое пространство»*²³.

Если патриарх Кирилл подчеркивает «религиозное измерение» «Русского Мира», то философ и политолог А.С. Панарин включает его в политическую философию со своей концепцией русской православной цивилизации²⁴. Основным критерием принадлежности к «Русскому миру» является Православие.

Согласно другому критерию, «Русский мир» представляет собой, прежде всего, «пространственную идентичность». Для

философа и культуролога Г. Гачева «Русский мир» — это, прежде всего, пространство: *«Для немцев время более важно, чем пространство. Бытие и время, философские Sein und Zeit Хайдеггера. А для русских наоборот — пространство. Даже священное слово “страна” того же корня»*²⁵.

Однако пространство может быть внутренним и внешним, историческим и духовным. Митрополит Иларион понимает «Русский мир» как *«историческое пространство, которое объединяет нынешние Россию, Украину и Белоруссию»* и которое, в свою очередь, является частью «духовного пространства» Святой Руси. Он видит в «Русском мире» альтернативу Pax Romana (римскому миру): *«“Тоталитарная свобода”, основанная на человеческих страстях... она бессознательно стремится к установлению абсолютной диктатуры, которой потребуются установление полного контроля над каждым членом общества. То, что происходит сегодня на Западе, является постепенным воссозданием Pax Romana, глобально-интернационального господства. Вместе с тем, если римская власть в определенные периоды индифферентно относилась к безнравственности, то сегодня ее стремятся возвести в норму»*²⁶.

Однако воспринимаются ли Украина и Беларусь частью русского мира?

На Украине среди русофильских академических кругов, наиболее ярким представителем которых является историк проф. П.П. Толочко (говорить о русофобских кругах не имеет смысла: демонизация русского мира патологична), популярным является мнение не о «русском», а «восточнославянском православном мире», а также не о «русской», а «славяно-православной идентичности»²⁷.

В Беларуси также предпочитают понятие «Восточнославянский мир», поскольку связывают русский мир лишь с Российской Федерацией, а себя воспринимают частью «славяно-православной цивилизации», а не «русской цивилизации». Вводят даже понятие «русскоцентризм» (с двойным «с»), отделяя его от «русоцентризма» (с одним «с»), потому что последнее может быть отнесено и к Белой Руси. Более того, в Беларуси проводят

различие между пространством «канонической территории» Русской православной церкви и пространством «Святой Руси» — там ищут дистанцию, и в их национальной идее нет мессианизма или священного вселенского пути, характерного для России²⁸.

Однако следует помнить, что «Русский мир» — это также реакция на русофобию, на дерусификацию в форме декоммунизации в части постсоветского пространства, на «системную политическую русофобию» или «антируссизм», подобный антисемитизму, по наблюдениям философа и социолога А.В. Щипкова²⁹.

Болгария и «Русский мир/мир»

«Русский мир» — это постсоветский термин, его историческая дистанция коротка, радиус действия ограничен русскоязычным постсоветским пространством. Основным критерием для носителей «Русского мира» является, прежде всего, русский язык, а затем — национальная идентичность; ведущим является не профессиональное начало, а национальное — «русский», а не «российский» мир.

Разница между понятиями «русский» и «русскоязычный» расплывчатая, а порой и спорная, как критерий. Например, на Украине есть современные националисты — русские русофобы с юго-востока, которые считают себя «русскоязычными украинскими националистами».

Поскольку концепция «Русского мира» не предназначена для славян, в России всё еще не сложился современный образ Балкан, скорее она опирается на историческую память. В Болгарии есть как советофилы, так и русофилы, общим между которыми является путиноцентристский взгляд на современную Россию. Путин заслоняет Россию и ее демонизацию со стороны Запада, а официальные болгарские СМИ способствуют этой фиксации. Ностальгия по социализму в Болгарии в меньшей степени идеологическая, потому что это была искусственная и подражательная идеология, и в большей степени государственная и экономическая. Это может быть козырем в руках России, но только тогда, когда она перестанет стыдиться своего советского прошлого. «Русское» и «советское» духовно противоположны, но они вместе 9 мая, в День Победы.

В сфере образования у России нет своих проектов на болгарской территории, есть стипендии для обучения болгар в России. Но в то же время существует систематическое американское идеологическое влияние на среднее образование. В 2013 г. фонд «Америка для Болгарии» выделила более 22 млн долларов другому американскому фонду «Вместе на уроке». Акцент делается на «мотивационное обучение» и «воспитание лидерских качеств». «Вместе на уроке» — полная копия американского «Teach for America» (TFA) и на самом деле является частью его преемника «Teach for All»³⁰. Методы этой организации являются методами «постмодернистской секты» в среднем образовании, но при этом поддерживаются Министерством образования и науки. Основная цель американского фонда — приватизация образования и критика государственной системы образования в пользу частной³¹.

В Болгарии «Русский мир» (988 г.), будучи ей близок, в отличие от «Русского мира» (1991 г.), через православную «нить» присутствует ненавязчиво, но категорично. Болгарский патриарх Неофит обладает авторитетом, а политическая элита молчаливо с ним считается.

Провалом идеологического инжиниринга атлантических ценностей Запада в Болгарии стала гендерная утопия. Стамбульская конвенция* с гендерной доктриной «мой пол — мой выбор», представленная под видом защиты женщин от насилия, была отвергнута на всех уровнях в болгарском обществе.

Болгарская православная церковь первой возглавила сопротивление «третьему полу» и угрозе гендерного образования. За церковью последовал президент Румен Радев, премьер-министр Бойко Борисов был вынужден прекратить свою поддержку гендерной идеологии. Наконец, Конституционный суд Республики Болгария отклонил Стамбульскую конвенцию.

На Болгарию оказывается сильное давление, целью которого является принятие Стамбульской конвенции, поскольку это прецедент в ЕС. Нет другой европейской страны, которая ополчилась бы на гендерную идеологию. Одним из требований для

* Имеется в виду конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Открыта для подписания с 11 мая 2011 г. в Стамбуле (Прим. ред.).

европейских чиновников является безоговорочное признание гендерного равенства. В опубликованном досье болгарского евродепутата — еврокомиссара инноваций и молодежи Марии Габриэль ей дана следующая характеристика: *«Мария Габриэль по-настоящему прогрессивна в своих убеждениях, ее можно убедить пойти против линии своей группы, особенно по социальным вопросам и по вопросам гендерного равенства; она настаивает на том, чтобы говорить по-французски всегда, когда это возможно»*³².

Пассивное сопротивление болгар победило, тогда как активное сопротивление хорватов Стамбульской конвенции проиграло — это балканский парадокс. *«Болгарин — гений пассивного сопротивления»* — наблюдение проф. Н. Генчева.

Отсюда и обманчивое преимущество американских мозговых трестов и общественных организаций перед российскими. Их во много раз больше, но они не оказывают какого-либо положительного влияния на общественные настроения, наоборот, они увеличивают число русофилов. Отсюда и другой балканский парадокс: русская пассивность побеждает американскую активность в сердцах болгар, но не в умах политической элиты.

Есть ли место для Балкан во внешнеполитической доктрине России после присоединения Крыма?

Почему после Крыма?

Потому что Россия как вернувшаяся великая держава не может отказаться от Балкан. Геополитическую географию нельзя игнорировать. Балканы — это стратегические ворота в Европу, их нельзя обойти.

Пример с «Южным потоком». Россия теряет не столько экономически, сколько геополитически. Поставки газа в Южную Европу, по сравнению с поставками в Западную Европу, ничтожны, но транзит через Болгарию выгоднее для России, чем через Турцию, потому что «Турецкий поток» дает России дивиденды до турецкой границы. Решение о том, сколько газа и когда продавать европейцам, остается турецким, а не российским,

поэтому возникает резонный вопрос российских аналитиков: «А насколько “Турецкий поток” является российским?»³³. Потому что «Южный поток» остался бы русским и на болгарской территории. Тогда как в случае остановки «Северного потока-2», Россия потеряла бы серьезный рынок в сочетании с постоянным ухудшением российско-германских отношений из-за сильной зависимости Германии от американских поставок сжиженного природного газа, более дорогих, менее надежных, но навязанных во имя того, что «Америка прежде всего!».

Другое дело, что при запуске «Южного потока» Болгария не смогла бы справиться с майданной активностью своих геополитических партнеров. А это привело бы к непредсказуемому политическому кризису, невыносимому для ее рахитичной государственности.

Европейская деятельность по реколонизации так называемых Западных Балкан, или бывших югославских и всё еще «ничьих» стран, возбудила российское любопытство к Балканам, которое привело к осознанию того, что России угрожает «вытеснение из региона». Однако российский взгляд все еще не достигает «восточных Балкан» по ряду причин, некоторые из которых иррациональны. В российской экспертной терминологии термин «новые Балканы» до сих пор понимается как «пост-югославские Балканы». Одна из причин этого избирательного «видения» — в старой системе университетского образования в России, которая предлагает студентам на выбор изучать Югославию или Болгарию. Отсюда и отсутствие понимания целостного историко-культурного гуманитарного фундамента балканской истории. Однако наряду с этим унаследованным стереотипом наблюдается и прозрение того, что Балканы как цель являются исторической и геополитической «транзитной зоной», от которой неизбежно зависит связь России с Европой.

Если попытаться определить общую балканскую тенденцию для Болгарии и Сербии, то таковой окажется увеличение разрыва между политической элитой и народом. Внешний геополитический фактор атлантического присутствия на Балканах — военные базы США в Болгарии и Косово — является реальной гарантией политической власти, маркером геополитического превосходства.

Европейский вектор в сербской политике неизбежен, и российская поддержка не может быть абсолютной, как того ожидает сербский народ. Российский историк-балканист Н.В. Бондарев не случайно напоминает сербской политической элите: *«Прекратите, наконец, требовать (именно ТРЕБОВАТЬ) от русских, чтобы мы были большими сербами, чем сербы»*³⁴. С другой стороны, косовские сербы не имеют политической защиты, их защищает Сербская православная церковь. Российский президент Дмитрий Медведев не отозвался в 2011 г. на прошение косовских сербов³⁵ получить российское гражданство. Россия готова предоставить гражданство, если сербы переедут на российскую территорию, поэтому повторение сценария с Южной Осетией 2008 г. для Косово отпадает, оно нереалистично.

Исторические напластования в отношениях между Болгарией и Сербией необратимы. Национально-государственные интересы обеих стран обусловлены разными историческими целями, а Македонии, учитывая нынешнее соперничество Софии и Белграда, активно продвигающих свои интересы в этом регионе, еще предстоит быть одним из самых слабых звеньев безопасности на Балканах. Македонизм поддерживался в прошлом советской политикой с помощью югославов как геополитический фактор влияния. Поддерживается он и сегодня российской постсоветской политикой. Более того, македонизм поддерживается как болгарской политической элитой, так и ЕС.

С другой стороны, на невидимом фронте духовной реальности связи между Болгарией и Сербией неизгладимы: именно в болгарской земле, в Велико Тырново, в церкви Сорока мучеников был погребен Св. Савва, архиепископ Сербский (1236 г.). Позднее его останки были перенесены в Сербию, но в 1594 г. турки, желая унижить православных сербов, сожгли находившийся в монастыре Милешева гроб, и частицы мощей, единственные дошедшие до наших дней реликвии, сохраняются в Самокове, в женском монастыре Покрова Пресвятой Богородицы, и в Черногории³⁶. В церкви Св. Недели в Софии находятся мощи сербского святого и короля Стефана Уроша II Милутина.

Потеря Балкан для России будет потерей духовной территории, сложившейся через православие и включающей, в более

широком смысле, греков и румын, и через церковнославянский литургический язык, который является средневековым болгарским языком. Язык создает образ мышления, отсюда родственное отношение — осознанное или нет — нас, болгар, к русским — не как к иностранцам, и наоборот.

При восприятии «Русского мира» только как идеологемы или только как геополитической доктрины недооценивается духовный вектор «Русского мира». Духовная реальность — это не абстракция, а поле серьезного исторического, культурного и геополитического столкновения. Аннексия духовной территории более болезненна, чем любая территориальная или другая материальная потеря. Попытка Вселенского Патриарха нарушить канонический закон при содействии киевских властей в пользу раскольников (Киевского патриархата) и против православных (Украинской православной церкви Московского патриархата) может привести к расколу православия на славянское и греческое.

С геополитической точки зрения, Крым важнее Киева, но в духовном плане дело обстоит наоборот, потому что, несмотря на сакральность Херсонеса, духовным центром, породившим «Русский мир», является Киев, а не Крым.

Не Крым, а Киев для России это то, чем Охрид является для Болгарии, а Косово для Сербии, — это колыбель православия. Все три духовных центра — русский, болгарский и сербский — находятся в «изгнании» на политически враждебной земле (русофобская власть в Украине, болгарофобская в Македонии, сербофобская в Косово)³⁷. Отсюда и успешная российская церковная дипломатия в Болгарии и на Балканах, ибо у нас общая цель — защита православия.

Иными словами, у известной формулы А. Зиновьева *«целились в коммунизм, а попали в Россию»*, есть продолжение — *«бьют по России, а целятся в Православие»*. И поле битвы — Балканы.

Примечания

¹ Първев И. Балканите и Източния въпрос (1688–1878). София, 2017. С. 230, 204–205.

² Regain the United States' Reputation as an Honest Broker: Atlantic Council. Balkans Forward. A New US Strategy for the Region. Washington, 2017. P. 23–24.

- ³ *Энтина Е., Пивоваренко А., Новакович Д.* Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России. М.: Фонд развития и поддержки международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018.
- ⁴ *Zbigniew Brzezinski.* The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. P. 125, 123–124. http://www.takeoverworld.info/Grand_Chessboard.pdf (27.01.2019)
- ⁵ *Първев И.* Балканите и Източния въпрос... С. 175.
- ⁶ Греческий проект (1782 г.): для Австрии — Сербия, Малая Валахия, Босния, Албания и Черногория; для России — Крым и земли до Днепра; Королевство Дакия с православным владетелем, одобренный Веной и Петербургом; и греческая монархия с русским царем из династии Романовых.
- ⁷ Рейхштадтское соглашение (1876 г.) постановляет: Босния и Герцеговина для Австро-Венгрии — как территория. Восточные Балканы для России — как сфера влияния.
- ⁸ Константинопольская конференция (1876 г.). Предусмотрены три автономии в Турции: Босния, Восточная и Западная Болгария. Восточная Болгария с центром Тырново остается в русской сфере влияния, Западная Болгария с центром София остается в австрийской сфере влияния.
- ⁹ *Първев И.* Балканите и Източния въпрос... С. 221–222.
- ¹⁰ Там же. С. 176, 188–189, 191, 198.
- ¹¹ *Энтина Е.Г.* Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. М., 2016. <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/333.pdf> (27.01.2019).
- ¹² *Щедровицкий П.* Русский мир и Транснациональное русское // Русский журнал. 2 марта 2000. http://old.russ.ru/politics/meta/20000302_schedr.html (19.02.2020).
- ¹³ *Щедровицкий П., Островский Е.* Россия: страна, которой не было // Журнал «Собеседование», май 2004. № 4. <http://www.shkr.ru/lib/publications/71> (19.02.2020).
- ¹⁴ Выступление министра иностранных дел России И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе 3 февраля 2004 г. <https://mospat.ru/archive/2004/02/6352/> (19.02.2020)
- ¹⁵ Послание Президента Российской Федерации от 26.04.2007 г. б/н. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522> (19.02.2020)
- ¹⁶ *Расторгуев В.Н.* «Русский мир» и цивилизационная идентичность // Вестник Православного Свято-Тихоновского Государственного Университета. Серия I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 158.
- ¹⁷ Там же. С. 153.
- ¹⁸ *Минаков Ст.* Закваска Новороссии. 14 сентября 2015 г. http://www.stoletie.ru/vzglyad/zakvaska_novorossii_562.htm (19.02.2020).
- ¹⁹ *Лимонов Э.* По-живому. Интервью Алексея Семина. 22 марта 2018 г. <https://www.youtube.com/watch?v=bniae5D7OKc> (19.02.2020).
- ²⁰ *Минаков Ст.* «Гражданская холодная война на Украине продолжается уже четверть века...». 11 декабря 2013 г. http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/stanislav_minakov_grazhdanskaja_kholodnaja_vojna_na_ukraine_prodolzhatetsa_uzhe_chetvert_veka_633.htm (19.02.2020).
- ²¹ Русский народ, Русский мир и русская цивилизация: история и современность // Русин. 2009. № 1 (15). С. 113.
- ²² Слово пастыря. 6 сентября 2014 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html> (27.01.2019).
- ²³ *Владимир Василик.* Русский народ. Русский мир. Русская цивилизация // Русин. 2009. № 1 (15). С. 131.

- ²⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- ²⁵ Гачев Г. Национальные образы мира. 24 мая 2007. <https://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (19.02.2020).
- ²⁶ Богословие свободы. Христианство и светская власть — от Миланского эдикта до наших дней. Выступление митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на открытии учебного года на Богословском факультете Южной Италии, 17 октября 2014 г. <https://mospat.ru/ru/2014/10/18/news109757/> (19.02.2020).
- ²⁷ Толочко П.П. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки / П.П. Толочко; науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 464–466, 20.
- ²⁸ Алейникова С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд. Минск: РИВШ, 2017. С. 5, 542, 543, 539, 108.
- ²⁹ Щипков А. Вопросы идеологии. М., 2018. С. 183.
- ³⁰ Даниел Проданов. Будителите на фондация «Америка за България». <http://www.memoriabg.com/2016/03/24/buditelite-na-fondacia-amerika-za-bulgaria/> (27.01.2019).
- ³¹ Калин Първанов. Към Голямата цел на Големия брат // Поглед. Инфо <http://pogled.info/avtorski/Kalin-Parvanov/kam-golyamata-tsel-s-golemiya-brat.73229> (22.04.2018).
- ³² Документ на Сорос: заради джэндър равенството Мария Габриел би тръгнала срещу своите // Гласове. 23 март 2018 г. <http://glasove.com/categories/komentari/news/dokument-na-soros-zaradi-dzhendyr-ravenstvoto-mariya-gabriel-bi-trygnalasreshtu-svoite> (27.01.2019).
- ³³ Экспертная дискуссия на площадке клуба «Валдай»: «Балканский вопрос сегодня: вызовы для России». 28 сентября 2018 г. https://www.youtube.com/watch?v=jxахDkY1Y_g (19.02.2020).
- ³⁴ Никита Бондарев на своем профиле в фейсбуке от 13 ноября 2018 г.
- ³⁵ Полный текст прошения косовских сербов о получении российского гражданства. 21.11.2011. <http://www.nspm.rs/nspm-po-russki/poln%D1%8B%D0%B9-tekst-proseni%D1%8F-kosovskih-serbov-o-polucenii-rossi%D0%B9skogo-grazdanstva.html> (28.01.2019).
- ³⁶ Аксиния Джурова. Мощите на св. Сава Сръбски в Девическия метох. <http://www.pravoslavieto.com/manastiri/samokovski/index.htm#мощи> (27.01.2019).
- ³⁷ о. Божидар Главев. Богооткровената и богопротивната представа за богоизбраничество. http://budiveren.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1648:bogootkrovenata-i-bogoprotivnata-predstava-za-bogoizbrannichestvoto&catid=96&Itemid=320 (28.01.2019).

Роль албанской общины в восстановлении и развитии государственности Черногории в начале XXI в.

Албанское население Черногории весьма немногочисленно, по сравнению с соседними Сербией и в одностороннем порядке заявившим в 2008 г. о своей полной государственной независимости автономным краем Косово. Черногорские и албанские племена веками жили бок о бок, часто имели сходные бытовые особенности. Это давало иногда ошибочный повод, как отмечали югославские исследователи, считать некоторые племена родственными¹. Ряд территорий, населенных албанцами, отошли к Черногории по результатам русско-турецкой 1877–1878 гг. и Балканских войн. Это уже в современную нам эпоху служило основой проектов собирания их в единое государство.

Численность албанского населения Черногории росла на протяжении всего XX века. Так, в 1909 г. их насчитывалось примерно 11 000 чел. По результатам первой после образования в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев переписи населения 1921 г., в Черногории насчитали 223 091 жителя. Из них албанцев было 17 133 чел., и они составляли самое многочисленное национальное меньшинство. Наибольшее их число проживало в округах Бар и Подгорица. По другим источникам, население Черногории к 1921 г. выросло уже до 311 341 чел. На сербском языке говорили 91% жителей, на албанском — 8,5%.

Перепись 1931 г. пришлось на период нового административно-территориального деления Королевства Югославии. Территория Черногории тогда входила в состав Зетской бановины. Население той части бановины, которая соответствует современным границам нынешней Республики, насчитывало 360 044 чел., их них албанцев — 18 098 чел., или 5,03%².

В 1948 г. была проведена первая перепись уже социалистического периода. Она показала небольшой прирост албанского населения: 19 425 чел., или 5,2%. Наибольшее число албанцев жили в Барском срезе (более 10 000 чел.) и в окрестностях столицы — Титоградском округе (более 6500 чел.)³. Югославские демографы предполагают, что число албанцев в Республике после войны на самом деле было несколько ниже, так как некоторые турки, проживавшие в Черногории, самоидентифицировались как албанцы⁴.

Последующие переписи 1953, 1961⁵, 1971⁶, 1981 и 1991 гг. показывали поступательный рост абсолютной численности албанцев, а также их доли в населении, наряду с ростом населения социалистической Черногории в целом. Так, по данным переписи 1981 г., в Черногории проживал 37 981 албанец, что составляло 6,5% населения (по другим данным — 37 735 албанцев)⁷. К 1991 г., году последней общегославской переписи населения, албанцев было 40 880 чел., или 6,64% населения⁸. По другим данным, албанцев здесь насчитывалось 40 415 чел., или 6,57% населения. Самоидентификация по признаку родного языка показала, что албанский язык является таковым для 43 907 чел., или для 7,14% населения⁹.

Перепись, состоявшаяся в Черногории уже в период Союзной Республики Югославии в 2003 г., выявила серьезные изменения в национальной структуре населения, а именно резкое падение абсолютной численности албанцев (примерно на 25%). Их оказалось всего 31 163 чел., или 5,03% населения¹⁰. И опять родным албанский язык является для чуть большего числа людей — на нем говорят 32 603 чел.¹¹. Отметим, что до проведения этой переписи сами албанцы утверждали, что их в Черногории проживает около 50 000 чел.¹².

Перепись 2011 г., то есть после достижения Черногорией полной государственной независимости, только подтвердила эту тенденцию: в стране оказалось только 30 439 албанцев, или 4,91% населения, родным албанский язык был для 28 741 чел.¹³. Как с беспокойством отмечал в апреле 2015 г. тогдашний самый молодой депутат черногорской Скупщины Дритан Абазович, каждый четвертый албанец к 2015 г. уехал, в основном в страны

Западной Европы и в США. Он даже высказал опасение, что при такой интенсивной экономической миграции можно ожидать исчезновения албанского меньшинства в Черногории¹⁴.

Албанцы расселены компактно на юге страны, в общинах Ульцинь (более 70% жителей) и Бар (до 30% жителей). Эти районы прилегают к Шкодерскому озеру и к албанской границе. Город Ульцинь является также центром албанской политической жизни и местом расположения штаб-квартир албанских политических партий в Черногории.

Определенное число албанцев (около 10% населения города) проживает в столице Республики — Подгорице, также компактно. Они живут в районе Тузи, их доля составляет почти 60% (от 4748 чел.), а также в прилегающих районах. Нынешняя городская община (в границах Подгорицы) Тузи до 1957 г. имела статус и полномочия самостоятельной административно-территориальной единицы, наравне с другими районами Черногории. Албанцы Подгорицы уже много лет выступают за восстановление этого статуса.

Старейшими и самыми крупными албанскими политическими партиями являются Демократическая уния албанцев (ДУА) и Демократический союз Черногории (ДСЧ, Мехмет Барзи). ДУА долгое время возглавлял Ферхат Диноша, в 2009–2012 гг. занимавший в черногорском правительстве пост министра по вопросам прав человека и делам меньшинств, а ныне посол Черногории в Косове¹⁵. С 2009 г. партию возглавил Мехмет Зенка, после выборов 16 октября 2016 г. занявший этот же министерский пост. В 2000–2010 гг. появилось еще несколько национальных политических организаций¹⁶.

Влияние албанского фактора в Черногории росло в результате имевшихся для албанцев преференций в избирательном законодательстве. Оно предусматривало подачу меньшего количества подписей избирателей для выдвижения кандидатов. Однако изменения 2011 г. уравнивали албанцев с другими национальными меньшинствами. Закон больше не предусматривал предоставления албанскому меньшинству пяти гарантированных депутатских мандатов¹⁷. Это вызвало острую дискуссию в албанской среде и стало почвой для новых обвинений властей Черногории

в дискриминации албанского населения страны, в попытке его полной ассимиляции¹⁸.

Достижение Черногорией независимости в 2006 г. в немалой степени состоялось благодаря поддержке албанских избирателей. Одной из причин стала политика М. Джукановича дистанцироваться от Белграда с его позицией по поводу Косова. Однако выход из последнего югославского объединения не означал, что отныне развитие черногорской государственности будет происходить в мирном и спокойном общественном климате, не омраченном обострениями национальных противоречий. Албанская тема постоянно присутствовала в политической повестке дня и со временем превратилась для черногорских властей в проблему. Вопрос о компенсации своей поддержки периодически поднимался албанскими политиками. Основным лейтмотивом стало требование выполнить обещания, данные накануне референдума. Речь шла об образовании отдельной административной единицы Тузи, о чем говорилось выше, изменении Закона о выборах для увеличения числа депутатов от албанских партий в черногорском парламенте и повышении албанского представительства в органах власти и управления всех уровней, а также в целом о прекращении дискриминации албанцев. И чем больше времени проходит после референдума 2006 г., тем интенсивней идет дискуссия о положении албанцев. В ней участвуют не только албанские политики и общественные деятели из Черногории, но также из Албании, соседнего Косова, балканских, европейских и американских исследовательских центров.

Примером последнего может стать совместное исследование одного из основателей Албанско-американского фонда экономиста Кафо Бога и профессора политических наук из Бирмингемского университета Стефана Вольфа, результаты которого были опубликованы в 2011 г. в издаваемой в США албанской газете «Иллирия». По их мнению, права албанцев ущемляются во многих сферах, а применительно к процессу приватизации действие соответствующего закона приостанавливается, если речь идет об участии представителей албанской общины. Как утверждают авторы исследования, албанцы в Черногории являются гражданами второго сорта¹⁹.

В 2013 г. ведущие албанские политики Черногории высказывали резкое недовольство как правящей ДПС, так и албанскими партиями, вошедшими в правящую коалицию. Власти Республики обвинялись в дискриминации албанского меньшинства, запугивании его представителей, ущемлении их имущественных и других коллективных прав²⁰. Лидер ДСЧ М. Барзи незадолго до президентских выборов 7 апреля 2013 г. заявлял, что окончательная поддержка кандидата ДПС Ф. Вуяновича со стороны албанцев будет обусловлена не только обещанием ДПС провести референдум о судьбе района Тузи и повысить его статус до уровня общины, но и пересмотреть избирательное законодательство для увеличения числа депутатов от албанских партий в парламенте. М. Барзи утверждал, что у него имеется письменное обязательство М. Джукановича, данное еще в 1997 г., что Тузи получит статус полноправной общины²¹. В 2014 г. албанские политики в очередной раз предъявили требования осуществить децентрализацию власти, а также заявляли о своей поддержке вступления страны в НАТО как в организацию, которая требует от своих настоящих и будущих членов соблюдения прав меньшинств²².

В 2014 г. профессором Тиранского университета Сабиной Османович среди албанцев Черногории было проведено социологическое исследование. Было опрошено 352 человека из всех районов проживания албанского меньшинства. Исследование показало, что спустя 8 лет после достижения Черногорией независимости 75% албанцев высказывали недовольство своим положением. 73% респондентов считали, что власть не исполнила своих обещаний, данных им в 2006 г. 82% были не согласны со способами решения экономических, национальных и управленческих вопросов в районах компактного проживания албанского меньшинства. Как заявляли участники опроса, албанцы не смогли до сих пор занять подобающее им место в государстве, которое они помогли создать. В органах государственного управления, по их словам, они занимали маргинальное положение, упал уровень инвестиций в албанских районах страны, не была завершена реституция имущества. Создание отдельного муниципалитета Тузи так и оставалось пока на уровне обещаний.

Албанцы отмечали дальнейшую централизацию власти, примером чего считали правительственное заявление о разработке генерального плана г. Ульцинь и предлагаемое решение о судьбе общественного предприятия «Морско добро»²³. Последнее было преобразовано в государственное агентство по управлению прибрежной территорией в Ульцине и его окрестностях. Помимо этого, оно должно было заниматься распределением участков для их дальнейшего обустройства и ведения тех или иных видов экономической деятельности. Из всей территории, подведомственной этому агентству, 57% находилось на территории города, причем это были самые привлекательные с точки зрения экономики места вдоль моря. Как считали албанцы, агентство не учитывало нужды местного населения, а его деятельность привела к ущемлению прав жителей и колонизации²⁴.

В том же году силами Центра американских исследований в Тиране под руководством Рамиза Лушая в столице Албании были организованы студенческие выступления против существующего положения албанцев в Черногории²⁵. Протесты были приурочены к визиту делегации Евросоюза в Албанию.

В октябре 2015 г. во время выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН президента Черногории Ф. Вуяновича албанские общественные организации в США (в частности, общество «Великая Малесия» со штаб-квартирой в Детройте) провели демонстрации протеста. Их лидеры заявили, что албанцы в Черногории проживают на оккупированных территориях, их права попираются, а жизни находятся под угрозой. Единственный путь для улучшения их положения — это объединиться под крылом общей «матери-Албании»²⁶. Та же участь постигла и черногорского премьер-министра Мило Джукановича во время аналогичного выступления в Генеральной Ассамблее ООН. На сей раз его назвали военным преступником²⁷.

Всё это давало повод предположить, что в стране готовится реализация македонского сценария путем подготовки некоего подобия Охридского соглашения. Тем самым Черногория была бы преобразована в конституционно-этническую конфедерацию, в которой албанцы имели бы в определенной степени территориально-политическую и полную культурную автономию.

Кампания по вступлению Черногории в НАТО, развернувшаяся к 2015 г., преследовала сходную цель²⁸. Исследование, проведенное в 2014 г. Центром за демократию и права человека, показало, что 75,9% албанцев и 53,8% бошняков-мусульман (так в тексте. — *З.К.*) поддерживают полноправное членство Черногории в НАТО. У черногорцев и сербов, выступавших за данную перспективу для Республики, данные были 39,8% и 9,3% соответственно²⁹. Тем самым албанский вопрос становился эффективным средством воздействия на черногорское руководство со стороны внешних факторов балканской политики.

В начале 2015 г. были обнародованы результаты правительственного исследования, показавшего, что доля албанцев в государственных структурах высшего уровня составляет всего 1,3%. Это оказалось почти в четыре раза меньше их доли собственно в структуре населения и почти в два раза меньше, чем их было четырем годами ранее³⁰. В 2016 г. некоммерческая организация «Гражданский альянс» объявила результаты опроса, который показал негативную тенденцию в области занятости представителей национальных меньшинств Черногории в органах власти на республиканском и региональном уровнях, причем со ссылкой на министерство по вопросам прав человека и делам национальных меньшинств. Албанцев оказалось только 1,32% (90 чел.) от общего числа опрошенных управленцев. На высшем правительственном уровне этнических албанцев было только два человека из более чем 100 управленцев. В итоге был сделан вывод о высокой степени дискриминации представителей этнических меньшинств в Черногории, что вызывало их растущее недоверие к государственным институтам и увеличивало этническую дистанцию³¹.

Растущая внутривнутриполитическая напряженность в Черногории приводила к оттоку иностранных туристов (а 80% черногорской экономики зависит от иностранного туризма), к массовой продаже купленной гражданами России в более спокойные годы недвижимости, которая при этом, естественно дешевет, и к массовой же покупке этой недвижимости албанцами, причем не всегда черногорскими. А это, в свою очередь, способствует дальнейшему росту значения албанского фактора³².

На ситуацию в Черногории большое влияние оказывают соседнее Косово и собственно Албания. Лидер косовского оппозиционного движения «Самоопределение» Альбин Курти еще в 2009 г. говорил о дискриминации албанцев в Республике. Набор обвинений был стандартным: недостаточное представительство албанского меньшинства в органах государственного управления вплоть до того, что главный прокурор г. Ульцинь не является этническим албанцем, ущемление албанского языка и культуры, требования для албанских первоклассников обучения родному языку по учебникам из Тираны и предоставления району Тузи полномочий самостоятельной общины, расширения местного самоуправления для Ульцинья. Сюда же добавились и обвинения в территориальных претензиях к Косову, часть территории которого в муниципалитете Печ, как считают косовские оппозиционеры, отошла Черногории³³. В 2013 г. речь шла даже о возможности участия этого движения в политической жизни Черногории с тем, чтобы все албанские партии выработали общую политическую позицию для совместных выступлений на выборах³⁴.

В январе 2015 г. тогда заместитель премьер-министра Косова и одновременно министр иностранных дел Косова Хашим Тачи обещал представителям администрации общины Ульцинь и главам албанских политических партий содействие в их желании ввести на территории общины обучение по букварю, принятому в Албании и в Косове. Он подчеркнул, что это уже сделано в Прешевской долине (Сербия). Также была обещана помощь в организации обучения албанских студентов из Черногории на факультетах университета в Косове³⁵. Заметим попутно, что еще в марте 2015 г. состоялось совместное заседание правительств Албании и Косова, в результате чего было подписано 11 соглашений в разных областях. Одно из них касалось совместной организации преподавания албанского языка для албанцев, живущих вне границ Албании и Косова³⁶.

Албанский президент Буяр Нишани в феврале 2016 г. в г. Драч встречался с лидерами черногорских албанских партий и Национального совета албанцев. На этой встрече обсуждались вопросы, волнующие албанскую общину в Черногории, говорилось о необходимости выработки общей позиции о положении албан-

цев в стране. Особенно это было актуально в свете предстоявших в октябре 2016 г. парламентских выборов³⁷.

Одним из трудноразрешимых вопросов в черногорско-косовских отношениях стала демаркация совместной границы. Проблема возникла сразу после агрессии НАТО в 1999 г., когда размещенные в данном районе подразделения СДК («Силы для Косова») разрушили дорогу через перевал Чакор, а пограничный столб перенесли на 850 м на черногорскую территорию³⁸. Это стало причиной того, что черногорские власти не вводили в эксплуатацию дорогу в направлении г. Печ, в обустройство которой были вложены большие средства. Напряженность в этом районе росла с 2009 г., когда участились протесты албанцев из прилегающих к границе районов Косова, утверждавших, что Черногория узурпировала их имущество.

9 октября 2008 г. Черногория признала одностороннее провозглашение независимости края. Многие считали, что это было началом «благодарности» М. Джукановича албанским избирателям за поддержку его сепаратистской, по отношению к союзу Сербии и Черногории, позиции на референдуме 2006 г. о государственной независимости. Признание Косова было расценено в соседней Сербии как самый большой удар со стороны братской Черногории. В 2015 г. в Вене представители Черногории и Косова подписали соглашение о демаркации совместной границы. Работа в этом направлении шла с 2011 г., но в итоге представители сторон пришли к единому мнению. Черногорская Скупщина летом 2016 г. ратифицировала договор о границе, 1 сентября 2016 г. подобная процедура должна была состояться и в косовском парламенте. Однако под давлением демонстрантов, собравшихся перед зданием законодательного органа края, и при отсутствии в зале заседаний депутатов-сербов, которые отказались участвовать в обсуждении этого соглашения из соображений безопасности, вопрос о демаркации границы с Черногорией был снят с повестки дня³⁹. Ещё полтора года косовский парламент не ратифицировал соглашение о границе из-за протестов крупнейшей оппозиционной партии Косова «Самоопределение». Европейский союз обусловил либерализацию визового режима для граждан Косова необходимостью, наконец, ратифицировать

соглашение о границе⁴⁰. В итоге соглашение было ратифицировано только 21 марта 2018 г., несмотря на очередную попытку сорвать процесс депутатами от «Самоопределения».

Для албанских оппозиционных партий и групп этот договор оказался неприемлемым, поскольку по нему около 8000 га территории у подножия горы Чакор закрепляются за Черногорией. Радикально настроенные косовские албанцы считают эту землю своей, поскольку, как они утверждают, там находятся их леса, угодья и жилая недвижимость. Черногорская сторона, напротив, указывает на то, что данные об этой собственности зафиксированы в черногорских кадастровых книгах⁴¹.

Принадлежность данного района той или иной стороне имеет еще и стратегическое значение. Это один из двух удобных пунктов пересечения границы между Черногорией и Косово и самый короткий путь между материковой Сербией и черногорским побережьем Адриатики. И то, кому он будет принадлежать, очень важно для грядущей расстановки сил в регионе, а также для черногорско-албанских, сербо-албанских и сербо-черногорских отношений.

Одним из истоков разногласий вокруг пограничного вопроса стало то, что Черногория апеллирует к границам между субъектами югославской федерации, закрепленным в конституции СФРЮ 1974 г., а албанцы требуют вернуться к границам, которые существовали между Черногорией и Османской империей до 1912 г., то есть до Первой Балканской войны, после которой территория Черногорского королевства значительно расширилась⁴². В современных условиях возобладала позиция Черногории, что и вызвало всплеск протестов в Косове. Высказывалось также мнение, что этот участок земли принадлежит Республике Сербии⁴³.

Приведем здесь мнение председателя комитета по вопросам контроля за службами безопасности сербского парламента Момира Стояновича, директора Службы военной разведки и контрразведки Сербии (Војно-безбедносна агенција) в 1993–1999 гг. Он рассматривал проблему с ратификацией черногорско-косовского договора в контексте требований по созданию великоалбанского государства. По его мнению, проблема заключается в необходимости интернационализации албанского вопроса

в Черногории. В некоторых общинах Черногории, и до того преимущественно с албанским населением, растет рождаемость среди албанцев, увеличивается приток их единоплеменников из Косова и Албании, а строительство и покупка албанцами жилья происходят в Черногории в течение многих лет.

Он предполагал, что Черногория в скором времени столкнется с применением к ней методологии так называемой «специальной войны». Она заключается в вызывании кризиса в той или иной стране с последующим управлением им и разрешении таким образом, чтобы в любой момент можно было бы оживить тлеющий конфликт для достижения ожидаемых результатов заинтересованной третьей стороной. И вопрос о демаркации черногорско-косовской границы является только предложением для эскалации албанской проблемы. Целью данной стратегии является создание условий для предъявления властям страны требования предоставить территориям с албанским населением какой-то широкой автономии. Как подчеркивал М. Стоянович, власть Мило Джукановича последние 15 лет сохранялась благодаря поддержке боснийских и албанских партий, поэтому страна может столкнуться с большими проблемами, когда речь будет идти о положении албанского меньшинства в Черногории и когда придет время реально выполнять данные когда-то ему обещания⁴⁴.

Первые признаки реализации этого сценария проявились в заявлении так называемой Албанской Национальной Армии (АНА). Ее представители пригрозили начать албанско-черногорскую войну, если намеченная в косовском парламенте на 1 сентября 2016 г. ратификация черногорско-косовского Соглашения о разграничении состоится⁴⁵. Это вооруженное формирование является частью реформированной Освободительной Армии Косова, которая воевала в конце 1990-х годов против подразделений югославской армии и сербских и югославских сил правопорядка.

27 октября 2014 г. в черногорской газете «День» появилось интервью Кочо Даная, албанского историка, директора Центра политического и социального прогнозирования в Тиране и основателя движения «За истинную (Великую) Албанию»⁴⁶ (создано в 2012 г.). Этот материал вызвал большой резонанс в сербских и черногорских СМИ. В нем К. Данай с помощью карты изложил

свое видение границ природной (этнической) Албании, охватывающей половину Черногории, юг Сербии, всё Косово, половину Македонии и некоторые области на северо-западе Греции (так называемую Чамерию). Он утверждал, что представляет не какую-то маргинальную партию, как считают черногорские власти, а национальное движение албанцев, желающих жить вместе в своем собственном доме, и подчеркивал, что конституция Албании признает законное право албанцев на Балканах объединиться в единое государство⁴⁷.

Прошупыванием почвы в плане гипотетического создания некоего подобия территориальной автономии в Черногории можно считать выдвинутое в июне 2016 г. албанскими депутатами местного парламента предложение по изменению Закона о территориальном устройстве страны. Оно предусматривало образование новой общины под названием Малесия-Тузи. Кстати, один из видных албанских политиков Черногории Ник Джелашай в декабре 2016 г. прогнозировал, что это будет реализовано уже к сентябрю 2017 г.⁴⁸.

Ульцин с его албанским большинством населения требует расширения своей самостоятельности в рамках местного самоуправления. Предлагаемые изменения своим следствием будут иметь пересмотр черногорской конституции, по образцу македонских событий 2001 г. По мнению аналитиков, это откроет прямой и законный путь для объединения на региональном уровне общин, где большинство населения составляют албанцы, и может превратиться в подготовку к созданию национально-территориальной автономии⁴⁹.

Одним из показателей существующего стремления разыграть в Черногории албанскую карту и заручиться поддержкой албанских избирателей можно считать данное властями в августе 2016 г. разрешение на приезд в Черногорию лидеру экстремистского Движения за объединение албанцев Тахиру Велию для презентации среди соотечественников своей книги о Великой Албании. Это вызвало резкую отрицательную реакцию черногорской оппозиции⁵⁰. На Джукановича возложили ответственность за возможные будущие претензии черногорских албанцев на территориальную автономию. Его также стали обвинять в попытке заручиться

голосами албанских избирателей перед грядущими парламентскими выборами. Одним из обвинений стали прогнозируемые махинации со списком избирателей. Так, председатель черnogорского Движения за перемены и член президиума крупнейшей оппозиционной коалиции на выборах 2016 г. «Демократический фронт», а ныне депутат черnogорской скупщины Небойша Медоевич считал приезд Т. Велия накануне выборов и разрешение властей на его выступление перед соотечественниками в Тузи отнюдь не случайными. По его словам, США контролируют всех более или менее видных албанских политиков в регионе. Они имеют ресурсы для вызова кризиса в Черногории через выведение на первый план политической повестки дня албанского вопроса. Начнется ли еще один пожар на Балканах, зависело от исхода намеченных на 16 октября 2016 г. выборов⁵¹.

Парламентские выборы в Черногории 16 октября 2016 г. оказались в прямом смысле слова судьбоносными для страны. Они в итоге кардинально изменили ее внешнеполитический статус: менее чем через год Черногория стала полноправным членом НАТО. Роль албанской общины и ее политических представителей в этом процессе оказалась решающей. Оценка этого события в очередной раз расколола черnogорское общество. Одни видели в этом большой успех внешней политики, великий шаг на пути поступательной евро-атлантической интеграции, другие считали вступление страны в организацию, которая в 1999 г. сбрасывала бомбы на Черногорию, находившуюся тогда в составе Союзной Республики Югославии, предательством собственного народа.

Мы не будем анализировать весь ход предвыборного марафона и результаты выборов в целом и даже подробно останавливаться на участии в них албанских партий и коалиций. Эти темы заслуживают отдельных исследований. Остановимся лишь на их результатах (и особенно на достижениях собственно албанских политических сил) и только в той мере, в какой это требуется для определения роли албанского фактора.

Правящая Демократическая партия социалистов (ДПС) выступала на выборах самостоятельно. В случае успеха М. Джуканович пообещал в течение нескольких ближайших месяцев ратифицировать пригласительные документы НАТО для Черно-

гории и принять положительное решение о членстве страны в этой военной организации. Также ставилась задача интенсифицировать переговоры с ЕС и до конца срока нынешних мандатов завершить их⁵².

После выборов стало ясно, что будущее правительство страны будет коалиционным. Вопрос был только в составе этих возможных коалиций. Хотя социалисты М. Джукановича и завоевали в парламенте 36 мандатов, этого всё равно не хватило для единоличного формирования правительства. Для сохранения власти им нужно было блокироваться с социал-демократами Черногории (2 мандата) и партиями национальных меньшинств (боснийская, албанская и хорватская партии завоевали вместе 4 мандата). Вместе это давало 42 мандата, то есть необходимое большинство для формирования правительства (всего в черногорский парламент избирается 81 депутат).

От албанской общины в выборах участвовали три коалиции: «Только с одной целью», «Албанцы решительно», куда вошли крупнейшие политические партии, и «Демократический союз албанцев». Наибольшего успеха добилась коалиция «Албанцы решительно» — она получила 0,9% голосов и 1 мандат (депутатом стал Генци Ниманбегу от «Форцы»).

Еще в период предвыборной борьбы лидеры данной коалиции обратились с призывом к официальным лицам Албании и Косова помочь сформировать единый список кандидатов для участия в избирательной кампании.

К слову заметим, что разобщенность албанских политических сил в Черногории является для них давней проблемой. Еще в период избирательной кампании 2012 г. вставал вопрос о выступлении единой коалицией, однако в итоге было решено идти на выборы тремя колоннами. Причиной послужило несогласие лидеров албанских партий по поводу того, чья фамилия будет возглавлять коалиционный список кандидатов. Причем предложение о едином албанском выступлении на выборах 2012 г. исходило опять от А. Курти, т.е. от лидера зарубежной партии (!).

Та же ситуация повторилась и в ходе подготовки к парламентским выборам 2016 г., за много месяцев до их непосредственного проведения⁵³. Г. Ниманбегу называл албанцев Черногории «кон-

структивным меньшинством», внесшим ключевой вклад в процесс достижения Республикой государственной независимости, но не обладающим достаточным политическим искусством для совместного отстаивания общих интересов⁵⁴. Албанская ответственность за рубежами Черногории потребовала от местных политиков объединиться и перед принятием важных политических решений советоваться со своими коллегами из Албании и Косова⁵⁵. Попытки интернационализировать албанский вопрос продолжились еще одним заявлением Г. Ниманбегу. В интервью газете «Вести» он предупредил, что его коалиция войдет в новое правительство Черногории только в том случае, если международное сообщество будет посредником в этом процессе⁵⁶.

В итоге новое коалиционное правительство, утвержденное Скупщиной (парламентом) Черногории 28 ноября 2016 г., составила по-прежнему правящая ДПС и партии меньшинств. Пост министра по вопросам прав человека и делам национальных меньшинств получил лидер ДУА М. Зенка. Его предшественник Ф. Диноша стал первым послом Черногории в Косове после признания его суверенным государством. Г. Ниманбегу занял пост заместителя председателя парламента Черногории. Все эти назначения однозначно свидетельствуют об увеличении роли албанского фактора в политической жизни Черногории, несопоставимого с численностью самого албанского меньшинства, когда, несмотря на ее снижение, албанцы Черногории последовательно добиваются расширения своих территориальных и политических прав. В результате политического торга коалиция нескольких партий албанского национального меньшинства, получившая в парламенте одно(!) место, добилась ряда высших постов в стране.

Курс на вступление в НАТО, несмотря на протесты населения страны и требование решать подобные вопросы на референдуме, продолжился более интенсивно, пока 28 апреля 2017 г. единогласно 46-ю голосами депутатов от правящей коалиции и единственной присутствовавшей на заседании оппозиционной Социал-демократической партии не был принят закон о присоединении к Северо-Атлантическому пакту⁵⁷. Выступая перед депутатами, премьер-министр Д.Маркович сравнил важность голосования «за» с решениями Берлинского конгресса 1878 г., закрепившими

полную государственную независимость Черногории, и с 1941 годом, когда началось восстание против фашистских захватчиков. Маркович подчеркнул, что членство в НАТО является «долговременной гарантией суверенитета и территориальной целостности страны, а НАТО и ЕС были и остаются гарантами мира и стабильности, главной основой экономического и общественного процветания», и добавил, что нахождение Черногории в НАТО является гарантией будущего вступления страны в ЕС⁵⁸. 5 июня 2017 г. Черногория официально стала 29-м членом НАТО⁵⁹.

То, что албанское меньшинство в Черногории будет использоваться в нужные моменты для сохранения внешнеполитического курса страны на всё более тесное вхождение в евро-атлантические структуры на предлагаемых внешними силами условиях, несомненно. Также с его помощью легко будет воздействовать на власти Республики для продолжения проводимой политики реформ по рецептам всемирных экономических организаций. Скоординированное взаимодействие албанских общин Косова, Македонии, Черногории и Албании будет использоваться как инструмент давления на власти государств бывшей Югославии. В качестве примера приведем очередное заявление президента самопровозглашенного Косова Х. Тачи по поводу принадлежности территорий с албанским населением на юге Сербии⁶⁰. Имеющиеся противоречия в самой албанской среде будут под контролем внешних факторов в лице постоянно находящихся на Балканах миссий евро-атлантических структур или же посольств ведущих западных государств с тем, чтобы они не мешали необходимому для достижения общих целей межалбанскому сотрудничеству.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Janetović Z. Deca kareva, pastorčad kraljeva. Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941. god. Beograd, 2005. S. 27; Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М., 2006. С. 296–297.*
- ² Подробнее см.: *Радусинович П. Становништво Црне Горе до 1945. године. Општа историјско-географска и демографска разматрања. Београд, 1978. С. 198–201. Данные за 1909 г. рассчитаны по: Радусинович П. Указ. соч. С. 132–134. О нюансах расчетов численности населения в межвоенный период, вследствие чего их считают весьма сомнительными, см.: Konačni rezultati popisa stanovništva od 15. marta 1948. godine. Knj. IX. Stanovništvo po narodnosti. Beograd, 1954. S. X, XI.*

³ Ibid. S. XV, 451.

⁴ Ibid. S. XIII.

⁵ Popis stanovništva 1953. Knjiga I. Vitalna i etnička obeležja. Konačni rezultati za FNRR i narodne republike. Beograd, 1959. S. LXIX, 275; Popis stanovništva 1961. Knjiga VI. Vitalna, etnička i migraciona obeležja. Rezultati za opštine. Beograd, 1967. S. XXIX.

⁶ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 1971. godini. Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Podaci po naseljima i opštinama. Knjiga II. Beograd, 1994. Tab. 1.1, 1.2. S. 11, 12. Режим доступа: pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1971/Pdf/G19714001.pdf.

⁷ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 1981. godini. Nacionalni sastav stanovništva po opštinama. Konačni rezultati. Beograd, maj 1982. Statistički bilten № 1295. S. 10; Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Knjiga I. Podaci po naseljima i opštinama. Beograd, bez god. Tab. 1.1, 1.2. S. 11, 12. Режим доступа: pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1981/Pdf/G19814001.pdf.

⁸ Рассчитано по: Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). М., 1992. С. 14.

⁹ Данные, хотя и приближенные к реальным, но всё-таки не вполне точные, поскольку обработка результатов переписи, проведенной в марте 1991 г., пришлась на первую половину 1990-х годов — период гражданских войн на территории бывшей СФРЮ, которые резко изменили численность и распределение населения по республикам. Режим доступа: https://sr.wikipedia.org/sr-el/Демографија_Црне_Горе#/.

¹⁰ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2003. Knjiga I. Stanovništvo: nacionalna ili etnička pripadnost. Podaci po naseljima i opštinama. Podgorica, septembar 2004. S. 12, 16. Режим доступа: www.monstat.org/userfiles/popis03/popis01a.zip.

¹¹ Попис становништва, домаћинстава и станова у 2003. Књига 3. Становништво: вјероисповјест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу. Подаци по општинама. Подгорица, новембар 2004. С. 10. Режим доступа: www.monstat.org/userfiles/popis03/popis03.zip.

¹² www.albanian.com/information/countries/montenegro/index.html.

¹³ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2011. Tabela CG1. Stanovništvo prema starosti i nacionalnoj odnosno etničkoj pripadnosti. Режим доступа: [www.monstat.org/userfiles/popis2011/Tabela CG1.xls](http://www.monstat.org/userfiles/popis2011/Tabela%20CG1.xls); Tabela CG4. Stanovništvo prema nacionalnoj odnosno etničkoj pripadnosti i maternjem jeziku. Режим доступа: [www.monstat.org/userfiles/popis2011/Tabela CG4.xls](http://www.monstat.org/userfiles/popis2011/Tabela%20CG4.xls).

¹⁴ *Abazović D.* [Intervju]: Bojim se nestanka Albanaca u Crnoj Gori. Режим доступа: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/abazovic-bojim-se-nestanka-albanaca-u-crnoj-gori>.

¹⁵ Сообщение агентства Tanjug: Ferhat Dinoša prvi ambasador Crne Gore u Prištini // Blic. 24.10.2016. Режим доступа: <http://www.blic.rs/vesti/politika/ferhat-dinosa-prvi-ambasador-crne-gore-u-pristini/h27vepm>.

¹⁶ Назовем некоторые из них: Коалиция «Албанская перспектива» (Васель Сиништай), «Новая демократическая сила — ФОРЦА» (Назив Цунгу); Национальный совет албанцев (Тахир Тахири).

¹⁷ Подробнее см.: Закон o izboru odbornika i poslanika. Član 43. // Službeni list Republike Crne Gore, broj 4/1998 od 18.2.1998 god. Режим доступа: www.sluzbenilist.me/PravniAktDetalji.aspx?tag={2D9D2679-D466-4398-99CA-9B06F125EAEB}; Vijesti. 21.02.2001. Режим доступа: www.vijesti.co.yu (Дата обращения 21.02.2001); Закон o izmjenama i dopunama Zakona o izboru odbornika i poslanika. Čl. 30, 33, 62 // Službeni list Crne Gore, br. 046/11 od 16.09.2011 god. Режим доступа: <http://dik.co.me/wp-content/uploads/2017/01/Zakon-o-izboru-odbornika-i-poslanika.pdf>.

- 18 *Pejović I.* Dinoša: Izborni zakon nije toliko loš po Albance. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/dinosa-izborni-zakon-nije-toliko-los-po-albance-37659>; *Pejović I., Adrović S.* Albanski političari ne vjeruju da je Bardhi pozvao na nemire. Bardhi poručio da su "Albanci sazreli" i da će vlast u Crnoj Gori "ako se pogleda geografija regiona, kad-tad imati adekvatan odgovor". <http://www.vijesti.me/vijesti/albanski-politricari-ne-vjeruju-da-je-bardhi-pozvao-na-nemire-37274>.
- 19 *Radulović T.* Albanci su građani drugog reda u Crnoj Gori // *Vijesti*. 20.09.2011. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albanci-su-gradjani-drugog-reda-u-crnoj-gori-38694>.
- 20 *Camaj V.* Albanci imaju strah od režima // *Dnevne novine Ulcinja* na internetu. 01.10.2013. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/camaj-albanci-imaju-strah-od-rezima/>; *Nimanbegu G.* Albanci osjećaju elemente diskriminacij // *Ibid*. 06.06.2013. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/nimanbegu-albanci-osjecaju-elemente-diskriminacije/>; *Čelnici van parlamentarnih albanskih stranaka: diskriminacija postoji* // *Ibid*. 06.06.2013. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/celnici-vanparlamentarnih-albanskih-stranaka-diskriminacija-postoji/>.
- 21 Сообщение агентства МИНА: Albanske странке pored referenduma da traže i izmjene Izbornog zakona // *Vijesti*. 11.02.2013. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albanske-stranke-pored-referenduma-da-traze-i-izmjene-izbornog-zakona-113364>.
- 22 Сообщение агентства МИНА: Albanske partije: Razmislicemo o odnosu sa DPS i na državnom nivou // *Vijesti*. 19.02.2014. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albanske-partije-razmislicemo-o-odnosu-sa-dps-i-na-drzavnom-nivou-180277>.
- 23 *Kajošević S.* Albancima se vlast nije odužila. Istraživanje pokazalo da 75 odsto Albanaca nije zadovoljno svojim položajem u Crnoj Gori devet godina nakon referenduma // *Vijesti*. Б.р. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albancima-se-vlast-nije-oduzila-835070>.
- 24 *Abazović D.* [Intervju]. Bojim se nestanka Albanaca u Crnoj Gori // *Al-Jazeera*. 20.04.2015. Режим доступа: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/abazovic-bojim-se-nestanka-albanaca-u-crnoj-gori>.
- 25 *Žugić V.* Studenti iz Tirane traže bolji tretman sunarodnika u Crnoj Gori. Direktor Centra za američke studije u Tirani Ramiz Lušaj kazao je da će datum protesta biti naknadno objavljen, navodeći da će demonstranti protestovati ispred Delegacije EU i da očekuje podršku organizacija i pojedinaca iz regiona. // *Vijesti*. 05.09.2014. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/studenti-iz-tirane-traze-bolji-tretman-sunarodnika-u-crnoj-gori-794643>.
- 26 <http://mondo.rs/a835440/Info/Ex-Yu/Njujork-Protest-Albanaca-za-bolji-polozaj-u-Crnoj-Gori.html>.
- 27 *Albanci okrenuli leđa Milu: Ti si ratni zločinac.* Режим доступа: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Ex-YU/348357/Albanci-okrenuli-ledja-Milu-Ti-si-ratni-zlocinac>.
- 28 *Božović V.* Amerikanci pripremaju svealbanski bunt u Crnoj Gori // *Dnevne novine Ulcinja* na internetu. 09.06.2015. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/bozovic-amerikanci-pripremaju-svealbanski-bunt-u-crnoj-gori/>.
- 29 *Kajošević S.* Albanske partije odgovorile premijeru: Otkad vlada Đukanović, sve nas je manje // *Vijesti*. 19.02.2014. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albanske-partije-odgovorile-premijeru-otkad-vlada-djukanovic-sve-nas-je-manje-180293>; Istraživanje CEDEM-a: *Albanci najviše za NATO* // *Dnevne novine Ulcinja* na internetu 07.10.2014. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/istrazivanje-cedema-albanci-najvise-za-nato/>.
- 30 Vlada: Albanaca tek 1,3 odsto u državnoj upravi // *Dnevne novine Ulcinja* na internetu. 30.01.2015. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/vlada-albanaca-tek-13odsto-u-drzavnoj-upravi/>.

- 31 Građanska alijansa: Albanci i druge manjine diskriminисани // Dnevne novine Ulcinja na internetu. 04.02.2016. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/ga-albanci-i-druge-manjine-diskriminисани/>.
- 32 Самодуров В. [Интервју] // Sputnjik. Србија. 26.05.2016. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/intervju/20160526/1105973490/10-godina-nezavisnosti-crna-gora-izdala-partnere-i-Slovene.html>.
- 33 Сообщение агентства Танюг: Kurti: Albanci u Crnoj Gori su diskriminисани // Blic. 20.09.2009. Режим доступа: <http://www.blic.rs/vesti/politika/kurti-albanci-u-crnoj-gori-su-diskriminисани/34h0g4z>.
- 34 Iako ima ovdашnje korijene: Kurti (ni)je dobrodoшао // Dnevne novine Ulcinja na internetu. 08.06.2013. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/iako-ima-ovdasnje-korijene-kurti-nije-dobrodoшао>.
<http://www.blic.rs/vesti/politika/kurti-albanci-u-crnoj-gori-su-diskriminисани/34h0g4z>.
- 35 Таџи ће их подржати. Ћелници улцињске општине жеље увођење букувара на албанском језику? // Vesti. 17.01.2015. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/celnici-ulcinjske-opstine-zele-uvodenje-bukvara-na-albanskom-jeziku-814817>.
- 36 Rama: Albanci ujedinjeni preko Evropske unije // Sputnjik. Србија 23.03.2015. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/vesti/20150323/832128.html>.
- 37 U Draчу: Sastanak predsjednika Albanije i predstavnika albanaца // Dnevne novine Ulcinja na internetu. 02.02.2016. Режим доступа: <http://mne.ul-info.com/u-dracu-sastanak-predsjednika-albanije-i-predstavnika-albanaца>.
- 38 Јоксимовић Н. 31.08.2016: Поглед са Чакора на Велику Албанију // Sputnjik. Србија. 31.08.2016. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/analize/20160831/1107951027/crna-gora-kosovo-razgranice.html>.
- 39 Ђурџин М. Црна Гора и Косово се боре за парче Србије // Sputnjik. Србија. 01.09.2016. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/politika/20160901/1107978175/Crna-Gora-i-Kosovo-se-bore-za-parce-Srbije1.html>.
- 40 Susret crnogorskog i kosovskog premijera u Albaniji, ne zna се зашто // Vijesti. Б.г. Режим доступа: <https://www.vijesti-online.com/Vesti/Ex-YU/619419/Susret-crnogorskog-i-kosovskog-premijera-u-Albaniji-ne-zna-se-zasto;Сообщение-агентства-Бета.-EU:Demarkacija-granice-Kosova-s-Crnom-Gorom-uslov-za-viznu-liberalizaciju> // Vijesti. 22.10.2016. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/eu-demarkacija-granice-kosova-s-crnom-gorom-uslov-za-viznu-liberalizaciju-908531>.
- 41 Јоксимовић Н. Указ. соч.
- 42 Там же.
- 43 Ђурџин М. Указ. соч.
- 44 Там же.
- 45 Там же; Сообщение агентства СРНА 26.08.2016: «Albanska narodna armija» preti ratom Crnoj Gori. Режим доступа: www.blic.rs/vesti/politika/albanska-narodna-armija-preti-ratom-crnoj-gori/fw20jrn.
- 46 Движение в оригинале называется «Shqipëria natyrale», в переводе на сербский язык — «За пригродну Албанију». Подробнее см.: www.shqipërianatyrale.com.
- 47 Danaj K. [Intervju] // Dan.27.10.2014. (Перепечатано газетой «Вести»). Режим доступа: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Ex-YU/444150/Albanci-u-Crnoj-Gori-zele-Prirodnu-Albaniju.-O-razvitiu-velikoalbanской-идеологии-см.-также:-Борозан-Б.-Велика-Албанија:-поријекло-—-идеје-—-пракса.-Београд,-1995>.
- 48 Raičević D. «Imamo jake potencijale». Џелшојаж: Tuzi će biti među bogatijim opštinama, valorizacija Solane bez hotela i apartmana // Vijesti. 26.11.2016. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/tv/deljosaj-tuzi-ce-biti-medu-bogatijim-opstinama-valorizacija-solane-bez-hotela-i-apartmana-913604>.

- 49 *Ристић Б.* Увод у албанску аутономију у Црној Гори // Спутњик. Србија. 05.08.2016. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/komentari/20160805/1107654203/crna-gora-autonomija-albanci-kosovo-kurti-ulcinj-umk.html>.
- 50 *Ристић Б.* Ђукановић подржава идеју „Велике Албаније“ // Спутњик. Србија. 21.08.2016. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/regioni/20160821/1107833290/crna-gora-albanci-velika-albanija-milo-djukanovic.html>.
- 51 *Medojević N.* Dolazak Veluia u Tuzi pred izbore nije slučajno // Café del Montenegro. 21. 08. 2016. Режим доступа: <https://www.cdm.me/politika/medojevic-dolazak-veluia-u-tuzi-pred-izbore-nije-slucajno>.
- 52 Сообщения агентства МИНА и газеты «Вести онлайн»: Ђукановић: Са SD и мањинама можемо формирати власт. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/izbori2016/dukanovic-sa-sd-i-manjinama-mozemo-formirati-vlast-907768>.
- 53 *Кајошевић С.* Албанске партије се такмиче ко ће бити ближе DPS-у // *Vijesti*. 06.12.2015. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albanske-partije-se-takmice-ko-ce-biti-blize-dps-u-864132>.
- 54 *Ниманбегу Г.* [Интервју] // *Dan*. 19.09.2016. Режим доступа: www.dan.co.me/index.phtml?nivo=3&rubrika=Politika&clanak=565047&najdatum=2016-09-20&na_slov=ZaustavicemodiskriminacijuAlbanaca.
- 55 *Кајошевић С.* Албанска дијаспора тражи јединствену листу за слjedeће изборе // *Vijesti*. 30.11.2015. Режим доступа: <http://www.vijesti.me/vijesti/albanska-dijaspora-trazi-jedinstvenu-listu-za-sljedece-izbore-862978>.
- 56 *Ниманбегу Г.* [Интервју]: Коалиција „Албанци одлучно“ у нову владу само ако међународна заједница буде посредник // *Принцип*. 09.10.2016. Режим доступа: <http://www.princip.me/tvrde-pazar-koalicija-albanci-odlucno-u-novu-vladu-samo-ako-medjunarodna-zajednica-bude-posrednik/09/10/2016/>.
- 57 *Милић П.* Crna Gora izglasala ulazak u NATO // *Glas Amerike*. 28 april, 2017. Режим доступа: <https://www.glasamerike.net/a/skupstina-cg-raspravlja-o-clanstvu-u-nato/3829637.html>.
- 58 *Ibidem*.
- 59 *Razvoj odnosa Crne Gore i NATO — ključni datumi. Hronologija odnosa Crna Gora — NATO. Od Partnerstva za mir do članstva u Alijansi.* Режим доступа: <http://www.mvp.gov.me/rubrike/nato/Razvoj-odnosa-Crne-Gore-i-NATO-kljucni-datumi>.
- 60 *Тачи обелоданио своје «решење»: Косово добија Прешево, Бујановац и Медвеђу, а не даје — ништа!* // Спутњик. Србија. 05.06.2020. Режим доступа: <https://rs.sputniknews.com/politika/202006051122718134-taci-obelodanio-svoje-resenje-kosovo-dobija-presevo-bujanovac-i-medvedju-a-ne-daje-nista/>.

Заключение

Коллективная монография «Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.)» закрывает собой значительную лауну в отечественной историографии. Проблематика формирования национальных государств у славянских народов Балканского полуострова традиционно является одной из наиболее важных и востребованных в странах региона. Однако в Советском Союзе и в России за последние десятилетия ей не уделялось должного внимания, за исключением отдельных работ. В частности, следует упомянуть академическую многотомную серию «Международные отношения на Балканах» и коллективный труд «История Балкан» (в четырех томах), подготовленные в Институте славяноведения Российской академии наук. Однако эти работы носили комплексный характер и объективно не могли охватить все аспекты более узкой темы генезиса балканской государственности.

Важный вклад в изучение этой проблематики внесли труды «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в.» (М., 1986), «Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе» (М., 1991) и «Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС. 1878–1921 гг.» (М., 2016).

В настоящее время изучение указанной проблематики получило новый мощный импульс, свидетельством чему и явилась настоящая коллективная монография. Проведенный членами ее авторского коллектива всесторонний анализ опубликованных и неопубликованных архивных документов, мемуаров, периодической печати и других важнейших исторических источников в рамках рассматриваемой темы позволил сформулировать основные положения и выводы, касающиеся истории и настоящего взаимоотношений России и славянских народов Балкан-

ского полуострова, а также определить ключевые направления их возможного и желательного, с точки зрения российских национально-государственных интересов, перспективного развития. На страницах монографии убедительно доказывается отсутствие у Российской империи, СССР и современной Российской Федерации агрессивных, захватнических устремлений применительно к народам и государствам Балканского региона в том виде, в каком они традиционно присутствуют во многих научных и публицистических работах европейских и американских авторов. Российская политика на балканском направлении представлена как органическое единство и переплетение целого ряда объективных и субъективных факторов, среди которых — не только военно-политические интересы и финансово-экономические расчеты, но и многовековые традиции культурно-языковой, религиозной, цивилизационной близости, неразрывное взаимопроникновение судеб народов славянского мира.

Очень многие проблемы, существовавшие и продолжающие возникать во взаимоотношениях России и славянских народов, вызваны таким важным фактором, как «противоречивость взаимных ожиданий», — когда стороны вкладывают различное, зачастую диаметрально противоположное, содержание в собственные расчеты и шаги в двусторонних отношениях. Понимать подлинные интересы друг друга, учитывать неизбежное влияние внешних факторов, разрабатывать и реализовывать не только сиюминутные расчеты, но и перспективные модели сотрудничества — именно эти требования видятся ключевыми в выстраивании отношений между нашими странами. США и западноевропейские государства уже не одно десятилетие имеют в своем арсенале и активно используют инструменты «мягкой силы». Но, как показывает проведенное исследование, в распоряжении России исторически имеется гораздо более широкий комплекс подобных методов (в том числе так называемой «народной дипломатии»). Надо только более активно и продуманно их использовать — в подлинных интересах как России, так и славянских народов Балканского региона.

Резюме

Тамара СТОИЛОВА

Россия, Высокая Порта и православные подданные султана после Кючук-Кайнарджийского мира (1774–1787 гг.)

Аннотация:

Подписанный 10 (21) июля 1774 г. в Кючук-Кайнарджи договор принуждает Османскую империю принять предложенные Россией условия мира, которые расширяют ее границы на юг, уничтожают многовековое господство турок на Черном море и их абсолютный контроль над Проливами. Следствием договора является развитие наступательной политики, в результате которой Петербург добивается исключительных территориальных и стратегических позиций. Основные проблемы в отношениях двух Империй, связанные с положением православных подданных султана в период между войнами, касаются, прежде всего, права России на покровительство православным в Османской империи и связанной с ним амнистии участников русско-турецкой войны, выполнения условий по восстановлению православных церквей, русской поддержки высшего православного духовенства, а также строительства русской церкви в Константинополе в районе Пера. Особенно значимой и трудно поддающейся решению оказывается проблема прав турецких подданных использовать российский торговый флаг или переселяться в Россию, не порывая при этом торговых связей между двумя Империями. Важными в русско-турецких отношениях остаются вопросы политики Петербурга в отношении Дунайских княжеств, Черногории, Адриатики. Большинство проблем является продолжением русско-турецких взаимоотношений, начиная с 1760-х годов и войны 1768–1774 гг. Впоследствии новая ситуация, сложившаяся в Черноморском бассейне, открытие Проливов для торговых судов под российским флагом, постепенно освобождающиеся от власти Константинополя Дунайские княжества и присоединение Крыма к Российской империи углубляют кризис в русско-турецких отношениях, и война становится неизбежной. Но и фатальной для Османской империи.

Ключевые слова:

Россия, Османская империя, Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., российский торговый флаг, православные подданные султана, Дунайские княжества.

Анна Андреевна ЛЕОНТЬЕВА

Еврейское население Софии XVIII в. (по документам кадийского суда)

Аннотация:

Евреи были одной из самых многочисленных этнических групп среди городского населения балканских провинций Османской империи, а еврейская община Болгарии — одной из старейших в Европе. В Османском государстве сосуществование представителей различных религий определялось системой *миллетов*, которая была воспринята турками-османами от других мусульманских государств и сложилась на начальном этапе существования Империи. Она предполагала определенную автономию религиозных общин. Внутри еврейской общины действовал собственный религиозный суд *бейт-дин*, с помощью которого решались гражданские дела. Еврейский религиозный суд запрещал обращение представителей еврейской общины по вопросам, находившимся в его компетенции, в шариатские суды. Однако, если сторонами в правовом споре являлись *зимми* (т.е. немусульмане) и мусульманин, то спор безоговорочно должен был рассматриваться в шариатском суде с применением норм исламского права. Анализ документов кадийского суда, связанных с делами представителей других конфессий, дает возможность сделать ряд выводов об их занятиях и степени интеграции в городское общество Софии. Так, мы можем опровергнуть тезис о полуавтономном существовании иудейских кварталов в балканских городах — можно говорить о размывании этнической замкнутости мест проживания евреев в Софии, и их активном заселении, в первую очередь, традиционно христианских кварталов. Анализ источника позволяет сделать вывод о том, что евреи активно взаимодействовали с представителями других религий, участвуя в сделках по продаже имущества с мусульманами, при этом нередко речь шла не столько о продаже жилых домов, сколько о вложении капитала. Большое число сделок по продажам лавок свидетельствует об активной деловой жизни членов еврейской общины.

Ключевые слова:

Болгария, Османская империя, г. София, евреи, шариатский суд, кадии.

Ольга Евгениевна ПЕТРУНИНА

Представления о собственном государстве у греков в конце XVIII — первой трети XIX в.

Аннотация:

В очерке рассматриваются представления о будущем греческом государстве у греческих интеллектуалов эпохи Просвещения. В греческой общественно-политической мысли того времени можно выделить три

направления. В своих сочинениях все они так или иначе затрагивали перспективы возрождения национальной государственности. Автором исследуется, насколько развитыми были взгляды о будущем независимом государстве у представителей разных направлений, какими они видели его границы и внутреннее устройство, имелись ли у них конкретные политические программы.

Ключевые слова:

Новогреческие исследования, новогреческое Просвещение, строительство новогреческого государства, Ригас Велестинлис, Адамантиос Кораис.

Елена Петровна КУДРЯВЦЕВА

Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.)

Аннотация:

Очерк посвящен деятельности Азиатского департамента российского МИД в качестве куратора русско-балканских отношений в первой половине XIX в. В ведении Азиатского департамента, созданного в 1819 г., находились дипломатические, экономические, культурные и церковные связи России со странами Востока и, прежде всего, с Османской империей. Традиционно тесными оставались отношения с православными балканскими народами — сербами, болгарами и черногорцами. Политика, касавшаяся Балканского региона, курировалась данным департаментом, здесь же составлялись инструкции российским посланникам в Константинополе и Афинах, генерировались консульские отчеты и, как следствие, вырабатывался внешнеполитический курс российского правительства во взаимоотношениях с Турцией.

Ключевые слова:

Балканы, российский МИД, Азиатский департамент, православные народы, внешняя политика.

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

Из истории Герцеговины в 1833–1851 гг. Али-паша Ризванбегович: опыт самостоятельного управления краем

Аннотация:

В очерке идет речь о заметной в истории Герцеговины XIX в. фигуре — Али-паше Ризванбеговиче. Действуя расчетливо и хладнокровно, в 1833 г. он добился отделения Герцеговины от Боснии и установления

в ней своей единоличной власти. Али-паша намеревался расширить автономию края и передать его по наследству своим детям. Статус полунезависимого правителя Герцеговины ему удавалось сохранять до 1851 г.

Ключевые слова:

Али-паша Ризванбегович, Мостар, Герцеговина, Османская империя, И. Памучина, П. Чокорило, Омер-паша.

Кристина Витальевна ЦУРКАН

Отражение в румынской историографии проблемы объединения Румынских княжеств в 1859 г.

Аннотация:

В центре внимания автора — вопрос об изучении в румынской историографии одного из ключевых и судьбоносных событий национальной истории Румынии Нового времени — создания унитарного государства в результате объединения в 1859 г. Румынских княжеств Молдовы и Валахии под скипетром Александру Иоана Кузы, избранного господарем в каждом из них. Особое внимание уделено проблеме румыно-российских отношений в 1858–1862 гг., когда вследствие Парижской конвенции 7(19) августа 1858 г. были созданы объективные внешние предпосылки не только для объединения Румынских княжеств, но и для административной реорганизации и расширения независимости унитарного румынского государства.

Объединение Румынских княжеств, которое во внешнеполитическом плане сопровождалось столкновением интересов великих держав (Австрийской, Османской, Российской империй, Великобритании, Франции), состоялось в специфических условиях в ущерб позициям России в Юго-Восточной Европе и на Балканах. Тем не менее в историографии не подвергаются сомнению роль российской внешней политики как фактора, способствовавшего международному признанию молодого румынского государства, а также значение дипломатической деятельности русских консулов в Бухаресте и Яссах. Введение в научный оборот русских дипломатических документов, отражающих их отношение к политике князя Кузы и их связи с румынской элитой, продолжает оставаться актуальной задачей историографии.

Ключевые слова:

Румынские княжества Молдова и Валахия, объединение Румынских княжеств, румынская историография, Александру Иоан Куза, международные отношения в Европе 1850-х годов, политика великих держав и Румыния, политика России в Юго-Восточной Европе.

*Искра Васильевна ЧУРКИНА***Русские панслависты 1860–1870-х годов***Аннотация:*

В очерке рассматриваются программы панславистов Р.А. Фадеева и Н.Я. Данилевского, появившиеся в России в конце 60 — начале 70-х годов XIX в. Их возникновение было обусловлено широко распространенными в Европе после революции 1848–1849 гг. программами объединения в единое государственное или административное целое народов по этническому принципу. В книге «Мнение о восточном вопросе» (1870) генерал Фадеев утверждал, что все славяне должны стремиться к созданию федерации под руководством русского царя и при ведущей роли дворянства. При этом каждый славянский народ должен иметь свое управление, а возглавлять его должен один из представителей династии Романовых. Данилевский в обширном труде «Россия и Европа» (1871) призывал создать славянскую федерацию, в которой каждый крестьянин будет иметь свой надел. Он активно выступал против евроцентристских теорий европейских ученых, полагавших, что высшим достижением культуры является романо-германская цивилизация. Обе программы имели и общие постулаты. Фадеев и Данилевский были убеждены, что главным врагом русского и других славянских народов является романо-германская Европа, прежде всего немецкие государства. С ними славяне не смогут достигнуть примирения, а единственным спасением для них является объединение с Россией.

Ключевые слова:

Революция 1848–1849 гг., Пьемонт, Пруссия, Россия, евроцентризм, панславизм, Р.А. Фадеев, Н.Я. Данилевский.

*Марина Михайловна ФРОЛОВА***Русское гражданское управление в Болгарии и проблема болгарских беженцев в свете становления болгарской государственности (1877–19.02.1878 гг.)***Аннотация:*

На основе опубликованных документов, писем и воспоминаний в работе рассматривается деятельность русского гражданского управления в Болгарии и органов новой администрации, созданной из представителей болгарского народа, по облегчению участи болгарских беженцев во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Раскрываются причины бегства болгар, страшившихся возмездия турок, которые возвратились в Ловчу (ныне Ловеч) и в Долину роз после отступления оттуда русских войск. Выявляются меры русского гражданского управления, направленные на оказание содействия беженцам, и их выполнение чиновниками болгарской администрации.

Ключевые слова:

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русское гражданское управление в Болгарии, болгарские беженцы, князь В.А. Черкасский, А.А. Нарышкин, Д. Цанков.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

К вопросу о роли «русского фактора» в развитии сербской государственности (1878–1903 гг.)

Аннотация:

В исследовании, на основе анализа документов из российских архивов, рассматриваются вопросы о политике России в отношении Сербии и о роли «русского фактора» в становлении сербской государственности после Берлинского конгресса 1878 г. В этот период Сербия начала переходить в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии. В условиях роста проавстрийской ориентации сербской правящей элиты влияние России падало. Однако в Петербурге был выработан курс в «сербском вопросе», который последовательно проводился в последней четверти XIX в., опираясь на традиционные русофильские симпатии сербского народа, при поддержке оппозиционного режиму Обреновичей сил. Деятельность российских дипломатов в Сербии была направлена на стабилизацию политической жизни в стране, поступательное развитие независимой Сербии и укрепление ее суверенитета.

Ключевые слова:

Россия, Сербия, сербская государственность, русско-сербские отношения, Александр III, король Милан Обренович, А.И. Персиани.

Екатерина Сергеевна КИРЕЕВА

Борьба Сербии за экономическую независимость в конце XIX — начале XX вв.

Аннотация:

Раздел посвящен вопросу экономической независимости Сербии в конце XIX — начале XX вв. В это время экономика и торговля страны находились в зависимом положении по отношению к Австро-Венгрии, которая являлась главным торговым партнером Сербии. Не имея других способов экспортировать свои товары, Сербия полагалась на Австро-Венгрию не только как на основного потребителя своих сельскохозяйственных товаров, но и как на торгового посредника между ней и остальной Европой. В то же время такие торговые отношения часто были невыгодными для Сербии, так как Австро-Венгрия пользовалась зависимым положением Сербии для достижения своих экономических и политических целей. Начало XX в. было ознаменовано попытками

Сербии освободиться от невыгодных для нее связей и найти новых торговых партнеров и новые рынки для своей продукции.

Ключевые слова:

Сербия, экономика Сербии в конце XIX — начале XX вв., Австро-Венгрия, экономические связи, Балканы, торговля, экономическая независимость.

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ

Сербская государственность в 1903–1914 гг. Миф об «зре Перикла»

Аннотация:

Эссе посвящено анализу государственного развития Сербии начала XX века. Показано, что вопреки сложившемуся в сербской и отечественной историографии мифу о поступательном развитии страны в этот период, усвоении Сербией европейских экономических и политических стандартов, страна находилась в сложном состоянии трансформации структур традиционного общества, что существенно влияло на ее общегосударственное развитие, приводя к серьезным системным кризисам власти.

Ключевые слова:

Н. Пашич, Милан Обренович, Александр Обренович, Петр Карагеоргиевич, переворот 1903 г.

Наталья Григорьевна СТРУНИНА-БОРОДИНА

Черногорская правящая династия Петровичей-Негошей и формирование национальной государственности

Аннотация:

В очерке прослеживается история черногорских земель в период правления Петровичей-Негошей (на протяжении более двух столетий), рассматриваются основные вехи формирования национальной государственности Черногории. Несмотря на постоянную внешнюю угрозу, главным образом со стороны Османской империи, самоидентичность черногорского народа не была ликвидирована. На протяжении XIX в. внутри страны шло формирование институтов государственной власти; при постоянной помощи Российской империи Черногория получила признание независимости (по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) и статус Королевства (в 1910 г.).

Ключевые слова:

Петровичи-Негоши, Черногория, государственная система, Российская империя, династические браки, русско-черногорские отношения.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Внешний фактор в становлении албанской государственности (1878–1914 гг.)

Аннотация:

Очерк посвящен анализу процесса формирования албанской государственности в 1878–1914 гг. В центре внимания автора — роль внешнего фактора. Исследование базируется на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, Албания, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность.

Гусев Никита СЕРГЕЕВИЧ

Особенности политического процесса в Болгарии глазами русских (конец XIX — начало XX вв.)

Аннотация:

В данном разделе рассматривается то, как функционировала болгарская политическая система в первые 40 лет своего существования (1878–1918 гг.) — по свидетельствам русских очевидцев. Опора на данный тип источников, с привлечением болгарских мемуаров и научных работ, позволила показать реальное воплощение таких компонентов конституционного государства как равенство, свобода слова, политическая конкуренция, избирательный процесс, а также их восприятие самими болгарами. Приведенные сведения дают основания для вывода об «адаптации» указанных компонентов политической системы к местным реалиям, что во многом изменило суть этих понятий.

Ключевые слова:

Болгария, демократия, свобода слова, выборы, политическая система, русские очевидцы.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

Проблема изучения черногорского законодательства начала XX в.: нормативный и социологический подходы

Аннотация:

В разделе рассматривается вопрос о развитии черногорского права в XIX — начале XX вв. и делается попытка оценить результаты законотворческой деятельности княжеских властей, постоянно издававших новые нормативно-правовые акты, проводивших масштабные кодификационные работы. С точки зрения нормативистского подхода,

широко применяемого в юридической науке, эти работы выглядели вполне успешными, в короткие сроки были созданы законы, отвечавшие насущным потребностям развития государства. Однако применяя социологический подход, приходится констатировать, что значительная часть черногорского законодательства носила формальный характер и с трудом реализовывалась на практике.

Ключевые слова:

Черногорское княжество, законотворчество, нормативистский и социологический подходы к изучению права.

Ольга Владимировна СОКОЛОВСКАЯ

**Высшие чиновники МИД России о Греции
в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.
(По новым материалам МИД РФ)**

Аннотация:

Очерк посвящен основным проблемам Греции и великих держав в годы Первой мировой войны в интерпретации высших чиновников МИД России в 1914–1917 гг.

Ключевые слова:

Греция, Россия, высшие чиновники МИД России, Первая мировая война 1914–1918 гг.

Светлозар ЕЛДАРОВ

**Почему 27 ноября?
К предыстории Нейского договора 1919 г.**

Аннотация:

Нейский договор, навязанный Болгарии победителями в Первой мировой войне, был подписан 27 ноября 1919 г. Эта дата совпадает с военным праздником болгарской армии — «Праздником побед», который возвеличивает болгарские победы в Сербско-болгарской войне 1885 г. В конце XIX — начале XX вв. он отмечался 15 ноября по юлианскому календарю, который тогда был официальным в Болгарии. С тех пор, как в 1916 г. в стране был принят григорианский календарь, праздник приходится на 27 ноября. В годы Первой мировой войны он считался одним из самых торжественных болгарских праздников и отмечался военными парадами, церковными службами и гражданскими торжествами, в том числе в Македонии и Поморавье. В исследовании приводятся доказательства того, что подписание Нейского диктата именно в день военного праздника Болгарии было не случайным совпадением, а умышленным и тенденциозным попранием болгарского национального достоинства в целом и болгарской воинской славы, в частности.

Ключевые слова:

Нейский договор 1919 г., сербско-болгарские отношения, военные праздники, войны памяти.

Искра БАЕВА

**На службе
у идеологического противника своей страны.
Болгары, сотрудничавшие с советской разведкой
во время Второй мировой войны**

Аннотация:

Работа посвящена генералу Владимиру Заимову и адвокату и общественному деятелю д-ру Александру Пееву, двум болгарам, которые во время Второй мировой войны стали сотрудниками советской разведки. Автор анализирует ситуацию в поисках ответа: почему эти люди, занимавшие заметное место в болгарском обществе, сделали такой выбор, вопреки тому, что 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и стала союзницей нацистской Германии. Причины их выбора еще и потому так важны для исследователя, что в 1942–1943 гг. оба они — генерал Владимир Заимов и д-р Александр Пеев — были раскрыты германской контрразведкой, осуждены и казнены.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, разведка, патриотизм, пророссийские настроения, интеллигенция, геополитический выбор.

Ольга Игоревна АГАНСОН

**На пути к сферам влияния
и конец «балканской полифонии»:
Юго-Восточная Европа в стратегических расчетах
Великобритании на завершающем этапе
Второй мировой войны**

Аннотация:

В работе анализируются подходы Лондона к послевоенному устройству политического пространства Юго-Восточной Европы на завершающем этапе Второй мировой войны. Стремясь удержать свой статус глобальной державы, Великобритания активно участвовала в выработке основ нового миропорядка. Важное место в стратегическом планировании Лондона занимал Балканский регион, где традиционно британские интересы вступали в «конфликтное взаимодействие» с политикой России/СССР. Автор видит свою задачу в том, чтобы проследить элементы преемственности и изменчивости в британской политике на Балканах.

Это позволит приблизиться к более нюансированному пониманию новой расстановки сил в регионе, одним из главных проявлений которой стало угасание «балканской полифонии».

Ключевые слова:

Великобритания, СССР, Вторая мировая война, Балканская федерация, сферы влияния.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Экономическое развитие Болгарии в 60-е годы XX в. глазами советских дипломатов (по документам Архива внешней политики Российской Федерации)

Аннотация:

В данном разделе рассматриваются формирование и реализация экономической политики Болгарии в 1960-е годы, вошедшие в историю страны как время складывания режима личной власти Тодора Живкова. Привлеченные автором материалы Архива внешней политики РФ свидетельствуют об интенсивной работе аппарата экономического советника посольства СССР, ее сложности. Констатируется, что Москва получала в целом объективную и разностороннюю информацию об экономической политике болгарского государства, отражавшей его «особую» позицию — намерение национального руководства через экономическое ускорение и всестороннее сближение с Советским Союзом вывести страну на путь научно-технического прогресса, то есть соответствовала представлениям болгарского руководства о национально-государственных интересах страны.

Ключевые слова:

Советско-болгарские экономические отношения, большой «скачок», «особая» позиция болгарского руководства, курс на всестороннее сближение с СССР, идея «16-й республики», национально-государственные интересы Болгарии.

Каори КИМУРА, Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

Югославский социализм: взгляд из Венгрии (1956 г.)

Аннотация:

В центре внимания авторов — отношение к югославскому опыту построения социализма в Венгрии в условиях общественно-политического подъема, предшествовавшего восстанию 1956 г. Рассматривается взгляд на титовскую Югославию и ее политику как руководителей правящей Венгерской партии трудящихся, так и внутрипартийной реформаторски настроенной оппозиции.

Ключевые слова:

Венгрия, Югославия, страны «народной демократии», советско-югославский конфликт 1948 г., И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, И. Броз Тито, М. Ракоши, Имре Надь, Ю.В. Андропов, XX съезд КПСС, венгерский кризис 1956 г.

Петя ДИМИТРОВА

**Между «двойным освобождением» и оккупацией:
болгарское общество об итогах Второй мировой войны****Аннотация:**

Работа посвящена восприятию современным болгарским обществом тезиса о «двойном освобождении», т.е. утверждению, что Россия, после того как освободила болгар от турок в 1878 г., освободила их и от немецких фашистов в 1944 г. Рассмотрение споров историков и бурных дебатов в общественном пространстве сосредоточено вокруг второго освобождения и связано с анализом нескольких вопросов — объявление войны Советским Союзом Болгарии, что означало включение Москвы в мирные переговоры западных держав с Софией и заключение перемирия, согласно которому была создана Союзная контрольная комиссия под руководством Советского Главнокомандования и в стране был введен оккупационный режим; во сколько обошлось болгарам содержание советских оккупационных войск; какова должна быть судьба памятников Советской армии, воздвигнутых в разных населенных пунктах Болгарии в период 1944–1989 гг.

Ключевые слова:

Новые интерпретации истории Второй мировой войны, миф о двойном освобождении, советская оккупация, Московское перемирие 28 октября 1944 г., памятники Советской армии.

Илияна МАРЧЕВА (АТАНАСОВА)

**Болгаро-советское научное сотрудничество во второй
половине XX в. как форма «народной дипломатии»
(на примере исторической науки)****Аннотация:**

В данной работе научное сотрудничество рассматривается как форма «народной дипломатии» настолько, насколько оно дает возможность воздействовать, хотя и в более узком кругу, на специализированную аудиторию, для продвижения определённых национальных и государственных позиций. В качестве примера взяты отношения между болгарскими и советскими историками и языковедами, главным образом,

по так называемому македонскому вопросу. Проанализированы механизмы и условия для реализации «народной дипломатии». При написании очерка использованы документы из болгарских архивов и других источников, а также труды современных болгарских и российских исследователей о политизации и историографии рассматриваемого вопроса. Научное сотрудничество историков и языковедов двух стран рассматривается с учётом политики БКП и Болгарии по македонскому вопросу в 1944–1989 гг. и на фоне развития болгарского национализма в 60-е и 80-е годы XX в. Объектом изучения является деятельность Центра болгаристики (1969–1994 гг.) и Комиссии историков Болгарии и СССР (1968–1990 гг.). Вывод, сделанный в работе: Болгария, используя формы «народной дипломатии», поддерживаемые как высшими болгарскими, так и советскими государственными и политическими инстанциями, а также вышестоящими научными органами двух стран, добивается восприятия её позиции по македонскому вопросу, но ценой свертывания исследовательской работы по истории Македонии в СССР.

Ключевые слова:

«Народная дипломатия», болгаро-советское научное сотрудничество, македонский вопрос.

Дарина ГРИГОРОВА

«Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах

Аннотация:

«Русский мир» скрывает в разной степени, как русская матрешка, все концептуальные слои русской идентичности: историософской, геополитической, цивилизационной и духовной. «Русский мир» рассматривается как внешнеполитическая доктрина после 1991 г. для сбережения русских вне Российской Федерации, с одной стороны, и как «Русский мир» — духовная, православная идентичность со времен Крещения Руси. На Балканах «Русский мир» имеет три вектора: геополитический, идеологический (панславизм в XIX в., панрусизм/русоцентризм в XXI в.) и духовный (через церковную дипломатию). В работе исследуется взгляд на «Русский мир/мир» в Беларуси и Украине и на их предпочтение термина «Восточнославянский мир». Отдельное место занимает Болгария и ее связь с «Русским миром». Присоединение Крыма фиксирует верхнюю границу хронологического периода «постсоветской России» (1991–2014). После возвращения Крыма постсоветский период для России был закончен восстановлением ее статуса «великой державы», утраченного после разрушения СССР. Однако Киев, а не Крым является духовным центром «Русского мира». Отсюда и внимание к «духовной аннексии» как феномену в международных отношениях на примере Украины (Русский мир), Македонии (Болгарский мир), Черногории (Сербский мир). Основной вывод строится на основе перефразированной известной формулы Александра Зиновьева: «Целились в коммунизм, а попали

в Россию», а именно: бьют по России, а целются в Православие. И поле битвы — Балканы.

Ключевые слова:

Русский мир, Русский мир, русская идентичность, русофобия, Западные, Восточные Балканы, славянская цивилизация, Святая Русь, православная идентичность, Новороссия, воссоединение Крыма, Русская идея, панрусизм, русоцентризм, панславизм, церковная дипломатия, геополитическая реальность, духовная аннексия.

Зоя Валентиновна КЛИМЕНКО

Роль албанской общины в восстановлении и развитии государственности Черногории в начале XXI в.

Аннотация:

Исследование посвящено албанскому меньшинству в Черногории и его политическим организациям. Анализируются вклад албанских избирателей в процесс обретения Черногорией в 2006 г. государственной независимости после распада СФРЮ, роль албанских представителей в определении внешнеполитического курса страны. Также оценивается влияние соседних Албании и Косова на развитие межнациональных отношений в Черногории.

Ключевые слова:

Албанцы, Черногория, национальные отношения, политические партии.

Summary

STOILOVA T.

Russia, the Porte and the Sultan's orthodox subjects after the treaty of Küçük Kaynarca (1774–1787)

Abstract:

The treaty signed on 10/21 July 1774 in Kuchuk-Kainarji forced the Ottoman empire to accept Russia's peace conditions that expanded its borders to the south and abolished the Turks' centuries long domination in the Black sea and their absolute control over the Turkish Straits. The treaty enabled offensive policy as a result of which St.Petersburg gained exceptional territorial and strategic positions. The main issues in the relations between the two empires connected with the situation of the sultan's Orthodox subjects in the interwar period included above all Russia's right to patronize the Orthodox Christians in the Ottoman Empire and the related amnesty for the participants in the Russo-Turkish war; fulfilment of the provisions enacting restoring of Orthodox churches, Russian support to higher Orthodox clerics as well as construction of a Russian church in *Pera*. The rights of the Turkish subjects to use Russian merchant flag and to migrate to Russia, still remaining within the sphere of trade relations between the two empires turned out to be a significant and hard to solve problem. The issues concerning St.Petersburg's policy towards the Danubian Principalities, Montenegro and the Adriatic were still important issues in the Russia-Turkey relations. Most issues in the bilateral relations were a follow-up to the relations during the 1760s and the war of 1768–1774. In the following years the new situation in the Black sea basin, the Turkish Straits opening to merchant vessels under the Russian flag, the Danubian Principalities gradually slipping from Constantinople's control and of course annexation of the Crimea by the Russian Empire would intensify the crisis in the Russia-Turkey relations and war would become inevitable. But also fatal for the Ottoman Empire.

Keywords:

Russia, Ottoman empire, Russian merchant flag, sultan's Orthodox subjects, Danubian Principalities.

LEONTYEVA A.A.

The Jewish population of Sofia in the 18th century according to the documents of the kadi's court

Abstract:

The Jewish were one of the most numerous ethnic groups among the urban population of the Ottoman Empire's Balkan provinces, and the Jewish community in Bulgaria is one of the oldest in Europe. In the Ottoman state, the co-existence of different religious representatives as determined by the *millet system*, which was adopted by the Ottoman Turks from other Muslim states and developed at the initial stage of the Empire's existence. It assumed a certain autonomy for religious communities. The Jewish community had its own religious court, *beit-din*, with the help of which civil cases were resolved. The Jewish Religious Court forbade representatives of the Jewish community from appealing to the Sharia courts on issues within its competence. However, if the parties to a legal dispute were a *zimmi* (i.e. non-Muslims) and a Muslim, then the dispute should have been unconditionally considered in a Sharia court with the application of the norms of Islamic law. An analysis of the kadi court's documents related to the cases of representatives of other confessions makes it possible to draw some conclusions about their occupations and the degree of integration into the urban society of Sofia. So, we can refute the thesis about the semi-autonomous existence of Jewish quarters in Balkan cities — we can talk about the erosion of the ethnic isolation of the places of residence of Jews in Sofia, and their active settlement, first of all, traditionally Christian quarters. An analysis of the source allows us to conclude that Jews actively interacted with representatives of other religions, participating in transactions for the sale of property with Muslims, while often it was not so much about the sale of residential buildings but about investing capital. A large number of shop sales deals testifies to the fact that members of the Jewish community had an active business life.

Keywords:

Bulgaria, Ottoman Empire, Jews, Sharia court, kadis.

PETRUNINA O.E.

Greek concepts of their own state at the end of the 18th — first third of the 19th century

Abstract:

The study discusses the concept of the future Greek state among the Greek intellectuals of the Enlightenment. Three directions can be distinguished in Greek socio-political thought of that time. Anyway, they thought about the prospects for the revival of Greek statehood. The article explores to what extent the ideas about the future independent state among representa-

tives of different directions were developed, the borders within which they saw it and the state's internal structure, as well as whether they had specific political programs.

Keywords:

Modern Greek Studies, Modern Greek Enlightenment, Modern Greek Statecraft, Rhigas Velestinlis, Adamantios Korais.

KUDRYAVTSEVA E.P.

**Activities of the Asian Department
of the Russian Ministry of Foreign Affairs
in coordination of the Russian Balkan policy
(first half of the 19th century)**

Abstract:

The study is devoted to the activities of the Asian Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs that served as a curator of the Russia-Balkans relations in the first half of the 19th century. The Asian Department (set up in 1819) was in charge of the diplomatic, economic, cultural and church relations of Russia with the countries of the «East», and, above all, with the Ottoman Empire. Relations with the Orthodox Balkan nations — Serbs, Bulgarians and Montenegrins — remained traditionally close. This department supervised the policies related to the Balkan region, developed instructions for Russian envoys in Constantinople and Athens, stored consular reports from all over the Balkan region, and, as a result, elaborated approach of the Russian government in relations with Turkey.

Keywords:

Balkans, Russian Foreign Ministry, Asian Department, Orthodox nations, foreign policy.

MELCHAKOVA K.V.

**An episode in the history of Herzegovina in 1833–1851.
Ali Pasha Rizvanbegovich: the experience of independent
governance of the region**

Abstract:

The essay deals with a notable 19th century Herzegovina figure — Ali Pasha Rizvanbegovich. Acting prudently and in cool blood, in 1833 he achieved the separation of Herzegovina from Bosnia and the establishment of his sole power in it. Ali Pasha intended to expand the autonomy of the region and pass it on to his children. He managed to maintain the status of a semi-independent ruler of Herzegovina until 1851.

Keywords:

Ali Pasha Rizvanbegovich, Mostar, Herzegovina, Ottoman Empire, I. Pamuchina, P. Chokorilo, Omer Pasha.

TSURKAN K.V.

The problem of unification of the Romanian principalities in 1859 in Romanian historiography

Abstract:

The study aims to describe one of the key and crucial events in the national history of modern Romania from the Romanian historiography's perspective. The author analyses the creation of a unitary state as a result of the unification of the Romanian Principalities of Moldova and Wallachia in 1859 under the leadership of Alexandru Ioan Cuza, who was elected as the ruler in each of those regions. This research provides valuable information on the issue of the Romania-Russia relations in the period of 1858–1862, when according to the Paris Convention of 7/19 August 1858 objective external conditions were created not only for the unification of the Romanian principalities, but also for the administrative reorganization and expansion of independence of the unitary Romanian state.

The unification of the Romanian principalities, which in foreign policy terms was accompanied by a clash of interests of major powers (the Austrian, Ottoman, Russian Empires, Great Britain, and France), took place in those specific conditions that were not suitable for Russia's positions in Southeastern Europe and the Balkans. Nevertheless, the historiography does not question the role of Russian foreign policy as a factor that contributed to the international recognition of the young Romanian state, as well as the significance of the diplomatic activities of the Russian consuls in Bucharest and Jassy. That is why the introduction of Russian diplomatic reports that reflect the attitude of Russian consuls to Prince Cuza's policy and their connection with the Romanian elite is still a crucial task for historiography.

Keywords:

Romanian principalities of Moldova and Wallachia, Union of Romanian principalities, Romanian historiography, Alexandru Ioan Cuza, international relations in Europe of the 1850s, the policy of the great powers and Romania, the policy of Russia in Southeastern Europe.

CHURKINA I.V.

Russian Pan-Slavists of the 1860s and 1870s

Abstract:

The essay examines the programs of the Pan-Slavists R.A. Fadeev and N.Ya. Danilevsky, that appeared in Russia in the late 1860s and early 1870s.

Their emergence was induced by programs of unification peoples into a single state or administrative unit on an ethnic basis that started to spread in Europe after the Revolutions of 1848–1849. In his book *Opinion on the Eastern question* (1870), General Fadeev argued that all Slavs should strive to create a Federation under the leadership of the Russian Tsar and with the leading role of the nobility. At the same time, each Slavic nation should have its own administration, and it should be headed by one of the representatives of the Romanov dynasty. Danilevsky, in his extensive work *Russia and Europe* (1871), called for the creation of a Slavic Federation in which every peasant would have their own allotment. He actively opposed the Eurocentric theories of European scholars who believed that the highest achievement of culture is the Romano-Germanic civilization. Both programs had similar postulates. Fadeev and Danilevsky were convinced that the main enemy of the Russian and other Slavic peoples is Romano-German Europe, primarily the German States. The Slavs will not be able to achieve reconciliation with those states, and the only salvation for them is to unite with Russia.

Keywords:

Revolution of 1848, Piedmont, Prussia, Russia, Eurocentrism, Pan-Slavism, R.A. Fadeev, N.Ya. Danilevsky.

FROLOVA M.M.

**Russian civil administration in Bulgaria
and the problem of Bulgarian refugees in the light
of the formation of Bulgarian statehood (1877–2/19/1878)**

Abstract:

The paper examines the activities of the Russian civil administration in Bulgaria and the bodies of the new administration made up of representatives of the Bulgarian people, and aimed at alleviating the plight of Bulgarian refugees during the Russo-Turkish war of 1877–1878. The research is based on published documents, letters and memoirs.

The study reveals the reasons for the flight of the Bulgarians fearing retribution of the Turks, who returned to Lovcha (now Lovech) and the Rose Valley after retreat of the Russian troops.

The author reveals what measures were taken by the Russian civil administration aimed at rendering assistance to refugees and their implementation by the officials of the Bulgarian administration.

Keywords:

Russo-Turkish war of 1877–1878, Russian civil administration in Bulgaria, Bulgarian refugees, Prince V.A. Cherkassky, A.A. Naryshkin, D. Tsankov.

DANCHENKO S.I.

On the question of the role of the «Russian factor» in the development of Serbian statehood (1878–1903)

Abstract:

The study based on an analysis of the documents from Russian archives examines the issues of Russia's policy towards Serbia and the role of the so-called Russian factor in the formation of Serbian statehood after the Congress of Berlin of 1878. During this period, Serbia began to move into the era of the Austrian-Hungary economic and political influence. With the growth of the pro-Austrian orientation of the Serbian ruling elite, Russia's influence was declining. However, in St. Petersburg a course on the «Serbian issue» was developed, which was consistently pursued in the last quarter of the 19th century, relying on the traditional Russophile sentiments of the Serbian people, with the support of the opposition forces to the Obrenović regime. The activities of Russian diplomats in Serbia were aimed at stabilizing political life in the country, progressive development of independent Serbia and strengthening of its sovereignty.

Keywords:

Russia, Serbia, Serbian statehood, Russia-Serbia relations, Alexander III, King Milan Obrenović, A.I. Persiani.

KIREEVA E.S.

Serbia's struggle for economic independence in the late 19th — early 20th centuries

Abstract:

The study is devoted to the question of economic independence of Serbia at the end of the 19th—the beginning of the 20th century. At the time Serbian economy and trade were deeply dependent on Austria-Hungary who was Serbia's main trade partner. Not able to export its goods through any other avenues Serbia strongly relied on Austria-Hungary not only as the main consumer of Serbian agricultural goods but also as a trade mediator between Serbia and the rest of Europe. At the same time such trade relations were discriminative towards Serbia as Austria-Hungary often used Serbia's dependent position to reach her own economic and political goals. The beginning of the 20th century was marked by Serbia's attempts to break away from these disadvantageous ties and to find new trade partners and markets for her products.

Keywords:

Serbia, Serbian economy at the end of the 19th — the beginning of the 20th century, Austria-Hungary, economic ties, the Balkans, trade, economic independence.

VISHNYAKOV YA. V.

Serbian statehood in 1903–1914. The myth of the «age of Pericles»

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the state development of Serbia in the early 19th century. It is shown that despite the myth prevailing in Serbian and Russian historiography about the progressive development of the country at the beginning of the 20th century and Serbia's adoption of European economic and political standards, the country was at a difficult stage of transformation of the structures of traditional society, which significantly affected its nationwide development, leading to serious systemic crises of power.

Keywords:

Nikola Pašić, Milan Obrenović, Alexander Obrenović, Peter Karađorđević, coup of 1903.

STRUNINA-BORODINA N. G.

Montenegrin ruling dynasty of Petrović-Njegoš and the formation of national statehood

Abstract:

The study traces the history of the Montenegrin lands during the reign of the Petrović-Njegoš family that lasted for more than two centuries, and also examines the main milestones in the formation of Montenegro's national statehood. Despite the constant external threat (mainly from the Ottoman Empire), self-identity of the Montenegrin people was not eliminated. Throughout the 19th century the formation of state institutions was taking place within the country; with constant help from the Russian Empire Montenegro received recognition of its independence following the results of the Russo-Turkish war of 1877–1878 and the status of a kingdom in 1910.

Keywords:

Petrović-Njegoš, Montenegro, state system, Russian Empire, dynastic marriages, Russia-Montenegro relations.

ISKENDEROV P. A.

External factor in the formation of Albanian statehood (1878–1914)

Abstract:

The essay is devoted to the history of the creation of the Albanian state in 1878–1914. The author pays particular attention to the role of the so-called

international factor. The research is based on the unpublished archive documents.

Keywords:

Russia, Balkans, Albania, Great Powers, international relations, inter-ethnic conflicts, conflictology, statehood.

GUSEV N.S.

**Features of the political process in Bulgaria
from the perspective of the Russian subjects
(late 19th — early 20th centuries)**

Abstract:

The paper examines the functioning of the Bulgarian political system in the first 40 years of its existence (1878–1918) according to the Russian eyewitnesses observations. Involvement of this type of sources as well as Bulgarian memoirs and scientific works allowed us to consider the real implementation of such components of the constitutional state as equality, freedom of speech, political competition, the electoral process and their perception by the Bulgarians themselves. The data used in the research enabled us to conclude that these components of the political system have been adapted to local realities, which largely changed the essence of the aforementioned concepts.

Keywords:

Bulgaria, democracy, freedom of speech, elections, political system, Russian eyewitnesses.

KHLEBNIKOVA V.B.

**The problem of studying
the Montenegrin legislation of the early 20th century:
normative and sociological approaches**

Abstract:

The author of the article considers the development of Montenegrin law in the 19th — early 20th centuries and tries to assess the results of the legislative activities of the Montenegrin authorities, that issued new regulations and carried out large-scale codification work on regular basis. From the point of view of the normative approach, widely used in legal science, these activities seemed quite successful; the laws that met urgent needs of the state's development were created within short periods of time. However according to the sociological approach, one has to admit that the significant part of Montenegrin legislation was just a formality and was hardly implemented in practice.

Keywords:

Principality of Montenegro, lawmaking, normative and sociological approaches to the study of law.

SOKOLOVSKAYA O.V.

**Senior Russian Foreign Ministry officials on Greece
in times of World War I of 1914–1917
(According to new materials from the Russian Ministry
for Foreign Affairs)**

Abstract:

The study is devoted to the main problems faced by Greece and the great powers during the First World War in the interpretation of senior officials of the Russian Foreign Ministry in 1914–1917.

Keywords:

Greece and Russia, Senior officials of the Russian Foreign Ministry, The First World War 1914–1918.

ELDAROV S.

**Why November 27th?
On the Story behind the treaty of neuilly 1919**

Abstract:

The Treaty of Neuilly imposed by the victors in the First World War on Bulgaria was signed on November 27, 1919. This date coincides with the military holiday of the Bulgarian army — the Victory Day, which commemorates the Bulgarian victories in the Serbo-Bulgarian War of 1885. At the end of the 19th and early 20th centuries, it was celebrated on November 15th according to the Julian calendar, which was then official for Bulgaria. After the country adopted the Gregorian calendar in 1916, the holiday was transferred to November 27th. During the First World War it was established as one of the grandest Bulgarian holidays and was marked with military parades, church services and civil celebrations, that took place across the country including the lands of Macedonia and Pomoravia. The research provides evidence that the signing the Treaty of Neuilly on the date when the Bulgarian military holiday was celebrated was not a coincidence, but a deliberate and sought-after exacerbation of Bulgarian national dignity in general and of Bulgarian military glory in particular.

Keywords:

Treaty of Neuilly, Serbia-Bulgaria relations, military holidays, memory wars.

BAEVA I.

At the service of the ideological enemy of one's country. Bulgarians collaborating with the Soviet intelligence during World War II

Abstract:

The research is dedicated to two Bulgarians of high social standing who became associates of the Soviet intelligence in the years of World War II. The author tries to answer the question why they made such a choice, despite the fact that on March 1, 1941, Bulgaria joined the Tripartite Pact and became an ally of Nazi Germany. In 1942 and 1943, both — gen. Vladimir Zaimov and Dr. Alexander Peev, were discovered, convicted, and executed, which makes the search for the reasons why they made this choice particularly important.

Keywords:

World War II, intelligence, patriotism, pro-Russian attitudes, intellectuals, geopolitical choices.

AGANSON O.I.

Towards Spheres of Influence and the End of the «Balkan Polyphony»: Southeast Europe in the Strategic Calculations of Great Britain at the Final Stage of World War II

Abstract:

The research analyzes Britain's approaches to the post-war arrangement of the political space of Southeastern Europe at the final stage of World War II. In an effort to maintain its status as a global power, Great Britain took an active part in developing the foundations of a new world order. British strategic planning paid special attention to the Balkan region, where British interests traditionally clashed with the Russian/Soviet ones. The author tries to trace the elements of continuity and variability in British policy in the Balkans. This will enable us to get a more nuanced understanding of the new balance of forces in the region, one of the main manifestations of which was the extinction of the «Balkan polyphony».

Keywords:

Great Britain, USSR, World War II, Balkan Federation, spheres of influence.

VOLOKITINA T.V.

**The economic development of Bulgaria
in the 1960s according to the Soviet diplomats
(based on the documents from the Foreign Policy Archive
of the Russian Federation)**

Abstract:

The paper examines the formation and implementation of Bulgaria's economic policy in the 1960s, which are believed to be the time of the formation of the regime of personal power of Todor Zhivkov. The materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation analysed by the author testify to the intensive work of the office of the economic adviser of the Embassy of the USSR as well as its complexity. It is stated that in fact Moscow received objective and diverse data on the economic policy of the Bulgarian state, reflecting its unique position — the intention of the national leadership to bring the country on the path of scientific and technological progress through economic acceleration and comprehensive rapprochement with the Soviet Union, that is consistent with the views of the Bulgarian government on national and state interests of the country.

Keywords:

Soviet-Bulgarian economic relations; the big «leap»; the unique position of the national leadership; the course towards a comprehensive rapprochement with the USSR; the idea of the «16th Republic»; national and state interests of Bulgaria.

KIMURA K., STYKALIN A.S.

**Yugoslav Socialism:
A View from Hungary (1956)**

Abstract:

The authors focus is on the Hungarian attitude to the Yugoslav experience of building socialism in the conditions of the socio-political upsurge that preceded the uprising of 1956. The authors consider the views on Tito's Yugoslavia and its policies of both the leaders of the ruling Hungarian Workers' Party and the internal party reformist-minded opposition

Keywords:

Hungary, Yugoslavia, countries of «people's democracy», the Soviet-Yugoslav conflict of 1948, I.V. Stalin, N.S. Khrushchev, Iosip Broz Tito, Mátyás Rákosi, Imre Nagy, Yu.V. Andropov, XX Congress of the CPSU, the Hungarian crisis of 1956.

DIMITROVA P.

Between «dual liberation» and occupation: Bulgarian society on the outcome of World War II

Abstract:

The research is devoted to the perception of the contemporary Bulgarian society of the «dual liberation» thesis, i.e. the assertion that Russia, after liberating Bulgaria from the Turkish rule in 1878, also liberated her from the German Nazis in 1944. The review of the historians' disputes and of the heated debates in public space is concentrated around the second liberation and is connected with the analysis of several issues. First, the declaration of war by the Soviet Union on Bulgaria, which led to the inclusion of Moscow in the peace talks of the Western forces with Sofia and the conclusion of armistice, according to which the Central Control Commission under the leadership of the Soviet High Command was established and the country was put under an occupation regime. Second, the cost for the Bulgarians to maintain Soviet occupation troops is also estimated. And finally, it is considered what fate of the Soviet army monuments built in different locations in Bulgaria during the period 1944–1989 should expect.

Keywords:

new interpretations of the World War II history; the myth of dual liberation; the Soviet occupation; the Armistice Agreement with Bulgaria, October 28, 1944; monuments of the Soviet Army.

MARCHEVA I.

Bulgarian-Soviet scientific cooperation in the second half of the 20th century as a form of «national diplomacy» (Following the example of historical science)

Abstract:

In the research scientific cooperation is seen as a form of «popular diplomacy» to the extent that it allows, although in a narrower sphere, to influence a more specific audience for the promotion of certain national and state positions. Following the example of the relations between Bulgarian and Soviet historians and linguists, mainly in the so-called Macedonian question the author outlines the mechanisms and conditions for the implementation of «popular diplomacy». The research was written on the basis of Bulgarian archive documents, as well as on contemporary Bulgarian and Russian studies on politics and historiography on the issues under consideration. Scientific cooperation between historians and linguists on both sides is considered in the light of the BCP and Bulgaria policy on the Macedonian issue of

1944–1989 and the background of the development of Bulgarian nationalism in the 1960s and 1980s. The subject of the study is the activity of the Center for Bulgarian Studies (1969–1994) and the Commission of Historians from Bulgaria and the USSR (1968–1990). It is concluded that through these forms of «popular diplomacy», supported by both the highest Bulgarian and Soviet state and political and higher scientific institutions, the Bulgarian position on the Macedonian issue is promoted, but at the cost of cessation of the studies on the history of Macedonia in the USSR.

Keywords:

popular diplomacy, Bulgarian-Soviet scientific cooperation, historical science, the Macedonian question.

GRIGOROVA D.

**'Russkiy mir':
Russian Identity as a Soft Power in the Balkans**

Abstract:

The research is focused on different civilizational vectors of the Russian popular doctrine 'Russkiy mir' (i.e. 'Russian world') and its impact on the Balkans. The author also pays attention to the Slavic ideological vector of Russia in the Balkans — Panslavism, the historiosophic vector of Russian Idea as European and Messianic at the same time, the spiritual identity of Russkiy Mir — the 'Holy Russia' and the religious identity of Russian Orthodox civilization.

The Great Return of Russia to the Black Sea region after the reunification with the Crimea (2014) and the transformation of the doctrine 'Russkiy Mir' from an "reintegration strategy" into a geopolitical reality. The Crimea is also the terminus-ante-quem of the chronological period of 'post-Soviet Russia' (1991–2014). The reunification with the Crimean marks the end of the post-Soviet period for Russia as well as rehabilitation of its great power status, lost after the collapse of the USSR.

The Belarusian and the Ukrainian points of view about the Russkiy mir concept are also identified by the term 'East Slavic Mir'. The Bulgarian Orthodox identity, based on the Church Slavonic or Bulgarian medieval languages — from the other side, is the spiritual historical link to Russkiy Mir.

It is almost impossible to render in English the difference in the spelling between the political idea of 'Russkiy Mir', which is spelled "Русский мир", and the church doctrine of 'Russkiy Mir', spelled "Русский мир". So, the 'i' the church doctrine will be highlighted and italicized 'i'.

Conceiving of 'Russkiy Mir' only as an ideology or as a geopolitical doctrine underestimates the spiritual vector of 'Russkiy Mir'. The spiritual reality is not abstract, but is a field of serious historical, cultural and geopolitical clashes. The annexation of a spiritual territory is more painful than any other territorial or material loss. The attempt on the part of the Ecumenical Patriarchate to violate canon law by assisting the Kiev authorities in favour of the schismatics (the Kiev Patriarchate) and against the Orthodox (the Ukra-

inian Orthodox Church of the Moskow Patriarchate) could lead to a split in Orthodoxy into the Slavic and the Greek ones.

Keywords:

Russkyi Mir, Russian identity, Russophobia, East Balkans, Novorossiya, reunification with the Crimea, Pan-Slavism, Slavic civilisation, Orthodox identity, Holy Rus.

KLIMENKO Z. V.

The role of the Albanian community in the restoration and development of the statehood of Montenegro at the beginning of the 21st century

Abstract:

The research is devoted to the Albanian community in Montenegro and its political organisations. Though small in size (and gradually deteriorizing) the Albanian community in Montenegro exercises large and maybe even major influence on the contemporary history of Montenegro. Its role became especially remarkable in the period when Montenegro obtained its full state sovereignty in 2006, as well as in the years that followed. The author explores positions of prominent Albanians politicians, mutual relations of the largest national political parties. Special attention is paid to the problem of the influence of neighbouring Albania and Kosovo on the development of inter-ethnic relations in Montenegro. Moreover it is stressed that under the influence of Albanian politicians Montenegro, became a member of NATO in 2017.

Keywords:

Albanians, Montenegro, national relations, political parties.

Сведения об авторах

Агансон Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Баева Искра — профессор, доктор, Софийский университет им. св. Климента Охридского (Болгария).

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО).

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

Григорова Дарина — профессор, доктор, Софийский университет им. св. Климента Охридского (Болгария).

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

Димитрова Петя — доцент, доктор, Институт исторических исследований, Болгарская академия наук (София, Болгария).

Елдаров Светлозар — профессор, доктор, Институт балканистики с центром фракологии, Болгарская академия наук (София, Болгария).

Искендеров Петр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Каори Кимура — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

Киреева Екатерина Сергеевна — старший преподаватель Кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Московский государственный лингвистический университет.

Клименко Зоя Валентиновна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва.

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Леонтьева Анна Андреевна — младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Марчева (Атанасова) Илияна — профессор, доктор, Институт исторических исследований Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Соколовская Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Стоилова Тамара — профессор, доктор, Институт исторических исследований – БАН (София, Болгария).

Струнина-Бородина Наталия Григорьевна — младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Цуркан Кристина Витальевна — аспирант исторического факультета, Университет им. Александра Иоана Кузы (Румыния, Яссы).

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ:
проблемы государственности на Балканах
(конец XVIII–XXI вв.)

Коллективная монография

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 27.10.2020)*

Ответственный редактор

С. И. Данченко

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 14.12.2020. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 30,56.
Объем 32,88 печ. л.

Заказ № 74.

Тираж 500 экз.